

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07920030 3

1000

ВНУТРЕННЯЯ

ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

Она была
первою
эмансипациею

Лодзь
Вильна
и др.

И РЕЧЕ
ОЛЕГА
КИЕВЪ
СЕ БУДЪ

МАТИ
СЪДРАЖЕ
РУССКИХЪ

ВИЛЬНА

1867.

ВНУТРЕННЯЯ ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

Вильна
1867.

и рече Олга Кієва се буди мати сьдана руськома

ИСТОРИЯ

НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЯ
НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

ВМЕСТЕ

1865

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССИИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V—1867.

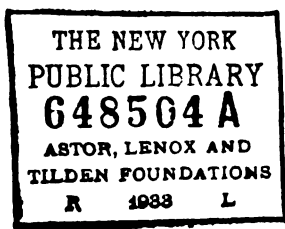
КНИЖКА X.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1867.

Доволено Ценурою 11 Января 1868 года. Вильна.

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY

I.

№ 1.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРА- ВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Жалованная подтвердительная грамота великаго князя Свидригайла Ольгердовича церкви св. Іоанна въ Городкѣ, въ Галиціи. 1403 г.

Милостию Божью мы великій князь Швидрикайло Ольгердовичъ, чинимъ симъ нашимъ листомъ каждому доброму знаменито, нинешнимъ и потомъ будущимъ, хто коли на сесь нашъ листь усмотритъ или услышитъ чьтучи его, кому коли будетъ его потъребизна: ижъ потъвердили брата нашего есмо данье короля Владислава святому Івану церкви и попу Ваську Ивановскому: дали есмо и записали землю црковную и ланъ вольный а сѣножать у Гачищехъ, отъ тое сѣножати земля уся по ланы а погостинець по Вешеньскый по старый а по болото а по криницю, у Солотвинахъ земля и сѣножать отъ колодязя по увозищѣ по Добрянскый путь а по криницю подъ увозищемъ, отъ Лисей гори по болото, а за болотомъ сѣножать подъ Лисичымъ гаемъ; — записали есмо у верху писаную тую землю и сѣножать и ланъ святому Івану и попу Ваську вѣчно, непорушно у вѣки, поколѣ панъ Сенько Сеновскый, панъ Ильвскый, тую землю разѣхалъ, а панъ Казаринъ Резановичъ а Бѣлжкъ. А ненадобѣ в тую землю никому уступатися, а

ни съ лану чиньшу никому давати; а по Васьковѣ животѣ хто попомъ у святого Ивана будеть, тотъ потомужъ имаетъ святого Ивана землю дерьжати. А при томъ свидоци были: князь Иванъ Чорторыйскый, князь Михайло Костяньтиновичъ Ольшаницькый, панъ Ванько Добьрянскый, панъ Пѣшко, маршалко великого князя, воевода Городецькый Бердоховскый. А на потьвержене сему нашему листу печать нашу велѣли есмо привѣсити. Данъ у Городку, подъ лѣты рождества Христова тысяча лѣтъ, 400 лѣтъ трѣтего лѣта, генваря 1 дня, индикта 3.

Подлиннакъ на пергаминахъ, писанъ полу-уставомъ, десть знаковъ препинанія; внизу въ прорѣзѣхъ кусокъ шелкового малиноваго шнурка; печать оторвана. На оборотѣ помяты: Popelowszczyzna w Grodku. Communicatum vidi die 23-a 8-br 79₀ a₀. Dolinianski m. p. и нѣсколко архивныхъ нумеровъ. Хранится при приходской греко-унитской церкви въ мѣстечкѣ Городкъ близъ Львова; доставленъ списокъ отъ Я. Ѡ. Головацкаго.

2.

Духовное завѣщаніе (духовница) Матоея, іерея Юрьевской Русской церкви въ Вильнѣ. 1522 г.

Во имя Отца и Сына и Светого Духа Светыя Живоначальныя Троица. Аминь.

Я многогрѣшный рабъ Божій ерей Матоей, служитель церкви светого славного Великомученика Георгія, пишу сію мою духовницу своимъ цѣлымъ разумомъ и полною памятію, будучи немоцонъ на Божей воли. А втой моей духовницы опишу на первѣй, гдѣ што маеть дано быти на светые перкви по моемъ животѣ, тежъ што ми на комъ взяти. На первѣй маеть дана быти по моемъ животѣ къ церкви соборной Пречистое Богоматери шуба

моя кунья, кухтеремъ крыта и зъ уставкою собольею, на готовый сорокоустъ, а къ Светой Троици на годовый же сорокоустъ конь мой вороный въ сѣдлѣ и въ настильцѣ. А къ Светому Юрью на память по души моей и по души жены моее и всего роду моего даю сто золотыхъ въ золотѣ. Мають тын золотын быти церкви Божьей: если бы ся што сказало въ церкви, або была бы которая потребизная речъ къ той светой церкви, то мають тыми золотыми справовати. А што маю серебрица, ковпичковъ, розтуханцовъ, ложочокъ, всего того важить пулторынацать гривны и чотыри золотники, то все отписую и даю въ церкви Светого Георгія на церковныи потрсы, што будетъ коли потреба вказывати, на Евангеліе, або на сосуды; а книгу мою Правила Светыхъ Отець даю въ церковь соборную Пречистое Богоматере на память мнѣ и родителемъ моимъ, а дншихъ книжокъ моихъ 10, малыхъ и великихъ; вси тые даю въ церковь Светого Георгія, и вси тын книги выимянованы суть въ требнику моемъ, што зъ Крестомъ, который же далъ есми посполу зъ тыми книгами, а Службникъ мой въ поддестъ, што отласомъ крыть, то даю въ церковь Пречистое Богоматере въ городъ. А на окрестныи церкви у Виленскомъ мѣстѣ на вси на чотыредесятны и сорокоусты по копѣ грошей, а дьякономъ по 20 грошей. А къ Бряславлю къ Свѣтому Николѣ, гдѣ отецъ мой лежитъ, даю въ тую церковь Евангеліе толковое въ дестъ на память по моей души и по моихъ родителехъ, а двѣ копѣ грошей на сорокоустъ къ той же церкви, а святость: образъ Светого Николы, маеть поставлена быти надъ гробомъ отца моего. А бью чоломъ господарю моему Преосвященному Архіепископу Кирь Іосифу (1), Митрополиту

(1) Изъ этого гокумента явствуетъ между прочимъ, что Іосифъ Солтанъ жилъ еще въ 1522 г., между тѣмъ, по мнѣнію М. Евгения, въ описаніи Кіев. Соф. Собора, онъ скончался въ 1517 году.

Кіевскому и Галицкому и всея Руси, абы его милость мене грешного (простилъ) и разрѣшилъ, а отъ того его милости чоломбитья 10 золотыхъ въ золотѣ; тыи золотыи его милости маеть дати отецъ мой духовный ерей Яковъ (Перенесенскій (1)). А отцу моему духовному Перенесенскому Якову на годовый сорокоустъ шуба моя бѣлиная хрептовая зъ колнеремъ новосправлена, (каф)танъ китайки гвоздиковое ново жъ справленъ, а еще къ тому двѣ книжцѣ мои: одна, што небожчикъ Игнатъ дяконъ писалъ, будучи архимандритъ въ Лаврашовомъ монастыри, а другая книжка юталью крыта, што мнѣ дана по Малаху уставнику, а скуфья чорного оксамиту, брюшки лисьи подбита; а къ тому еще чотыры золотыхъ въ золотѣ, одинъ вже въ него, а три маеть взяти. Брату моему Феодору у Бряславли одписываю шубу мою лисью брюшковую зъ колнеремъ, сукномъ кунскимъ сѣрымъ крыта, а къ тому коверъ мой лѣпшій. А шапка моя большав бѣлиная зъ наушк(ами), (ск)уфья оксамитная лѣгняя Вскресенскому попу Феодору выбойная книга Царства а Крестъ серебромъ окованъ..... а Ивану шуба моя лисья ножчатая.... крыта а Крестъ серебромъ окованъ; а женѣ его, брятаннѣ моей..... што ми дала въ копѣ грошей по матцѣ своей,.... Бойшевича жена зъ братомъ своимъ Андрейцемъ „если они оддатутъ копу грошей“... (друг)ую копу грошей у нихъ взяти, а Крестъ имъ оддати; а не усхотятъ ли копы грошей оддати, и она маеть Крестъ въ себе держати, а къ тому еще (ков)еръ мой, што у свѣтлицы на стенѣ забить, а три ложки..... серебра; еще жъ Ивану попу Михайловскому книга моя въ поддестъ Монахан(онъ), Никольскому попу Меодію въ Троцѣхъ копа грошей на сорокоустъ. А попу Юревскому, которому ся церковь по моемъ животѣ достанеть,

(1) Перенесенскій—значить священникъ при церкви перенесенія мощей св. Николая, такъ названный въ отличіе отъ другого Никольскаго священника, называемаго прямо Никольскимъ. Ред.

тому даю.... кгрошей на сорокоустъ по моей души, а дру-
гую двѣ копѣ грошей мають томужъ попу дати, шtbody
сорокоуста доправилъ по Гаврилѣ небожчику Максиме-
вичу еще чего я не дослужилъ. Петровскому попу Ан-
дрею копа грошей, кромѣ сорокоуста, а женѣ его Мартинѣ
ложка серебряная... черленыи. Свѣсти моей Домнѣ Въ-
скресенского тещи ложка сарбренная а 20 грошей, дру-
гой свѣсти моей Маринѣ ложка серебряная..., ку тому
еще 40 грошей, Юрьевской попады Мяделской Любцѣ
копа грошей, а сыну ее Иванчику што въ мене есть тому
копѣ мой поло(выи).... тотъ часъ приказываю Воскресе-
скому. Глѣбка архимандритова племенника женѣ Маси
копа грошей на кожухъ, ино къ тому еще мають сукна
на сукню прикунивши дати. Богданѣ Ханевой, Смурк-
гонского попа тещи, сукна кампорского полшеста локтя
мають дати. Лукьяну дьякону Спаского зятю чомлатъ мой
синій зъ колнереми одамашки бурнатное. Макарью попу
старому сукня моя черная абры... лѣпшій и зъ шиуромъ
золотымъ, а дьяку моему Андрейцу кафтанъ тачты зеленое
а копа грошей, да Часословчикъ въ четвертинку, а ру-
чница болшая, а сабля, которую усхочеть, а сткринки
двѣ, косая зъ бѣлымъ желѣзомъ, а высокая черная а
другому дьяку Гаврилцу кожухъ мой кроликовый, сѣрымъ
сукномъ прикрыть, а ручница а сабля. А трофиму вбо-
гому сукня кампорская а кожухъ бараний, а Карпецѣ
десять грошей. А што Федко Котельникъ вмираючи от-
казалъ тридцать копѣ грошей лядскихъ полугрошковъ на
звонъ къ светому Юрью, ино тыхъ грошей въ жены его
вашли толко 13 копѣ гроши и полтретьянадцата гроша
Илья Оношниковъ а Иванъ мыльникъ, они тежъ посполу
и мнѣ тые лѣнези дали и я тыми грошми у Фомы Бо-
чарича на его просьбу вымѣнилъ девятнадцать золотыхъ
черленыхъ; бо ему была потреба лядскихъ полугрошовъ.
Ино тые золотыи маеть отецъ мой духовный тогда

дяти, коли усхотятъ звонъ купити, а тыхъ же лядскихъ полугрошовъ позычилъ есми Радку, Спаского шурина, 20 грошей безъ полугроша; а што ся ихъ въ менс еще остало, то тые велми зды; никто ихъ не беретъ. А Хожовскій попь Федко виненъ ми за сукно лунское бурнатное двѣ копѣ грошей и шесть грошей, переводилъ ми много, ино тыи гроши маеть на немъ справити отецъ мой духовный Перенесенскій Яковъ и маеть ихъ приложити къ тымъ пѣняземъ, што на пкмять по души моеи. А Пашко пономарь позычилъ въ мене три копы грошей, и онъ вмираючи одписалъ тые пѣнезы на дворѣ своемъ. А шубу мою лисью завыйчотую на голо, тежъ лисью ножчатую подъ гарусомъ чорнымъ а кроликовую на голо жь, тые три шубы и съ колнерми, тежъ што ся дотычетъ мосго домового статку, цину и мѣди и иншихъ всякихъ домовыхъ речей, тежъ и хоромы тыи, гдѣ я самъ жилъ, штомъ справовалъ за мои власныи пѣнязи, то все маеть отецъ мой духовникъ Перенесенскій Яковъ посполу съ тыми опекалники, который при его милости помочни ему быти мають, тыи шубы и цинъ и иныи мои вси домовые статки, тежъ хоромы, всѣ то попродади, а тыми пѣнязми по моеи души поминати, столы справовати и вбожство кормити водлѣ обычая хрестыанского.....поминавши по моеи души вси поминки какъ.... што ся еще останеть тыхъ пѣнязій, тогда отецъ мой духовный... тотъ останокъ пѣнязей мають привлацати къ тымъ золотымъ и къ серебру..... отписалъ ку Божественной церкви Светого Великомученика Георгія; тежъ еще къ тымъ золотымъ и къ серебру мають приложони быти пугвици мои серебряныи позолоченыи, што на кафтанѣ тафты зеленое были; и то также ку потребѣ церковной. А што есми въ сей моеи духовници отписалъ ку Божественной церкви светого Георгія, то все маеть подъ свѣдомомъ быти нановъ бурмистровъ ихъ милости братства Пре-

чистое Богоматере. Тежъ што есми которые дѣла и рѣчи росписалъ въ сей моей духовниці, што маеть на светые держви, тежъ гдѣ колвекъ кому раздано быти по моемъ животѣ, то все есми полецалъ въ моцъ и у опеканье отцу моему духовному Перенесенскому ерею Якову; просилъ есми его милости, штобы то было справлено подлугъ того, какъ есть росписано. Тежъ еще есми просилъ приятелей своихъ: Въскресенского ерея Ѳсдора, а Михайловского ерея Ивана, а Лукьяна дьякона Спаского зятя а дьяка моего Андрейка, штобы иль милость рачили попечаловатися по моемъ животѣ, отцу моему духовному помочни быти въ всякихъ дѣлехъ, посполу тѣло мое бы слушне поховали, а статокъ мой весь какъ стоячій, такъ лежачій и, хоромы бы нехай бы продавши, по моей души поминали слушнымъ обычаемъ; а про то есми ихъ милости просилъ и въ моцъ опеканья ихъ милости все то даль, абы тотъ статокъ мой марнс, розно не пошолъ. А къ тому моему статку, што есми написалъ въ сей моей духовниці, не маеть нихто уступатися а ни рушити, ни братъ мой родный, а ни иншій хто отъ прироженныхъ моихъ не маеть нихто въ томъ части; бо есми не мѣлъ ничего зъ дому отца моего; еще есми малъ почалъ служити и служилъ есми до узрелого молодца, ино милосѣрдый Богъ не оттавилъ былъ мене, што ми Его светая милость даль, то есми мѣлъ. Про тожъ прироженни мои не мають ни которого дѣла до того моего статку. А хто бы мѣлъ сюю мою духовницу по моемъ животѣ рушити тотъ розсудится со мною предъ милостивымъ Богомъ на страшномъ судѣ. А при сей моей духовниці были добрые люди и того добре звѣдоми: настоятель монастыря Светыя Троица архимандритъ Тихонъ а панове бурмистрове мѣста Виленского: панъ Алексій Грицовичъ, а панъ Харитонъ Хапутитъ, а панъ Ермола Слововичъ а рядца мѣста Виленского панъ Сенко Андреевичъ. И про-

силъ есми его милость архимандрита Тихона и тѣхъ пререченыхъ пановъ, штобы ихъ милость для лѣпшого свѣдѣцтва и твердости и печати свои приложили къ сей моей духовниці, и ихъ милость то на мою прозбу вчинили, печати свои приложили, а прѣ ихъ милости печатехъ не свою есми печать приложилъ къ сей моей духовниці. Писанъ у Вильни въ лѣто 7030, Мая 9 день, индиктъ 10, отъ Нарожснѣя Христова 1522.

Писанъ на бумажномъ листѣ долъшаго (въ дюймѣ длины и ширины) формата и на полулистѣ такого же формата по ширинѣ. Водяной знакъ—раскрытая рука. Въ низу шесть печатей оттиснутыхъ на бумагѣ, между которыми сохранилась печать самаго завѣщателя, на которой можно разобрать въ серединѣ славянскою вязью: Юрѣй, а по краямъ слова: печать ерел Матвѣя. Подпись греческими буквами: писаль дѣякъ Ифрапосъ (?). Весьма ветхъ.

3.

Королевская грамота Виленскииъ иѣщананъ на построе-
ніе Росской церкви въ Вильнѣ. 1532 г.

Жикгимонтъ Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Пруссскій, Жомойтскій, Мазовецкій и иныхъ.

Били намъ челомъ бурмистри и радцы мѣста нашего Виленского закону греческого о томъ: который церкви Божии стоять у Вильни а цвинтари при нихъ суть малыхъ людей мертвыхъ ховати не мають гдѣ и часу повѣтрея, которое было зъ Божого допущенья поховати людей мертвыхъ о колкосъ сотъ на передмѣстѣи на Юрьевой Росѣ. И просили насъ абыхмо дозволили имъ тамъ на передмѣстѣи церковь Божью русскую збудовати ку хвалѣ Бо-

жой и для хованья мертвыхъ людей. Ино мы для тыхъ причинъ ку хвалѣ Божей дозволили есмо церковь Божью за мѣстомъ на Юрьевой Росѣ поставити. И при томъ тежъ церкви мѣсто есмо имъ дали, гдѣбы мѣли попа зъ домогъ мѣти. И на то даемъ имъ сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Краковѣ подъ лѣто Божего Нароженья 1500 тридцать вторый мѣсеца Ноября 18 день, индиктъ шостый.

Подпись: Горностаѣ подскарбій земскій маршалокъ и писарь,

Писанъ на листъ. Внизу тисненая печать.

4.

Копія духовнаго завѣщанія Ивана Андреевича Солтана. 1554 г.

Во имя Отца и Сына и Светого Духа и Светое живона-
чальное Троицы аминь. Я рабъ Бжій Иванъ Андеевичъ,
подскарбій дворный короля его милости, державца Ви-
ленскій пишу сію мою духовницу цѣлымъ зуполнымъ
розумомъ за живота своего еще зъ памѣтью доброю, ни
китъ не намовенъ а ни принушенъ, одно доброю волею
своею, паметаючи на часъ смерти, абы за доброе а зу-
вольное памети и живота своего и по своей души память
вчинилъ, а имѣнья мои и всю свою маетность слушне
росправившы и росписавшы по собѣ зоставилъ што ма-
еть по души моей дано до церкви Божое и тежъ жонѣ
моей, кровнымъ моимъ и слугамъ росписано и роздано
по моему животѣ быти маеть. На первѣй полецаю мнѣ-
лому Богу и пречистой Его Матерѣ и вамъ снятымъ
душу мою а по смерти моей тѣло мое въ церкви Пре-
чистое Богородицы Соборное въ мѣстѣ Виленскомъ въ
кылицы нашей Благовѣщенью Пречистое Богородицы
воховано быти маеть. А о души моей жона моя и кре-

вныя мои печалюватися и память чинити мають. А што по души моей запишу на церкви Божіи въ мѣстѣ Виленскомъ и въ мѣстѣ Троцкомъ и въ мѣстѣ Городенскомъ и въ мѣстѣ Новгородскомъ и господину митрополиту, ту тежъ слугамъ моимъ, которые мнѣ служили, што кому маеть дано быти, то все меновите на реестръ написавши, жонѣ моей Богданѣ далъ, а она маеть водлугъ того реестру всимъ тытъ роздать, што на томъ реестрѣ описано есть. Тежъ запишу въ имѣнью моемъ Попортяхъ на храмъ Светого Николы службу людей зупольную купли свое, въ селѣ Кгимотынехъ на име Будра, Яцка а Войтка и зъ братаничъ ихъ Богдановичовъ; мають тые люде на храмъ Светого Николы священнику Попорскому теперешнему и потомкомъ его служити на вѣчные часы такъ, яко мнѣ служили, а жона моя ани по животѣ жоны моей кровные мои тое службы людей отъ храму Светого Николы отыймать и ни чимъ се уступовать у него не мають. Ктому штомъ закупилъ въ мѣстѣ Виленскомъ домъ за полтредцать копъ грошей у небожика священника Воекресенского Стефана, тотъ домъ запишу на церковь Светого Ивана у мѣстѣ Виленсковъ; который священникъ въ дому мѣшкати будеть, маеть по моей души и жоны моее и родителей нашихъ на вѣчные часы память чинити. Который монастырь Рожество Светое Пречистое зъ давныхъ часовъ отъ предковъ своихъ въ овецѣ и въ поданью своемъ жѣлъ, тотъ мой монастырь запишу и даю въ опѣку и въ поданье и въ оборону братаничу моему пану Ивану Александровичу, къ тому тежъ запишу дворъ мой въ мѣстѣ Виленскомъ противъ светого Яна подлѣ дворя князя Константинова братаничу моему пану Ивану Александровичу Солтану и сыну его а внуку моему Дмитру на вѣчные часы, нижали съ того двора отъ ремесниковъ въ каждый годъ до церкви светое Пречистое соборное у Виани и къ каплицы нашей благоушченя

по осми копь грошей давати маеть. А естли бы брата-ничъ мой панъ Иванъ тотъ дворъ зоставилъ, або про-далъ, будь латинского, albo грецкого закону, тагда тотъ кто закупить, хотя бы въ листъ продажномъ albo застав-номъ не описано было, продъ и съ того дворя тотъ каж-дого году къ той соборной церкви по семи копь грошей на вѣчные часы давати маеть. Тежъ записую жонѣ моеѣ Богданѣ Федоровнѣ, кнежнѣ Четвертинской до живота ее имѣнье мое отчизное Попорти съ пашнею дворною а дворъ Микитыны зъ другою пашнею дворною и зъ людьми тяглыми и ихъ землями и дякы и ставы и зъ млыны, яко ширей есми на листъ ее описалъ, который на то жонѣ моеѣ есми далъ: челядь неволная, которая въ тыхъ дво-рахъ есть, маеть жонѣ моеѣ до живота служити а по ее животѣ маеть вся на волю выпуцона быти. Тежъ запи-сую имѣнье мое отчизное Почепово въ Еввѣ съ пашнями дворными зъ бояры, зъ мѣсты и людьми тяглыми и зъ ихъ землями, зъ данью грошовою и медовою и зъ дякы и зъ ставы и зъ ставицы и зъ млыны, ни чого не выйму-ючи яко самъ держалъ. Къ тому жъ двору моему къ Поченову и къ Вевю записую люди мои отчизные и ку-пленные данники Судиловичы и Дѣдковичы и Матеевичы и зъ ихъ землями и данми грошовыми и медовыми и зо всеми полатки ихъ, ничего не выймуючи, одно такъ, якъ я самъ держалъ. Тые всѣ именья, вышей мененые: Почеповъ, Вевъ и данники записую по животѣ моемъ кривнымъ моимъ, то есть двумъ сестрычнамъ моимъ рожонымъ пани Настасѣ, а пави Ганнѣ Ивановнамъ и ихъ дѣтемъ а потомкомъ, а сыномъ сестренцовъ моихъ рожоныхъ: Дмитру Семеновичу и его братаничамъ, дѣ-темъ Васильевымъ а Тихну Махайловичу: тые имѣнья они промежы собою на чотыри части въ ровный дѣлъ роздѣлти мають. А што есть челяди неволное въ тыхъ всѣхъ дворахъ моихъ въ Поченовѣ и въ Еввю, тую всю

челядь невольную по моему животу на волю выпускаю, а кривые мои в них ни чимъ се вступовать и ихъ въ неволю вернуть не маюти. Особены зъ ласки моеи записую сыну сестрыща моего роженного Дмитру Совѣ дворець мой въ поветѣ Новгородскомъ на имя Бретенку, который еси купилъ на вѣчность у небощика пана Яна Ильинича за волко десять конь зъ быдломъ и дворною Погинею и зъ людьми и зъ ихъ землями и зъ ставы и зъ млыны и къ тому три пустовщыжны, которымъ менѣ зять мой небощикъ нанѣ Кмига Стретовичъ даровалъ, што ширей есть на листѣ описано, который еси ему на то особливе далъ. А съ того дворца моего Дмитры къ монастыру моему въ Новгородку Светое Троицы съ навши дворное десятину давати маеть зъ жыта и зъ ярынь кромѣ овса; а игумень Троецкій и потомки его за то по моеи души и жоны моеи память чынити маюти. Тежъ другому внуку моему Ивану Семеновичу записую зъ ласки моеи дворець мой Корнсть, который еси купилъ на вѣчность у небощика Аванаса Велевича зъ дворною напшею и зъ людьми и зъ ихъ землею и ставы, зъ млыны и съ тыми трема нустовщызнами, што еси на господарѣ королѣ его милости выелужилъ, што ширей есть на листѣ описано, который еси особливе на то далъ. То жъ што еси былъ закупилъ у небощика брата моего пана Богуна Юрьевича имѣнье его Почеповское люди у полтораста копахъ грошей, ино я зъ ласки своеи братаничомъ менѣ Ивану а Грыгорью Богушевичомъ тыхъ пенезей ебонимъ имъ сноде не отпускаю и дарую сто конь грошей; а особливе брату Ивану Грыгорью зъ ласки моеи за его службы на тыхъ же людехъ пятьдесятъ конь грошей записую, маеть братъ его старшій Иванъ ему туо пятьдесятъ конь грошей заплатити и листы отъ отца ихъ закупныи имъ еси поворочалъ, на которомъ ставищу зъ волею малжонки, нжъ занялъ еси ставъ своимъ на-

кладомъ, который есть подъ боярыномъ моимъ Андреемъ Оношквичомъ; тотъ ставъ имъ отдаю и накладомъ моимъ ихъ дарую а особливе человекъ, который небощыка пана Богуша отца ихъ на име Норко Азбутовичъ служба зуполная у мене въ заставѣ у десети коняхъ грошей была, тою службою людей матку ихъ пани Авдотью Федоровну Колонтаевну дарую. Тежъ што есми купилъ у боярына господарского повету Троицкого Лаврына Шолтоноса и въ его дѣтей на вѣчность земли въ Нярутионехъ, которая есть въ обрубѣ зъ селы зъ стюжатми, тую землю зъ ласки своее даю и записую за службу слузѣ моему Павлу Микитичу Госкому: маеть онъ тую землю держать на вѣчные часы и зъ тое земле до живота жонѣ моей маеть служыти, на што тежъ есми ему листъ подъ моею печатью далъ, въ которомъ достаточне описано. А рѣчей рухомыхъ шать моихъ: шуба куньи одомашки сѣрое съ пугвицами серебряными позлотистыми сестрычнѣ моей пани Настазей, другой сестрычнѣ моей пани Ганнѣ шуба бѣлilная отласу черного съ пугвицами серебряными позлотистыми, шуба бѣлilная одомашки черленое съ пугвицами серебряными позлотистыми упуку моему Дмитру Семеновичу, шуба бѣлilная одомашки бурнатное съ пугвицами серебряными позлотистыми унуку моему нану Тихну Михайловичу Совѣ, шуба горностаевая одомашки черное съ пугвицами серебряными позлотистыми жонѣ моей Богданѣ Федоровнѣ. И тую остаточную мою волю всю на ссмѣ testamentѣ моемъ описалъ; гдѣжъ есми самъ тую волю мою устне его милости пану воеводѣ Новгородскому маршалку дворному подскарбему земскому старостѣ Слонимскому, пану Ивану Горностаю объявилъ и просилъ есми егожъ милости пана воеводи Новгородского а маршалка и писара короля его милости державцы Мѣдницкого и Могилевского пана Остасея Волонича братанича моего, о приложенѣхъ печатей и ихъ

милость на мою прозбу и печати свои къ сему моему тестаменту приложили. А на твердость лѣпшую и свѣдомье сего моего тестаменту я самъ печать свою приложилъ и духовникъ мой священникъ Козмодемьянскій Стефанъ при той остаточной моей воли и при справѣ сего моего тестаменту былъ. Писанъ у Вилни подъ лѣто Божого Нароженья тѣсеча пятьсотъ пятьдесятъ чдвертого мѣсяца Августа 24 день иидиктъ 12.

*Писанъ скорописью 17 вѣка на бумажномъ листѣ.
Ветхъ.*

5.

Занисъ монаха Кіевонечерскаго монастыря Ивана Богуша Гулькевича, которую онъ отказался отъ наслѣдственныхъ правъ своихъ на Флоровскій монастырь въ пользу игуменьи Агаѳи Гуменицкой и инокинь, съ условіемъ, чтобъ онъ на всегда принадлежалъ къ православной церкви 1632 г.

Я Іоаннъ Богушъ Гулькевичъ Глѣбовскій, законникъ предъ симъ монастыря Печерскаго, а теперъ монастыря Слуцкого будущій, здоровый на тѣлѣ и умыслѣ, въ бытность и за позволеніемъ ясне въ Бозѣ превелебнаго его милости отца Петра Могилы, архіепископа митрополита кіевскаго, Галицкаго и всея Росіи, архимандрита монастыря Печерскаго Кіевскаго, чиню явно и сознаю тимъ моимъ листомъ добровольнымъ, вѣчистой даровизны записомъ у каждого права суду, уряду и на каждомъ мѣсцу, нынѣшняго и напотомъ будущаго вѣку людемъ, ижъ я зъ доброй воли моеи, ни отъ кого на то намовленный, ани примушенный не будучи, маючи вольность добрами своими, ведлугъ права посполитого, яко хотячи шафовати и диспонувати; заживаючи въ томъ вольности моеи шляхетской, добро мое, то есть: игрунты, въ мѣстѣ его король. милости Кіевъ будучіе, въ певномъ положенію и ограниченію лежаціе, на ко-

торыхъ за предковъ моихъ урожонныхъ Янова дѣда а
 Богуша отца, — съ почотку дѣдами року Божого ти-
 сяча пять сотъ шестьдесятъ шостого, мѣсяца мая сем-
 надцатого дня, церковь зъ монастыромъ заложеня свя-
 тыхъ Богу угодныхъ мучениковъ Флора и Лавра Zalo-
 жены и привилеями хвалебной и святоблнвомъ памяти
 ваяснѣйшихъ пановъ королей ихъ милостей, а особливо
 Жигмунта Августа конфирмованы и подтверждены, ко-
 торыхъ церкви зъ монастыромъ и всѣхъ до ихъ при-
 надлежащихъ пожитковъ предкове мои, отправуючи по
 всѣ часы хвалу Божую, въ спокойной и не превратной
 посесіи зоставали, и за посесіи моеи хвала Божія непре-
 станно отправодалася и отправуется. Въ которой церкви
 и монастыру яко передъ тымъ законницы побожніи
 стану бѣлогловского и паненского мѣшкали, такъ теперъ
 тіе жъ законницы и игуменія, урожоная панни Агаоія
 Гуменицкая игуменією зоставши, тую церковь зъ мо-
 настыромъ реставровала и во всѣ достатки и обряды
 церковныя приоздобила. Теды я Іоаннь Богушь Гу-
 левичъ, бачачи таковій пристойный и Пану Богу улю-
 бленный и посвящонный порядокъ, надъ все хвалу Бо-
 жію умиловавши, хотя и передъ тымъ будучій закон-
 никомъ монастыря Печерского, однакъ имъ для пыльных
 и важныхъ справъ духовныхъ отосланный до монастыря
 Слуцкого, абы ся на томъ мѣсцу хвала Божія ширила
 и множила, поневажъ и самъ я жъ при томъ мѣсцу
 зоставити не могу, тіе помененные кгрунты при той
 церкви и монастырю будучія, съ пляцами прикуплен-
 ными куничниками и зо всѣми згола пожитками и при-
 належностями, ничого на себе самого и на сукцессоровъ
 моихъ не зоставуючи, помененой велебной госпожѣ ино-
 кинѣ панни Агаоіи Гуменицкой игуменіи, ей самой и
 по ней наступающей игуменіи и въ нихъ законницамъ
 теперешнимъ и напотомъ будучимъ, хотячи далѣй абы

яко найвѣдцѣй хвала Божія множилася, даю, дарую и часы вѣчными а нигды не отзовными, а ниже назадъ не поворочаючими записую, вливаю и цилую, права, привилея, посессію и вшелякин диспозицім до рукъ ихъ милости отдавшн, самъ ся тихъ кгрунтовъ, церкви зъ манастыромъ, права, титулу, дѣдичства вшелякои найменшом претенсіи часы вѣчными вырекаю. Волно есть и будетъ тѣмъ помененнымъ законницамъ теперешнимъ и напотомъ наступающимъ, однакъ при вѣрѣ и старожитной Гречеекой православныя Церкви Востодныя зоставаючимъ и знайдуючимся, такъ радити и справовати, яко бы що разъ большое и горячное расположе- ніе хвала Божія относити могла, записуючися и облигуючися имъ за себе самого и за сукцессоровъ моихъ, ижъ жадного найменшого импедименту, ани перешкоды въ тихъ кгрунтахъ, въ церкви и монастыру и во вшелякихъ пожиткахъ черезъ всѣ давности земскія отъ мене и отъ сукцессоровъ моихъ не отнесутъ и не будутъ мѣти; и овшемъ, отъ вшелякихъ наименшихъ перешкодъ и импедиментовъ, еслибы якіе зъ особы моеи, альбо сукцессоровъ моихъ заходити мѣли, тихъ помененныхъ законницъ теперешнихъ и напотомъ наступающихъ у вшелякого права и суду своимъ власнымъ коштомъ и накладомъ боронити и заступовати маю и повиненъ буду, и сукцессоры мои повинни будутъ; а то под закладомъ тысячи копѣ Литовскихъ и подъ вшкладами вшелякими голымъ словомъ, кромѣ жадного доводу положонными. О которыхъ закладъ и шкочы въ спротивенью въ чомъ-колвекъ, бы въ найменшой речи, тому лнстови, добровольному записови моему черезъ мене самого альбо сукцессоровъ моихъ позваннымъ и позватися будучимъ форумъ геперальное въ каждомъ судѣ такъ духовномъ, головномъ трибунальскомъ, такъ въ коронѣ, яко и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ на-

значю, гаѣ кромѣ вшелякихъ и не презволокъ, гресценцій, диляцій, малыхъ и великихъ апеляцій и ихъ прозекуцій, я самъ и сукцессорове мои завите и skutecne тиле, иле кротъ потреба того укажетъ рекомендовати и усправедливити ся маю, мають, буду и будуть повинни, жадными правными и неправными оборонами, зъ розуму и дощѣпу людского вынайденными и вымышленными, не щитая и не скланяючися.

На що далемъ менованнымъ теперешнимъ и напотомъ будучимъ набожнымъ господамъ иночинямъ тотъ листъ— добровольный записъ вѣчистой донаціи, съ подписомъ руки моеи и подъ печатью моею. А для большои вѣры и твердости,— съ печатью и съ подписомъ рукъ ясне въ Божѣ превелебнаго его милости отца Петра Могилы, архіепископа митрополита Кіевского, Галицкаго и всея Россіи, архимандрита монастыря Печерскаго, отца и пастыря моего, и ихъ мосцовъ законниковъ, а особливо подъ печатями и подписами рукъ ихъ милости пановъ пріятель и печатаровъ, на подписахъ менованныхъ, которые за устною и очевистою прозбою моею, печати свои приложити и руки свои подисати рачили. Писанъ въ Слуцку, року Божого нароженія тысяча шесть сотъ тридцать второго, мѣсяца мая двѣнадцатаго дня.

Петръ Могила, архіепископъ митрополитъ Кіевскій, рукою власною, яко зезволяющій и потвержающій рукою власною.— Іоаннъ Богушъ, рукою власною:— Варлаамъ Десковскій, намѣстникъ Печерскій, рукою власною.— Іеромонахъ Филаретъ Горбыкевичъ, уставникъ Печерскій, рукою власною.— Junusz Bykowski chorąży Starodubowski, ręką moją własną, podpisuiesię.— Hrehor Mizski, strażnik w. k. Litewskiego, ręką własną.— Hregory Bunicki

w Wielkiej Kunii, podczaszy Starodubski, ręką swoją podpisał się.

Простая копія, снятая съ копіи, засвидѣтельствованной, изъ архива Кіевской Духовной Консисторіи (См. Труды Кіевской Духовной Академіи 1860 г., кн. 1).

6.

Фундушъ или зависъ подкоморія мстиславскаго Богдана Стеткевича и жены его Елены, урожденной княжны Соломерецкой, которою въ имѣніи своемъ Буйничгахъ въ Оршанскомъ уѣздѣ, основываютъ общежительный православный Духовскій монастырь, отдають его въ завѣдываніе Кутенискаго игумена Юлія Труцовича и опредѣляютъ границы даваемыхъ ему имѣній, сельъ Костянки и Холма, съ условіемъ пребывать всегда въ зависности отъ константинопольскаго патріарха и въ соединеніи съ кутенискимъ монастыремъ 1643 г.

Фундушъ на Буйницкій монастырь.

Во имя пресвятое и живоначалное единоедушное и нераздѣлимое Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, ку вѣчной памяти станься. Аминь :

Я Богданъ Вильгельмовичъ Стеткевичъ, подкоморій Мстиславскій, а а Гелена Богдановна княжна Соломерецкая, старостинка Кричевская и Клучицкая, малжонка его милости пана подкоморого Мстиславскаго, обоимы сполнѣ, згоднѣ а нераздѣльнѣ, явно чинимъ и сознаваемъ симъ нашимъ листомъ, добровольнымъ фундушнымъ вѣчистымъ записомъ, приводячи всимъ вобець до вѣдомости и каждому зособна, хтобы о томъ теперь и напотомъ завжды вѣдати хотѣль, ижъ што первѣй сего въ Пану Богу зопшый годное памяти небощикъ князь Богданъ Богдановичъ Соломерецкій, старостичъ Кричевскій и Клучицкій, за держанья своего имѣній своихъ всякихъ дѣдичныхъ и отчистыхъ, зъ побожнаго умыслу своего христіанскаго, для вѣчистое памятки и богомольства, немнѣй для розмноженья хва-

мы Божое, замыслили быль подь послушенствомъ и благословеніемъ святѣйшаго патріархи востоднее церкви соборное Апостольское столицы Константинопольское въ имѣніи своемъ Борколабовскомъ, монастырь православное вѣры христіанское набоженства Греческого общежительной мѣти; нижли зъ великихъ и важныхъ причинъ по весь часъ живота небощика его милости князя Соломерецкаго до того не пришло и прійти не могло, тогда мы вжо сами верху меиеные особы, я Богданъ Стеткевичъ и я Гелсна Соломерецкая, по животъ небощика князя Соломерецкаго, вѣчнымъ дѣдичнымъ и неотзовнымъ правомъ имѣнья, замку, мѣста и волости Борколабова и всея тоя маетности зо всею належностью и иншими до него належачими имѣньями, дворами и фольварками держачими зоставши, а хотѣчи мы сами зъ наше доброе (воли) водлугъ повинности и звыклости наше христіанское частку нѣкоторую зъ маетности наше, намъ отъ Господа Бога даное и до шафунку нашего повѣроное, на хвалу Его святую Бозскую обернути, абы такъ взглядомъ насъ самихъ и продковъ нашихъ при отправованю хвалы Божое богомольство не уставало, заживаючи въ томъ вольности пляхецкое правомъ посполитымъ варованое, въ имѣнью нашихъ давна названомъ Буйничахъ, въ повѣтъ Оршанскомъ лещачомъ, за помочью Божюю фундашъ водлугъ воли нашихъ чинимъ, то есть, монастырь общежительный зъ выраженемъ артикуловъ и пунктахъ въ семь листѣ нашемъ ниже описанныхъ, вѣчне фундаемъ и за разомъ подь послушенство и владзу старшаго теперешняго игумена монастыря нашего Кутеснскаго, давно листомъ благословеннымъ святѣйшаго патріархи Иерусалимскаго киръ Ософана и екзархи Константинопольскаго киръ Арсенія архимандрита великія церкви называючи подь титломъ ставропитіи святѣйшаго патріархи Константино-

польскаго, утвержданаго и фундушами нашими вѣчистыми не разъ апробованнаго, симъ листомъ нашимъ подаемъ, варуемъ и вдѣляемъ, а мяновите въ томъ вышепомянутомъ имѣнью нашемъ Буйничехъ фундуемъ вѣчне: надаемъ кгрунтъ землю и пляць, на которомъ маеть быти збудованный монастырь, а церковь заложена Сошествія Всесвятаго Духа, то есть на сей сторонѣ рову отъ Буйничъ, отъ границы мѣста его королевское милости Могилева, которая граница идетъ зъ рѣки Днѣпра чрезъ сѣножать въ логъ великій, прозываемый Глубокій, до кгрунту нашего Буйницкаго, дѣлечи кгрунты наши Буйницкіе по лѣвъ, а Могилевскіе по правѣ, вымѣривши того кгрунту зъ сѣножатию волоку одну доброку помѣроу волочною и копцами отъ кгрунту нашего Буйницкаго до рѣпи Днѣпра осыпавши.

На которомъ мѣстцу монастырь зъ церквью и што до того належитъ будованный и фундованный, а подъ тымъ заведеннымъ кгрунтомъ, то есть волокою одною, весполь и сѣножать надъ рѣкою Днѣпромъ до монастыря належати маеть.

А на выховане игумену съ законниками, также и на порадное отправсванье хвалы Божое въ церкви, фундуемъ и вѣчне правомъ неотзовнымъ надаемъ и записуемъ отъ имѣнія нашего Борколабовскаго, въ томъ же повѣтъ Оршанскомъ лежачаго, кгрунту земли волокъ сто, а мяновите: за рѣкою Днѣпромъ село Костянку, здавна названое Сутоки, и село Слободка, названная Холмъ, въ которыхъ обудвухъ селахъ вымѣреннаго кгрунту волокъ сто; тые вси вышей помененые кгрунты и села зъ людymi, землями, кгрунтами осѣдлыми и неосѣдлыми, нашными, и непашными разробками, зарослями, зъ селищами, погноями, застѣнками, сѣножатицми, мурожными и болотными, рѣчками, рѣками, ставы, ставищами, сажавками, зъ лѣсами, пущами, гая-

ми, дубровами, зъ деревомъ бортнымъ, зъ пчолами, зъ ловы звѣриными и пташными, рыбными и зо всякими земными, лѣсными, водными, якимъ кольвекъ способомъ теперь и напотомъ вынайденными и названными пожитками, также зо всѣми тыхъ вышей мянованныхъ сель людми подданными, зъ платы, цыншами, дяклами, и всякими повинностями и доходами, зъ нихъ здана до тыхъ сель належачими, заживаючи надъ ними всякое зверхности, зъ вольнымъ дохожденьемъ збѣговъ подданныхъ, отдаляючи отъ насъ самихъ, потомковъ, близкихъ, кровныхъ и повинныхъ нашихъ, ничего на себе и потомки наши и ни кого иного зъ тыхъ вышей помяненныхъ кгрунтовъ нашихъ, земель, сель и всякое ихъ повинности и належности не выймуочи и не зоставуючи, хоть бы се што и не поменило; тогда мянованое, немьянованое мянованому ничего правы и влады уймувати и на перешходѣ быти не маеть, але все огуломъ и вздоймомъ, яко сей тотъ вышемянованный кгрунтъ Буѣницкій вымѣренный волока одна и села задѣпровскія Костянка и Холя зъ ксѣми своими угодыми, долгостями, широкостями, межами границами и всѣми околнностями первѣй сего сами въ собѣ мѣли и теперь мають объль вѣчно и на вѣки непорушно правомъ неотзовнымъ въ мощь, владзу, вѣчность и дѣдитство тому монастырю нашому Буѣницкому надаемъ и фундуемъ, и то все яко есмо вышей помянило, подъ владзу, радъ и послушенство заразомъ въ мощь, держанье и спокойное вѣчистое уживанье владовнѣ чрезъ возного повѣту Оршанскаго и енерала его королевской милости дворного Миколая Лешевича въ Бозѣ велебному честному господину отцу Ююлю Труцевичу и всей о Христь братии его законникомъ инокамъ монастыра нашего Кутеенскаго подаемъ и поступуемъ зъ таковымъ докладомъ и объясненемъ, на вси потомные часы неотмѣннѣ трваючимъ; за щасли-

вымъ, дасть Богъ, убудовеньемъ и уфундованьемъ того новозаложенного монастыря нашего Буйницкаго, игумень равное чести, поваги, прерогативы и юрыздыкцы такъ яко игумень Кутеенскій быти и водлугъ першихъ фундушовъ нашихъ Кутеенскихъ, постерегаючи благочестія православной въ вѣрѣ нашей христіанской, въ ладѣ и чинѣ общома законномъ иноческомъ завше трвати и хвалу Божую ку утвержденью церкви православное размножати мають и повинни будуть. А для большаго соузу любви братерское и статечное захованье святое богопосными и преподобные отцы святыми предаиное общины, къ тому и любоначалству въ пришлый часъ забѣгаючи, то симъ фундушомъ нашимъ варуемъ и мѣти хочемъ, абы завше напотомъ игуменове обонхъ тыхъ монастыровъ нашихъ, Кутеенскаго и Буйницкаго, тамъ въ которомъ того монастыря потреба указовати будетъ, такъ за зействиемъ котораго зъ нихъ зъ сего свѣта, яко и за отдаленьемъ зъ якихъ важныхъ причинъ, игумена не было, тогда возосталый зъ братією обудвухъ обивателей зщедшисе и ктиторовъ благочестивыхъ везавши, и общій совѣтъ учинити и пь посродку себе зъ братіи иноковъ старца побожнаго, въ житіи честномъ иноческомъ изряднаго и прикладнаго за игумена безъ спору обирати и онаго на благословеніе и подтвержденіе до старшихъ духовныхъ (яко о томъ въ першихъ фундушахъ Кутеенскихъ ширей описано) отсылати мають и моць мѣти будуть; а пришло ли бы до того зъ якихъ слушныхъ причинъ, выражонныхъ въ тыхъ же фундушахъ нашихъ Кутеенскихъ, отмѣнити котораго зъ нихъ владзу мѣти будутъ. Надъ то еще тые обадва игуменове якъ нокорму и одѣянья сами восполь и зъ братією обще и заровно заживати, такъ тежъ и завше черезъ рокъ, то есть Кутеенскій въ Буйницкомъ, и Буйницкій въ Кутеенскомъ

монастыряхъ и зъ всею ихъ братією на перемѣну мѣнати, и ровню межн собою влады и достоинства во всемъ заживати: за оскудѣніемъ зась въ одномъ монастырь и за изобилъствомъ въ другомъ въ нужныхъ и потребныхъ, одинъ другого всpirати, подмогати и доавати, иноковъ за благословеніемъ и розказаньемъ старшого, въ общую пользу душевную, бы терминъ роковой общее всихъ перемѣны не вышолъ зъ монастыря въ монастырь и себе на мѣшканье пересылати мають и мощъ мѣти будутъ, и вжо тыя обадва монастыры наши для спольного и згодливого братіи законное въ нихъ межн собою поступку заровнаго обійстя за одинъ почитаны и разумѣны быти мають. Того всего и особливе взглядомъ перемѣны надъ сесь фундушъ нашъ иначе не чинити, подъ виною, въ першихъ фундушяхъ нашихъ около недержанья общины и привнесенья якое кольвекъ ереси описанюю, далѣй во всемъ ведлугъ тыхъ же фундушовъ нашихъ першихъ справуючися. А съ тыхъ всѣхъ вышей помененыхъ сель, кгрунтовъ, отъ насъ на помененый монастырь нашъ Буйницкій фундованыхъ, зрекшисе, на отца игумена и братію его законную и братію его законную вѣчными часы вливасмъ, и за имя наше имя предречоныхъ монастырей нашихъ Кутеенскаго и Буйницкаго у каждого суду и права на вси потомные часы розумяно и пріймовано быти маеть, вынявши только зъ певныхъ причинъ (о чомъ широко въ першихъ фундушяхъ нашихъ есть описано) оборону, заступоване и опеку, которая не только на насъ самихъ стягается, але и на.... братію, кровные, повинные наши и особливе и на обыватели повѣту Оршанскаго, только жъ благочестивые въ вѣрѣ православной неотмѣине подъ благословешемъ и послушествомъ свѣтѣнаго патріархи Константинопольскаго трваючие, сукцессиве вмеватися маеть и належати будеть. Google

А и (жъ) ни якимъ способомъ ижъ ни въ чемъ сее фундаціи и наданья нашего нарушати не маеть, закладаемъ на себе заруки за каждымъ разомъ осемь сотъ копъ грошей Литовскихъ до каждого суду земскаго и городскаго, албо головного трибунальскаго, рокомъ завитымъ будучи позвани, зъ нагороженіемъ шкодъ, накладовъ словне мянованныхъ и будучи готове теперъ за живота нашего отъ каждого въ тую фундацію нашу очищати, и по животѣхъ нашихъ потомки наши, еслибы кто кольвекъ по насъ добръ нашихъ всякихъ держачимъ будетъ, надъ еесь занисъ нашъ фундаціиный и обовязки въ немъ описаныя подлежатя маеть и будетъ повиненъ, якожъ каждого такового, хтобы сью фундацію нашу въ которомъ кольвекъ пунктѣ вышей и ниже описаномъ нарушалъ, при оборонѣ и правѣ земскомъ, па страшный судъ Христа Бога нашего, Судии нелицомѣрнаго, позываемъ. Въ которыхъ то обудвухъ монастырахъ нашихъ, то есть Кутеенскомъ и Буйницкомъ, отцове игуменове и зо всею братією хвалу Божую водлугъ порядку и церемоніи Церкви Святое востоднее, по уставу святыхъ отецъ Иерусалимскому и прочихъ святыхъ обителей, отъ церкви святое восточное принятыхъ, ухвалениыхъ и зъедночомыхъ, отпраовати, за насъ ктиторовъ и потомство наше Господа Бога просити, монастыръ и церковь, а похочуть ли школу и друкарнѣ водлугъ найльпшаго баченья своего и фундушу нашего першого, деревомъ албо муромъ будовати, разширати и всякіе пожитки прибавляти и далъ во всемъ се томъ зваща, што до православное мащее христианское вѣры и послушенства патриархи восточнаго вселенскаго трону апостольское Нового Риму называемого Константинополя и до общаго и побожнаго иноческаго житія стягаеть, подлугъ повторного фундушу нашего Кутеенского вѣчными часы заковывати и подлежатя маюгъ и будутъ повинни.

А кончичи и деелующи тую волю нашу, означаемъ ужь сесь увесь фундушъ нашъ загорнувши въ себѣ безъ всякое отмѣны, нарушеня и уближеня вси хартафы, пункта и клязурн, описанья, выражонья на двухъ голубѣйшихъ все отвержающихъ артикулахъ заветонный есть перный, абы оныя обадва монастыры наши Кутеевскій и Буйницкій и игумены зъ братією подъ послушенствомъ и благословеніемъ патриаршимъ святѣйшее столпцы Константинопольское завше неотмѣннѣ оставали; другій абы игуменове кромь всякихъ околичностей, яко тежъ и братія зъ игуменами кромь всякаго роптанія, роскоровъ и смятенія въ общомъ и побожномъ житіи неотмѣнно трваючи пребывали и въ зобопольной милости и зъгодѣ зъ собою якъ духомъ пороженная братія трваючи и премѣну зъ монастыра въ монастырь, яко се вышей помснило, чинячи, потребами вшелякими равно удѣлялися и достатками превышаючіе оскудныхъ подпомогали и вспирали, якожъ и тотъ листъ фундушъ нашъ вѣчный у каждого суду и права и въ томъ всемъ. что се вышей поменило, при зуполной моцы и за важный пріймованъ и держанъ быти маеть вѣчными часы.

И на то я Богданъ Стеткевичъ, подкоморый Мстиславскій, а я Гелена Соломорецкая, малжонка его милости, дали есмы господину отцу Юнлю Труцевичу, игумену и всей его о Христь братіи инокомъ монастыра Кутеевскаго, сесь нашъ листъ вѣчистый фундушный запись подъ нашими печатми и съ подписами власныхъ рукъ нашихъ, до котораго за устною и очевистою прозьбою нашою люди зацные, ихъ милость панове пріятели наши, печати евое приложити и руками ее власными подписати рачили.

Писанъ въ Буйницахъ, лѣта Божого нароженя тысяча шесть сотъ тридцать третьего, мѣсяца августа перваго дня, водлугъ старого календару.

На подлинномъ приложено пять печатей, а подписи слѣдующія:

Стеткевичъ Богданъ, подкоморый Мстиславскій, ротмистръ его королевское милости, рукою власною. Гелена Соломерецка Богданова Стеткевичова, рукою власною.

Князь Самуель Огинскій, тивунъ Троцкій, дворянинъ его королевской милости,

Янъ Стеткевичъ, хорунжій Оршанскій, ротмистръ его королевское милости. Князь Янъ Жижемскій, старостичъ Рѣчицкій.

Копія сей записи хранится въ могилевской духовной консисторіи.

II.

ПРУССАКИ ВЪ БЫВШИХЪ ПОЛЬСКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ (*).

(Изъ рукописи Т. II, гл. XVI: „Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ С. З. Россіи, собранъ В. Ратчъ).“

Польскіе обороты—Общество Теллусъ къ удержанію польскаго земледѣнія—Предъ мятежемъ 1863 года.

Авторъ сочиненія „Das Grossherzogthum Posen und die Polen“, бывшій познанскій депутатъ, подновляетъ въ памяти своихъ соотечественниковъ сочиненія и данныя, которыми выработался польскій вопросъ, его исторію и настоящее значеніе полонизма въ Познани. Приведемъ изъ него нѣкоторыя заключенія, которыя указываютъ, какъ польскій вопросъ поставленъ въ Пруссіи:

Едва прошло 12 лѣтъ съ 1848 года, и снова раздаются уже знакомые *сольми* (der bekannte Schmerzensschrei) поляковъ, никогда не могущихъ быть покойными. Кто поляковъ не достаточно знаетъ, тотъ только можетъ думать, что амнистія, дарованная мятежникамъ въ 1848 г. ихъ вразумила. Духъ разрушенія снова овладѣваетъ всегда безпкойными, всегда недобольными поляками, и гонитъ ихъ къ новой дѣятельности, которую можетъ только тотъ считать уже невозможною, кому ближе не извѣстны безразсудныя и неправдивыя продѣлки 1848 года. Что французы не знаютъ ни поляковъ, ни ихъ исторіи, это въ порядкѣ вещей; но нельзя искренно не пожалѣть, что нѣмцы, и въ томъ числѣ люди занимающіе высшія правительствен-

(*). См. 8 и 9 кн. „Вѣст. Зап. Россіи.“

ныя должности, не жившіе или мало жившіе среди поляковъ, не только не имѣютъ о нихъ вѣрнаго, но, напротивъ, зная событія, объ ихъ характерѣ, имѣютъ даже совершенно ложное мнѣніе (*sondern eine durchaus falsche Ansicht*). Высочайшій фельдмаршалъ графъ *Гнейзенау* долгое время благоволилъ къ нимъ; но когда, начальствуя войсками въ Познани, при событіяхъ 1831 г., пожелалъ въ этой провинціи, тогда и онъ объявилъ что „до того времени, относительно поляковъ, былъ въ большомъ заблужденіи“ (1).

Священный долгъ каждаго честнаго и вѣрнаго пруссака, изучившаго поляковъ, выставить на свѣтъ свои наблюденія просто и безъ прикрасъ, не въ надеждѣ вразумить поляковъ, — это все тоже что ослѣвъ возить въ Аѳины (*Eulen nach Athen tragen*); но для того, чтобы по возможности разсѣять ложныя взгляды на поляковъ и ложныя о нихъ мнѣнія. Познанъ, по видимому, нигдѣ сповѣянъ; но велика будетъ опасность, если мы на то положимся. Не смотря на всю добрую волю и бдительность администраціи, поляковъ снова обудятъ духъ безпокойства и интриги противъ правительства, отечески заботливаго о благоденствіи страны. Вокругъ насъ всѣ предтечи событій 1846 и 1848 годовъ; по прежнему польскія газеты, возбужденія со стороны эмиграціи и эмисары перекрещиваютъ страну по всѣмъ направленіямъ, а въ тиши припасаются и матеріалы къ систематически готовящему мятежу. У крамольной части польскаго населенія, *возстановленіе Польши сдѣлалось пунктомъ помѣшательства* (2).

Польскія надежды на возстановленіе Польши, можно было бы считать невинными и невредными, еслибы каждый ихъ только носилъ глубоко погребенными въ сердцѣ, но когда наступаютъ общественныя кризисы, тогда государство требуетъ всею самоотверженія своихъ сыновъ (3), а 1848 годъ насъ научилъ тому, къ чему можетъ привести подобный расколъ въ сердцахъ подданныхъ; а *будущность и впередъ дастъ тому новыя указанія*. Поляки въ русской Польшѣ, равно какъ и въ вострійской Галиціи и прусской Познани одинаково стремятся къ возстановленію Польши и къ самостоятельному польскому государству (4).

Для этой цѣли, они въ каждомъ государствѣ, хотятъ изъ бывшихъ польскихъ провинцій устроить свое государство въ государствѣ (*status in statu*); а эти домогательства они маскируютъ

(1) Einleitung. p. 2. (2) p. 3. (3) p. 15. (4) Стр. 15.

своими воцлами объ угнетеніи польской національности. Событія польскаго мятежа (1830—1831) и въ предѣлахъ Пруссіи доказали, что лозунгъ польской національности— мятежъ и измена (1).

Авторъ издалъ свою книгу въ концѣ 1861 года и въ виду затвараемыхъ приготовленій, грозившихъ новымъ мятежемъ (дѣйствительно, два года спустя вспыхнувшимъ); какъ нѣмецъ—житель Познани, онъ предупредительно изслѣдовалъ, въ какой средѣ польскаго ея населенія гнѣздится крамола, какими путями она можетъ имѣть вліяніе на остальное польское населеніе, и какія ея надежды; въ чемъ сущность польскихъ воплей объ угнетеніи ихъ національности и, наконецъ, чего Пруссія должна ожидать при дальнѣйшемъ развитіи наружныхъ проявленій видимаго волненія умовъ въ Познани. Изъ весьма поучительной книги сгрупуируемъ нѣсколько выдержекъ.

Въ политической польской свободѣ стремятся только члены шляхетства, ихъ жены и неблагомыслящіа личности р.-католическаго духовенства. Это три дѣйствующія пружины для домогательства возвращенія того времени, когда всякой шляхтичъ себя могъ считать рожденнымъ наследникомъ престола, и когда не были извѣстны въ Польшѣ ни законъ, ни порядокъ, ни подчиненіе.

Польская шляхта—это особая раса, которая, до самаго паденія Рѣчи Посполитой, не сближалась съ народомъ; даже въ своемъ костюмѣ она ничего общаго не имѣла съ народною одеждою. Шляхтичъ, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ, все же брилъ себѣ голову, отпуская длинный усъ, одѣвался хотя бы въ изношенный контушъ и, опоясываясь саблею, садился на свою клячу, когда являлся къ обѣднѣ, гдѣ было стеченіе простолюдиновъ. Выселяясь и распускаясь среди прусской націи, польская шляхта, нѣкогда многочисленная, убываетъ ежегодно и нынѣ ея остается не болѣе 5,000 (2).

Масса польскаго населенія т. е. настоящаго польскаго народа, ни въ какомъ случаѣ не должна быть почитаема крамольною; крестьяне и большая часть жителей городовъ преданы правительству и только $\frac{1}{200}$ часть общаго населенія Познани, составляетъ ту среду, которая подзадориваетъ къ мятежамъ и къ измѣнѣ, над-

рывается воплями и ищетъ возбудить къ себѣ сожалѣніе, корча изъ себя *несчастныя, немилосердно притѣсняемыя*. Волнующаяся часть населенія принадлежитъ шляхетству, литераторамъ и нѣкоторымъ горожанамъ въ небольшихъ городахъ (1). Полонизмъ гнѣздится въ средѣ польскаго дворянства, польскаго духовенства и той части польскихъ горожанъ, которая, увлекаемая въ гибель, на своихъ плечахъ, къ сожалѣнію, выноситъ послѣдствія безпокойныхъ стремленій высшихъ внушителей (2). Масса не только не раздѣляетъ подобныхъ заявленій; но, конечно, никогда и не согласилась бы дать кому бы ни было подобное порученіе.

Въ народѣ живутъ преданія стараго времени. Когда въ 1848 году одинъ помѣщикъ вошелъ въ кабакъ, велѣлъ подать водки и побуждалъ крестьянъ взяться за оружіе, дабы завоевать независимость старой Польши, то присутствующій крестьянинъ, снявъ съ себя рубашку, показалъ ему шрамъ на спинѣ,—воспоминаніе временъ Рѣчи Посполитой, и прибавилъ: „Благодаримъ васъ, панъ, за вашу вольность (3).“

Не вѣдающіе исторіи Польши и всѣхъ угнетеній въ ней вынесенныхъ народомъ, чувствительные *поломаны*, сентиментальныя и ослабленные, а подъ ихъ маскою иноземные интриганы и можетъ быть нѣкоторыя правительства, приравнивають поляковъ къ грекамъ, когда тѣ возстали противъ турокъ; но да вспомнить ретивые *поломаны*, что поляки въ Россіи, Австріи и Пруссіи по прежнему живутъ въ своей родинѣ, только съ тѣмъ различіемъ, что ихъ родиной управляютъ лучше, справедливѣе и разумнѣе; что уничтожены своеволіе, самоуправство и внутренніе раздоры, при которыхъ стонала масса. Развѣ вся исторія поляковъ до нынѣшняго дня не доказываетъ, что они не способны къ самостоятельному управленію? Поляки вопіютъ, что грубая сила (*la force brutale*) руководила раздѣломъ Польши; но развѣ раздѣлы Польши, напротивъ, не положили конецъ грубой силѣ высшихъ сословій, которая игомъ таготѣла надъ населеніемъ страны?

Время польскаго возстанія 1831 года можетъ служить разительнымъ указаніемъ тому, что происходитъ, когда поляки собираются для какого либо общественнаго дѣла. Тотчасъ являютъся раздоры за ними ненависть, которая приводитъ къ разброду.

(1) Стр. 5. (2) Стр. 102. (3) Стр. 7.

Могут ли сами поляки въ томъ не согласиться? Таковы уже ихъ природныя качества (1).

Если нынѣшнѣшняя недовольная каста, съ своими несвѣдущими приверженцами (во Франціи), кричатъ противъ раздѣловъ Польши, то почему же они молчатъ о раздѣлѣ 1807, по декрету Наполеона I, для деспотическихъ цѣлей котораго, они семь лѣтъ разбрызгивали свою кровь? Семь лѣтъ онъ водилъ ихъ къ дурацкому столбу (Nagelsteele) надеждою на возстановленіе Польши. Своею многолѣтнею услужливостію Наполеону I, не доказали ли поляки исполнѣніе всю свою политическую близорукость, или вѣрнѣе слѣпоту, и не этой ли слѣпотѣ они обязаны тѣмъ, что турны, которыми они оправдываютъ свои мншныя работы, *несправедливые раздѣлы Польши*, утратили всякое политическое значеніе. Польскія области при Наполеонѣ были прямо вновь завоеваны противъ открытаго, явнаго врага, въ рядахъ котораго до окончательнаго пораженія Наполеона, остались изъ иноземцевъ одни только поляки. Вѣнскій конгрессъ утвердилъ поляковъ за побѣдителями, какъ вознагражденіе военныхъ успѣховъ и усилій; почему же Познань нынѣ не такая же прусская область, какъ Вестфалія и Рейнскія провинціи, одновременно и одинаково прибрѣтенныя Пруссіею?

Для Франціи, конечно, было бы выгодно возстановить давнюю Польшу и имѣть въ ней стража противъ Россіи, Австріи и Пруссіи; но Наполеонъ I и не старался о томъ, сознавая всю политическую несостоятельность поляковъ. Онъ водилъ ихъ только за носъ, и поляки, того не замѣчая, цѣлѣе семь лѣтъ ему жертвовали своимъ достояніемъ и населеніемъ. Не одна сотня тысячъ сыновъ Польши погибла для плановъ Наполеона; а герцогъ *Бассано*, еще въ началѣ похода 1812 г., писалъ: „Императоръ глупостями не занимается и для него поляки только средство, но ни какъ не главная цѣль.“ Поляки постоянно твердятъ о принципѣ своей національности,—слово, нынѣ столь модное; но развѣ не краснѣя, они могутъ вспомнить о своей національности въ установленномъ герцогствѣ Варшавскомъ, которымъ управлялъ французскій резидентъ по кодексу, Наполеономъ навсере для нихъ продиктованному (2)? „Поляки ко всему способны, но ни на что не годны“ (3), сказалъ о нихъ извѣстный князь *де-Линь*.

(1) Стр. 16. (2) Стр. 19. (3) Les Polonais sont capables de tout; mais bon à rien. p. 21.

При войнахъ объ угнетеніи прусскимъ правительствомъ польской національности, поляки указываютъ на отнятіе у нихъ землевладѣнія, на притѣсненія р.-католиковъ, на стѣсненіе польскаго языка, на лишеніе ихъ правъ и законовъ, истоптанныхъ Пруссіей. Авторъ, подробно, исторически разбираетъ всѣ польскія требованія. При изслѣдованіи вопроса о землевладѣніи, онъ говоритъ:

„Прусское правительство постоянно заботилось о притоке нѣмецкихъ стихій въ польскія области и для того покровительствовало водворенію нѣмецкаго элемента; но, признавъ однажды, что бывшія польскія области должны навсегда составить неотъемлемую часть прусской монархіи, Пруссія естественно, при крамольномъ настроеніи полонизма, гнѣздящагося въ туземной вліятельной части населенія, старалась выжить его изъ края вліаніемъ нѣмцевъ, столь преданныхъ прусскому государству. Сверхъ того, правительство искало возможнаго развитія народнаго богатства, добываемаго изъ почвы, и оно ясно видѣло, что нѣмцы для того были несравненно способнѣе. Нынѣ они поселяются въ край уже не по распоряженію правительства; но ихъ привлекаютъ въ край собственные интересы, такъ какъ прусское правительство, внимательно изучивъ страну, создало такое положеніе дѣлъ, что дальнѣйшее его онѣмеченіе неотвратно идетъ само собою.

Прусское правительство, при самомъ началѣ водворенія нѣмцевъ, при Фридрихѣ Великому, *стратегически* строго обсудило вопросъ о географическомъ размѣщеніи нѣмецкаго элемента, сознавая, что для скрѣпленія монархіи недостаточно его границы только означить на географическихъ картахъ синюю или розовую краскою. Нѣмецкій элементъ, сперва былъ водворенъ, какъ говоритъ генеральнаго штаба майоръ Фойхтъ-Рецъ, по границамъ прусскаго государства, вдоль по главнымъ сухопутнымъ и водянымъ сообщеніямъ, и правительство шагъ за шагомъ отгнѣсняло туземцевъ, сперва отъ границъ, потомъ отъ путей сообщенія, во внутрь образовавшихся такимъ средствомъ, какъ бы острововъ. Польское населеніе было разъединено и такою системою дѣйствій Пруссія доставила то преобладаніе развитому и трудолюбивому нѣмецкому элементу, что туземныя отличительныя стихіи окончательно должны будутъ заглухнуть.

При Фридрихѣ Великому, послѣ перваго раздѣла, нѣмцы подѣлили земледѣліе и водворялись колонистами, арендаторами, на

устьяхъ, отходившихъ въ государственныя имущества; а нѣкоторые покупали имѣнія у поляковъ изъ чужихъ рукъ, при чемъ таковая покупка была постоянно поощряема пособіями правительства.

Послѣ втораго раздѣла, правительство не касалось землевладѣнія и предоставило водвореніе нѣмцевъ естественному теченію общественной жизни. Мятежъ 1794 года указалъ на необходимость быстрѣйшаго притока нѣмцевъ. Правительство искало свѣжія притекающія нѣмецкія силы привязать къ почвѣ образованіемъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ; оно старалось прикрѣпить къ странѣ нѣмцевъ служащихъ, для большей связи правительственной администраціи съ населеніемъ страны и привитія къ нему настроенія, согласнаго съ духомъ нѣмецкой національности и прусскаго законодательства. Правительство неуспѣшно заболталось также внести сильный нѣмецкій элементъ въ среду землянцевъ, привлеченіемъ большого числа колонистовъ, для чего были раздаваемы участки на весьма заманчивыхъ льготахъ и выдавались денежные пособія для облегченія переселенія желающихъ.

По возвращеніи Познани подъ прусскую власть въ 1815 г., правительство не виѣшивалось въ переходы землевладѣній изъ однихъ рукъ въ другія, предоставляя одинаковое право всѣмъ пользоваться ссудами. Волненія познанскихъ поляковъ въ 1831 году напомнили прусскому правительству, о затаявшейся въ теченіи многолѣтней тишины, но не менѣе того постоянно ему угрожавшей, опасности. *Флотвелъ* изыскалъ всѣ пути для скорѣйшаго новаго притока силъ нѣмецкаго землевладѣнія. Правительство само приобрѣтало продаваемыя имѣнія, на которые не было покупателей и уступало нѣмцамъ. Въ западной части Познани нѣмецкій элементъ до того усилился, что онъ, не такъ какъ въ 1794 году, самъ уже въ 1848 году могъ вступить въ борьбу съ польскимъ элементомъ. Польскія предпріятія (общество Теллусъ) могли оказать только слабое сопротивленіе напору могучей силы прусскаго правительства и народному богатству нѣмцевъ. Въ 1859 году населеніе Познани представляло уже знаменательныя цифры—783,692 поляковъ и 619,936 нѣмцевъ. Съ каждымъ днемъ уменьшается число желающихъ считать себя поляками, и съ каждымъ днемъ въ остальныхъ усиливается то сознание, которое непригодно для вождей стремящихся отуманить массу. Полное преобладаніе нѣмецкаго развитія указываетъ ясно, что *Познань уже утратила стихіи польской области; она стала областью прусскою.*

Замѣтимъ при этихъ словахъ автора Das groszherzogthum Posen, что въ 1861 году, дѣйствительно, прусскому правительству предстояло только заботиться о томъ, чтобы отстранить всякія внѣшнія силы; а относительно внутреннихъ предпріятій, оно могло уже вполнѣ положиться на охраненіе своихъ интересовъ нѣмецкимъ населеніемъ и выжидать, чтобы представители полонизма въ подпольныхъ своихъ работахъ накопили побольше ясныхъ уликъ къ ихъ государственной измѣнѣ.

Нѣмецкое землевладѣніе въ Познани достигаетъ уже своею численностью цифры землевладѣнія польскаго; но развѣ поляки могутъ по совѣсти упрекать прусское правительство за большее его довѣріе къ нѣмцамъ, или имѣютъ даже поводъ упрекать его въ усиленіи нѣмецкаго землевладѣнія путемъ конфискацій. Послѣ Вѣнскаго конгресса, виновники мятежа 1806 года остались ненаказанными, послѣ крамольныхъ дѣйствій поляковъ въ 1831, 1846 и 1848 годахъ, были дарованы амнистіи, только послѣ 1831 г. нѣкоторыя имѣнія были конфискованы. Нужно искать другихъ причинъ, почему въ 1857 г. нѣмецкихъ имѣній уже было 628, польскихъ 1,026, а съ того времени нѣмецкое землевладѣніе продолжало усиливаться до того, что относительное ихъ число достигаетъ нынѣ *al pari*. Если банки, дававшіе ссуды для поощренія сельскаго хозяйства, облегчали покупку имѣній и послужили къ усиленію нѣмецкаго землевладѣнія въ Познани, то кого должны винить поляки, тѣхъ ли, которые расточали ссуды на прихоти и раззорялись, не выдерживая конкуренціи съ нѣмецкимъ, или тѣхъ, которые трудомъ и знаніемъ расчетливаго веденія хозяйства упрочивали въ Познани преобладаніе нѣмецкаго элемента. Поляки и въ своей средѣ найдутъ людей, которые воспользовались примѣромъ своихъ прусскихъ сосѣдей, и между прочими можно указать на имѣнье достопочтеннаго генерала *Хлаповскаго*.

Кто же истинные патріоты,—тѣ ли, которые преслѣдуютъ свои мечты въ призракѣ давней могущественной и славной Польши, и искусственно раздражаютъ или пугаютъ своихъ темныхъ соотчичей, и изъ своихъ прихотей гонять ихъ на гибель, или тѣ, для которыхъ трудъ есть наслажденіе, и которые содѣйствуютъ благоустройству страны и тѣмъ благоденствію своихъ соотчичей? Покойный польскій графъ Е. Р. говорилъ: „Патріотизмъ—прекрасная вещь, я отдалъ бы для возстановленія Польши половину моего состоянія; но съ другою половиною я бы тотчасъ же изъ нея убрался.“ Нѣмцамъ поломанамъ слѣдовало бы надъ этимъ подумать.

Не менѣе знаменательно для опредѣленія — на сколько провозглашеніе для массы о польской національности есть дѣло моды или аферы, питаемыхъ себя, любимыми вождями, служить то обстоятельство, что, когда, по событіямъ 1848 года, приходилось дѣлить Познань на *западную*, для германскаго союза, и на *восточную*, въ которой должна была снова водвориться польская національность, то польскіе помѣщики преусердно хлопотали, чтобы раздѣляющая граница была проведена *новосточнѣе*. Нигдѣ столько какъ въ жизни полонизма, анализъ не требуетъ отдѣленія фразъ отъ дѣйствительно совершившихся фактовъ. По польскимъ волямъ, р.-католики угнетаемы въ Пруссіи; но почему же таковыя жалобы не раздѣляютъ р.-католики нѣмцы? Р.-католическое духовенство въ Познани, принадлежащее къ польской средѣ, не сосредоточиваетъ своихъ помысловъ на истинномъ своемъ призваніи, потому, оно далеко отъ заботъ о мирѣ, тишинѣ и спокойствіи населенія, о нравственномъ его образованіи, которе составляетъ высокую обязанность духовенства. вмѣсто заботъ о благоденствіи населенія, которое всегда на устахъ польскаго духовенства, оно старается, напротивъ, о томъ, чтобы раздражать и пугать свою духовную паству, потому что оно не можетъ забыть то собственное значеніе, которое имѣло въ Польшѣ. Р.-католическія державы наложили свою руку на р.-католическіе монастыри и на ихъ огромныя богатства; Пруссія имѣла тѣмъ болѣе правъ уничтожить монастыри, что она видѣла въ нихъ гнѣздо агитаціи и крамоль, веденныхъ противъ общественнаго и государственнаго спокойствія. Въ матеріальномъ отношеніи, какія наслѣдственныя права нынѣшнее польское приходское духовенство можетъ предъявить на имущества прежнихъ, столь богатыхъ духовныхъ монашествующихъ орденовъ? Въ Познани, которой коренное населеніе было искони р.-католическаго исповѣданія, не было внѣшнихъ побужденій для религіознаго усердія, и приходское духовенство своею нищетою рѣзко отличалось отъ великолѣпія монастырей; эти своекорыстными своими побужденіями, умѣли извлекать свою пользу какъ изъ религіознаго настроенія, такъ и изъ тщеславія. Приходскіе же костелы оставались въ запущеніи, мѣстами обваливались и нерѣдко были открыты соломой, а постройки причта зачастую были лачугами (1). Прусское правительство наблюдаетъ за поддержаніемъ

(1) Польская Эмиграція до и во время мятежи 1868 года.

какъ костеловъ, такъ и зданій причта въ приличномъ видѣ и должномъ порядкѣ; оно позаботилось о приличномъ содержаніи духовенства, соотвѣтственнаго ихъ званію. Имѣютъ ли есендзы дѣйствительную причину возглаголють объ угнетеніи правительствомъ р. католицизма въ Познани, когда только въ одной этой провинціи существуетъ постановленіе, *къ явному ущербу* протестантскаго, въ государствѣ господствующаго исповѣданія, по которому земляные участки, переходя въ руки владѣтелей протестантовъ, продолжаютъ уплачивать свой налогъ на содержаніе р.-католическихъ приходовъ, что тяжко ложится (1), на содержаніе протестантскаго исповѣданія. Р.-католическое духовенство успѣваетъ удерживать знаменательный перевѣсъ численностью своихъ духовныхъ надъ протестантскими: въ Бромбергскомъ округѣ, при равномъ почти числѣ жителей двухъ исповѣданій, положено имѣть 180 есендзовъ и только 50 пасторовъ.

Что же касается научнаго образованія р.-католическаго духовенства, то заботы по этому предмету прусскаго правительства, при его стремленіяхъ къ всестороннему общественному развитію, могутъ ли быть сравниваемы съ тѣмъ плачевнымъ положеніемъ, въ которомъ прежняя Польша оставляла свое духовенство на полный произволь невѣжества? Даже папа заявилъ, что прусское правительство освободило область отъ ея великой язвы, отъ невѣжественныхъ и невоспитанныхъ есендзовъ, и грубое одичалое приходское духовенство замѣнило новымъ, воспитаннымъ въ семинаріяхъ, испытанныхъ экзаменами. «Алюмнатами въ гимназіяхъ, духовными семинаріями, преобразованными въ Позенѣ и Гнезнѣ и вновь созданной въ Чемеснѣ, прусское правительство дѣйствительно воспитало настоящее *ксендзовское* сословіе (2). „Польское духовенство въ Познани, какъ извѣстно, прибавляетъ авторъ, благодаря только прусскому правительству, обладаетъ наибольшими богословскими и научными свѣдѣніями сравнительно со всѣми странами давней Польши.“ Если польское духовенство бѣжитъ отъ прусскихъ университетовъ, страшась дальнѣйшаго развитія, столь опаснаго для тьмы ультрамонтанскихъ влеченій, то, конечно, подобное обстоятельство не можетъ служить къ нареканію пруссаковъ угнетеніемъ р. католицизма. Но полонизмъ силится выдѣ-

(1) Das G. H. und Polp.

(2) «Einen wirklichen Priesterstand erzog,» p. 44. Въ подлинникѣ слово *настоящее* напечатано крупными буквами.

лтъ изъ общаго духа постановленій прусскаго правительства его заботы объ образованіи ксендовъ, заботы, дабы поднать просвѣщеніемъ каждую вѣтвь государственныхъ элементовъ; полонизмъ силится убѣдить, что правительственныя мѣры, въ этомъ отношеніи, имѣютъ цѣлью только опрुсачить населеніе, и польское духовенство успѣло упрочить то мнѣніе, что *полонизмъ однозначуиъ съ р. католицизмомъ; а германизмъ съ протестантствомъ* (1).

Въ наружныхъ проявленіяхъ внутренняго настроенія польскаго духовенства Пруссія, конечно, приобрѣла поражающія доказательства (*schlagende Beweise*) его неблагодарности: амвонъ служилъ даже средствомъ для *политизированія* (*die Kanzel benutzt worden um zu politisiren*); съ амвона проповѣдывалось, что Божья Матерь въ особенности заинтересована дѣломъ возстановленія давней Польши, (*das die Mutter Gottes sich ganz besonders für die Herstellung des alten Polenreiches interessire*), которая распространялась до Одера и даже до Эльбы. Существуютъ законоучители, которые эти ученья преподають и въ шеолахъ (2). Ксендзы, противники прусскаго правительствъ, не упускають случая раздражать и пугать простолудиновъ и вооружать его противъ существующей власти. Въ 1848 году ксендзы явно проповѣдывали народу, что со включеніемъ Познанской провинціи въ Германскій союзъ, она сдѣлается *нѣмецкою*, и чрезъ то, все населеніе должно будетъ отречься отъ р. католицизма (3).

Ксендзы желаютъ быть въ шеолахъ учителями не одного только закона Божьяго, и жалуются, даже въ публичныхъ органахъ, что правительство ихъ устраниваетъ отъ преподаванія; но кто же виновенъ въ томъ, что они не были въ состояніи выдержать установленнаго испытанія, что поляки вообще, ловимъ шарлатанствомъ и врожденною въ нихъ способностью къ краснорѣчиву, болтають только наукою; но науку не усваиваютъ, какъ нѣмцы, основательными занятіями. Въ 1847 году, 300 должностей приходскихъ ксендзовъ въ Познанской области не могли быть заняты поляками, по недостатку выдержавшихъ экзаменъ (4).

Поляки вопіють о *притѣсненіи польскаго языка*. Всмотривая же въ дѣйствительное положеніе дѣлъ, относительно обуче-

(1) «Katholisch und polnisch» so wie «deutsch und protestantisch» gleichbedeutend gilt.»

(2) p. 45. (3) p. 43. (4) p. 46.

нія языкамъ, находимъ странное явленіе. Фридрихъ Великій настаивалъ на привитіе нѣмецкаго языка польскому населенію; въ школахъ, при польскомъ населеніи, нѣкоторая примѣсь нѣмецкаго была уже достаточною причиною, чтобы преподаваніе въ школахъ было на нѣмецкомъ языкѣ. Король не останавливался передъ трудною задачею—путемъ школы водворять нѣмецкій языкъ среди населенія, говорившаго языкомъ, не имѣющимъ ни чего общаго съ языкомъ преподаванія, для котораго нѣмецкій языкъ былъ въ Пруссіи совершенно языкомъ болѣе чуждымъ и непонятнымъ, нежели русскій нашимъ жудинамъ. Этой системѣ съ 1795 года слѣдовало прусское правительство и во вновь приобретенныхъ областяхъ. Графъ *Гоймъ* назначилъ особыя преміи учителямъ за успѣхи учениковъ, ими удовлетворительно обученныхъ нѣмецкому языку, и преміи ежегодно увеличивались для ободренія къ обученію остальныхъ (1). Но при настроеніи правительства съ 1815 года, которое ласкало (*sajolirte*) поляковъ, нерѣдко на счетъ и къ большой досадѣ нѣмцевъ (2), польскій языкъ былъ введенъ въ преподаваніе даже и въ народныхъ школахъ исключительно нѣмецкаго населенія, и уступками послѣдовавшими послѣ удаленія въ 1798 г. графа *Гойма* и въ 1841 *Флотвеля*, къ 1846 и 1848 годамъ относительно столь важнаго элемента какъ языкъ, эта область стала болѣе польскою, нежели была въ 1806 году. Такъ, само прусское правительство дало мѣсто польскому элементу. (*So hatte das polnische Element durch die preussische Regierung Platz genommen!*) Въ добродушной уступчивости передъ польскими домогательствами, правительство утвердило польскій языкъ, этотъ палладіумъ польской національности, языкомъ преподаванія, а нѣмецкій поставило на ряду съ обучаемыми предметами въ заведеніяхъ, основываемыхъ самимъ же правительствомъ. Такъ было въ р. католической маріинской гимназій въ Познани, въ гимназіяхъ въ Чешенѣ и Островѣ, въ алюминатахъ при этихъ гимназіяхъ, въ р. католической учительской семинаріи для народныхъ школъ въ Парадисѣ,— и болѣе нежели въ 500 сельскихъ школахъ. 1846 и

(1) За обученіе каждаго 12 мальчиковъ свободному разговору и письму по нѣмецки, въ 1-й годъ 10 талеровъ, во 2-й годъ—20, въ 3-й 30. Учитель сельской школы, у котораго всѣ ученики безъ исключенія говорили и читали по нѣмецки, получалъ премію 50 талеровъ.

(2) р. 42.

1848 годы выяснили послѣдствія: высшая маринская гимназія обратилась для польскаго юношества въ *классическую академію для образованія революціонеровъ*. Правительство давно могло убѣдиться, что она раститъ ядовитую змѣю у себя за пазухой (*eine giftige Schlange in seinem Busen erzogen hatte*). При слѣдствіяхъ 1831 года, уже обнаружилось, что не только нѣсколько учителей, но съ ними и цѣлая треть старшихъ учениковъ ушли въ Царство польское; только послѣ событій 1846 и 1848 годовъ правительство обратило надлежащее вниманіе, когда, наприм., въ спискѣ 254 открытыхъ преступниковъ по заговору 1846 года, находилось 54 человѣка бывшихъ воспитанниковъ маринской гимназіи, и въ томъ числѣ 14 человѣкъ еще воспитывавшихся (1).

Правительство, стремясь ко всеобщему распространенію нѣмецкаго языка, своею заботливостью о поддержаніи польскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ, дѣйствовало противъ своего, имъ принятаго принципа, единственно развѣ только для того, что бы *вопли* поляковъ, по всей справедливости не имѣли ни малѣйшаго истиннаго предлога въ тѣмъ жалобамъ, что правительство лишаетъ ихъ средствъ изучать свой національный языкъ; а этотъ языкъ уже былъ признанъ какъ могучій рычагъ для питанія польской краколы.

За тѣмъ встрѣчаютъ ли само польское населеніе утѣшенія отъ незнанія ими языка нѣмецкаго? Закономъ установлено, что полякъ, подавшій просьбу попольски, получаетъ попольски и отвѣтъ; на общественныхъ собраніяхъ дѣла постановляются на обоихъ языкахъ. И такъ польское населеніе для своей общественной жизни ни въ чемъ не страдаетъ отъ незнанія нѣмецкаго языка.

Правительство нѣмецкаго государства всю officialную административную свою переписку ведетъ уже естественно на нѣмецкомъ языкѣ; но оно даетъ и всѣ средства научиться ему тѣмъ молодымъ людямъ, которые желаютъ посвятить себя государственной службѣ. Если ксендзы, при соприкосновеніи съ гражданскими учрежденіями, должны писать по нѣмецки т. е. при веденіи вѣдомостей о рожденныхъ, бракосочетавшихся и т. п., то это согласно постановленію, что всѣ посвященные съ 1834 г. должны при экзаменахъ выдержать и испытанія въ достаточномъ знаніи нѣмецкаго языка. Что же касается проповѣди, то она всегда го-

(1) p. 48.

ворится попольски, развѣ только населеніе исключительно состоить изъ однихъ нѣмцевъ. Правительство, напротивъ, встрѣчаетъ притѣсненія со стороны польскихъ ксендзовъ. Одинъ, получавшій 150 талеровъ добавочныхъ, за нѣмецкія проповѣди нѣмецкой части его прихода, присылаетъ квитанцію попольски, отговариваясь, что понѣмецки не сѣмѣетъ ее составить; другой молодой ксендзъ отказывается по той же причинѣ, внести свою отѣтку въ формулярномъ спискѣ служащаго; третій, вѣкъ сносившійся понѣмецки, вдругъ начинаетъ писать польскія бумаги, отговариваясь что не достаточно владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ (1). Въ такомъ родѣ польское духовенство ищетъ затруднять администрацію.

Поляки съ 1848 года начали искать государственной службы, специально посвящаютъ себя юридическимъ занятіямъ (*und zwar in specie dem Justizfache zugewendet*) (2) и вполне владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ.

Если дѣла въ высшихъ инстанціяхъ ведутся по нѣмецки, то можетъ ли быть иначе, когда на немъ писаны государственные законы, общіе для цѣлой монархіи? Нѣмецкій языкъ естественнымъ путемъ государственныхъ мѣръ развитъ до той степени, что подобныя *вопли*—только голословныя жалобы; поляки домогаются другаго, отъ того и ихъ противурѣчія: отъ прусскаго правительства они требуютъ, чтобы польскій языкъ былъ официальнымъ; почему же и въ Галиціи они нынѣ являются съ тѣми же требованіями къ австрійскому правительству, дабы оно заставило русское населеніе принять польскій языкъ?—*Sapienti sat.* (3) Полонизмъ забывается, сколько разъ онъ измѣнялъ присягѣ, что онъ братался съ иноземными врагами, что онъ ничто болѣе, какъ навязывающій себя въ вожди завоеванному народу, и съ безпримѣрною дерзостью (*beispielloser Keckheit*) провосглашаетъ о мнимыхъ своихъ правахъ (4). Поляки должны понять, что они сами виноваты, почему ни одинъ изъ нихъ не занимаетъ виднаго мѣста въ государственной администраціи.

Послѣ собранія камеръ, газета „*die Vossische Zeitung*“ въ своемъ листѣ отъ 17 февраля 1861 года, между прочимъ, приводитъ слова лондонскаго журнала *Post*: Корреспонденты лондонскихъ, Наполеону преданныхъ газетъ, обратили *вопли*

(1) р. 50. (2) р. 54. (3) р. 11 и 53. (4) р. 25.

познанскихъ мучениковъ въ свой ежедневной пригѣвъ. Польскіе депутаты говорили также жалостливо и громко, какъ ирландскіе ультрамонтанцы. Изреченіе давняго польскаго старосты: „Я предпочитаю тревожную свободу спокойному рабству,“ имѣть что то грандіозное и ослѣпляющее; но нельзя не сознаться, что заносчивая свобода привела поляковъ только къ анархіи. Президентъ прусскаго собранія депутатовъ хорошо сдѣлалъ, что далъ 14 сарматамъ волю наговориться досыта, высказаться вполне. Они потребовали не менѣе какъ польскихъ гимназій, польскаго университета, польскихъ національныхъ учреждений и польскаго правительства, другими словами, они потребовали независимую и, какъ должно полагать, отъ прусскаго королевства отдѣленную Познань (1).

Къ радости нѣмцевъ въ Познани, министръ внутреннихъ дѣлъ, наконецъ, твердою и откровенною рѣчью, далъ нынѣ энергическій отпоръ заявленіямъ поляковъ и сказалъ имъ, между прочимъ: „правительство съ полною рѣшительностью отвергнетъ всякое требованіе несомвѣстное съ его правомъ; потому, сколько бы поляки его ни желали, оно никогда не допустить, чтобы они могли образовать свое государство въ государствѣ (2).“

Горькій и тяжкій опытъ 1846 и 1848 годовъ ни на сколько не привелъ поляковъ, ни къ раскаянью, ни къ здравымъ сужденіямъ и размышленію, (weder zur Reue noch zur Besinnung und zur Einsicht), и снова возобновились извѣстною частью польскаго населенія до приторности (bis zum Eckel) избытка жалобы, и всѣ обычныя революціонныя козни съ подметными письмами и плакардами, которыя съ полнымъ правомъ можно назвать perpetuum mobile (3). Авторъ окончиваетъ сочиненіе, вышедшее въ концѣ 1861 года, разборомъ нѣкоторыхъ вопросовъ, и между прочимъ: что предстоитъ Познани, если предоставить настоящее настроеніе безпрепятственному его развитію? и заключаетъ, что будетъ тоже самое, что было за 15 лѣтъ, и разрѣшится близкихъ мтежемъ.

Пока правительство не разстанется съ мягкимъ обращеніемъ съ поляками и не поддержитъ всею своею силою нѣмцевъ, до тѣхъ поръ поколѣніе, возросшее среди непрерываемой опози-

(1) р. 60. (2) р. 24 и р. 57. (3) р. 119.

ціонной и кооперативной дѣятельности, которая ознаменовала себя перемежающимися мѣтежами, будетъ непрестанно противо-дѣйствовать правительству, вносить распри, страпаніемъ разныхъ, ни чѣмъ неоправдываемыхъ требованій и затрудненій, будетъ создавать неприятели правительственной власти, будетъ держать познанскую провинцію въ напряженномъ положеніи и оскорблять столь преданныхъ прусскому правительству нѣмцевъ своихъ высокочѣмъ, будетъ заявлять о какомъ то своемъ превосходствѣ надъ ними, и требовать предпочтенія. Въ новѣйшее время изъ Парижа распространяемая теорія національностей служитъ основною надеждою поляковъ на изобретателя этой теоріи (auf den Erfinder dieser modernen Theorie), а по этой теоріи познанскій вопросъ входитъ въ составъ общаго великаго польскаго вопроса, и поляки толкуютъ о будущемъ *славянскомъ* времени, которое замѣнитъ дряхлый германизмъ (1). Европа пережила броженіе революціонной лихорадки сороковыхъ годовъ; но поляки не теряютъ надежды возстановить для своихъ цѣлей минувшее строеніе; по ихъ теоріи возстановленіе Польши необходимо для Европы. Въ Кульмѣ, давнемъ владѣніи еще прусскихъ рыцарей, поляки завели свою газету „Przyjaciel ludu“, съ цѣлью заманивать тамошнихъ жителей польскаго происхожденія къ возстановленію независимой Польши (2). Въ скользящей по рукамъ брошюрѣ: „Co говіс“? (что дѣлать?) сказано: «Ни кто не можетъ быть полякомъ, не бывъ революціонеромъ. Народы чувствуютъ всю необходимость революцій. Дѣло въ томъ, что они должны быть приготовлены къ повсемѣстной вспышкѣ одновременно. Мы обязаны постоянно готовить революцію и быть всегда готовыми вступить въ ея ряды. Совѣтуемъ всѣмъ нашимъ братьямъ *поддерживать тѣснѣйшую между собою умственную связь и слаживать провинціальныя и писменные оттѣнки и считать себя дѣтьми одной общей матери ойчизны*“.

„Мы должны вынуть перчатку, вынетъ Przegląd gzeszy polskich, отъ 24 августа 1859 т., тремъ нашимъ притѣснителямъ. Если возстаніе и не удастся, то не менѣе того оно будетъ новымъ этапомъ, который подвинетъ впередъ наше дѣло. *Безпрерывно должно питаться надеждою возстанія. Оно развива-*

(1) p. 120. (2) p. 122.

ствъ въ польскомъ народѣ его политическое сознание; оно рождаетъ національныя традиции и укрѣпляетъ общественныя силы. Не удалось одво, тотчасъ же должно приготовиться къ новому.

„Конспирація и агитація, пишетъ «Democrata polski» отъ 25 ноября 1859 г., два пути для общаго вразумленія, для счисленія и организаціи нашихъ силъ. Полякъ, любящій ойчизну, конспирируетъ; а агитація не есть цѣль; она не болѣе какъ средство для достиженія цѣли, т. е. возстанія. Агитація должна постоянно гнать впередъ польскія чувства и стремленія и стараться захватывать большее число жителей. Агитацію должно вести такъ, чтобы она приводила къ провѣткамъ и коллективнымъ прошеніямъ, постепенно расширяющимъ наши требованія и требующимъ большихъ для насъ реформъ и воленостей. Этотъ же журналъ пишетъ, что „поляки отъ возстанія должны переходить къ заговору, а отъ заговора къ возстанію— Sipienti sat!“ (1).

Пруссакамъ не трудно усмотрѣть, куда метать всё подобныя польскія заявленія, тѣмъ болѣе, что, подобно 1848 году, кое гдѣ показываются уже и чамарки и конфедератки, — совершенно безвинный востигъ (unschädliche Dinge), скажутъ нѣкоторые; да, безвинный если бы за нимъ не стояло объясняющее прошедшее. Проповѣди и внушенія видимо начали обратотывать и населеніе; въ борчмахъ пьяныя головы уже проговориваются, что скоро настанетъ работа, только на этотъ разъ они распорядятся не такъ вло какъ въ 1843 г., а пріймутся тотчасъ за поживу, начиная съ жидовъ“ (2). Намъ могутъ возразить: мало ли что пьяный болтаетъ въ кабакѣ; но люди опытные, конечно, поймутъ не только, куда уже пробирается агитація; но и какія искушенія признаны пригодными для возбужденія польскаго простолюдина.

Можно ли, наприм., оставить безъ вниманія тотъ фактъ, о которомъ весьма кстати заявила прусская газета (Die preussische Zeitung) касательно объѣда въ г. Познани, даннаго поляками въ честь депутатовъ ихъ кружка 20 ноября (3). На тогствъ о необходимости братскаго соединенія всѣхъ жителей давней Польши, долженъ былъ отвѣчать г. Потворовскій; но, увь! (leider)! до-

(1) p. 124. (2) p. 125.

(3) Нынѣ находящихся въ составѣ прусскаго государства.

стопочтенный депутат умеръ отъ удара не доживши до обѣда. Мѣсяцъ спустя, «Познанскій Дневникъ» напечаталъ отвѣтную рѣчь, явобы приготовленную умершимъ: „Во имя польскаго кружка берлинскаго сейма, приношу вамъ мою благодарность..... но спрашиваю что мы сдѣлали болѣе нашихъ предшественниковъ прежнихъ сеймахъ Берлина? Они требовали съ тою же настойчивостью того, что и мы требовали..... Положеніе нашихъ депутатовъ на берлинскихъ сеймахъ было и есть весьма не завидно. Нынѣ, однако, наша солидарность даетъ намъ большее значеніе, не только насупротивъ обѣихъ палатъ; но, смѣло могу сказать, насупротивъ цѣлой Европы. Европа, по берлинскому сейму, видитъ, что у поляковъ нѣтъ другой мысли, другаго стремленія, другой цѣли, какъ требованія правъ нашей національности, а нынѣ эти права имѣютъ тѣмъ больше значенія, что *великое основаніе національности* нашло возможность высказаться. Ваша обязанность, милостивые государи, заботиться о томъ, чтобы прекратились всѣ котерин и партін, которыя могли бы бросить дурную тѣнь на розрѣшеніе нашей національности..... Мы работаемъ въ надеждѣ, что когда либо, на собственной землѣ, мы станемъ совѣщаться о благѣ нашей націи... Да здравствуетъ наша надежда и молю Господа, чтобы мы дожили до ея исполненія.“

Лишь только эта рѣчь появилась въ „Познанскомъ дневникѣ“, какъ «Прусская газета» обратила на нее свое догадливое вниманіе, перевела на нѣмецкій языкъ и обнародовала для свѣдѣнія всей Пруссіи, въ своемъ № 608 отъ 28 декабря 1860 года.

„Познанскій дневникъ“ выходилъ въ траурной рамкѣ послѣ смерти *Потворовскаго*, а польскія газеты одни только оставались безъ этого заявленія общественной скорби, когда вслѣдъ за тѣмъ скончался король Фридрихъ Вильгельмъ IV, бывшій особенно (in vresie) отцемъ благотворителемъ польскаго населенія. Дерзость поляковъ дошла до того, что двѣ ихъ газеты, издаваемые въ Кудумѣ, съ цѣлью колонизировать тамошнюю молодежь давними воспоминаніями, объявили о кончинѣ короля *ex septenniatъ*, сообщаемыхъ подъ рубрикою: „разныя новости.“ Базалось бы, что, по крайней мѣрѣ, всендзы должны были сохранить память о всѣхъ благодѣяніяхъ, имъ оказанныхъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV, со вступленія его на престолъ р.-католическому

исповѣданію вообще, а познанскому духовенству въ особенности; но въ костелахъ не былъ совершаемъ погребальный звонъ. Нѣкоторые ксендзы отговаривались неполученіемъ на то распоряженія епископа, а были и такіе, которыхъ нужно было заставить жандармами исполнить предписаніе имъ данное 4 января 1861 года (1). Общія волненія поляковъ ясно указываютъ, что парижская пресса, и въ особенности польская журналистика, съ дѣятельностью кротовъ (Maulwurfsarbeit), достигли удовлетворительныхъ результатовъ. Изъ мѣстныхъ наблюденій выясняется что:

1) Ксендзы много развѣзжаютъ, особенно по ночамъ, и возбуждаютъ прихожанъ.

2) Помѣщики сѣзжаются и совѣщаются на засѣданіяхъ въ своемъ замкнутомъ обществѣ.

3) Въ народѣ пущена молва, искушающая возможностью грабежа помѣщиковъ нѣмцевъ и евреевъ.

4) Молва называетъ уже личности, назначенныя въ должности для мятежной организаціи.

5) Провозятся тайно запасы оружія.

6) Ходятъ вѣсти, что *Мѣрославскій* сказалъ, что ему достаточно написать двѣ строчки—и возстанутъ 300,000 вооруженныхъ. Подобныя свѣдѣнія могутъ показаться инымъ ловко придуманными (Se non e vero e ben trovato); но мы полагаемъ, что сгруппированныя воедино, онѣ полезны для Пруссіи (bon a savoir), для того, что бы во время раскрыть глаза и осмотрѣться (2).

Черезъ каждыя огъ 10 до 15 лѣтъ, возобновляется у поляковъ „cette fièvre révolutionnaire“, какъ сказалъ *Мѣрославскій*, вѣрнѣе „польская національная горячка“, какъ выразился князь *Паскевичъ* (3).

Подъ золою 1848 года опять искрится огонь, и развѣ намъ не дорога каждая капля крови вѣрнаго прусскаго солдата, которому пришлось бы тушить пожаръ (4).“

Авторъ пишетъ въ заключеніи: „Съ полнымъ спокойствіемъ, безъ всякой запальчивости, были писаны эти страницы; единственною ихъ цѣлью было желаніе ясно и откровенно представить, во всей наготѣ, правду о положеніи Познани. Да ознакомятся ближе съ этимъ положеніемъ тѣ, которые донинѣ имѣли ложныя свѣдѣнія, или для которыхъ оно—совершенная тьма.“

Дѣйствительно, время унесло у многихъ свѣжесть воспоминаній 1848 года; а внѣ Познани, многіе никогда не обращали особеннаго вниманія на тамошнія дѣла, много ступшевавшія среди общихъ событій въ Пруссіи того года. Приведемъ выдержку изъ частнаго отвѣтнаго письма нѣмца-познанца 1862 года; она указываетъ что инныравшіе по всей Пруссіи польскіе патриоты, ретиво, на счетъ Россіи, вновь возбуждавшіе въ прусакахъ симпатію къ угнетаемымъ полякамъ, находили личности, которыхъ ставили въ недоумѣніе.

.... „Вы пишете, что нѣмецъ вообще привѣтливъ къ иноземцу (gegen einem Fremden) и удивляетесь, что нѣмцы въ Познани не могутъ ужиться (sich nicht vertragen können) съ поляками..... Полонизмъ вѣчно корчитъ свою іезуитскую гримасу (schneidet ewig seine catholischen Gesichter). Полякъ, внѣ Познани, жетъ, клевететь, конспирируетъ и, плачевными розказами, слезно вымаливаетъ состраданіе; полякъ въ Берлинѣ жетъ, клевететь, конспирируетъ и точитъ политическія козни; полякъ въ Познани жетъ, клевететь, конспирируетъ и, покончивъ съ одною подлюю интригою (Schurkenintrigue), принимается за другую.“

Приведенныя свѣдѣнія, о положеніи полонизма въ Познани обрисовываютъ и положеніе страны до мятежа 1863 года. Приливъ нѣмецкихъ элементовъ начался по инициативѣ правительства,—и каждый польскій мятежъ указывалъ на необходимость правительству снова возвратиться къ усиленію ослабѣвавшихъ мѣръ. Нѣмецкое населеніе, постоянно готовое водворяться въ польскія области, проникало въ нихъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ путь болѣе сглаживался, и оно несло въ Познань свой трудъ и свое нѣмецкое развитіе. Съ 1815 года, безъ всякаго перебора, Познань оставалась уже подъ прусскимъ правительствомъ; нѣмецкіе элементы прочными корнями утвердились въ почвѣ, захватили преобладаніе и усилились до того, что видятъ даже возможность собственными средствами бороться съ противникомъ. Въ теченіи болѣе полулѣтя *пруссизмъ* не могъ слиться съ *полонизмомъ*; поляки, съ своею неизлѣчимою заносчивостью, сходились тольбо съ *ополячивающимися* и *поломанами*; но исчезли *ополячивающіеся* и *поломаны*, и представители *пруссизма* и *полонизма* обратились въ самыхъ озлобленныхъ сосѣдей; чему читатели пѣли образчики. Мѣры правительства и общественное развитіе множатъ число первыхъ; отъ нихъ таеъ и среда по-

слѣдихъ; уменьшается число польскихъ помѣщиковъ и, съ распространіемъ нѣмецкаго языка, ксендзы—нѣмцы замѣщаютъ ксендзовъ польскаго происхожденія (1). При дальнѣйшемъ подобномъ теченіи дѣлъ, дѣйствительно, борьба должна окончится „*faute de combattans.*“

Предъ польскимъ мятежемъ 1863 года, правительство, при пособіи литературы, оберегало нѣмецкое населеніе въ Пруссіи отъ всякихъ увлеченій къ полонофильству, и оно спокойно смотрѣло на событія, зорко слѣдило за всѣми подпольными польскими оборотами и выжидало того времени, чтобы нанести ему такія удары, отъ которыхъ барометръ полонизма въ Познани долженъ былъ разомъ снова опуститься на столько градусовъ, на сколько ему снова уже не подняться. Администрація, кромѣ своихъ путей для слѣдованія за попольною дѣятельностью, получала и всѣ свѣдѣнія отъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ.

Нѣмцы, помѣщики Познани, знали о всякихъ сѣздахъ у того или у другаго пана или ксендза, узнавали, что ксендзъ въ темную ночь возвращался домой, съ тяжелымъ ящикомъ, который относился сей часъ въ костель для храненія, знали, что по польскимъ помѣщикамъ размѣщались бракованныя кавалерійскія лошади, которыя преимущественно закупаются въ Россіи; они слѣдили за степенью возбужденія простолюдиновъ, по ихъ сужденіямъ въ народѣ. Журналистика, съ своей стороны, при выработанномъ уже польскомъ вопросѣ послѣ 1848 г., была чутка къ польскимъ затѣхамъ, и *neue Preussische Zeitung*, въ 1861, уже сообщала о комбинаціи *бллой* партіи, для достиженія преобладанія надъ *красною*. Мысль, приведенная въ исполненіе въ 1862 году, сторонниками Ламберова отеля (2), была уже заявлена въ № 54 этой газеты отъ 5 марта: „Польское дворянство вполне слѣдуетъ примѣру италіанскаго, и какъ этому удалось, пламенными и самыми лестными для *Мадзини* рѣчами, выпроводить сего за дверь и устранить отъ всякаго вліянія, кланяясь ему въ поясъ (*piniaus zu complimentiren*), такъ польская аристокрація надѣется сбить съ шемъ *Мѣрославскаго* и захватить въ свои руки поводья движенія“ (3).

Вожди полонизма, для мятежа 1863 г., отказались отъ ком-

(1) Въ войскахъ всѣ полковые ксендзы—нѣмцы.

(2) Т. I. Введеніе стр. (3) р. 133.

бинаціи предшествовавшихъ мятежей—единовременнаго начатія борьбы съ тремя державами. На этотъ разъ, для театра мятежа, были назначены области, принадлежавшія Россіи; Галиція была признана пригодною быть складочнымъ мѣстомъ для матеріальнаго довольствія, для вооруженія и формированія. Познань была признана Ламберовымъ отелемъ служить мѣстопробываніемъ высшаго управленія заговора и возможнымъ поддержаніемъ мятежа снабженіями. Въ главѣ его сталъ графъ *Дзялынскій* и его ближайшій помощникъ Александръ *Гутри*.

Мѣры, принятыя Пруссіею въ ожиданіи готовимаго мятежа, парализировали всѣ планы создаваемые польскою справою. Сперва рассчитывали по крайней мѣрѣ на 54,000 человекъ, которые будутъ высланы на театръ мятежа; но бдительность прусской администраціи затруднила доставку и сохраненіе оружія, и шайки могли безопасно формироваться и устроиваться только перейдя границу. Первая шайка по частямъ переправилась черезъ границу, когда пруссаки, не зная гдѣ будетъ театръ мятежа и оберегая внутренность страны, не обезпечили достаточно границы. Шайка выступила въ февралѣ; по сформированіи состояла отъ 600 до 700 человекъ; но послѣ пораженія она искала спасенія въ Пруссіи, и по переходѣ границы встрѣтилась уже съ отрядами прусскихъ войскъ. Волонтеры въ трехъ колоннахъ готовились ко вторженію въ Царство Польское, въ половинѣ апрѣля, подверглись нападеніямъ пруссаковъ еще до сформированія и отдѣленные толпы могли устроиться только за границею въ Калишскомъ воеводствѣ. Но расчеты на верховномъ управленіи ходомъ всего польскаго мятежа изъ Познани также не осуществились. Послѣ высылки графа *Андрея Замойскаго* изъ Варшавы, Ламберовъ отелъ перевелъ свои надежды на графа *Дзялынскаго*, мужа дочери умершаго князя *Адама Чарторыйскаго*. *Дзялынскій* свыше управлялъ комитетомъ, устроеннымъ *Гутрымъ*, который устроилъ и цѣлую мятежническую организацію въ Познани. 12,000,000 франковъ уплотила Познань Ламберову отелю для веденія дѣла мятежа; кромѣ того по округамъ производились сборы деньгами, оружіемъ и припасами для мѣстнаго возстанія. Администрація близко слѣдившая за подозрительными личностями, начала съ того, что 28 апрѣля конфисковала бумаги прямо у самого *Дзялынскаго*; и его не спасла придуманная организація заговоровъ, по которымъ верховные вожди ограждали себя тайнствен-

ими мятежническими комитетами. *Дзялинскій, Гутри* и другіе главные виновники бѣжали за границу. Раскрытіе мятежной организаціи во время управленія мятежемъ *Комитетомъ Гутри*, повело къ тому, что мятежническія должности въ организаціи оказались занятыми преимущественно помѣщиками, такъ что изъ 136 лицъ, причисленныхъ слѣдственной комиссіею къ преступникамъ 1-й категоріи за государственную измѣну, оказалось 77 принадлежащихъ сословію землевладѣльцевъ.

Ударъ нанесенный мятежнымъ предпріятіямъ былъ такъ силенъ, что они только вяло могли продолжать свои дѣйствія, преимущественно заключавшіяся въ денежныхъ сборахъ. Ксендзы остались потому по нѣкоторымъ указаніямъ дальнѣйшими распорядителями. Изъ восточной Пруссіи они успѣли еще въ мартѣ 1864 г. перекинуть до 1,000 человекъ волонтеровъ въ Царство Польское; но шайка была разбита, и съ прекращаемымъ мятежемъ въ предѣлахъ Россіи, замерли и мятежническія работы въ предѣлахъ Пруссіи.

Пруссаки изученіемъ великаго будованія опредѣлили польскую конспиративную дѣятельность названіемъ *regretium mobile* (безконечнаго движенія). Слѣдственная комиссія надъ подсудимыми 1863—1864 г., въ своемъ отчетѣ заявила, что польская національная организація продолжаетъ стремиться (*und noch geht*) къ цѣли возстановленія независимости Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ. Своими изслѣдованіями слѣдственная комиссія въ Берлинѣ тщательно выяснила, что при польскихъ мятежахъ, вожди избираютъ пригоднѣйшій театръ для мятежа; на что поляки въ границахъ давней, и для нихъ нераздѣльной Рѣчи Посполитой обязаны своими средствами поддерживать громадныя расходы, которые требуютъ возстаніе. Показанія преступниковъ судимыхъ въ Вильнѣ подкрѣпляютъ и прусскіе выводы, что польскіе мятежи, по польской наукѣ должны производиться по наукѣ мятежей, чрезъ каждое отъ 10 до 15 лѣтъ. При склонности поляковъ праздновать свои ефемериды 1773 года, годъ столѣтія послѣ перваго раздѣла намекаетъ на время слѣдующаго польскаго мятежа; но администрація въ Познани дѣятельно заботится, чтобы театръ мятежа не очутился бы въ предѣлахъ Пруссіи, и чтобы по менѣе капиталовъ, извлекаемыхъ изъ почвы и труда народа прусскаго государства, шло на враждебное дѣло польскихъ затѣй.

КОРСУНСКІЙ-ОНУФРІЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Корсунскій-онуфріевскій монастырь находится въ каневскомъ уѣздѣ, въ 8-ми верстахъ отъ м. Корсуна, между с. Гарбузиномъ и д. Набутовымъ, на острову, образуемомъ р. Росью. Въ бумагахъ прошлаго столѣтія онъ иногда называется пустынно-корсунскимъ, *Валковскимъ*. Послѣднее названіе онъ получилъ отъ вала, которымъ былъ окруженъ; нынѣ валъ этотъ едва замѣтенъ, но въ описи монастырской 1785 года объ немъ говорится такъ: „округъ монастыря валъ земляной, вышиною косовыхъ 2 сажени, на верху до половины дубовымъ частоколомъ обнесень.“ Вѣроятно, монастырь былъ окруженъ валомъ для защиты отъ набѣговъ татарскихъ; но еще вѣроятнѣе, что это былъ одинъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ Украины, къ чему приводитъ находящаяся внѣ монастыря, вблизи его, укрѣпленіе подъ названіемъ *Ура-городокъ*.“ Съ сѣверной стороны монастыря находится садъ, а съ западной дубовый и разный лѣсъ; въѣздъ нынѣ въ монастырь съ югозападной стороны чрезъ болото, по которому устроенъ мостъ на протяженіи 100 саженой; длина острова всего $\frac{1}{2}$ версты, а ширина 30 саженой.

Немногое можно сказать о началѣ и судьбѣ этого монастыря; ибо еще въ 1799 г., при сдачѣ его игумену Елеазару, письменныхъ дѣлъ въ монастырѣ никакихъ не явилось, а по показанію братіи, онѣ взяты каедральнымъ (перяславскимъ) намѣстникомъ, игуменомъ Ирианархомъ.

Изъ даннаго гетманомъ Мазепою универсала, подтвердительнаго на угодія, корсунскому монастырю принадлежавшія, видно, что онъ существовалъ уже въ началѣ 17 вѣка, такъ какъ въ этомъ универсалѣ упоминается, что корсунскому монастырю даны были разныя угодія въ с. Шендеровци отъ гетмана запорожскихъ войскъ Петра Сагайдачнаго (сконч. въ 1622 г.) Былъ ли корсунскій монастырь прежде,—нельзя рѣшить. Во всякомъ случаѣ онъ основанъ не раньше 16-го столѣтія; ибо и Корсунъ, по разореніяхъ татарскихъ, возобновленъ только въ 1584 году. Въ Корсунѣ сохранилось преданіе, что первый монастырь находился въ

самомъ Корсунѣ, гдѣ (1) нынѣ домъ владѣльца, князя Лопухина, бывшій прежде князя Понятовскаго. Вѣроятно, монастырь первоначальный разоренъ во время войнъ между искателями гетманскаго достоинства по смерти Хмѣльницкаго, если не сожженъ еще прежде поляками вмѣстѣ съ Корсунемъ въ 1648 г.

Фундаторомъ и ктиторомъ нынѣ существующаго корсунскаго монастыря, по указанію того же Мазепискаго универсала, былъ Григорій Гуляницкій, генеральный судья при Богданѣ Хмѣльницкомъ (2), котораго братъ жилъ близъ монастыря, въ с. Бровахахъ. Можетъ быть, и самъ Григорій Гуляницкій нашелъ себѣ покой въ валковскомъ монастырѣ, подобно современнику и стороннику своему Андрею Дорошенку, возстановившему чигиринскій монастырь и бывшему въ немъ игуменомъ. Такимъ образомъ, Гуляницкій возстановилъ только существовавшій прежде монастырь, и поселилъ иноковъ на мѣстѣ нѣсколько удаленномъ отъ корсунскаго замка, часто привлекавшаго военныя силы. Въ память своего возстановленія, корсунскій монастырь, до конца прошлаго столѣтія, назывался корсунскимъ-гуляницкимъ. По преданію, до основанія монастыря, на мѣстѣ его была пасѣва Григорія Гуляницкаго и любимое имъ мѣсто.

Едва ли уцѣлѣлъ гуляницкій монастырь въ 1678 году, во время разоренія Украины турками; объ этомъ можно гадать изъ

(1) По свидѣтельству 100-лѣтняго старика, который помнилъ закладку этого дома княземъ Понятовскимъ, при копаніи ровъ подъ фундаментъ, были отрываемы разныя церковныя вещи, и открытъ былъ гробъ священника или другаго священнаго лица, какъ можно было судить по облаченіямъ и кадилицѣ-

(2) Григорій Гуляницкій, генеральный судья — 9-го октября 1648 г. являлся къ царю Алексію Михайловичу отъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго, съ предложеніемъ вести общую войну противъ Польши; въ 1650 г. онъ былъ приговоренъ къ смерти за возбужденіе козаковъ противъ Хмѣльницкаго, по поводу отдачи украинскіхъ имѣній польскимъ панамъ, и долженъ былъ бѣжать въ Молдавію; передъ Берестечскою войною онъ перешелъ въ Польшу и содѣйствовалъ измѣнѣ хана открытіемъ переговоровъ, веденныхъ тогда съ московскимъ царемъ. По смерти Богдана, Гуляницкій является въ Украинѣ приверженцемъ Выговскаго и въ чинѣ полковника нѣжинскаго; съ 1656 г. онъ сталъ приверженцемъ Тетери и Польши; Чарнецкимъ былъ посаженъ въ маріербургскую тюрьму, — оттуда бѣжалъ въ Малороссію съ митрополитомъ Іосифомъ Тульскимъ. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

того, что до 1698 года батуринскаго монастыря игумень именовался батуринскимъ, скельскимъ и корсунскимъ. Вѣроятно, такой титулъ усвоенъ былъ батуринскому игумену потому, что въ батуринскомъ монастырѣ помѣщена была братія разореннаго корсунскаго монастыря. Въ 1707 году корсунскій игумень Гедеонъ Вольскій исходатайствовалъ у гетмана Мазепы подтвердительный универсалъ на владѣніе угодіями, пожертвованными сему монастырю отъ гетмана Петра Сагайдачнаго, отъ Хмѣльницвой (вѣроятно 3-й жены Богдана — Золотаренковой, урожденной изъ Корсуна), Гуляницвой и Григорія Гуляницкаго. Въ этому же времени возстановленія украинскихъ монастырей нужно отнести вторичное возовновленіе и корсунскаго монастыря.

Справедливо замѣчено въ описи сего монастыря, составленной въ 1795 году, что „корсунскій монастырь былъ разоряемъ и чрезъ многіе годы стоялъ впустѣ.“

Та же судьба была его и въ 18-мъ столѣтіи, по отдачѣ Украины Польшѣ въ 1715 году, когда съ уничтоженіемъ козацкаго войска возобновлено было тѣмъ болѣе безпрепятственное гоненіе на беззащитныхъ православныхъ сыновъ ея. Въ той же описи замѣчено, что корсунскій монастырь состоялъ подъ властію униатскихъ митрополитовъ и отданъ былъ базилианамъ, которые и жили здѣсь долгое время. Это было, конечно, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Въ 1763 году, князь Василій Лубенскій совершенно разорилъ корсунскій монастырь; по донесеніи о семъ — бывшими братьями его Геромонахомъ Теофаномъ и монахами Антоніемъ и Діонисіемъ, указомъ переяславской духовной консисторіи, поручено было отъ 8-го іюля 1768 года, принять, корсунскій монастырь въ свое управленіе игумену кошногорскаго монастыря Герасиму. Въ этомъ же году онъ былъ обновленъ на поданіе народа, при пресвященномъ Гервасіѣ, когда надъ притѣснитѣлями православія разразилась грозная туча изъ мотронинскихъ лѣсовъ. Съ тѣхъ поръ онъ остался навсегда въ рукахъ православныхъ, хотя по временамъ бѣдствія не прекращались. Въ 1771 году униатскій митрополитъ Феліціанъ Володковичъ, прибывши въ Корсунъ, послалъ корсунскимъ монахамъ приказъ явиться для присяги на унию. Тогда монахи должны были бѣжать опять отъ преслѣдованій униатскаго офиціала Григорія Моврицкаго, а монахъ Діонисій при этомъ захватилъ всю утварь церковную; сохранилъ ли онъ ее, — неизвѣстно было и въ 1773

году, въ которомъ для допроса объ этомъ требовали его въ курсунскій монастырь изъ мотронинскаго. Въ началѣ 1773 года иждивникъ мошногорскаго монастыря Герасимъ просилъ у переяславской консисторіи дозволенія реставрировать курсунскій монастырь и устроить въ немъ трапезную церковь; но ему, отъ 31 марта того же года, предписано стараться о устроеніи своего монастыря, а курсунскій, сказано, «пушай остается до дальшаго разсмотрѣнія.» Обновленіе монастыря началось съ 1774 года, въ которомъ 19-го мая разрѣшено починить въ курсунскомъ монастырѣ большую церковь, такъ какъ въ ней „за малостію оконъ темно, — за ветхостію — течъ, и престолъ на горнемъ иждивіи по уніацку.“ Въ слѣдующемъ 1775 году 16-го февраля преосвященный Іовъ благословилъ заложить трапезную церковь въ честь рождества пресвятыя Богородицы. Въ 1777 году назначенъ былъ въ курсунскій монастырь самостоятельный игумень Климентъ, и тогда, по его просьбѣ; собрана была и прочая братія, жившая большою частію въ мошногорскомъ монастырѣ послѣ нападенія уніатскаго. Въ 1781 году, въ числѣ прочихъ, и курсунскій монастырь былъ обложенъ податію, измышленною уніатами. Въ іюлѣ сего года прибылъ въ курсунскій монастырь суперіоръ льсянскаго базилянскаго (прежде православнаго) монастыря, съ требованіемъ на столъ его королевскаго величества 376 золотыхъ и 15 грошей — за 5 лѣтъ; срокомъ уплаты назначено было 1-е сентября; въ случаѣ просрочки угрожали военною экзекуціею. Въ самомъ дѣлѣ, онъ дѣйствовалъ по распоряженію уніатскаго митрополита Іасона Смогоржевскаго, и былъ отъ него уполномоченъ производить подобный сборъ со всѣхъ православныхъ церквей и монастырей въ Украинѣ; военныя команды только содѣйствовали экзекуціею. Общая тогда отъ монастырей и духовенства жалоба была представлена въ св. синодъ, а отъ него передана въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ 1779 году враги православной церкви, какъ бы стыдясь уже открытаго гоненія, предприняли злой умыслъ повредить нравственности отшельниковъ. По распоряженію управляющаго иждивіемъ князя Понятовскаго, близъ воротъ самаго монастыря, построены были шинки, въ которыхъ посадили еврея. Хотя въ окрестности монастыря нѣтъ никакихъ заселеній, и иждивность его до того уединена, что къ монастырю едва можно проѣхать проселочною дорогою, предлогъ къ открытію питейнаго дома найденъ весьма удобный. По древнему при-

мѣру православныхъ братствъ, братія монастырская сытла медь-къ празднику св. Онуфрія, и продавала въ этотъ день бого-мольцамъ, извлекая изъ того нѣкоторую пользу на поддержку скудной обители. Въ этомъ году, въ день самаго праздника, комиссаръ экономическій явился въ монастырь, запечаталъ всѣ три бочки меду и велѣлъ строить корчму. Игуменъ жаловался на такое насиліе; экономія клеветала, что монахи продаютъ водку. Игуменъ вновь отвергалъ это, какъ явную клевету, объясняя, что корчма построена для поношенія, поруганія, обогнанія монаховъ въ народѣ. Въ 1783 году происходила уже объ этой корчмѣ переписка между преосвященнымъ переяславскимъ Иларіономъ и графомъ Штапельбергомъ съ одной, и варшавскимъ митрополитомъ съ другой стороны, — монахи между тѣмъ, дѣйствительно, стали соблазняться близостію винной продажи; но, не смотря на всѣ усилія православныхъ, корчма эта просуществовала на своемъ мѣстѣ до 1833 года, года, въ которомъ сломана уже по приказанію нынѣшняго владѣльца князя Павла Петровича Лопухина. Въ 1784 году курсунскую обитель постигло новаго рода несчастіе: она лишилась лучшей своей утвари. Поводъ къ тому былъ слѣдующій. Два года уже носилась и все болѣе распространялась въ народѣ молва объ отобраніи на унию всѣхъ православныхъ украинскихъ церквей; игуменъ Елеазаръ, имѣя справедливыя опасенія, всѣ дорогія вещи и церковныя сосуды отдалъ въ с. Деренковецъ на сохраненіе тамошнему священнику Федору Левитскому, который спряталъ ихъ въ собственной коморѣ (кладовой), — оттуда они укрядены, и никакъ не могли быть отысканы. Вскорѣ ложныя опасенія, возбужденныя въ польскомъ правительствѣ по поводу столь же ложныхъ слуховъ о замышленномъ на Украинѣ возмущеніи, нарушили покой курсунской обители. 10-го марта, 1789 года явился въ этотъ монастырь — хорунжій народной польской кавалеріи Станиславъ Обертинскій съ 10-ю чело-вѣками вооруженной команды; въ церкви въ это время совершалось вечернее богослуженіе, — вдругъ церковь съ братією, а равно и монастырь были окружены; когда игуменъ Елеазаръ вышелъ изъ церкви чрезъ пономарню, его схватили среди двора. Белліи и всѣ письменныя дѣла пересмотрѣли, и при томъ допрашивали: что пишетъ къ вамъ императрица; игуменъ отвѣчалъ: пишетъ, чтобы мы обходились съ вами (поляками) мирно, и молили за васъ Бога. Такому обыску были подвергнуты братскія

келли, покарня и палата, наконецъ самая церковь; вездѣ, даже подѣ престоломъ, искали, нѣтъ ли гдѣ оружія или пороху. Но напрасно поляки искали истребительныхъ снарядовъ или оружія въ православной церкви и въ келліяхъ православныхъ отшельниковъ. — 20-го декабря, 1782 года, было совершено здѣсь всеобщее бдѣніе и благодарственное по литургіи молебствіе съ коленнопреклоненіемъ и звономъ по прочтеніи универсала объ освобожденіи изъ-подъ ареста архипастыря Украины, преосвященнаго Виктора, невинно, по одному подозрѣнію, болѣе трехъ лѣтъ томявшагося въ заключеніи — въ Варшавѣ. Съ того времени миръ водворился въ обители корсунской, а вскорѣ и совершенно утвердился съ присоединеніемъ въ 1794 году Малороссіи къ Россійской Имперіи.

Въ 18-мъ вѣкѣ корсунскій монастырь до 1795 года состоялъ подѣ управленіемъ епископовъ переяславскихъ; въ томъ году причисленъ къ кievской епархіи вмѣстѣ съ богуславскимъ уѣздомъ, въ которомъ находился.

Въ это время управленіе въ немъ было игуменское; изъ игуменовъ сего времени извѣстны :

1) 1707 г. игумень Гедеонъ Вольскій, исходатайствовавшій у Мазепы подтвердительный универсалъ на владѣніе прежними угодіями.

2) Съ 20-го генваря 1777 года по 8-е мая 1779 г., игумень Климентъ.¹

3) 1779 по 3-е мая 1785 года, игумень Елеазаръ — изъ экзонаховъ переяславскаго архіерейскаго дома; съ 1784 г., за удаленіемъ отъ должности корсунскаго протопопа Данила Адамовича, онъ завѣдывалъ и дѣлами оставшихся въ православіи церквей корсунской протопопіи.

4) Съ 4-го іюля 1785 г. до 1798 года, игумень Самуиль Свидерскій — изъ крестовныхъ іеромонаховъ митрополита Самуила. Въ 1771 году онъ присутствовалъ на пинской конгрегациі, созванной польскимъ правительствомъ для учрежденія въ Польшѣ іерархіи украинскихъ православныхъ церквей, независимой отъ всероссійскаго свят. синода, а въ его отсутствіи монастыремъ управлялъ іеромонахъ Гавріилъ. Въ 1794 году, при возстановленіи православія въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ, — игумену Самуилу было поручено заготовлять и раздавать антикины для

воссоединенныхъ церквей(1). Въ 1798 году 15-го іюля игуменъ Самуилъ переведенъ въ Лебедискій Георгіевскій монастырь настоятелемъ.

Изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ корсунскаго монастыря видно, что въ немъ состояло братіи :

въ 1782 г. —	.9 дунь,
— 1786 г. —	8 —
— 1788 г. —	12 —
— 1792 г. —	12 —

Приходъ и расходъ монастырскихъ суммъ :

Приходъ: за 1779 г.	198 р.,	расходъ: 1779 г.	189 р.
1780 —	300	1780 —	293 —
1781 —	212	1781 —	210 —
1783 —	122	1783 —	119 —
1784 —	107	1784 —	103 —

Церкви: Съ прошлаго столѣтія въ корсунскомъ монастырѣ существовали двѣ деревянныя церкви: 1-я во имя преподобнаго Онуфрія—небольшатаго размѣра, о 5-ти главахъ, изъ дубоваго лѣсу. Она называется старою въ описи 1792 года, возобновлена въ 1768 году при преосвященномъ Гервасіѣ, епископѣ переяславскомъ; 2-я теплая церковь—во имя Рождества пресв. Богородицы, построенная въ 1775 году по благословенію епископа переяславскаго Іова, и обновленная въ 1777 году,—сосноваго дерева, съ надстроеною на верху колокольнею; 3-я Николаевская. Въ 1793 году игуменъ Самуилъ просилъ разрѣшенія построить новую колокольню вмѣсто обветшавшей, и для сего приготовилъ лѣсъ; вмѣстѣ съ колокольнею предполагалось построить и церковь во имя св. Николая. Церковь во имя сего угодника была, но въ недавнее время, за ветхостію, продана игуменомъ Амфилохіемъ. Нынѣ въ корсунскомъ монастырѣ двѣ церкви: 1) каменная съ

(1) Въ августѣ 1794 года, игуменомъ Самуиломъ выдано—1,267 антиминсовъ, въ томъ числѣ старыхъ шелковыхъ и полотняныхъ—979, новыхъ—288; сдѣлано и роздано въ антиминсамъ 920 губъ изъ 8½ фунтовъ грецкой губы: но за всѣмъ тѣмъ, по причинѣ новыхъ требованій отъ благочинныхъ, игуменъ Самуилъ просилъ у митрополита Самуила разрѣшенія заготовить еще на первый случай хотя 1,000 антиминсовъ, такъ какъ въ 3-хъ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ было униатскихъ церквей—4,683.—(Вѣдомость и донесеніе митроп. Самуялу).

деревянный сводомъ о 5-ти куполахъ, однопредстольная, во имя св. Онуфрія, сооружена въ 1865 году стараніемъ игумена Іоанна, и 2) деревянная—теплая, однопредстольная, во имя Рождества Божіея, построенная въ 1845 году игуменомъ Теодорожъ.

Святини сего монастыря составляютъ двѣ частицы мощей св. Арсена и Меркурія, хранящіяся въ ковчегѣ. Онѣ поступили въ курсунскій монастырь отъ архимандрита пендайскаго іерусалимскаго монастыря — Никифора, заболѣвшаго въ Корсунѣ на пути изъ Іерусалима въ Нѣжинъ и здѣсь погребеннаго — въ курсунскомъ монастырѣ. Иконъ древняго письма не имѣется; иѣстно болѣе чтимая икона Божіей Матери (1) въ кіотѣ отдѣльномъ и въ серебр. ризѣ вѣсомъ въ 3 фунта.

Угодія монастыря. Въ универсалѣ Мазепы упомянуты разныя угодія, въ давнія времена пожертвованныя курсунскому монастырю, именно: 1) отъ гетмана Петра Сагайдачнаго—въ с. Шендеровцѣ ставъ съ млинами, лѣсомъ, садомъ и пахатное поле надъ рѣчкою Камлякою; 2) отъ Хмѣльницкой и Гуляницкой — мельница на р. Росѣ о 4-хъ колесахъ; 3) отъ Григорія Гуляницкаго—прудь въ с. Гарбузинѣ съ 3-мя лѣсами, сѣножатями и селищемъ Маювщица, и разныя другія угодія въ м. Корсунѣ, селѣ Сытникахъ, близъ Дерешковца и Ольшаны, въ с. Бвиткахъ, Бровахахъ и въ Богуславѣ, принадлежавшія курсунскому монастырю въ 17 вѣкѣ. Старинныя права на эти угодія и подтвердительныя универсалы гетмановъ въ 1707 году были представляемы игуменомъ Геденомъ гетману Мазепѣ, и 1-го октября 1707 года вновь отъ него подтверждены въ пожалованномъ о семъ универсалѣ 1-го октября того же года. Но всѣ эти обширныя владѣнія сего монастыря отняты у него въ разные годы 18-го вѣка, и въ 1795 году уже, за давностію времени, никто не помнилъ о времени сего отбора, какъ значится въ монастырской описи за этотъ годъ. Документы же и крѣпости на монастырскія угодія, во время завладѣнія монастыремъ базилианами, были взяты въ кіевософійскій монастырь для храненія, и потомъ въ 1785 году переданы Виктору епископу переславскому, при отправленіи его въ г. Слуцкъ; но изъ нихъ митрополитомъ Евгеніемъ только отысканъ универсалъ Ма-

(1) Дана въ курсунскій монастырь блжстителемъ дальнихъ пещеръ кіевопечерской лавры, іеромонахомъ Аггеємъ, изъ его домашнихъ иконъ; письма не стараго.

зены. Въ 1792 году — въ пользованіи монастыря было поля на 20 дней и сѣнокоса на 20 косарей. Въ пособіе къ содержанію своему, корсунскій монастырь, во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія, считался приходскимъ для деревни Набутова, гдѣ въ 1787 году числилось 127 душъ мужескаго пола, — почему іеромонахи исправляли всѣ требы въ этой деревнѣ. Во время командировки игумена Самуила для раздачі антиминсовъ возсоединеннымъ церквамъ — въ 1794 и 1795 году, требы въ Набутовѣ исправляли поочередно священники с. Бровахъ, Кошпака, Нетеребки, Корниловки, Пѣцекъ, Гарбузина, коимъ и вѣдно было поседмично жить для сего въ корсунскомъ монастырѣ.

Въ настоящее время корсунскій монастырь во владѣніи своей имѣетъ хуторъ съ вѣтряною мельницею — въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ монастыря, при ономъ 39 десятинъ пахатной и сѣнокосной земли, и сверхъ того 5 небольшихъ озеръ при р. Роси, также вблизи монастыря.

Монашествующихъ 6, въ томъ числѣ настоятель, 4 іеромонаха и іеродіаконовъ; послушниковъ 7. (Кіев. Епар. Вѣд.)

НАЧАЛО УНІИ.

(Продолженіе) (*).

ВѢРОИСПОВѢДНАЯ УНІЯ.

Время уже приступить къ важнѣйшему предмету. Уже издавна самымъ усиленнымъ стараніемъ Рима было — соединить восточную церковь съ западною подъ верховною властію папы. Постояннымъ стремленіемъ польскихъ государей было — подчинить римской вѣрѣ русиновъ въ Литвѣ, со времени покоренія галицкой Руса Казиміромъ и правленія Ягайла въ Литвѣ; стремленіе это было сильнѣе, или слабѣе, смотря по степени горячности властителя. Римъ желалъ этого, латинское духовенство съ нетерпѣніемъ стремилось къ тому. Больше овецъ — больше шерсти. Хотя вообще

(*). Смотри 8 и 9 кн. Вѣстника Зап. Россіи.

пробыль была незначительна, однако, важнѣе въ галицкой Руси, принадлежавшей Польшѣ, чѣмъ въ той, которая соединена была съ Литвою. Въ галицкой Руси уже съ самаго начала богатѣйшіе русскіе роды были устранены, всѣ важнѣйшія мѣста и должности отданы исключительно полякамъ-католикамъ, и только часть среднего и мелкаго дворянства оставлена была при старомъ вѣроисповѣданіи, къ которому оно, вмѣстѣ съ городами и простонародіемъ, было привязано въ высшей степени. Напротивъ, въ литовской Руси не только среднее и мелкое дворянство, города и деревни, но и всѣ знатнѣйшіе дома бояръ и князей держались восточнаго исповѣданія и отправляли всѣ высшія правительственныя должности и почетныя званія, къ которымъ поляки не имѣли никакого доступа.

Въ 1569 году состоялась достопамятная унія (1) или вѣчное соединеніе Литвы съ Польшею. Разными происками, о которыхъ была выше рѣчь, Польша достигла, наконецъ, того, что Великое Княжество Литовское уступило ей Подлѣсье, Волынь, Подоль, Украину и цѣлое Княжество Кіевское, такъ что всѣ эти области, которыя гораздо обширнѣе самой Польши стали теперь польской областью. Лишь только края эти были присоединены въ Польшу, вакъ въ нихъ разгнѣздилося множество польскихъ родовъ, надѣленныхъ стороствами, имѣніями, откупамъ и должностями, и тѣмъ самымъ открылся удобнѣйшій случай для обращенія русиновъ. Однако, жатва не отвѣчала ожиданію латинскихъ ревнителей, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, тамъ и сямъ перешедшихъ въ латинство по поводу браковъ (2). Непрохо-

(1) Двѣ уніи извѣстны въ польскомъ бытописаніи. Первая, гражданская, съ 1569 года, по которой Литва и Польша навсегда были соединены въ одно гражданское тѣло, и Польша получила отъ Литвы области, упомянутыя мною ниже въ самомъ изложеніи. Вторая—вѣроисповѣдная, которой начало относится къ 1595 году, и въ силу которой часть Руси отложила отъ царградскаго патріарха и подчинилась римскому папѣ. Обѣ онѣ имѣли ужасное вліяніе на русскій народъ. Здѣсь мы будемъ говорить только о послѣдней. Польскіе историки упоминаютъ еще о давнишней гражданской унії, заключенной съ Литвою въ Городнѣ 1415 года; но что это однѣ лишь басни, подробно было доказано въ своемъ мѣстѣ.

(2) Что русиновъ перекрещивали, доказательствомъ можетъ служить небольшое сочиненіе Орѣховскаго: «De non rebaptisandis Ruthenis.»

дняя бездна раздѣлила оба вѣроисповѣданія. Поляки-католики вѣрили, что только они, а не отщепенцы, каковыми были в глазах ихъ русины, могутъ быть участниками спасенія: и образно, русины, послѣдователи греческаго вѣроисповѣданія утверждали, что единственно въ ихъ церкви спасеніе, а въ латинской отвергали, или по крайней мѣрѣ, сомнѣвались въ томъ. Воспитанный въ такихъ началахъ, русинъ не легко могъ играть своею совѣстью, своимъ вѣчнымъ предназначеніемъ. Чтобы удалить эту преграду, различавшую два вѣроисповѣданія, самымъ дѣйствительнѣйшимъ средствомъ признано было соединеніе или, такъ называемая, унія, въ которой русины, оставаясь до времени (1) при нѣкоторыхъ обычныхъ стародавнихъ обрядахъ и славянской литургіи, признавали бы только папу высшею видимою главою церкви и принимали бы то положеніе, что въ томъ и другомъ вѣроисповѣданіи равно можно обрѣсти себѣ спасеніе.

И такъ, допустивши это первое, главное и совѣсть успокоивающее начало, все прочее пойдетъ успѣшно; тогда никакое препятствіе не удержитъ уніата отъ перехода въ латинскую вѣру, ибо въ той и другой вѣрѣ высшая цѣль человѣка, т. е., спасеніе души, можетъ быть достигнута. Даже нельзя сомнѣваться въ этомъ переходѣ, особливо въ высшихъ слояхъ народа, ибо трудно было держаться вѣры меньшинства въ церкви римской, будучи сыномъ од-

(1) Пишу «до времени», ибо въ сущности такъ и было. Лишь только введенная унія среди браней, кровопролитія и споровъ начала нѣсколько утверждаться, какъ уже въ 1629 году іезуиты и латинское духовенство настаивали у митрополита уніатскаго, Вельямина—Рутскаго, чтобы онъ, оставивъ славянскій языкъ и греческій обрядъ, отправилъ латинскую обѣдню на соборъ въ Львовъ и склонилъ бы къ сему свое духовенство. Митрополитъ воспротивился этому, хотя самъ былъ ревностнымъ приверженцемъ папы, воспитанный въ Римѣ и названный папою Урбаномъ VIII Атласомъ уніи, столбомъ церкви и Афанасіемъ Руси, и до миліона людей, частію насильно, частію убѣжденіемъ, обратившій въ унію. Причиною, заставлявшей его противиться, былъ безъ сомнѣнія, страхъ, чтобы унія не опротивѣла русинамъ, которые, видя свой языкъ и свое богослуженіе оторванными, отстали бы и отъ уніи. А можетъ быть, ему жаль было и русскихъ епископій, ибо, по введеніи латинской литургіи, уже не нужны были ни русскіе епископы, ни русскіе приходскіе священники. (Siarczyński. *Obraz wieku Zygmunta III*, T. I, str. 141, Engel s. 121).

ного общаго отца? Конечно, онъ захочетъ хвалить Бога языкомъ этого отца, языкомъ короля, своего владыки, и языкомъ народного большинства. Это начало, построенное на теоріи, не замедлило исполниться и на дѣлѣ. По введеніи униі, о которой намъ предстоитъ говорить, униатское дворянство толпами перешло въ латинскую вѣру, внутренно увѣряя себя, что вѣроисповѣдное сомнѣніе и зазрѣніе совѣсти теперь примирены и уже больше не существуютъ, а дѣти этого дворянства забыли или стыдливо вспомнили, что отцы ихъ были русины (1). Къ духовнымъ побужденіямъ, исходившимъ чисто изъ усердія къ распространенію католичества, необходимо должны были присоединиться и государственныя, что дѣйствительно и случилось. Если бѣ одню только желаніе спасти души человѣческія водило тѣми, которые приняли на себя достиженіе этой цѣли, то почему бы имъ не обращать также и жидовъ, которыхъ такое множество въ Польшѣ, татаръ въ Литвѣ и караймовъ на Руси? Но нѣтъ! Этихъ предоставляли печальной участи оставаться въ заблужденіи, а занимались только русскими христіанами. Стало быть, тутъ была и государственная причина.

(1) Для иностранца покажется непонятнымъ, что за связь у вѣры съ народностью? Нѣмецъ, римскаго ли онъ исповѣданія, или аугсбургскаго, гелветическаго, или гернгутерскаго, всегда остается нѣмцемъ, и религія не имѣетъ у него вліянія на народность. У французовъ то же. Но иначе ведется въ Польшѣ. Латинцы слышатъ въ храмахъ богослуженіе на языкѣ, который понятенъ только для ученыхъ; все же христіанское ученіе и молитвословіе произносится на польскомъ языкѣ. Напротивъ того, русины, какъ извѣстно, и богослуженіе и все прочее вѣроученіе совершаютъ на своемъ родномъ языкѣ. Русинъ, принявши латинскую вѣру, учитъ и произноситъ всѣ молитвы попольски, слушаетъ наставленіе священника и исповѣдуется на томъ же польскомъ языкѣ; и такъ, когда этотъ языкъ со временемъ становится орудіемъ общенія, то русскій языкъ забывается, и народность опредѣляется только уже языкомъ польскимъ. Примѣръ очевиденъ. Половина галицкаго дворянства имѣла предками русиновъ, которые приняли латинскую вѣру, нѣкоторые изъ нихъ даже весьма недавно. Ихъ потомки теперь не умѣютъ ни писать, ни читать порусски и считаютъ себя поляками, хотя на самомъ дѣлѣ они русскіе. Такимъ образомъ, переменна вѣры у насъ влечетъ за собою переменну языка и народности. Мы это столько разъ видѣли выше.

Польша дѣлилась на два народа, различные по вѣрѣ и языку, — на русскихъ и поляковъ, которые, помимо связывавшихъ ихъ отношеній, почитали себя отдѣльными другъ отъ друга, и даже не было недостатка во взаимной ненависти. Поэтому конечною необходимостію было соединить эти два народа и стереть съ нихъ печать различія. Когда бы латинское вѣроисповѣданіе утвердилось вообще между дворянствомъ, тогда бы языкъ польскій сталъ языкомъ высшаго сословія какъ въ Польшѣ, такъ и на Руси. А хотя дворянство волынское, кіевское, черниговское и брацлавское, при подданствѣ Польшѣ въ 1569 году, и удержало за собою управленіе и судопроизводство на языкѣ русскомъ, въ то время еще сохранявшемся въ домахъ его, однако, спустя вѣкъ, или два, а можетъ быть и раньше, само бы оно стало просить объ уничтоженіи права судиться языкомъ употребляемымъ только въ престонородіи и крестьянствѣ и совершенно неизвѣстнымъ ему на письмѣ. Говорю «неизвѣстнымъ», потому что, не отправляя на немъ богослуженія и не говоря порусски, къ чему бы стало учить своихъ дѣтей холопской русской грамотѣ (1)? Но даже и холопы, т. е. крестьяне, должны бы были принять латинское вѣроисповѣданіе и молитвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ польскій, какъ это уже случилось въ Руси повислянской, завислоцкой и въ большей части обширной нѣкогда епархіи перемишльской; ибо нанѣ, въ силу закона 1573 года, будучи господиномъ — „tam in saecularibus, quam in spiritualibus“ — надъ личностью своихъ холоповъ, имѣлъ право принудить ихъ къ этому (2). Та-

(1) Какъ это дѣйствительно и случилось. Спустя столѣтіе, при Янѣ Собіескомъ и обоихъ Августахъ, уже все дворянство на Волыни, Малороссіи и Подолѣ обратилось въ польское, а въ судопроизводствѣ языкъ латинскій, или польскій занялъ мѣсто русскаго.

(2) Были употреблены различныя средства, чтобы истребить униатство, что, безъ сомнѣнія, и случилось бы непременно, если бѣ сосѣднія державы не раздѣляли Польши. Кромѣ принужденія, были въ ходу и другія средства, напр., назначались въ русскіе епископы такіе люди, которые даже и писать порусски не умѣли: требовалась безбрачность отъ русскихъ священниковъ, и постановлено было на городскомъ сеймѣ, чтобы сыновья священниковъ поступали въ вѣчное владѣніе къ тѣмъ панамъ, въ имѣніи которыхъ родились, а потому митрополитъ Левъ Кишка, въ 1726 году, издалъ универсалъ, въ которомъ объявлялъ, что никого женатаго не рукоположить въ пресвитеры, и т. д.

кии образомъ, когда бы цѣль эта была достигнута, тогда составила бы одинъ изъ двухъ народовъ многочисленный, стало быть сильный. Кромѣ этой была и другая государственная причина, не менѣе важная. Изъ развалинъ древняго, распавшагося на удѣлы, русско-кѣвскаго государства, возстало на сѣверныхъ предѣлахъ Польши государство новое, русско-московское, различное нѣсколько по нарѣчію, но однородное по происхожденію, вѣрѣ и письму съ польскими русинами. При каждомъ угнѣсеніи отъ поляковъ, русины греческаго исповѣданія обращали глаза на сѣверъ къ своимъ одноплеменникамъ и одновѣрцамъ, и тамъ находили себѣ сочувствіе. По этому необходимо было какъ можно скорѣе прервать и уничтожить эту связь, рождавшую сочувствіе между польскими подданными и независимымъ государствомъ и народомъ русскимъ, а единственнымъ къ тому средствомъ было введеніе униі, которая бы навсегда произвела между ними разрывъ и породила взаимную вѣроисповѣдную ненависть (1). Къ тому же недавно въ Москвѣ основано было отдѣльное русское патріаршество, опасное для Польши, ибо русины, находившіеся подъ польскимъ владычествомъ, могли покориться народному русскому патріарху, имѣвшему свою столицю Москву.

Описывая царствованіе Стефана Баторія, мы упомянули, что Римъ, для обращенія царя и народа московскаго, назначилъ ученаго и хитраго іезуита, Поссевина. Начали съ отдаленнѣйшаго края русской земли, въ томъ убѣжденіи, что, когда обширное Московское государство преклонится предъ напою, то съ польскими русинами легко можно будетъ управиться. Но когда происки и старанія миссіонера разбились о холодную стойкость и глубокой разумъ московскаго царя, тогда положено было, по крайней мѣрѣ, польскихъ и литовскихъ русиноу склонить на лоно р. католической церкви; но и тутъ, сверхъ ожиданія, встрѣтились препятствія, чрезвычайно трудныя.

(Продолженіе впрѣдъ).!

(1) „Отъ того Русь и Литва, не разъ угнетенныя по причинѣ разновѣрія, и чрезъ то неприязненныя, облегчали замыслы новой, возстающей на сѣверѣ державы московскихъ царей“ — говорить Бандтке, томъ II, стр. 85.

III.

О Т В Ъ Т Ъ Р е д а к ц и и .

Что ты смотришь на спилку въ глазѣ брата твоего, а бревна въ своемъ глазѣ не чувствуешь? (Мате. VII, 3).

Прочитавъ сдѣланный намъ «собратомъ и тезкой», въ 131 № «Виленскаго Вѣстника», упрекъ, мы невольно вспомнили тѣ божественныя слова, которыя предпосланы настоящему нашему «Отвѣту». «Тезка» упрекаетъ насъ въ «заимствованіи изъ «Виленскаго Вѣстника» статей и умолчаній откуда онѣ заимствованы». Если на этотъ упрекъ мы будемъ отвѣчать не такъ лаконически, какъ онъ намъ сдѣланъ, то это потому только, что легче и скорѣе можно сдѣлать пятно, чѣмъ уничтожить его.

«Виленскій Вѣстникъ» упрекаетъ насъ въ заимствованіи изъ него *статей*. Мы думаемъ, что нашъ „собратье—тезка“ имѣетъ сбивчивое понятіе о свойствѣ сочиненій, которымъ усвоится названіе статей, и чуть ли не смѣшиваетъ ихъ съ тѣмъ, что называется газетными извѣстіями. Статей собственно-*журнальныхъ*,—какъ произведеній ума человѣческаго, имѣющихъ нужную для обозрѣнія единичнаго предмета полноту и оконченность, въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» (кроме описаній) мы не встрѣчали; а чего у кого нѣтъ, тѣмъ у него не позаимствуешься. И тѣмъ, что «Виленскій Вѣстникъ» хотѣлъ бы назвать статьями, напримѣръ: его полемикой, взглядами на текущія событія, рѣшеніями возбуждаемыхъ живнью вопросовъ, корреспонденціями, — намъ у него пользоваться не приходится.

Взгляды наши на эти событія и вопросы идутъ на разстояніи параллельной линіи отъ взглядовъ «Виленскаго Вѣстника»: онъ хлопочетъ объ эмансипаціи и обрусѣніи евреевъ, а мы только пожимаемъ плечами, глядя на его компанейскую работу; онъ мечтаетъ о примиреніи съ поляками, а мы утверждаемъ, что русскіе съ ними и не думали ссориться, а они съ русскими и не думаютъ мириться; «Виленскій Вѣстникъ» отрицаетъ уроки исторіи, а мы называемъ мечтателемъ того, кто хочетъ трактовать о настоящемъ, не руководствуясь указаніями прошлаго, которое всегда относится къ настоящему такъ, какъ причина къ дѣйствию, посѣянное зерно къ выросшему изъ него волосу; «Виленскій Вѣстникъ» въ трехъ нумерахъ (иногда и въ одномъ) не меньше пяти разъ самъ себя попротиворѣчить, а мы, въ теченіи пяти лѣтъ, ни на шагъ не отступили отъ принятаго однажды, указываемаго истиной, направленія; нашъ «тезка—собрать» думаетъ обрусить поляковъ посредствомъ одного навязыванья имъ русскаго языка, а мы утверждаемъ, что одинъ языкъ русскій, безъ другихъ условій такъ же измѣнитъ душу поляка, какъ покрой одежды тѣло человѣка, какъ баня кожу эфіопа, что полякъ обрусится только тогда, когда умомъ и сердцемъ откажется отъ папства, отъ возстановленія «ойчизни», душой и тѣломъ прильнетъ къ Россіи, ея вѣрѣ (1) и народности, что ожидать обрусѣнія человѣка отъ одного усвоенія имъ нашего языка—тоже, что ожидать рожденія горы мышью. Короче—быть солидарнымъ съ «Виленокимъ Вѣстникомъ», или что тоже—перепечатывать

(1) Не въ намѣли, по этой причинѣ, «Виленскій Вѣстникъ» отвесъ свою фразу (въ 138 №) о «пристроившейся въ Вальнѣхъ клерикальной партіи»? Если да, то мы изумляемся неспособности къ убѣжденію нашего «тезки-собрата»—послѣ того, какъ въ «Вѣстникѣ западной Россіи» было доказано, какъ $2 \times 2 = 4$, что въ православной Россіи никогда не было и быть не можетъ «клерикальной партіи», что въ ней могутъ быть партіи: православная, а потому русская, или анти-православная, а потому анти-русская, что сказать: русская клерикальная партія—тоже, что сказать; бѣлый негръ. И то, что мы сей часъ назвали партіей православной-русской точнѣе нужно назвать группой людей истинно-русскихъ, держащихся честныхъ убѣжденій, гражданскихъ, религіозныхъ и политическихъ. Въ православной Россіи—не Россия.

его статьи, для насъ было бы тоже, что отказаться отъ нашихъ познаній, убѣжденій, отъ логики, исторіи и правды.

Совсѣмъ къ иной категоріи относятся газетныя извѣстія о явленіяхъ здѣшной жизни: перепечатывать такія извѣстія изъ «Виленскаго Вѣстника», мы считаемъ даже своею обязанностію, такъ такъ мы предполагаемъ, что въ немъ они резюмированы вполне согласно съ совершившимися фактами. Къ такимъ явленіямъ относятся распоряженія мѣстной администраціи и отчасти событія, группируемыя нами подъ рубрикой: «Успѣхи православія въ европеизированной Россіи». Говоримъ: отчасти; потому что описанія этихъ событій мы заимствуемъ изъ „Виленскую Вѣстника“ тогда только, когда ихъ больше не откуда заимствовать; въ противномъ случаѣ, мы перепечатываемъ такія описанія изъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, какъ изъ органовъ болѣе компетентныхъ, менѣе способныхъ къ искаженію фактовъ. Изъ этихъ же вѣдомостей и «Виленскій Вѣстникъ» черпаетъ обѣими руками, полными ушатами и рѣдко имѣетъ привычку исполнять то правило, которое такъ безцеремонно и ревниво внушаетъ своему «тезкѣ-собрату». И въ настоящей книгѣ «Вѣстника» мы перепечатываемъ два описанія освященія церквей, заимствованныя и нами, и «Виленскимъ Вѣстникомъ» изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ: освященіе церкви въ Оникштахъ 24 сентября, заимствованное изъ 82 № Бовенскихъ губернскихъ вѣдомостей, и освященіе 8 ноября Вознесенской церкви въ Минскѣ, перепечатанное изъ 46 № Минскихъ губ. вѣдомостей. Первое,—очень крупное, имѣющее, пожалуй, нѣкоторое право на названіе статьи, перепечатано «Виленскимъ Вѣстникомъ» безъ всякаго указанія на источникъ, откуда оно почерпнуто, а предъ вторымъ поставлена заголовка: «Кор. Вил. Вѣстника»,—далеко менѣе извиняющая умолчаніе о Бовен. губ. вѣдомостяхъ, изъ которыхъ оно заимствовано, чѣмъ сколько извиняетъ, вопреки фразѣ «Виленскаго Вѣстника»,—наши перепечатки оглавленіе ихъ: «извлеченіе изъ газетъ и журналовъ». Такое оглавленіе ясно показываетъ, что мы печатаемъ чужое и, смотря по мѣстности описываемаго событія, ясно показываетъ, откуда могло быть заимствовано описаніе; заголовка же нашего «собра-

та—тезки» оставляетъ иѣсто сомнѣнію и возбуждаетъ кучу вопросовъ, извѣстныхъ безъ выраженія ихъ словами. Та-кимъ умолчаніямъ и такимъ *qui pro quo* «Виленскаго Вѣстника» имя—легионъ. «Что же, «тезка-собратъ», смотришь на спицу въ глазѣ брата твоего, а бревна въ своемъ глазѣ не чувствуешь»?...

Быть можетъ «Виленскій Вѣстникъ» не знаетъ того, что мы получаемъ всѣ почти газеты и всѣ губенскія вѣдомости девяти западныхъ губерній, а потому, въ простотѣ сердца, думаетъ, что все, перепечатываемое имъ и нами изъ губерн. вѣдом. и другихъ газетъ, перепечатывается изъ Виленскаго Вѣстника? Очевидное заблужденіе! Если есть возможность почерпнуть извѣстныя свѣденія изъ подлинника, отъ очевидцевъ, получить товаръ изъ первыхъ рукъ, то къ чему почерпать тѣ же свѣденія изъ копій, не всегда вѣрныхъ, нерѣдко искаженныхъ своеобразными урывками и наростами, — получать товаръ залежалый, примятый? «Виленскій Вѣстникъ,» «не распространяясь (не церемонясь) о другихъ (,) менѣ крупныхъ заимствованіяхъ», словно тычетъ пальцемъ на описаніе «пребыванія въ Вильнѣ Государя Императора», помѣщенное назадъ тому *около 7 тысячъ* въ «Вѣстникѣ западной Россіи». «Виленскій Вѣстникъ» называетъ это описаніе «большою статью, напечатанною на 3½ (менѣ) страницахъ, съ умолчаніемъ (,) откуда оно заимствовано». Мы не станемъ спорить съ нашимъ «собратомъ-тезкой» на счетъ того-статья ли это, большая ли (какъ-для кого), на трехъ ли или менѣ страницахъ она напечатана; но можемъ поспорить съ нимъ на счетъ желанія нашего пользоваться его добромъ, безъ вѣдома хозяина. Развертываемъ 4-го книжку «Вѣстника западной Россіи», отыскиваемъ 70-ю страницу IV отдѣла и читаемъ: «Извлеченія изъ газетъ и журналовъ.» Рядомъ съ этою видовою, стоитъ частная заголовка: «Пребываніе Государя Императора въ Вильнѣ». Теперь спрашиваемъ у всякаго, умѣющаго читать: насколько перепечаткой поцитованнаго сей часъ описанія, мы дали поводъ къ обвиненію насъ въ усвоеніи себѣ чужаго произведенія? Вы, скажетъ «Виленскій Вѣстникъ», этимъ доказали только вообще, что описаніе не ваше, но еще не ска-

зали, что оно заимствовано изъ «Вилен. Вѣстника» вчастности. И это почти сказали. Говоримъ: почти, потому что мы не прописали буквами названія газеты, изъ которой заимствовано описаніе, и которая извѣстна безъ названія. Мы допустили это умолчаніе для того, чтобъ избѣжать безпричиннаго и, можно сказать, нелѣжнаго плеоназма. Дѣло идетъ о пребываніи Государя Императора въ Вильнѣ. Это крупное явленіе, какъ и должно быть, прежде всего описано въ мѣстномъ офиціозномъ органѣ; изъ него были заимствованы подробности этого явленія и всѣми «собратами» «Виленскаго Вѣстника,» какъ «тезками,» такъ и не тезками. Это описаніе и мы считали себя обязанными перепечатать—въ томъ убѣжденіи, что вѣрность подробностей событія гарантирована властью, что въ описаніи нѣтъ ни сочиненій, ни пробѣловъ. «Виленскій Вѣстникъ» можетъ сдѣлать еще слѣдующее возраженіе: незнающій дѣла можетъ подумать, что описаніе «пребыванія Государя Императора въ Вильнѣ» перепечатано изъ мѣстныхъ губ. вѣдомостей; но это возраженіе, по причинамъ, извѣстнымъ и намъ и нашему «тезкѣ», мы считаемъ не нуждающимся въ опроверженіи. Такъ ли или иначе, только очевидно до наглядности, до излишества называть по имени источникъ заимствованія, что «пребываніе Государя Императора въ Вильнѣ» перепечатано нами изъ «Вилен. Вѣстника», *хотя могло быть перепечатано и изъ другихъ газетъ.*

Что мы не имѣемъ желанія пользоваться ниогниго произведеніями «собратій» нашихъ, это, между прочимъ, подтверждается перепечаткой въ тойже книгѣ и въ томъ же отдѣлѣ. На страницѣ 82 читаемъ: «Окружное посланіе холмской уніятской консисторіи къ духовенству холмской епархіи», и далѣе: «*Корреспонд. Вилен. Вѣстника*». Точно ли «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ въ Холмѣ своего корреспондента, точно ли получилъ отъ него, или изъ самой консисторіи посланіе ея къ духовенству, или перепечаталъ его изъ «Варшавскаго Дневника», изъ котораго перепечатали этотъ важный документъ всѣ газеты, — этого мы не знаемъ; знаемъ только, что, по случаю поздняго полученія № «Варшав. Дневника» съ этимъ документомъ, мы

первый раз познакомились съ нимъ изъ «Вилен. Вѣстника» и оттуда же, для ускоренія дѣла, перемести на страницы нашего изданія, и потому назвали газету, изъ которой онъ перепечатанъ, хотя весьма могли бы изъавить себя отъ этой чести, *по примѣру другихъ нашихъ «собратьевъ»*. А если бы наборщикъ, корректоръ, или редакция промахнули какъ нибудь столь воздедѣнные для нѣкоторыхъ слова: «Вилен. Вѣст.», ужели стоитъ изъ-за того хвататься за ножи? Есть еще въ направленной противъ насъ реляціи «Виленскаго Вѣстника»: «вотъ, Кіевлянинъ, Телеграфъ, поклонны и чувства, съ какими слѣдуетъ входить въ студиі виленскихъ ученыхъ»; но мы ихъ оставляемъ въ сторонѣ, потому что іероглифовъ не читаемъ. Кажется только, что «тезка» сердится на насъ, мотитъ намъ за что-то, но выбираетъ для заявленія своихъ «чувствій», для пораженія насъ, оружіе и тупое, и картонное. Сопоставленіе себя съ «Кіевляниномъ», а насъ съ «Телеграфомъ» одѣлано «Виленскимъ Вѣстникомъ» довольно не удачно: оно дѣлаетъ слишкомъ много чести и ему, и намъ.

Мы здѣсь могли бы покончить бесѣду нашу съ «Виленскимъ Вѣстникомъ», еслибъ онъ не вызвалъ насъ на минутное продолженіе ея поднятіемъ вопроса, который мы считали давно рѣшеннымъ. Въ 133 №, «Виленскій Вѣстникъ» говоритъ: «намъ положительно извѣстно, что *главное управленіе края выдаетъ субсидіи намъ* (т. е. Вилен. Вѣстнику) и *«Вѣстнику западной Россіи»*. »Виленскій Вѣстникъ» усвоилъ намъ уже однажды эту честь, на которую мы и не рассчитывали; мы уже отвѣчали ему однажды, *на столбцахъ «Виленскаго» же «Вѣстника»*; казалось бы, можно и остановиться, хоть изъ уваженія къ логикѣ; такъ нѣтъ же!... Не знаемъ, право, на какомъ языкѣ и объясняться съ «тезкой», какіе приводитъ ему резоны, чтобъ онъ, наконецъ, понялъ, чтобъ онъ убѣдился, что мы никакой субсидіи, — ни денежной, ни въ видѣ обязательной подписки, — *отъ главнаго управленія края* не получаемъ; что *министерство внутреннихъ дѣлъ*, признавая подъзуду нашего изданія и сознавая скудость средствъ присутственныхъ мѣстъ обверозападнаго края, только вынужденно-

васть для нихъ 200⁰⁰⁰ экземпляровъ «Вѣстника западной Россіи»; но что такой мѣны продукта на деньги мы не считаемъ «субсидіей» — по той же причинѣ, по которой купецъ не считаетъ подаркомъ денегъ, полученныхъ за купленный у него товаръ. Если такъ вѣрно въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» то, что ему «положительно извѣстно», что сколько же вѣроятія въ томъ, что ему извѣстно *отрицательно?*

IV.

ОЧЕРКИ БѢЛОРУССКАГО ПОЛѢСЬЯ. ⁽¹⁾

(Продолженіе) (2).

Не смотря на энергичную ревность бѣлорусскихъ архипастырей объ уничтоженіи всего неправославнаго въ ихъ паствѣ, все еще и доселѣ коегдѣ на Полѣсьи поражаютъ вниманіе наблюдателя нѣкоторыя прибавленія къ обрядности церковной и богослуженію. Наросты эти, въ большинствѣ, носятъ на себѣ печать уніатскаго происхожденія и существованіе ихъ не столько объясняется и поддерживается подражаніемъ ничтожной практикѣ со-седнихъ давно со сцены уніатскихъ священниковъ, сколько богослужебными книгами изданія львовскаго, луцкаго и почаевскаго, эпохи уніи. Употребленіе подобныхъ книгъ строго воспрещается епархіальнымъ начальствомъ, — при всемъ томъ онѣ еще пользуются индѣ нѣкоторымъ авторитетомъ и доселѣ — тѣмъ болѣе, что нѣкоторые требники уніатскіе не только предлагаютъ обрядъ „на всяку потребу житейску“, но и приспособлены къ суевѣрію простолюдина. Не малымъ подспорьемъ живучести такихъ требниковъ служитъ и то обстоятельство, что они имѣются уже въ наличности, тогда какъ пріобрѣтеніе книгъ богослужебныхъ кievской и московской печати, при ихъ ненормально—высокой цѣнѣ и при невообразимой бѣдности большинства полѣскихъ церквей, слишкомъ превышаетъ средства сихъ послѣднихъ. Оттого эти

(1) Полѣсьемъ я называю лѣсную часть Минской губерніи и прилегающіе къ ней уѣзды Киевской, Волынской, Черниговской, Могилевской и Гродненской губерній.

(2) См. 8 и 9 кн. „Вѣст. Зап. Россіи“

книги въ ходу почти только въ тѣхъ бѣдныхъ, прежде униатскихъ приходахъ, которые затеряны между лѣсами и болотами, въ которыхъ не скоро проникаетъ благое нововведеніе, и въ которыхъ долго и упорно живетъ всякая старина, какъ бы негодна она ни была. Трудно и почти невозможно блюстителямъ православія видѣть и искорнѣть тутъ все прившедшее къ нему отъ нечистыхъ источниковъ. А еслибъ они что либо замѣтили въ этомъ родѣ и передали свое замѣчаніе священнику, онъ — волей неволей — долженъ принять его только къ свѣденію, но не исполненію. Выбрось онъ только изъ извѣстной обрядности что — либо рельефное, къ чему такъ присмотрѣлись передовые его прихожане, что такъ сильно дѣйствуетъ на ихъ чувства и воображеніе, считается ими такою существенною частью обряда или таинства, — и его сочтутъ неправославнымъ. Не помани только онъ во время сугубой эктениі на литургіи дванадцатыхъ праздниковъ, именъ хозяевъ села, и онъ навлечетъ на себя ихъ негодованіе (1). Не соверши онъ послѣ литургіи въ храмовой праздникѣ троекратнаго обхожденія вокругъ церкви, и для полъшуга праздникъ будетъ — не праздникъ. Запрети онъ положить соль въ уши крещаемаго младенца, погрузи его въ воду при крещеніи, а не облей водою, не прорѣжь собственноручно отверстія на голову младенца въ кускѣ полотна, которое, послѣ облитія водою, надѣвается на крещеннаго вмѣсто рубашки, и не спрячь отрѣзаннаго клочка полотна въ ящикъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ другими такими же клочками хранятся: св. муро, елей, волоса младенца и ножницы, — и иной простолюдинъ будутъ считать свое дитя необрещеннымъ. Не свяжи онъ рукъ брачующихся платкомъ, не заставь ихъ произнести клятву въ супружеской вѣрности „ажъ до смерти“, и полъшугъ почтетъ бракъ недѣйствительнымъ. Не благословляй онъ освящаемой воды зажженною свѣчкой, не дуи на нее крестообразно при словахъ: „освати воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ,“ — и вода, по мнѣнію его, не будетъ освящена. Не позволъ онъ въ иномъ приходѣ, послѣ заутрени въ великій четвергъ, пропѣть своимъ прихожанамъ канту, въ которой описываются страданія Спа-

(1) Въ нѣкоторыхъ полѣвскихъ приходахъ въ это время производится на лѣвомъ клиросѣ продажа просфоръ. Что то похожее происходило при богослуженіи въ первыхъ вѣкахъ христіанства.

сказали (1),—и они произведутъ рокошъ. Замѣть онъ и веши выбросить изъ гроба покойника штофъ водки, трубку (ее курятъ на Полѣсьи дѣти даже и бабы) и другіе предметы, любимыя имъ при жизни, при-
нимая положить его безъ шапки, —на столъ а не на лавкѣ,—(2)
и онъ потеряетъ довѣріе родныхъ покойника, и въ селѣ назо-
вуть его жестокимъ, безпокойнымъ нарушителемъ старины и свое-
вольнымъ нововводителемъ чуждыхъ народу обычаевъ. Не *замеча-
ть* священникъ могилы,—не положи, то есть, по четыремъ кра-
ямъ ея четырехъ крестовъ заступомъ, и народъ тутъ же закри-
читъ; „что ты дѣлаешь! вѣдь покойникъ станетъ выходить ночью
изъ могилы“! Явись онъ къ больному (особенно ночью) со свя-
тими Дарами безъ колокольчика, — и его встрѣтятъ вопросомъ:
„что ты, панотче, вкрывъ Бога?“ Не звони онъ въ такой же коло-
кольчикъ при совершеніи преждеосвященной литургіи, и народъ
не станетъ, въ извѣстные моменты богослуженія, коленнопрекло-
няться, многіе начнутъ перешептываться. Не освати онъ на свѣт-
лый праздникъ, вмѣстѣ съ яствами, вяленой щуки, которыми
бабы думаютъ лѣчить самыя упорныя лихорадки, — пули и поро-
ху, которыми охотникъ намѣренъ застрѣлить дьявола,—и его на-
зовутъ вольнодумцемъ. Не позволь онъ пролазить подъ обносимой
храмовой иконой, во время троекратнаго обхожденія вокругъ

(1) Изъ этой канты память моя сберегла лишь слѣдующіе стихи:

Въ четвертокъ вечеру бывшу
Совѣтъ жидомъ сотворившу.

.....
Што мнѣ дасце (дадите, говорить іуда) продамъ іого,
Во (потому что) я есмь ученикъ іого,
Мовили (сказали—евреи) сребники дамо,
Туольки (только) ты намъ продай іого и проч.

(2) Обрадованная смертью злаго мужа, жена, вмѣсто обычныхъ причитаній, такъ пѣла и подплясывала:

„Живъ бывъ не любила
И умеръ не тужила
Ина на лавцѣ лежиць
Я не буду тужиць“

деревки, большннъ, и его сочтуть, главнымъ причиною продолженія болѣзни человѣческихъ (1) и проч. . .

Въ нѣкоторыхъ селахъ волѣскихъ священники не ходятъ предъ Рождествомъ и Воскресеньемъ Христовымъ не домамъ прихожанъ для молитвословія, а читаютъ обычную вокальную молитву у себя дома. Для выслушанія этой молитвы, являютъ къ нему въ послѣдній день поста отъ всякаго дома представители, или точнѣе — представительницы, такъ какъ за молитвою посылаются старушки, или несовершеннолѣтнія дѣвушки, какъ менѣе заняты домашнею работою вообще и предпраздничной суетою въ частности. Когда соберутся всѣ *пришедшіе за молитвою* (принятое выраженіе), священникъ начинаетъ обычную молитву и когда скажетъ: „рабовъ твоихъ сихъ“ (2), ближайшая къ священнику выстунаетъ изъ толпы на одинъ шагъ впередъ и перечисляетъ имена жильцовъ дома, котораго она представительница, — переходя по порядку отъ старшаго къ меньшему, и по большей части забывая себя, а священникъ повторяетъ эти имена, на половину искаженныя своеобразными передѣлками и сокращеніями (3), поналежащому. На слѣзку первой, получившей молитву, выстунаетъ вторая и такъ далѣе — до послѣдней. Когда всѣ прихожане будутъ помянуты, священникъ оканчиваетъ молитву, дѣлаетъ обычный отпустъ, посланные за молитвою прилагаются во кресту, по-

(1) Нѣкоторые изъ этихъ наростовъ и суевѣрій, благодаря просвѣщенной и энергичной ревности молодыхъ пастырей сельскихъ, начитаютъ стухеивываться. Дай Богъ!

(2) Въ нѣкоторыхъ требникахъ уніатскихъ стоитъ тутъ выраженіе: „има рекъ,“ положившее, быть можетъ, инициативу этого страннаго обряда.

(3) При подобномъ исчисленіи именъ священникъ биваетъ поставляемъ въ затруднительное положеніе тѣми *qui pro quo*, которыя онъ слышитъ. Кромѣ обыкновенныхъ искаженій именъ (напримѣръ, *Хвееко*, вмѣсто Θεодосій, *Васко*, вмѣсто Василій и мн. др.), дѣвочки называютъ своихъ родныхъ тѣми прозваніями, которыя выражаютъ родственныя ихъ отношенія: *бацько*, *мами*, *дядько*, *швагеръ* и проч. Онъ иногда рѣшительно не знаетъ, какъ называются ихъ родные, и не помоги имъ и священнику въ настоящемъ затрудненіи чужія старушки, не знай священникъ самъ, какъ зовутъ этихъ: отца, мать, дядю, свояка, и проч., онъ долженъ или справляться по клировой вѣдомости или послать за болѣе свѣдущимъ представителемъ или же прекратить исчисленіе именъ.

лучить благословеніе священника и, отблагодаривъ его за молитву иисковой вагой-либо муки, разносятъ молитву по домамъ. Кто побогаче и многосемяннѣе, тотъ кладетъ поверхъ муки кусокъ свиного сала или колбасу,—10 яицъ—предъ Пасхой.

Странный способъ получения заочной молитвы, посредствомъ уполномоченія на то другихъ, установился, вѣроятно, отъ того, что народъ считаетъ эту молитву разрѣшающею отъ поста и думаетъ, что только послѣ нея можно ѣсть скоромное и, не находя болѣе удобнаго способа для выслушанія ея вдругъ всѣмъ (особенно находящимся въ отлучѣ или занятымъ работой), въ послѣдній день поста, хотеть выслушать ее хотъ посредствомъ уполномоченныхъ,—думая замѣнить отсутствующихъ поминаніемъ именъ ихъ при молитвѣ. Есть основаніе думать, что подобное толкованіе этой молитвы, легкой и странный способъ преподанія ея вдругъ всѣмъ прихожанамъ и благодарность за *полученіе* молитвы, обязаны своимъ бытіемъ лѣни и корыстолюбію нѣкоторыхъ уніатскихъ священниковъ. По уніатскимъ требникамъ, молитва эта должна быть читаема „исповѣдавшимъ согрѣшенія своя и къ причастію божественныхъ таинъ готовящимся“—и, конечно, въ церкви. Но въ церкви не совсѣмъ было удобно взимать такое приношеніе, какимъ обложено чтеніе покаянной молитвы,—и вотъ придуманъ способъ разсылки и разноски молитвы по домамъ, удовлетворяющій въ одно и то же время и лѣни, и корыстолюбію, хотъ и нисколько не соответствующій назначенію молитвы.

Во многихъ польскихъ приходяхъ доселѣ уцѣлѣли остатки или признаки церковныхъ братствъ. Я назвалъ ихъ остатками потому, что въ нихъ осталась одна тѣнь тѣхъ братствъ, которыя составляли нѣкогда такой крѣпкій щитъ противъ напора враждебной нашей вѣрѣ и народности пропаганды, такую важную поддержку внутренней и виѣнной стороны православія. Теперь обязанности *братчиновъ* до того сократились, что ограничиваются почти однимъ устройствомъ церемоніала храмовыхъ праздниковъ,—приготовленіемъ къ этимъ днямъ питнаго меду, продаваемаго въ пользу церкви, издѣліемъ громадной свѣчи къ храмовой иконостасу и стояніемъ въ два ряда посрединѣ церкви, съ зажженными свѣчами и обращенными другъ къ другу лицами братчиновъ, во время чтенія евангелія на утрени и литургіи. Вновь открываемыя, въ послѣднее время, братства нѣсколько расширили про-

гранну своихъ дѣйствій: онѣ имѣютъ въ виду поддержку благосостоянія церковнаго, поднятіе нравственности и уничтоженія пролетаріата въ приходѣ.—

Стоитъ обратить вниманіе и на тѣ увеселенія, куншаны и ширшества, которыя полѣшукъ считаетъ едва-ли не существенными принадлежностями извѣстныхъ дней и праздниковъ.

Во время рождественскихъ святокъ, полѣское простолюдые чрезвычайно любитъ разнообразить свои забавы. Тогда какъ въ иныхъ мѣстахъ простолюдинъ проводить эти святки въ штейныхъ домахъ, въ отвратительныхъ оргіяхъ и пьянствѣ, полѣшукъ предается удовольствіямъ невиннымъ, порою не чуждымъ религіознаго направленія. Самое популярное изъ такихъ удовольствій есть *колядованье*. Собираются партіями мальчики, дѣвушки, женщины, парни, а иногда пожилые люди—и каждая партія порознь подходитъ подъ окна священника, или такъ себѣ именитаго или близкаго по родственнымъ, въ нѣкоторымъ колядующимъ, отношеніямъ селянина и поетъ пѣсню. Пѣсни эти часто приспособлены къ событію, воспоминаемому церковью. Но еще чаще слышатся такіа пѣсни, содержаніемъ которыхъ бываетъ какое нибудь благожеланіе хозяевамъ дома, леть сынку ихъ или дочери, называемыхъ обыкновенно по имени. Либретто такихъ пѣсень весьма разнообразно и по большей части заимствуется отъ подобія или примѣра. Въ нѣкоторыхъ старинныхъ пѣсняхъ попадаются слова: *коляда, колядки, колядую* (1), отъ чего, безъ сомнѣнія, и самое распѣваніе пѣсень получило названіе *колядованья*.—Пѣвцамъ, по своей молодости незаслуживающимъ особеннаго уваженія, хозяинъ закричитъ только сквозь ото двинутую по стѣнѣ оконную раму: „*дзяковаць вамъ*“ (благодаримъ васъ), подастъ какую-нибудь мѣдную монету; или пять—шесть горячихъ, некущихся въ это время, блинцовъ, или *паленичку* (небольшой ситный хлѣбецъ), и пѣвцы, гурьбой, смѣясь и крича, убѣгаютъ и черезъ нѣсколько минутъ рѣзкіе голоса ихъ раздаются уже подъ окнами другаго дома. Если же хоръ будетъ состоять изъ людей пожилыхъ, хозяинъ проситъ ихъ *до господы* (въ избу), приглашаетъ садиться и угощаетъ ихъ водкой, колбасой, блинами, а иногда и холоднымъ изъ свиной головы и ногъ. Въ прекрасный зимній вечеръ, по всему селу, чуть не до по-

(1) Въ одной, напр., колядкѣ поется: Я колядую,—
Ковбасу чую и проч. Есть
цѣлыя пѣсни, оканчивающіяся припѣвомъ: Коляда.

лучши, раздаются то близкіе, то едва долетающіе до васъ звуки этихъ нѣсенъ. Онѣ сообщаютъ своего рода жизнь и движеніе тихому заголустью и нѣкоторую торжественность и усладу самому празднику; онѣ пріятно поражаютъ вниманіе непривычнаго къ нимъ гостя, а для туземцевъ составляютъ такую эпоху веселья и счастья, которыми они преднаслаждаются нѣсколько недѣль и сладко потомъ вспоминаютъ нѣсколько нѣслицевъ.

Въ городахъ, мѣстечкахъ и даже селахъ побогаче и многолюднѣе не всегда довольствуются въ рождественскіи святки этими вокальными наслажденіями. Тамъ вкусъ уже визысканнѣе, идея праздничныхъ удовольствій разнообразнѣе и прихотливѣе, тамъ ищутъ въ святочномъ развлеченіи чего то болѣе сценическаго, эффектнаго. Этому желанію удовлетворяетъ такъ называемый *сертензъ*. Это—что то въ родѣ небольшого подвижнаго балагана кукольныхъ комедій, или большой ящикъ, который несутъ, въ сопровожденіи хозяина, два человѣка. Какъ только входъ вертепу дозволенъ, компаньонъ хозяина вертепа, или самъ хозяинъ начинаетъ играть на самодѣлкой скрипкѣ пьесу, приспособленную къ представленію. Свѣтъ въ вертепъ падаетъ на сцену сверху. На днѣ вертепа, покрытомъ мѣхомъ кошки или зайца, подѣланы сквозныя дорожки, для появленія на сценѣ и приведенія въ движеніе дѣйствующихъ куколъ, посредствомъ придѣланныхъ къ ногамъ ихъ или туловищу проволокъ. Вотъ открылись дверцы вертепа. Вотъ головки дѣтей прильнули къ его отверстию; вотъ онѣ въ ужасѣ отпрянули назадъ; по сценѣ, шипя и изгибаясь, промчался страшный змѣй. Вотъ, послѣ минутнаго антракта, выбѣгаетъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ еврейская чета и начинаетъ кружиться и ломаться въ пляскѣ, подъ звуки и либретто, приспособленные ко вкусу, или точнѣе—безвкусию хозяина вертепа и публики; послѣдняя въ неописанномъ восторгѣ, выражаемомъ дружнымъ хохотомъ. Новый антрактъ—и новое явленіе. На какомъ—то четвероногомъ животномъ ѣдетъ женщина съ младенцемъ на рукахъ, позади идетъ старый человѣкъ. Вѣроятно, это олицетворено бѣгство въ Египетъ Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ и обручникомъ Іосифомъ, отъ жестокости Ирода. А вотъ и самъ дѣтоубійца—Иродъ. Едва только святая группа сокрылась изъ виду, какъ на картонномъ престолѣ возсѣло какое—то чучело, и—ну важничать, стучать ногами, размахивать руками. Это Иродъ. Начинается избіеніе младенцевъ, напрасныя мольбы и

печь Рахили. Сцена покрыта грудями окровавленных палаток. Но не долго извергъ злоупотреблялъ своею властью: на сцену выбѣжала смерть съ косой. Тиранинъ затрясся, умоляетъ о пощаду. Не тутъ—то было! Не даромъ артистъ прошипѣлъ: „отъ смерти не уйдешь“ (отъ смерти неуйдешь),—нагнула коса, и голова Ирода покатила на полъ. Откуда—ни возникъ пара бѣсовъ, съ хвостами, рогами, когтями, — какъ слѣдуетъ быть истиннѣ бѣсамъ, — и потащили одинъ голову, другой туловище Ирода кривыми во адъ. Публика притаила дыханіе отъ ужаса. Чтобы разсѣять тяжелое впечатлѣніе зрителей, изобрѣтательный артистъ потѣшаетъ ихъ чѣмъ нибудь игривымъ, иногда даже вульгарнымъ и дверна въ вертепъ захопывается. Впрочемъ, репертуаръ вертепный, чаще всего вращался около указанныхъ мною сюжетовъ, разнообразился, смотря по вкусу и познаніямъ дирекціи. На сценѣ его являются и танцующіе крестьяне, и тщеславный евангельскій богачъ, котораго постигаетъ участь Ирода, и танцующій медвѣдь, съ неизбѣннымъ своимъ дядькою цыганомъ и проч.

Съ хозяиномъ вертепа нельзя уже такъ дешево расчитаться, какъ съ уличными пѣвцами: онъ брезгаетъ гривенникомъ и иѣтитъ на четвертакъ и даже полтинникъ. Онъ столько израсходовалъ разнаго уличнаго тряпья на костюмировку куболъ, таланта и познаній на постановку пѣснь, столько потратилъ досуга на издѣліе ящичка, на репетиціи, онъ долженъ еще подѣлиться выручкой съ своими сотрудниками.

Кромѣ вертепа, часто еще по улицамъ полѣскимъ ходитъ и звѣзда. Къ длинному (около 6 аршинъ) шесту прикрѣпляется огромная подвижная звѣзда изъ промасленной бумаги. Посрединѣ ея нарисовано солнце, въ видѣ человѣческой фізіономіи, на каждомъ изъ угловъ звѣзды изображена головка ангела, окаймленная двумя или болѣе крылышками. Посредствомъ блока и бичевки, звѣзда приводится въ движеніе около своей оси, такъ впрочемъ, чтобы горящая внутри ея свѣча оставалась неподвижною. Такая звѣзда есть символъ звѣзды, путеводившей восточныхъ волхвовъ въ вертепу предвѣчнаго Младенца вилеоемскаго. На это ея символическое значеніе наводятъ и тотъ гимнъ, пѣніе котораго почти постоянно сопровождаетъ движенія звѣзды.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого гимна:

Видитъ Богъ, видитъ Творецъ, же (потому что) міръ погибаетъ.
Архангела Гавріила въ Назаретъ посылаетъ.

Благавѣствуи Назарете,
Слава стала во вертепѣ.

Отъ Персиды шедше триє цари,
Принесоша Христу дары.

. . . . .

Звѣзда ясна возсіяла,
Тремъ царемъ путь показала и проч.

По едержанію и довольно-чистому славянскому языку, видно, что гиниѣ этотъ обязанъ бытіемъ своимъ какому нибудь толковому дьячку, а можетъ быть даже и нитѣ старой кievской академіи. И теперь чаще всего звѣзда выходитъ со двора причетническаго, считается какъ бы церковнымъ предметомъ и по большей части является подъ окнами жителей того прихода, къ которому принадлежитъ хозяинъ звѣзды. Встрѣча звѣзды со звѣздой въ чужомъ приходѣ не всегда проходитъ благополучно, какъ для звѣздъ, такъ и для ея вожатыхъ: первая иногда выходитъ изъ этого столкновенія безъ одного—двухъ угловъ, а послѣдніе съ ушибами. Особенно это возможно, когда звѣзду устрояютъ братчики извѣстной церкви, угощаемые отъ болѣе зажиточныхъ хозяевъ, путешествующіе въ значительной массѣ, а иногда и въ веселомъ расположеніи духа. Когда звѣзда устроится братствомъ, выручка отъ хожденія со звѣздой цѣликомъ поступаетъ въ *схринию* (сундукъ) братскую.

Кромѣ вокальныхъ и сценическихъ наслажденій, на Полѣсьи забавляются во время святокъ и чѣмъ-то похожимъ на маскарадныя представленія. Впрочемъ, эта маскировка не простираетъ своей итриги и затѣи далѣе бѣднаго сходства съ нѣкоторыми животными. Козель, медвѣдь, изрѣдка журавль,—вотъ исключительно счастливыя, на подражаніи которымъ исполняется маскарадное искусство полѣшукъ. И эти бѣдныя роли выполняются весьма незатѣйливо: вывернутой на изнанку тулубъ,—вотъ и весь маскарадный костюмъ для копировки всякаго животнаго; нехитрый речитативъ, къ которому приспособлены прыжки и кувырзанье животнаго,—вотъ и все исполненіе. Сюжетъ речитатива,—особенно въ козлиномъ, самомъ популярномъ маскарадномъ представленіи,—приспособленъ къ земледѣлію и, такъ какъ онъ не имѣетъ прямого отношенія въ празднику Рождества Христова, то чаще забавляетъ публику на новый годъ или точнѣе—наканунъ его, въ такъ называемую *богатую кущю* или *щодрый вечеръ*.

Нѣкоторые относятся слишкомъ ригористически ко всемъ этимъ святочнымъ забавамъ бѣлорусскаго простолюдыя, но, по моему мнѣнію, ригоризмъ этотъ достоинъ лучшей участи. Правда, въ этихъ забавахъ проглядываетъ кое-что не совсемъ православное, даже не христіанское: вертепъ, а можетъ быть и звѣзда (1), сочинены латинянами, любящими религіозную аффектацію; *колядованье*, во время котораго слышится въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ часто повторяемое слово *коляда*, конечно, есть глухое эхо *календы январскихъ* (2), не заглушенное ни пространствомъ, ни временемъ; но такой инициативы народъ рѣшительно и не одобряетъ, а наводитъ его на историческій смыслъ и происхожденіе этихъ забавъ, по меньшей мѣрѣ было бы не благоразумно, а сокращать и безъ того рѣдкія радости убитаго доселѣ горемъ бѣлорусскаго простолюдыя — было бы по меньшей мѣрѣ безжалостно. Пусть ихъ лучше поютъ подъ окномъ пѣсни, ходятъ съ вертепомъ, особенно со звѣздой, копируютъ журавля, чѣмъ затѣваютъ разныя оргіи возлѣ распивочныхъ заведеній, въ которыхъ многіе любители трехпробаго подготовляются, въ буквальный смыслѣ, „на выносъ.“ Жалалось бы только, чтобы въ вертепѣ было меньше смѣси библейскаго съ вульгарнымъ, да въ колядованьи больше религіознаго элемента. Ходящимъ со звѣздой можно только посовѣтовать, чтобы они не заходили въ дома для угощенія, а уостились бы лучше у кого-либо изъ участвующихъ въ хожденіи со звѣздой лицъ, по окончаніи его.

Не только увеселенія, но и нѣкоторыя яства считаются на Полѣсьи принадлежностью извѣстныхъ праздниковъ. Колбаса въ рождественскія святки, поросенокъ на свѣтлый праздникъ, сорокъ печеныхъ лепешекъ или жаворонковъ въ день сорока мучениковъ, кутыя въ сочельники Рождества Христова, новаго года и Крещенія Господня, составляютъ неизбѣжныя и какъ бы священныя блюда полѣскаго простолюдыя.

(1) Въ Литвѣ и на Жмуди звѣзда не имѣетъ подобія звѣздѣ, а похожа болѣе на фонарь, въ которомъ, сквозь стекло, виднѣтся изображеніе трехъ волхвовъ, поклоняющихся и приносящихъ свои дары Младенцу внолеемскому. Отъ того тамъ и ходятъ со звѣздой на *«тишѣ крули»*, въ праздникъ, то есть, Крещенія Господня, а съ вертепомъ — въ праздникъ Рождества Христова.

(2) Истор. Карамз. Т. 1, стр. 104. С. П. Б. изд. 1830 г.

Я не берусь объяснять причины приурочиванья этих кушаньев къ названнымъ выше днямъ. Быть-можетъ, одиѣ изъ нихъ объясняются просто складомъ и принятыми простолюднемъ хозяйственными от-
раженіями, другія имѣютъ историческое значеніе; но я увольняю и
себя, и читателей моихъ какъ отъ произвольнаго толкованія пер-
выхъ, такъ и отъ слишкомъ громоздкаго для моихъ очерковъ и
и слишкомъ шаткаго для исторической правды изслѣдованія по-
слѣднихъ. Для одной только куты я обязанъ сдѣлать исключеніе,
по исключительности ея значенія и употребленія.

Кутя есть самое, такъ сказать, священное для полѣшукъ и
необходимое, въ извѣстные дни и случаи, кушанье. Она состав-
ляетъ для полѣшука предметъ религіознаго почтенія. Наканунѣ
Рождества Христова, кутю ставятъ на сѣнѣ, покрытомъ чистымъ
полотенцемъ, въ куту (отъ чего, вѣроятно, и получила она свое
названіе), подъ образами, по большей части съ горящею, пригѣл-
ленною къ горшку съ кутьей, восковою свѣчою. Хозяинъ самъ на-
бираетъ, съ особенною важностью и даже благоговѣніемъ, кутю
въ миску, приправляетъ ее сытой и предлагаетъ домочадцамъ, съ
пожеланіемъ имъ здоровымъ и счастливымъ дожидаться слѣдующей
куты, а умершимъ сродникамъ царствія небснаго. Столъ также
покрытъ сѣномъ, въ воспоминаніе Рожденнаго въ ясляхъ, а по-
верхъ его—чистою скатертью, изъ-подъ которой женщины и дѣ-
вочки, съ закрытыми глазами, выдергиваютъ стебельки сѣна,
вѣря отъ полноты души, что длина ихъ будетъ равняться длинѣ
лѣта, который выростетъ для нихъ лѣтомъ. Съ такимъ же бла-
гоговѣніемъ кушаютъ кутю и наканунѣ новаго года и Креще-
нія Господня. Отъ употребленія—во всѣ эти сочельники куты и
сами они получили ея названіе, — съ тою лишь разницею, что
кутя передъ новымъ годомъ называется богатою, предъ Креще-
ніемъ—голодною, а предъ Рождествомъ Христовымъ—просто кутьею.
Первая отъ того называется богатою, что во время ея пригото-
вляется скоромный, возможно-богатый и разнообразный, ужинъ, и
самую кутю ѣдятъ съ молокомъ или свинымъ саломъ. Другая
потому получила названіе голодной, что на канунѣ Богоявленія
церковь установила строгій постъ, который въ иныхъ (немно-
гихъ, впрочемъ) мѣстахъ Полѣсья такъ строго соблюдается, что,
кромя куты съ сытой, да какого-нибудь печенья, или компота
изъ сушеныхъ плодовъ и ягодъ, ничего не подаютъ на столъ.
Послѣ голодной куты, сѣно, лежавшее на столѣ въ теченіи двухъ

недѣль, снимають со стола и относятъ на плиту боровамъ, думая тѣмъ прискорить и улучшить ихъ колово, а отчасти и защитить ихъ отъ порчи вѣдьмой.

Везъ кутьи не бываетъ на Полѣсьи ни похоронъ, ни поминковъ. Вотъ почему, кушая ее и въ другіе дни, вспоминають умершихъ сродниковъ и желаютъ имъ царствія небеснаго, какъ это всегда дѣлають, крестясь и кушая кутью (коливо), при похоронахъ и поминкахъ. Но такъ какъ въ числѣ ближнихъ къ намъ покойниковъ чаще всего бываютъ наши дѣды, то и кутья, — особенно предъ Рождествомъ Христовымъ, — вездѣ почти на Полѣсьи называется *дзѣдами* (дѣдами). Ихъ-то особенно и приглашаютъ на кутью, — они кричатъ сквозь окно: „*дзѣды, дзѣды! хадзице куюцю псци*„ (дѣды, дѣды! пожалуйста кушать кутью) и сердечно убѣждены, что кутья, поставленная на печи, или на подоконникѣ, съѣдена ими, а не кѣмъ-либо другимъ. Убѣжденіе это, быть можетъ, заимствовано когда-то изъ напускной идеи о чистилищѣ, своеобразно приспособленной полѣскимъ простолюдямъ къ своимъ понятіямъ (1). Полѣшукъ думаетъ, что странствующіе по свѣту души его предковъ особенно теперь витають среди нихъ, когда все потомство ихъ собралось, по случаю торжества, возлѣ одного стола, за роскошнымъ ужиномъ. Полѣшукъ полагаетъ, что предки его крѣпко голодаютъ во время своей кочевой жизни, и съ полнымъ увлеченіемъ своего воображенія и славянскаго гостепринимства, запросто приглашаетъ ихъ отвѣдать хоть заупокойной пищи — кутьи, которую они когда-то кушали за этимъ столомъ, на нѣстахъ, занятыхъ уже другими. Легенда эта довольно раскрыта въ извѣстной поэмѣ А. Мицкевича: «Дзяды».

Кромѣ дѣдовъ, полѣшукъ еще приглашаетъ на кутью и корозъ. Они дѣлають къ нему такое же воззваніе, какъ и къ дѣдамъ. Тѣ, у кого есть огнестрѣльное оружіе, стрѣляютъ въ это время сквозь окно холостымъ зарядомъ. Послѣдній обычай простолюдинъ объясняетъ подражаніемъ треску льда и земли отъ

(1) Впрочемъ, это можетъ быть и остатокъ самаго древняго мифа славянскаго о «Родѣ и Рожаницѣ» (души умершихъ родоначальниковъ, заботящихся о благѣ извѣстнаго рода), въ жертву которымъ приносилась каша (Сборн. Румянц. музея, стр. 374). Изъ этого мифа, въ теченіи вѣковъ измѣнявшагося, разнообразившагося отъ различныхъ комментаріевъ и своеобразныхъ примѣненій къ личному пониманію его тѣмъ, либо другимъ племенемъ славянъ,

кореа или жалаіемъ, чтобъ и онъ трещалъ такъ же сильно, какъ выстрѣлъ изъ ружья; но точнаго объясненія этого обычая чуть ли не нужно искать гораздо дальше и глубже. Едва ли онъ не есть остатокъ одного изъ приемовъ карнавала январскихъ казней, во время котораго язычники любили стращать другъ друга нечаянными и сильными звуками, производившимися разнаго устройства хлопучками. Какъ бы то ни было, только обычай стрѣлять въ навечеріе Рождества Христова перешелъ изъ Польши и къ сосѣдямъ, такъ что даже въ самомъ Кіевѣ, особенно Плеской и отчасти Подольской его части, какъ населенныхъ стариннымъ мѣщанствомъ и гражданствомъ кievскимъ, идетъ въ это время непрерывная канонада, довольно напугавшая въ 1863 году незнакомыхъ съ ея причиной великороссовъ.

Нельзя пройти здѣсь молчаніемъ и тѣхъ увеселеній, которыми предаются на Полѣсьи въ день великомученика Георгія, ночью предъ рождествомъ Іоанна Предтечи и на Ѳоминой недѣлѣ.

Въ день великомученика Георгія, многіе изъ простолюдыя, — а въ городахъ и люди средняго класса, — съ семьями, иногда и гостями, выходятъ въ поле съ разными питьями и закусками, расстилаются на межѣ своей (иногда и чужой) нивы и пируютъ до поздней ночи. Обычай этотъ называется „выходомъ на росу“. Онъ болѣе распространенъ въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ Литвою.

Праздникъ на канунѣ рожденія Іоанна Предтечи называется въ Полѣсьи Ивановъ Бушалою. Ночью, съ 23 на 24-ое іюня, дѣвушки и парни, запасшись водкой и закусками, собираются въ условленномъ заранѣе мѣстѣ сосѣдняго лѣса и, поставивъ шесть, увѣшанный вѣнками изъ цвѣтовъ, пляшутъ вокругъ шеста и разложеннаго костра, подъ звуки малоопытныхъ старинныхъ пѣсень и, съ увлеченіемъ молодости, ускользнувшей изъ подъ контроля родителей, предаются разнымъ забавамъ, не совсѣмъ безопаснымъ для нравственности при подобной обстановкѣ и обстоятельствахъ.

Сложилась всѣ почти суевѣрія ихъ о домовыхъ, русалкахъ, лѣшихъ, водяныхъ и всякомъ другомъ «навѣи» (души умершихъ), со всѣми повѣрьями, легендами, обрядами, празднествами и проч. Во всѣхъ этихъ частностихъ, изыскателю славянской старины нѣтрудно подмѣтить еднство общей идеи, солидарность инициативы идущей отъ одного вышесказаннаго мѣста.

Въ этой оргіи все, начиная отъ названія до исполненія, — языческое. Извѣстно, что Купало былъ у славянъ богъ плодородія, котораго особенно чествовали наши предки-язычники, и что оргія въ честь его совершалась въ ту же ночь и въ томъ же почти видѣ, какъ и теперь, съ примѣсью только публичнаго непотребства (1). И ликование въ день великомученика Георгія не вполне безукоризненно, — и оно совпадаетъ съ временемъ и характеромъ одного языческаго праздника. Впрочемъ, пиршества въ полѣ могутъ быть нѣсколько извиняемы радостью земледѣльца, послучая хорошаго всхода посѣвовъ, желаніемъ подышать свѣжимъ воздухомъ и повеселиться въ полѣ съ родными и знакомыми. Но оргія въ честь Купалы есть праздникъ прямо языческій. И часто повторяемое въ пѣсняхъ и разговорахъ его названіе, и неистовый, уединенный, странный характеръ оргіи, не объяснимый обстоятельствами ни религіозными, ни житейскими, — все тутъ носить на себѣ печать идолослуженія. Благо еще, что ликующая на Купалу молодежь не сознаетъ своего преступленія, не понимаетъ значенія и происхожденія оргіи; но и помимо этого, значительно ослабляющаго вину молодежи, обстоятельства, въ праздникѣ Купалы есть много такого, что должно обратить на себя серьезное вниманіе тѣхъ сельскихъ пастырей, въ приходахъ которыхъ совершается этотъ нечестивый, оскорбляющій память „большаго въ рожденныхъ женами,“ великаго подвижника и пророка, праздникъ.

Въ первые дни Ожиной недѣли простолюдые полѣское также предается неумѣстному, и даже и нетрезвому, ликованью на кладбищахъ. Характеръ этихъ пиршествъ нѣсколько отличенъ отъ подобныхъ же пиршествъ Малороссіи. Въ послѣдней, покрайней мѣрѣ, предлогъ ликованья — религіозный, — поминаніе умершихъ. По просьбѣ родныхъ, на могилѣ умершаго сперва совершается, послѣ общей панихиды въ церкви, заупокойная литія приходскимъ или кладбищенскимъ священникомъ, потомъ уже начинается пиршество. На Полѣсьи же это выходитъ чѣмъ-то въ родѣ тризны языческихъ, а въ смѣшеніи съ идеями христіанскими, какими-то страннымъ способомъ *христосованья* съ умершими. Сказавъ итъ: Христосъ воскресъ, живые, — чаще всего безъ молитвы священника, — располагаются на могилахъ умершихъ сродниковъ и начинаютъ пить и закусывать. Уходя съ кладбища, кладутъ на могилы покой-

(1) Истор. Карамз. Т 1, стран. 134, 105.

иновъ красныя лица и другія яства и сердечно убѣждены, что мертвые выйдутъ изъ могилъ и начнутъ разговляться оставленными для нихъ яствами (1). Полѣшуки называютъ Ѳомину недѣлю: „*наскій великъ дзень*“ (праздникъ Воскресенія Христова у мертвыхъ) (2). Отправляясь на кладбище, нѣкоторые изъ нихъ и говорятъ: пойдѣмъ христосоваться съ покойниками. Послѣдствія такого христосованья часто бывають таковы, что живые не многимиъ отличаются отъ мертвыхъ. Запрещать подобныя пиршества есть прямая обязанность церковныхъ пастырей. Въ этихъ пиршествахъ много не христіанскаго, кощунственнаго. Выборъ для нихъ мѣста и времени возмущаетъ душу (3).

Бъ той же категоріи излишествъ относится нѣкоторымъ образомъ и роскошь полѣскаго ужина въ великій четвертокъ. Ужинъ этотъ бываеть предъ заутреней, во время которой воспоминаются страданія Спасителя, отчего и самая утренняя начинается нѣсколько позже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. На подобный ужинъ, равно какъ и на ужинъ предъ Рождествомъ Христовымъ,—полѣскіе хозяева истощають всѣ свои средства, хозяйки—все свое поваренное искусство. Бъ этой, довольно неумѣстной, прихоти подала невинный новодъ послѣдняя *вечера* небснаго Учителя съ учениками. По тому и ужинъ этотъ на Полѣсьи называется также *тайною ве-*

(1) Вѣроятно, это тоже остатокъ весенняго языческаго праздника славянъ, извѣстнаго подъ именемъ «*Радуница*» (Истор. Кар. Т. VI, примѣч. 23). Названіе этого праздника и теперь слышится въ Литвѣ и Бѣлорусіи.

(2) Не есть ли это остатокъ языческаго праздника «на могилахъ удавленниковъ»,—совершенно похожаго на «наскій великъ дзень» полѣшуконъ? (Быть русск. Нар. Терещен: л. VI, стр. 134).

(3) То, что нѣкоторыя повѣрья, суевѣрія, обряды, и обычаи, усвоенныя здѣсь бѣлорусскому полѣшуку, встрѣчаются и въ другихъ племенахъ славянскихъ, въ другихъ мѣстахъ Россіи, ни чуть не доказываетъ ихъ неумѣстности въ настоящихъ «Очервахъ», а только лишь подтверждаетъ общность этихъ повѣрій, суевѣрій и проч. у всѣхъ или у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ. Я тогда только былъ бы не правъ, еслибы то, что найдено и подмѣчено мною на Полѣсьи, не могло быть тамъ отыскано. Да почему не предположить и того, что размноженіе народонаселенія въ лѣсахъ бѣлорусскихъ, совершавшееся болѣе безпрепятственно, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ и заставлявшее жителей Полѣсьи искать въ сосѣдствѣ мѣстъ болѣе хлѣбородныхъ, не занесло вмѣстѣ съ ними въ эти мѣста и ихъ повѣрій, суевѣрій, легендъ, обрядовъ и прочъ?

через, хотя къ ней ни въ какомъ случаѣ не идетъ этотъ эпитетъ. Роскоши подобнаго ужина не мало способствуетъ и то обстоятельство, что на Полѣсьи (какъ уже было мною замѣчено) многіе, послѣ этого ужина, ничего не ѣдятъ до самыхъ розговинъ и думаютъ во время его, такъ сказать, застисъ нищю почти на три дня.

Я здѣсь прохожу молчаніемъ разныя обряды, суевѣрія и проч., какія можно подмѣтить между полѣскими простолюдьямъ при совершеніи погребенія, — свадьбы и принѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ народной жизни. Я вполне сознаю важность этого пробѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ извиняю себя въ допущеніи его тѣмъ, что эти обряды, суевѣрія и проч., слишкомъ многочисленны для того, чтобы свободно умѣститься въ настоящихъ, и безъ того довольно громоздкихъ для настоящаго мѣста „Очеркахъ“; что большинство этихъ обрядовъ и суевѣрій можно наблюдать и въ другихъ, особенно сосѣднихъ съ бѣлорусскимъ Полѣсьемъ, племенахъ русскаго народа и, что, наконецъ, любопытный можетъ изучить этотъ предметъ въ тѣхъ монографіяхъ, сборникахъ, изысканіяхъ, которыми спеціально ими занимались. Особенно разработаны въ послѣднее время отдѣлы народныхъ славянорусскихъ обрядовъ и пѣсней свадебныхъ. Изъ нихъ многія чрезвычайно характерны и оригинальны. Характерны, по моему мнѣнію, тѣ, которыя поются на Полѣсьи дѣвушками и женщинами, когда иѣсятъ, сажаютъ въ печку, вынимаютъ изъ нея, рѣжутъ на куски и разносятъ гостямъ свадебный *коровай* (куличъ), пользующійся, можно сказать, религиознымъ уваженіемъ полѣскаго простолюдья и служащій поводомъ къ обзаведенію новобрачныхъ довольно иногда значительнымъ хозяйствомъ и достаткомъ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что *дружки* (почти тоже что шаферы) обносятъ ломти *коровай* собравшимся на свадьбу роднымъ и гостямъ и получаютъ для новобрачныхъ отъ каждаго изъ нихъ какую нибудь монету, или обязательство (конечно, словесное, но никогда не нарушаемое) подарить *князю* или *княгинѣ* (молодымъ) корову, вола, лошадь, или какое нибудь, менѣе цѣнное животное. Такой подарокъ называется „*перепоемъ*“ вола, коня и проч., такъ какъ вмѣстѣ съ *короваемъ* *дружко* подносятъ гостю и рюмку водки, или *саренули*, то есть свареной съ медомъ и разными пряностями *горьлки*. Лишь только гость назоветъ даримое животное и выпьетъ рюмку водки, забавникъ — *дружко* нерѣдко подражаетъ голосомъ или

уватками названному животному. Когда я жилъ на Полѣсьи, этотъ обычай, со всѣми его вариантами, наблюдался даже между тѣмъ сельскимъ духовенствомъ, которое недалеко ушло отъ приютовъ народной жизни и не успѣло еще познакомиться съ новейшимъ прогрессомъ.

Особенное уваженіе, какимъ пользуется свадебный коровай на Полѣсьи, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго отрывка одной, сохранившейся въ моей памяти и, кажется, нигдѣ еще не поштенной, коровайно-свадебной пѣсни:

«Самъ Буогъ коровай мѣсницъ,
Причистая свѣщницъ,
Анголи воду носящъ,
Да насъ на весѣлье (сва тьбу) просящъ».

Послѣ всякаго куплета, вся, собравшаяся въ домѣ невесты, публика громко кричитъ: гу!

Я думаю, мои читатели будутъ настолько снисходительны, что не сдѣлаютъ мнѣ упрека за небольшое нарушеніе моего умолчанія или пробѣла, допущенное въ кольцо полѣскаго коровайа.

Почти такъ—же характерны пѣсни, которыя поются, когда мелодне отправляются спать въ *кмыць* и когда дружка ходитъ вокругъ нея и хлещетъ по стѣнѣ клетки кнутомъ. Жаль только, что въ этихъ пѣсняхъ попадаетса довольно неуклюжихъ остроумъ и недвусмысленныхъ намековъ, сравненій и каламбуровъ.

Изъ этого очерка психической стороны полѣскаго простолюдья видна въ немъ странная смѣсь убѣжденій, вѣрованій и обычаевъ здравыхъ, чистыхъ, благодѣтельныхъ съ повѣрьями, обрядами и обычаями, питающими суевѣріе и обличающими самое узкое и невѣжественное міросозерцаніе. Душа бѣлорусскаго полѣшукъ—это руда, въ которой золото смѣшано съ грязью и разными другими ничтожными веществами, но изъ которой можно добыть много драгоцѣннаго металла, если только взяться за дѣло съ умѣньемъ и усердіемъ. Одинъ и тотъ же безочетный консерватизмъ оберегъ и закрѣпилъ въ душѣ полѣшукъ рядомъ съ прекрасными нравственно-религіозными началами завѣщанныя предками нечѣпости и бредни, дающія ложное направленіе дѣятельности духа, отравляющія спокойствіе душевное, заставляющія невольну дрожать и озираться съ ужасомъ вокругъ себя, изъ боязни нападенія со стороны созданнаго воображеніемъ страшнаго лица. Такой консерватизмъ естественно повелъ къ дуализму,—

къ раздвоенію мыслей, желаній и дѣйствій между истиной и фальшею, началомъ добрымъ и злымъ. Самая популярная поговорка польская: „Бога люби и чорта не гнѣви“—какъ нельзя лучше выражаетъ характеръ этого дуализма, складъ міросозерцанія и отношенія къ міру духовъ польскаго простолюдыя: полѣшукъ, точно, любитъ Бога крѣпко, но почти столько же боится чорта и людей, будто-бы дѣйствующихъ подъ его командой, надѣленныхъ его могуществомъ. Едва ли есть на Полѣсьи повѣрье, суевѣріе, обрядъ, къ которымъ, такъ или иначе, въ теоріи или на практикѣ, не была-бы припутана нечистая сила, требующая огражденія, умилоствленія, разныхъ предосторожностей и жертвоприношеній. Эта сила и портитъ, и пугаетъ, и даетъ богатство, и стережетъ клады, и причиняетъ болѣзнь, увѣчье, смерть, и человѣку, и скотинѣ и проч. Отъ всѣхъ этихъ бѣдъ и страховъ нужно защититься разными волшебными и неволшебными секретами и обрядами.

Полѣшукъ имѣетъ такое одностороннее и своеобразное понятіе о благодѣи Божіей, что въ головѣ его никакъ не можетъ уиѣститься идея зла физическаго рядомъ съ промышленіемъ Божіимъ о мірѣ, что это зло, по его мнѣнію, должно имѣть свою особую, личную, дѣйствующую, враждебную человѣку, причину, въ дѣла которой Богъ не мѣшается. Тѣ только немногіе изъ полѣшуконъ, въ которыхъ нравственно-религіозная истина начинаетъ вытѣснять бредни напуганнаго воображенія, и которые находятся въ болѣе частомъ и тѣсномъ общеніи съ церковью,—ищутъ у нея защиты отъ бѣдъ, будто-бы посылаемыхъ дьяволомъ, или его сотрудниками—знахарями.

На сельскихъ пастыряхъ, на сельской школѣ лежитъ священный и неотложный долгъ разсѣять тотъ туманъ нравственный, который заслоняетъ отъ нашего простолюдыя вообще и полѣскаго въ особенности, красоту, поучительность, нормальный обликъ и значеніе предметовъ и явленія міра Божія и рисуетъ ихъ въ извращенномъ, фантастическомъ, чудовищномъ видѣ. Исполненіе этого важнаго долга даже не такъ трудно, какъ это представляется съ перваго взгляда. Стоитъ только внести свѣтъ въ темную комнату, и невидимые предметы сдѣлаются видимыми, а тѣ, которыми слухоты представлялись въ неопредѣленныхъ и фантастическихъ очеркахъ, примутъ нормальный обликъ и форму. Стоитъ только въ душу простолюдыя внести свѣточъ истины, чтобы мракъ суевѣрныхъ бредней и страховъ разсѣялся, и темную дотогѣ душу

сарию положительное знаніе. Современные намъ пастыри сельскіе вполне владѣютъ нужными для этого *просвѣщенія* научными средствами и приѣмами и пользуются, безграничнымъ, можно сказать, довѣріемъ прихожанъ, безъ котораго немислима побѣда надъ упорствомъ уворенявшагося вѣками суевѣрія и невѣжества. Эти пастыри знаютъ, что вѣра пасомыхъ будетъ мутна, малоплодна, пока она не очистится отъ тѣхъ предметовъ вѣрованія, въ которые вѣрить грѣшно и стыдно. Они не будутъ, подобно вышедшимъ изъ школы нигилизма учителямъ, подрывать вмѣстѣ съ суевѣріемъ и самую вѣру, и проведутъ между ними надлежащую черту, отдѣляющую ихъ другъ отъ друга. Они не станутъ подтрунивать надъ вѣрой въ бытіе злыхъ духовъ, но и не усвоятъ имъ той силы, власти и вліянія, какія усвоятъ невѣжественное и пугливое воображеніе простолюдья, и укажутъ для борьбы съ дьяволомъ на оружіе болѣе дѣйствительное, нежели то, какое предлагаетъ ему корыстолюбіе шарлатана-невѣжды знахаря. Эти пастыри не станутъ даже слишкомъ неосторожно посвящать своихъ учениковъ въ тайны славянской мискологіи, а просто укажутъ и докажутъ преступный характеръ извѣстнаго обряда, нелѣпость извѣстнаго суевѣрія, неумѣтность, несвоевременность извѣстной оргіи. Къ чему, напр., пастырю знакомить учениковъ своихъ съ Купаломъ, праздникомъ удавленниковъ, и проч., когда и безъ этого опаснаго щегольства излишней эрудиціей можно доказать ученикамъ, что для христіянина тяжкій грѣхъ, а для Іоанна Предтечи и Крестителя Господня великое оскорбленіе—проводить ночь предъ рожденіемъ этого величайшаго подвижника христіянства въ пьянствѣ и пляскахъ; что пьянство на могилахъ родныхъ печалитъ умершихъ, сквернитъ живыхъ и даже мѣсто, на которомъ оно производится. Нетрудно доказать, что человекъ можетъ заболѣть и умереть отъ разныхъ причинъ, помимо порчи знахаремъ, что излишнее употребленіе хмѣльнаго, и безъ очарованной или отравленной кодуномъ водки, можетъ само собою разстроить здоровье и даже причинить смерть; что коровье молоко можетъ испортиться безъ всякаго участія вѣдьмы, что слишкомъ нелѣпо думать, будто вѣдьма не можетъ пройти мимо той свѣчи, которую можетъ грызть зубами, и проч. Само собою разумѣется, что народный учитель не станетъ озабочивать себя и другихъ изложеніемъ полнаго трактата о всѣхъ извѣстныхъ ему суевѣріяхъ и нелѣпостяхъ, а будетъ преслѣдовать только

тъ, которыя существуютъ въ извѣстной околицѣ. Можно съ этой цѣлью, въ сельской школѣ, или у себя дома назначить, въ свободное отъ хозяйственныхъ занятій зимнее время, нѣсколько нарочитыхъ бесѣдъ, пригласивъ на нихъ и взрослыхъ людей, жалаущихъ душевнаго прозрѣнія. Эта сторона просвѣщенія составляетъ одну изъ главныхъ задачъ народнаго учителя.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Я Г А Й Л О .

Историческій романъ

Въ 4-хъ частяхъ (*).

«Миленькая Летуза»
«Дорогая Свобода»,
«Ты скрылась въ пространства небесъ»
«Гдѣ жъ тебя искать?»
..... «И т. д.».....

(Начало литовской историческо-мнеологической пѣсни, переводъ П. Кукольника).

ЧАСТЬ 1-я.

В В Е Д Е Н І Е .

Въ 1348 году, въ Вильнѣ, въ одну темную сентябрьскую ночь, когда надъ городомъ царилъ тишина могильная, изрѣдка нарушаемая обликками дозорныхъ, да завываніемъ зеленой дубровы, и нравъ непроходный,—по тропинкѣ, ведущей изъ *нижняго* княжескаго замка въ *верхній*, почти ощупью пробирались нѣсколько человѣческихъ тѣней и слышался слабый крикъ ребенка.....

— А—а—а—а!.... а—а—а—!.... Нишкни, не плачь, мой свѣтликъ ясный; не время плакать, голубчикъ бѣлинскій, ландышъ

(*) При составленіи романа, я руководствовался Нарбутомъ, Карамзиннымъ, Крашевскимъ, Соловьевымъ, Коляловичемъ, Стрийковскимъ—и другими историками,—этнографическими сборниками русскими лѣтописями и т. д..... Быть справедливымъ и беспристрастнымъ—вотъ задача, съ которой я приступилъ къ роману

дунистый, — полушепотомъ уговаривалъ ребенка женскій голосъ.... Но дитя не унималось, а все громче и громче слышался его вопль. Вѣтеръ таялъ съ Антокольскихъ горъ и по этому плачь ребенка отнесло къ воротамъ *нижняго* замка. Дозорный латникъ, ходившій надъ ними по зубчатой стѣнѣ, услыхавъ какіе то неопредѣленные звуки, остановился и началъ внимательно прислушиваться....

— Что это — сова кричить, или ягненокъ? подумалъ онъ.

Но въ это время, ясно и отчетливо до него долетѣли звуки плачущаго ребенка. Изумленный стражъ весь превратился въ слухъ.... Плачь слышался еще нѣсколько мгновеній, потомъ, переливаясь эхомъ въ *священной рощѣ*, примыкающей къ *кричьему граду*, смолкъ, вмѣстѣ съ шумомъ листьевъ въѣвковыхъ священныхъ дубовъ.

„Упокой господи невинную душеньку!“ — проворчалъ латникъ и, перекрестясь, громко закричалъ: — „Гой — да! — гой — да!“ —

— Гой — да! — отвѣтилъ ему ближній дозорный, — „гой — да!“, отдалось далѣе, — „гой — да! гой — да!“ — слышалось со всѣхъ башенъ — „гой — да! раскатилось эхомъ по *священной* и Антокольской рощамъ и замерло гдѣ то далеко, далеко.... Дозорный латникъ, пробормотавъ какое то ругательство и оплевываясь, пошелъ къ ближнему своему товарищу, который первымъ откликнулся на его „гой — да!“ и который, послѣ отвѣта на окликъ, оперся на тяжелую палицу, прислонился къ зубцу стѣны и намѣревался немножко вздремнуть. Но это ему не удалось, потому что, заслыхавъ приближающіеся человѣческіе шаги, онъ выпрямился и, всматриваясь въ ночную мглу, по направленію идущаго, спросилъ:

— Кто ходить тутъ?

— Всѣ я же.... латникъ Иванъ.... Неужто не распозналъ?, спросилъ первый латникъ.

— Какъ тутъ распознать, когда зги не видно?! — отвѣчалъ второй латникъ.

— Что, братъ, ты ничего сейчасъ не слышалъ?, таинственно спросилъ первый латникъ.

— Ни чего.... А развѣ ты что слышалъ? отвѣчалъ второй, въ свою очередь спрашивая перваго.

— Не слышалъ ребячьяго голоса или воя?

— Нѣтъ.

— А я слышалъ. . . . Видно, братъ, опять душеньку загубили окоянные..... Нехристи проклятые.....!

— Да что такое?

— Да вотъ—хожу я по стѣнѣ—то, только вдругъ отъ рѣки Виліи прямо ко мнѣ послышалось не то ржанье коня, не то крикъ совы, не то ягненка крикъ; я затаилъ духъ и слушаю: голосъ—то больно пронзительный,—вслушиваюсь, явственно распознаю, что это плачь ребенка..... Ну, думаю, это должно быть опять какая нибудь вайделотка грѣхъ сотворила, да въ немя каются не хотятъ предъ своимъ поганскимъ попомъ—криве-кривейтомъ. . . . Такъ, должно полагать, ребенка въ воду бросила, Вилія-то быстра, живьемъ умчитъ въ Нѣманъ... И концы значить въ воду!...

— Вѣстимо концы въ воду..... А ты думалъ, что они какъ у насъ христіанъ, во грѣхахъ каются? Нѣтъ, братъ, у нихъ хоть покайся передъ криве-кривейтомъ, а за такой грѣхъ не простятъ: въ запрошлое лѣто за такое дѣло вайделотку, вмѣстѣ съ ребенкомъ, положили въ мѣшокъ, да кинули въ него четыре змѣи, каменьева навалили въ мѣшокъ, наглухо завязали его, да и бросили въ Вилію.....Вотъ какъ у нихъ расправляются..... Поневолѣ будешь концы хоронить, заключилъ второй латникъ.

— Душегубцы проклятые! сказалъ первый латникъ. Между тѣмъ, человѣческія тѣни, идущія по тропинкѣ въ *верхній* замокъ достигли воротъ, которыя были уже заранѣе отворены, и дозорный стражъ, ходившій возлѣ нихъ, не окликавъ идущихъ, спокойно пропустилъ ихъ на площадку *верхнюю* замка, сейчасъ же затворилъ ворота и заперъ ихъ на ключъ.

Вся группа идущихъ направилась по площадкѣ прямо къ большой деревянной, на каменноу фундаментѣ, башнѣ. Въ среднѣ этой башни, занимала небольшое мѣсто придворная православная церковь, на порогъ которой идущіе остановились на нѣсколько мгновеній, обратились назадъ, оплонулись всякій по три раза и, прошептавъ какую то молитву, чинно вошли въ церковь... Церковный привратникъ заперъ желѣзную дверь на замокъ.....

Обильный свѣтъ, отъ зажженныхъ восковыхъ свѣчей и лампадъ не проникалъ на улицу, потому что окна были закрыты желѣзными ставнями и завѣшены плотными парчевыми занавѣсами..... Посрединѣ церкви, передъ наосемъ, на которомъ лежали евангеліе, крестъ и миро для помазанія, — стояла купѣль, наполненная водою.....

Всёдневные были бояре и боярыни, — всё русские.

Одна из боярынь держала ребенка, обвернутого в несколько штофных одеял. Один из боярь держал серебрянный крест складень, повѣшенный на бархатную розовую ленту, на которой былъ вышитъ золотомъ весь символъ вѣры: „Вѣрую во Единого Бога!“....

— Кумъ! откуда ты досталъ такую повязку? спросила боярыня, держащая ребенка, обращаясь къ боярину, имѣвшему крестъ и вышешюманутую ленту.

— Изъ Торжка привезъ, кума..... Княгиня Ульянея просила меня объ этомъ, отвѣтилъ онъ.

Въ это время изъ алтаря вышелъ въ полномъ церковномъ облаченіи отецъ архимандритъ Давидъ, духовникъ великой княгини Іуліаніи и, благословивъ крестнымъ знаменіемъ всѣхъ присутствовавшихъ, произнесъ: „Благословенъ Богъ нашъ.... и т. д.“

Нѣсколько причетниковъ и діаконъ пропѣли: „аминь“ и обрядъ оглашенія и потомъ святаго таинства крещенія начался.....

Но обратимся, читатель, къ нашимъ двумъ знакомымъ латникамъ, которыхъ мы оставили на заборѣ толкующими о вайделоткахъ.

Долго они говорили о нихъ, наконецъ смолкли и оба погрузились въ мечтаніе.

— Завтра вѣдь большой праздникъ, — Воздвиженіе святаго креста; надо будетъ прямо съ дозору къ заутрени въ Пятницкую церковь идти, — сказалъ первый латникъ, послѣ долгаго молчанія.

— Извѣстно надо!.... Спать грѣхъ на такой праздникъ, выспаться и днемъ успѣемъ, заключилъ второй.

— А что, братъ, неужто новорожденнаго князя не будутъ крестить въ нашу вѣру, спросилъ первый латникъ.

— Невѣдаю..... Какъ — чай не крестить!? И отъ первой жены князя, княгини Марьи, царство ей небесное, — и отъ той крестилито, говорилъ второй.

— Я слыхалъ, что самъ князь Ольгердъ не хочетъ, чтобъ крестили. Пусть, говорятъ, моимъ богамъ поклоняется, продолжалъ первый.

— Не должно этого быть..... Потому и самъ князь Ольгердъ крещенъ въ нашу вѣру....

— Крещенъ?!....

— Крещенъ.... Только кривичамъ не хочетъ онъ въ этомъ

признаться, потому что криве-кривейто еще власть большую надъ литовцами имѣеть.... Ты, чай, слыхалъ о трехъ литовцахъ, прилившихъ крещеніе, десять лѣтъ тому назадъ, какъ ихъ замутили,—а?....

— Слыхалъ еще на родинѣ, въ Витебскѣ.....

— Князь Ольгердъ и помиловалъ бы, да криве-кривейто народъ весь поднялъ противъ нихъ; ну—князь видитъ, что народъ литовской въ ярости находится и велѣлъ выдать, ихъ выдали.... Ну и лишили жизни.... пострадали за вѣру Христову, мученики святые!

— Царствіе имъ небесное, со вздохомъ проговорилъ первый и перекрестился.

— Богъ дастъ молитвами ихъ возсіяетъ святой православный крестъ нашъ по всей Литвѣ и Жмуди..... Теперь ужъ не то, что было прежде: княгиня Ульяна власть большую имѣеть надъ княземъ; то и дѣло монастыри да церкви строить.....

Въ это время, съ Антокольскихъ горъ, дунулъ сильный вѣтеръ; зашумѣла зеленая дуброва, запахло падающими осенними листьями, въ воздухѣ сдѣлалось душно, на горизонтѣ засверкали молніи, слышались глухіе раскаты грома. Небо сдѣлалось еще темнѣе.....

— Гроза будетъ, громъ гремить, заключилъ второй.

— На этотъ праздникъ у насъ въ Витебскѣ почитай всегда гроза бываетъ, сказалъ первый, и оба замолчали.

Гудить и шумить священная роща, воетъ и стонетъ антокольскій черный боръ, молніи учащаются, раскаты грома дѣлаются все слышнѣе и слышнѣе.... Съ воемъ и свистомъ вѣтра началъ сливаться какой—то..... необъяснимый, хватающій за душу, звукъ, какъ будто женщина изнемогала въ своихъ рыданіяхъ.....

Нани латинки вздрогнули и перекрестились.

— Съ нани крестная сила! сказалъ первый.

— Наше мѣсто свято! проговорилъ второй.

— Что это такое?....

— А Господь вѣдаетъ!....

— Бто это въ грозу задумалъ лихимъ голосомъ выть?!, продолжалъ первый.

— Вѣстимо не человекъ.... робко и послѣ короткаго молчанія, заключилъ второй.

— А то кто же?

— Вѣстимо кто!.... Кто гнѣва Вожьго боится, тотъ и грози боится.

— Такъ кто же по твоему?, нерѣшительно спросилъ первый.

— Вѣстимо, кому страшно приходится, тотъ и воетъ.... Развѣ не знаешь что на *Лысой* (1) горѣ, за Вилейкой, вѣдьмы водятся!.... Ну онѣ и воетъ!.... Гнѣвъ Вожій чувствуютъ, — тоже нерѣшительно отвѣчалъ второй.

А гроза между тѣмъ дѣлалась все страшнѣе и страшнѣе. Огненные змѣйки, въ разныхъ мѣстахъ, бороздили темный плафонъ неба; раскаты грома превратились въ оглушительный грохотъ. ....

— Господи помилуй насъ! прошепталъ первый латникъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ.

— Пойдемъ въ крытую бойницу. Того и гляди дождикъ будетъ, сказалъ второй латникъ.

— Пойдемъ, согласился первый.

И оба латника отправились въ крытую бойницу, на самой верхушкѣ башни.

— Чу, какъ Илья пророкъ со святымъ Юрьемъ по небу катаются!.... Мать сыра земля и то содрогается!.... А ужъ *проклятому* — те, да вѣдьмамъ петля приходится, говорилъ второй латникъ, усаживаясь въ бойницѣ на самопалѣ.

— Въ грозу грѣхъ про овольныхъ говорить, продолжалъ первый, приваливаясь къ стѣнѣ.

— Добрые люди въ грозу спать ложатся, что бы меньше грѣшнить, а мы съ тобой на дозорѣ стоимъ.

А тутъ, ужъ извѣстно, не согрѣшна согрѣшивъ, заключилъ второй.

Но едва только онъ кончилъ, какъ снова до нихъ долетѣли какіе то неопредѣленные и унылые звуки.

— Слышишь? опять!.... дрожащимъ голосомъ обратился первый къ второму.

— Слышу, отвѣчалъ второй.

— Это вотъ оттуда!.... говорилъ первый, показывая рукой по направленію къ *Лысой* горѣ.

— Я тебѣ говорилъ, что это вѣдьмы воетъ, ну оно такъ и!....

Въ это мгновеніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу, блеснула

(1) Нынѣ трехъ-крестовая. (Авторъ).

молнія, половина неба вспыхнула чуднымъ огнемъ. Антокольскіе горы такъ ярко и чисто были на нѣсколько мгновеній освѣщены небеснымъ огнемъ, что наши латники, къ своему ужасу, ясно увидѣли бѣлую человѣческую фигуру на площадкѣ Лысой горы. Неопредѣленные звуки неслись дѣйствительно съ этой зловѣщей горы. . . .

— Видѣлъ ее?, спросилъ второй.

— Ви—и—дѣлъ, заикаясь съ испугу, прошепталъ первый. „Да воскреснетъ Богъ!“ начали читать оба молитву и креститься; первый латникъ даже закрылъ глаза.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ описаннаго страннаго явленія, латникамъ представилось новое зрѣлище, все на той же заколдованной горѣ. На самой вершинѣ горы, изрѣдка освѣщаемой молніей,—показались блуждающіе огоньки, которые бѣгали по разнымъ направленіямъ зигзагами; потомъ погасли и, нѣсколько минутъ спустя, явились снова, снова исчезли и наконецъ на томъ мѣстѣ запылалъ небольшой костѣрь, довольно явственно освѣтившій стоящую близъ него человѣческую фигуру.

Оба латника закрыли глаза, перекрестились и, продолжая читать молитву, отвернулись въ другую сторону.

Теперь я попрошу читателя послѣдовать за мной на эту волшебную гору (*Лысуя*), о которой въ литовскомъ народѣ осталось множество чудесныхъ легендъ и преданій.

Для этого маневра необходимо вернуться назадъ. Въ то самое время,—когда нашъ первый знакомецъ—латникъ,—крикнулъ дозорный кличъ—„гой—да!“—и получилъ его въ отвѣтъ отъ своихъ товарищей,—въ то самое время—повторяю—за Вилейкой, по довольно узкой и извилистой тропѣ, хватаясь за кусты растеній и стволы деревь, утомленной поступью подымалась на верхъ Лысой горы женщина, на груди которой была привязана какая то ноша, укутанная бѣлымъ холстомъ. Ношу эту она придерживала лѣвой рукой. . . . Трудно—или точнѣе—невозможно было бы угадать, что такое несла женщина въ бѣломъ холстѣ, на своей груди, еслибы во временахъ она не обращалась къ своей ношѣ съ слѣдующими словами:

— Спи, моя милая дочь,—моя бѣлая лилія. . . . Скоро тебѣ придется летѣть далеко, далеко. . . . На Калнасъ, къ отцу нашему Прамжинасу, путь дальній, путь орлиный; высыпайся пока на рукахъ матери, на груди несчастной твоей родительницы. . . . Когда

же ты прилетишь туда, гдѣ царствуетъ вѣчно лѣто, гдѣ солнце не меркнетъ въ облакахъ, и гдѣ святой отецъ Прамжу сидитъ на янтарной скамьѣ, въ золотыхъ палатахъ и видитъ дѣла людскія,—тамъ вспомни злополучную мать свою и не проклинай ее.... Она любила тебя.... говорила голосомъ полнымъ отчаянія невѣдомая женщина, цѣлуя свою дорогую ношу.

Надѣюсь, что послѣ этихъ словъ читатель, безъ дальнихъ поясненій, уже составилъ себѣ опредѣленное понятіе о томъ, что такое была за ноша на груди у женщины, и потому буду продолжать начатое.

Грудное дитя, несмотря на обильные поцѣлуи и ласки своей матери, безмолствовало.... Оно спало сладкимъ сномъ праведника, ни сколько не думая, что ему угрожаетъ бѣда отъ той, которая дала ему жизнь,—что чрезъ нѣсколько минутъ оно будетъ горѣть на огненномъ кострѣ, въ честь громовержца литовскаго Перкуна.... Дитя не знало, что оно должно сожженіемъ своимъ очистить и искупить грѣхъ своей матери.... А еслибъ и знало, то протестъ его противъ такого насилія былъ бы слышенъ не болѣе, какъ на десять шаговъ.... Бѣдное дитя!!....

Взойдя на площадку Лысой горы, злополучная и безчеловѣчная мать, въ тихихъ сдержанныхъ рыданіяхъ, опустила на сырой дерновый покровъ. И снова поцѣлуи, снова ласки, слезы, мольбы, желанія посыпались на несчастнаго ребенка.

Въ это-то самое время послышались первые раскаты грома и заблестѣла молнія. Но женщина не обращала вниманія ни на что, исключая своего ребенка, который отъ сильныхъ объятій проснулся и плачемъ заявилъ о своемъ существованіи. Плачь его, такъ же какъ гулъ грома, свистъ и шумъ вѣтра, не былъ услышанъ матерью, хотя она слышала его.... Для ней теперь было все равно—плакалъ ли ребенокъ, или улыбался. Она была поглощена мыслью, что скоро должна разстаться со своей милой дочерью и потому, въ послѣдній разъ, судорожно сжимая ее въ своихъ объятіяхъ,—цѣловала и миловала.... Она была увѣрена, что ни крикъ, ни слезы ребенка, ни грохотъ неба, ни свистъ и вой вихра, ни даже самъ обитатель подземнаго царства страшный старикъ Пеклосъ, не могутъ помѣщать ей принести своего ребенка въ очистительную жертву богамъ своимъ.... Долго она миловала свою жертву, не взирая на ея раздражающій крикъ, но наконецъ

раскрыла свою грудь и приложила его къ ней.... Ребенокъ въ послѣдній разъ началъ сосать молоко своей матери....

Онъ это какъ будто сознавалъ, какъ будто чувствовалъ, потому что, какъ только привоснулся къ сосцамъ, сей часъ же уюлокъ и съ жадностью началъ питаться молокомъ, изъ груди виновницы его бытія.

— Голубушка ты моя, лилія ты бѣлая, дорогой мой камень *изморозь*!!... Не гнѣвись на свою злосчастную мать за то, что тебѣ не придется слышать воркованья милаго Голубка, не придется распуститься пышнымъ цвѣтикомъ на вѣточкѣ, завянешь ты по суровой зимѣ, не разцвѣвъ еще.... Не выпьешь ты чары съ небеснымъ напиткомъ богини Мильды (1), не узнаешь какъ жгучь огонь ея.... причитала неизвѣстная женщина надъ своимъ груднымъ ребенкомъ, сопровождая каждую фразу громкими рыданіями, — которые относились вѣтромъ на Замковую гору....

— Чѣмъ лучше тебя *тотъ*, кого теперь крестать въ русскую вѣру, въ княжеской христіанской молебнѣ?... Что онъ сынъ самаго литовскаго кунигаса Ольгерда, такъ вѣдь и ты.... — Но тутъ она остановилась, вздрогнула и какъ будто испугалась своихъ словъ....

Дня, между тѣмъ, насытилось и снова заснуло крѣпкимъ сномъ. Мать его, послѣ обильныхъ слезъ и рыданій, тоже успокоилась. Приближающаяся гроза заставила ее выйти на нѣсколько минутъ изъ горькой иллюзіи....

— Пора, прошептала она, смотря на бурное небо и, осторожно положивъ своего ребенка на землю, оцупью начала собирать обгорѣлыя дрова, во множествѣ остающіеся на Лысой горѣ, послѣ великой знатной литовской тризны. Дрова эти она складывала въ костеръ, на срединѣ площадки горы. Когда же костеръ принялъ довольно большіе разиѣры, она остановилась и тяжело вздохнула. Потомъ, приблизившись къ своей сложенной ношѣ, вынула изъ — подъ изголовья ребенка кремень, огниво и смолистую головню (2). Черезъ нѣсколько минутъ добыла она огня и зажгла головню. Переложивъ ее на двое и воспламенивъ другую часть ея, женщина запѣла языческую обрядовую пѣсню, ублажающую непорочность Праурини и чистоту божественнаго огня *Змича*. Пѣніе это сопро-

(1) Литовская богиня любви. (Авт.).

(2) Головня — родъ факела. (Авт.).

вождалось бѣганьемъ вокругъ костра и своей жертвы, а также наханьемъ пылающею головою....

Наконецъ, пѣніе это кончилось; злосчастная мать, — какъ она себя сама назвала, — измученная бѣготней, тихо опустилась на колѣна передъ костромъ и не болѣе какъ черезъ минуту загля ето. Постоянно увеличивающійся свѣтъ отъ яркаго пламени жертвеннаго костра даетъ возможность подробно описать таинственную женщину. Она была высокаго и мужественнаго росту; голова ея была картинно-правильная, чистое и строгое лицо было покрыто матовой блѣдностью; глаза ея, освѣяемые черными густыми бровями, были влажны и красны; на головкѣ ея былъ надѣтъ зеленый рутаной вѣнокъ, изъ — подъ котораго, въ художественномъ безпорядкѣ, спускались на бѣлую ея шею черные какъ смоль волосы, одѣта она была въ костюмъ вайделотки, за исключеніемъ передника, на которомъ вайделотки носили дѣвичьи колокольчики и бубенчики, звонъ которыхъ не позволялъ имъ укрываться тамъ, гдѣ не позволялъ имъ быть законъ Праурины.... На ременномъ пояскѣ, охватившемъ всю талию, висѣлъ жертвенный ножъ, скорѣе похожій на серпъ; на рукахъ были надѣты бронзовыя браслеты, въ видѣ согнутой змѣи, — что означало эмблему вѣчности; на ногахъ были надѣты сандалин....

Теперь, читатель, снова попрошу васъ слѣдить за тѣмъ, что происходило на Лысой горѣ.

Когда костеръ воспламенился весь и когда молніи и раскаты грома приняли ужасающіе размѣры, заставляя все живущее на землѣ трепетать и содрогаться, — женщина эта подползла на колѣнахъ къ своей оставленной на землѣ ношѣ, подняла ее и, прильзавшись къ горящему костру, открыла лицо спящаго ребенка. Яркое пламя костра и ослѣпительный блескъ молніи освѣтили улыбку спящаго дитяти, обреченнаго на жертву.... Долго, очень долго, мать вливалась взоромъ своимъ въ лицо своей невнятной дочери, — желая навсегда сохранить въ своей памяти черты дорогія для ея сердца. Долго она хранила молчаніе, но наконецъ губы ея затряслись, глаза наполнились слезами и она снова зарыдала....

— „Прощай!... Прости безумство матери своей“, — шептала она, рыдая и есншая несчетными поцѣлуями свою жертву.

Въ это мгновеніе, съ страшнымъ трескомъ, упала на сосѣдную

гору молнія, женщина вздрогнула и, упавъ на колѣна, обратила умоляющій взоръ свой на пылающее небо.

— О, грозный властитель неба и земли, богъ боговъ нашихъ, святой Перкунасъ! За чѣмъ ты такъ гнѣвно зриаешь на меня— несчастную мать?!... Умились и сжапись надо мной! . . . Въ честь тебя и непорочной дѣвы Праурими сейчасъ прольется кровь человѣческая, упейся ею и умилостивись. . . . Грѣхъ мой великъ, но и велика жертва моя. . . . Плодъ моего грѣха я приношу тебѣ, тебѣ нашъ суровый и строгій Перкунасъ. . . . О, не взирай такъ грозно на мою дочь, она твоя теперь. . . . Она твоя теперь. . . . Возьми ее и выведи меня изъ бездны позора. . . . О, Перкунасъ! Перкунасъ! Зачѣмъ въ вашемъ сонмѣ боговъ, на скалѣ блаженства и вѣчнаго счастья, живетъ богиня Мильда!?... Зачѣмъ она вѣчно не живетъ на землѣ, съ нами, а только временно бываетъ у людей, оставляя послѣ себя губительный огонь свой въ сердцахъ смертныхъ?! . . . О, если бѣ она постоянно была съ нами, то между людьми не было бы вражды, не было бы ни слезъ, ни страданій; взаимная любовь воцарилась бы на литовской землѣ,—говорила несчастная мать, простирая руки къ сверкающему небу. И долго бы она еще бесѣдовала съ небожь, если бы первые капли дождя не заставили спѣшить покончить съ своей жертвой.

Снова она сложила свою милую пошу на землю и, вставъ на ноги, выпрямилась всѣмъ своимъ станомъ и снова подняла руки къ небу.

— О, лейтесь, лейтесь слезы небесныя, загоряйтесь костры священныя, содрагайся вся тварь дышущая на землѣ!!... Человѣческой кровью упивается богъ Перкунасъ,—страшно и торжественно закричала она, стараясь подавить свое волненіе и заглушить словами свои рыданія.

Наступила минута жертвоприношенія. Глаза матери начали бѣгать и наливаются кровью; дрожащими руками сняла она съ рожна жертвенный ножъ и, поднявъ ребенка, замахнулась надъ его грудью. . . . .

Въ эту минуту на площадку Лисой горы вбѣжалъ вайделоть.

Бармида, ступай скорѣй, тебя хватились,—торопливо и запыхавшись сказалъ онъ, подходя къ ней. . . . .

Но Бармида, какъ назвалъ ее вайделоть, услыхавъ слова, опустила руку, выронила жертвенный ножъ и безъ чувствъ упала на руки къ вайделоту.

Скорѣе, Бармида, скорѣе! . . . . Время дорого, — говорилъ вайделотъ, но, убѣдившись, что Бармида въ обморокъ, выхватилъ изъ ея объятій плачущаго ребенка, бросилъ его на пылающій костеръ, а самъ, взявъ на руки Бармиду, поспѣшно началъ спускаться съ площадки горы. . . . .

Но лишь только ночная мгла сокрыла вайделота и Бармиду, какъ снова огненная струя упала на землю почти возлѣ самаго горящаго костра, на который былъ брошенъ ребенокъ. . . . . Ударъ грома былъ такъ силенъ и могучъ, что, казалось, вся природа провалилась въ преисподнюю. . . . . Часть Лысой горы, по направленію къ городу, дала трещину и съ шумомъ скатилась въ рѣку Вилейку, оставивъ послѣ себя большой уступъ. . . . .

Вслѣдъ за этимъ ударомъ, обильный потокъ дождя хлынулъ на землю и въ одно мгновеніе залилъ пылающій костеръ, изъ пламени котораго неслись звуки плачущаго ребенка. . . . .

Долго еще послѣ этого, тамъ и сямъ, вспыхивала молнія и гремѣлъ громъ, но, мало по малу, свѣтъ молніи дѣлался рѣже и блѣднѣе, а раскаты грома все — дальше — и тише. . . . . Наконецъ, небо смогло и только дождь не переставалъ лить какъ изъ ведра, почти всю ночь. . . . .

Тутъ мы спустимъ на время занавѣсъ передъ Лысой горой и обратимся къ двумъ латникамъ, которыхъ мы оставили въ крѣпкой бойницѣ.

На Покровской, Пятницкой и Никольской православныхъ церквахъ зазвонили къ заутрени. Наши дозорные перекрестились.

— Ну слава Богу! Сейчасъ смѣна придетъ, сказалъ первый.

Въ это время, изъ подъ воротъ башни, понеслась духовная пѣсня: — „Елицы во Христа креститесь“ и — т. д. . . . . Голосъ воющего дребезжалъ въ воздухъ и обрывался на высокихъ нотахъ. . . . .

— Кто это, тутъ поетъ?, спросилъ второй латникъ, высовываясь изъ бойницы.

— Я. . . . . Грѣшный Вожій рабъ. . . . . отвѣтилъ изъ — подъ воротъ, старческий голосъ.

— Это Алена, вродивый, сказалъ первый латникъ.

— Пропустите меня. . . . . Мнѣ нужно. . . . . пропустите — мнѣ нужно. . . . . говорилъ вродивый Алена.

— Буда тебя пропуститъ?, спросалъ первый латникъ.

— Въ ворота пропустите. . . . . Я къ заутрени иду, въ цер-

ковъ иду, пропустите. . . . Добрые люди, пропустите меня, оканнина го, грѣшнаго. . . . Я иду молиться, за новорожденнаго и крещенаго младенца Якова. . . . продолжать юродивый.

— За какого Якова?, спросилъ его второй латникъ.

— За Якова. . . . за Якова. . . . Пропустите, — твердилъ Алеша.

— Пропустимъ его, — обратился второй латникъ къ первому. Первый латникъ, молча, спустился по лѣстницѣ къ юродивому.

— Ты развѣ въ замкѣ эту ночь ночевалъ?, спросилъ латникъ юродиваго.

Въ замкѣ. . . . въ замкѣ. . . . Нынче ночь великая. . . . великая ночь. . . . Только я не спалъ. . . . Нѣтъ не спалъ. . . . Нельзя было. . . . продолжать юродивый.

— Гдѣ же ты былъ?, спросилъ его латникъ, отирая калитку.

— На крестинахъ былъ. . . . На крестинахъ. . . . Младенца крестили. . . . Яковомъ его нарекли. . . . Яковомъ. . . . Я иду молиться за него. . . . говорилъ Алеша.

Ну ступай, Господь съ тобою! Помолись и о насъ грѣшникъ, заключилъ латникъ, пропуская Алешу и запирая за нимъ желѣзную калитку.

— Диковинное дѣло, братецъ ты мой! Юродивый твердитъ, что крестили младенца, Якова. . . . Кого же это?, возвратясь назадъ, говорилъ первый латникъ, обращаясь ко второму.

— Зря Алеша не скажетъ; на то онъ и Божій человекъ. . . . Ужъ воль крестили кого, такъ извѣстно больше не кого, какъ. . . .

— Кого же?

— Новорожденнаго князя, сына Ольгердова. . . . Вотъ и выходитъ Яковъ-то, — Яковъ Ольгердовичъ. . . . заключилъ второй латникъ.

Но вотъ явились новые дозорные и смѣняли ночныхъ. Послѣ смѣны, у калитки, изъ которой вышелъ Алеша, собрались всѣ ночные дозорные съ верхняго и нижняго замковъ. По странному стеченію обстоятельствъ, ночные дозорные всѣ были русскіе, тогда какъ новая смѣна состояла вся изъ литовцевъ.

Русскіе латники, поговоривъ о видѣнной вѣдмѣ на Лисой горѣ и объ ея крикахъ и вопляхъ, слышанныхъ ночью, отправились къ заутренѣ въ Пятиницкую церковь.

За ними отправились нѣсколько бояръ и боярынь — нарядворцовъ тоже въ Пятиницкую церковь, гдѣ для женщинъ было

отведено мѣсто на большой галлерей, за прозрачною тканью, чрезъ которую, по выраженію литописца (1), не видно было лицъ женскихъ, а только тѣни ихъ....

С. Камулинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕДВѢЖЬЯ УСЛУГА.

Разсказъ изъ еврейскаго быта.

Намъ ли въ диковину сцены тяжелыя?
 Каждому трудно живется и дышется;
 Чудо, что есть еще лица веселыя,
 Чудо, что смѣхъ еще временемъ слышится.

Некрасовъ.

І.

Хаосъ или приготовленіе къ празднику.

День былъ чудный, истинно весенній. Ясное небо, безъ мажнѣйшаго пятнышка, обѣщало хорошую теплую погоду на долгое время, не смотря на то, что въ календарѣ на 186... годъ тотъ день считался только шестымъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Солнце ярко свѣтило на небѣ и, совершая каждодневный путь свой, безстрастно глядѣло свысока на землю и на коношавшихъ на ней муравьевъ, называемыхъ людьми, и въ награду за разныя лишенія и неприятности во время скучной зимы, съ ея неизмѣнными спутниками — русскими морозами, снѣжными хлопьями и вьюгами, послало имъ на первый привѣтъ теплыя, отрадные, жителыныя свои лучи. Легкій вѣтерокъ, не то теплый, не то прохладный, доносилъ до слуха щебетанье птичекъ изъ оконченныхъ постройкой вчера только гнѣздъ подъ карнизами двухъ и трехъ-этажныхъ каменныхъ домовъ.

Въ губернскомъ городѣ N., населенномъ побольшей части евреями, также все пробудилось, ожило, засуетилось и двигалось: дѣти Израиля приготовлялись къ наступающему празднику — пасхѣ. На улицахъ народъ кипилъ — кипшя. На узенькихъ, достатныхъ тротуарахъ была неописанная толкотня; ходьба превратилась въ бѣготню: никто не шелъ мѣрнымъ, обыкновеннымъ ша-

(1) «Посольство брати къ великому князю литовскому Ольгерду» около 1350 г. Оно составлено посланниками крестоносцевъ, на латинскомъ языкѣ. Хранится въ тайномъ Кенигсбергскомъ архивѣ.

(Авторъ).

домъ, а бѣжалъ въ помыхахъ сколько хватало силъ; никто не говорилъ какъ слѣдуетъ, а лепетала скороговоркой, мѣшая въ кучу слова: старонѣмецкія, русскія, французскія, латинскія, испанскія, италіанскія и Богъ вѣсть какія и дѣлая непонятный и уродливый жаргонъ еще не понятный и уродливѣе. Изъ оконъ домовъ, до которыхъ не дотрогивалась рука служанки уже цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, т. е. съ самаго праздника кущей, теперь, то — и дѣло, брызгало и капало водой отъ мойки и очистки ихъ, и на головы внизу бѣжавшихъ летѣли лоскутки бумаги, корки хлѣба и лоскутки разной ветоши и всякая дрянь, которую берегли въ домѣ втеченіи цѣлаго года, но которую не прилично или строго запрещено оставить дома во время праздника — пасхи. Эта дрянь, падавшая изъ оконъ, какъ градъ, на проходящихъ, производила въ тотъ день пресмѣшныя метаморфозы. Еврей, вышедшій изъ дому съ черною шапкою, возвращался домой съ желтою или бѣлою; сюртуки и брюки, покоившіеся не давно на ихъ владѣтель въ сухомъ и чистомъ видѣ, послѣ прогулки по тротуарамъ, теряли прежнюю элегантность, и владѣтель ихъ, къ своему величайшему удивленію и крайнему сожалѣнію, находилъ ихъ запачканными, мокрыми и загрязненными, какъ будто только что вышелъ изъ помойной ямы. Для дополненія хаоса, по тротуарамъ и возлѣ нихъ сновали взадъ и впередъ портные мужескихъ, женскихъ и дѣтскихъ платьевъ, неся на лѣвой рукѣ готовое и полуготовое платье, завернутое въ бѣлье, только что вынутые изъ сундука или комода скатерти, снѣша съ обновкой къ закащику еврею или закащицѣ еврейкѣ, чтобы получить за свой тяжкій трудъ скудную плату и обзавестись, хоть въ миніатюрномъ видѣ, всѣмъ нужнымъ къ празднику. Шаночники выбивались изъ силъ, гоняясь за бѣжавшими и сovali всѣмъ и каждому подъ самый носъ шапки, „сшитыя по послѣдней парижской модѣ“, не разбирая у кого старая, у кого новая шапка на головѣ. Въ магазинахъ и колониальныхъ еврейскихъ лавкахъ отбою не было отъ покупателей и покупательницъ: кто пришелъ за рафинадомъ и, противъ обыкновенія, потребовалъ заразъ цѣлыхъ шесть—семь фунтовъ, боржоча при этомъ про себя: на пасху пусть будетъ побольше, а лавочникъ или привачникъ, также противъ обыкновенія, подавалъ чистый рафинадъ въ чистой, бѣлой или синей бумагѣ. Кто явился за китайскимъ чаемъ, кто за стеариновыми свѣчами и т. д. Изъ мучныхъ лавокъ кульки

и кулечки пѣсашной муки тянулись непрерывной вереницей. Еврейки-лавочницы, не присида сь раннаго утра до поздней ночи, отвѣшивали сообразное достаткамъ покупательницъ количество муки на мацэ (1), слыша при отвѣшиваніи отъ покупательницъ благословенія и доброжелательства на разные мотивы, въ родѣ слѣдующаго: чтобъ она, лавочница, дожила до будущей пасхи и также продавала муку на мацэ, за что Богъ, изведшій евреевъ изъ Египта, несомнѣнно наградить ее на томъ свѣтѣ. На городской площади, замѣняющей собой въ N. рынокъ, происходили другія сцены. На одной половинѣ площади рвали изъ рукъ крестьянъ и крестьяновокъ всякаго рода зелень, яйца, птицъ и все то, что позволяется изъ производства христіанскихъ рукъ употреблять на нужды еврейской кухни. На другой половинѣ широко расположились торгаша-щепетильники, промышляющіе апельсинами, лимонами, орѣхами, миндалямъ en detail. Покупателемъ было что песку на берегу моря. Самые бѣдные евреи, нищенствующіе въ продолженіи цѣлаго года, даже трубочисты, водовозы, дровосѣки, факторы и другіе пролетаріи, голодающіе съ своими семействами по цѣлымъ днямъ, — даже они не отказывались засвидѣтельствовать почтенье этимъ площаднымъ торгашамъ и возвращались домой съ корзинками и передниками, наполненными всякой сластью. Въ пекарняхъ мацепеченье шло своимъ порядкомъ, или правильнѣе, крайнимъ безпорядкомъ. Эта египетская работа, совершенствуемая съ каждымъ годомъ и каждымъ молодымъ замденомъ (2), выступающимъ на поприще раввинизма, совершалась въ 186... году, какъ и всегда, въ особенныхъ, определенныхъ для этой работы домахъ, въ которыхъ находятся огромныя печи, занимающія половину комнаты. Въ одной изъ такихъ божать, отличающихся всегда миниатюрными окошечками, законченными стѣнами и низенькимъ грязнымъ потолкомъ, работали до истомы, за самое ничтожное вознагражденіе, душъ двадцать и больше цѣлыхъ три недѣли предъ пасхой, отказываясь отъ всего интересующаго ихъ въ другое время и даже отъ сна и ѣды, какъ будто они и созданы только для того, чтобы заниматься этой изнуряющей тѣло и душу работой. Шестого апрѣля 186... года былъ мучительный день для этихъ тружниковъ-мацепеконъ.

(1) Опрѣснокъ.

(2) Ученый.

Де́тских оставалось только два дня, а въ городѣ у многихъ еще не было мацэ. Пекарни были биткомъ набиты еврейками, которыя, то—и дѣло, кричали на измученныхъ труженниковъ, уже давно выбившихся изъ силъ и работавшихъ какъ то безсмысленно, словно по заведенной пружинѣ, какъ автоматы. Суетня въ пекарняхъ, смѣсь разныхъ звуковъ были невообразимы, еврейки ссорились то съ хозяйкою дома, то между собою.

— Да это просто грѣхъ; Риве, сказала одна, обращаясь къ хозяйкѣ дома,— ей Богу грѣхъ. Гдѣ это слыхано, гдѣ видано! обѣщала печь мое мацэ еще прошлую недѣлю, а мука все еще лежитъ да лежитъ! Кажется, я не изъ послѣднихъ хозяекъ; вы отъ меня еще ни разу не были въ убыткѣ; не такъ ли, Риве?

— Что же мнѣ дѣлать, любезная Хаіе, скажите сами! Вѣдь вы у меня не первый же годъ печете ваше мацэ; развѣ подобное когда нибудь случилось?

— Случилось или не случилось, это дѣло прошлое, прошедшаго не воротить; но вѣдь не остаться же мнѣ на пасху безъ мацэ; скорѣе я въ гробъ пойду со всѣмъ моимъ семействомъ, чѣмъ праздновать безъ мацэ!

— А я васъ, добрая Риве, сего дня въ полицію отправлю, отозвалась другая, бойкая еврейка. Знаете моего мужа? онъ не изъ таковскихъ, онъ шутить не любитъ! Ааронъ мой знакомъ не только съ однимъ квартальнымъ, онъ и частнаго пристава знаетъ и многихъ другихъ; мой Ааронъ не потерпитъ, говорю я вамъ, такого надувательства... Мацэ чтобы было, а нѣтъ, такъ я запряу пекарню!...

Подобные крики и угрозы со стороны хозяекъ, мольбы и ласкательства со стороны содержательницы пекарни, можно было слышать въ тотъ день едва ли не во всѣхъ мацэ-пекарняхъ. Работники тѣмъ временемъ, не замѣчая, что вокругъ нихъ дѣлается, суетились, что есть мочи, въ надеждѣ скоро избавиться отъ этой адской муки. За то въ богатыхъ еврейскихъ, какъ они любятъ называть, *аристократическихъ* домахъ, въ залахъ капиталистовъ, вращающихся сотнями такъ быстро, какъ наборщикъ гуттенберговскими буквами, все было уже въ порядкѣ, вездѣ было тихо, чисто, гладко: полы вымыты, стулья и кресла обтаныты бѣлыми, какъ снѣгъ, чехлами, зеркала на простѣвникахъ тянулись отъ самаго потолка до полу, вычищены и переполірованы, кровати возвышались горами и покрыты дорогими шелковы-

ни одѣялами, канделябры также вычищены и отражали на себѣ сверкающіе лучи солнца; мацѣ уже давно превращено въ муку для катюшекъ и другихъ кухонныхъ затѣй, вино пейсашное приготовлено, вездѣ „тишь да гладь и Божья благодать“, или все сошше il faut, какъ говорятъ французы. И не приходило въ голову этимъ счастливицамъ, этимъ усерднымъ служителямъ мамонѣ, что рядомъ съ ними живутъ ихъ братья, можетъ быть, съ благороднѣйшими чѣмъ у нихъ сердцами, изнуренные, измученные, работаютъ въ пекарняхъ съ зачернѣвшими отъ жара и копоти лицами, съ пустыми желудками!... Ахъ! какъ часто мы видимъ голодъ, холодъ, наготу и бѣдность возлѣ самой изысканной роскоши, нѣги и мотовства!...

II.

Шабашовое платье.

Въ то время, когда почти всѣ сыны „избраннаго народа“ города Ж были заняты приготовленіемъ къ празднику и каждый богѣе или менѣе уже запасся чѣмъ нужно: кто мацѣ, кто виномъ, кто даже и платьемъ, а кто тѣмъ, другимъ и третьимъ виѣстѣ, когда даже бѣдные работники пекарни были увѣрены, что тяжкій трудъ ихъ, по крайней мѣрѣ, доставитъ имъ сухое мацѣ на весь праздникъ,—въ то время на „Еврейской“ улицѣ, въ трехъ-этажномъ домѣ, извѣстномъ въ Ж подъ именемъ „дома ребѣ Аарона благотворителя,“ жило одно семейство, также изъ потомковъ Іакова, которое не сдѣлало еще никакихъ праздничныхъ приготовленій, ни чѣмъ еще не запаслось къ пасхѣ. Семейство это состояло изъ шести членовъ: главы семейства, молодой женщины, жены его, и четырехъ дѣтей, малъ-мала меньше. Въ небольшой и бѣдной комнатѣ царствовала гробовая тишина. Предъ маленькимъ письменнымъ столикомъ, на которомъ были навалены горы книгъ и кучи бумагъ, сидѣлъ молодой человекъ съ блѣднымъ лицомъ, съ петухинными глазами, съ растрепанными волосами и держалъ въ рукѣ перо, нѣсколько поднятое отъ лежащей предъ нимъ бумаги. На бумагѣ было написано нѣсколько строкъ, но отъ, видно, покоялись въ одиночествѣ уже нѣсколько времени и съ любопытствомъ ожидали своихъ сестеръ, чтобы такимъ образомъ составилось что нибудь цѣлое и пошло по назначенію. Но молодой человекъ сидѣлъ, какъ окаменѣлый; перо висѣло по

прежнему въ воздухѣ. Не далеко отъ него сидѣла его жена, молодая женщина, и исхудалыми пальцами штопала дѣтскую рубашенку. Эта женщина, нѣкогда провинціальная первоклассная еврейская красавица, кружившая головы всѣхъ модныхъ еврейскихъ бахуровъ (1), могла привести теперь въ свидѣтели прежней красоты своей только: карие глаза, правильный греческій носикъ, антично—правильныя черты лица, длинные, черные волосы, сбѣнявшіе собою словно мраморную шею. Румянецъ, нѣкогда игравшій на ея розовыхъ щекахъ, уступилъ мѣсто какою то сѣмъ изъ желто-зелено—бѣлаго цвѣта; живость, бодрость, веселость, составлявшія до свадьбы отличительныя черты ея характера, сѣнились истомой, апатіей, неподвижностью. Незнавшій ея прежде и увидѣвшій ее теперь въ первый разъ, безсомнѣнно приписалъ бы ей лѣтъ 35, если меньше, тогда какъ ей предстояло видѣть только 26-тую пасху въ своей жизни. Не даромъ плакали ея, нѣкогда богатые, родители, надѣявшіеся видѣть свою единую дочь счастливою и богатую. Да, не безъ причины проливали слезы обѣднѣвшіе на старости лѣтъ ея родители, смотря теперь на увядшее, блѣдное лицо ея! И было имъ отъ чего проливать слезы: выдали они дочь за образованнаго и умнаго человѣка, снабдили ее богатымъ приданнымъ: гардеробомъ, бриліантовыми сергами, тремя снурками крупныхъ орлеанскихъ перловъ, толстыми алмазными перстнями, 1000 р. наличными деньгами,—и вотъ, на восьмомъ году послѣ свадьбы, дочь ихъ занимала одну небольшую комнату и жила самъ—шесть въ самой жалкой бѣдности. Скучное жалованье мужа—учителя, при страшной дороговизнѣ, далеко не гармонировало съ нуждами семейства. Вотъ и теперь не начто было обзавестись рубашенкой для поворожденнаго сына, не было за что запастись маца на пасху. Дѣти всѣ, за исключеніемъ покоившагося въ колыбели, рѣзвились на дворѣ и пользовались посвоему хорошею погодой. Долго сидѣла бѣдная чета, не сказавъ ни слова другъ другу. Мужъ смотрѣлъ самъ не зная куда, жена ломала голову, какъ создать почти изъ ничего рукавички въ рубашенкѣ и пригнать первый къ послѣдней поудобнѣй, поглаже, такъ, чтобы шевъ не теръ ручки дитяти. Ей казалось, что мужъ пинетъ. Поднявъ голову и, увидя неподвижно—висящею надъ бумагой руку мужа, она прервала молчаніе.

(1) Парней.

— Григорій, сказала жена, произнося каждое слово какими то плачевными и отчаянными тонами, почему не пишешь? Развѣ ты забылъ, что завтра первый *седеръ* (1)? Два часа, кажется, тому назадъ я уже видѣла эти строки. Пиши лучше, къ чему думать; живое слово всегда лучше натушной мысли.

— Дорогая моя Анна, торопливо отвѣчалъ Григорій, бросивъ перо на бумагу и подошедъ къ женѣ, — у меня нѣтъ ни словъ ни мысли, въ головѣ моей какая то ерунда, хаосъ, никакъ не могу высказать того, что хотѣлось бы сказать моему лучшему другу, какъ впечатлительнѣйши описать ему мое теперешнее безотрадное положеніе.

— Твое *теперешнее* положеніе? Ахъ! почему не сказать *всѣдавнишее*?! Уже два года, какъ мы мучимся. Съ того времени какъ кончилось мое приданное и ты выступилъ на учительское поприще, мы еще не имѣли ни одного радостнаго дня. Я не говорю уже о насъ, мы люди взрослые, мы можемъ стерпѣть нужду и горе; но дѣти, дѣти наши, за что они страдаютъ?!... Ты забылъ, что ли, прошлую и нынѣшнюю зимы, когда морозы продергивали и наши члены, а дѣти ходили почти такими, какими я рождала ихъ: одному недоставало рубашки, другому обуви... ты забылъ это, скажи, любезный Григорій?!... Охъ! не такъ я думала жить, когда выходила за тебя!... не такую будущность рисовало мнѣ воображеніе мое, не такіе замки строила моя фантазія!... Увы! невинныя дѣти мои! чѣмъ вы согрѣшили, за что Богъ Израилевъ васъ такъ тяжело наказываетъ?...

— Ма shege, оставь этотъ разговоръ!

— О, дѣти мои, дѣти! Что я приготовлю для васъ на пасху?! Ничего нѣтъ еще въ нашемъ домѣ, даже мацэ, которое принасъ уже послѣдній ницій, послѣдній еврей, и этого еще нѣтъ, и нѣтъ даже надежды имѣть его!.. Намъ вѣдь никто не дастъ въ займы; въ нашемъ домѣ говорятъ порусски, всякій это знаетъ, всѣ объ этомъ толкуютъ и почти всѣ насъ за это ненавидятъ... Нѣтъ, не будутъ сочувствовать намъ отсталые единовѣрцы, не помогутъ фанатическіе соплеменники наши евреямъ, говорящимъ порусски и воспитывающимъ дѣтей своихъ въ русскому духу!... Пиши лучше, Григорій, къ Борису, нашему другу. Если

(1) Буквальный переводъ слова есть порядокъ, но подъ намъ евреи подразумеваютъ первый вечеръ пасхи!

не хочешь идти къ нему, напиши письмо и я отправлю чрезъ кого нибудь; онъ намъ поможетъ, онъ изъ нашихъ; ему не страшно русское образованіе, и его дѣти не знаютъ жаргона... Писни скорѣе, Григорій, а то намъ придется!..

Бѣдная жена бѣднаго учителя зарыдала и не могла досказать, вѣроятно, того, что придется цѣлому семейству голодать всю зиму. Долго она плакала, прерывая плачь тяжкими вздохами и раздражающими сердце и душу стонами. Бѣдный учитель стоялъ возлѣ нея, какъ статуя, не шевеля ни однимъ членомъ. Дѣти, вошедшія не давно въ комнату и услыжавъ вопль матери, бросились къ ней на грудь и, пріютившись у ней, построили сперва большія губы, потомъ захлипали и наконецъ разразились крѣпкимъ воплемъ. Даже самый закоренѣлый фанатикъ—еврей, ратующій за невѣжество и отсталость своего народа, долженъ былъ бы заплакать при видѣ такой трогательной сцены. Старшій сынокъ, семи лѣтъ, схватилъ руку матери и осмыслъ ее горячими поцѣлуями. Матушка, закричавъ онъ самымъ трогательнымъ голосомъ, произнося при томъ русскія слова чистымъ діалектомъ, матушка, чтожь вамъ, что у васъ болитъ? Я пойду за Борисомъ, онъ сей часъ придетъ, ему ничего не нужно дать. Помнишь, когда Марія наша была больна, онъ ничего не взялъ и даже давалъ лѣкарства безъ денегъ; ты сама же это рассказывала бабушкѣ.

— Не нужно, дитя мое, не нужно, сказала она и снова залилась горькими слезами.

— Дорогая моя Анна, сказалъ Григорій, какъ бы очнувшійся отъ тяжкаго сна и увидѣвшій во второй разъ слезы на ея лицѣ,—знаешь что? я къ Варису писать не буду.

— Какъ?!!

— Да такъ. Я не долженъ еще просить милости, пока могу бороться своими силами, я не долженъ прибѣгать къ сторонней помощи.

— Да развѣ есть еще у насъ силы? все, кажется, уже предано.

— Нѣтъ, не все: у меня есть еще одно драгоценное сокровище, которое я началъ собирать будучи еще мальчикомъ,—сокровище, которое я лелѣялъ больше моихъ глазъ, и съ которыми я никогда не думалъ расстаться,—сокровище это есть моя библиотека. Я выберу изъ нея лучшія книги: сочиненія Пункина, Гоголя, Лермонтова, Вѣлинскаго, Маймонида, Мендельсона, Гете, Шил-

лера, пойду съ ними къ хозяину дома и попрошу за нихъ нѣсколько рублей; онъ вѣдь слыветь первымъ благотворителемъ въ нашемъ городѣ, онъ дастъ всѣмъ и каждому деньги въ займы за самый ничтожный процентъ, онъ и мнѣ дастъ, я вѣдь живу въ его домѣ.... Я возьму только по первое число, лишь только получу жалованье, тотчасъ выкуплю книги.

— Книги твои къ закладчику! завопила бѣдная учительна страшнымъ голосомъ. О! книги къ закладчику? повторила она, какъ будто обдумывая эти страшныя слова. Нѣтъ, Григорій, этого не будетъ!.... Книги—это единственное утѣшеніе наше въ часы голода, горя и безсонницы... Нѣтъ, не допущу!.. Лучше возьми мое шабашовое платье; къ чему оно теперь мнѣ, я и такъ не пойду въ синагогу, чтобы тамъ не тыкали пальцами, указывая на мое блѣдное лицо. Не нужно мнѣ больше шелковыхъ платьевъ, пусть дѣти мои щеголяютъ, если Богъ имъ поможетъ, мое щегольство—кончено!!....

Сказавъ это, она подошла къ сундуку, вынула оттуда ея, дѣйствительно, прекрасное платье, которое надѣвала во время оно, въ первые счастливые годы послѣ супружества, въ субботу и въ праздничные дни, когда она ходила въ синагогу, завязала платье въ узелокъ и подала мужу. Не смотря на упорное сопротивление, Григорій долженъ былъ согласиться съ женой и, взявъ узелокъ, отправился къ ребѣ Аарону, хозяину дома, который слыветь первымъ благотворителемъ въ городѣ N.

III.

Благотворительность ребѣ Аарона.

Ребѣ Ааронъ благотворитель, какъ хозяинъ трехэтажнаго дома, занималъ квартиру первостатейную. Кромѣ своего кабинета, въ который никто не имѣлъ права входить, не исключая даже и жены его, ребѣ Ааронъ занималъ еще шесть большихъ комнатъ. Увѣрять, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ ребѣ Ааронъ, съ своимъ тогда уже многочисленнымъ семействомъ, жилъ въ одной только комнатѣ, для которой приличнѣе было бы названіе погреба; а только съ того времени, какъ сдѣлался благотворителемъ, или точнѣе—ростовщикомъ, онъ пошелъ, какъ говорится, въ гору и, козаконившись съ не-евреями, выучился жить по ихнему. Въ

то время, когда учитель вышелъ изъ квартиры съ узелкомъ подъ полой, р. Ааронъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и занимался весьма важными и серьезными дѣлами. Онъ сортировалъ кредитные билеты: красненькіе складывалъ съ красненькими, голубые съ голубыми, имѣющіе по бокамъ колонны съ подобными имъ, — словомъ соблюдалъ величайшую осторожность, чтобы не смѣшать одинъ пѣтъ съ другимъ. Когда р. Ааронъ сидѣлъ за работой, никто не долженъ былъ мѣшать ему; всѣ въ домѣ ходили тогда на цыпочкахъ и вели между собой разговоръ шопотомъ; только въ случаѣ появленія *трехъ* просителей, — трехъ не меньше, — дозволено было женѣ постучаться въ дверь, что служило сигналомъ прибытія не менѣе трехъ жертвъ р. Аарона — благотворителя. Войдя въ пріемную, учитель нашелъ уже двухъ просителей, и потому не пришлось ему ждать полного ихъ комплекта. Въ этомъ отношеніи учитель могъ считаться счастливецомъ, потому что часто приходилось просителямъ, не составлявшимъ полного числа, простоять два три часа, въ ожиданіи третьяго. Когда вошелъ учитель, бойкая жена р. Аарона (та самая, которая не задолго предъ тѣмъ грозила бѣдной Риве, содержательницѣ пекарни, запереть маца — фабрику) подошла къ нему и спросила: цо потсебуге? Онъ показалъ ей на узелокъ. Осмотрѣвъ всѣхъ трехъ, она приблизилась къ двери мужняго кабинета и постучала три раза. Черезъ нѣсколько минутъ отворилась дверь и въ ней появилось сперва круглое и широкое брюхо, а потомъ вслѣдъ за брюхомъ и самъ хозяинъ его-ребъ Ааронъ благотворитель. Увидавъ просителей, р. Ааронъ принялъ, вмѣсто прежняго спокойнаго и веселаго, какой то мрачный и сердитый видъ, сѣлъ въ кресло и сталъ барабанить пальцами по столу. Здѣсь я долженъ указать на одну важную черту въ характерѣ р. Аарона; онъ былъ весьма скромень, — это онъ показывалъ между прочимъ тѣмъ, что онъ никогда не начиналъ первый говорить съ просителями, а всегда ожидалъ изложенія ихъ просьбы. Знвшіе скромность его, прямо, входя въ домъ, приступали къ дѣлу, т. е. показывали вещи и просили оказать имъ благодѣяніе; но тѣ счастливы, которые, говоря языкомъ поэтовъ, всегда жили съ фортуною рука объ руку, а только, вслѣдствіе особенной случайности, должны были прибѣгнуть въ первый разъ къ благотворительности р. Аарона, имѣли случай простоять еще битый часъ, въ ожиданіи его спроса. На этотъ разъ между просителями нашлась одна бывалая птица, старшій-служившій

бѣдняга, который зналъ уже р. Аарона съ его скромностью, и потому какъ только р. Ааронъ усажся въ кресло, онъ подошелъ къ нему безцеремонно, вынулъ изъ кармана два сурка перловъ и золотой перстень и положилъ ихъ на столъ.

— А сколько? спросилъ р. Ааронъ.

— Хоть пятнадцать.

— Пять, что ли, думаешь? (р. Ааронъ ни кому изъ своихъ кліентовъ не говорилъ: вы).

— Пятнадцать, добрый р. Ааронъ.

Ребъ Ааронъ добылъ засаленный бумажникъ, отсчиталъ семь рублей и подалъ бѣднягѣ. На мѣсяцъ, сказалъ онъ ему; шестого намъ явись, а если нѣтъ, то продамъ перлы и перстень, какъ я продалъ шубу!

— Служивый бѣдняга, знавшій *честность* и устойку на словѣ р. Аарона, знавшій и то, что отъ него, послѣ того, какъ спрятавъ бумажникъ, можно ожидать столько добра, сколько воды изъ камня, взялъ деньги, поклонился и вышелъ. По уходѣ его, подошелъ къ столу второй проситель. Онъ былъ порядочно одѣтъ и на лицѣ его еще видѣлись кое-какіе остатки добрыхъ дней. Видно, птица только что изъ гнѣзда, сказалъ про себя р. Ааронъ, взглянувъ на подошедшаго и скорчилъ еще болѣе серьезную рожу. Проситель поставилъ на столъ пару серебрянныхъ подсвѣчниковъ отличной отдѣлки. Вещи, видимо, понравились благотворителю.

— Тебѣ сколько?

— Двадцать пять.

— Десять, если хочешь, я тебѣ дамъ.

— Почему же только десять? они вѣдь стоятъ мнѣ 70 рублей.

— Мало что тебѣ стоятъ, я больше дать не могу; скорѣй, у меня времени нѣтъ.

Слезы навернулись на глазахъ просителя. Дайте хоть двадцать, сказалъ онъ, жена у меня больна. Ребъ Ааронъ снова вынулъ бумажникъ и, взявъ оттуда пукъ ассигнацій, отсчиталъ просителю пятнадцать рублей.

— А процентовъ сколько берете?

— Объ этомъ послѣ поговоримъ. Проситель поклонился и хотѣлъ уже выйти, но благотворитель остановилъ его. Черезъ мѣсяцъ явись, сказалъ онъ ему, а то я... Я сей часъ послѣ пасхи приду, прервалъ его проситель и вышелъ. Во все время этихъ благотвореній, бѣдный учитель стоялъ при двери, словно нишій,

просящій милостыни, и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. „Чтожь“ говорилъ онъ про себя, „да развѣ это благотворительность? развѣ это услуга? Давать меньше четверти стоимости вещей, и то только на мѣсяць, а тамъ въ перспективѣ продажа вещей!... А процентъ, Богъ вѣсть какой еще будетъ! Нѣтъ, подобная услуга скорѣе похожа на *медвѣжью*“.. Кромѣ того, молодого, воспитаннаго человѣка крайне мучило грубое обращеніе благотворителя. Уничтожать личность человѣка, *тыкать* съ незнакомыми людьми развѣ только потому, что они бѣдны; это крайняя грубость, подумалъ онъ, крайнее невѣжество!... Неуваженіе къ личности бѣднаго до того оскорбило учителя, что онъ хотѣлъ—было уже отречься отъ благотворительности р. Аарона и возвратиться домой съ узелкомъ, но бѣдность одержала верхъ надъ оскорбленіемъ и онъ остался. По окончаніи второй сцены, онъ поднесъ свой узелокъ къ роковому столу. Увидавъ учителя, благотворитель отшатнулся. А что, началъ онъ, ваше благородіе, и ты къ намъ!?

Хо! хо! хо! кто бы это подумалъ?! А?!!

— Я бѣдень, р. Ааронъ.

— Ты бѣдень, я это знаю, ты и за квартиру, кажется, не заплатилъ еще вполнѣ. Да, хорошо, что припомнилъ; я давно уже хотѣлъ тебѣ сказать, что если не заплатишь къ концу полугодія, то прошу покорно убираться вонъ изъ моего дома. Далѣе, что угодно?

— Я желаю получить у васъ десять рублей на эти вещи.

— Что?! деньги на процентъ!? Что я слышу! Вѣдь *вы* постоянно противъ насъ: говорятъ, что *вы* даже и въ газетахъ пишете объ насъ; какъ же ты посмѣлъ ко мнѣ явиться?! Нѣтъ, не получишь у меня ни гроша мѣднаго! Своимъ людямъ я готовъ оказать услугу во всякое время, но не такимъ, какъ ваши братья... Шма израиль (1)! что это за еврей! стыдятся уже именъ своихъ отцовъ; не прилично, говорятъ, называется Гиршемъ, а нужно Григоріемъ; Хану нужно величать Анной! Отреались отъ языка, на которомъ говорили предки наши, и стали говорить на языкѣ чужаго народа. Охъ, вы умники! Напрасно вы мечтаете насъ передѣлать! Мы сильнѣе васъ, насъ много, васъ десятки; мы въ васъ никогда не нуждаемся, а вы въ насъ всегда... Ступайте, Григорій; *вы* денегъ у меня не получите. Бѣдный учитель, стоявшій до сихъ поръ,

(1) Слушай израиль. Молитва, къ которой прибѣгаетъ еврей въ критическое время.

словно пораженный эпиленсией, вздрогнулъ, очнулся, услыхавъ свое имя и, судорожно схвативъ свой узелокъ, выпрыгнулъ, какъ уязвленный княземъ, изъ дома ребъ Аарона благотворителя.

Л. II—нз.

УСПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СѢВѢРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Освященіе православной церкви въ м. Оникштахъ, Вилкомирскаго уѣзда.

24 сентября, вилкомирскаго уѣзда, въ м. Оникштахъ, совершено преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, въ присутствіи прибывшихъ туда по этому случаю командира 28 артиллерійской бригады, Г. М. Лемтужникова, мировыхъ посредниковъ, чиновъ и другихъ лицъ уѣзда, при стеченіи нѣсколькихъ сотъ православныхъ крестьянъ, освященіе новоустроенной деревянной церкви во имя св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Слѣдуетъ пояснить, что еще въ 1863 году состоялось предложеніе возвести въ деревушкѣ Семенншахъ, въ полуверстѣ отъ Оникштъ, за рѣкою Святою (Свента), на казенный счетъ, каменную церковь для православныхъ, живущихъ разбросанно на большомъ пространствѣ, нуждавшихся въ ней и неприписанныхъ еще ни въ какой церкви; но какъ то дѣло о возведеніи этой церкви танулось, а потому мѣстный мировой посредникъ В. К. Масальскій, сочувствуя нуждѣ православныхъ, возымѣлъ благою мысль устроить церковь, не теряя времени, хотя деревянную, но не въ д. Семенншахъ, а вблизи отъ нея, въ торговомъ м. Оникштахъ, такъ какъ церковь, построенная въ многолюдномъ мѣстечкѣ и около волостнаго правленія, болѣе обезпечена отъ всякихъ случайностей— пожара, святотатства и т. п., да и жить здѣсь священнику съ причтомъ удобнѣе, чѣмъ въ деревушкѣ, за рѣкой. Средствъ на постройку церкви не было, но за то была полная вѣра въ помощь Божию и надежда на посильное участіе такихъ лицъ, которые всегда откликнутся на доброе дѣло. Посредникъ, получивъ въ началѣ текущаго года разрѣшеніе начальства на постройку въ Оникштахъ деревянной церкви, испросилъ благослове-

ніе преосвященнаго на сборъ по книгѣ отъ добродѣтельныхъ православныхъ дѣателей и обратились съ воззваніемъ къ частнымъ лицамъ и редакціямъ нѣкоторыхъ газетъ, а между тѣмъ, въ маѣ мѣсяцѣ, имѣя собранныхъ денегъ только 150 руб., приступили къ дѣлу. Вскорѣ сумма денежныхъ пожертвованій стала быстро увеличиваться, и вотъ въ двадцатыхъ числахъ сентября, церковь, строившаяся подъ личнымъ наблюденіемъ строителя, не только была окончена, но имѣла и необходимыя принадлежности.

По приглашенію строителя, преосвященный Александръ прибылъ 23 сентября въ 3 ч. пополудни въ Оникшты изъ Вильны, (черезъ Вилкомиръ) для освященія новаго храма; въ то же время прибыла архіерейская свита и пѣвчіе. Изъ Вилкомира съѣхались туда всѣ тѣ изъ православныхъ, которымъ была возможность отлучиться за 35 верстъ отъ города. Еще верстъ за 10 до м. Оникшты встрѣтила преосвященнаго, сопровождаемаго начальникомъ уѣзда и многими жителями Вилкомира, масса православныхъ крестьянъ, верхами. Великолепная картина представилась глазамъ жителей м. Оникшты, которые, въ ожиданіи никогда невиданнаго ими православнаго архіерея, уѣхали живописные, крутые берега рѣки Святой. Въ разстояніи двухъ верстъ отъ Оникшты, по склону горы, обозначился величавый быстро скачущій поѣздъ; нѣсколько десятковъ всадниковъ, окруживъ карету дорогаго гостя, поехали по направленію къ мѣстечку; за ними, на разстояніи полуверсты, едва поспѣвали другіе экипажи; не прошло и десяти минутъ, какъ путешественники были около парома и въ то же время, съ противоположнаго берега, впервые раздались звуки колоколовъ новоустроенной православной церкви. При переѣздѣ черезъ паромъ, оникштынское еврейское общество встрѣтило преосвященнаго хлѣбомъ-солью, а около церкви ожидало православное духовенство и прихожане. Черезъ нѣсколько часовъ раздался вновь призывный благовѣстъ новой церкви ко всенощной, которая была совершена преосвященнымъ, въ сослуженіи протоіереевъ: ковскаго собора Захарія Суханова, вилкомирской церкви Евфимія Приневскаго и двухъ священниковъ ушпольскаго и антоленскаго православныхъ приходоу, съ полнымъ причтомъ и архіерейскими пѣвчими. Церковь, вмѣщающая до 300 ч., была почти полна народомъ; всѣ получили отъ преосвященнаго помазаніе благословеннымъ елеемъ и, но отпустѣ, архипастырское благословеніе; но на другой день, на освященіе

прибыло еще больше православныхъ, и тогда некоторымъ уже пришлось стоять на паперти.

24 числа, это было въ воскресенье, въ 10 ч. утра, преосвященный, съ сослужащимъ духовенствомъ, приступилъ къ освященію, по чину православной церкви, новаго храма во имя св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго (въ память событій 4 апрѣля 1866 и 25 мая 1867 г.). По освященіи, совершенъ былъ вокругъ церкви крестный ходъ; за сѣмъ послѣдовала литургія, а потомъ молебствіе, окончившееся уже въ 2 часа. Въ концѣ обѣдни, преосвященный сказалъ слѣдующее назидательное слово: (1).

„Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудитася зиждущіи.“ (Пс. С. XXVI. С. I.).

Такъ, братіе христіане, при всякомъ созиданіи необходимо содѣйствіе Божіе; тѣмъ болѣе необходимы благоволеніе и особенная помощь Божія при созиданіи дома Божія. Въ построеніи сего св. храма не можемъ не видѣть явнаго благоволенія и милости Божіей. Исторія нынѣ освящаемаго храма Божія кратка и немногосложна. Храмъ сей построенъ въ продолженіи немногихъ мѣсяцевъ. Приступлено было къ строенію безъ всякихъ средствъ съ одною вѣрою и крѣпкою надеждою на Божію помощь, съ горячимъ усердіемъ и рвеніемъ къ осуществленію предпринятаго свѣдѣла. Твердая надежда на помощь Божію не посрамила уповающихъ; ревность къ вѣрѣ православной не осталась тщетною. Явились пособія къ постройкѣ, присланы были неожиданныя пожертвованія издалека, изъ родной намъ русскій Москвы. Благочестивые жертвователи позаботились снабдить новостроющагося церковь приличною св. утварью и облаченіями; позаботились, чтобы все въ новомъ храмѣ было благообразно и по чину. Все это могло ли быть безъ внушенія свыше, безъ содѣйствія, безъ особенной помощи Всеблагаго Творца и Промыслителя? Такъ, не обинуясь скажемъ, самъ Господь возбудилъ въ сердцахъ православно-вѣрующаго доброе намѣреніе и усердное желаніе построить храмъ сей; святую ревность строителей коопырялъ неожиданными жертвами и пособіями; благое начало увеличалъ воздаваемыми

(1) «Виленскій Вѣстникъ» почему то исключилъ изъ описанія это прекрасное слово и кое что другое. Если онъ хотѣлъ быть краткимъ, то могъ бы сдѣлать извлеченіе изъ описанія. *Ред.*

успѣхомъ, Благодать Божія восполнила недостающее, освятила нынѣ храмъ сей и уготовила оный въ жилище собѣ. Не всуе, значить, трудилася зиждущіи. Господь благословилъ ихъ святое начинаніе и благоносилихъ окончанію. Въ созданномъ семъ храмѣ отнынѣ всегда будутъ возноситься молитвы о строителяхъ и благотворителяхъ онаго; молитва церкви будетъ привлекать на нихъ благоволеніе Божіе, сопутствующее въ земной жизни и руководящее къ жизни небесной. Да неисполется и чрезъ насъ недостойныхъ служителей алтара Христова благословеніе Господне ревностному строителю храма сего и всѣмъ благотворителямъ и участникамъ въ семъ святомъ дѣлѣ! Да вознаградитъ ихъ Господь сугубо, даруя вмѣсто тлѣнныхъ благъ—нетлѣнными, вмѣсто временныхъ—вѣчными! Радостно для насъ православныхъ торжество сіе, и радость наша священная, радость о Господѣ. Въ ней выражается сила наша, сила истинны, сила вѣчнаго права. Такъ, рано-ли, поздно-ли, правда возьметъ свое; истинность православной вѣры восторжествуетъ надъ человѣческими ухищреніями. Судьбы Божіи чудны и неисповѣдны. И нынѣ по истинѣ Господь удивилъ на насъ милость Свою, всегда благодѣющую православной Россіи. Давно ли въ здѣшней сторонѣ и въ мѣстѣ семъ возбуждалась и проявлялась ненависть къ православной церкви, къ помазаннику Божію Благочестивѣйшему Государю нашему и ко всему русскому? Слепая злоба поляковъ старалась уничтожить все, родное намъ, отечественное; думала истребить самое имя русское, православное. И что же? Тамъ, гдѣ недавно царствовалъ мятежъ и свирѣпствовало буйное своеволие,—тамъ нынѣ тихо, мирно водворяется порядокъ и подчиненіе законной власти. Вмѣсто злодѣевъ—мятежниковъ поселяются мирные крестьяне, послушные царю и св. православной церкви, вполне рускіе по духу и происхожденію. Вблизи латинскихъ костеловъ, въ которыхъ разлаивались съ церковнаго амвона хулы и проклятія на православную церковь и ея послѣдователей,—воздвигаются съ Божію помощью православные храмы, гдѣ будутъ возноситься молитвы о мирѣ, любви и соединеніи въ вѣрѣ всѣхъ христіанъ,—изрекается благословеніе и благожеланіе всѣмъ ближнимъ. Православные храмы въ окатоличенной странѣ сей—это свѣтозарные лучи возсіяющаго солнца правды, разгоняющіе тьму невѣжества и заблужденія. Къ вамъ теперь обращаемъ, православные прихожане храма сего! Ваши сердца нынѣ должны

быть приснослонны особенной радости. Осуществились наконецъ ваши завѣтныя души и сердечныя желанія. По благости Божіей и по милости Благочестивѣйшаго Государя, имѣете вы нынѣ не только пріютъ собственный и землю въ постоянномъ владѣніи, но приобрѣли пристанище и для души; имѣете теперь мѣсто, гдѣ можете въ радости и скорби найти полное, истинное удовлетвореніе своему благочестивому чувству, гдѣ отъ полноты сердца можете возблагодарить Господа за низпосланныя вамъ радости и блага, гдѣ свободно и съ надеждою на облегченіе скорби и утѣшеніе можете высказать Господу свою горестъ въ молитвѣ. Прежде вы были разбѣяны между иновѣрцами, удалены отъ храма Божія на цѣлыя десятки верстъ, не имѣли постоянного пристанища, скитались съ одного мѣста на другое и, переходя такимъ образомъ отъ одного владѣльца къ другому, поставлены были въ полную зависимость отъ произвола иновѣрца—помѣщика, на землѣ котораго поселялись. Теперь каждый изъ васъ имѣетъ свою землю, хотя небольшую, но на всегда надѣленную; соединены вы теперь вмѣстѣ, какъ русскіе и православные, въ значительномъ числѣ. Да сохраняется же между вами единеніе духа, союзъ вѣры православной, единой истинной; да пребываетъ миръ, любовь и братское общеніе, какое необходимо должно быть между православными христіанами! За всѣ эти блага должны вы непрестанно благодарить премилосерднаго Господа, благодарить молитвою, усерднымъ посѣщеніемъ храма Божія и исполненіемъ христіанскихъ обязанностей. Должны благодарить и Благочестивѣйшаго Государя—отца нашего, неуспынно пекущагося о васъ, о вашемъ благоустроеніи и благоденствіи, благодарить и молиться о здравіи и спасеніи его, да хранитъ его Господь многая лѣта и избавитъ отъ всѣхъ враговъ и опасностей. Храмъ да будетъ для васъ мѣстомъ прибѣжища, мѣстомъ молитвеннаго общенія и единодушія. И чѣмъ чаще будете посѣщать оный, тѣмъ большую получите пользу и назиданіе для души. Приходите только всегда сюда съ вѣрою, и любовью. «За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ,» говоритъ русская пословица. Правда эта на васъ исполнилась. Не оставили, не забывали вы вѣры православной, живя такъ долго между иновѣрцами,—и Богъ не оставилъ васъ безъ своей помощи. Не оставитъ васъ Господь и напредъ, если только сами не станете забывать его. Пробыли вы вѣрны Царю нашему—Божію пома-

занижку, и отъ позаботился устроить вамъ бытъ. Православные! помните, что вы живете среди иновѣрцевъ. На васъ лежитъ священная обязанность вести себя во всемъ какъ можно лучше, жить въ мирѣ, согласіи и братской любви между собою. Вы должны служить примѣромъ въ исполненіи лежащихъ на васъ обязанностей; должны показать своею доброю жизнью, что православная вѣра дѣйствительно лучше другихъ вѣръ, что она-то и дѣлаетъ исповѣдающихъ ее настоящими истинными христианами и вѣрными подданными отъ Бога поставленному Царю нашему. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будетъ со всѣми вами! Аминь.

Волѣе получаса шествовалъ преосвященный отъ алтаря до наперти, раздавая крестики (роздано до 1000) и благословляя каждого, между тѣмъ какъ православные съ благоговѣніемъ и любовію лобызали святительскую десницу, а сойдя на церковную площадь и подойдя къ приготовленнымъ для народа столамъ съ виномъ и закусками, преосвященный, благослова хлѣбъ и вино и обратясь къ народу, возгласилъ: „За здоровье Государя Императора.“ на что народъ отвѣтилъ радостнымъ кликомъ „ура!“ бросалъ на воздухъ шапки и шилъ за здоровье Государя. Эти радостные клики повторялись каждый разъ, когда преосвященный снова обращался съ словоси къ ароду, внушая ему святой долгъ вѣрноподданничества, любви къ православію и отечеству. Посредникъ предложилъ народу: „за здоровье преосвященнаго, потрудившагося прибыть для освященія храма“ и повторилось то же. Бездождный ясный день благоприятствовалъ народу быть на открытомъ воздухѣ.

Между тѣмъ заботливый строительъ для преосвященнаго, духовныхъ лицъ и всѣхъ гостей (въ числѣ ихъ было нѣсколько дамъ), съѣхавшихся на это торжество изъ Вилкомира и другихъ мѣстъ, приготовлена была трапеза, въ очень приличномъ домѣ, занимаемомъ волостнымъ правленіемъ и училищемъ. (Въ этомъ же домѣ преосвященный благоволилъ помѣститься со свитою). Всѣ собрались на радушнопредложенный обѣдъ, и темою бесѣды гостей конечно было одно: о неожиданно и такъ-скоро устроенной въ Омиштахъ православной церкви. При гостѣ за здоровье великаго преобразователя Россіи—Государя Императора, архіерейскіе пѣчѣ исполняли народный гимнъ, — и грошеое, радостное „ура“ повторилось троекратно, послѣ чего мѣстный уѣздный исправникъ

(отъ же и за военнаго начальника) И. А. Шиншиаревъ, испросивъ благословеніе преесвященнаго, сказалъ слѣдующее: „Высокія мычягѣнія минушаго и настоящаго дня, по случаю освященія здѣсь въ мѣстечкѣ Оникштахъ, населенномъ иновѣрцами, православнаго храма, наполнили душу каждаго изъ насъ всё высказывать радость свою по случаю этого торжества православія; позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ... Възмъ намъ хорошо извѣстно, что созиданіе церкви въ данномъ мѣстѣ вызывается потребностью населенія имѣть вблизи свою церковь. Правда, въ старинное время, въ первопрестольной столицѣ и другихъ городахъ нашихъ, храмы Божіи нерѣдко воздвигались по желанію и хотѣнію князей, тамъ княжившихъ, богатыхъ бояръ и купечества, вслѣдствіе радостныхъ или горестныхъ общественныхъ и семейныхъ событій, но это исключенія. У нашего ревнителя православія, устроившаго здѣсь церковь, кромѣ ревностнаго желанія прославленія имени Творца вселенной, было ясное и вѣрное сознаніе дѣйствительной необходимости этого святаго дѣла, и заслуга его въ этомъ, по моему мнѣнію, неоцѣнима,—тѣмъ болѣе, что онъ, усмотрѣвъ эту дѣйствительную потребность тамъ, гдѣ, какъ многимъ казалось, не было ея, сумѣлъ выполнить начатое безъ средствъ дѣло съ полнымъ успѣхомъ. Вчера и сегодня мы уже имѣли притекшихъ въ новый храмъ чадъ православія, сохранившихъ завѣщанную имъ отъ предковъ вѣру, среди вреднаго для него иновѣрнаго господства, немнѣвшихъ ни церкви, ни пастыря, а это развѣ не доказываетъ дѣйствительной надобности устройства здѣсь православной церкви? Я подкрѣплю это собранными мною здѣсь на мѣстѣ свѣдѣніями: въ окрестностяхъ м. Оникшты, на пространствѣ 20 верстъ въ разныя отъ него стороны, находится 74 православныхъ семействъ крестьянъ и поселенцевъ, всего 350 душъ. (1) И эта масса православныхъ вовсе не имѣла церкви! Но кто же можетъ отрицать быстрое умноженіе числа прихожанъ новой церкви, когда обрусеніе этого края дѣло рѣшенное? Наконецъ, если въ этой мѣстности живутъ православные, то конечно имъ нуженъ не костель, а православный храмъ. Довольно, слышимъ довольно для насъ уроковъ минушаго; скажите, гдѣ теперь древніе пра-

(1) Вотъ число православныхъ, живущихъ въ четырехъ католическихъ приходяхъ: оникштынскомъ с. 42 д. 190 Скемянскомъ с. 22 д. 119. Свядоцкомъ с. 5 д. 12., Курклевскомъ с. 5 д. 29, всего с. 74 д. 350.

вославные храмы: удянской, (1) коварской и прочіе. Они давно исчезли съ лица земли, отъ нихъ чуть сохранились преданія. Благодареніе Богу за то, что еще осталось здѣсь хотя не много православныхъ людей...

Но незначительность числа прихожанъ новой церкви не должна смущать насъ. Мы горячо вѣруемъ, что это малое число, по благодати Божіей, скоро превратится въ большее.

„Ваше Преосвященство! вы приняли на себя трудъ прибыть сюда, вы въ настоящій день совершили освященіе новаго православнаго храма, вы призывали благодать насъ: позвольте же мнѣ, отъ имени искренно-уважаемаго строителя церкви, всѣхъ присутствующихъ здѣсь и всѣхъ притекшихъ сюда въ онѣшны чадъ православія благодарить васъ за все и просить принять искреннее наше желаніе, чтобы ваше преосвященство, въ самомъ не отдаленномъ будущемъ, имѣли возможность сказать новымъ александровскимъ прихожанамъ тоже, что сказалъ нѣкогда одинъ изъ первовеликихъ вселенскихъ святителей, св. Григорій Богословъ, своей константинопольской паствѣ: Нѣкогда паства эта,“ говорилъ великій святитель, „была малочисленна даже, по видимому, это была не паства, а малые слѣды и останки паствы; безъ надзора, безъ точныхъ предѣловъ, она не имѣла ни свободной пажити, ни огражденнаго двора, разбѣянная и разбросанная тамъ и здѣсь; всякій, помышляя о своемъ спасеніи, находилъ себѣ, по произволу, руководителя и пастыря, она была подобна стаду, которое львове изнуриша (іер.) погубила буря или разбѣялъ иракъ. Такова была нѣкогда паства сія, а нынѣ сдѣлалась благоустроенною и разширенною. Смотрите, языки противниковъ стали кротки и вооружившіеся противъ Божества безмолствуютъ предо мною!“

И такъ, да устраиваются православные храмы вездѣ, гдѣ только есть православные люди, и да процвѣтаетъ и разширяется здѣсь и во всемъ этомъ краѣ, какъ и вездѣ, наша православная церковь и наша русская народность! Дружное „ура!“ было отвѣтомъ на эти слова г. Шишмарева. Послѣ этого были провозглашены тосты за высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, за преосвященнаго Александра, епис-

(1) Близъ м. Удяны *) родился литовскій князь Александръ Довмонтъ, извѣстный ревнитель православія.

*) «Вил. Вѣст. печатаетъ: Удяны; не знаемъ, кто правъ»

кошъ ковевского, за процвѣтаніе въ здѣшнемъ краѣ православія и русской народности, за начальника края и начальника губерніи, а потомъ преосвященнымъ Александромъ за тѣхъ дѣятелей края, которые въ дѣлѣ его обрусенія, не раздѣляютъ этой идеи отъ идеи о православіи, такъ какъ одно безъ другаго немислимо, и В. К. Масальскимъ за воссоединенныхъ и принявшихъ православіе во всемъ западномъ краѣ. Дружное „ ура “ вторилось за каждымъ тостомъ. Вставъ изъ за этой, памятной всемъ участвовавшимъ въ ней, трапезы, надобно было собираться въ обратный путь. Было уже 6-ть часовъ вечера. Преосвященный Александръ также торжественно, какъ и прибылъ сюда, провожаемый народомъ, отправился въ обратный путь, совершивъ въ теченіи двухъ лѣтъ освященіе 35-й православной церкви въ литовской епархіи, а за нимъ стали возвращаться восвояси и прочіе оникштынскіе гости. Такъ окончилось торжество освященія церкви въ Оникштахъ. Кстати скажемъ нѣсколько словъ о самой церкви. Она на каменномъ фундаментѣ, лѣсъ употребленъ сосновый; строена по проекту, изданному мин. гос. имущ. въ 1853 году для сельскихъ церквей и имѣетъ видъ креста, съ куполомъ надъ предалтарною частью и колокольной при входѣ, надъ которыми высятся мѣдныя вызолоченные кресты. Высота до оконечности крестовъ 12 саж.; въ церкви вмѣщается до 300 чел. Иконостасъ писанъ въ вилкомирѣ, учителемъ живописи и рисованія, Г. Довнаркомъ, и исполненъ добросовѣстно. На все устройство церкви, включая и лѣсной матеріалъ, употреблено деньгами до 1200 р. Сумма эта составила, какъ выше объяснено, чрезъ сборъ и пожертвованія: такъ напримеръ С. А. Масловъ, въ память командира Клястицкаго гусарскаго полка, полковника Дмитріева—Мамонова и супруги его, жившихъ въ вилкомирѣ съ 1823 по 1830 годъ, прислалъ деньгами 305 руб. и прекрасный образъ Св. благ. вел. кн Александра невскаго и св. муч. Софіи. В. Д. Левшинъ доставилъ разныхъ вещей на 300 руб.; мѣстные православные поселенцы собрали по 3½ руб. съ дому и проч. Внутреннее украшеніе было поддержано въ особенности многими руководѣльями православныхъ дачъ гг. Ковны и Вилкомира. Такъ былъ вышитъ коверъ въ 6 арш. длиною и 1 шир. шерстями, разостланный на полу изъ алтаря чрезъ царскія врата до амвона включительно. Иконостасъ и алтарь, не смотря на позднее время года, были украшены живыми цвѣтами и проч. и проч.

Благоговѣя предъ промысломъ Божиимъ, никогда не оставившимъ уповающихъ на него, скажемъ искреннее русское "спасибо" строителю этой церкви В. К. Масальскому и всѣмъ поусердствовавшимъ посильными приношеніями на ея созиданіе и украшеніе (1).

И. Ш.

Вилкомирь,
19 октября 1867 г.

(Ковен. губ. Вѣдом.)

Освященіе церкви во имя Вознесенія Господня въ Минскѣ.

Въ день Архистратига Михаила и день ангела мѣстнаго Архіепископа, 8-го ноября освящена его высокопреосвященствомъ каменная церковь во имя Вознесенія Господня, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то существовалъ православный монастырь. Церковь эта воздвигнута для училища дѣвицъ духовнаго вѣдомства, только что открытаго заботами того же архипастыря. Она очень не большая, не отличается блескомъ, но не лишена нѣкотораго изящества; зная цѣль, для какой она воздвигнута, мы въ самой ея простотѣ находимъ много привлекательнаго.

На освященіе этого храма народъ сталъ собираться съ ранняго утра, такъ что въ 10 часовъ церковь была уже полна. Тутъ были представители всѣхъ сословій; былъ начальникъ губерніи, начальникъ дивизіи, губернский предводитель дворянства и всѣ высшіе сановники въ блестящихъ золотомъ мундирахъ, были и крестьяне въ сѣрыхъ кафтанахъ. Послѣ обычнаго обряда освященія церкви, совершена была литургія, на которой пѣли воспѣтницы заведенія, на перемѣну съ хоромъ армейскихъ пѣвчихъ и для перваго раза—пѣніе это, было недурно. Проповѣдь говорилъ исправлющій должность ректора семинаріи іеромонахъ Анастасій и мы не обинуясь можемъ сказать, что такая проповѣдь выхо-

(1) Конечно нужды церкви еще значительны: слѣдуетъ доволнить ризницу и другія части церковнаго обзаведенія, а также устроить помѣщеніе священнику и причту и проч.; но нѣтъ сомнѣнія, что все это восполнится, при заботливости строителя церкви и сочувствіи православныхъ. Желающие оказать посильную помощь могутъ адресовать въ вилкомирь, на имя мирового посредника Веніамина Константиновича Масальскаго.

дѣтъ изъ рада обыкновенныхъ и потому сказать о ней нѣсколь-
ко словъ будетъ не лишнимъ.

Взявъ за тему воспитаніе современной женщины вообще и не-
обходимость воспитанія женщины духовнаго вѣдомства на другихъ
совѣтъ началахъ, отецъ Анастасій высказалъ такое глубокое и
тонкое пониманіе этого дѣла, столько указалъ горькой и мѣткой
правды въ современномъ направленіи женскаго воспитанія, что
проповѣдь его всѣ слушали съ особеннымъ вниманіемъ, боясь про-
пустить и единое слово. Проповѣдникъ говорилъ долго; но такъ увле-
кательно, умно и просто, что, кажется, еслибъ проповѣдь его про-
должалась еще два часа, вниманіе слушателей было-бы къ ней
привлечено и никто-бы не вздумалъ заняться, какъ это на пропо-
вѣдяхъ случается, — разговорами. Проповѣдь эта напечатана въ
Губернскихъ Вѣдомостяхъ и нынѣ, что смѣемъ полагать слова наши о
ней не покажутся преувеличенными.

Подъ конецъ обѣдни совершена была литія, на которой про-
возглашена вѣчная память „Болярину Михаилу“, рерностному по-
борнику православія въ здѣшнемъ краѣ, графу М. Н. Муравьеву,
а на молебнѣ, послѣ обычнаго многолѣтія Государю Императору,
Великимъ Князьямъ Михаилу Николаевичу, Михаилу Михайловичу,
которыхъ тезоименство въ этотъ день праздновалось, и всему
царствующему Дому, провозглашено было многолѣтіе архіепископу
Михаилу, учащимъ и учащимся и всѣмъ усердствовавшимъ при
устройствѣ вновь открытаго учебнаго заведенія. По окончаніи бо-
жественной службы, которая продолжалась до 2 часовъ по полуд-
ни, выходя изъ алтаря высокопреосвященный архіепископъ Ми-
хаилъ сказалъ къ присутствующимъ краткое слово. Произнося его
и дойдя до того мѣста, гдѣ онъ воспоминалъ, какъ православные
хотѣли г. Минска, въ неравной борьбѣ съ католицизмомъ, въ пре-
жнее время, истощали всѣ нравственныя и матеріальныя силы, а
православіе въ теченіе времени до того оскудѣло, что 13 остав-
шихся безъ прихожанъ храмовъ обратились въ развалины, а ни-
за Божія засыпана была костью православныхъ, страдавшихъ
всю жизнь за вѣру и народность русскую и оставлена на пору-
ганіе подъ застройку евреевъ — какъ и та мѣстность, на которой
Господь сподобилъ нынѣ построить этотъ храмъ, — архипастырѣ за-
пикалъ и съ трудомъ могъ продолжать далѣе.

Изъ церкви его высокопреосвященство въ кантинѣ и въ со-
провожденіи всѣхъ присутствовавшихъ сановниковъ высшихъ и

низшихъ, отправился въ зданіе училища, гдѣ, послѣ окропленія святой водой всѣхъ комнатъ, учитель словесности духовной семинаріи прочиталъ актъ объ открытіи училища. Изъ этого акта мы узнали, что въ 1863 году правительство, не смотря на существованіе подобнаго училища въ м. Паричахъ, отнесло минскую епархію къ числу такихъ, въ которыхъ предположено было дать духовенству средства къ приличному образованію его дочерей въ духѣ православія и русской народности, въ противодѣйствіе вліянію со стороны католицизма и польскаго направленія, и въ этихъ видахъ, по составленному и 18 ноября 1863 года Высочайше утвержденному уставу и штату училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, на минское училище ассигновано содержаніе 7140 руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы на счетъ означенной суммы устроить со всѣми принадлежностями училищное зданіе въ трехъ-лѣтній срокъ. По разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ архіепископомъ Михаиломъ въ св. синодъ, согласно мысли архіепископа, разрѣшено устроить училище въ г. Минскѣ на Троицкой горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ издревле находился православный монастырь во имя Вознесенія Господня, разрушенный вслѣдствіе польскаго вліянія. Живописное и довольно уединенное мѣсто, на которомъ предполагалась постройка училища, отдано было въ вѣчное чиншевое владѣніе; почему архіепископъ ходатайствовалъ предъ св. синодомъ объ отпускѣ суммы на приобрѣтеніе означеннаго плаца и находящихся на немъ построекъ, и синодъ, уваживъ это ходатайство, отпустилъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ на указанный предметъ 2300 руб.; но по разсмотрѣніи смѣты оказалось, что наличныхъ средствъ для устройства училища недостаточно, такъ какъ по Высочайше-утвержденному проекту и смѣтѣ на постройку училища требовалось 32873 руб., а между тѣмъ изъ суммъ училища, за отпускомъ денегъ въ вѣдѣніе Г-жи Пуциной на содержаніе 40 воспитанницъ училища въ м. Паричахъ, въ предположенный 3-хъ лѣтній срокъ, могло составиться только около 20000 р., и потому архіепископъ входилъ вновь съ ходатайствомъ объ усиленіи средствъ для скорѣйшаго возведенія училища и по его ходатайству отпущено было еще 4000; но и при этихъ средствахъ постройка училища могла бы замедлиться, еслибъ ускоренію дѣла не помогла благотѣльная распорядительность покойнаго графа М. Н. Муравьева, который назначилъ, по ходатайству архіепископа Михаила, въ пособіе къ наличнымъ средствамъ училища

9000 р. и 18000 на восстановление православнаго храма во имя Вознесенія Господня, — и тогда постройка отдана была по контракту минскому купцу А. А. Свѣчникову. Наконецъ, для постройки при училищѣ службъ, найдено было необходимыми присоединить сосѣдній, принадлежащій архіерейскому дому, плацъ, который и былъ отданъ архіепископомъ въ собственность училища, а находящіяся на томъ плацѣ строенія приобретены за 2500 руб., изъ которыхъ одна половина испрашена отъ св. синода, а другая пополнялась пожертвованіями духовенства.

Училище дѣвицъ духовнаго званія минской епархіи, находящееся, подобно другимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ, подъ высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, по программѣ ученія направлено къ тому, чтобы воспитанницы, усвоивъ правила благочестія по ученію православной церкви и воспитанныя при отсутствіи великой роскоши и излишества въ русскомъ народномъ духѣ, могли впоследствии имѣть благотворное вліяніе на окружающую ихъ среду. По штату, при училищѣ полагается: начальница училища, законоучитель и необходимое число другихъ учителей, три наставницы одна помощница наставницъ, смотритель дома, докторъ и писмоводитель. Воспитаницъ полагается 45 казенныхъ, 15 пансіонерокъ, и 1 пансіонерка Государыни Императрицы; всѣ воспитанницы раздѣляются на три класса: старшій, средній и младшій. Нынѣ всѣхъ воспитаницъ 60. Начальницей, по распоряженію г. оберъ-прокурора, назначена вдова, княгиня Варвара Яковлевна Гагарина, женщина, какъ говорятъ, высокообразованная и которая, въ преклонныхъ уже лѣтахъ, изъявила готовность посвятить свои труды на пользу здѣшняго края. Вообще наружный видъ училища скромный, но вполне приличный. Мы забыли сказать, что въ залѣ училища, одна воспитанница изъ высшаго класса, дѣвица Минкевичъ, смѣло и бойко подошла къ преосвященному и отъ лица всѣхъ воспитаницъ поздравила его съ днемъ его ангела, пожелала ему долгихъ лѣтъ. Въ заключеніе этого, по истинѣ, умильтельнаго торжества пропѣтъ былъ народный гимнъ, а потомъ архипастырь со всѣми присутствующими отправился на закуску къ строителю церкви городскому головѣ А. А. Свѣчникову, у котораго вечеромъ собрались и дамы. Говорить о громаднхъ въ будущемъ пользахъ отъ вновь открытаго въ Минскѣ училища для дѣвицъ духовнаго вѣдомства намъ не приходится, потому что дѣло говорить само за себя гром-

во. Лыстять сильнымъ міра сего также не въ нашихъ привычкахъ, но мы не можемъ не высказать нашего убѣжденія, что связанное съ открытіемъ этого заведенія имя архіепископа Михаила, въ средѣ здѣшняго духовенства, да и вообще православныхъ жителей здѣшняго края, должно перейти въ потомство, и онъ при жизни соорудилъ себѣ памятникъ, который не сокрушить и время (1).

Гольц-Миллеръ.

(Мин. Г. Вѣдом.)

Освященіе церкви въ слуцкомъ Св. Троицкомъ монастырѣ.

Въ воскресенье, 12 ноября, высокопреосвященный Михаилъ, архіепископъ минскій и бобруйскій, освящалъ вновь воздвигнутый храмъ слуцкаго Свято-Троицкаго монастыря, а въ среду, 15 числа, по единодушному желанію возвратившихся въ православіе прихожанъ замостьскаго прихода, освятилъ вновь устроенную, на ихъ пожертвованія, изъ бывшаго костела каменную церковь. Оба случая эти заслуживаютъ особаго вниманія.

Слуцкій Свято-Троицкій монастырь принадлежитъ къ числу тѣхъ святынь здѣшняго края, которыя, въ продолженіи двухъ вѣковъ, терпѣливо выдержали весь гнетъ католицизма и остались вѣрными православію. Монастырь этотъ основанъ былъ въ концѣ XVI столѣтія (въ 1585 году), прямымъ потомкомъ святаго князя Владиміра, Юріемъ Юрьевичемъ Олелько, родъ котораго пресѣкъ выходомъ послѣдней княжны въ замужество за *православнаго* князя Радивиля, которому достались, въ приданое отъ жены, обширныя имѣнія въ Мозырскомъ, Пинскомъ, Борисовскомъ и другихъ уѣздахъ, а равно и самый г. Слуцкъ, впоследствии купленный нашимъ правительствомъ. Въ ризницѣ монастырской и до сего времени хранятся 62 рукописныя книги (и въ томъ числѣ полное Евангеліе съ виньетками), писанныя членами княжеской фамиліи Олельковъ и барма князя Юрія Юрьевича, т. е. родъ большой панатимъ на толстой серебряной цѣпи.

(1) Жаль, что изъ этого прекраснаго описанія «Виленскій Вѣстникъ» забраковалъ едва ли не лучшія тырады. *Ред.*

Назадъ тому два года, мнѣ довелось видѣть бѣдныя деревянныя кѣли Троицкаго монастыря и начало работъ по возведенію новыхъ зданій. Теперь, при въѣздѣ въ монастырь, обнесенный новою каменною оградой, взору вашему представляется прежде всего церковь, воздвигнутая надъ вратами, на подобіе тѣхъ, которыя вы встрѣчаете, въѣзжая въ Троице-Сергіевскую или Александроневскую лавры. Далѣе, въ глубинѣ монастырской площади, красуется длинное (52 саж.) двухъ-этажное изящной архитектуры зданіе, обращенное къ сѣверу. Въ немъ, кромѣ двухъ-ярусной церкви, прекрасно устроены и прилично меблированы помѣщенія для намѣстника (архіепископа), игумена, братіи, трапезы, кухни и проч.

Рѣшившись приступить къ постройкѣ монастыря, о. игуменъ Геронтій имѣлъ въ рукахъ смѣту слишкомъ на 47.000 р., а въ наличности 7 т. и имъ же устроенный кирпичный заводъ; впоследствии покойный графъ М. Н. Муравьевъ прислалъ пособие въ 3 т. руб. и съ этими, относительно ничтожными, средствами заботливый, неутомимый и всеми уважаемый служитель церкви, съ изумительною быстротою, сумѣлъ начать и кончить все эти капитальныя сооруженія.

Упомянувъ о монастырѣ и объ освященномъ 12 ноября храмѣ его во имя Благовѣщенія, несправедливо было бы умолчать о томъ, что внутреннему устройству и украшенію храма, ризницы и утвари, много содѣйствовали русскія дамы и въ особенности супруга мирового посредника, Надежда Сергѣевна Тюфяева.

Во время священнодѣйствія, мнѣ довелось замѣтить стоявшаго въ алтарѣ и, какъ мнѣ сказали, приготовлявшагося къ принятію православія, католическаго священника, который внимательно слѣдилъ за обрядами освященія и крестное знаменіе дѣлалъ по русски. Обращаясь за тѣмъ къ другому храму, я долженъ сказать, что еще наканунѣ освященія замостьской церкви (въ 22 верстахъ отъ Слуцка), я нашелъ въ ней одинъ только вновь поставленный иконостасъ и основаніе алтаря. Каково же было мое удивленіе, когда на другое утро все необходимое было уже на мѣстѣ, а во время священнодѣйствія въ храмъ этотъ, за множествомъ народа, трудно было протиснуться? Это отрадное событіе и направлено, и окончено было заботами и пламеннымъ усердіемъ мѣстнаго мирового посредника Владимира Адриановича Захарова, который, съ разрѣшенія г. губернатора, умѣлъ изыскать домашнія средства на все расхо-

ды, сопряженные съ приличнымъ устройствомъ новаго православнаго храма. Храмъ этотъ, во имя св. Владимира, тѣмъ замѣчательнѣе, что на этомъ самомъ мѣстѣ издревле стояла деревянная православная церковь, обращенная сперва въ уніатскую, а потомъ и въ костель. Самое устройство алтаря на востокъ, а не на западъ, свидѣтельствуютъ о его происхожденіи.

По окончаніи литургіи, высокопресвященный Михаилъ благословилъ народъ и бывшихъ въ парадѣ гусаръ Митавскаго полка, явившихся на церковное торжество съ ихъ начальникомъ, полковникомъ Горскимъ, и нѣсколькими офицерами.

Во время завтрака, на который всѣ присутствовавшіе приглашены были супругою мирового посредника, Файною Павловною Захаровой, я любовался пестрою толпой посѣтителей и, невольно припоминая бывшее и сравнивая его съ настоящимъ, пришелъ къ убѣжденію, что замѣчательная поговорка: „*плебана для пана, а пана для хлопа*“ окончательно утратила свой смыслъ и значеніе. Теперь здѣшніе простолюдины православную вѣру не называютъ уже, какъ прежде, хлопскою вѣрою, но величаютъ ее царскою вѣрою. Лѣтъ 30 тому назадъ и даже менѣе, священнику, являвшемуся за своими нуждами къ помѣщику, приводилось по нѣсколькимъ часамъ сидѣть въ передней, куда ему удостоивали высылать иногда рюмку водки и приказывали *донести* о дѣлѣ управляющему, который уже докладывалъ пану и объявлялъ словесную резолюцію! Ксендзъ, напротивъ того, имѣлъ полное право безцеремонно проводить время въ семьѣ первѣйшаго магната и не отказывался отъ удовольствій большаго свѣта.

Все это до очевидности понятно будетъ, если вспомнимъ, что въ ксендзы посвящались сыновья обѣднѣвшихъ аристократовъ, потому что никакое званіе не представляло столько шансовъ къ скорому обогащенію, какъ духовное. Такъ, наприимѣръ, глубоцкій кармелитскій монастырь (близъ г. Дисны), имѣвшій до 20 монаховъ, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ въ 4000 душъ. Мудрено-ли, что молодой человѣкъ, съ большими связями, бросался въ монашество, чтобы удобнѣе наслаждаться жизнью; въ уніатскіе же священники, обреченные по большей части невѣжеству и уничиженію, не рѣдко посвящались, по ходатайству помѣщиковъ-католиковъ, ихъ крѣпостные люди! Взвѣсивъ такія вопіющія противоположности между прежнимъ бытомъ католиковъ и уніатовъ (о православныхъ и говорить нечего), невольно удивляешься тѣмъ высо-

кинъ христіанскимъ доблестямъ, которыя удержали немногихъ изъ предковъ нашего православнаго духовенства и мирянъ отъ соблазна примкнуть къ латинству.

Кончу тѣмъ, что въ Полѣсьѣ и Слуцкомъ уѣздѣ сохранилась доселѣ пѣсня, начинающаяся такъ:

Ой, колыбѣ, колыбѣ Москали пришли,

Москали пришли, наши родные,

Наши родные, вѣры одные и т. д.

Мнѣ кажется, эти задушевные слова говорятъ многое....

Л. Ломачевскій.

(Вил. Вѣстн.)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

Циркуляръ г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края гг. губернаторамъ.

Хотя по ст. 1,508 т. IX о сост. инород. въ городахъ, гдѣ евреи приписаны, они суть члены тамошнихъ обществъ и подчинены общему управленію, тѣмъ не менѣе они въ дѣйствительности повсюду составляютъ отдѣльные общества отъ христіанъ. По ст. 483 т. III уст. о сл. по выбор. они образуютъ изъ себя для денежныхъ сборовъ особые участки, избираютъ особыхъ старостъ, имѣютъ особыхъ сборщиковъ податей, по ст. 821 т. II учрежд. инор., и отправляютъ рекрутскую повинность отдѣльно отъ христіанъ. Такое привилегированное положеніе евреевъ служить лишь къ большому укрѣпленію замкнутости евреевъ не только безъ всякой существенной пользы для правительства, но даже со вредомъ для онаго. Отдѣльность эта влечетъ множество злоупотребленій и тяжела для большинства самихъ евреевъ, такъ-какъ она способствуетъ сохраненію въ тайнѣ кагальнаго управленія евреевъ, отгнѣннаго правительствомъ.

Въ то же время отдѣльность эта, ставя еврея въ независимое положеніе отъ христіанскихъ обществъ, даетъ ему возможность злоупотреблять своими отношеніями къ христіанамъ, такъ-какъ каждый еврей хорошо знаетъ, что въ этомъ случаѣ всегда найдетъ себѣ поддержку и защиту въ своемъ общественномъ управленіи. Кромѣ городовъ, евреи проживаютъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ

оставаясь въ мѣщанскомъ званіи; эти-то послѣдніе болѣе другихъ эксплуатируютъ трудъ земледѣльца-христіанина, и противъ нихъ въ особенности возстаеъ общественное мнѣніе.

Эта отдѣльность еврейскихъ обществъ, по моему мнѣнію, необходимо должна быть уничтожена, и при этомъ евреи, проживающіе въ селеніяхъ христіанъ, а равно въ мѣстечкахъ, не имѣющихъ отдѣльнаго общественного управленія, должны быть приписаны къ составу тѣхъ сельскихъ обществъ, въ предѣлахъ коихъ они проживаютъ, за исключеніемъ разужьется лицъ, принадлежащихъ купеческому сословію. Считаюсь общественникомъ того сельскаго общества, среди коего онъ живетъ, еврей не будетъ уже полновластнымъ хозяиномъ, какимъ онъ является въ настоящее время; отбывая всѣ повинности, за исключеніемъ поземельной подати, съ однообщественниками, онъ будетъ связанъ съ ними общимъ интересомъ и подчиненъ одной и той же власти, и притомъ находящейся вблизи. Если не нравственное чувство, то общность интересовъ и страхъ силы мірской власти послужатъ къ обузданію страсти наживаться всѣми, часто непозволительными, средствами бѣдняка-земледѣльца. Правительство въ этомъ случаѣ будетъ въ выигрышѣ, получая съ нихъ подушную подать и другія повинности, возложенныя на сельскихъ обывателей.

Но при этомъ въ здѣшнемъ краѣ является возможность такого случая, что въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ численность евреевъ будетъ превышать христіанъ, и тогда общественное управленіе послѣднихъ могло бы подпасть подъ власть евреевъ. Чтобы устранить это неудобство, необходимо установить, независимо отъ обязательнаго числа голосовъ для постановленія общественныхъ приговоровъ, чтобъ въ постановленіи оныхъ участвовало не менѣе $\frac{2}{3}$ наличнаго числа христіанъ, и притомъ чтобъ большинство изъ нихъ было согласно съ постановленіемъ общества: напримѣръ, въ обществѣ, состоящемъ изъ 30 христіанъ и 60 евреевъ, общественный приговоръ могъ бы считаться состоявшимся только тогда, если въ составленіи онаго участвовало не менѣе 20 христіанъ, и 11 изъ нихъ были согласны съ мнѣніемъ большинства.

Предположеніе это составляетъ предметъ особой важности, ибо оно должно лечь краеугольнымъ камнемъ въ преобразованіи управленія евреями, и потому предположеніе это требуетъ всесторонняго, основательнаго обсуждения.

Посему, сообщая о вышеизложенномъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу представить мнѣ по означенному предмету ваше заключеніе.

При этомъ, принимая во вниманіе, что еврейскія общества имѣютъ нѣкоторыя благотворительныя заведенія, содержимыя на счетъ общественныхъ суммъ, что нѣкоторыя изъ нихъ владѣютъ капиталами и недвижимыми имуществами, а другія сами состоятъ въ долгу и на многихъ обществахъ числятся недонмен, какъ дене-

жныя такъ и рекрутскія, а потому, для окончательнаго и всесторонняго обсужденія вопроса о возможности слиянія еврейскихъ обществъ съ христіанами, необходимо собрать подробныя о сѣмъ свѣдѣнія, покорнѣйше прошу нынѣ же донести мнѣ:

1. О числѣ жителей въ городахъ и мѣстечкахъ, какъ христіанъ такъ и евреевъ, по каждому городу и мѣстечку особо.

2. О числѣ домовъ, принадлежащихъ какъ тѣмъ такъ и другимъ въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ и о числѣ домохозяевъ изъ нихъ.

NB. Въ показаніяхъ о мѣстечкахъ должно быть объяснено, имѣютъ ли они законное право на такое названіе.

3. О всѣхъ благотворительныхъ заведеніяхъ евреевъ, какъ-то: талмудторахъ, госпиталяхъ, богадѣльняхъ и т. п., съ объясненіемъ, гдѣ они находятся и на какой счетъ содержатся.

4. О всѣхъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ, принадлежащихъ еврейскимъ обществамъ и о доходахъ, съ нихъ получаемыхъ.

5. О состояніи коробочныхъ сборовъ и о запасныхъ капиталахъ этого сбора, а также копій съ дѣйствующихъ нынѣ смѣтъ.

6. О деньгахъ и недонимкахъ, числящихся на еврейскихъ обществахъ, въ томъ числѣ и о рекрутской недонимкѣ.

(Вил. Губ. Вѣдом.).

Какимъ образомъ положено было начало непосредственнымъ сношеніямъ холмскихъ униатскихъ епископовъ съ римскимъ престоломъ.

Епископъ холмской греко-униатской епархіи Цѣхановскій, 29 марта 1819 г., препроводилъ къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, для представленія на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе, всеподданнѣйшую просьбу отъ себя и отъ всего русскаго духовенства холмской епархіи о дозволеніи холмскому епископу сноситься по духовнымъ дѣламъ его епархіи съ греко-униатскимъ митрополитомъ въ Россіи, Булгавомъ.

Правительственная коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, 15 апрѣля 1819 г., отвѣчала епископу, что просьбы его, какъ запечатанной, Его Императорскому Величеству она представить не можетъ.

Къ сему правительственная коммиссія присовокупила, во 1-хъ, что она не только не находитъ необходимымъ, дабы холмскій греко-униатскій епископъ по духовнымъ дѣламъ зависѣлъ отъ митрополита, проживающаго въ Россіи, но даже признаетъ это неудобнымъ для епископа. ибо на основаніи существующихъ узаконеній,

переписка между духовными властями, находящимися въ Царства, можетъ производиться только посредствомъ правительства, а потому самому, переписка между нимъ и митрополитомъ подвергалась бы остановкамъ и замедленіямъ; во 2-хъ, что бывали примѣры непосредственной зависимости нѣкоторыхъ латинскихъ епархій отъ римскаго двора по духовнымъ дѣламъ, а потому и холмска епархія можетъ получить это преимущество, и въ 3-хъ, наконецъ, что если епископъ возымѣлъ намѣреніе подчиниться власти митрополита въ Россіи съ тою цѣлью, чтобы воспользоваться духовными милостями, которыя тотъ получилъ отъ папы, то правительственная коммиссія полагаетъ, что подобныя милости могли бы быть исходатайствованы и для него, холмскаго епископа.

Епископъ Цѣхановекій отвѣчалъ на это, что не было до того ни одного примѣра, чтобы русская епархія по духовнымъ дѣламъ находилась когда нибудь въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ римскимъ дворомъ, ибо на основаніи папскихъ постановленій и правъ, предоставленныхъ русскимъ митрополитамъ, со времени существованія униі, сношенія сіи дѣлались не иначе, какъ посредствомъ митрополита, и что такъ какъ на основаніи существующихъ въ Царствѣ Польскомъ узаконеній епископъ можетъ сношаться съ римскимъ дворомъ или съ находящимся въ Россіи митрополитомъ только посредствомъ правительства, то онъ, епископъ Цѣхановскій, находитъ болѣе соотвѣтственнымъ сношаться по церковнымъ дѣламъ съ русскимъ митрополитомъ Булгакомъ, нежели съ римскимъ дворомъ; митрополитъ, проживая въ предѣлахъ имперіи, принадлежащей, какъ и Царство Польское, одному и тому же Государю, безпренятственно можетъ принимать участіе въ духовныхъ дѣлахъ холмска епархіи. Это тѣмъ желательнѣе, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1818 г., митрополитъ Булгакъ получилъ отъ папы всѣ тѣ права, преимущества и власть, какими съ давнихъ временъ пользовались русскіе митрополиты.

Къ сему епископъ Цѣхановскій присовокупилъ, что на основаніи вообще правилъ восточной церкви, онъ можетъ имѣть право сношаться по духовнымъ дѣламъ съ греко-униатскимъ митрополитомъ въ Россіи, и просилъ правительственную коммиссію о представленіи на высочайшее благоусмотрѣніе вышеупомянутой всеподданнѣйшей просьбы его, которую на этотъ разъ представилъ не запечатанною.

Содержаніе этой просьбы было слѣдующее:

«Вседержавнѣйшій, Всеавгустѣйшій, Всемиловитѣйшій Государь!»

«Всякое вѣроисповѣданіе, всякое религіозное общество имѣетъ, на основаніи церковныхъ законовъ, непосредственное надъ собою начальство; одинъ только холмскій греко-униатскій епископъ въ Царствѣ Польскомъ, подъ всемиловитѣйшимъ скипетромъ Вашего Величества состоящій, не подчиненъ никакому митропо-

«Литѣ, какъ подлежащему духовному своему начальству. Не можетъ онъ, епископъ, имѣть никакихъ сношеній по духовнымъ дѣламъ съ галицкимъ митрополитомъ, хотя имъ былъ посвященъ въ епископы, ибо тотъ находится внѣ предѣловъ владѣній Вашего Императорскаго Величества.»

«Посему холмскій греко-уніатскій епископъ могъ бы сноситься по церковнымъ дѣламъ только съ проживающимъ въ Россійской Имперіи, подъ всемилостивѣйшимъ скипетромъ Вашего Величества, греко-уніатскимъ митрополитомъ.»

«Въ неусыпномъ попеченіи о цѣлости и благѣ вѣры Христовой, Ваше Величество первенствуете предъ другими монархами, и народы Европы взираютъ на сіе съ благоговѣніемъ.»

«Побуждаемый заботою и попеченіемъ о благѣ духовенства и вѣрнаго народа холмской епархіи, епископъ осмѣливается, отъ имени холмскаго русскаго духовенства, всеподданнѣйше просить о всемилостивѣйшемъ дозволеніи сноситься ему по духовнымъ дѣламъ съ упомянутымъ греко-уніатскимъ митрополитомъ, по милости Вашего Императорскаго Величества, не задолго предъ симъ въ этомъ званіи постановленнымъ.»

«Всемилоствѣйшее удовлетвореніе сей всепокорнѣйшей просьбы епископа побудитъ какъ его самага, такъ и подвѣдомственное ему духовенство усугубить теплыя молитвы предъ алтаремъ Господнимъ о продолженіи царствованія Вашего Величества, и о востоянномъ благоденствіи всего Августѣйшаго Дома Вашего Императорскаго Величества, Всемилоствѣйшаго Государа моего.»

«Сію всепокорнѣйшую просьбу епископъ, съ цѣлымъ своимъ духовенствомъ, какъ изліяніе чувствъ глубочайшаго благоговѣнія къ своему Монарху, считаетъ обязанностію и честію повергнуть къ подножію престола Вашего Императорскаго Величества, Всемилоствѣйшаго Государа моего. Вѣрный подданный и постоянный богомолецъ.»

Правительственная коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія не поднесла однако же сей просьбы на Высочайшее благоусмотрѣніе, и отъ 18 мая 1818 г., увѣдомила епископа Цѣхановскаго, что такъ какъ холмская епархія прекратила съ давняго времени свои сношенія съ уніатскимъ митрополитомъ въ Россіи, а послѣ того зависѣла отъ львовскаго архіепископа, и неизвѣстно, отчуждена ли она отъ подчиненія ему рѣшеніемъ высшей духовной власти, то правительственная коммиссія, полагая нужнымъ въ столь важномъ дѣлѣ соблюсти всѣ приличія и законы, находитъ соотвѣственнымъ приостановить дальнѣйшій ходъ дѣла касаясь сношеній холмскаго епископа съ уніатскимъ митрополитомъ въ Россіи до того времени, пока правительственная коммиссія, во время бытности епископа въ Варшавѣ, не войдетъ съ нимъ въ ближайшіе переговоры по сему предмету,

Какой дальнѣйшій ходъ сему дѣлу дала правительственная ком-

миссія духовныхъ дѣлъ—неизвѣстно. Незвѣстно также, вслѣдствіе ли воли когда епископъ Цѣхановскій перемѣнилъ свое намѣреніе подчиниться греко-уніатскому митрополиту въ Россіи.

Впрочемъ, въ письмѣ епископа Цѣхановскаго, отъ 27 февраля 1822 г., къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ, оставленіе своего намѣренія сноситься съ митрополитомъ, находящимся въ Россіи, епископъ объясняетъ слѣдующими затрудненіями:

а) получить на это именное соизволеніе Его Императорско-Царскаго Величества.

б) получить свѣдѣнія, будетъ ли это согласно съ волею римскаго двора.

в) имѣть переписку съ отдаленнымъ отъ Холма С.-Петербургомъ, гдѣ проживаетъ греко-уніатскій митрополитъ.

Вскорѣ послѣ этого, на ходатайство холмскаго епископа объ учрежденіи при холмской кафедрѣ капитула, правительственная коммиссія отвѣчала слѣдующее:

1. Такъ какъ въ Россіи и Австріи при кафедрахъ греко-уніатскихъ епископовъ состоятъ капитулы, и такъ какъ было бы соотвѣственнымъ и въ Царствѣ Польскомъ учредить подобный капитулъ; и

2. Такъ какъ епископу долженъ быть извѣстенъ путь къ сношенію съ римскимъ дворомъ, у коего чрезъ посредство правительства должна быть всходатайствована учредительная грамота (Ereksia) для капитула, то правительственная коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, соглашаясь на учрежденіе при холмской греко-уніатской кафедрѣ капитула, съ назначеніемъ на содержаніе онаго по 18,000 золотыхъ въ годъ, предлагаетъ епископу, для испрошенія нужной утвердительной грамоты, обратиться къ римскому двору; и надлежащее по сему предмету прошеніе представить въ правительственную коммиссію.

Епископъ Цѣхановскій, отъ 1-го іюля 1822 года, возразилъ на это, что онъ не находитъ никакой необходимости обращаться по сему предмету къ римскому двору, и такъ какъ галицкій митрополитъ получилъ отъ папы власть, необходимую для учрежденія капитула, то остается лишь правительственной коммиссіи утвердить полученную въ Холмѣ отъ сего митрополита грамоту на это учрежденіе.

Правительственная коммиссія не удовлетворила однако же таковой просьбы епископа, и 25 іюня 1822 года увѣдомила его, что данная галицкому митрополиту папская булла Пія VII, на которую епископъ ссылается, не упоминаетъ ничего о холмскомъ капитулѣ, и потому если епископъ желаетъ, чтобы учрежденію холмскаго капитула данъ былъ успѣшный ходъ, то онъ долженъ обратиться по сему предмету установленнымъ порядкомъ къ римскому двору.

Епископъ Цѣхановскій, послѣ всего вышеозначеннаго, рѣшился наконецъ 10-го сентября 1822 г. представить правительственной комиссiи требуемое письмо къ римскому двору, и просилъ о пересылкѣ его установленнымъ порядкомъ къ папѣ.

Правительственная комиссiя, представляя письмо епископа Цѣхановскаго намѣстнику Царства для отсылки его въ Римъ, не упомянула ничего о томъ, что холмскій греко-уніатскій епископъ ходатайствовалъ прежде о подчиненіи его власти греко-уніатскаго митрополита въ Россіи, и что подавалъ даже на Высочайшее имя всподданнѣйшую просьбу по сему предмету отъ себя и всего своего духовенства, что эта просьба не была доведена до Высочайшаго свѣдѣнія, и что по настояніямъ лишь правительственной комиссiи, онъ, епископъ, рѣшился наконецъ обратиться къ папѣ.
(*Варшав. Дневн.*)

Русское населеніе въ царствѣ Польскомъ (*).

Русское населеніе распространено было не только на всемъ пространствѣ между Вислою и Бугомъ, но и за Вислою. О древнихъ границахъ Руси, доходящихъ до Кракова, свидѣтельствуетъ грамота, относящаяся къ концу X-го вѣка, которою дарится папѣ Иоанну XV Княжество Польское съ столицею Гнѣзно; въ ней сказано: usque in locum, qui dicitur Russe, et fines Russe extendente usque in Cracoa (*Antiquitates Italiae V 831*). На сѣверѣ граница эта доходила до Опатова. Въ 1236 году, князь вратиславскій Генрихъ Бородатый учредилъ опатовскую епископію «для Руси над-вислянскій», живущей «по обѣимъ сторонамъ Вислы между Люблиномъ и Опатовымъ». Народонаселеніе этихъ странъ ознакомилось впервые съ христіанскою вѣрою, во времена первыхъ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меодія, которые, въ бытность свою въ Моравіи, разсылали проповѣдниковъ христіанства въ страны по обѣимъ берегамъ Вислы, и на всемъ этомъ пространствѣ принять былъ восточный славянскій обрядъ. Но уже въ половинѣ, а особенно въ концѣ X вѣка, начались дѣйствія латинской пропаганды, стремившейся уничтожить восточный обрядъ, и замѣнить его латинствомъ. Въ тоже время пражскій епископъ *Войтекъ* (Адаль-

(1) Заимствуемъ эту статью изъ № 2 циркуляра по управленію варшавскихъ учебнымъ округомъ, за октябрь 1867 г. Самая же статья взята изъ записки, читанной, при открытіи гдъ Замость русскою прогимназіи, инспекторомъ оной А. С. Худяковскимъ, который въ исторической части этой записки пользовался слѣдующими источниками: 1) изданнымъ въ Львовѣ сочиненіемъ *Петрушевскаго*, — „Холмская Епаркія“; 2) грамотами польскихъ королей, упомянутымъ Иоанну и другимъ Замойскимъ и г. Замостью; 3) дѣлами замостьскаго магистрата, хранящимися въ бывшемъ крѣпостномъ архивѣ; 4) холмскимъ епископомъ *Каллеа* *Ecclesiae Ruthenae*; 5) исторіей церкви Балуцянскаго. издан. въ Вѣнѣ, и нѣкоторыми другими.

бертъ) былъ однимъ изъ ревностѣйшихъ гонителей русскаго народа и грековосточнаго обряда. Въ одномъ изъ сказаній о Кирилѣ и Меодіѣ говорится о немъ такъ: пришедъ Войтехъ Моравскій «въ Мораву и въ Чехи и въ Ляхи, разрушиша вѣру право-вѣрну и русскую грамоту отверже, и латинскую грамоту и вѣру «постави. правыя иконы пожже, а епископы посече, а другая разгнавъ». . . . далѣе говорится: «иде въ прускую землю и тамо убиенъ бысть». — Около того же времени (995 г.) славянорусскіе епископы были изгнаны изъ Панноніи и Польши. Подобному же изгнанію подверглись славянорусскіе монахи по смерти Болеслава Храбраго (1025 г.). Въ Польшѣ употреблялись еще славянскія письмена при Болеславѣ Великомъ, какъ видно изъ найденныхъ около города Пинчова (радом. губ.) монетъ, на которыхъ находится славянская надпись «Болеславъ». — Наконецъ, самъ отецъ Болеслава, Мечиславъ, былъ крещенъ по восточному обряду, и потомъ уже перешелъ въ латинство. На всемъ этомъ пространствѣ находились русскія церкви. Такъ, въ г. Судомірѣ (измѣнившемся подъ польскимъ влияніемъ въ Сандомірѣ) въ 1261 г. совершалось богослуженіе по восточному обряду: «придоша же (Татары) къ Сандомирю. . . . церква же быше въ городѣ камена, велика и пре-дивна». Тамъ же, въ церкви св. Іакова, находятся гробы славянскихъ епископовъ, а у Сейковского, въ его сочиненіи: „Dni goszpe 6. zakonu Kaznodziejskiego“ прямо говорится, что костелъ св. Іакова „pierwszy i najdawniejszy w Sandomierzu był przed oddaniem Do-minikanom russkiej religii, w ktorém odprawiała Ruś swoje nabo-żeństwo“. Также точно была церковь въ г. Лисцѣ (Łysa góra): „потомъ же пойдоша къ Лисцю городу. . . . городъ же быше въ лѣсѣ „на горѣ, церква же быше въ немъ каменна Святой Тройцѣ“. Въ г. Казимірѣ, еще въ XV вѣкѣ, была русская церковь Сочествія Святаго Духа; даже и въ настоящее время на одномъ изъ старинныхъ зданій этого города, гдѣ помѣщается ратуша, находятя слѣды древней иконописи въ византійскомъ стилѣ. По всей вѣроятности, русскія церкви находились также въ *Вислицѣ* и *Тинци*, ибо были греческой архитектуры. О вислицкой Дугошъ говоритъ: „Fabricata erat Vislicensis ecclesia a primaeva sui fundatione quadro lapide, anguste tamen et obscure, cum cripta subterranea in pris-sorium et praesertim Praecorum more“. Даже въ Краковѣ на Клепарѣ находилась церковь Св. Креста, гдѣ около 1390 года еще совершалось богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Сарницкій, одинъ изъ польскихъ анналистовъ, подъ 1492 годомъ помѣстилъ извѣстіе объ обновленіи этой церкви и даже приводитъ находившуюся въ ней русскую надпись. Въ Краковѣ же, еще во второй половинѣ XV вѣка, находилась одна изъ важнѣйшихъ типографій для печатанія славянорусскихъ книгъ. Изъ этихъ немногихъ данныхъ можно видѣть, что славянорусскій восточный обрядъ былъ распространенъ повсемѣстно; но пропаганда латинскихъ миссіонеровъ, сопровождаемая притѣснительными мѣрами со стороны королей, магна-

товъ и польскаго духовенства, произвела оноляченіе края. Такъ напр. одинъ изъ краковскихъ епископовъ Матѳей, между 1143 и 1144 годомъ, письменно убѣждалъ знаменитаго св. Бернарда Клерво отправиться къ берегамъ Вислы для искорененія безбожнаго русскаго обряда. Въ 1372 году папа Григорій XI приказывалъ краковскому епископу лишить святительскихъ престоловъ схизматическихъ епископовъ въ Галичѣ, Перемышлѣ, Владимірѣ и Холмѣ. Въ позднѣйшія времена унія стала главнымъ средствомъ въ рукахъ поляковъ. для оноляченія края и отторженія его отъ единокровной Руси. Польскіе дѣятели проникнуты были духомъ, развившемся въ прозектѣ «*na zniszczenie Rusi zjednoczonej*», гдѣ говорится, что православные русскіе «*unitów w większej mają jak nas niepawiści*», и за тѣмъ *gdy ją (здѣшнюю Русь) przemieniemy na Rzymian, odbierzemy najprzód nadzieję Moskalom jej odzyskania, potem ściśle z nami złączoną uczyniemy Moskwie nieprzyjazną*.—Даже сами уніятскіе епископы, сознательно ли, или въ простотѣ сердца, содѣйствовали этому духовно-нравственному порабощенію. Чрезлѣтная ихъ ревность къ унії не только возбуждала неудовольствіе народа, и даже явныя волненія, нерѣдко оканчивавшіяся трагически, но заставляла даже самихъ королей польскихъ и ихъ вельможъ унимать подобное усердіе. Такъ король Станиславъ въ 1766 году, и великій канцлеръ Андрей Замоискій (4 февраля того-же года) предписывали холмскому епископу, Максимилиану Рыло, не преслѣдовать неуніатовъ, не заставлятъ ихъ угрозами и насиліями къ принятію унії, и т. п. Но, не смотря на то, р. католики пользовались привилегіями, а православные и даже уніаты постоянно лишаемы были ихъ, что болѣе чѣмъ очевидно въ грамотахъ, жалованныхъ г. Замостью; напр. по грамотѣ Сигизмунда III въ 1613 г. сборщиками доходовъ города могли быть *только римско-католики*. Въ г. Красноставѣ, во времена Сигизмунда I-го, были даже волненія за недопущеніе русскихъ мѣщанъ къ городскимъ должностямъ; тоже повторялось вездѣ въ Польшѣ, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ. Эти-то враждебныя дѣйствія и вліянія измѣнили не только названія городовъ, передѣлавъ ихъ на польскій ладъ, но и самый духъ народа, его вѣру и обычаи, — измѣнили, но не убили окончательно. И въ настоящее время этотъ оноляченный народъ все таки сохранилъ въ своихъ повѣрьяхъ, пѣсняхъ, одеждѣ и даже фізіономіи очевидные признаки своего славянорусскаго происхожденія. Намъ остается радоваться, что настали лучшія времена, когда здѣшній русскій народъ можетъ свободно стряхнуть съ себя тѣнь многолѣтняго духовно-нравственнаго рабства, когда русская рѣчь не вызоветъ презрительныхъ насмѣшекъ, какъ было еще недавно, но свободно и громко прозвучитъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствовала одна польская рѣчь.

Святотроицкая Подвальная церковь въ Варшавѣ.

Очень многимъ русскимъ, проживающимъ въ Варшавѣ, не извѣстно, что на Подвальной улицѣ существуетъ православная церковь во имя св. Живоначальныя Троицы. По взятіи Варшавы, это была единственная церковь, въ которой совершалъ богослуженія извѣстный въ свое время архіепископъ Антоній, въ послѣдствіи с. петербургскій митрополитъ. Скрытая отъ взоровъ публики внутри двора, церковь эта замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Есть мѣстное преданіе, что церковь эта—одна изъ древнѣйшихъ православныхъ церквей въ Варшавѣ. До 1806 года она помѣщалась въ нынѣшнихъ Сапѣжинскихъ казармахъ, откуда ее вытѣснилъ Наполеонъ; еще ранѣе она помѣщалась въ зданіи погорѣвшей ратуши, за тѣмъ, одно время, пріютилась въ улицѣ Козьей—и вообще существованіе ея не было официально до 1815 года, время, когда православіе получило право законнаго существованія въ Польшѣ, и когда православные жители Варшавы позаботились объ устройствѣ не переносной, а постоянной церкви, на мѣстѣ нынѣ существующей подвальной. Изъ мѣстныхъ иконъ этой церкви замѣчательнъ образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, находящійся на правой церковной стѣнѣ, о которомъ сохранилось преданіе: что образъ этотъ и другія драгоценности означенной церкви были проданы въ 1793 году евреямъ за самую ничтожную плату, и что Суворовъ, взявъ Прагу, уплатилъ имъ деньги за образъ и ризы, которыя и возвратилъ обратно въ православную церковь; кромѣ того, во время мятежа, поляки, ворвавшись въ церковь, въ числѣ прочихъ неистовствъ, нанесли штыкомъ рану образу Богоматери; слѣдъ дѣйствія остраго орудія и до сихъ поръ остался на образѣ, хотя послѣдній и возобновленъ. Очень долгое время церковь эта оставалась безъ всякихъ поправокъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и только въ настоящее время, заботливостью высокопреосвященнаго Іоаннікія—совершенно возобновлена, и можно сказать, вновь создана. Освященіе новореставрированной церкви послѣдуетъ на дняхъ, о чемъ мы и не замедлимъ объявить. Какъ внѣшній признакъ, по которому можно узнать подвальную церковь, указываемъ на образъ, поставленный въ кіотѣ за стекломъ надъ воротами церковнаго дома. Это впрочемъ единственный православный образъ во всей Варшавѣ—выставленный на улицѣ.

(Варш. Дневн.).

КРАТКАЯ БІОГРАФІЯ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

Филаретъ (до постриженія въ монашество Василій Дроздовъ), митрополитъ московскій и коломенскій, священно-архимандритъ Троицко-Сергіевской лавры, членъ святѣйшаго синода и академіи наукъ, почетный членъ московскаго и другихъ университетовъ и членъ челоуѣколюбиваго общества, родился въ городѣ Коломенѣ, 26 декабря 1782 г.; воспитывался въ семинаріяхъ: коломенской и троицко-сергіевской; по окончаніи курса, опредѣленъ въ послѣднюю учителемъ и особенными своими дарованіями обратилъ на себя вниманіе митрополита Платона. Въ 1808 году, по постриженіи въ монашество, посвященъ симъ митрополитомъ во іеродіакона; въ 1809 году, въ мартѣ назначенъ былъ инспекторомъ с.-петербургской семинаріи и профессоромъ философіи; въ томъ мѣсяцѣ, въ праздникъ Пасхи, рукоположенъ во іеромонаха; въ августѣ опредѣленъ ректоромъ въ новоучрежденное при семинаріи александровское уѣздное училище, съ сохраненіемъ прежней должности. Въ 1810 году опредѣленъ бакалавромъ церковной исторіи въ с.-петербургскую духовную академію; въ іюль 1811 года возведенъ въ санъ архимандрита; въ мартѣ 1812 года опредѣленъ ректоромъ академіи, съ занятіемъ профессорской каѳедры догматическаго богословія, а въ слѣдующемъ году удостоенъ безпримѣрной въ то время награды, ордена св. Владиміра 2-й ст. За симъ, въ 1814 году комиссія духовныхъ училищъ возвела архимандрита Филарета въ званіе доктора богословія, а въ 1817 году онъ произведенъ во епископа ревелскаго и открылъ собою рядъ викаріевъ с.-петербургской митрополіи. Въ 1819 году, послѣ духовнаго управленія дѣлами епархій, возведенъ въ санъ архіепископа тверскаго и назначенъ членомъ святѣйшаго синода. Этою епархіею онъ управлялъ одинъ годъ, потомъ перемѣщенъ былъ въ Ярославль, а въ 1821 году, при переводѣ митрополита Серафима въ С.-Петербургъ, — занялъ каѳедру московскую. Управляя паствою въ древней столицѣ, высокопреосвященный Филаретъ, при совершеніи коронаванія и помазанія на царство новгородскимъ митрополитомъ Серафимомъ (29-го августа 1826 года) императора Николая I, имѣлъ счастье, вмѣстѣ съ Серафимомъ, привѣтствовать его величество рѣчами при торжественномъ вѣздѣ въ столицу и при вступленіи въ Успенскій соборъ и въ этотъ же торжественный день возведенъ въ санъ митрополита. Черезъ тридцать лѣтъ, ему выпалъ жребій короновать и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Рѣдкій даръ неба — долгоденственная жизнь высокопреосвященнаго Филарета вся посвящена была многообразнымъ занятіямъ не только по управленію паствою, но и въ области наукъ. Какъ проповѣдникъ и писатель, онъ извѣстенъ слышавшимъ уже полвѣка. Однѣ изъ первыхъ проповѣдей его: на Рож-

дество Христово и на день Пятидесятницы (1811 года), особенно же трогательная рѣчь при гробѣ Кутузова-Смоленскаго въ Каванскомъ соборѣ (1813 года), «О гласѣ вопіющаго въ пустынѣ» (1814 г.), возбудили въ просвѣщенной публикѣ высокое мнѣніе о Филаретѣ, какъ проповѣдникѣ. Это мнѣніе вполне было оправданъ послѣдующею его церковно-проповѣдническою и богословско-ученою дѣятельностію. Не было ни одного важнаго событія горестнаго или радостнаго для Россіи, которое бы не возбуждало высокопреосвященнаго Филарета къ произнесенію поучительнаго слова съ тѣхъ поръ, какъ этотъ великій служитель церкви вступилъ на московскую епархію. Таковы рѣчи его, произнесенныя во время смуты, возникшихъ въ Россіи, по кончинѣ императора Александра І, и по случаю свирѣпствовавшей въ Москвѣ холеры. Слогъ Филарета лаконическій, смыслъ глубокій,—все это дѣлало его слова сильными, оставляющими въ душѣ слушателей глубокое впечатлѣніе.—Слова и рѣчи преосвященнаго выходили въ двухъ изданіяхъ. Послѣднее напечатано въ Москвѣ въ 1848 и 1861 годахъ, въ трехъ томахъ съ портретомъ іеромонаха. Кромѣ этого, митрополитъ Филаретъ извѣстенъ своими «Разговорами между испытующимъ и увѣреннымъ о православно греко-россійской церкви» (Москва 1815 года), «Начертаніемъ церковной библейской исторіи» (Москва 1816 года), «Записками на книгу Бытія» (1816 и 1819 годовъ),—первымъ опытомъ основательнаго изъясненія священнаго писанія на русскомъ языкѣ,—«Пространнымъ христіанскимъ катихизисомъ» и нѣкоторыми другими сочиненіями.—Празднованіе юбилея пятидесятилѣтія епископскаго сана высокопреосвященнаго Филарета, 5-го августа настоящаго года, показало всему міру, какъ высоко чтитъ этого архипастыря русская и вся православная церковь,—духовенство, ученые и народъ.

(Вирж. Вѣд.).

Въ Моск. Вѣд. напечатано:

Вчера, въ воскресенье, 19-го ноября, въ исходѣ втораго часа по полудни почилъ въ Бозѣ преосвященнѣйшій Филаретъ, митрополитъ московскій и коломенскій. Возвратившись въ Москву изъ своего отшельническаго уединенія, въ началѣ минувшаго октября, владыка приступилъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, онъ три раза (8-го, 12-го и 19-го ноября) совершалъ божественную литургію въ своей домашней церкви; въ этотъ же промежутокъ времени присутствовалъ въ синодальной конторѣ, и дважды посѣтилъ московскаго генерал-губернатора, князя В. А. Долгорукова. Дѣлами архипастырь занимался съ обычною неутомимостію, живостію соображенія и быстротой производства. Два вечера въ недѣлю были посвящены докладамъ викаріевъ; доклады эти продолжались по нѣскольбу часовъ сряду, и владыка выслушивалъ ихъ съ неутомимымъ усердіемъ.

Посѣтители и просители были принимаемы имъ все это время съ обычнымъ вниманіемъ. Въ послѣдній разъ слушалъ онъ докладъ вечеромъ, въ пятницу 16-го ноября; докладъ продолжался отъ 5½ до 8 часовъ вечера.

Въ воскресенье 19-го ноября, владыка митрополитъ совершилъ литургію, безъ утомленія, и по краткомъ отдыхѣ принималъ ново-назначеннаго московскаго губернатора, генерала Баранова. Затѣмъ преосвященный остался одинъ. Наступилъ часъ его скудной трапезы; но онъ медлилъ, когда ему было о томъ доложено. Наконецъ, въ исходѣ втораго часа, келейникъ, вновь войдя въ комнату архипастыря, нашелъ его бездыханнымъ. Мирно и безболѣзненно перешелъ онъ въ вѣчность. Немедленно дано было знать о томъ викаріямъ, намѣстнику Чудова монастыря и генераль-губернатору. Приглашены были врачи (гг. Рахманиновъ, постоянный врачъ покойнаго, Варвинскій, Паженкопфъ, Захарьинъ), но помощь ихъ оказалась излишнею. Князь В. А. Долгоруковъ прибылъ немедленно по возвѣщеніи, поклониться тѣлу архипастыря, когда оно, только что опрятанное, еще лежало на обычномъ одрѣ почившаго. Затѣмъ облаченное въ архіерейскія ризы, тѣло было перенесено въ большую залу, гдѣ была совершена архіерейскимъ служеніемъ панихида. Облаченіе совершалось со всѣмъ торжествомъ, подобавшимъ высокому церковному сану почившаго. Въ руки усопшаго святителя были вложены дивирій и трикириій. Діаконы, каждый разъ предъ начатіемъ кажденія, обращались къ почившему. Вечеромъ того же дня, въ восемь часовъ, была совершена вторая панихида.

Сегодня, 20-го ноября, совершены были двѣ панихиды. Немедленно прибывшій изъ Троице-Сергіевой лавры намѣстникъ Антоній привезъ кипарисный гробъ, приготовленный заранѣе по распоряженію почившаго, и тѣло было переложено.

Толпы народа не переставали цѣлый день окружать Троицкое подворье, гдѣ тѣло блаженно-почившаго архипастыря останется въ продолженіе всего завтрашняго дни. Въ среду предполагается перенесеніе гроба въ Чудовъ монастырь.

О кончинѣ митрополита московскаго и коломенскаго Филарета намъ сообщены слѣдующія свѣдѣнія: «Высокопреосвященный архипастырь въ послѣднее время чувствовалъ себя хорошо; постоянныя занятія его произвели было болѣзнь, но онъ скоро оправился и сталъ заниматься дѣлами съ обычною неутомимостію, присутствовалъ въ синодальной конторѣ, выслушивалъ доклады викаріевъ, принималъ просителей и въ послѣднее время трижды совершалъ божественную литургію. 19-го ноября онъ совершалъ службу легко и послѣ небольшого отдохновенія принималъ прибывшаго въ Москву генерала Баранова, а въ исходѣ втораго часа его нашли безъ дыханія. Не смотря на принатія врачами тотчасъ же мѣры, возвра-

тить къ жизни его уже не могли; причиною смерти была мгновенная апоплексія» (1).

Извѣстіе о кончинѣ маститаго архипастыря не могло, по естественной причинѣ, никого поразить неожиданностью. Глубокая старость его давно заставляла предугадывать, что уже не далека та минута, когда нить долговременной жизни его прервется. Силы его угасали хотя и съ медленностью, но угасали видимо, и только привычка его подчинять физическую природу своей духовной мощи могла внушать надежду, что бодрость его духа не скоро еще уступитъ немощи телесной. Три съ половиною мѣсяца тому назадъ совершившійся пятидесятилѣтній юбилей епископскаго служенія высокопреосвященнаго Филарета послужилъ напоминаніемъ для православной Россіи, что ей суждено не въ далекомъ будущемъ лишиться одного изъ своихъ наиболѣе чтимыхъ духовныхъ наставниковъ. Утрата его, въ самомъ дѣлѣ, чувствительна для всей Россіи. Всѣ православные русскіе соединены были съ нимъ тѣснѣйшими духовными узами. Всѣхъ ихъ осѣнялъ свѣтильникъ его разума, въ сильномъ словѣ воплощавшій свои глубокіе помыслы въ назиданіи близкихъ къ нему и отдаленныхъ отъ него сыновъ православной церкви. Если изъ множества плодовъ умственной дѣятельности новопреставленнаго святителя мы остановимся хотя только на одномъ написанномъ имъ православномъ катихизисѣ, то увидимъ, какъ существенно важна была духовная связь маститаго іерарха съ православнымъ народомъ русскимъ. Не говоря объ умершихъ поколѣніяхъ, почерпнувшихъ знаніе вѣры въ этомъ катихизисѣ, большая часть изъ живущихъ еще русскихъ людей, изъ коихъ многіе сами достигли старческаго возраста, изъ той же книги впервые узнали догматы православія. Такимъ образомъ митрополитъ Филаретъ былъ, въ теченіе почти полугодія, какъ-бы воспріемникомъ дѣтей русской Церкви, которыя тѣмъ самымъ становились его собственными духовными дѣтьми. Вотъ одна изъ тѣхъ причинъ, по которымъ вѣсть о кончинѣ его отзовется во всѣхъ, самыхъ далекихъ концахъ обширной Россіи. Не намъ оцѣнить по достоинству плодотворную дѣятельность знаменитаго архипастыря. Извѣстный не въ одномъ своемъ отечествѣ дѣлами на пользу церкви, заслугами предъ престоломъ и отечествомъ, онъ, никогда не стремившійся стяжать себѣ славу между людьми, оставилъ свое имя начертаннымъ въ исторіи и приобрѣлъ право на благодарность и современниковъ и потомства. При всѣхъ радостныхъ, и печальныхъ событіяхъ, совершившихся въ Россіи во время его долголѣтняго святительства, онъ былъ или неутомимый дѣлатель, или мудрымъ совѣтникомъ, или краснорѣчивымъ учителемъ, всегда усерднымъ молитвенникомъ. Ему досталось снѣтать благосло-

(1). Пресвященный Филаретъ могъ умереть отъ всеобщаго истощенія жизненныхъ силъ, могъ заснуть старческимъ сномъ смерти, умереть отъ старческой чахотки, но не отъ апоплексическаго удара.

веннаго Александра послѣ тяжкой и славной борьбы, закончившейся умротовереніемъ Европы; онъ былъ однимъ изъ немногихъ, удостоившихся избранія въ хранители государственной тайны о перемѣнѣ престолонаслѣдія; онъ же своимъ могучимъ святительскимъ словомъ благословилъ свою паству принести вѣрнопопданническую присягу при воцареніи императора Николая и тѣмъ содѣйствовалъ къ предупрежденію недоразумѣній въ первопрестольной столицѣ, въ то время, когда смута готова была поколебать спокойствіе и порядокъ въ нашемъ отечествѣ; его пастырскія наставленія поддержали бодрость въ населеніи Москвы, когда оно, тридцать семь лѣтъ тому назадъ, впало въ уныніе отъ бѣдствій, причиненныхъ до того неслыханною болѣзнію; онъ воспламенялъ Россію въ трудную годину борьбы ея съ соединившимися противъ нея народами Запада и подвигалъ ее на жертвы для защиты какъ себя самой такъ и восточной православной церкви. Не было, можно сказать, ни одного государственнаго дѣла — не говоря о дѣлахъ церкви — въ которомъ митрополитъ Филаретъ не принималъ бы болѣе или мѣнѣе близкаго участія во все царствованіе въ Божѣ почившаго государя. Имя высокопреосвященнаго соединено съ воспоминаніемъ о свѣтломъ днѣ вѣнчанія на царство нынѣ благополучно царствующаго Императора и славнѣйшимъ дѣломъ Его — совершеніемъ крестьянской реформы, возвѣщенной міру манифестомъ, писаннымъ рукою Филарета...

По истинѣ славная и драгоценная для русскихъ жизнь, всецѣло посвященная молитвѣ и труду непрерывному!

Въ Моск. Вѣд. сообщаютъ, отъ 27-го ноября;

Въ воскресенье, 26-го ноября, Москва простилась съ останками своего высокочтимаго архипастыря. Литургія въ Чудовомъ монастырѣ, начавшаяся въ 8½ час. утѣа, была совершена митрополитомъ Арсеніемъ и преосвященнымъ Леонидомъ съ намѣстниками Троице-Сергіевской лавры архимандритомъ Антоніемъ и Чудова монастыря архимандритомъ Веніаминомъ и прочимъ духовенствомъ, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимира Александровича, генералъ-губернатора, оберъ-прокурора святѣйшаго синода и пр.

По окончаніи литургіи и предъ началомъ литіи, протоіерей Троицкой, что на Арбатѣ, церкви. И. М. Богословскій-Платоновъ сказалъ прощальное слово.

Священнодѣйствовавшіе архимандриты вынесли гробъ изъ Чудова монастыря, и печально-торжественная процессія, съ хоругвями, иконами, гѣвчима впереди, направилась къ желѣзной дорогѣ. Шествіе совершалось въ томъ самомъ порядкѣ, какъ значится въ церемоніальѣ. При гробѣ, облеченномъ золотыми покрывами и епископскою мантией, шли намѣстникъ лавры у возгла-

віа, а у ногъ намѣстникъ Чудова монастыря, архимандритъ Ве-
ніаминъ, ровно за 21 годъ предъ симъ, именно въ этотъ самый
день, 26-го ноября, нынѣ почившимъ святителемъ постриженный
въ монашество. Его Высочество ѣхалъ за гробомъ верхомъ въ
сопровожденіи московскаго генераль-губернатора В. А. Долгору-
кова, генераль-адъютанта графа Перовскаго, командующаго вой-
сками Московскаго военнаго округа генераль-адъютанта А. И.
Гильденштуббе и пр., также верхомъ. Въ процессіи принималъ
участіе синодальный оберъ-прокуроръ Д. А. Толстой. Выступивъ
изъ Кремля въ Никольскія ворота, процессія перешла черезъ
Красную площадь и направилась по Никольской улицѣ. Здѣсь,
во время литіи у Казанскаго собора гробъ приняла отъ духовен-
ства выборные городскихъ сословій, которые и несли его до са-
мой станціи, чередуясь между собой. На Никольской дома си-
нодальной типографіи и графа Шереметьева, арендуемый Поро-
ховщиковымъ, были убраны траурною драпировкой. Пройдя по
Лубянской площади, по Мясницкой улицѣ, мимо Красныхъ во-
ротъ, шествіе прибыло на станцію московско-ярославской желѣз-
ной дороги, въ четверть втораго по полудни.

Такое же несмѣтное стеченіе народа, какъ и въ день перва-
го перенесенія, было на всемъ пути; не смотря на неблагоприят-
ную погоду, всѣ площади, тротуары, окна, крыши представляли
сплошную массу людей. Тѣмъ не менѣе порядокъ былъ соблюда-
емъ удивительный. Надъ Москвою разливался звонъ всѣхъ ея
колоколовъ. Предъ каждою изъ церквей, мимо коихъ проходила
процессія, совершалась литія.

Прибывъ къ станціи, фасадъ которой былъ убранъ траурною
драпировкой, духовенство собралось по обѣ стороны пути; въ
кругу, окаймленномъ хоругвями, была совершена послѣдняя ли-
тія, и затѣмъ гробъ внесень на станцію. Здѣсь экстренный по-
ѣздъ ожидалъ печальную процессію. Были соединены три откры-
тыя платформы, и на средней находилось небольшое возвышеніе,
въ которому прикрѣпили гробъ, осѣненный хоругвями и рипидами.
Часть духовенства съ иконами и нѣвчіе стали на той же плат-
формѣ. Еще разъ произнесена была молитва за новопреставлен-
наго, и въ половинѣ втораго по полудни поѣздъ двинулся по на-
правленію къ обители, которую ея священно-архимандритъ из-
бралъ себѣ мѣстомъ послѣдняго упокоенія. Высокопреосвящен-
ный Арсеній, митрополитъ кievскій, архіепископы: Нилъ ярослав-
скій, Антоній владимірскій, епископы; Никандръ тульскій, Лео-
видъ дмитровскій, Игнатій можайскій, намѣстникъ Свято-Сергіе-
вой лавры Антоній, другіе архимандриты, члены консисторіи, чле-
ны попечительства и благочинные города Москвы сопровождали
гробъ въ томъ же поѣздѣ. Тихо, незамѣтно для толпы, стоявшей
на площади предъ станціей желѣзной дороги, двинулся этотъ пе-
чальный поѣздъ. Въ лавру прибылъ онъ черезъ три часа и двад-
цать минутъ.

Его Императорское Высочество Великий Князь Владимиръ Александровичъ присутствовалъ при послѣдней литіи, совершенной на платформѣ, и затѣмъ возвратился во дворецъ. Вечеромъ того же дня, въ шесть часовъ, Его Высочество съ экстреннымъ поѣздомъ отправился обратно въ С.-Петербургъ. Съ Великимъ Княземъ отбыли изъ Москвы попечитель Великаго Князя, генералъ-адъютантъ графъ Перовскій, и синодальный оберъ-прокуроръ, графъ Д. А. Толстой.

25-го, послѣ вечерей панихиды въ Чудовомъ монастырѣ, митрополитъ Арсеній, выражая Его Высочеству, отъ лица всего духовенства, благодарность за участіе, принятое имъ въ печали московской паствы, поднесъ Августѣйшему Посѣтителю икону московскихъ святителей.

Митрополита Филарета не стало.... Съ смущеніемъ вняла этой вѣсти Москва, а вслѣдъ за нею вниметь и вся Россія,— съ тѣмъ благоговѣннымъ смущеніемъ, которое неволью объемлетъ душу при всякомъ видимомъ тайнодѣйствіи исторіи. Его кончина— событие, и событіе всероссійское.

— Филарета не стало!... Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, въ которой весь русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,— сила, созданная не извнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ. Отжита на вѣкъ та величавая долгая современность, что обняла собою пространство полвѣка, что перебыла длинный рядъ событій и поколѣній и какъ бы уже претворилась въ неотъемлемое историческое достояніе Москвы, въ ея живую стихію, которой, казалось, не избыть и во вѣки. Безъ этой силы, безъ этой славы, какая пустота силы и славы почувствуется внезапно въ Москвѣ да и во всемъ русскомъ церковномъ мірѣ! Каедрa московскаго митрополита можетъ, конечно, быть и будетъ занята, но мѣсто, которое занималъ Филаретъ, пребудеть пусто.

Намъ неволью припоминается все сказанное нами въ день празднованія его пятидесятилѣтняго архіерействованія. Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію не оскудѣвая, не померкая, но какъ бы питаея приумноженіемъ лѣтъ и выступая ярче, по мѣрѣ надвиженія вечерняго сумрака жизни. Смѣлилось неуспяющее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назидающее всѣмъ русскимъ людямъ—въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смогло художественное важное слово, полвѣка и болѣе полувѣка, раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны Богово-

знанія; то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ!...

Русская церковь, съ кончиною митрополита Филарета, переживаетъ великій историческій мигъ, котораго важность, сознательно и бессознательно, предощущается всѣми. Въ теченіи цѣлаго полустолѣтія русской церкви ея предствитель, предстатель и предстоятель (не вслѣдствіе внѣшнихъ условій своего мѣста и званія, а дѣйствиємъ личнаго внутреннаго достоинства), — въ теченіи же полулѣтія былъ онъ и «свидѣтельствуй» о ней предъ всей Европой, предъ всѣмъ міромъ инославнымъ... Сходитъ въ могилу цѣлая историческая эпоха, — на смѣну ей движется эпоха новая....

Убыло силы и славы, убыло послѣднее народное имя. Назвать болѣе некого; нѣтъ другаго равнозначительнаго, всенароднаго имени.

Прибудетъ ли силы, свободы и духа истинной жизни церковной?

На рубежѣ сихъ двухъ эпохъ, мы невольно медлимъ и судимъ и надеждами. Передаемъ лишь ощущенія личныя и общественныя, испытываемыя въ настоящую минуту нами и всей Москвой, при уныломъ гулѣ московскихъ колоколовъ, сзывающихъ къ заупокойной молитвѣ....

Предвѣстіе о днѣ кончины московскаго митрополита Филарета.

17-го прошлаго сентября (владыка митрополитъ былъ въ это время въ лаврѣ), по окончаніи ранней литургіи въ его домовую церковь, я явился къ нему съ обычнымъ, повторявшимся каждый день, докладомъ о состояніи обителя; онъ послѣ моего доклада говорилъ мнѣ: «Я нынѣ видѣлъ сонъ и мнѣ сказано: *берегъ 19-е число*». На это я замѣтилъ ему: «Владыко святыи! развѣ можно вѣрить сновидѣніямъ и искать въ нихъ какого-нибудь значенія? Какъ же можно притомъ обращать вниманіе на такое неопредѣленное указаніе? Деятнадцатыхъ чиселъ въ каждомъ году бываетъ двѣнадцать». Выслушавъ это, онъ съ чувствомъ сердечной увѣренности сказалъ мнѣ: «Не сонъ я видѣлъ: мнѣ явился родитель мой и сказалъ мнѣ тѣ слова. Я думаю съ этого времени каждое девятнадцатое число причащаться св. Таянъ». Я сказалъ, что это желаніе доброе.

Черезъ два дня послѣ сего, 19 сентября во вторникъ, во время литургіи въ домовую церковь, онъ причастился св. Таянъ. Въ октябрѣ онъ былъ въ Москвѣ и 19 числа, въ четвергъ, также причастился св. Таянъ въ своей домовую церковь. Наступало въ слѣдующемъ мѣсяцѣ ноябрѣ роковое 19-е число. Это приходилось въ воскресенье. Предъ тѣмъ все время владыка чувствовалъ себя.

хорошо и легко, принималъ посѣтителей, ревностно занимался дѣлами, выѣзжалъ иногда изъ дому. На недѣлѣ предъ 19-мъ числомъ онъ принималъ одного изъ своихъ почитателей, который при продажѣ передалъ ему просьбу одной почтенной дамы, также уважавшей святителя, что она желала бы быть у него и принять его благословеніе. Владыка сказалъ: «Пусть прійдетъ, только прежде 19 числа». Такъ глубоко укоренилась въ умѣ владыки мысль о девятнадцатомъ числѣ!

18 ноября, въ субботу, владыка говоритъ своему келейному иеродиакону Пароенію, что завтра онъ будетъ служить литургію въ своей домашней церкви и чтобъ все было приготовлено къ служенію. Старикъ Пароеній, отличающійся прямою и откровенностью, рѣшилъ замѣтить владыкѣ, что онъ утомится отъ служенія и не будетъ, пожалуй, служить во Введеневъ день, что лучше бы тогда отслужить. Но владыка сказалъ: «Это не твое дѣло: скажи, что я завтра служу».

Онъ отслужилъ литургію, и въ роковое 19-е число скончался.

(Л. Н. А. Антоновъ).

(Моск. Вѣд.).

Духовное завѣщаніе митрополита Филарета.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* пишутъ, что 10-го сего декабря, по распоряженію высшаго духовнаго начальства, во всѣхъ московскихъ церквахъ читано было нижеслѣдующее завѣщаніе въ честь почившаго митрополита Филарета:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь.

Сія глаголетъ Господь: *устрой о дому твоємъ, умираеши бо ты.* Пс. XXXVIII, 1. И такъ, завѣщавать на случай смерти даетъ право и примѣръ слово Божіе. Употребимъ сіе право, пока Богъ благостію и долготерпѣніемъ даруетъ время.

Ничто не мое. Все милостію Божіею и благодѣяніемъ ближнихъ.

Господи! прими духъ мой и существо мое, во грѣхахъ рожденное, но святымъ таинственнымъ крещеніемъ обновленное, паки во грѣхахъ вольныхъ и невольныхъ обветшавшее и паки въ покаяніи просищее и чающее оправданія *твое* благодатию Твоею, избавленіемъ, еже . . . Христе Иисусе, Егоже аще предположиши еси очищеніе отъ крови Его. Не отвержи мене отъ лица Твоего.

Братія о Господѣ и чада единныя святыя церкви! Примите благословеніе именемъ Господнимъ и благодареніе за всякое недостойному мнѣ благодѣяніе, наставленіемъ, помощію, снисхожде-

ніемъ, служеніемъ. Простите меня недостойнаго во всемъ Христа ради. Да проститъ Богъ всѣхъ васъ во всемъ, почему кто имѣетъ нужду въ прощеніи. Не лишите меня послѣдняго благодѣанія— молитвъ вашихъ о мнѣ къ Богу.

Благодать со всѣми вами. Аминь.

Филаретъ, недостойный митрополитъ московскій.

Писаль своею рукою въ Москвѣ, на Троицкомъ подворьѣ, въ день Воздвиженія Честнаго Креста Господня. 14-го сентября 1833 года.

ПИСЬМА ИЗЪ ПОДЛЯСЬЯ.

II.

Квартира унитскаго священника, какъ и р. католическаго есендза, носитъ названіе *плебани* (*плебанъ*—общее названіе священника—значитъ *народный учитель*). Домъ и вся усадьба его имѣютъ тотъ же характеръ, какой имѣютъ панковъ въ югозападныхъ губерніяхъ. Въ домъ входить чрезъ *занекъ* и сѣнь; направо или налѣво ихъ—кухня, напротивъ нее *покуй*, за ними *сыпялня*, далѣе *валыстржъ*, изъ котораго входъ въ кухню и въ *спижарню*. Покой уставленъ убогою *кананкою* сельской работы и нѣсколькими стульями. На угольномъ столѣикѣ поставленъ *спусифех* (крестъ съ рѣзнымъ, или литымъ изображеніемъ Спасителя), а подлѣ него книжечки, видимо принадлежащія жонѣ и дочерямъ: *Злотый олтаржыкъ*, *Скарбъ души побожней*, *Олтаржъ польскій*, *Писа аза хисесіянска* и под. Стѣны увѣшаны разными убогими литографіями, купленными на ярмаркѣ въ жѣстечкѣ у разнощика. Вѣглый взглядъ вашъ остановится прежде всего на лихимъ всадникѣ въ старопольскомъ кунтултѣ и въ конфедераткѣ. Это Косцюшко. Не имѣтъ въ домѣ портрета этаго вождя поляковъ въ битвѣ съ москалями, во времена демонстрацій и мятежа, считалось подозрительнымъ. Встрѣтите здѣсь генерала Понятовскаго, Пя IX., Мицкевича и под. Приглядитесь и къ другимъ, религіознымъ картинамъ: все это р. католическіи фантазіи съ польскими и нѣмецкими поднесами. Но вы не встрѣтите здѣсь иконы въ восточномъ стилѣ, или съ славянскою, тѣмъ болѣе русскою подписью и вообще не встрѣтите ничего, напоминающаго востокъ. Вотъ и самъ священникъ—лю-

безыи, деликатный, гостепріимный. Познакомился съ біографіею его. Мать его была истая полька, такъ она себя называла, хотя была униткою и подѣ часть непрочъ была замѣтить, что она „изъ русинокъ.“ Съ молокомъ ея онъ всасывалъ звуки польской рѣчи, польскія ласки и радости видѣлъ надъ собою. Старуха—няня для него ломала свой языкъ, затверживала для него разныя нѣжныя названія польской рѣчи. Съ восторгомъ цѣловала его мать, когда онъ впервые *жегнался* (крестился), поднимая рученку съ протянутыми пятью пальцами, и повторялъ за пемъ: „Ойче нашъ, ктурьсь естъ въ небе, свенцьсе име твое шшидзь Пане,...“ и радовалась, когда панъ дѣдичъ, слыша бойкій польскій лепетъ мальчика, говорилъ самодовольно: „о! тожь бѣндзе русинь, правдзивы русинь!“ По десятомъ году, съ запасомъ грамоты только польской, онъ поступилъ въ „школу обводову“ (уѣздное училище, — воеводства дѣлились на обводы), гдѣ уже обучался старшій братъ его, предназначенный отцемъ для службы гражданской. Здѣсь не было никакого различія между унитами и р. католиками: одинъ и тотъ же законоучитель—р. католическій священникъ преподавалъ имъ религію — на томъ онованіи, что унія и католичество „то вшистко едно, ружниці жадней, тылько въ *церемоніяхъ*“ (обрядахъ); тѣ и другіе одинаково молились, одни и тѣ же (католическія) праздники праздновали, одни и тѣ же соблюдали посты и всѣ обычаи религіозныя, всѣ сердца одинаково обращены были къ Риму, для всѣхъ, для всѣхъ одинаково востокъ былъ исходищемъ схизмы и царствомъ сатаны. До 1865 года, много унитовъ воспитывалось въ городахъ, гдѣ не было ни унитскаго священника, ни унитской церкви (Сувалки, Ломжа, Сѣдльце, Луковъ), всѣ они молились только въ р. католическихъ костелахъ, часто исповѣдывались и приобщались въ нихъ—«вшистко едно!» Въ семинарію холмскую онъ поступилъ по окончаніи курса въ школахъ обводовыхъ, и поступилъ потому, что способности и успѣхи его незавидную карьеру сулили ему въ гражданской службѣ, тогда какъ въ семинаріи, по крайней малочисленности кандидатовъ, ему рады. Притомъ же отцу не по средствамъ воспитаніе двухъ сыновей въ гимназіи и университетѣ, а въ семинаріи всѣ воспитанники пользуются полнымъ казеннымъ содержаніемъ.

Профессоры холмской семинаріи всѣ изъ воспитанниковъ вар-

павской римско-католической академіи (1). Курсъ наукъ въ ней тотъ же самый, какъ и въ римско-католическихъ польскихъ; т. е. богословіе, философія и исторія (2), — учебники, пособія, руководства, записки, программы — все то же въ этихъ семинаріяхъ. Не будемъ говорить много о преподаваніи богословія. Ипатій Поцѣй, виновникъ брестской уніи, въ своемъ приготовительномъ для русскихъ сочиненіи: „Унна албо выкладъ ку зедночоню гревовъ в кестеломъ римскимъ,“ завѣрялъ будущихъ унитовъ, что папа жадаеть отъ нихъ единственно признанія его главою церкви, и оставляетъ для нихъ неприкосновенными всѣ прочія особенности восточной церкви, обѣщая не измѣнять даже догмата объ исхожденіи св. Духа отъ одного Отца. Нынѣ всѣ особенности вѣроченія восточной церкви признаются въ унитскомъ духовенствѣ схизмою, а всѣ, самыя частныя и мелкія, нѣвнія римской церкви — догматами унитства. Въ унитскомъ богословіи существуютъ только *католіки римскаго обряда* и *католіки греческаго обряда*, а такъ же *Xiadz ritus latinae* и *Xiadz ritus graecae*. Вся душа религіи восточной изгнана и замѣнена въ унитствѣ душою римско-католическою, которую прикрыли только доскутymi восточнаго обряда. Если иногда преподаватель церковныхъ обрядовъ съ любовію говоритъ своимъ ученикамъ о достоинствѣ восточнаго обряда, то слово его только щебечеть воображеніе и не имѣеть дѣйствительной силы, потому что обрядъ безъ собственной души — то же, что буква безъ смысла. Самый усердный слушатель такого наставника впоследствии на каждомъ шагѣ видитъ себя въ противорѣчій съ требованіями восточнаго обряда и невольно ломаетъ все въ немъ и вновь строитъ по своему духу и

(1) Въ 50-хъ годахъ сдѣланъ былъ опытъ высылки нѣсколькихъ воспитанниковъ холмской семинаріи для высшаго образованія въ духовныя академіи московскую и кievскую, и нынѣ 5 профессоровъ этой семинаріи — воспитанники этихъ академій. Въ настоящее время нѣсколько лицъ этой же семинаріи воспитываются въ кievской академіи.

(2) Просимъ читателей не забывать, что въ настоящихъ письмахъ мы описываемъ время до конца послѣдняго польскаго мятежа, и что въ частности здѣсь мы разумѣемъ тѣ времена холмской семинаріи, когда въ ней воспитывалась масса нѣвѣрныхъ унитскихъ священниковъ. Въ пятидесятыхъ годахъ въ ней введено преподаваніе русской словесности, а съ 1865 года все въ ней перемѣнилось.

характеру.—Эту главную идею богословской науки поддерживает въ семинаріи исторія, которая сама получаетъ отъ нея свой строй и свое направленіе. Особой исторіи униі въ хелмской семинаріи не существуетъ, ее соединяють съ общею исторіею римской церкви. Изъ этой исторіи воспитанники выносили такія понятія объ униі! „Русь приняла христіанство отъ востока въ то время, когда въ церкви Христовой не было раздѣленія и *вся она находилась подъ главенствомъ папы*. Потомъ греки отпали отъ церкви Христовой (!), явилась схизма. На Руси нѣкоторые частные епископы увлекались приѣздомъ грековъ, вообще древняя русская церковь оставалась въ единеніи съ Римомъ. Только во времена между флорентинскимъ и брестскимъ соборами *схизма* начала здѣсь поднимать свою голову, пыталась доказать, будто русская церковь никогда не признавала папу своею головою и силась оторвать ее отъ этого подчиненія. Брестскій соборъ положилъ конецъ этимъ интригамъ и соединилъ схизматиковъ съ непрерывными унитами.» Потому-то здѣшніе униты считаютъ брестскій соборъ ничего незначающимъ для нихъ — *непрерывныхъ* униговъ и послѣ тридентскаго своего (!) собора непосредственно полагають соборъ замойскій. Иезуитско-унитскія апологіи униі, писанныя на югѣ Россіи въ 16 и 17 вѣкахъ, доселѣ сохраняють въ здѣшнемъ унитствѣ всю свѣжесть своихъ красокъ. «Владиміръ—просвѣтитель Руси былъ унитомъ,—первые митрополиты русскіе — униты; кievская митрополія отдѣлилась отъ осхизматившейся московской по любви къ униі, которая стала національною религіею южно-русовъ, или точнѣе — русиновъ, отличающихся по происхожденію своему отъ москалей — чудско-монгольскаго, ославианившагося, племени,» и под. И смѣхъ и горе толчется в душѣ, когда слышишь отъ много унитскаго священника горячія увѣренія, что Петръ Могила былъ унитъ и что Сильвестръ Коссовъ признавалъ московскихъ патріарховъ схизматиками. Чего-чего затѣмъ не говорится здѣсь о воссоединеніи бѣлорусскихъ униговъ! Что касается гражданской исторіи Руси, то ее знали здѣсь только по учебникамъ исторіи Польши, дополняемымъ разными выдержками изъ польскихъ хроникъ. „Славяне произошли отъ трехъ братьевъ: Леха, Чеха и Руса; эти три братья первоначально поселились на Вислѣ, старшій предводительствовалъ ими и цѣлымъ родомъ. Потомъ Чехъ пошелъ на югъ, а Русъ на востокъ къ Дняпру, Лехъ остался на Вислѣ и руководилъ

братьями. Чехи скоро поддались влиянію нѣмцевъ, но русины постоянно тяготѣли къ своимъ старшимъ братьямъ — ляхамъ. Вскорѣ они, въ виду грозы отъ Москвы, рѣшили снова соединиться и братски обнялись на городельскомъ и люблинскомъ сеймахъ. Москва есть общій врагъ тѣхъ и другихъ.“ Доморощенные лингвисты дополняли это родство своими толкованіями; «ляхи и русины первоначально имѣли одинъ языкъ; потомъ стали появляться у нихъ нарѣчія: мазурское, познанское, *бѣлорусское*, *малорусское* и др.; но въ то же время интеллигенція польско-руская создала одинъ образованный языкъ — польскій.“ Грустно видѣть, какъ унитско-русскій священникъ въ спорѣ съ нами сдается доказать, что русинскій (малорусскій) языкъ есть нарѣчіе языка польскаго, а не *россійскаго* (разумея *московскаго*), и что онъ самъ, принявъ языкъ польскій, не перестаетъ быть добрымъ русиномъ, потому что говорить собственно *образованнымъ, литературнымъ языкомъ русинскимъ!*— Порой, въ семинаріи и въ собраніяхъ, заходятъ бывало разговоры о старыхъ унитахъ. Вотъ одинъ со вздохомъ говорить: „кѣдсь-то мелисьмы свое шляхте и свое магнатеріе!...“ Другой продолжаетъ такъ, что Чарторыйскіе, Потоцкіе, Сангушки, Радзивиллы, Острожскіе и проч. были *унитами(!)*. Третій помянетъ, какъ нѣкогда казаки били ляховъ и есендзовъ *за умѣтеніе уни (!!)*. Вотъ пошли анекдоты про недавнее еще поколеніе священниковъ, говорившихъ „своимъ простымъ нажечь“ приходитъ старшій унитскій священникъ къ своему дѣдичу—магнату и говоритъ прямо: «добридень, пане, що доброго въ свѣті чувати?...» Товарищи — сыновья „добрыхъ русиновъ“ и матерей — чистокровныхъ полежъ и католичекъ заливаются смѣхомъ: „добридень... Ото быдло! що, пане, чувати въ свѣти... Ха-ха-ха.“ Разсказъ продолжается, какъ этотъ же старшій унитъ расправлялся съ польскимъ есендзомъ безъ всякаго причинія за каждую украшенную имъ у него унитскую овечку, и какъ онъ эту самую овечку таскалъ „за чуба“ назадъ во дворъ унитскій. Этотъ послѣдній разсказъ вызываетъ общее сочувствіе. Бѣдные люди! Но у васъ самихъ убѣженія, вѣрованія, религіозныя чувства, вся душа, все — то же, что и у р. католическаго есендза, только и востока на васъ, что изорванныя лохмотья его, небрежно принятые католической церковью и выставленныя будто на поруганіе. Не естественно ли для католическаго

всёгда сгибаться надъ вашими жалкими видами и стараться освободить стройную польско-католическую фигуру вашу отъ этихъ покутывъ? Гдѣ у васъ опора для самостоятельности? За чѣмъ вы сами разобрали и уничтожили огорожу вокругъ вашего двора, оставивъ на мѣстѣ ея только безобразно торчащіе колья?!*

Конченъ полный курсъ этой темноты религіозной и этого уродства національнаго. Вотъ молодой кандидатъ въ священники, въ своей длинной сутанѣ, весело разговариваетъ съ кокетливою дочерью священника, сердце строитъ ему въ ней будущую подругу жизни, мечтаютъ быть вѣрными унитарями и добрыми католиками. Въ порывѣ рутенизма, у него вырывается русинская фраза: «пфе, муї дрогій—ласкаво замѣчаетъ сладкая панна— то бжидко, то по хлопську, вшакъ естесмыи укшталцонеми.» Вотъ онъ у пана— „колятора за презентами на парафію;“ панъ жадно вспоминаетъ про давнія времена „ойчины Польски,“ когда „браця ляхи и русины били москалей. А terazъ, terazъ москаль дуся наше свенте матке...“ и молодая кровь русина горитъ по матери Польшѣ. Вотъ онъ рукоположеніемъ даетъ обѣтъ свято хранить всё предписанія римской церкви и воевать съ схизмою... Вотъ онъ потомъ предъ гробомъ Кунцевича, замученнаго схизматиками... Православіе и чистую русскую народность онъ изрѣдка и издали видитъ только въ лицѣ темнаго люда—солдатовъ... И цѣлая бездна отдѣляетъ его отъ востока и русской народности.

Теперь онъ уже посѣдѣлъ; имѣетъ уже взрослыхъ дочерей, воспитанныхъ въ домѣ за 200 злотыхъ въ годъ, бойкою польскою—губернантскою; вышли онѣ добрыми патриотками— „истотне, акъ чисте польки“— говоритъ мать, одобрительно глядя на губернантку. Для вящей польскости, онѣ часто ѣздили съ губернантскою и матерью въ костель, умѣли пропѣть: «Asperges me Domine hyssopo et ambulabo» и „et cum spiritu tuo,“ трогательно пѣли: „Боже цось Польске...“ и „Зъ димемъ позарувъ...“ Одна изъ нихъ этимъ путемъ вышла за мужъ за чиновника уѣзднаго и, по согласію отца и матери, формально приняла латинство, чтобъ «не было ружницы въ фамиліи;» другая была предметомъ восторга и поклоненія для цѣлой банды восстанцевъ, долго сидѣвшихъ въ сосѣднемъ лѣсу и весело проводившихъ ночи въ домѣ любезнаго сосѣда—ксендза унитарскаго,— съ однимъ изъ нихъ она тогда же и помовлена была, рѣшено

было повѣнчаться на свободной землѣ польской, но банда разбита, женихъ скрылся, и когда пропала надежда на освобожденіе „ойчизны,“ явился повѣнчаться и на землѣ—„новолыницѣ;“ но почти на канунѣ свадьбы „москаль“ арестовали его, судили и выслали изъ края, къ неутѣшной горести всей семьи священника. Однако, самъ священникъ плохо вѣрилъ въ успѣхъ повстанцевъ и исполнялъ распоряженія жонда только изъ страха, не одобрялъ товарищей своихъ, за одно съ есендзанцъ—„кавалерскими гловами,“ призывавшихъ народъ съ каедры церковной къ повстанью. „Гультам, млокосы толковалъ онъ съ своимъ старшимъ дѣдичемъ—Москва на войско, а они цо? Тылько псуіо наше свенте справе, добже распоченте ясновельможными...“ Старшій сынъ его окончилъ курсъ въ русскомъ университетѣ, вернулся оттуда чистымъ полякомъ, и на службѣ никто изъ товарищей не знаетъ, что онъ унитомъ, но „до лясу“ онъ не ходилъ. Прислуга въ домѣ его—ирестодушная, неноддѣльная, хотя и искалѣчная, Русь—съ перваго же шагу начинается свой языкъ на *панскую мову*, ломаетъ—ломаетъ, и таки ломается, научится здѣсь и „Ойче нашъ“ и „Здравасъ Марья,“ и съ „набалемъ“ ѣсть въ посты, даже въ въ великій постъ, и узнаетъ, что москаль—схизматики. Въ домѣ священника прихожанину его нѣтъ другаго названія крожѣ—„хлопъ;“ въ минуты чувствительности и участія къ нему—„хлопецъ Божи, кміотекъ Божи,“ а въ ударѣ шляхетности и гонору—„хвмъ, быдло.“ И дума, и чувство, и радость, и печаль—все въ этомъ домѣ шляхетско-католическое. И дивно вамъ, да больно станеть, когда этотъ шляхтичъ—есендзъ, уловивъ сожаленіе ваше объ утратѣ унитскими священниками своей народности, самоувѣренно трахнеть головою и скажетъ: „не, я не такій, естемъ русинемъ и бенде имъ.“ Онъ разумѣеть въ этомъ случаѣ свою унитскую литургію, своихъ прихожанъ, семью, и то что въ разговорѣ съ польскимъ есендзомъ настаиваетъ на равноправности уни съ латинствомъ, попрекнетъ его поползновеніемъ на унитскія овечья, но при этомъ же спроситъ о здоровьѣ новой молоденькой *господыни* его. Глубоко комично, когда при этомъ польско-латинскій есендзъ, отвернувшись и сверкая глазами, процѣдитъ сквозь зубы: „у-у, заяядлий русинъ, схизматикемъ патши.“ Боже мой, откуда нанастъ такая? Гдѣ же тутъ хотя чуточка Руси, гдѣ тутъ хотя крохотка схизмы! Два родные братья, дѣти одного римскаго отца—и такая братоубійственная ненависть!

Какимъ образомъ изъ православно-русскаго священника время брестскаго собора, при извѣстной ненависти католичества ко всему восточному, при вѣковой враждѣ русиновъ къ полякамъ, вышелъ этотъ вѣрный сынъ св. отца римскаго и ойчизны — Польши? Не спрашивайте объ этомъ его, исповѣдующаго *непрерывную* унію. По крайней мѣрѣ, какимъ образомъ развился въ немъ этотъ духъ, чуждый даже испорченнымъ богослужебнымъ книгамъ унитскимъ, и этое невиданное нигдѣ самоволіе въ отношеніи къ своему обряду? Отчего даже Служебникъ почаевскій страшно искажается, отчего Часословъ, Миней, Октоихъ и под. лежать почти безъ всякаго употребленія? Каждый унитскій священникъ отвѣчаетъ на эти вопросы, будто пойманный врасплохъ. „У насъ со особне устава церковне...“ Но и тутъ онъ далеко не поидеть, если вы знакомы съ уставомъ Цѣхановецкаго, только повторяющимъ въ сущности Почаевскій Служебникъ. „То стало звичаемъ—“ замѣчаетъ онъ, желаетъ извергнуться. — „а звичаемъ невольню пшемяцяцъ, только за благословенствомъ святаго отца» (папы). Безъ благословенія папы нельзя—будто бы—возстановить иконостасъ, престолъ поставить на своемъ мѣстѣ и жертвенникъ, вполнѣ соблюдать церковный уставъ, выбросить органы, говорить проповѣдь и исповѣдывать не на польскомъ языкѣ, а на народномъ, обучать въ холмской семинаріи на русскомъ языкѣ, не быть врагомъ *москалей* и проч, и проч.!! Утверждаютъ даже, что какъ разныя помѣстныя церкви имѣютъ свои особенныя обычаи, такъ и подляское унитство отъ первыхъ своихъ временъ имѣетъ въ своемъ богослуженіи многія особенности, такъ что для него не могутъ служить примѣромъ униты галицкіе и даже Холмщина! Но оставимъ всякіе споры объ этомъ съ унитскимъ священникомъ и обратимся къ исторіи унитскаго богослуженія и унитскаго духовенства.

(Кіевск. Епарх. Вѣд.)

Отъ преосвященнаго Саввы, епископа полоцкаго и витебскаго, приглашеніе къ благотворительнымъ приношеніямъ въ пользу бѣдствующихъ церквей полоцкой епархіи.

Вѣренная мнѣ полоцкая епархія, по отношенію къ вѣшнему ея благоустройству, находится въ крайне бѣдственномъ положеніи. Церкви и въ особенности сельскія, большею частію деревянныя: не многія изъ нихъ имѣютъ видъ, приличный святилищу Божію; напротивъ, большая часть въ какомъ положеніи, что поражаетъ взоръ, привышій видѣть благолѣпіе и красоту храмовъ Божіихъ во внутреннихъ російскихъ епархіяхъ, своимъ убожествомъ и скудостію. Есть церкви, крытыя соломой, и только водруженный на верху ихъ крестъ отличаетъ ихъ обыкновенныхъ человѣческихъ жилищъ. Многія изъ сельскихъ церквей пришли въ такую ветхость, что угрожаютъ паденіемъ; въ нѣкоторыхъ церквахъ, по ихъ совершенной ветхости, съ давняго времени прекращено Богослуженіе, и прихожане или вовсе остаются безъ Богослуженія, или, для удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ, обращаются къ сосѣднимъ латинскимъ костеламъ.

Въ священныхъ и церковныхъ утваряхъ ощущается также крайній недостатокъ. Есть храмы, гдѣ нѣтъ приличныхъ употребляемыхъ въ православной церкви, священныхъ сосудовъ, безкровная жертва приносится въ малыхъ, на подобіе кубковъ униатскихъ чашекъ безъ всякихъ священныхъ на нихъ изображеній. Различныя принадлежности, большею частію, ветхія и скудныя, нѣдѣ недостаетъ даже необходимыхъ книгъ.

При крайней бѣдности бѣлорусскаго населенія, находившагося столь долгое время подъ тяжкимъ угнетеніемъ польскаго владычества, нѣтъ никакой надежды на матеріальную помощь со стороны самихъ прихожанъ, для приведенія въ приличное благоустройство православныхъ Божіихъ храмовъ полоцкой епархіи.

Посему съ разрѣшенія и благословія высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго, обращаюсь съ смиренною мольбою ко всѣмъ благочестивымъ ревнителямъ благолѣпія храмовъ Божіихъ, и въ особенности къ христіолюбивымъ обитателямъ древне-престольнаго и искони православнаго града Москвы, гдѣ мнѣ по волѣ Провидѣнія Божія, въ теченіи 16-ти лѣтъ, суждено было проходить церковное служеніе, объ оказаніи посильной помощи бѣдствующимъ церквамъ вѣренной мнѣ нынѣ полоцкой епархіи.

Всякое, хотя бы и малое приношеніе, принято будетъ мною съ чувствомъ глубокой признательности.

Примѣчаніе. Денежныя пожертвованія могутъ быть прислаемы чрезъ почту на имя Саввы, епископа полоцкаго, *въ Витебскъ*; вещественныя же приношенія могутъ быть доставляемы въ московскій Высокопетровскій монастырь къ о. казначею, іеромонаху Іосифу, для препровожденія оныхъ въ Витебскъ.

Газета „Москва“ о славянскомъ вопросѣ.

Мы говорили уже, что вопросъ о свѣтской власти папы есть вопросъ о самомъ р. католическомъ вѣроученіи,—вопросъ, съ которымъ связаны судьбы р. католической церкви, всего латинскаго Запада. Къ латинскому ли Западу должны мы отнести славянъ, чеховъ, моравовъ, хорватовъ и иныхъ славянъ латинскаго вѣроисповѣданія? Къ Риму ли прикованы они узами вѣры и общенія церковнаго? Современная исторія даетъ отвѣтъ утвердительный, но вопіетъ противъ него все славное прошлое этихъ племенъ, возстаетъ противъ него пробудившееся снова къ жизни славянское самосознаніе, противорѣчить ему вся духовная сущность славянской народности. И теперь, когда римскій вопросъ волнуетъ недоумѣніемъ, мучитъ неразрѣшимостью весь р. католическій міръ, не въ чужомъ ли пиру похмѣльемъ является прикосновенность западныхъ славянъ къ этому вопросу? Будутъ ли они вмѣстѣ съ латинянами томиться неразрѣшимостью задачи о папствѣ, кружиться и путаться въ противорѣчій, тщетно отыскивая у него выхода, когда разрѣшеніе у нихъ подъ рукою, когда имъ стоитъ только освѣжить свою историческую память, допросить преданія, обратиться къ лучшей порѣ своего прошлаго, воспоминаніемъ о которой живится въ нихъ и теперь сознаніе и чувство народности. Старина славянская не есть отжившая, но живая сила; славянская археологія не есть интересъ отвлеченной науки, но животрепещущій интересъ дѣйствительности. Не славянскіе ли апостолы Кириллъ и Меѳодій принесли свѣтъ христіанства къ моравамъ и чехамъ? Не ихъ ли письменнымъ глаголомъ славословится и доннѣ истинна Христова у православныхъ славянъ, и не ихъ ли отреклись славяне, уловленные и полоненные Римомъ? Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ языкѣ возносились у нихъ, хваленія славянскимъ первоучителямъ, по случаю недавняго тысячилѣтняго юбилея крещенія Моравской земли? Не латинскою ли литургіей чествовалась память мужей давшихъ славянамъ литургію славянскую? Не латинскими ли письменами выражалась благоговѣйная признательность потомковъ—изобрѣтателямъ народныхъ славянскихъ письменъ? Не постыдно ли, не безмысленно ли такое проти-

ворѣчіе, не преступно ли въ немъ пребывать и упорствовать? А между тѣмъ не трудно припомнить чехамъ, какую борьбу вели они съ папой изъ-за славянской литургии, до самаго XII вѣка; не могутъ они не припомнить, что православныя преданія не вымирали до XV вѣка и сказались въ явленіи Гуса. Въ Гусѣ и цѣломъ рядѣ гуситскихъ войнъ выразилась борьба Чехии за духовную самостоятельность славянства противъ латинской жи, — и величая нынѣ имя этого мученика духовной свободы и славянской народности, что приносить въ даръ современные чехи на алтарь его памяти? Не ту ли неволю, не то ли же самое духовное рабство, отъ котораго надѣялся онъ спасти чешскій народъ своею мученическою смертію, — не примиреніе ли съ тѣми именно началами, которыя онъ считалъ гибельными для славянской народности, съ которыми завѣщалъ вѣчную и непримиримую вражду? Такія внутреннія противорѣчія обойдены быть не могутъ, и только легкомысліе можетъ мечтать — воздвигнуть на подобной духовной расщелинѣ прочное и цѣльное зданіе народности.

Не живы ли преданія православія и у славянъ адриатическихъ, къ несчастію олатиненныхъ? Не считаетъ ли и теперь (какъ убѣждаютъ въ томъ свидѣтельства путешественниковъ и наши личныя наблюденія) славянинъ-католикъ изъ простаго народа въ Хорватіи и на всемъ далматинскомъ побережьи и вѣру православную — старую вѣру и молитвы православныхъ священниковъ — болѣе дѣйствительными чѣмъ молитвы латинскихъ патеровъ? Мы не можемъ пускаться теперь въ подробныя изслѣдованія всѣхъ слѣдовъ исторической памяти православія, сохранившихся у облатиненнаго славянства, — мы считаемъ достаточнымъ напомнить о нихъ пробуждающей славянской совѣсти. Ей предстоитъ теперь совершить дѣло не отступленія отъ вѣры предковъ, а возвращенія къ вѣрѣ предковъ.

Нѣтъ ничего пагубнѣе, для истиннаго возрожденія славянской народности, той ложной мысли, что народность стоитъ выше вѣры, что вѣроисповѣданіе есть дѣло только совѣсти личной, и что славянскіе патриоты должны относиться къ нему безразлично. Такимъ образомъ, по ихъ понятіямъ, «народность» выходитъ какимъ-то понятіемъ внѣшнимъ, безъ внутренняго, духовнаго содержанія, — между тѣмъ какъ именно въ содержаніи вся суть и сила. Пусть обратятся къ исторіи: латинство и православіе, какъ мы уже не разъ говорили, это тѣ историческія и духовныя начала, подъ воздѣйствіемъ которыхъ двинулись различными историческими путями, спочились и образовались различно народности въ западной и восточной Европѣ. Быть латиняниномъ значитъ принадлежать къ латинской церкви, имѣть своимъ духовнымъ отечествомъ Римъ, состоять въ духовномъ единеніи со всѣмъ латинскимъ западнымъ міромъ, примыкать, въ извѣстной степени, къ его нравственнымъ и историческимъ судьбамъ. Быть православнымъ значитъ состоять

въ духовномъ союзѣ съ восточною церковью, съ міромъ греко-славянскимъ. Въ силу этого глубокаго духовнаго различія дѣлится европейскій міръ на двѣ половины, на два міра—на Востокъ и Западъ: это не географическіе термины, а термины качественные, означающіе различіе просвѣтительныхъ началъ, ставшихъ дѣйственными силами въ исторіи человѣчества. Міръ восточный есть міръ православный, и по преимуществу православно-славянскій, котораго представительницей является Россія, къ которому примыкаютъ и влекутся neodолжимымъ влеченіемъ, всѣ даже иновѣрныя славянскія племена, въ комъ не успѣло запускнуть глубокіхъ корней латинство,—міръ самобытный, съ несомнѣннымъ залогомъ великой исторической будущности, ненавидимый западною Европой. Мірой ненависти европейской измѣряется, какъ мы уже говорили одважды, въ каждомъ славянскомъ племени внутренняя прочность славянскаго элемента. Не могутъ не причислять себя славяне, хотя бы и р. католики, къ міру восточному: что бы они ни дѣлали,—Западъ ихъ не признаетъ *своими*, пока не отрелись они отъ славянской народности. Если православные ему ненавистны, то и католики-славяне не сыны, а только *пасынки* западной Европы, и для нея она все же не мать, а мачиха. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только одно усмыслено Западомъ вполне — это именно то племя, которое приняло латинство себя въ плоть, кровь и душу, которое отрелось отъ братства славянскаго и стало передовымъ войскомъ латинскаго Запада противъ православно-славянскаго міра,—это племя польское. Его похитилъ изъ славянскаго міра католицизмъ; онъ изгубилъ, онъ заѣлъ его славянскую душу. Если прочія католическія славянскія племена еще сохранили въ себѣ славянскую душу, такъ именно благодаря тому, что они чужды латинскаго фанатизма, что католицизмъ не отождествился съ ихъ врожденною сущностью, что въ той или другой формѣ, сознательно или бессознательно, еще живутъ въ нихъ преданія православія и сказывается протестъ ихъ духовной славянской природы.

Съ неудержимою силой возникло въ новѣйшіе время народное самосознаніе 80 милліоновъ славянъ. Подъ знаменемъ Кирилла и Меодія, еще недавно, здѣсь въ Москвѣ, торжествовалось видимое проявленіе всеславянства, праздновался праздникъ славянскаго братства. Но не означаетъ ли знамя Кирилла и Меодія, просвѣтителей славянскихъ, объединившее на московскомъ съѣздѣ всѣ славянскія племена, единство началъ просвѣтительныхъ? Означаетъ, безъ сомнѣнія, если не какъ совершившійся фактъ, то какъ необходимое требованіе... Безъ объединенія духовнаго не совершится объединеніе славянскаго міра...

И вотъ, когда потребность объединенія созрѣла въ сердцахъ славянскихъ племенъ,—не внѣшняго только, но по преимуществу внутренняго; когда славяне начинаютъ разумѣть себя наконецъ міромъ особливимъ, славянскимъ, съ своимъ самобытнымъ призва-

ніемъ въ человѣчествѣ и ищутъ сознать свое высшее объединительное начало,—одновременно съ этимъ движеніемъ славянскаго духа, доводить логика исторія духовное начало не славянскаго Запада до того крайняго предѣла абсурда, далѣе котораго идти невозможно. Возстаетъ вопросъ римскій, вопросъ — *быть или не быть* для латинства. Весь католическій міръ призывается къ отвѣту,—исторія предъявляетъ вопросъ всѣмъ членамъ латинской церкви.

Теперь или никогда. Если славяне хотятъ остаться славянами и не только остаться славянами, но исхитить свою славянскую душу изъ цѣпей духовнаго плѣна, скрывавшихъ ихъ съ судьбамъ латинскаго міра,—то на вопросъ, предлагаемый имъ современною исторіей, они должны дать отвѣтъ рѣшительный и не уклончивый. Должны отрѣчься Рима и всѣхъ дѣлъ его, всенародно и гласно безъ сдѣлокъ и изворотовъ. Теперь славяне стоятъ на перепутьи: идти ли имъ въ Западъ или въ путь Востока, въ путь латинства или въ путь православія, примыкать ли имъ къ судьбамъ міра или къ судьбамъ міра греко-славянскаго, — ибо господствующая вѣра въ славянствѣ, хотя бы только по численности вѣрующихъ, а не по тождеству съ славянскою народною сущностью, есть вѣра православная... Выбирайте же чехи, моравы, хорваты, словаки, словинцы. Хотите ли, вмѣстѣ съ западною Европой, пробавляться религиозными сдѣлками и компромисами безвѣрія съ суевѣріемъ, взынуть вмѣстѣ съ нею въ непроходимой чащѣ духовныхъ противорѣчій,—къ тому же не вашихъ, не изъ васъ порожденныхъ, а навязанныхъ намъ врагами вашей славянской свободы, — или же выйдти на тотъ широкій духовный путь истины православной, которымъ идутъ 60 милліоновъ вашихъ славянскихъ братій, которымъ шли первоначально и ваши предки? Хотите ли вы, ревнуя о своей народной славянской самостоятельности, имѣть свою народную церковь, въ качествѣ члена церкви вселенской, или же признавать своимъ духовнымъ центромъ по прежнему латинскій Римъ? Хотите ли имѣть главою церкви Христа, или папу?

Мы не видимъ причины, почему, пользуясь свободою вѣроисповѣданія, огражденною конституціей, не могли бы тѣ изъ славянъ католиковъ, которые раздѣляютъ нашъ образъ мыслей, отречься отъ латинства, присоединиться къ православію, воскресить древнее славянское богослуженіе и воздвигнуть православные храмы— и въ Прагѣ, и Бернѣ, и въ прочихъ олатиненныхъ мѣстахъ. Кто можетъ имъ въ этомъ воспрепятствовать? Ужели не сознаютъ они, какъ неизбежно, на вѣки вѣковъ, упрочать они духовную самостоятельность своего національнаго развитія,—какой крѣпкій камень положить они во главу угла воздвигаемаго ими зданія своей народности и всего славянства?...

Настоящій мигъ есть вѣщій мигъ. Ужели не внимуть наши братья, олатиненные славяне, этому зову исторіи? Во имя ли только одной Россіи или и *всего* славянскаго міра должно раздаться слово русской державы на этомъ сонмищѣ представителей европейскихъ державъ, призываемыхъ нынѣ судить папѣ, папству и всему вѣроисповѣдному строю латинскаго міра?

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ
на 1868 годъ.

„ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА.“

Журналъ этотъ издается въ С.-Петербургѣ съ октября 1866 года, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

а) Русскіе оригинальные: романы, повѣсти, драматическія пьесы, стихотворенія и проч.

б) Записки путешественниковъ, историческіе мемуары, біографія и т. п.

в) Статьи по важнѣйшимъ современнымъ вопросамъ общественной и политической жизни, по исторіи политической и литературной, по предметамъ естествознанія, нравственно философскаго содержанія и проч.

г) Обзорѣнія общественной жизни, литературы и искусствъ въ Россіи и за границей, въ видѣ фельетона, корреспонденцій изъ важнѣйшихъ городовъ Европы и т. п.

д) Свѣдѣнія о новыхъ книгахъ русскихъ и иностранныхъ, съ изложеніемъ содержанія и разборовъ любопытнѣйшихъ изъ нихъ.

е) Разнаго рода мелкія статьи, извѣстія, анекдоты и т. п.

ж) Переводные романы, повѣсти, рассказы и т. п.

Въ 1867 году въ «Литературной Библіотекѣ» принимали участіе между прочимъ слѣдующіе литераторы: В. Г. Бенедиктовъ, Ф. Н. Бергъ, П. А. Вяземскій, В. И. Головинъ, Д. Константиновичъ, В. П. Ключниковъ, Ф. Н. Макушевъ, Д. П. Ознобишинъ, Я. П. Полонскій, М. П. Розенгейнъ, М. Стебницкій, А. А. Фетъ и проч. Въ будущемъ 1868 году „Литературная Библіотека“ будетъ пользоваться содѣйствіемъ какъ этихъ, такъ и еще многихъ другихъ извѣстныхъ литераторовъ.

Редакція считаетъ не лишнимъ заявить теперь же, что ею приобрѣтены для помѣщенія въ будущемъ году въ «Литературной Библіотекѣ» между прочимъ слѣдующія произведенія:

Резонеры, новый романъ *М. Стебникова* (автора романовъ „Некуда“ и «Обойденные», драмы „Расточитель“ и пр.).

Двѣ силы, новый романъ *Вс. Вл. Крестовскаго* (автора романа «Петербургскія Трущобы» и проч.)

Признанія Сергѣя Чалыгина, романъ *Я. Понского*, ч. II.

Свѣжо преданіе.... Романъ-хроника, изъ недавней исторіи петербургскихъ нигилистовъ и заговорщиковъ. *NN.*

Марино Фаліеро, *Баїрона*, переводъ въ стихахъ *Е. Ф. Зарина*.

Кромѣ того редакція надѣется приобрѣсти новыя произведенія нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ писателей, съ которыми объ этомъ еще ведутся въ настоящее время переговоры.

„Литературная Библіотека“ выходитъ два раза въ мѣсяцъ, книжками въ 160 и болѣе страницъ убористаго и четкаго шрифта. Форматъ въ будущемъ году будетъ увеличенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ достав- ки въ Спб. и Москвѣ.	Съ доставкою на домъ и съ пер. въ гор.
На годъ (24 книги)	9 р.	10 р.
На полгода (12 книгъ), съ января или іюля	5 р.	6 р.
На 3 мѣсяца (6 книгъ), съ января, апрѣля, іюля или октября	3 р.	3р. 50к.

За назначеніемъ дробной подписки на треть года и на полгода, никакой разсрочки въ платежъ денегъ не допускается.

Подписка принимается преимущественно: отъ жителей С.-Петербурга въ книжныхъ магазинахъ *Я. Исакова*, *Овсянникова* и *Базунова*; отъ жителей Москвы въ книжномъ магазинѣ *Соловьева* (бывшемъ *Базунова*); иногородные же благоволятъ обращаться прямо въ редакцію, надписывая свои требованія такъ: *въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Литературная Библіотека»*. На годъ и на полгода можно подписываться также въ с.-петербургской и Московской гезетныхъ экспедиціяхъ.

Въ редакціи имѣются полныя экземпляры „Литературной Библіотеки“ за 1867 годъ, которые можно получить по вышеозна-

ченной цѣнѣ. Подписчикамъ же на 1868 годъ эти экземпляры уступятся 1 рублемъ дешевле. Но за ними слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію.

„СОБРАНИЯ СОЧИНЕНІИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.“

Съ 1867 года предпринято постепенное изданіе **Собранія сочиненій Русскихъ Писателей**, начиная съ петровскаго періода нашей литературы.

Въ настоящее время съ трудомъ можно найти въ продажѣ сочиненія даже нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, изданія же писателей прежняго времени почти безъ исключенія составляютъ библиографическую рѣдкость, и потому или вовсе не могутъ быть приобретены, или продаются по чрезвычайно высокой цѣнѣ.

Между тѣмъ интересы нашего отечественнаго просвѣщенія, приобретающіе все болѣе и болѣе правъ на общественное вниманіе, настоятельно требуютъ ближайшаго и непосредственнаго знакомства съ тѣми памятниками слова и дѣла, которые оставлены намъ въ наслѣдіе предъидущими поколѣніями. Творенія писателей служатъ наилучшими, наиболѣе краснорѣчивыми и наглядными и всѣмъ доступными памятниками умственнаго и эстетическаго развитія народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ — наилучшей школой для познанія, правильнаго воспитанія и укрѣпленія національнаго духа и характера. Потому во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ отечественные писатели служатъ предметомъ тщательнаго изученія въ школахъ и высоко чтимыми соотечественниками, какъ лучшіе представители народнаго гения.

Для того, чтобы сочиненія русскихъ писателей были *общедоступны*, такъ чтобы и недостаточные люди могли постепенно украсить свои библіотеки лучшими произведеніями отечественнаго творчества, въ это изданіе войдутъ лишь замѣчательнѣйшія произведенія, въ которыхъ черты той или другой эпохи и гоній каждаго писателя выражаются съ наибольшою полнотою. Для той же цѣли принять компактный шрифтъ и форматъ, по образцу иностранныхъ изданій подобнаго рода.

Сочиненіемъ каждаго писателя будетъ предпослано краткое его жизнеописаніе, съ критическимъ обзоромъ его литературной

дѣтельности, а если число подписчиковъ будетъ значительно, то и съ портретомъ писателя.

Предпринятое такимъ образомъ изданіе **Сочиненій Русскихъ Писателей** будетъ выходить въ свѣтъ выпусками, заключающими въ себѣ по нѣскольку писателей, съ тѣмъ чтобы каждый изъ нихъ могъ быть помѣщенъ въ отдѣльномъ томѣ. Въ первый выпускъ войдутъ сочиненія: 1) Ломоносова, 2) Екатерины Великой, 3) Сумарокова, 4) Фонъ-Визина, 5) Державина, 6) Грибоѣдова или Карамзина.

Уже вышелъ въ свѣтъ 1 томъ *перваго выпуска*, заключающій въ себѣ сочиненія Ломоносова. Въ декабрѣ выйдетъ II томъ—сочиненія Сумарокова, а въ 1868 г.—сочиненія остальныхъ четырехъ писателей. Затѣмъ о второмъ выпускѣ будетъ публиковано особо въ концѣ будущаго года.

Обращаться съ требованіями на первый выпускъ этого изданія слѣдуетъ преимущественно: *Въ С.-Петербургѣ въ редакцію „Литературной Библіотеки“* (при содѣйствіи которой это изданіе предпринято), а также къ книгопродавцамъ: Я. Исакову, Базунову и Овсянникову въ С.-Петербургѣ и Соловьеву въ Москвѣ.

Цѣна за первый выпускъ **Сочиненій Русскихъ Писателей** назначается:

Везъ пересылки 4 руб., съ пересылкою 5 руб.

Подписчики на „Литературную Библіотеку“, обращающіеся прямо въ ея редакцію, платятъ 1 рублемъ дешевле,

У всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ продаются книги:

Путешествіе по Хивѣ, Бухарѣ и Самарканду. *А. Вамбери* 1 т., 221 стр., съ картою Средней Азіи. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Задунайскіе и Адриатическіе славяне. Очерки статистическіе, этнографическіе и историческіе *Викентія Макушева*. Сиб. 1867 1 томъ, 308 стран. Цѣна 1 руб. 50 к., съ пер. Въ книгѣ этой помѣщено восемь статей: 1) Задунайскіе славяне. 2) Воспоминаніе о Лукѣ Вукаловичѣ и послѣднемъ герцоговинскомъ возстаніи. 3) Поѣздка въ Черногорію въ сентябрѣ 1865 года. 4) Возврѣнія черногорцевъ на Россію и русскихъ. 5) Пробужденіе литературной дѣтельности въ Черно-

ин. 6) Далѣтницы. 7) Очерки Дубровника. 8) О литературномъ возрожденіи Дубровника.

Сочиненія Ломоносова. Соб. 1867. 1 томъ, XI—302 стр. Цѣна 75 коп., съ перес. 1 рубль.

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.“

на 1868 годъ.

Православное Обзорніе въ 1868 году будетъ издаваться по прежней программѣ, ежемѣсячно, книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ. Въ составъ его будутъ входить: I. Переводъ Свящ. Писанія на русскій языкъ. II. Статьи научно-богословскія и назидательныя. III. Ислѣдованія о русскомъ расколѣ, а также объ обществахъ иновѣрныхъ. IV. Критическій обзоръ и библиографія духовной литературы русской и иностранной, V. Запѣтки: распоряженія правительства по духовному вѣдомству, спеціальныя обзорнія хода духовно-учебнаго преобразования и другихъ современныхъ дѣлъ въ жизни церковно-общественной, внутренняя корреспонденція, заграничныя и разныя извѣстія. VI. Въ приложеніи—переводъ сочиненій св. Ирины Лионскаго „противъ ересей“.

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ безъ доставки на домъ *шесть рублей сер.*, съ доставкою на домъ въ Москвѣ, равно съ пересылкою въ другіе города *семь рублей сер.*

Въ *Москвѣ* можно подписываться: въ *конторѣ редакціи Православнаго Обзорнія* (Остоженка, приходъ Нов. Воскресенія, домъ свящ. Смирнова-Платонова) и *книжныхъ магазинахъ*: г. Соловьева, Терапонтова, Глазунова, Салаева, Вольфа и др.

Въ *Петербургѣ*: въ книжныхъ магазинахъ гг. Базунова, Давыдова, Овсянникова, Исакова, Кораблева и др.

Иногородные, для скорѣйшей и вѣрнѣйшей доставки журнала, адресуются *прямо и исключительно: въ контору редакціи „Православнаго Обзорнія“ въ Москвѣ.*

Желающіе приобрѣсти *Православное Обзорніе* съ начала изданія, платятъ какъ за всѣ прошедшія *восемь лѣтъ*, такъ и за

1868 годъ, вѣсть— безъ пересылки 30 руб., съ пересылкою 35 руб. сер.

Редакторъ протоіерей Н. Сергіевскій Ординарный профессоръ богословія въ московскомъ университетѣ.

ЖУРНАЛЬ

„СТРАННИКЪ“

И ГАЗЕТА

„СОВРЕМЕННЫЙ ЛИСТОКЪ.“

Заявляемое многочисленными нашими подписчиками желаніе получить наши періодическія изданія, обязываетъ насъ продолжать ихъ, съ Божією помощію, и въ будущемъ году, съ неослабнымъ усердіемъ къ общему благу.

Мы имѣемъ въ виду читателей всѣхъ сословій и разныхъ степеней образованія. Намъ извѣстно, что наши городскіе и сельскіе духовные пастыри выписываютъ нашъ журналъ не только для себя, но и для своей православной паствы. Этимъ, можно сказать, опредѣляется степень вліянія „Странника“ на современное церковное общество. А каково это вліяніе,— можно отчасти судить по тому духу и направленію, которыми мы съ самаго начала изданія неизмѣнно слѣдовали и будемъ слѣдовать, подъ освѣщеніемъ дарованнаго намъ благословенія святѣйшаго Синода.

Съ смиренною простотою вѣры, благоговѣнно наблюдая многообразные пути Божественнаго промысленія, мы не позволяемъ себѣ подвергать ихъ своему суду человѣческому, или— мудрствовать *паче, еже подобаетъ мудрствовать* (Рим. 12 3); но передаемъ ихъ такъ, какъ передаютъ намъ очевидцы или люди, заслуживающіе полного довѣрія. Въ столь важномъ и общеплезномъ дѣлѣ— участіе всѣхъ благонамѣренныхъ лицъ, и особенно участіе нашихъ собратій, служащихъ алтарю, какъ самихъ Господомъ призванныхъ служителей и провозвѣстниковъ истины, всегда было и будетъ для насъ и желательно, и утѣшительно.

И потому мы просимъ ихъ о томъ, во имя Господа и Его св. Церкви. Просимъ и лицъ другихъ сословій присылать въ нашу редакцію статьи религіозно-нравственнаго содержания: она охотно будетъ по прежнему давать имъ мѣсто въ журналѣ.

Во вниманіи къ духу времени и потребностямъ общества, рядомъ со статьями общедоступными, нерѣдко помѣщаются у насъ и статьи ученаго содержания, по которымъ наше изданіе, по справедливости, можетъ быть названо не только популярнымъ, или народнымъ, но и учено-литературнымъ.

Въ видахъ полного раскрытія и уясненія истины, мы не отказываемся помѣщать у себя и такія статьи, которыя бы предназначены были къ исправленію ненамѣренно допущенныхъ къмъ либо изъ нашихъ гг. сотрудниковъ погрѣшностей. Но никакая полемика, особенно желчная, никогда не допускалась и никогда не будетъ допущена въ нашемъ духовномъ журналѣ. Мы твердо помнимъ, что заповѣдано намъ Апостоламъ Христовымъ: *рабу Господню не подобаетъ сваритися* (2 Тим. 2, 24). Знать также, съ какою скорбію писалъ нѣкогда св. Василій Великій къ западнымъ братіямъ, описывая имъ бѣдственное состояніе истинныхъ христіанъ на Востокъ: „У нѣкоторыхъ и защищеніе православія обратилось въ орудіе взаимной брани; скрывая свою вражду, они даютъ ей видъ поборничества по православію“.... Но намъ, слава Богу, не противъ-кого враждовать: мы имѣемъ дѣло съ нашими собратіями о Христѣ, которыхъ не можемъ не любить и, по мѣрѣ нашихъ силъ, всѣхъ желали бы привлечь въ любовь Христову и въ сыновнее послушаніе пекущейся о спасеніи нашемъ матери Церкви. Вотъ единственная цѣль „Странника“, направляющаго свой путь къ отечеству небесному!

Издаваемый при духовномъ журналѣ „Странникъ“, **Современный Листокъ** политическихъ, общественныхъ и литературныхъ извѣстій, находится, какъ извѣстно, подъ особою редакціею, которая и отвѣчаетъ за содержаніе его. Не принимая непосредственнаго участія въ трудахъ этой газеты (хотя иногородные сотрудники бывають у насъ общіе, такъ что весьма нерѣдко въ одно и тоже время присылають статьи и въ „Странникъ“, и въ „Современный Листокъ“), мы, однако, считаемъ своимъ долгомъ слѣдить за его направленіемъ — не только по пра-

ву издателя, но и потому, что большая часть наших читателей подписываются на оба наших периодических издания. На сколько „Современный Листок“ соответствует потребности читающей публики, особенно духовнаго сословія, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что въ нынѣшнемъ 1867 году, для удешевленія подписчиковъ, заявлявшихъ свои требованія уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и продолжавшихъ заявлять послѣ того, мы должны были отпечатать номера за все первое полугодіе *вторымъ изданіемъ*, не смотря на то, что и первымъ изданіемъ отпечатано было большее, сравнительно съ прошлогднимъ число экземпляровъ. Не можемъ не порадоваться этому успѣху; потому что съ увеличеніемъ числа подписчиковъ, увеличится, безъ сомнѣнія, и число нашихъ корреспондентовъ, отъ чего газета естественно должна сдѣлаться занимательнѣе и разнообразнѣе.

Поздняя подписка многихъ на текущій годъ была, къ сожалѣнію, причиною несвоевременной высылки первыхъ номеровъ журнала и газеты, не смотря на вполнѣ своевременный выпускъ ихъ. Для предотвращенія на будущее время такихъ неприятныхъ случаевъ, убѣдительно просимъ почтенныхъ нашихъ читателей возобновить подписку заблаговременно, чтобы еще до новаго года успѣли мы отпечатать вновь сообщенные адреса и соблюсти другія формальности первой отправки.

Условія подписки на каждое изъ нашихъ повременныхъ изданій, или на оба вмѣстѣ, остаются прежнія, а именно: 1) за годовое изданіе „**Странника**“, состоящее изъ 12-ти книжекъ, со всѣми приложеніями, портретами, и т. п., съ пересылкою во всѣ почтовые мѣста имперіи, *четыре рубля серебромъ*; 2) за годовое изданіе „**Современнаго Листка**“, состоящее изъ 104 номеровъ, съ пересылкою два раза въ недѣлю — во всѣ почтовые мѣста также *четыре рубля серебромъ*; 3) для подписывающихся на „**Странникъ**“ и „**Современный Листокъ**“ вмѣстѣ, годовая плата на послѣдній понижается до *трехъ рублей*, и такимъ образомъ за оба изданія — журналъ и газету слѣдуетъ высылать *семь рублей серебромъ*.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно*

тъль: Въ редакцію духовнаго журнала „**ОТРАНИИЪ**“ въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ и издатель: *Протоіерей Василій Гречулевичъ*, законоучитель Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

О ВЪ ИЗДАНИИ

ХРИСТИАНСКАГО ЧТЕНІЯ .

въ 1868 году.

„Христіанское Чтеніе“, издаваемое при с.-петербургской духовной академіи съ 1821 года, брдетъ и въ слѣдующемъ 1868 году выходитъ ежемѣсячно по прежней программѣ. Въ составъ его входятъ слѣд. отдѣлы.

Отдѣлъ I. Переводъ св. книгъ Ветхаго Завета съ еврейскаго языка, именно—въ 1868 году будетъ изданъ переводъ второй книги Паралипоменонъ и слѣдующихъ за нею—съ особымъ счетомъ листовъ и страницъ.

Отдѣлъ II. Творенія св. Отцовъ и учителей древней Вселенской Церкви. Въ этомъ отдѣлѣ въ наступающемъ году будетъ продолжаться переводъ писемъ св. *Теодора Студита*.

Отдѣлъ III. Духовно-ученныя изслѣдованія: догматическія, церковно историческія, каноническія, племеническія, религіозно философскія и др.

Отдѣлъ IV. Статьи, относящіяся къ нравственной христіанской жизни,—какъ-то: размышленія, повѣствованія, имѣющія поучительный, характеръ и проповѣди.

Отдѣлъ V. Обзорныя современныхъ церковныхъ дѣлъ и болословской и вообще духовно-ученой литературы отечественной и иностранной.

„Христіанское Чтеніе“ будетъ выходить книжками отъ 10—12 листовъ въ каждый мѣсяць.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ С.-Петербургѣ безъ доставки на домъ 6 руб. сереб.; а съ доставкою и пересылкою во всякъ городъ 7 руб. серебромъ. Желающіе получить „Христіанское Чтеніе“ въ концѣ года въ корешковомъ переплетѣ благоволятъ вы-

сылать за полный экземпляръ (12 книгъ) 10 руб. серебромъ. Въ видахъ облегченія подписчиковъ Редакція по примѣру прошедшаго года допускаетъ за годовое изданіе журнала разсрочку уплаты по полугодно—за ручательствомъ впрочемъ лицъ и мѣстъ начальственныхъ.

При академіи и у книгопровца Кораблева въ С.-Петербургѣ еще продаются полные экземпляры «Христіанскаго Чтенія» за прежніе годы, именно: 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1855, 1845, 1846, 1847, 1848, 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1844, 1855, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866. Каждый экземпляръ отдѣльно за 1822—1848 годы по 5 руб. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою 6 руб. сер.; экземпляры 1849—1866 годовъ по 6 руб. сер. безъ пересылку, а съ пересылкою по 7 руб. сер. Кто пожелаетъ выписать имѣющіеся экземпляры за всѣ гоны въ совокупности или съ 1822 по 1827, или съ 1833 по 1817 включительно, тому будетъ уступлены каждый экземпляръ одного года по 3 руб. сер. безъ пересылки, за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра.

Подписка на „Христіанское Чтеніе“ принимается въ Редакціи журнала при с.-петербургской дух. академіи, или въ правленіи этой академіи; также—въ правленіяхъ иногородныхъ д. семинарій, въ гезетной экспедиціи с.-петербургскаго почтамта и въ конторѣ Редакціи, находящейся въ С.-Петербургѣ при книжномъ магазинѣ Кораблева и Сирякова.

Редакція впрочемъ отвѣчаетъ за исправную доставку только тѣхъ экземпляровъ, которые выписываются отъ с.-петербургской дух. академіи, т. е. или непосредственно отъ Редакціи, или чрезъ правленіе академіи; а потому просить гг. иногородныхъ подписчиковъ обращаться съ требованіями журнала прямо и исключительно въ с.-петербургскую дух. академію—съ точнымъ обозначеніемъ: губерніи, уѣзда, города или почтовой конторы, въ которую слѣдуетъ доставлять журналъ, званія, имени и фамиліи подписчика.

Можно также получать въ Редакціи отдѣльными книгами:

- 1) Бесѣды св. Златоуста на псалмы (въ 2-хъ том), помѣщенные въ Хр. Чт. за 1860 г. Цѣна 3 р., на перес. за 2 ф.
- 2) Ею же бесѣды на разныя мѣста св. Писанія. Т. I, II и III. Цѣна каждому тому 1 р 50 к., на перес. за 2 ф.

3) *Его же бесѣды на Евангеліе св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Въ 2-ѣ томахъ (около 70 листовъ). Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.*

4) *Его же бесѣды на 1-е посланіе св. апостола Павла къ Коринтянамъ. Въ 2-хъ томахъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.*

5) *Его же басѣды и слова на разные случаи. Т. I II. Цѣна каждому тому 1 р. 50 к., на пересылку за 2 ф.*

6) *Его же бесѣды къ антиохійскому народу. Цѣна 2 руб., на пересылку за два фунта.*

7) *Его же письма къ разнымъ лицамъ. Ц. 1 р. на пересылку за 2 фунта.*

8) *Церковную Исторію Евсевія. Цѣна 2 руб., на пересылку за два фунта.*

9) *Письма св. Ѳеодора Студита. Т. 1. Цѣна 1 р. на пересылку за 2 фунта.*

10) *Указатель сочиненій, содержащихся въ 88 частяхъ „Христіанскаго Чтенія“. Цѣна (съ пересылкою) 50 к. сер.*

11) *Указатель сочиненій, содержащихся во всѣхъ частяхъ „Христіанскаго Чтенія“ съ 1843 по 1860 г. включительно. Цѣна 20 к. сер., на пересылку за 1 юнть.*

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

въ 1868 году.

„Православный собесѣдникъ“ издавающійся при казанской духовной академіи, по распоряженію святѣйшаго Синода, съ 1865 года, и выходившій въ первые три года (1855, 1856, 1857) повременно въ четырехъ книжкахъ, а съ 1858 года выходившій ежемѣсячно—по двѣнадцати книжекъ въ годъ, въ слѣдующемъ

1868 году будет издаваться по прежней программѣ, въ строго-православномъ духѣ и въ ученомъ направленіи, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками, не менѣе 10 печатныхъ листовъ въ каждой.

„Православный Собесѣдникъ“ раздѣленъ на двѣ половины, изъ которыхъ первая состоитъ *исключительно* изъ „Приложеній“, а вторая—*преимущественно* изъ оригинальныхъ статей, составляющихъ собственно „Православный Собесѣдникъ“.

Въ первой половинѣ, составляющей „Приложенія“ къ Православному Собесѣднику, помѣщаются:

1) Дѣянія святыхъ (acta sanctorum), *въ русскомъ переводѣ*, подъ заглавіемъ: „Сказанія о святыхъ христіанскихъ, чтимыхъ православною католическою церковію“ (продолженіе прежде изданнаго).

2) Дѣянія мучениковъ (acta martyrum) *въ русскомъ переводѣ*, подъ заглавіемъ: „Сказанія о мученикахъ христіанскихъ, чтимыхъ православною католическою церковію“ (продолженіе прежде изданнаго).

3) Дѣянія (акты) вселенскихъ соборовъ, *въ русскомъ переводѣ*, въ полномъ ихъ составѣ (продолженіе V всел. собора).

4) Толкованія блаженнаго Θεоктиста болгарскаго на посланія св. апостоловъ, *въ русскомъ переводѣ*. (Продолженіе прежде изданнаго).

5) Памятники древне-русской духовной письменности, значительнаго объема, составляющіе цѣлыя книги.

Каждое изъ упомянутыхъ приложеній составитъ наконецъ особую книгу, съ особымъ—заглавнымъ листомъ, счетомъ страницъ и оглавленіемъ.

Примѣчаніе. Чтобы, при многосложности означенныхъ предметовъ первой половины «Православнаго Собесѣдника», не раздроблять ихъ на мелкія части для помѣщенія всѣхъ приложеній въ каждой книжкѣ, по давать читателямъ въ каждой, мѣсячной, книжкѣ журнала болѣе цѣлостное чтеніе, помѣщается въ каждой книжкѣ по одному приложенію, того или другаго изъ означенныхъ выше предметовъ, не менѣе пяти листовъ, такъ: въ одной напр. книжкѣ «Дѣянія святыхъ», въ другой—«Дѣянія мучениковъ» и такъ далѣе.

Во второй половинѣ, собственно въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, помѣщаются статьи:

- 1) Догматическаго содержания,
- 2) Нравственнаго содержания,
- 3) Истолковательнаго содержания,
- 4) Церковно-историческаго содержания.
- б) Другія, больше или меньше подходящія къ утвержденной прежде святѣйшимъ Синодомъ программѣ „Православнаго Собесѣдника“, статьи духовнаго содержания, и
- в) Памятники древне-русской духовной письменности небольшого объема, не составляющіе цѣлыхъ книгъ.

Примѣчаніе. При обширности этой программы «Православнаго Собесѣдника», и по не большому объему книжекъ его, не всѣ означенныя здѣсь отдѣлы входятъ въ каждую, мѣсячную, книжку его, но въ одной помѣщаются статьи по однимъ отдѣламъ, въ другой — по другимъ.

Изъ двѣнадцати книжекъ этой половины «Православнаго Собесѣдника», по окончаніи года, составитса три тома, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ, съ особыми — заглавными листами счетомъ страницъ и оглавленіями..

Цѣна за полное годовое изданіе „Православнаго Собесѣдника“, на 1868 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: въ Казани съ доставкою на домъ, и съ пересылкою во всю мѣста Имперіи —

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается въ Казани въ редакціи Православнаго Собесѣдника при духовной академіи.

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

Съ 1867 года, при „Православномъ Собесѣдникѣ“ издается отдѣльное прибавленіе подъ заглавіемъ „Извѣстія по Казанской Епархіи“, которыя будутъ выходить и въ 1868 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна „Извѣстій“ для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ; а) вмѣстѣ съ „Православнымъ Собесѣдни-

комъ“ *десять* руб. б) *отдѣльно* отъ него *четыре* руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также *въ редакціи Православнаго Собесѣдника*.

въ той же редакціи продаются

ПО ПОНИЖЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

и съ пересылкою:

А. „Православный Собесѣдникъ“ *въ полномъ составѣ* книжекъ: за 1855, 1856 и 1857 годы (по 4 книги въ каждомъ) по 3 руб., за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 6 руб., а за 1867 годъ (12 книгъ) 7 руб. сер.

Б. *Отдѣльно* отъ приложений:

1. „Православный Собесѣдникъ“ за 1855 г. (гдѣ, между прочимъ. статья: „День святой жизни“). Одинъ томъ. Цѣна 1 руб.

2. „Православный Собесѣдникъ“ за 1856 г. Одинъ томъ. Цѣна 1 рубл.

„Православный Собесѣдникъ“ за 1857 г. (гдѣ, между прочимъ, „Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа туровскаго“). Одинъ томъ. Цѣна 1 рубл. 50 коп.

5. „Православный Собесѣдникъ“ за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864 годы, по три тома въ каждомъ, по 3 руб. сер. за годъ.

В. *Отдѣльно* отъ „Православнаго Собесѣдника“, приложеніи къ нему.

1. „Посланія св. Игнатія Богоносца“ (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 1 руб.

2. „Благовѣстникъ“, или толкованіе блаженнаго Теофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія—Матѳея и Марка (съ предисловіемъ). Два тома. 1855—1857. Цѣна 3 руб. за оба тома.

3. „Святаго отца нашего Григорія Двоеслова.“ Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

4. „Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ“. Три тома. 1859—1864. Цѣна за первый томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за всѣ три тома 10 руб.

5. „Посланиа Игнатія“, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

6. „Просвѣтитель или обличеніе ереси жидоствующихъ“. Твореніе преподобнаго отца нашего Іосифа, игумена волоцкаго (съ обширнымъ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1855—1857. Цѣна 2 руб. 50 коп.

7. „Сочиненія преподобнаго Максима Грека“ (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1861. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб., за всѣ три тома 5 руб.

8. „Стоглавъ“ (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб. 50 коп.

9. „Сочиненіе инока Зиновія“: Истинны показаніе къ вопросящимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1863. Цѣна 4 руб.

10. „О причинахъ раздѣленія главныхъ раскольническихъ сектъ“ (поповщины и беспоповщины) на многіе мелкіе толки. Одинъ томъ. 1857. Цѣна 1 руб.

11. „Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима“. Цѣна 20 коп.

12. „Указатель“ статей. помѣщенныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1855 по 1866 годъ. Цѣна 30 коп.

Редакція „Православнаго Собесѣдника“ проситъ желающихъ выписывать означенныя въ семъ объявленіи изданія ея—обращаться съ своими требованіями *прямо* въ эту редакцію, съ приложеніемъ за нихъ денегъ по вышеозначеннымъ цѣнамъ, и прописывать свои адреса ясно и точно.

объ изданіи

ДОМАШНЕЙ БЕСѢДЫ

въ 1868 году.

Десятилѣтнее существованіе журнала, ничѣмъ не обезпеченнаго, никогда не имѣвшаго обязательныхъ сотрудниковъ, всегда остававшася вѣрнымъ однажды принятому направленію, не усту-

павшаго ни одной іоты враждебнымъ отношеніямъ къ евангельской истинѣ и русской правдѣ, не картавившаго на честной службѣ закону, долгу и совѣсти, составляетъ не совѣсть обыкновенное явленіе въ наше время. Довольно въ этотъ не малый періодъ времени сошло со сцены изданій, изъ которыхъ каждое считало своимъ долгомъ съ ожесточеніемъ брѣсаться на **Домашнюю Бесѣду** и ея редактора; довольно было ему скорбей и утѣшеній съ разныхъ сторонъ, — и все то, по милости Божіей, прошло и обратилось намъ въ пользу, а недругамъ и зложелателямъ нашимъ въ стыдѣніе лица. Съ искреннимъ благодареніемъ Господу Богу, озираешься теперь на пройденное поприще, и видишь ясно, что не даромъ были подъяемы труды, не постыдилось и упованіе наше на то, что весь этотъ наносный туманъ, вся эта изгарь исчезнетъ, и ярко возсіяетъ солнце правды евангельской. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли было то время, когда никто не дерзалъ и заикнуться о православіи, когда надъ нимъ глумились и издѣвались, во имя измышленной „вѣры сознанія?“ А теперь всё поняли, что оно есть единственное, связующее звено, безъ котораго ничто не можетъ быть прочно ни въ политическомъ, ни въ гражданственномъ, ни въ семейственномъ быту Россіи. Давно ли **Домашняя Бесѣда** служила лозунгомъ пошлости, отсталости, обскурантизма и какого-то мракобѣсія? А теперь на страницахъ почти каждой газеты и cadaго журнала нѣтъ-нѣтъ да и найдешь на многое такое, что ставилось „убогой газетѣ“ (1) въ судъ и осужденіе. Какъ же не возблагодарить Бога, какъ не порадоваться такому ошутительному повороту съ мертвящей безвѣріемъ зимы на оживляющую теплоту вѣры весну и многообѣщающее лѣто!...

Не всякому читателю извѣстно, какихъ огромныхъ трудовъ стоитъ веденіе и поддержаніе журнала, опредѣлившаго для себя строгую и серьезную программу. Но всякій въ правѣ требовать отъ издателя, чтобы онъ, не жалѣя силъ и здоровья, трудился для него по пословицѣ: взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. Хорошо понимая это, мы и трудились до изнеможенія силъ, и будемъ трудиться впредь, прося у всѣхъ молитвеннаго содѣйствія и

(1) Извѣстно, что такое прозвище, подхваченное нѣкоторыми смѣхотѣйными изданіями, «Домашняя Бесѣда» получила отъ одного изъ лицъ, принадлежащихъ къ сословію духовному. Google

помощи. Есть, по милости Божіей, люди, которые облегчают но-
симое нами тяжелое иго: они вполне извѣстны только намъ, какъ
безкорыстные труженики, а читатели видятъ одни лишь плоды
ихъ разумнаго дѣянія. Увидятъ и впредь; ибо задача этихъ лю-
дей—не исканіе *своихъ си*, а только служеніе истиннымъ поль-
замъ ближняго. Предъ сонными читателями „Домашней Весѣды“,
склоняю до земли рано посѣдѣвшую мою голову, и благодарю,
сердечно благодарю, не обязательныхъ, но постоянно обязывающихъ
меня сотрудниковъ моихъ!...

Съ обновленными силами и съ тѣмъ же запасомъ усердія къ
дѣлу нашему вступаемъ мы въ *одиннадцатое* лѣто существованія
Домашней Весѣды. Благословите же, отцы и братія, на
предстоящій намъ подвигъ, и если что не допишемъ или перени-
шемъ, чтите исправлявая, Бога дѣля, и не клените!

Домашняя Весѣда и въ 1868 году будетъ продол-
жаться по указанію той же программы и на тѣхъ же условіяхъ
подписки.

Для неполучавшихъ доселѣ, повторяемъ эти условія. За го-
довое изданіе *безъ пересылки* платится **четыре** рубля; съ
доставкою въ Петербургъ **четыре** рубля **пятьдесятъ** ко-
пѣекъ; съ пересылкою по всей Имперіи—**пять** рублей.

Подписка принимается въ **Петербургъ** преимущественно
въ конторѣ Редакціи, у Исайловскаго моста, въ домѣ г-жи Жда-
новой. Въ **Москвѣ** въ книжномъ магазинѣ **А. П. Оера-**
потова, на Никольской улицѣ, а также у всѣхъ книгопро-
давцевъ какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ.

Всякій книгопродавецъ, принимающей у себя подписку на
Домашнюю Весѣду, пользуется *двадцатью пятью* коп.
съ каждаго экземпляра всѣхъ годовъ, кромѣ 1858 года, а сверхъ
того пересылку денегъ по почтѣ относитъ на счетъ Редакціи.

Въ Конторѣ Редакціи находятся полные, отброшюрованные
экземпляры прежнихъ годовъ, уступаемые по уменьшенной цѣнѣ.

Домашняя Весѣда	1858 г.	50 к.
„	„ 1859 г. безъ перес. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.	
„	„ 1860 г. . . . . 2 р.	2 р. 50 к.
„	„ 1861 г. . . . . 2 р.	2 р. 50 к.
„	„ 1862 г. . . . . 2 р.	2 р. 50 к.
„	„ 1863 г. . . . . 2 р.	2 р. 50 к.

„	„	1863 р.	2 р.	2 р. 50 к.
„	„	1864 р.	2 р.	2 р. 50 к.
„	„	1865 г.	4 р.	4 р. 50 к.
„	„	1866 г.	4 р.	4 р. 50 к.
„	„	1867 г. , ...	4 р.	4 р. 50 к.

Выписывающіе журналъ за *всѣ* годы включительно платятъ *двадцать* рублей съ пересылкою.

Редакція честь имѣетъ предвартить всѣхъ имѣющихъ съ нею какія бы то ни было сношенія по дѣламъ журнала:

1. Статей, неудобныхъ къ печатанію, на свой счетъ она не пересылаетъ, а сдаетъ ихъ въ контору, гдѣ онѣ и хранятся въ теченіи года, а потомъ уничтожаются.

2. Никакихъ постороннихъ порученій Редакція на себя не принимаетъ.

3. Пожертвованія на какое либо богоугодное дѣло принимаетъ только тѣ, о которыхъ заявляетъ, что будетъ принимать.

4. Переписки ни съ кѣмъ не заводитъ, и въ случаяхъ особенной надобности ограничивается печатными отзывами.

5. Полугодовую подписку или, точнѣе, разсрочку допускаетъ, но съ покорнѣйшею просьбою уплачивать за второе полугодіе своевременно, именно къ 1-му іюля.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1868 году.

Журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей», издаваемый по благословенію Святѣйшаго Синода, при кievской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1868 году, и начнетъ съ 1-го января девятый свой гооъ.

Этотъ журналъ, избравъ однажды особенную цѣль — способствовать сельскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей тѣлн Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей

народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, будетъ имѣть въ виду эту цѣль неизмѣнно; поэтому и въ слѣдующемъ году онъ будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какихъ держался до сихъ поръ.

Въ составъ „Руководства для сельскимъ пастырей,“ по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, обрядоваго и проч., а также извлечения и выписки изъ твореній св. отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части сельскихъ церковныхъ библиотекъ.

II. Исслѣдованія о разныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, приспособительныя къ потребностямъ сельскаго священника какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіяся къ ней, съ надлежащею ихъ обработкою. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содержанію своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя сельскому священнику въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ, замѣчанія касательно отправленія богослуженія, благочинія церковнаго, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и т. под. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ. Въ 3-хъ, свѣденія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры и церкви, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ и дѣтей прихожанъ, матеріалы для уроковъ въ церковно-приходскихъ школахъ и соображенія о первоначальномъ воспитаніи дѣтей священно-служительскихъ. Въ 5-хъ, библиогра-

фическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ сельскому священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся сельскаго духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того иногда сообщаются: 1) общія замѣчательныя извѣстія, касающіяся русской церкви и въ частности— свѣденіи о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣденія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи, и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и переи́нахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

Само собою разумѣется, что невозможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всемъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитие того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и насомныхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываются текущими обстоятельствами; впрочемъ, для того, чтобы журналъ нашъ могъ доставить сельскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначенныя въ программѣ.

Статьи постороннихъ сотрудниковъ, соотвѣтствующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и вознагражденіемъ. Редакція, на основаніи перзурныхъ правилъ, покорнѣйше проситъ гг. сотрудниковъ переписывать свои статьи разборчиво и съ полями для отмѣтокъ цензуры и заявлять редакціи свои фамиліи и въ такомъ случаѣ, если бы не пожелали печатать ихъ подъ статьями своими.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ выходитъ еженедѣльно отдѣльными номерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ одного до двухъ съ половиной печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35 печатныхъ листовъ, съ особымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна на мѣсть 4 руб., съ доставкою на домъ и пересылкою во всю мѣста внутри Россіи 5 рублей серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, духовныхъ правленій и благочин-

такъ можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсро-
на до сентября 1868-го года.

Въ редакціи находятся также экземпляры „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1861, 1863, 1864, 1865, 1866 и 1867-й годы. Желающіе могутъ получать оныя въ бумажномъ переплетѣ, но обыкновенной цѣнѣ съ пересылкою 5 руб. серебромъ. Подписчикамъ рекомендуемъ обращаться съ своими требованіями: Въ редакцію „Руководства для сельскихъ пастырей“ въ Кіевѣ.

Редакція „Руководства для сельскихъ пастырей“, заботясь объ улучшеніи своего изданія по внутреннему его содержанию, въ то же время употребляетъ завісыянія отъ нея иѣры къ своевре-
менной и аккуратной высылкѣ подписчикамъ ММ журнала: гг. же подписчиковъ, живущихъ вдали отъ почтовыхъ конторъ, покорнѣйше просятъ, чтобы они въ адресахъ своихъ означали губернію, уѣздъ и село, куда слѣдуетъ высылать журналъ, и разборчиво прописывали званіе и фамилію получателя. Въ случаѣ неполученія подписчиками какихъ нибудь ММ журнала, редакція покорнѣйше проситъ обращаться къ ней съ своими требованіями, которыя немедленно будутъ удовлетворены, по примѣру прежнихъ годовъ, если только, по справкѣ съ почтовыми вѣдом-
ствами, окажется, что вторично требуемыя ММ дѣйствительно посланы.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Осокинъ*.

ОБЪ ИЗДАНИИ ГАЗЕТЫ

„ДРУГЪ НАРОДА“

въ 1868 году.

Газета „Другъ народа“ въ 1868 году будетъ заклю-
чать, какъ и прежде, слѣдующіе отдѣлы: правительственныя распоряженія и указы, статьи духовнаго содержания, свѣдѣ-
нія, относящіяся къ разнымъ наукамъ, рассказы изъ народнаго быта и вѣсти изъ разныхъ мѣстъ Россіи, а также и новъ за

границы. Какъ и прежде газета будетъ издаваться для того, чтобы, по мѣрѣ возможности, способствовать къ распространенію въ народѣ полезныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для улучшенія его быта, и вѣстѣ служить тому теплому религіозному чувству, которыми всегда отличался русскій православный народъ. Для достиженія этой цѣли, редакция употребитъ все стараніе, чтобы улучшить свое изданіе и сдѣлать его полезнымъ, какъ для юго-западнаго края, такъ равно и для другихъ мѣстностей Россіи, при томъ какъ въ школѣ, такъ и въ хижинѣ крестьянина и вообще для каждаго грамотнаго человѣка. Газета будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ въ одинъ печатный листъ большаго формата.

Подписка принимается въ Кіевѣ, при редакціи газеты „Другъ народа“, въ зданіи кіевской 1-й гимназіи, въ кіевской публичной бібліотекѣ, на Брещатикѣ, въ Дворянскомъ домѣ и въ конторѣ редакціи при книжной торговлѣ Тецнера и Чеснока. Заграничные подписчики могутъ подписываться только въ редакціи газеты „Другъ народа“, въ Кіевѣ, при кіевской 1-й гимназіи.

Цѣна изданія газеты *одинъ рубль* безъ пересылки и *рубль двадцать коп.* съ почтовою пересылкою и доставкою на домъ; для заграничныхъ подписчиковъ: *два съ половиною гильдена* съ пересылкою.

При газетѣ „Другъ народа“ въ 1868 года будетъ выходить: **Сборникъ статей для народнаго чтенія.**

Редакція газеты „Другъ народа“, желая доставить народу возможность познакомиться съ сочиненіями замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей и въ тоже время дать мѣсто лучшимъ статьямъ своихъ сотрудниковъ, въ 1868 году будетъ издавать при газетѣ: **Сборникъ статей для народнаго чтенія.** Въ составъ сборника войдутъ:

1. Избранныя мѣста изъ лучшихъ сочиненій русскихъ писателей духовныхъ и свѣтскихъ.

2. Статьи, относящіяся къ разнымъ наукамъ: Сельскому хозяйству, Исторіи, землеописанію и проч.

3. Повѣсти, рассказы, народныя преданія и пѣсни.

Сборникъ будетъ выходить выпусками два раза въ годъ: въ январѣ и юлѣ мѣсяцахъ. Каждый выпускъ будетъ заключать отъ восьми до десяти печатныхъ листовъ.

Цѣна Сборника вмѣстѣ съ годовымъ изданіемъ газеты „Другъ народа“ два рубля съ пересылкою и доставкою до дому и одинъ рубль восемьдесятъ коп. безъ пересылки: отдѣльно отъ газеты: безъ пересылки восемьдесятъ коп. съ пересылкою и доставкою до дому одинъ рубль; для заграничныхъ подписчиковъ два гульдена съ пересылкою. При Редакціи газеты „Другъ народа“ можно получать газету „Другъ народа“ на 1867 г. по объявленной цѣнѣ: по 1 р. 20 к. съ пересылкою и по рублю безъ пересылки.

Заграничные подписчики могутъ вносить плату какъ за газету, такъ и за Сборникъ австрійскими и прусскими деньгами.

Редакторъ А. Андрияшевъ.

„КІЕВСКІЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1868 годъ.

Въ составъ этого календаря входятъ подробныя свѣдѣнія православной церкви, прокляенныя бѣлыми листами бумаги съ означеніемъ восхожденія и захожденія солнца, свѣдѣнія римско-католической церкви, еврейскіе праздники и болѣе двадцати обыкновенныхъ календарныхъ статей. Кромя того, въ немъ заключаются слѣдующія статьи: указаніе праздниковъ и службъ съ изображеніями праздничныхъ иконъ; указатель святыхъ мѣстъ Кіева и окрестностей съ тремя новыми видами церквей; описаніе пути въ Іерусалимъ; рассказы изъ Русской Исторіи по лѣтописи преподобнаго Нестора; объясненіе почему все держится на землѣ; совѣты родителямъ и преимущественно матерямъ съ объясненіемъ, какъ нужно ухаживать за дѣтьми, какъ кормить дѣтей и какъ наблюдать за дѣтьми, чтобы они не приобрѣтали дурныхъ привычекъ; хозяйственныя свѣдѣнія: о посадкѣ плодовыхъ деревьевъ, отваръ сѣна для корма телятъ, молочность коровъ; способъ обезпеченія соломенныхъ крышъ отъ пожаровъ, приготовленіе вкуснаго и питательнаго хлѣба; средство предупредить ржавчину на желѣзныхъ и стальныхъ вещахъ, о разведеніи огородины и предсказаніе погоды. Къ Календарю приложены снимокъ съ иконы: Соборъ преподобныхъ Печерскихъ и

карта Европейской Россіи. Календарь украшенъ 45-ю рисунками и иллюстраціями и будетъ заключать до десяти печатныхъ листовъ.

Цѣна прежняя, пятнадцать копеекъ, съ пересылкою двадцать копеекъ; для иностранныхъ подписчиковъ помудрена съ пересылкою. Выписывающіе разомъ сто экземпляровъ пользуются уступкою десяти процентовъ, выписывающіе разомъ тысячу экземпляровъ получаютъ двадцать процентовъ уступки. Тотъ же Календарь на веленовой бумагѣ пятьдесятъ пять копеекъ, съ пересылкою шестьдесятъ копеекъ; для иностранныхъ подписчиковъ одинъ гульденъ. Съ требованіями обращаться въ редакцію „Кіевскаго Народнаго Календаря“ при кіевской 1-й гимназій, и въ книжный магазинъ русской книжной торговли Тецнера и Чеснока. Заграничные подписчики могутъ получать „Кіевскій Народный Календарь“ изъ ставропольской книгарни, въ Львовѣ и изъ магазиновъ Книшеля и Завадскаго въ Кіевѣ.

Въ книжномъ складѣ при редакціи „Кіевскаго Народнаго Календаря“ можно приобрести слѣдующія книги:

	Съ пересылк.			Съ пересылк.	
	Р.	К.		Р.	К.
Библия большого формата	3	50	Псалтырь крупной печати на русскомъ языкѣ . . .	—	35
Новый заѣтъ въ 8-ю долю въ бумажномъ переплетѣ съ кожаннымъ корешкомъ	—	55	Псалтырь мелкой печати на русскомъ языкѣ	—	25
Новый заѣтъ въ каленкорѣ съ футляромъ	—	65	Псалтырь крупной печати на славянскомъ языкѣ . . .	—	60
Новый заѣтъ въ 24 долю въ простомъ переплетѣ .	—	30	Часословъ на славянскомъ языкѣ	—	40
Новый заѣтъ въ 24-ю долю въ каленкорѣ . . .	—	35	Чтеніе изъ Ветхаго заѣта	—	22
Новый заѣтъ въ 24-ф долю въ каленкорѣ и въ футлярѣ	—	40	Братская священная исторія	—	6
Новый заѣтъ на славян. яз.	—	45	О святыхъ дняхъ, недѣляхъ и годовыхъ праздникахъ .	—	17
Евангеліе въ 24-ю долю въ переплетѣ	—	15	Сокращенный молитвословъ	—	15
Евангеліе безъ переплета .	—	10	Переводъ на русскій языкъ употребительнѣйшихъ молитвъ	—	20

	Съ не- ресмык.			Съ не- ресмык.	
	Р.	К.		Р.	К.
Указаніе св. мѣстъ города Кіева	—	5	почерпнутыя изъ сочиненій Тихона Задонскаго	—	3
Молитвы утреннія и вечернія	—	5	Взираи на Иисуса	—	3
Сборникъ церковн. пѣсно- пѣній на русскомъ языкѣ	—	25	Святая Земля во времена зем- ной жизни Господа нашего		
Церковный уставъ	—	25	Иисуса Христа	—	12
Духовный уставъ	—	30	О святыхъ таинствахъ въ православной церкви и объ отношеніи къ нимъ право- славныхъ	—	20
Пѣніе Вожественной литург.	—	25	Объясненіе обрядовъ при со- вершеніи Св. таинствъ въ православной церкви	—	15
Сборникъ молитвъ въ пере- плетѣ	—	25	Объясненіе православнаго богослуженія; Всенощнаго бдѣнія (воскреснаго) ли- тургій: Св. Василія Вели- каго, Іоанна Златоустаго и Григорія Двоеслова, съ предварительнымъ описа- ніемъ храма и его принад- лежностей. Кромѣ того въ этомъ сочиненіи помѣщены: 1) Святцы. 2) Указатель евангельскихъ чтеній на литургіи во всѣ воскресные дни года. 3) Словарь не- совсѣмъ понятныхъ словъ, встрѣчающихся при Бого- служеніи. 4) Уясненіе вы- раженій псалтыри, каждо- дневно слышимыхъ во вре- мя Богослуженія. 5) Крат- кая славянская Грамматика и 6) каждодневныя молитвы съ присоединеніемъ Симво- ла вѣры и десяти запо-		
Ученіе Господа нашего Иису- са Христа о молитвѣ и о путяхъ блаженства	—	8			
Воскресеніе Христово	—	12			
Руководство къ пониманію Богослуженія, священника Лебедева	—	55			
Книга Эклезіастъ перев. съ еврейск. на русск.	—	6			
Христіанское препровожде- ніе времени	—	15			
Полный Молитвословъ	1	80			
Начатки христіанскаго уч.	—	12			
Христось, грѣшную душу къ себѣ призывающій и воздыханіе грѣшныя души ко Христу	—	2			
Молишься ли ты?	—	6			
16-ть краткихъ размышлен.	—	3			
Чудный сонъ	—	3			
Пастухи и овцы	—	2			
Воскресный сонъ	—	3			
Къ чему ведетъ пьянство	—	2			
Слѣпой Вартемей	—	5			
Вѣришь ли, что ты грѣши.	—	3			
О концѣ добрыхъ дѣлъ	—	3			
Христіанскія правоученія,					

	Съ пересылк.			Съ пересылк.	
	Р.	К.		Р.	К.
вѣдей закона Божія . . .	—	20	дирек. съ 1789—1832 г.	—	40
Житія Святыхъ: Царя Давида	—	28	Арифметика для первоначальныхъ училищъ. Домбровскаго	—	6
Бориса и Глѣба	—	7	Три сказки и одна побасѣлка М. Максимовича	—	6
Алексія челоуѣка Божія	—	9	О шелководствѣ	—	10
Священномученик. Макарія	—	10	О чудесномъ избавленіи Государя Императора отъ опасности 3 апр. 1866 г.	—	10
Ѳеодосія Печерскаго	—	12	О землѣ и о небѣ Иванова	—	15
Михаила и Ѳеодора	—	8	Таблица для первоначальн. обученія чтенію и письму	—	33
Ѳеодора и Іоанна	—	8	О лѣченіи простыми средствами	—	40
Димитрія Ростовскаго	—	12	Дѣтскій міръ и Хрестоматія для чтенія въ двухъ част.	1	20
Тоже на русскомъ языкѣ	—	22	Жизнеописаніе Плутарха переводъ съ греческаго	—	65
Благовѣрной Евдокіи	—	12	Повѣсть объ освобожденіи Москвы въ 1612 г. и объ избраніи царя Михаила	—	12
Убіеніе Димитрія Царевича	—	8	Русская лѣтопись для первоначальн. чтенія Соловьева	—	50
Сказаніе о подвигахъ св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невск.	—	12	Братское слово южно русса	—	2
Сказаніе о подвигахъ св. Благовѣрнаго Великаго Князя Владиміра Равноапостольнаго	—	12	Стихотворенія Слѣпушкина	—	12
Иконы на бумагѣ: большія	—	50	Механикъ самоучка Иванъ Петровичъ Булибинъ	—	12
„ „ „ среднія	—	25	О Владимірѣ Мономахѣ	—	15
„ „ „ малыя	—	10	Брай крещенаго свѣта: Мерзлая пустыня или повѣсть о дикихъ народахъ кочующихъ въ полуночной сторонѣ Россіи	—	12
Портретъ Государя Императора, гравированный на стали въ одной изъ лучшихъ заграничныхъ типографій	—	15	Дремучіе лѣса или рассказъ о народахъ, населяющихъ русскіе лѣса	—	10
Стѣнный календарь	—	11			
Адресъ календарь	1	—			
Книга Наума о Великомъ Божіемъ мірѣ М. Максимов.	—	12			
Букварь русско-славянскій	—	6			
О стародавнихъ людяхъ М. Максимовича	—	6			
Матеріалы для исторіи учебныхъ заведеній, Чернигов.					

	Съ пересылк.			Съ пересылк.	
	Р.	К.		Р.	К.
Стени или рассказъ о народахъ, кочующихъ по степямъ съ полуденной стороны Россіи . . . , . . .	—	10	рін: великій князь Ярославъ первый	—	17
Русскія горы и кавказскіе горы	—	10	О русскихъ людяхъ	—	8
Букварь Максимовича	—	4	О русской землѣ	—	10
Письма о князьяхъ Острожскихъ	—	30	Правда объ уни	—	20
Рассказъ изъ естественной исторіи о землетрасеніяхъ	—	20	Лѣтопись достопамятныхъ событій изъ русской исторіи	—	3
Описаніе западной Сибири	—	75	Руководство по изученію французскаго языка по Магелу для домашняго обученія	1	—
Рассказъ изъ Русской исторіи: великій князь Ярославъ первый			Инструкція церковнымъ старостамъ	—	32

Продаются въ пользу свято-владимирскаго братства слѣдующія книги:

Книга Наума	—	12	Братская Русская грамматика Бересницкаго	—	7
Южно-русская правда	—	6			
Арифметика Бересницкаго	—	7			

Редакторъ А. Андріяшевъ.

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1868 году.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться и въ наступающемъ 1868 г. съ 1-го января, по той же программѣ утвержденной св. Синодомъ, два раза въ мѣсяць, 1-го и 16-го числа выпусками отъ 1½ до 3-хъ листовъ.

Цѣна остается прежняя, т. е. съ пересылкою и безъ пересылки три рубля серебромъ.

Подписка принимается въ Кіевѣ: 1) кіевской духовной консисторіи; 2) у редактора протоіерея П. Лебединцева, на Старомъ Кіевѣ.

Иногородные подписчики благоволят адресоваться такъ: Въ редакцію *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* въ Кіевъ, означая званіе, имя фамилію и мѣсто жительства.

Редакція *Епархіальныхъ Вѣдомостей* покорнѣе проситъ всѣхъ образованныхъ лицъ, содѣйствовать ей своими трудами. Въ особенности она приглашаетъ всѣхъ священнослужителей кіевской епархіи сообщить ей свѣдѣнія, относящіяся къ историко-статическому описанію сей епархіи, а также—акты, грамоты и другіе документы, касающіеся исторіи церкви и духовенства кіевской епархіи.

Редакторы: протоіерей *Петръ Лебединцевъ*.

Протоіерей *Алексій Колосовъ*.

СЪДЪРЖАНІЕ 10-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1867 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

1. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.—1) *Жалованная* грамота в. кн. Свидригайла Ольгердовича церкви Св. Іоанна въ Городкѣ. 1403 г. Стр. 1.—2) *Духовное* завѣщаніе, *Матвѣя* іереев русской церкви въ Вильнѣ. 1522 г. Стр. 2.—3) *Ворелевская* грамота владѣльцамъ на построеніе Росской церкви въ Вильнѣ. 1532 г. Стр. 8.—4) *Духовное* завѣщаніе Івана Андреевича *Солтана*. 1554 г. Стр. 9.—5) *Завѣщаніе* монаха Кіево-Печерскаго монастыря Іоанна *Гумкесича*, съ отреченіемъ отъ права владѣнія Флоровскимъ монастыремъ въ пользу игумена Агаѣи *Гуметичкой*. 1631 г. Стр. 14.—6) *Фундушоновая* запись подкоморія Богдана *Стеткесича* и жены его Елены княжны *Соломерецкой* на учрежденіе въ имѣніи ихъ Буйничяхъ православнаго св. Духовскаго монастыря, съ тѣмъ чтобъ монастырь этотъ всегда пребывалъ въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. 1643 г. Стр. 18.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

- РУССАКИ въ бывшихъ польскихъ областяхъ (продолженіе). Стр. 1.
ОРСУНСКІЙ Онуферіевскій монастырь. Стр. 24.
НАЧАЛО УНИИ (продолженіе). Вѣроисповѣданная унія. Стр. 32.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

- ПІСЬМЪ редакціи. Стр. 1.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

- ЦЕРКВИ Вѣлорусскаго Полѣся (продолженіе). Стр. 1.
НАЙДО. Историческій романъ. Часть 1-я, введеніе. С. *Калугина*. Стр. 20.
НЕВѢРЬЯ УСЛУГА. Разказъ изъ еврейскаго быта. Стр. 33.
СПѢХИ православія въ сѣверо-западной Россіи.—*Освященіе* церкви въ м. Оникштахъ. Стр. 45.—*Освященіе* церкви въ слудкомъ св. Троицкомъ монастырѣ. Стр. 58.
ВВЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.—*Циркуляръ* г. Главнаго Начальника сѣверо-западнаго края гг. губернаторамъ. Стр. 61.—*О началѣ* непосредственныхъ сношеній холмскихъ униатскихъ епископовъ съ римскимъ престоломъ. Стр. 63.—*Русское* населеніе въ Царствѣ Польскомъ. Стр. 67.—*Св. Троицкая* подвальная церковь въ Варшавѣ. Стр. 70.—*Краткая* біографія митрополита Филарета. Стр. 71.—*Извлеченіе* изъ газетъ извѣстій о кончинѣ и погребеніи митрополита Филарета Стр. 71.—*Духовное* его завѣщаніе. Стр. 79.—*Иписьма* изъ Подляся. III-е. Стр. 79.—*Отъ Прессевицъ*. Саввы, епископа полоцкаго, приглашеніе къ приношеніямъ въ пользу бѣдствующихъ церквей полоцкой епархіи. Стр. 88.—*Газета Месина* о славянскомъ вопросѣ. Стр. 89.
ОБЪЯВЛЕНІЯ объ издаваніи газетъ и журналовъ на 1868 годъ. Стр. I.

СОДЕРЖАНИЕ 10-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 1867 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

- № 1. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.—1) *Жалованная* грамота в. кн. Свидригайла Ольгердовича кн. Св. Іоанна въ Городкѣ. 1403 г. Стр. 1.—2) *Духовное* завѣщаніе, *Матвея* изъ русской церкви въ Вильнѣ. 1522 г. Стр. 2.—3) *Королевенная* грамота великимъ князьямъ на построеніе Русской церкви въ Вильнѣ. 1532 г. Стр. 8.—4) *Духовное* завѣщаніе Івана Андреевича *Солтана*. 1534 г. Стр. 9.—5) *Завѣщаніе* монаха Кіево-Печерскаго монастыря Іоанна *Гумлевича*, съ отреченіемъ отъ пр. владѣнія Флоровскимъ монастыремъ въ пользу игумена Агаѣи *Гумелицкой*. 1631 г. Стр. 14.—6) *Фундушоновая* записъ подкоморія Богдана, *Стеткевича* и жены Елены кнжны *Соломерецкой* на учрежденіе въ имѣніи ихъ Буйничгахъ православнаго св. Духовскаго монастыря, съ тѣмъ чтобы монастырь этотъ всегда пребывалъ въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. 1643 г. Стр. 18.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

- ПРУССАКИ въ бывшихъ польскихъ областяхъ (продолженіе). Стр. 1.
КОРСУНСКІЙ Онуфріевскій монастырь. Стр. 24.
НАЧАЛО УНИИ (продолженіе). Вѣроисповѣданіе уни. Стр. 32.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

- ОТВѢТЪ редакціи. Стр. 1.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

- ОЧЕРКИ Бѣлорусскаго Полѣся (продолженіе). Стр. 1.
ЯГАЙЛО. Историческій романъ. Часть 1-я, введеніе. С. *Малугина*. Стр. 20.
МЕДВѢЖЬЯ УСЛУГА. Разсказъ изъ еврейскаго быта. Стр. 33.
УСПѢХИ православія въ сѣверо-западной Россіи.—*Освященіе* церкви въ м. Ошкштанѣ. Стр. 45.—*Освященіе* церкви въ слудкомъ св. Троицкомъ монастыря. Стр. 46.
ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.—*Циркуляръ* г. Главнаго Начальника сѣверо-западнаго края г. губернаторамъ. Стр. 61.—*Финаль* непосредственныхъ сношеній латвскихъ униатскихъ епископовъ съ римскимъ престоломъ. Стр. 63.—*Русское* изданіе въ Царствѣ Польскомъ. Стр. 67.—*Св. Троицкая* подвальная церковь въ Варшавѣ. Стр. 70.—*Краткая* біографія митрополита Филарета. Стр. 71.—*Имя* *Филарета* изъ газетъ извѣстій о кончинѣ и погребеніи митрополита Филарета. Стр. 72.—*Духовное* его завѣщаніе. Стр. 79.—*Имя* изъ Подлясья. III-е. Стр. 79.—*Отъ Прессовицъ*. Саввы, епископа полоцкаго, приглашеніе къ приношенію въ пользу бѣдствующихъ церквей полоцкой епархіи. Стр. 88.—*Газета* *Москвы* о славянскомъ вопросѣ. Стр. 89.
ОБЪЯВЛЕНІЯ объ издаваніи газетъ и журналовъ на 1868 годъ. Стр. 1.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ
РОССИИ

Вильна
1868

Вильна

1868.

и рече
Олега
Кіевъ
се буди

и сати
глаголю
рускіи

Вильна
1868

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція „Вѣстника Западной Россіи“ едва ли не больше его подписчиковъ сѣтуеть на запаздыванье выходомъ, его книжекъ. Редакція принимаетъ и будетъ принимать противъ этой непріятности всѣ свои средства и усилія и увѣрена, что, при всей несостоятельности виленаго типографскаго производства, она войдетъ, въ непродолжительномъ времени, въ сроки своего изданія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышло и поступило въ продажу, одобренное учебнымъ начальствомъ, **Краткое руководство къ Географіи Россійской Имперіи съ Вопросами и Задачами Брамсона.** Вильна. 1867 г. Получать можно *въ Редакціи Вѣстника Западной Россіи* и у книгопродавцевъ: *Феннера* (быв. Сеньковского) въ Вильнѣ; *Косаторова* въ Ковнѣ и *Мендельсона* въ Витебскѣ. Цѣна 30 коп.; за пересылку прилагается за 1 фунтъ по разстоянію. Выписывающіе болѣе 10 экземпляровъ за пересылку не платятъ, а на 100 экземпляровъ уступка 20%. Обращаясь на имя начальника ковенской женской Гимназіи, всѣ учебныя заведенія пользуются той же уступкой, безъ ограниченія числа экземпляровъ.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V, — 1867.

КНИЖКА XI.

ТОМЪ II.

ВИЛЬНА.

В Типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ въ здании Гимназіи,
противу Губернскаго Правленія.

1868.

Доволено Цензурою 16-го марта 1868 года. Вильна.

I.

№ 17.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗА-
ПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Запись отъ князя Александра Полубенскаго
виленскому Св. Троицкому братству на домъ
и фольваркъ Судерви. 1593.

Лѣта отъ Нароженя Сына Божого тисеча пять сотъ
деветдесять третего мѣсеца Мая трынадцатого дня.

Передъ нами судьями головными, на трибуналь
у великомъ князствѣ Литовскомъ зъ воеводствъ земель
и повѣтовъ на рокъ теперешній деветдесять третій
обранными, постановившысе очевисто нанъ Гри-
горей Тишкевичъ Бужыча, писарь братства цер-
ковного Виленского Светое Тройцы, оповѣдалъ и по-
кладаль два листы его милости князя Александра
Полубенского, каштеляна Новгородского, подъ печат-
тью его самого и съ подписомъ руки его: одинъ да-
ный братству церковному Виленскому на справленье
листу самого фундушу на фольварокъ свой Судерви,
который онъ поступилъ братству церковному Светое
Тройцы, яко ширѣй на томъ листѣ описано и доло-

жоно есть. И просилъ помененный Григорей Тишкевичъ, абы тые листы до книгъ головныхъ трибунальныхъ были вписаны, которыхъ мы судьи огледавши дали есмо до книгъ вписати, и отъ слова до слова такъ се въ себѣ мають: Я Александръ Полубенскій, каштелянъ Новгородскій, созпаваю тымъ моимъ листомъ каждому, кому потреба о томъ вѣдати, ижъ што который фольваркъ мой, названный Судерви, лежащый въ повѣтѣ Виленскомъ, умыслилъ и обѣщаль есми на вѣчность отдать ку фалѣ Божой въ мощь, во владзу и въ шафуню брѣтства церковного Виленского заложенья Светое Тройцы на выживенье и выхованье священникомъ братскимъ и слугамъ церковнымъ и школы братское, подъ справою ихъ будущимъ, о што и присылали до мене зъ брѣтства, упоминаючыся, писара братского пана Грыгорья Тишкевича Бужича; лечь на тотъ часъ, для воли и ихъ трудностей, фундушю самого листу вѣчистого справить и на врадѣ его признать не мogleмъ, ижъ справы на тотъ фольваркъ належачое не мѣлъ. Еднакъ же упевняючы брацтво церковное Виленское и хочечи вжо тотъ фундушъ скутечне справившы имъ водѣ права врадовне подати, симъ листомъ моимъ врадув, ижъ тотъ дворець свой преречоный Судерви со всеми кгрунты и пожитки, яко ся самъ въ собѣ здавна и теперь маеть, подалемъ и симъ листомъ моимъ подаю въ мощь, въ держанье, въ оборону, въ нослушенство ку зачатю и розмноженью въ немъ господарства и пожитку брацтва церковного Светое Тройцы. Маеть преречоное брацтво церковное и вольно имъ будетъ тотъ весь дворець зъ належностями его ку пожитку и выхованью священникомъ и слугамъ церковнымъ и школьнымъ, подъ справою ихъ будущимъ, держати и взывати ажъ до головнѣйшаго отъ мене имъ на то фундованья, которое шлюбую и обѣцую церкви Божей зыстити, яко наспѣшнѣй быть можетъ, зъ од-

кладомъ того, ижъ абы то николи ни черезъ кого отъ церкви Божьей зъ моцы и послушенства и владычства церковного ни на якій иншій пожитокъ никому ктволи отыймовано и отрывано не было. И на томъ далъ брацтву церковному Виленскому сесь мой листъ подъ моею печатью и съ подписомъ руки моее властное. Писанъ у Глуску лѣта Божьего Нароженья тисеча пять сотъ деветдесять третего, мѣсеца Марца одиннадцатого дня. У того листу печать притиснена одна и подпись руки одна писемомъ рускимъ теми слова: Александръ Полубенскій рука властная. А другій листъ отъ его милости князя Полубенского, писаны до урядника Судервинского до Василья Соколовского, абы тотъ дворець Судерви въ завѣданье тому Грыгорью Тишкевичу, писару братскому, поступилъ, въ тые слова писанный: Александръ [Полубенскій, канцелярь Новгородскій, уряднику моему Судервинскому Васку Соколовскому вѣдать о томъ, ижемъ умыслилъ и обѣцалъ на церковь ку фалѣ Божой Святой Троицы на братство Виленское тотъ фольварекъ свой Судерви уфундовати и надати, якождь тую обѣтницу свою имъ листомъ своимъ упевнилъ. Прото розказую тобѣ, абы тотъ дворець зъ кгрунты, лѣсы и дубровы и зо всеми пожитки зъ моцы своее пустилъ и подалъ въ оборону и въ завѣданье писару брацкому пану Грыгорью Тишкевичу Бузичу, иначе того не чынечы. Писанъ у Глуску року тисеча пять сотъ деветдесять третего мѣсеца Марца одиннадцатого дня. У того листу печать притиснена одна и подпись руки въ тые слова писана: Александръ Полубенскій рукою. Которое добровольное оновѣданье и тые листы, передъ нами покладаные, за прозбею Грыгорья Тишкевича до книгъ головныхъ трибунальныхъ есть вписанъ; съ которыхъ и сесь видимуеъ подъ печатью земскою воеводства Виленского въ семь року тисеча шесть сотъ деветнадцатомъ мѣсеца Іюня

дванадцатого дня' отцу архимандритѣ Виленскому монастыря Светое Тройцы есть выданъ. Писанъ у Вильни. Янъ Коленда Виленскій писарь.

Печать вытиснута черезъ бумагу на сургучь.

2.

Донесеніе вознаго о запечатаніи виленскими мѣщанами церкви Св. Юрія на Росѣ въ Вильнѣ, вслѣдствіе растраты церковнаго имущества священникомъ, оказавшимся подь запрещеніемъ. 1595.

Лѣта Божьего Нароженья тисеча пять сотъ деветдесять пятого мѣсеца Декабра шестого дня.

На врадѣ его кор. милости кгородскомъ воеводствѣ Виленского передо мною Николаемъ Юрьевичомъ Зеновьевичомъ, подкоморимъ Ошмепскимъ, намѣсникомъ Виленскимъ, ставши очевисто возный повѣту Виленского Янъ Николаевичъ Косинскій ку записанью до книгъ кгородскихъ Виленскихъ очевисто созналъ и того признанья своего квити подь печатью своею и съ подписомъ руки своею и подь печатями стороны шляхты подалъ писаный тыми словы. Я, Янъ Николаевичъ Косинскій, возный воеводства и повѣту Виленского, признаваю то тымъ моимъ квитомъ, ижъ въ року теперъ идучомъ тисеча пять сотъ деветдесять пятомъ мѣсеца Декабра четвертого дня въ понедѣлокъ, маючи я при собѣ сторону людей добрыхъ двухъ шляхтичовъ: пана Миколая Петриманского а пана Юрья Яновича, былъ есми при панохъ радцохъ мѣста Виленского рочныхъ зъ стороны Руское, при пану Ильи Исаковичу и пану Григорью Федоровичу Печенцѣ, въ церкви Руской на Росѣ за Острою Вежою Светого Юрья, и тамъ же панове радцы передо мною

вознымъ и вышеменованною стороною шляхтою оповѣдали, и жъ дей есмо сего дня, ведлѣ нашего староваго звичаю, при бытности отца протопопы и священника Воскресенскаго Виленскаго, ведлѣ староваго реестру и опису церковнаго переглядывали и переписовали всѣ речи церковныя, которіе въ той церкви есть, при бытности священника тутошнаго Роскаго мца Дементя Ильяшевича Добринскаго, якожь дей есмо тутъ въ тое церкви ведлугъ староваго реестру, ему поданаго, не мало речей не нашли; и кгда есмо у него о тые речи упоминали, жебы онъ тые вси речи намъ отдалъ, нижи онъ тыхъ речей намъ не отдалъ и вернути ихъ нехотѣлъ; для чого учинили есмо тамъ же заразъ у церкви предъ отцемъ протопопою, яко старшимъ священникомъ, на него жалобу и оповѣданье, яко много речей церковныхъ недоставаесть. А отецъ протопопа не только жебы мѣлъ намъ зъ него справедливость учинить, але еще ему то ознакоми, же онъ священникъ Роскій Виленскій есть отъ его милости отца Митрополита, яко найвышшаго пастыра въ законѣ нашомъ, не благословенный и священство зъ него снято. За которымъ таковымъ отъ мца протопопы показаньемъ снятъя священства зъ того священника Роскаго домагалися есмо, абы онъ ключи церковныя, которіе отъ насъ владу мѣстскаго, имеетъ, до рукъ нашихъ владовыхъ до часу усравдливенья передъ отцемъ митрополитомъ, яко старшимъ своимъ, отдалъ. А помененый священникъ Роскій, будучи отъ насъ колько кротъ напоминачый, жаднымъ способомъ ключовъ отъ тое церкви намъ отдати не хотѣлъ; для котораго неотданья намъ тыхъ ключовъ церковныхъ мусели есмо своимъ замкомъ тую церковь Роскую замкнуть и до себе ключи взять. А теперъ знову тую церковь и притворъ я возный печатью своею, а панове радцы вышеменованыя тамъ же при печати моеи печатьми своими владовыми, при бы-

ности слуги владового присяжного пана войтового на
име Аеанаса Васильевича, запечатовали. Чого я воз-
ный будучи въ той вѣдомъ, то все по достатку на
себя мой квитъ списавшы, подъ печатью моею и съ
подписомъ руки моею и подъ печатями стороны шлях-
ты вышеименованое, на тотъ часъ при мнѣ возный
будуче, ку записанью до книгъ гродскихъ Вилен-
скихъ далемъ. Писанъ року, мѣсеца и дня выше-
именованого. У того квиту печатей притисненыхъ
тры, а подпись руки тыми словы: Янъ Косинскій
возный рукою своею *(по польски)*. Которое сознание
возного и тотъ квитъ его до книгъ гродскихъ Ви-
ленскихъ есть записано, съ которого записанья и себѣ
выписъ съ книгъ подъ печатью моею паномъ радцомъ
мѣста Виленского вѣри Руское есть выданъ. Писанъ
у Вильни.

*Оттиснутая на бумагу печать и подпись гродскаго
писаря.*

3.

Королевская грамота державцѣ Бобруйскому
объ уплатѣ 300 пудовъ медовой дани митро-
политу Михаилу Рагозѣ, какъ архиман-
дриту Печерскому. 1599 г.

Жигимонтъ III-й, Божю милостью король Поль-
скій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жо-
мйтскій, Мазовецкій, Инфлянтскій а Шведскій, Кюд-
скій, Вандальскій дѣдичный король.

Ложничому нашему державцы Бобруйскому, уро-
жонному Яну Бояновскому. Далъ намъ того справу
и жаловалъ въ Бозѣ велебный Михаль Рагоза, Архие-

епископъ Митрополитъ Кіевскій и Галицкій и всея Руси, архимандритъ Печерскій о томъ, што жъ дей, за зложенъемъ соборовымъ зъ архимандритства Печерского Кіевского Никифора Тура, за данною и декретомъ нашимъ, такъ же и декретомъ головнымъ трибунальнымъ великого князства Литовского, присужонъ есть монастырь Печерскій Кіевскій со всеми добры у корунѣ польской и у великомъ князствѣ Литовскомъ лежащими, преречоному велебному отцу митрополиту архимандриту Печерскому, за которыми декреты посылалъ дей до твоее милости до волости нашее Бобруйское въ Бозѣ велебный митрополитъ для выбранья дани медовое и поплату съ ноловицы Виленское, водлугъ давного звычайу и фундушовъ церковныхъ, по трыста пудовъ мѣды давнее и по иншую повинность. Нишли дей твоя милость, спротивляючыся данинѣ декрету нашому и декрету головному, ничего недбаючы на заруки, въ нихъ на спротивного о то положонные, тое дани зъ волости Бобруйское въ Бозѣ велебному митрополиту выбрать не допустилъ, и собѣ дей ее привлащылъ, а до церкви Божое ему того не отдалъ; а ты дей въ заруки, въ декретѣ нашомъ, у сто тисечей копѣ грошей Литовскихъ и въ заруки трибунальные попалъ еси. Прото будетъ ли такъ, яко намъ господару въ Бозѣ велебный митрополитъ жаловалъ, хочемъ то по вѣрность твою мѣтъ и приказуемъ, абы еси, кромѣ всякой трудности, тую дань въ Бозѣ велебному митрополиту, яко архимандриту Печерскому, всю сполна зъ волости нашее Бобруйское, водлугъ стародавнего звычайу, выдалъ, не чинечы въ томъ ни якое дальшее зволокы и собѣ правное трудности не задаючы. Кгдыжъ если бы вѣрность твоя тое дани звыкълое отдать ему не хотѣлъ, мандатъ съ канцеляреи нашее на вѣрность твою выдать есмо рассказали. Писанъ у Варшавѣ, лѣта отъ Нароженья Сына Божого тисеча

пять сотъ деветдесять девятого, мѣсеца Мая третего дня *). Sigismundus Rex.

Королвская печать вытиснута на бумагѣ.

4.

Позовъ королевскій въ судъ — Гарабурдѣ съ женою — по жалобѣ епископа пинскаго Паисія на своевольное построение ими православной церкви и монастыря. 1614 г.

Жиггимоитъ третій Божою милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прусскій, Жомойтскій, Мазовецкій, Инфлянтскій, а Шведскій, Кгогскій, Вандальскій дедичный король.

Тобѣ урожоному Крыштофу Михайловичу Гарабурдѣ судьи земскому и земенину нашему повѣту Слонимского и тобѣ Раинѣ Макаровнѣ Крыштофовой Гарабурдиной судьиной земской Слонимской, бывшой Васильевой Пелчицкой подсудковой и землянцѣ нашей повѣту Пинского, зо всехъ добръ и маетностей вашихъ, гдыжъ колвекъ въ панствѣ нашомъ великомъ князствѣ Литовскомъ въ держанью вашомъ будучихъ лежащихъ и рукомыхъ и зъ особъ вашижъ, приказуемъ вамъ, ижъ бы есте за симъ позвоомъ мандатомъ нашимъ отъ поданья альбо отъ положенья его вамъ передъ нами господаромъ и судомъ нашимъ, тамъ гдѣ на онъ часъ дворомъ нашимъ дастъ Богъ счастье будемъ, если въ коронѣ польской за осмь, а если у великомъ князствѣ Литовскомъ ино за чотыри недѣли, сами очивисто стали и рокомъ завитымъ

*) Въ Б. Л. С. есть и другая подлинная королевская грамота совершенно тогоже содержания и тому же лицу отъ 28 Мая того же года.

(въ указанный срокъ) усправедливилисе на жалобу и попиранье инстыкгатора нашего великого князства Литовского, который позываетъ васъ за жалобою и донесеньемъ до насъ велебного въ Бозѣ отца Паисия еромонаха епископа Пинского и Туровского архимандрыта Кобринского о то, ижъ ты Раино Макаровно Гарабурдина, набывши немного пляцу въ мѣстѣ нашомъ Пинскомъ и менечи его быть своимъ шляхетскимъ, забрала еси до того пляцовъ и кгрунтовъ нашихъ господарскихъ, до замку нашего Пинского належачихъ, немало, недбаючи на вины, въ правѣ посполитомъ описаные, на тыхъ, хто бы се важиль кгрунты наши забирати, своимъ власнымъ такъ много, яко забралъ, нагородить повиненъ. А на тыхъ кгрунтахъ нашихъ замковыхъ, привлящачи ихъ собѣ неслушне, важиласе еси, невѣдомо, или за вѣдомостью малжонка своего, чили сама звольне и уорне, безъ воли и позволенья зверхности наше господарское и тежъ безъ вѣдомости и благословенья епископа Пинского въ его епископїи и пастырствѣ духовномъ збудовати церковь и монастырь набоженства руского греческого закону и въ томъ монастырѣ ховати поповъ и чернцовъ свовольныхъ ку зневаженью звирхности наше господарское противъ благословенью владыческому и противъ правомъ и привильемъ стародавнымъ господарей королей ихъ милости Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ предковъ нашихъ, черезъ заруку на то отъ господарей ихъ милости предковъ нашихъ заложоную три тисечи конъ грошей Литовскихъ. А такъ хочемъ итѣ и приказуемъ вамъ, абы есте передъ нами и судомъ нашимъ за симъ за симъ позвомъ мандатомъ нашимъ яко на року завитомъ стали и такъ о свовольное забранье кгрунтовъ нашихъ замковыхъ и привлященье собѣ ихъ и о вины за то въ правѣ посполитомъ описаные, яко тежъ о збудованье новое

цѣркви и монастыра въ мѣстѣ нашомъ Пинскомъ, безъ вѣдомости и позволенья нашего господарского, безъ благословенства отца епископа Пинского и о заруку отъ предковъ нашихъ положоную три тисечи копѣ грошей, въ которую есте намъ господару попали, яко то вамъ часу права ширѣй приложено и показано будетъ усправедливилисе конечно. А въ томъ васъ упевняемъ, хотя станете альбо нестанете, мы въ той справѣ то учинимъ, што право посполитое и справедливость светая покажетъ. Писанъ у Варшавѣ, лѣта Божего Нароженья тисеча шесть сотъ чотырнадцатого, мѣсеца Ноябра двадцать второго дня. Янъ Гридичъ секретарь.

Королевская печать вытиснута черезъ бумагу на красномъ сургуцѣ.

5.

Рѣшеніе перваго берестейскаго собора, 1590 года, подписанное митрополитомъ и пятью епископами и скрѣпленное печатями.

„Милостию Божію и Пречистыя его Матере, мы, смиренный Михайло Архиепископъ Митрополитъ Киевскій Галицкій и всея Россіи, Я Мелентей Хребтовичъ, Божію милостию Епископъ Володымерскій и Берестейскій Архимандритъ Киевскій Печерскій. Я Кирилъ Терлецкій Божію милостию Ексархъ митрополии Киевское Епископъ Луцкій и Острозкій. Я Леонтий Пелчинскій Епископъ Пинскій и Туровскій. Я Деонисіе Збирунскій Епископъ Холмскій и Белзскій. Я Гедеонъ Болобанъ Епископъ Львовскій и Каменецкій Митрополии Киевской и Галицкое, ознамуемъ и визнаваемъ сами на себе одинъ другому

добровольно симъ нашимъ листомъ иже зъехавшися намъ до места Государского Берестейского на Сенодъ нашъ духовный, а видячи ны стого быти потребу, заглаца иже на Церквь светую восточную, пренагабанье е частые гонения, пронаслѣдованіе великое и тяжары нигды незвычайне, неслыханные отъ Становъ розныхъ на насъ находятъ, также и великие нестроения межѣ духовенствомъ и знашихъ некоторыхъ Христіанъ развращения, несогласія, непослушанія, безчиства и на многихъ мѣстахъ не подѣйству и измененыя хвалы божіею оказываются, чего мы единостанне ужалившися и почуваючи въ повинностяхъ нашихъ, а забегаячи такому нестроению и своюдѣнству, и знеряду хотячи рядъ и справы наши духовныя встародавній добрый святой порядокъ привести, и размноженье хвалы милостивого Бога везде и повсюду водлугъ власное повинности нашею постановити и утвердити, также о справахъ церковныхъ обмышляти, о школахъ о наукахъ шпиталехъ и о немныхъ добрыхъ справахъ святыхъ, побожныхъ по всемъ епископіямъ нашимъ во всехъ панствахъ Его Корол. Милости и имъ далей тымъ абься всякий рядъ везде установилъ, змоцнялъ и утвердилъ, стыхъ тогда причинъ ухвалили и постановили есмо и симъ листомъ нашимъ устанавлиемъ соборы и сеноды на насъ самыхъ и на все духовенство Церкви святое наше восточное католическое вкождый рокъ разумѣти и зъежчатися (sic) намъ всемъ и всему духовенству на певный рокъ и часъ на мѣстѣе отъ всехъ насъ единостанне обраное вмѣсте Его Кор. Милости вберести Литовскомъ и каждомъ року мѣсяца Іюня 24 дня водлугъ старого Календару. А если бы который знаеъ тому постановленью нашему добровольному досыть не учинилъ и на тотъ рокъ, якося вышней поменило, самъ особою своею не приехалъ, тогда маеъ таковой каждый знаеъ непослушный

петевсять копъ грошии Литовскихъ вины до скриньки на речъ нашу посполитую духовную заплатити и ничимъ не вымовляючися. А если бы который знасъ хоробою вымовлятися хотель и для хоробы не прибыль, тогда на други рокъ приехавши, маеть первъ присягу учинити, яко справедливе былъ хворымъ, тожь месце свое засѣсти маешъ. А гди бы и на други рокъ который знасъ не прибыль и присяги учинити не хотель, таковой каждый безъ милосердыя за столицы скиненъ быти маеть, кромъ если бы того омышканыя своего оказалъ явную значную причину, и иншие вымовы и причины жадные никому знасъ ни не мають. А маемъ всѣхъ архимандритовъ, игуменовъ протопоповъ и иншихъ презвитеровъ вписме Божомъ научныхъ завжды на кождый зъ епископства своего зсобою мѣти, а который бы архитандрить, або игумень, протопопъ не мелъ быти на тотъ соборъ зъ епископомъ своимъ, токовый каждый также за першимъ неприеханемъ здостоенства зложенъ быти маеть. А што которое ностановене учинили и списалися епископи знасъ некоторые у Белзе вроку теперешнемъ тысяча пятсотъ девятытомъ, тое постановлене при зупелной моци зоставуемъ и тымъ листомъ нашимъ ствержаемъ подъ тымъ способомъ и тамошние только зезды штохмися мели зъезжати съ Бельзе тогда тотъ зъвздъ прекладаемъ на тоежь местъце до Береста Литовскаго выншихъ во всѣхъ пунктахъ всвоей моци отъ всѣхъ насъ захованъ быти маеть Монастирей Святыхъ простымъ людемъ держати и вживати не маемъ позволяти.—Каждый въ парафѣи своей одинъ другому жаденъ знасъ в парафѣю ничимъ вступоватися, в презвитеры в дияконы и в подиски (sic) вчужую парафѣю посвящати и становити, церквей святити, антимишовъ давати не маемъ, также и на потреби ездити, венчати, крестити и ни жадныхъ справъ дѣйствовати отнюдь вчужомъ предѣле не маемъ, и ценовъ

чужихъ предѣловъ приемовате безъ отпустное грамоты и благословеня звыклого вправилехъ святыхъ описаного, а любезные презвитеры отнюдъ ставити и совершати не маемъ подъ виною до скринки на речъ духовную подъ стома копами грошей Литовскихъ, а сдучи теперъ на близко пришлый соборъ, первый, который будетъ в року тысяча пятсотъ девяностъ первомъ, маемъ всѣ привилеи, фундушы, листы, на всякие наданя и волности зсобою каждый знасъ взяти и оказати на соборе, и о томъ обмыслити и постановити, где то ховапо быти масть, а то все што в томъ листе нашомъ есть описано таковой союзъ любви наше братский ручими собѣ сами за себе и за потомки наши, и дбецуемъ добрымъ нашимъ святителскимъ словомъ завжды истина здержати и выполнити подъ тоужъ виною верху описаню, а который бы знасъ попадши е тую вину платити ее не хотель, тогда таковой каждый знасъ маеть подлечи подъ вѣчное пелогословене и проклатство и отнюдъ изверженъ быти маеть на томже соборе нашомъ. Котороежто сее наше застановене подписавши его власными руками нашими и печати наши приложили есмо. Писанъ в Берестю на сенюде и соборе духовномъ року тисеча пятсотъ девяностомъ мѣсяца Июня 24 дня. Михаилъ Архиепископъ Митрополитъ Киевский и Галицкии я всея Руси рукою власною. Мелентий Хребтовичъ Епископъ Володимирский и прототронье Архимандритъ Киееский власною рукою. Кириль Терлецкии Божею милостию Ексархъ Митрополии Киевское Епископъ Луцкии и Острозькии власною рукою. Леонтий Полчинский Епископъ Туровский и Пинский рука власная. Деонисий Збируиский Епископъ Холмский власная рука. Гедеонъ Болобанъ Епископъ Львовский и Каменца под: (мѣсто шести печатей).

6.

1) Выписъ скнигъ Земьскихъ повету Луцкогю Реку тисеча шестьсотъ чотырдесятого мца Генъваря деветнадцатога дня.

На рокахъ судовыхъ земскихъ Луцкихъ Назавтрее по трохъ Короляхъ (а) рымскомъ святе вроку звыниъ написаномъ прыпалыхъ и судовне отправовать зачатыхъ, Передъ нами Крышътофомъ шымовичомъ шилинскимъ судею, а Анъдреемъ линевскимъ Подсудкомъ, врадницами судовыми земскими Луцкими, Становшы очевисто велебный впану Богу отецъ Инъноценциусъ Ксизель Игумень и ректоръ Монастира Госко, для вписаня добнигъ ныненнихъ земскихъ Луцкихъ подалъ вспособъ перенесеня Ебъстрактъ скнигъ Кгородскихъ Луцкихъ, Автентыце выданныхъ, зуписанемъ внемъ запису одъ Ясне вельможное ее мл. Панее реины на Госчы княжны *) Львовое Миколаивое соломирецкое, Каштелянки Смоленское (ж), на фундацію вечистую Монастере вместе Госчы прыцеркви там-же на передместю змурованой, заложена Святаго Архангела Христова Михайла, и на даровызну вечную Местности Села Курозвенъ сподданими вшелякими Пожитками и принадлежностями, томуъ Монастировъ даного и служачого о чомъ томъ записъ вечное ширей в собе маеть, просячи абы прынялъ и до книгъ уписаный былъ, которого мы Судъ для вписаня до Книгъ прыймуючи Передъ собою чытать казалисмо, и таксе всобъ маеть. Выписъ скнигъ Кгород-

(а) Богоявленіе Господне, 6 января.

*) Княжны или княжны—неизвѣстно; рукопись тамъ порвана.

(ж). Мы полагаемъ, что первое названіе „Львовая“ означает имя отца—Львовна; а второе Николаева названія мужа—Миколаива. У поляковъ, обыкновенно, жена носить имя мужа: Павлова, Александрова, Владислава и проч.

скихъ замку Луцъкого, року тысяча шестьсотъ тридцать девятого, мца февраля четвертаго дня, На вряде Кгородскомъ, взамку Его в. м. Луцкомъ, Передомною Княземъ Павломъ друцкимъ-Любецкимъ, Подстаростию Луцкомъ, Постановавъшися очевисто Ясне вельможная ея мл. Пани реина на Госчы Княжна Львовая, Николаева Соломирецкая, Каштелянка Смоленская, для вписанія до книгъ нинешньныхъ Кгородскихъ Луцкихъ Подала и Признала, листъ добровольный Запись свой на Паргамине писанный, спочатью своею завесиетою и сподписомъ руки своея власное, и тежъ сподписомъ рукъ людей зацныхъ ихъ Мл. Пановъ Приятелей своихъ, и спечатами ихъ также завесистыми одъ себе на фундацію вечистую Монастира вместе Госчы при церкви тамъ в Госчы на передместю змурованая, заложена Святаго Архангела Христова Михаила, и надаровизну вечную Маестности Села Курозвонъ Сподъданими, и вшелякими пожитками и прынадлежностями томужъ Монастыровъ данныхъ и служачихъ, о чомъ томъ запись ниже инсерованный шпрей всебе опеваеть, во всехъ его пунъктахъ Артыкулахъ Клявуляхъ Кондицияхъ и Лигаментахъ, устнимъ и добровольнымъ Сознанемъ Своимъ свердивши измоцнивъши, Просила и жадала абы прынять и до книгъ уписанъ былъ, А такъ я врядъ тотъ запись фундаціей менованая для вписаня до книгъ прыймуючы читалемъ и такъ ее всебе писанный маеть, *Ярета на Госчы Николаева **).

Львовая Соломирецкая Каштелянская Смоленская дедычка добръ нижей менованить здорова будучы на теле и умысле одступивши своея власная належитя юрыдыццие Права Повету и воеводства, а подтеперешньный Листъ добровольный Запись мой Себе самую здобрами и Потомками моими добровольне подъ-

(*) Эти слова подчеркнуты въ подлинной выпискѣ.

даючи и втеляючи явне.... воне **) сознаваю и оз
наймую тымъ моимъ Листомъ добровольнымъ запи
сомъ а вечыстымъ, Кождому кому бы отомъ ведати
належало, теперь и напотомъ Изъ я уважаючи презъ
вси дни живота моего, же презъ добрые и побожны
ныи учыньки каждый простуетъ себе дозбавеня ду
шевного Непохибную дорогу, Зачымъ тежь будучи
я остатнею Сукцесорьскою дому и фамилии ихъ ил.
Пановъ Гойскихъ, а хотячи абы стого дому вечная
памятка на хвалу Божию zostавала, умыслиламъ мо
настырь вмаетности моеи дедычнои вместе Госчы въ
Воеводствѣ волынскихъ вновеце Луцкомъ лежачое за
конникомъ релий Старожитноя рекгулы святого ва
силія веры церкви входное Кгрецкоя, подь Послу
шенствомъ Святого отца Патрыархи Константино
польского, не въ уний будучихъ пры церкви тамже
вГочы на передместю Эмурованоя Заложеня Святого
Архангела Христова Михайла абыся тамъ и хвала
Божия множила, и дедки шляхецкого и посполитого
народу внаукахъ вызволеныхъ цвичили фундовати,

А такъ прыхиляючися до Права Посполитого, и
Коньституций в року прошломъ тысяча шестсотъ
трыдцать пятомъ, ухвалепоя, Подь верою Поцтивои
и Сумненемъ добрымъ; Богомъ моимъ Свядчу же зн
вого фундамента здобръ моихъ власныхъ, добе предъ
теперешнымъ записомъ фуньдации через Аньтецессо
ровъ моихъ набытыхъ, А предъ мене самую за влас
ние грошы моя Слиберованыхъ, жадныхъ за нихъ
грошей не беручы, аны жадного Порозумнея ч
нячы, але зсамоя жарливости побожного учынку,
звласного предсезятя моего курозмноженю хвали
Божоя нечынячы на опукане, Права посполитого и

(**) воне—листь рукописи на томъ мѣстѣ разорванъ; потому
написаннаго тамъ слова прочитати невозможно.

менованой Конституции ухваленной *) тую вышей менованую церковь Святаго Архангела Хва Михайла Бреалную Поссесію тыхъ же вышей Менованыхъ Законниковъ зКгрунтами Пры той Церкви отъ мене на тотъ часъ выдѣленными, любо и передъ тымъ не належными, А надѣто тежъ иными добрами на мене правомъ дедичнымъ спадючими по велижкомъ негдысь Его мл. Пану Роману Госкомъ Каштеляне Клевѣскомъ Старосте володымерскомъ брате моемъ рожиномъ прыпалыми, добра певные въ восводстве Волинскомъ въ Повете Луцкомъ а въ Ключу Гойскомъ лежачые, волные Свободные, меновате дворъ, фолваркъ и село Курозванъ Сподѣдаными тяглыми и не тяглыми, огородниками и подсосудными, и ихъ работами чиншами податками, повинностями, Сполями Кгрунтами засеяными и незасеяными, Лесами Гаями, зарослями, борами, Пасеками и деревомъ бортымъ Ставами и ихъ Спустами, Млынами и ихъ вымелками, Реками, Озерами, Крыницами, Сажавками, потоками извольнымъ ловенемъ знихъ рыбъ, Корчмами Изовсями Енералитеръ пожитками, доходами, прыплодами и прынадлежностями такъ якожъ тые кгрунты прыцеркви будучые, яко итые добра менованіе-

*) Здѣсь упоминается о конституціи 1635 года, которою, между прочимъ, запрещено было дворянамъ отчуждать свои имѣнія въ руки недворянъ. Но при томъ сдѣлано предостереженіе, что конституціею не отнимается право у дворянъ чинить фундушечныя записи изъ своихъ имѣній, какимъ бы то ни было образомъ, вновь приобрѣтенныхъ—*de nova radice*. При чемъ присоединено условіе, чтобы дѣлающій запись, въ присутствіи полнаго земскаго суда, ударившись въ грудь, произнесъ слѣдующія слова: „Свидѣтельствуюсь Богомъ, во имя вѣры, чести и совѣсти (*Sub fide, honore et consensu Deum testor*), „что я этою фундушевою записью дарю—*de nova radice*—изъ моихъ собственныхъ имѣній, „не получая никакого денежнаго вознагражденія, не подчиняясь постороннему внушенію, единственно слѣдуя побужденіямъ чистой ревности и безкорыстной щедрости (*Propria mea liberalitate*)“. Слова эти должны быть выписаны въ актъ. *Volum. legum, Tom 111, pag. 856, konstytucyj roku 1635, marca 14, § 10.*

Село Курозваны Самовсебе и в своемъ уживаню вгра-
 ницахъ ведлугъ вышъ менованого способу и обы-
 ходехъ здавна мели, а теперъ мають, яко онъ те-
 цесорове мои передъ тымъ и я потомъ заживала,
 зовсимъ зуполнымъ правомъ, Панствомъ власности
 и титуломъ дедычнымъ ничего згола втыхъ добрахъ
 и Кгрунтахъ насебе самую потомки и никакого инъ-
 шого зблизъкихъ крвѣныхъ, и повинныхъ моихъ
 обоей плоти незоставуючы, и невиймуючы, але все по-
 политостью заверяючи, такъ жебы менованое немене-
 ваному и неменованое менованому ничего нешкоди-
 ло и не ублизало прытомъ будетъ волю вышъмено-
 ваннымъ отцемъ законницомъ . нарече Горини вшеля-
 кимъ посудкомъ рыбы на себе каждого часу ловити,
 такъ яко трактъ Гойскій маєть всебе, тое все велеб-
 ному вГосподе Бозе Отцу Игнатию Оксеновичови Ста-
 рушицови Ректорови и Игуменови отъ Ясене Превелеб-
 ного въ Госноду Богу Его мл. Отца Петра Могилы Ар-
 хиєпископа Мотрополиты Киевъского Галицкого и вса
 Россыи Екзархи Свягтийшого Апостольского трону Конъ-
 стантинпольскаго, и велебныхъ отцевъ збратства Ки-
 евскаго вполне зъ его мл. на тотъ часъ презенто-
 ванными и подаными, и братки тогожъ Монастыря
 новифундаваного Гойского и сукцесоромъ отъ его
 мл. в Бозе превелебному Метрополитови доживетне
 тотъ кгрунтъ пры церкви менованой на монастырь
 презъ мене назначеный и тое село Курозваны (одъ-
 деливши отъ тыхъ добръ потомковъ близкихъ, крвѣ-
 ныхъ, повинныхъ и далекихъ моихъ) даю, дарую, и
 вечными А никгда неотзовными часы записую, Я-
 кожъ и Право тое все Продкомъ моимъ и ми на
 тые добра служащие до рукъ помененого велебного
 вБогу отца Ректора и Сукцесъсоровъ отъ оддаю и
 отделяю, Сама Спотомками моими зрекаю Вечне и
 тые добра черезъ мене на тотъ монастырь записан-
 ные и самый монастырь зовсимъ Яко вышъей поме-

шло до реалноя вечнстоя посессы Ихъ мл. Отцу Ректорови вышъ помененому братій и Сукцессоромъ ихъ презъ возного и шляхту которыхъ себе Сторона на тое прынособить Еъззунъкъ подаю и постунаю, и на кгрунте подати и поступити маю и повинна буду; Волни теды суть и будутъ, менованый Отець Ректоръ збратією своею тотъ Монастырь и церковь здобрами и зовшелякими прыналежностями до посессы своея взявши оны держать Екзерциция втой фундациі Менованная фавенте Део зачати церквою Монастыромъ школами, также молодежи у нихъ найдуючюся прыкладомъ инъшихъ Академій и Кгольлегіювъ рядыты, на тыхъ же вымереныхъ и прызнанныхъ кгрунтыхъ такъ на предместію Госцы бы яко и вкгрунте менованого села Курозвановъ будыньки вшелякые ставити любо и муровати, подданныхъ осажати, и новіе осады чинити, Гребли бити и до иноя маестности моея прытыкали и береговъ дотыкали прысыповати безъшкоды великою и уймы мене самое и подданныхъ моихъ. Подданныхъ тежь одошлыхъ доходити, Господарства своего ведлугъ налельшого уподобаня причиняти пожитковъ вшелякихъ знихъ прыходячыхъ заживати и тыми добрами яко своими власными вечыстыми ведлугъ святоя регулы ихъ власноя поступовати вкоторыхъ добрахъ и въ порядкахъ церковныхъ монастырскихъ, также и школныхъ жаднымъ способомъ и претекстомъ такъ я сама, Якотежь и Сукцессорове добръ моихъ и хто бы колвекъ якимъ колвекъ способомъ держачымъ былъ напотомъ Госцы и инъшихъ добръ моихъ, сами презъ себе и презъ субъордынованные особы зодного имъпедименту правного и неправного чинити и задавати „Господъ тежь” вместе и напередместію *), вгосцы наймовати албо способомъ якимъ же

*) Слова эти подчеркнуты въ подлинной выписи.

колвекъ пристоинымъ веднати боронити я сама а нхто колвекъ Спотомковъ моихъ и Поссесоровъ того места немаєъ и неповыненъ будетъ, подшкодами нижей описанными, прытомежь волно будетъ Велебному Отцу Ректоровъ вышменованому и братиѣ также и ихъ Сукцесъсоромъ Кгрунътовъ и Пляповъ для потребы ихъ набывати, за конъцесомъ моимъ и Сукцесъсоромъ моихъ, Которую Церковь и Монастирь и маенность вышъменованую Курозваны, нетолко абымъ мела умнейшаши, але и овшемъ размножати и одъ вшелякихъ имъпедиментовъ тежаровъ правныхъ Процесовъ тые добра, и о которую колвекъ часть знихъ презъ мене записаныхъ и у кожъдого суду и права и на кожъдымъ термине за обвесченемъ ихъ м.л. в Бозе Велебныхъ и Сукцесъсоровъ ихъ боронити заступовати и тежары Акцизе заданыхъ на себе и добра моя иншые внести и приняти маю, и повынъна буду, А по мне потомкове и держачые добра мое мають и повини будутъ, такъ абы Велебный Отець Ректоръ законники и Сукъцессорове ихъ и Молодежь школна шляхецкое и простое кондыщый, втой моей фундацыи, и добрахъ записаныхъ завше спокойномъ помешканю зоставали, Надъ то тымъ же теперешнимъ писанемъ моимъ вечыстымъ записомъ обliegуючисе тые добра Село Курозваны и Кгрунъты вымерены на Монастирь и школы прыцеркви выжей, менованой предъ мене на Монастирь менованый, и велебныхъ отцевъ законныхъ внемъ мешкаючыхъ записаны, Село Курозванн такъ яко здавныхъ часовъ и теперь есть вграницахъ, и уживаню своемъ обехавшы и ограничивъшы, А кгрунъти пры церкви помененой на Монастирь и школы найдалей недѣль дванадцати, по томъ сознанию моемъ, и листъ мой особливый на тое ограничено кгрунътовъ пры церкви на монастырь и на школы вымеронныхъ, и тыхъ добръ дати, который таковое моци и ваги маеть быти, якобы персоналиттеръ (лично)

презь мене наураде былъ сознанный, ввторомъ то пререченомъ монастыру презь мене вмастности моей вместе Госчыпры церкви менованой здобръ преречонныхъ ела Курозванъ фуньдованомъ законницы объщежилные, не въ уніи будучые, але подь послушенствомъ Святѣйшаго Отца Патрыарха Константинопольскаго, Мешкаючы хвалу Божию ведлугъ повинности Христианское множити и розшырати.

На кождый день одправовати, и за здоровье мое потомьковъ моихъ на каждый Четверь и Суботу службу божую, зособна зась по зейстю моему стого света на каждый рокъ дня того ввторый Панъ Богъ мене стымъ Светомъ розлучить, Парастась великий Службу Божую за душу отправовати мають, такъ а мене самую яко и въсѣхъ зошлыхъ предковъ моихъ стого Света, а братію такую межы собою мети, бы до отправованя набоженства порядного и для вызволенныхъ наукъ способными были, А якъ тепешный помененый Велебный въ Богу Отець Ректоръ и Игуменъ одъ Ясне Превелебного Его мл: Отца Петра Могылы Архиепископа Метрополиты Киевского Галиццого и въсея Россыи Екьсарха светого Апостолского трону Коньстантинопольского, Яко осоловлого Патрона добродѣя и фуньдатора, отъ сполноежь воли и уваги Велебныхъ отцовъ старшихъ Монастыря братского Киевского не въ уніи будучыхъ посродку оныхъ на томъ месцу въ новофуньдованомъ презь мене въ Монастыру Гойскомъ зостаеть, *накъ и сукцессорове онаго по выстю кождыхъ трохъ летъ тотомные часы Его мл. Отець Митрополитъ теперешный велебными ихъ мл. Капитулы Брацтва Киевского въ Администрацыйей своей тотъ Монастырь Гойскій и добрадо него належачые Его мл. Помененый отецъ Митрополитъ доживотне, а Отцеве вышпоменное Капитулы вечными часы, маючы Ректора и Игумена змежы себе менованные велебные отцове подавати на тое мейсце ведлугъ рекулы и*

уваги своеє мають и волни будуть: По смерти зась теперешнего Его м.л. Отца Могилы Архиепископа Митрополита Киевского жаденъ зъ сукцессоровъ Его милости Митрополитъ Киевскій, ани Епископъ Луцкій, ани жаденъ инзий толко велебный Отецъ Ректоръ збратиєю Капитулы Монастыра Брацкого Киевского фунздацый вышкомененого Его м.л. Отца Метрополита, вечными часы подавати маєть безъ препедыцымъ жадное одмене Самоє и Сукцессоровъ моихъ и всихъ держачыхъ добръ моихъ, которыхъ а юре патронату съ вечне отдаляю, *) и тому то добровольному записови моему той теперешней вечстой фундации и коньдыциомъ внемъ выражонимъ, Я Сама а помъне Потомкове и Сукцессорове и вси держачые добра мои досыть чинити и ненарушне держати мають, и будутъ повинъни, вечными часы, подъ неблагословенствомъ Божиимъ и подъ шкодами земьскими, на голос речоне слово албо позвоу Кромъ телесное Присяги ошадованымъ о которые шкоды вспротивъвенюсе теперешнему фундушовъ моему вчомъ колвекъ и небороненю отъ имъпедыментовъ заходячыхъ, презъ мене самую и Потомковъ моихъ позвани будучы, форумъ рокъ и терьминъ завитый, Собе и Потомкомъ моимъ, вкождомъ Суде и уряде Воеводства и Совету которого колвекъ, хочъ мне, добромъ и Потомкомъ моимъ неналежныхъ Которыхъ юрисдыцией яко вышей отступившы, свое юрисдыцие належное, Акъцыза гдыбы были позвани добровольне здобрами и Потомками моими подаючы назначаю, Неправити на першомъ термине и за першимъ позвоу яко на року завитомъ, безъ заживаня вшелякихъ инъ спере еть специе дыляций Апеляций и отъ просекуций и жадныхъ згола оборонъ и добродействъ правныхъ противъко тому записови моему невносячы и не заживаючы, усправе

*) Напечатанное здѣсь курсивомъ въ подлинникѣ подчеркнуто

дливается то есть шкоды позволю ошадованные, отъ суду неотходячы заплатити, а заплативъныи, предсе тому записови моему и оштобы до него были позвани досыть чинити, тылекротъ имбы того потреба была, жадною давностью земскою, не считечисе. И на томъ дала тотъ листъ мой добровольный вечыстое фундации запись, спечатю и сподънисомъ руки мое е е власное, ихъ милостей Пановъ Прыятель моихъ одъ мене устне упрошоныхъ, ниже менованыхъ, Деялосе въ Крупой року Божого тысяча шестсотъ тридцать девятого, Мѣсяца Генъвара второго дня, у того запису вечыстое фундации Пушокъ четири для печатей завешоныхъ, а подъписъ рукъ втые слова: Рена на Гойсчы Соломирецкая Капштеляновая Смоленская рукою власною: Athanazy Puzyna Wladyka Lucky y Ostrozky renko swo; Грегорый Четвертенъский Подкоморый Луцкий: Oczewiscie proszony Pieczentarz Zygmont Wylczynsky Podczaszzy Wolynsky: Andrzej z Wysokiego Kaszewsky Lowczy Wolynski: Jako proszony Mikolay Swiatopolk Czetwertensky: Pawel Drucky Lubecky, Podstarosci Lucky: Henryk z wysokiego Kaszewsky Mppra: Который же то запись менованое фундации за подаемъ, Прызнаемъ и жаданемъ вышъменованое е е мл: Княжны Соломирецкое, Капштеляное Смоленское, а за прынятемъ моимъ урядовымъ увесь спочатку ажъ до конца слово до слова такъ чтосе всобе маеть и замыкаетъ до книгъ нинешныхъ Кгородскихъ Луцкихъ есть уписанъ, скоторыхъ и тотъ выписъ подпечатю Кгородскою Луцкою, року вышъ на Акте менованого Мѣсяца Декабра десятого дня есть выданъ, писанъ въ Луцку. Утого экстракту Печать Кгородская Луцкая подъписъ руки тыми словы: Павелъ Друцкий Любецкий, Подстаростый Луцкий Т. Который же то екстракть за подаемъ и прозбою вышъменованое особы и за прынятемъ нашимъ Судовымъ увесь спочатку ажъ до Конъца Слово до Слова изъ Книгъ Земскихъ Луцкихъ есть уписанъ, Скоторыхъ и тотъ

выписъ подпечатю Земьскою Повету Луцкого року
теперешнего тысяча шестьсотъ чотырдесять четвер-
таго, мѣсяца Июня шестнадцатого дня есть выданъ,
писаиъ въ Луцку.

Корыговаль *Зиглобицкий* Тр.

Miejsce pieczęci Ziemskey
Powiatu Luckiego. Legit Kleczkowsky.

II.

НАЧАЛО УНІИ.

(Окончаніе *).

ВѢРОСПОВѢДНАЯ УНІЯ.

Употребленные къ этому лица не всегда пользовались одними кроткими средствами. Ревнители взялись преслѣдовать и осмѣивать русиновъ съ ихъ вѣроисповѣданіемъ, что принесло совершенно противные плоды, возбудило въ русинахъ взаимную ненависть къ полякамъ и зоркое вниманіе на тайныя козни, противъ нихъ сплетаемыя **).

*) Смотри 10 кн. Вѣст. Зап. Р.

**) Чтобы показать, какія преслѣдованія и натиски должны были терпѣть русины, вмѣстѣ съ усиліемъ обратить ихъ въ унію, я приведу только отрывокъ изъ протестаціи, внесенной львовскимъ братствомъ въ 1595 году въ городскіе Львовскіе акты *feria secunda post dominicam gamis palmaum*, и повторенной *feria quarta post dominicam conductus Paschae* членами того же братства, отправленными на сеймъ въ званіи пословъ отъ воеводствъ Кіевского и Брацлавскаго, князьями Адамоу Вишневецкимъ и Кирилоу Ружинскимъ. Въ этой протестаціи они жалуются, что „священниковъ русскихъ сажаютъ въ заключеніе, запираютъ церкви, вырываютъ изъ рукъ священниковъ и бросаютъ на земь святаго Тайны, оскверняютъ церкви и алтари, запрещаютъ звонить, принуждаютъ къ новому лѣтосчисленію, вопреки королевскому повелѣнію, старшинъ братства, наблюдающихъ за народомъ и чистотою вѣры, бросаютъ въ темницы и облагаютъ денежною пенею, запрещаютъ провозить мертвыхъ, или ходить со св. Тайнами къ больнымъ, не допускаютъ русиновъ къ ремесламъ, а тѣхъ, которые были уже записаны въ цехи, насиліемъ, денежною пенею и тѣлеснымъ наказаніемъ принуждаютъ ходить въ латинскій

Сигизмундъ III, воспитанный иезуитами и окруженный ими, или ихъ приверженцами, былъ упорнымъ врагомъ инновѣрцевъ и непреклоннымъ въ приведеніи ихъ подъ папскую власть. Хотя эта ревность лишила уже его шведскаго престола, однако онъ твердо рѣшился, во чтобы то ни стало, исполнить свой замыслъ съ русинами.

Мы уже выше сказали, что патріархъ Іеремія низложилъ кіевскаго митрополита Онисифора Дѣвочку и поставилъ на его мѣсто Михаила Рагозу. Отъѣзжая въ Турцію, патріархъ требовалъ отъ Рагозы, для уплаты Портѣ, слѣдующую, за посвященіе его въ митрополиты, сумму 15,000 асперъ, т. е. двѣсти пятьдесятъ талеровъ (около 359 руб. сер.), тѣмъ болѣе, что если бы митрополитъ самъ отправился въ Константинополь для рукоположенія, то издержки были бы гораздо значительнѣе. Митрополитъ медлилъ уплатою, такъ какъ его доходы не были слишкомъ вели-

---

костель, заставляють священниковъ приносить разныя подати латинцамъ, хватають по улицамъ русскихъ дѣтей, влчатъ въ свои латинскія школы, бьютъ и чинятъ имъ различныя оскорбленія, нищихъ русскихъ выгоняють изъ домовъ, нападаютъ ночью на церкви, не только самыя церкви, но и алтари безчестять, съ каедръ и на ратушѣ называютъ ихъ язычниками, ругаются надъ сватынею" и т. д. Въ этихъ несправедливостяхъ, дѣлаемыхъ, по повелѣнію и наущенію Суликовскаго, латинскаго архіепископа, обвиняють городской совѣтъ, составленный изъ католиковъ, и римское духовенство. Русины внесли въ надворный королевскій судъ дѣло по этимъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, и уже былъ назначенъ срокъ рѣшенію, но король своимъ указомъ *sabbatho ante festum Pentecostes* въ 1595 году (подлинникъ сохранился) отложилъ его на годъ, и потомъ этотъ срокъ постоянно былъ отлагаетъ съ году на годъ, пока дѣло не было рѣшено, по прошествіи цѣлаго вѣка и нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, когда уже вымерли три поколѣнія, не говоря о ежегодной депутаціи посланной въ Варшаву, огромныхъ издержкахъ на проѣздъ, податяхъ и подаркахъ канцлерамъ и судьямъ. И это Нѣщевичъ имѣлъ смѣлость назвать, во вступленіи къ исторіи Сигизмунда III, стр. XIII: „для всѣхъ равно неотлагательною и безпристрастною справедливостію.“ Можно ли дальше этого простирать насмѣшку надъ истиной, или безразсудную похвальбу? Подобныхъ продѣлокъ можно бы привести безчисленное множество. Ежели во Львовѣ, столицѣ галицкой Руси, вводилась такія образомъ унія, то что же должно было происходить въ областяхъ и по малымъ городамъ?

ки, и просилъ отсрочки, на которую патріархъ согласился, но въ случаѣ неустойки грозилъ отрѣшеніемъ отъ сана. Потомъ, чрезъ Молдавію, патріархъ воротился въ Царьградъ*).

Суровый поступокъ съ Дѣвочкой и Злобой и строгое наказаніе, установленное патріархомъ, поразили не одного изъ высшихъ духовныхъ. Многіе изъ нихъ сознавали за собою какую-нибудь вину, тѣмъ болѣе, что это духовенство, нѣсколько вѣковъ оставленное самому себѣ, безъ надзора, среди людей темныхъ, привыкло позволять себѣ немалые беспорядки. Особенно страшился нѣкто Кирилъ Терлецкій, епископъ луцкій и острогскій, челоуѣкъ изворотливый, рѣчистый и по своей придворной ловкости хорошо принятый при дворѣ князя Острогскаго. Во первыхъ, онъ чувствовалъ себя виновнымъ въ той же незаконности, за которую былъ низложенъ митрополитъ Дѣвочка, т. е. въ двоеженствѣ; неизвѣстномъ еще патріарху, и потому его обвиняли, можетъ быть отчасти и неосновательно, въ разныхъ преступленіяхъ, даже въ смертоубійствѣ и поддѣлкѣ монеты**). Впрочемъ, Кирилъ такъ искусно под-

---

*) Плата или такса за буллу на архіепископство или епископство издавна существуетъ въ римской церкви и составляетъ значительную сумму; а нѣкогда папы имѣли и, такъ называемое, право аннаты т. е., ежегоднаго оброка съ порожняго епископства. Требованіе патріарха тѣмъ менѣе должно казаться удивительнымъ, что у патріарха не было ни областей, ни волостей, и только такого рода доходами существовалъ онъ со своею консисторіею, и притомъ долженъ былъ платить дань Портѣ. Сарчинскій, въ изображеніи вѣка Сигизмунда III (т. II, стр. 127), пишетъ, что патріархъ приговорилъ митрополита къ отрѣшенію отъ сана за то, что тотъ не выплатилъ положенной суммы денегъ и не признавалъ въ немъ главы восточной церкви; но дѣло не такъ было: Рагоза признавалъ патріарха отъ самаго его отбытія изъ Польши въ 1590 году, распоряженія свои представлялъ ему на утвержденіе, и приговоры патріаршіе оглашалъ. И хотя онъ и не выплачивалъ таксы за свое посвященіе, однако отъ сана не былъ отрѣшенъ; иначе, не ужъ то бы православные стали слушаться его въ продолженіи семи лѣтъ до уніи, если бъ онъ былъ низложенъ и на его мѣсто патріархъ назначилъ другого? Наконецъ, есть подлинныя того времени письма патріарха и митрополита, которыя опровергають это показаніе.

***) Эти и другія обвиненія находятся въ рукописи, упомянутой выше въ прим. 36, которой подлинникъ хранится въ Львовѣ и, по всему вѣроятію, будетъ изданъ въ Москвѣ.

дѣлался къ патриарху и разными происками съумѣлъ дать дѣлу такой счастливый оборотъ, что тотъ не только не вошелъ въ разсмотрѣніе его жизни, но даже, уѣзжая изъ Польши, наградилъ его титуломъ ексарха, т. е. своего намѣстника на Руси.

Образъ жизни и нравы епископовъ русскихъ, ихъ пороки и свойства не укрылись отъ зоркаго глаза тѣхъ, которые поставили себѣ задачей соединеніе обоихъ вѣроисповѣданій. Знали, что митрополитъ Михаилъ былъ человекъ добродѣтельный и благочестивый, но слабый, нерѣшительный и лишенный той силы духа, которая была необходима въ подобныхъ обстоятельствахъ. Мелетій Бучуринскій Хребтовичъ, епископъ владимірскій и прототроній*), знатнаго рода, воспитанный для барства и обремененный дряхлою старостью; епископы: Леонтій Пелчинскій—туровскій, Діонисій Збируйскій—холмскій, также Михаилъ Кобыстынскій—перемышльскій; люди достойные, но ограниченныхъ понятій и способностей и притомъ охотники до спокойствія; Гедеонъ Бодобанъ львовскій изъ богатаго рода, непреклонный въ убѣжденіяхъ, славолюбный и приверженецъ своей вѣры, а Кириллъ Терлецкій—уклончивый, непостоянный и на все готовый. Этого-то послѣдняго избрали орудіемъ введенія униі и склоненія къ ней прочихъ владыкъ, тѣмъ болѣе, что извѣстно было, какая опасность грозитъ ему отъ патриарха, если только жизнь его обнаружится. Въ выборѣ не ошиблись. Кириллъ, убѣжденный, согласился дѣйствовать въ пользу желаемой цѣли.

Кромѣ Терлецкаго, нуженъ былъ еще другой человекъ для успѣшнаго исполненія замысловъ; но такого трудно было найти между русскими епископами. По этому иезуиты и другіе католики, участники тайны, обратили свое вниманіе на Адама Поцѣя, сенатора, каштеляна керестейскаго, который, овдовѣвъ, расточилъ собственное родовое имѣніе и приданное жены, и жилъ въ недостаткѣ. Ему обѣщали испросить у короля право на доходное епископство владимірское по смерти дряхлаго и умирающаго старца, Мелетія

---

*) Прототроній. Этотъ титулъ принадлежалъ епископамъ Владиміра Волынскаго. Они занимали на епископскихъ соборахъ первое мѣсто послѣ кievскаго митрополита.

Хребтовича, въ чемъ и самъ король увѣрилъ его, но съ условіемъ дѣйствовать за одно съ Терлецкимъ въ дѣлѣ введенія униі *). Охотно принявъ Поцей это предложеніе открывавшее ему удобный случай поправить свое состояніе. И точно, онъ въ 1592 году, по кончинѣ Мелетія былъ возведенъ въ санъ епископа подъ именемъ Ипатія. Поцей происходилъ отъ православныхъ родителей умѣреннаго достатка; воспитанъ былъ въ дому князей Радивиловъ, державшихся ученія кальвиновъ, которое и онъ принялъ; много путешествовалъ, былъ человѣкъ образованный, рѣчивый, свѣдущій въ современныхъ ему наукахъ и пожалованный въ сенаторы по ходатайству Радивиловъ. Въ дѣлѣ вѣры онъ былъ совершенно равнодушенъ: переимѣнить вѣру было ему ни почемъ, и потому его обвиняли въ частыхъ переходахъ изъ одного исповѣданія въ другое *). И такъ, этимъ двумъ человѣкамъ было поручено совершить унию.

Патріархъ установилъ, чтобы митрополитъ ежегодно созывалъ Соборъ изъ епископовъ для совѣщанія о церковномъ имуществѣ, введеніи нужныхъ распорядковъ и отстраненіи могущихъ встрѣтиться злоупотребленій. Первый таковой соборъ состоялся въ Берестѣ Литовскомъ, въ іюнѣ 1590 года, на которомъ много прекраснаго было постановлено. Тутъ же опредѣлили, чтобы въ этомъ самомъ мѣстѣ и въ это самое время въ будущій и послѣдующіе годы, подѣ страхомъ денежнаго и духовнаго наказанія, каждый епископъ являлся съ знатнѣйшимъ своимъ духовенствомъ; также, по предложенію Терлецкаго, положили, чтобы каждый владыка привезъ съ собою записи, жалованныя грамоты, права и привилегіи на епископскія владѣнія, для

*) Jaekcl's Staatsveränderung Polens. II. Th. S. 118.

**) Священникъ львовскій, современникъ, присутствовавшій на соборѣ въ Берестѣ въ 1596 году, при оглашеніи униі, въ рукописи своей, упомянутой въ прим. 38 и 57, обвиняетъ Поцѣя, можетъ статья, и черезъ чуръ, въ многократныхъ переходахъ изъ одной вѣры въ другую, и даже присовокупляетъ, что Поцѣй извѣдалъ и жидовщину. Но противъ этого обвиненія свидѣтельствуетъ письмо самаго Поцѣя къ провинціалу доминиканцевъ во Львовѣ, гдѣ онъ признается, что одинъ разъ, и то не долго, былъ евангелистомъ, но чтобы онъ былъ еще аріаниномъ, или исповѣдывалъ вѣру жидовскую, то это отвергаетъ.

того, чтобы положить для сбереженія эти документы въ надежномъ и безопасномъ мѣстѣ и въ то же время принять мѣры къ возвращенію отнятыхъ владѣній.

Подобные соборы составлялись и въ слѣдующихъ годахъ ежегодно. Въ 1591 году духовенство, съѣхавшись на соборъ, привезло съ собою и всѣ документы, сообразно съ прошлогоднимъ соборнымъ постановленіемъ, состоявшемся по предложенію Терлецкаго, о необходимости пересмотра похищенныхъ, отобранныхъ въ казну и потерянныхъ имѣній, принадлежавшихъ прежде русскимъ епископствамъ и монастырямъ. Соборъ 1591 года опредѣлилъ отнестись по этому дѣлу съ просьбою и представленіемъ къ королю и сейму; но прибывшіе на соборъ епископы, по настоянію хитраго Терлецкаго, за краткоюю времени, подписали два бланкета, скрѣпивши ихъ печатями, и тому же Терлецкому поручили, на свободѣ, переписать въ нихъ просьбу и представленіе и подать королю и сейму *).

Между тѣмъ Терлецкій обдѣлывалъ тайные замыслы своихъ товарищей. Гедеонъ Болобанъ львовскій, раздосадованный унижительными для него спорами о духовной власти со львовскимъ братствомъ, сначала было согласился съ нимъ, потомъ отказался **). Терлецкій поны-

*) Каменскій, въ Исторіи Уніи, стр. 40 и рукопись: „Престорога зѣло потребная.“

**) Jaeckel Staatsveraenderung Polens. II, стр. 118. Такъ пишетъ Екель, но ошибочно: Гедеонъ Болобанъ не былъ на соборѣ ни въ 1593, ни въ 1594 годахъ. Митрополитъ, по жалобѣ львовскаго братства на разныя его злоупотребленія, приказалъ ему явиться на соборъ 27-го іюня 1593 года, но онъ не пріѣхалъ и въ тотъ же день былъ заочно судимъ и отлученъ. Позванный во второй разъ на соборъ въ 1594 году, 1-го іюля, онъ снова не явился, и опредѣленіемъ того же дня заочно былъ отсужденъ отъ богослуженія въ епископскомъ облаченіи. Оба эти опредѣленія хранятся въ подлинникѣ, въ ставропигіальномъ архивѣ и доказываютъ: а) что Гедеонъ, не будучи въ эти годы на соборахъ, не могъ подписать прошеніе къ папѣ и королю; б) что сей послѣдній актъ былъ написанъ на бланкетахъ, давно уже подписанныхъ, именно, еще въ 1591 году; в) что Болобанъ не былъ въ единomyслии съ прочими владыками, ибо эти послѣдніе въ вышеупомянутыхъ опредѣленіяхъ лишили его епископскаго сана и отлучили отъ церкви; г) что князь Острогскій былъ въ то время еще въ пріятельскихъ сношеніяхъ съ Терлецкимъ и Подѣвскъ,

талъ Мелетія Хребтовича владимірскаго, но встрѣтилъ въ немъ затрудненіе; однако, когда, въ концѣ 1591 или началѣ 1592 года умеръ Хребтовичъ и на его мѣсто посвященъ былъ Инатій Поцѣй, тогда въ этомъ послѣднемъ онъ нашелъ себѣ ревностнаго приверженца въ дѣлѣ уніи. Оба покушались привлечь на свою сторону Михаила Копыстынскаго, епископа перемышльскаго, но этотъ ни коимъ образомъ не поддавался *). Такой же отпоръ встрѣтили они и въ прочихъ владыкахъ. Не смотря на это, ни тотъ ни другой не упалъ духомъ. Они надѣялись, что когда дѣло сдѣлается, то одни изъ епископовъ по безсилію, другіе по нерѣшительности не стануть противиться тому, чего король неотступно домогается и чему латинское духовенство такъ усиленно способствуетъ. По этому на одномъ бланкетѣ они написали актъ подданства папѣ, а на другомъ объявленіе этого королю, съ просьбою, чтобы онъ благоволилъ, своимъ ходатайствомъ въ Римѣ, содѣйствовать имъ въ полученіи отъ папы согласія на тѣ условія, какія они сочли нужными для успокоенія умовъ русскаго народа.

чего никакъ не могло случиться, если бъ онъ зналъ, что они дѣйствительно замышляютъ унію; д) что соборъ 1594 года былъ не въ декабрѣ, какъ пишетъ Сярчинскій во львовской Пчелѣ на 1830 годъ т. II, стр. 197, но въ іюнѣ и началѣ іюля; е) что споражи между Терлецкимъ и Поцѣемъ объ уніи происходили тайкомъ и до 1595 года не были предметомъ соборныхъ совѣщаній; ж) что согласно съ рукописью, вышеприведенною въ прим. 38, митрополитъ Михаилъ до 7 октября 1596 года, ничего и знать не хотѣлъ объ уніи, и только эти двое, Терлецкій и Поцѣй, были виновниками.

*) Ежелъ, равно какъ и Сярчинскій, ошибаются въ томъ, будто бы Копыстынскій, епископъ перемышльскій, согласился на унію; онъ въ собственномъ письмѣ, подлинникъ коего находится въ ставропиг. архивѣ, отъ 22 декабря 1592 года, отвергаетъ эту ложную молву о себѣ, распущенную, вѣроятно, іезуитами, и клянется въ вѣрности православію. И притомъ извѣстно, что изъ епископовъ только онъ, да Волобанъ остались непоколебимы при старомъ вѣроисповѣданіи. Обстоятельство, достойное глубокаго вниманія, что наша русь галицкая, какъ долго ни оставалась подъ польскимъ ярмомъ, но все таки съ большою силою противилась уніи, и хотя, наконецъ, должна была принять ее, но принала цѣлымъ столѣтіемъ позже, чѣмъ прочіе края, присоединенные къ Польшѣ.

Какъ скоро вѣсть объ этомъ разнеслась, написалъ къ нимъ князь Константинъ Острогскій, убѣждая оставить свои за-тѣи, и они сначала заперлись, но потомъ, сбросивъ съ себя личину и не уважая его предостереженія, весной, 1595 года, отправились въ Варшаву и подали королю свою просьбу. Сигизмундъ принялъ ихъ чрезвычайно благо-склонно, обѣщалъ свое заступничество предъ папою, и указомъ отъ 20 іюля 1595 года, утвердилъ равенство правъ и вольностей русскаго униатскаго духовенства съ латинскимъ. Что же касается до засѣданія русскихъ епископовъ въ сенатѣ, котораго они такъ сильно желали, то вопросъ объ немъ былъ отложенъ до рѣшенія сейма; а между тѣмъ король обоихъ депутатовъ съ актомъ подданства, присоеди-нивши къ нимъ своего секретаря, каноника Гембицкаго, отправилъ на свой счетъ въ Римъ.

Пока все это происходило въ Варшавѣ, Геденъ Болобанъ львовскій, посовѣтовавшись съ Михаиломъ Копыстынскимъ, епископомъ перемышльскимъ, и съ прочими духовными и свѣтскими особами, внесъ 1-го іюля 1595 года, во владимирскіе городскіе акты протестацію противъ дѣйствій Терлецкаго и его соумышленника, объявляя, что ни онъ, ни прочіе изъ епископовъ не писали о томъ соединеніи ни къ папѣ, ни къ королю, и ежели оказалось подобное прошеніе, то оно обманомъ было написано на пергаменныхъ бланкетахъ, подписанныхъ и выданныхъ совершенно для иной цѣли *). Равно и князь Острогскій не только тоже устно свидѣтельствовалъ, но и письменно, 25 іюля 1595 года внесъ протестацію въ общественные акты **).

Наконецъ, въ ноябрѣ 1595 года, русскіе депутаты: Терлецкій и Поцей, прибыли въ Римъ. Папа Климентъ VIII принялъ ихъ съ невыразимую радостью; на его счетъ доставили имъ самое обильное содержаніе, а суббота 23 декабря 1595 года, была назначена для принятія отъ нихъ подданства и присяги. Въ этотъ день, при полномъ собраніи кардиналовъ и въ присутствіи первостепенныхъ санов-

*) Węgieńskiego Jędrzeia Histor. Kosciola Ewang. Słowians. roku 1650 wydana str. 466.

***) Piasecki str. 139.

никовъ римскаго двора и другихъ высшихъ особъ, русскіе епископы были введены въ ватиканскій дворець на публичную аудіенцію. Тамъ, упавши на колѣна и поцѣловавъ папскія ноги, подали папѣ привезенный съ собою актъ подданства, который сначала былъ прочитанъ на подлинномъ русскомъ языкѣ, а потомъ въ латинскомъ переводѣ. Затѣмъ послы на колѣнахъ били челомъ, чтобы папа со- благоволилъ принять ихъ, какъ своихъ дѣтей и изъявилъ свое согласіе на то, чтобы таинства крещенія, равно какъ Тѣла и Крови Христовыхъ, остались при старомъ, ими ува- жаемомъ, образѣ совершенія; чтобы не принуждали ихъ къ крестному ходу въ праздникъ Тѣла Христова и къ освя- щенію огня предъ свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ; чтобы имъ удержать прежніе торжества и обряды, а свя- щенникамъ вольно было жениться; наконецъ, чтобы ихъ не принуждали ѣздить въ Римъ для утвержденія въ епископ- скомъ достоинствѣ. Все это, сообразно съ обстоятельствами, было имъ обѣщано. Тогда они отъ себя и отъ имени всего народа отдали честь подданства и принесли присягу, а под- коморій папскій, Сильвій Антонинъ, сказалъ имъ отъ лица папы: «Наконецъ, по прошествіи ста пятидесяти лѣтъ, возвращаетесь вы, епископы русскіе, къ камню вѣры, на коемъ Христосъ утвердилъ Свою церковь, къ святой горѣ, на коей Богъ основалъ Свою обитель, къ матери и настав- ницѣ всѣхъ христіанскихъ церквей, къ святой римской церкви» и т. д.

Чтобы передать памяти потомства этотъ торжественный обрядъ, была выбита въ Римѣ медаль. На одной ея сто- ронѣ находится грудное изображеніе папы Климента VIII, а на другой папа сидитъ на престолѣ и у ногъ его лежитъ русскій епископъ, съ надписью: *Ruthenis receptis 1596* *). Папа щедро одарилъ Поцея и Торлецкаго; нѣкоторые кар- диналы и сановники двора пригласили ихъ къ своему столу **). Въ слѣдъ за ними папа послалъ письмо къ Си-

*) Кажется, это случилось 25 декабря, 1595 года по старому, а 4 января по римскому лѣтосчисленію, и отъ того на медали означенъ уже 1596 годъ.

**) Русины сначала не хотѣли ѣсть мясныхъ кушаньевъ за столомъ римскихъ прелатовъ, но тѣ съ насмѣшкой сказали имъ, что они, будучи въ униі, смѣло могутъ уже отступить отъ стро-

гизмунду, въ которомъ ходатайствовалъ у короля о принятіи ихъ въ число сенаторовъ; но имъ было отказано въ этой почести, которой они такъ сильно добивались. Не только епископы польскіе не приняли ихъ въ сенатъ, даже и капитула краковская, на погребеніи Сигизмунда III, не уступила имъ добровольно первенства. Въ послѣдствіи, также какъ и прежде, звали ихъ, изъ презрѣнія и для отличія, владыками и епископами *).

Въ 1596 году депутаты, воротившись изъ Рима, нашли въ народѣ движеніе, негодованіе и большія замѣшательства **). Но это не устало ни ихъ, ни короля. Сигизмундъ повелѣлъ митрополиту созвать соборъ къ 6 октября 1596 года, для обнародованія окончательно-рѣшеннаго дѣла и введенія необходимо-слѣдовавшихъ за тѣмъ перемѣнъ. Для предсѣдательства на этомъ соборѣ онъ назначилъ католиковъ: Дмитрія Яна Суликовскаго, архіепископа Львовскаго, Мацѣйовскаго, епископа луцкаго, Гомолинскаго, епископа холмскаго, Христофора Радзивила, воеводу троцкаго, Льва Сапѣгу, канцлера, Дмитрія Халецкаго, казначея литовскаго, и своего собственнаго казначея, іезуита Петра Скаргу, — въ званіи королевскихъ комиссаровъ. Прибыли и русскіе епископы, а также князь Острогскій съ нѣкоторымъ числомъ своихъ приверженцевъ, но не такъ большимъ, какъ ему хотѣлось, ибо этого ему не позволили, и множество иныхъ князей, сенаторовъ и русскихъ православныхъ дворянъ. Уже приближалось 6 октября, а боязливаго митрополита трудно было отыскать. Наконецъ явился и онъ, 5 октября, передъ вечеромъ.

гихъ предписаній восточной церкви. См. рукопись, упомянутую выше въ прим. 38. „Престорога зѣло потребна.“

*) Въ польскомъ языкѣ, когда рѣчь шла о католическомъ епископѣ, говорили „Biskup,“ но русскаго епископа для отличія называли „episcop.“

***) Пясецкій, епископъ католическій и современникъ, въ своей хроникѣ, стр. 164 и 165, такъ пишетъ: *Reversi illi in Poloniam secus quam sperarunt, aversos a se et ab unione illa caeterorum ritus istius ecclesiasticorum et secularium animos invenerunt.... Eam (unionem) impugnarunt et omnibus populis adeo exosam fecerunt, ut a udito solo unionis nomine ab omni de eo tractatu prorsus abhorcant et nihil magis hocusque quam tumultus istorum seditiosus et querelae perennes pro unione et contra unionem Rempublicam turbant.“*

Противники уніи, не медля, въ тотъ же вечеръ, послали къ нему вывѣдать его мысли и спросить, чью сторону станетъ онъ держать? И онъ многократно и торжественно заявлялъ, что къ уніи не пристанетъ и даже знать объ ней ничего не хочетъ *), но въ ночи противная сторона такъ передѣлала его, что на слѣдующій день онъ сталъ за унію и прекратилъ всякія сношенія съ прежней своей стороною. Въ этихъ обстоятельствахъ противники уніи избрали себѣ двухъ маршалковъ, одного духовнаго, а другого свѣтскаго, для распоряженія дѣлами и представленія собору своихъ основныхъ положеній. Послѣ многоразличныхъ переговоровъ и споровъ, наконецъ состоялся соборъ 6 октября подъ предсѣдательствомъ архіепископа Суликовскаго, какъ начальника русскаго духовенства, соединеннаго съ Римомъ. Здѣсь, кромѣ выше упомянутыхъ королевскихъ комиссаровъ католиковъ, со стороны уніи засѣдали: митрополитъ Михаилъ Рагоза, епископы: Ипатій Подѣй Владимірскій, Кирилъ Терлецкій луцкій, Іоаннъ Хохолъ пинскій, на мѣсто умершаго Пелчинскаго, Гермогенъ или, какъ пишутъ другіе, Германъ полоцкій, и Діонисій Збигувскій холмскій; также нѣкоторые польскіе паны и іезуиты. Они составляли римско-русскій или уніатскій соборъ, на которомъ, однако, не было ни одного русскаго пана. Противная сторона держала отдѣльный соборъ греко-русскій, не признавшій уніи. Его составляли, епископы: Гедеонъ Болобанъ львовскій, Михаилъ Бопыстынскій перемышльскій, Никифоръ, протосингелъ церкви Константинопольской и легатъ цареградскаго патріарха, Кирилъ Лукарій, въ то время ректоръ острогской академіи, и позднѣе патріархъ цареградскій, на этотъ же разъ какъ протосингелъ александрійскаго патріарха, Никифоръ Туръ, архимандритъ киевопечерскій, Григорій Болобанъ архимандритъ жидечинскій, Ілья Плетенецкій, архимандритъ лединскій, и множество иныхъ изъ высшаго и низшаго ду-

*) Самое большое вліяніе на слабого митрополита оказалъ бывший его протонотарій, Григорій Ивановичъ, котораго сторона, подрѣзывавшая унію, переманила къ себѣ, обѣщаніемъ ему отъ короля привилегіи на полоцкое архіепископство. Онъ-то и обдѣлил митрополита взятъ сторону королевскую.

ховенства; изъ свѣтскихъ: князь Константинъ Острогскій, воевода кievскій, множество князей, сенаторовъ, чиновниковъ и дворянства. Всѣ они, посовѣтовавшись отдѣльно, подали уніатамъ письменное объявленіе и протестацію, что, хотя они и пріѣхали, позванные королевскимъ универсаломъ, для устроенія единства и согласія, однако, узнавъ, что митрополитъ уже открыто отступилъ отъ древняго вѣроученія и принялъ безъ ихъ воли и согласія римскіе обряды, видятъ, что имъ не о чемъ уже болѣе совѣщаться, а остается только согласиться на сдѣланное другими; и потому, собравшись въ отдѣльномъ засѣданіи и выслушавши мнѣніе дворянскихъ пословъ, созванныхъ епископовъ и членовъ православной церкви, постановляютъ: 1) чтобы всѣ духовные, отступившіе отъ повиновенія патриарху цареградскому, были лишены своего сана; 2) чтобы не дѣлать ни какихъ перемѣнъ въ вѣрѣ безъ соизволенія патриарха; 3) чтобы ни подъ какимъ видомъ не принимать римскаго лѣтосчисленія (календаря). Этими объясненіемъ, торжественно поданнымъ и обнародованнымъ, они не только не приняли уніи, утвержденной присягою въ Римѣ, но и настоящій соборъ не признали дѣйствительнымъ. Когда городское начальство Береста, боясь короля, не хотѣло принять этой протестаціи, подписанной всѣми духовными и свѣтскими противниками уніи и скрѣпленной печатями, то она была внесена въ новгородскіе акты; другая особая протестація отъ князя Острогскаго была записана въ сеймовыя книги въ Варшавѣ въ 1596 году *), а третья отъ сенаторовъ и дворян-

---

*) Сярчинскій въ „Изображеніи вѣка Сигизмунда II“ (т. II стр. 45), и въ другомъ мѣстѣ, пишетъ, что сначала князь Константинъ Василій Острогскій благопріятствовалъ намѣренію соединить оба вѣроисповѣданія, и просилъ папу Григорія XIII прислать ему славянскую біблію, объявляя свое согласіе принять желанное соединеніе; но раздосадованный тѣмъ, что въ дѣлѣ уніи и посольствѣ въ Римъ не обратили на него вниманія и не отправили посломъ, а еще болѣе тѣмъ, что русскимъ епископамъ было отказано въ мѣстѣ въ сенатѣ, остался на сторонѣ отщепенцевъ. Но дѣло совершенно иначе происходило. Князь Острогскій желалъ получить біблію изъ Рима, но жалея потому только, что вѣручилъ отыскивать по всей Европѣ еписки Свѣдцоваго Писанія на славянскомъ языкѣ для изданія ихъ въ своей типографіи, что

скихъ пословъ включена княземъ Юриемъ Друцкимъ-Горскимъ въ городскіе радзѣвскіе акты.

дѣйствительно и сдѣлалъ съ большимъ издивеніемъ въ 1581 году. О принятіи уніи онъ никогда не помышлялъ, и самъ Сярчинскій пишетъ далѣе: „Онъ былъ самымъ пламеннымъ почитателемъ своей благочестивой вѣры и обрядовъ.“ Но спрашиваю: желаніе, который самымъ ревностнымъ образомъ исповѣдуетъ свою вѣру, можетъ ли быть способнымъ на то, чтобы играть ею и князь, ее, какъ одежду? Только тотъ, кто внутренно убѣжденъ показательствами истины, или легкомысленный равнодушецъ, можетъ мѣнять, переимѣнять и измѣнять вѣру, въ который былъ воспитанъ. Дружеское письмо князя ко львовскому братству отъ 6 декабря 1581 года, помѣщенное въ Кіевлянинѣ на 1841 годъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ много скорбѣлъ онъ, что сынъ его, Константинъ литовскій крайчій, отступилъ отъ отцовской вѣры, и сколько заботливости, сколько мѣръ различныхъ, употреблялъ онъ, чтобы и другой его сынъ, Александръ, не дѣлалъ того же! Нерасположенія къ уніи, будто бы съ того, что не отправили его посломъ въ Римъ, также нельзя допустить. Кто изъ князей Острогскихъ бывалъ когда либо посломъ? Могло ли статься, чтобы вельможа, который жилъ, какъ царь, и былъ столько могущественъ, какъ самъ Сярчинскій свидѣтельствуетъ; котораго во владѣніяхъ было болѣе 600 церквей (стр. 44); котораго одинъ сынъ былъ господиномъ половины Руси (с. 42), а по смерти своей, кромѣ серебра, драгоценныхъ камней и жемчугу, однимъ угорскимъ золотомъ оставилъ 300,000 червонцевъ въ вѣличности; котораго другой сынъ, Александръ, воевода волынской, велѣлъ сорвать дѣбри, замывавшія ворота королевскаго замка, чтобы свободнѣе вѣзхаты къ королю со всею своею многочисленною свитою; который имѣлъ десять миліоновъ ежегоднаго дохода (с. 45); *) у котораго сенаторъ, польскій воевода,

*) Считаю 1,200,000 зл. (сходно съ таблицею, помѣщеною Нѣмцевичемъ въ исторіи царствованія Сигизмунда III, на стр. LXXXIII Вступленіи), по цѣнѣ тогдашней монеты—9 за одинъ¹, мы получаемъ сумму десяти миліоновъ восьми сотъ тысячъ польскихъ злотыхъ. Такъ и Свенцій во II т. (стр. 54) вычислялъ ее по таблицѣ Чацкого до 10,000,000 злотыхъ, что составило бы 1,800,000 нынѣшнихъ серебр. руб. Могуцество и значеніе Константина были велики: это показываетъ и то обстоятельство, что одного его сына, еще при жизни отца, король сдѣлалъ первымъ сенаторомъ, т. е. краковскимъ каштеляномъ и, сверхъ уже принадлежавшихъ ему владѣній, далъ еще (можетъ статься за переимѣну вѣры) почти всѣ большія русскія староства, какъ то: владимірское переяславское, бѣлоцерковское, черкасское, каневское и бо-

Соборъ римско-русскій не уважилъ этой протестаціи, и въ тотъ же день, т. е., 9 октября, 1599 года, прочитана была въ церкви Св. Николая папская булла, коею обнаружена унія. Гермогенъ, епископъ полоцкій, отслужилъ литургію по-русски, съ измѣненіями, приносившими униі, при чемъ іезуитъ Скарга говорилъ проповѣдь, а на слѣдующій день, т. е. 10 октября, тотъ же соборъ проявлялъ противную сторону и низложилъ епископовъ львовскаго и перемышльскаго, также архимандритовъ, игуменъ

служилъ маршалкомъ двора за 70,000 ежегоднаго жалованья котораго весьма часто окружали двѣ тысячи пановъ русскихъ и польскихъ въ званіи придворныхъ и пажей (с. 45); который въ услуженіи у себя имѣлъ даже русскихъ князей, а по нѣкоторымъ писателямъ, самихъ Гедминовичей (князь Евстафій Ружинскій былъ у него кievскимъ намѣстникомъ, какъ свидѣтельствуемъ подлинникъ); который справедливо именовалъ себя потомкомъ св. Владимира; могло ли статься, повторяю, чтобы столь могущественный князь пожелалъ отправиться посломъ въ Римъ и на колѣнахъ отречься вѣры, которую предокъ его насадилъ на Руси? Точно такимъ же образомъ и другая причина, отказъ русскимъ епископамъ въ сенаторскихъ мѣстахъ, несостоятельна. Зачѣмъ ему до биваться, чтобы русскіе епископы сидѣли съ нимъ вмѣстѣ въ сенатѣ,—ему, который въ своей особѣ представлялъ двухъ, людкаго и острогскаго; у котораго Кирилъ Лукарій, въ послѣдствіи патріархъ константинопольскій, былъ ректоромъ острогской академіи и получалъ жалованье? Стало бытъ, не иное что могло бытъ причиною, удержавшею его въ вѣрѣ отцовъ, какъ та ревность о которой пишетъ Сярчинскій. Нельзя ручаться, чтобы съ немъ не были соединены и другія побужденія. Кто можетъ сказать навѣрное, что Константинъ, зная великую привязанность народа къ своему дому, не помышлялъ, что кто-нибудь изъ его потомковъ, удержавши древнюю русскую вѣру, отличную отъ польской, воскреситъ и древнюю южнорусскую державу? Эта догадка очень правдоподобна. Можетъ статься, такое предположеніе острогскаго не было тайной для польскаго двора, и оно-то, вѣроятно, послужило причиною паденія столь могущественнаго дома, который, несмотря на то, что его составлялъ старикъ и съ нимъ трое сыновей, въ царствованіе Сигизмунда совершенно прекратился. Такая же участь постигла и прочихъ князей, происходившихъ изъ одного рода съ Острогскимъ, т. е., Заславскихъ: далѣе, не менѣе

гославское; а другаго сына, Александра, отщепенца, возвелъ въ санъ волинскаго воеводы. Не менѣе замѣчательно и то, что Константинъ хотѣлъ явиться на соборъ съ 20,000 вооруженныхъ, чего впрочемъ король ему не позволилъ.

ножь и протопоповъ. На оборотъ, соборъ греко-русскій, въ 17 день октября, низложилъ митрополита съ епископами униатами, какъ отщепенцевъ, и передалъ ихъ проклятію **). А король, съ своей стороны, 15 декабря, не смотря на то, что неуніаты отправили къ нему пословъ съ просьбою, чтобы онъ, помня свою королевскую присягу, не вмѣшивался въ дѣла совѣсти и держалъ ихъ при прежнихъ правахъ и свободномъ вѣроисповѣданіи, не допустивши къ себѣ пословъ одобрилъ дѣйствія римско-русскаго собора, а тѣхъ, которые приняли противное ему и вошли въ связи съ чужими (т. е., патриархомъ), осудилъ.

Такъ началась унія, которая обрушила необозримый рядъ бѣдствій не только на раздвоенный ею народъ русскій, но и на поляковъ. Ручьями лилась братняя кровь, гоненіямъ не было конца. Унія подала знакъ къ страшнымъ козацкимъ войнамъ, истребившимъ до мильона лю-

---

русскихъ князей Збаражскихъ, Корецкихъ *) и др. которые всѣ, при синовахъ Сигизмунда, сошли съ театра свѣта, и на развалинахъ ихъ домовъ появились новые польскіе роды: Конецпольскихъ, Любомирскихъ, Потоцкихъ, и т. п. Кто можетъ навѣрное сказать, во чьему наущенію послѣдній приверженецъ русской вѣры, князь Александръ Острогскій былъ отравленъ (Сярчинскій II, стр. 46)? Впрочемъ, все это простыя напрасныя догадки, которыя можно упомянуть въ исторіи, но выдавать за самую истину нельзя. Случай умышленнаго отравленія не были рѣдкостью. И Гедону Болобану было послано письмо, напитанное ядомъ, которое однако же, его миновало, но по поводу котораго начато было судебное слѣдствіе.

*) Называю ихъ русскими, равно какъ и другихъ, на пр. Вишневецкихъ, Чарторыйскихъ и т. п. Уже выше изложилъ я мое сомнѣніе на счетъ тѣхъ родословныхъ, которыя выводятъ происхожденія упомянутыхъ домовъ отъ Гедмина и Ольгерда. Одинъ только домъ князей Слуцкихъ былъ въ родствѣ съ владѣтельнымъ родомъ, Гедимино-Ягайловымъ, черезъ сестру Витовта, жену Андрея Ивановича, князя кievскаго, и мать Софьи, четвертой жены Ягайлы. Только этотъ домъ Олельковичей-Слуцкихъ пользовался въ Польшѣ и Литвѣ особенными почестями, отличавшими его отъ другихъ князей, единственно потому, что былъ связанъ кровными узами съ родомъ, сидѣвшимъ на престолахъ.

***) Engel, с. 105. Бантышъ-Каменскій с. 169.

*) Piasecki, стр. 138—164. Węglerski, стр. 463—477. Niemcewicz; Dzieje, стр. 333. Siarczyński, въ Psczole 197—200.

дей, обратившимъ въ пустыню богатыя русскія области и приведшимъ къ паденію, подкопанное уже безначаліемъ, зданіе Польскаго Государства.

Д. Зубрицкій.

(Перевелъ съ польскаго рукописнаго подлинника Ап. Майковъ).

О ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКВАХЪ ВЪ СТАРО-КОНСТАНТИНОВѢ.

Князь Константинъ Константиновичъ Острогскій, — человекъ набожный и благочестивый, отстававшій всѣми возможными способами православіе отъ латинства и протестантства, позаботился о томъ, чтобы въ новосозданномъ имъ городѣ, носившемъ его имя, Константиновѣ, было достаточно храмовъ Божіихъ, въ которыхъ поселившіеся въ немъ православные возносили бы молитвы свои къ Богу; — онъ позаботился и о томъ, чтобы въ Константиновѣ для народа православнаго, чтившаго православіе, какъ святыню, завѣщанную ему предками его, было достаточно пастырей духовныхъ которые поддерживали бы здѣсь православіе и укрѣпляли своихъ пасомыхъ въ вѣрѣ и благочестіи; — онъ, этотъ знаменитый поборникъ православія, позаботился и о томъ, чтобы настоятели константиновскихъ церквей были обеспечены въ матеріальномъ отношеніи, — и по этому для каждой изъ вновь построенныхъ въ Константиновѣ церквей онъ предоставилъ: поля, лѣса, сѣнокосы и разные доходы.

Въ г. Староконстантиновѣ, во 2-й половинѣ 16 вѣка, при князѣ Константинѣ Константиновичѣ Острогскомъ было построено 5-ть церквей: четыре въ самомъ городѣ, а одна на предмѣстьѣ, — двѣ каменныхъ, а три деревянныхъ; въ 17 вѣкѣ, когда уже пресѣлся родъ князей Острогскихъ, въ г. Староконстантиновѣ еще было построено двѣ деревянные церкви — на новомъ мѣстѣ; церкви эти слѣдующія:

1. Свято-троицкая каменная, въ замкѣ.
2. Соборная, Успенія пресвятыя Богородицы-каменная, въ городѣ.

3. Св. Великомученика Георгія,—деревянная, въ предмѣстьи.

4. Церковь Воскресенская,—деревянная, въ городѣ.

5. Церковь Спасская, деревянная, въ городѣ.

6. Церковь Честнаго креста, деревянная, въ предмѣстьи.

7. Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, деревянная, въ предмѣстьи.

Изъ вышеозначенныхъ церквей—пять существовало въ 16 столѣтїи, а именно: Свято-троицкая, Успенская, Св. Великомученика Георгія, Воскресенская и Спасская; одна изъ нихъ, церковь Георгіевская сгорѣла въ концѣ того столѣтїя,—по этому то въ инвентарѣ г. Староконстантинова 1610 года показано только четыре священника Староконстантиновскихъ церквей: Свято-троицкой, Успенской, Воскресенской и Спасской, дома которыхъ были свободны отъ платежа чинша.

Въ 1646 году было пять церквей: Свято-троицкая, Успенская, Воскресенская, Спасская и Честнаго креста.

Въ инвентарѣ 1728 года показано только три церкви: Свято-троицкая, Успенская и Воскресенская.

Въ инвентарѣ 1754 года показано также три церкви, неизвѣстно какихъ, но по всей вѣроятности, церкви: Свято-троицкая, Успенская и Рождество Богородичная.

Церковь Свято-троицкая, каменная, замковая, придворная церковь князя Константина Острогскаго; онъ здѣсь молился—изъ замка; изъ комнатъ дворца былъ выходъ на хоры этой церкви; церковь эта и теперь существуетъ и носитъ названіе замковой; когда именно она построена—неизвѣстно; по всей вѣроятности, тогда она построена, когда и замокъ; замокъ же начался строиться въ 1561 году, пусть онъ строился лѣтъ 10,—въ такомъ случаѣ онъ оконченъ и церковь замковая также въ 1571 году.—Въ 1581 и 1594 годахъ, князь Константинъ Константиновичъ Острогскій, воевода кievскій, маршалъ земли Волынской, далъ настоятелямъ этой церкви права: на селеніе Иршики *) и на отбирание мѣрки дня десятаго въ староконстантиновскихъ мельницахъ (которыхъ было 5-ть); права эти бы-

*) С. Иршики Староконстантиновскаго уѣзда, въ 15 верстахъ отъ г. Староконстантинова.

ли апробованы въ августѣ 1607 г. каштеляномъ краковскимъ, княземъ Янушемъ Острогскимъ, а въ октябрѣ 1646 года воеводой сандомирскимъ, княземъ Владиславомъ—Доминикомъ на Острогъ и Заславъ;—этотъ послѣдній подтвердилъ означенныя права, *по просьбѣ* (Suplika) мѣщанъ константиновскихъ, прихожанъ той церкви.— Въ настоящее время Свято-Троицкая церковь имѣетъ земли усадебной: въ городѣ одну десятину 249 сажень, а за городомъ— за р. Случью, гдѣ живетъ настоятель этой церкви о. Георгій Бачковскій, 3 десятины 1130 квадр. сажень, пахатной земли 43 десятины 1744 квадр. сажень, сѣнокосной 19 десят., лѣсу одна десятинна и 450 сажень. Эрекція на эти земли дана церкви княземъ Станиславомъ Любомірскимъ 11 ноября 1779 года, а на лѣсъ княземъ Янушемъ—Александромъ Сангушко, 22 января 1763 г.

Церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, каменная, существовала уже въ 1590 году; князь Константинъ Острогскій далъ этой церкви въ Острогъ 16 июля 1590 года право на хуторъ и на домъ Браковниковъ—и чтобы судъ свѣтскій не вмѣшивался въ дѣла духовенства и не судилъ этихъ дѣлъ; 29 июня 1562 года князь Константинъ Острогскій далъ въ городѣ Острогъ настоятелю этой церкви право пользоваться каждую недѣлю тремя колесами ночью и днемъ каждую пятницу въ мельницахъ константиновскихъ—и того же года 23 мая онъ далъ право и на другіе доходы (неизвѣстно какіе).

Церковь эта и теперь существуетъ; она была соборной, а теперь, когда соборная церковь устроена въ бывшемъ доминиканскомъ монастырѣ, она приписана къ соборной.— При этой церкви земли: усадебной внутри города $\frac{2}{3}$ десятины, виѣ города $1\frac{1}{2}$ десятины, пахатной въ 3-хъ смѣнахъ 36 десятинь, сѣнокосной 8 десятинь; лѣсу нѣтъ.

При этой церкви и при церкви замковой было церковныхъ крестьянъ, поселенныхъ на церковной землѣ, 89 душъ (въ 1859 году); по какому случаю и на какомъ основаніи они были поселены тамъ—и откуда они взяты—неизвѣстно; извѣстно только то, что они отбывали барщину священникамъ по дню въ недѣлю отъ двора; люди эти въ недавнее время переданы въ казенное вѣдомство и выселены изъ Староконстантинова на земли казенныя. Digitized by Google

Церковь св. Великомученика Георгія существовала уже въ 1574 году; она находилась на предмѣстьи г. Константинова (но за р. Случью или на новомъ мѣстѣ—неизвѣстно); князь Константинъ Острогскій далъ этой церкви два права: а) 4 августа 1574 года, писанное въ Константиновѣ, на взятіе мѣрки, каждую пятницу, въ мельницѣ с. Воронковецъ **) и тогда же даны поля; б) право, писанное въ Звягль 8 августа 1575 года, которымъ назначались къ этой церкви прихожанами крестьяне селеній: Воронковецъ, Пашковецъ ***) и Вербородинецъ, ****) а также 20 человекъ, жителей г. Староконстантинова, прихожанъ церкви Спасской, и 20 человекъ, жителей городскихъ, прихожанъ церкви Воскресенской.—Церковь эта передъ 1593 годомъ сгорѣла.

Церковь Воскресенская существовала уже въ 1575 году, деревянная; она находилась подлѣ городской ратуши, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь рынокъ; и этой церкви князь Константинъ Острожскій предоставилъ: поля, хуторъ, сѣнокосъ; права на взятіе мѣрки въ мельницѣ с. Воронковецъ; 16 марта 1593 года князь Острожскій правомъ, писаннымъ въ г. Дубнѣ, отдалъ настоятелю этой церкви приходъ, принадлежавшій къ церкви Георгіевской, сгорѣвшей; права эти апробованы въ г. Заславѣ 23 октября 1646 года княземъ Владиславомъ—Доминикомъ Заславскимъ, воеводой сандомирскимъ.

Церковь Спасская также существовала уже въ 1575 году; она была деревянная, находилась на томъ мѣстѣ, которое лежитъ между теперешними: уѣзднымъ казначействомъ и аптекой г. Циммермана. Князь Константинъ Острогскій 5 мая 1603 года—въ г. Острогѣ, далъ этой церкви право, въ которомъ объявляетъ, что онъ настоятелю церкви св. Спаса отцу Матвѣю отдаетъ приходъ—четвертую часть города въ духовное завѣдываніе, а также даетъ два колеса мучныхъ и третье отъ ступы каждой пятницы

**) С. Воронцы, на р. Случи, въ 7 верстахъ отъ г. Староконстантинова.

***) С. Пашковцы, на р. Икопоти, въ 4-хъ верстахъ отъ г. Староконстантинова.

****) С. Вербородинцы, въ 10 верстахъ отъ г. Староконстантинова.

день и ночь въ с. Пашковцахъ, а также поля и сѣнокосы; право это апробоваль 23 октября 1646 г. Князь Владиславъ—Доминикъ Заславскій, воевода сандомірскій.

Церковь Честнаго-Креста, деревянная, она находилась на Новомъ мѣстѣ,—на «Старикахъ» и называлась Старицкою; построена была она въ 1640 году; поля сѣнокосы и хуторъ далъ этой церкви въ 1641 году князь Владиславъ Доминикъ Заславскій, воевода сандомірскій.

Церковь Рождества Богородицы, деревянная на Новомъ мѣстѣ, она называлась «Новомѣскою и Шиховскою *), когда именно она построена—неизвѣстно; извѣстно только то, что она существовала уже въ 1687 году,—это доказываетъ находящійся въ той церкви св. Антиминсъ, на толстомъ холстѣ, съ такою надписью на срединѣ креста: «Божественный и священный алтарь Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа освященъ благодатію всеосвящающаго и животворящаго духа. Руководственъ же и благословенъ боголюбивымъ господиномъ отцемъ Аванасіемъ Шумлянскимъ, милостію Божіею епископомъ луцкимъ и острожскимъ, прототроніемъ митрополіи кievской» Авнизу: при державѣ всесвѣтлаго короля Іоанна третьего. Року Бож. 1687 мѣсяца дня положенъ въ храмѣ.»—Въ 1736 году церкви этой были выдѣлены поля сѣнокосъ и хуторъ, подлѣ хутора церкви Воскресенской. Въ 1807 году, вмѣсто деревянной церкви, построена была каменная церковь Рождества Богородицы священникомъ Николаемъ Палецкимъ и прихожанами. Церковь эта и теперь существуетъ. Эрекція на церковныя угодія этой церкви дана 5 іюля 1775 года княземъ Станиславомъ Любомірскимъ; вотъ эти угодія въ настоящее время: земли усадебной съ огородами $3\frac{1}{2}$ десятины, пахатной въ 3-хъ смѣнахъ всего 40 десятинь, сѣнокосной 8 десятинь и лѣсу 9 десятинь.

И такъ въ г. Староконстантиновкѣ при князѣ Константинѣ Острогскомъ было церковей немало; онѣ и духовенство при нихъ были обезпечены, матеріально, достаточнымъ образомъ; но князь Константинъ Острожскій уми-

*) Отъ рѣки Шиховки, протекающей подлѣ Новаго мѣста, и впадающей въ р. Случь здѣсь же подъ городомъ. Google

раетъ , а вскорѣ послѣ его смерти и весь родъ его угасаетъ ; огромныя имѣнія князей Острогскихъ переходятъ въ родъ князей Заславскихъ , окатоличившихся, — и духовенство константиновское, лишившееся православнаго своего патрона , начинаетъ испытывать вмѣшательства въ свои дѣла владѣльцевъ г. Староконстантинова и управляющихъ ихъ. — Такъ въ 1646 году, при князѣ Владиславѣ Доминикѣ Заславскомъ, — въ г. Староконстантиновѣ между тамошнимъ духовенствомъ вышли споры и недомѣнныя на счетъ доходовъ ихъ съ мельницъ и изъ другихъ источниковъ; вслѣдствіе этого князь Заславскій даетъ приказъ своимъ управляющимъ, чтобы они составили списокъ всѣхъ священниковъ константиновскихъ имѣній, вникнули въ ихъ споры, и приказали явиться имъ въ г. Дубно къ его сіятельству, для представленія ему своихъ правъ на угодія церковныя и на доходы, — на 7-е число марта 1647 года; если же кто нибудь изъ нихъ (всѣхъ священниковъ было 26) не явится на срокъ въ г. Дубно, то подвергнется штрафу въ казну князя 20 копѣ грошей литовскихъ.

Эрекціи князя Острогскаго на церковныя угодія уже князь Заславскій неохотно подтверждалъ; такъ, права, данныя княземъ Константиномъ Острогскимъ церкви замковой на с. Иршики и доходы съ мельницы г. Константинова онъ подтвердилъ только вслѣдствіе просьбы, ходатайства (*za suplika*) мѣщанъ константиновскихъ, прихожанъ той церкви; преемники же князя Заславскаго, по всей вѣроятности отняли у этой церкви вышеозначенныя права.

Когда именно водворилась унія въ с. Константиновѣ — неизвѣстно; извѣстно только то, что новомѣйская Рождество Богородичная церковь еще въ 1687 году была православная ; это видно изъ того, что св. Антиминсъ для этой церкви въ 1687 году былъ освященъ епископомъ луцкимъ и острогскимъ Аванасіемъ Шумлянскимъ , который былъ православнымъ луцкимъ епископомъ, а не уніатскимъ, съ 1687 года по 1695 годъ.

Церковь соборная Успенія Пресвятыя Богородицы въ 1631 году была еще православною; это видно изъ письма епископа луцкаго Пузины, бывшаго православнымъ луцкимъ епископомъ въ 1631 году, которое предъявлялъ кон-

стантинскій протопопъ Юсифъ Бульба въ 1946 году ;
 правяющимъ князя Владислава Доминика Заславскаго.

Съ вѣроятностью можно полагать , что православныя жители г. Староконстантинова сдѣлались униатами и церкви константиновскія униатскими не раньше 40-хъ годовъ 18 столѣтія ; вотъ основанія этого предположенія : известно, что по введеніи брестской уніи (въ 1596 году) оставшіеся въ предѣлахъ Польши и Литвы православныя терпѣли постоянныя гоненія. Короли, паны, ксендзы, особенно іезуиты постоянно думали и заботились о томъ, чтобы всѣхъ русскихъ и православныхъ, подданныхъ Польши, ополчить и скатоличить—Я не буду говорить здѣсь о тѣхъ жестокостяхъ, о тѣхъ притѣсненіяхъ, которыя терпѣли православныя отъ поляковъ католиковъ и отъ униатовъ; я скажу здѣсь только то, что Волынь была землю многострадальная, что всѣ терзанія, всѣ оскорбленія и притѣсненія русскимъ народомъ на Волыни, во время введенія уніи, забыть трудно, невозможно. Польскіе паны, бывшіе неограниченными властителями въ селеніяхъ ихъ имѣніяхъ, были собственниками, патронами русскихъ православныхъ храмовъ ; они самовластно распоряжались православными храмами и отдавали ихъ вмѣстѣ съ кормами въ аренду жидамъ.—Еще до начала 18 вѣка православныя кое какъ держались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; в началѣ 18 вѣка былъ еще въ Луцкѣ православнымъ епископомъ Кириллъ Шумлянскій, но разныя несправедливости и гоненія униатовъ заставили его удалиться изъ Луцка въ 1711 году; послѣ него уже не было на Волыни православныхъ епископовъ, во время польскаго владычества; униаты завладѣли здѣсь всѣмъ. Епископы униатскіе отбирали антикиты кievскіе и св. миро и раздавали свое; въ 1720 году открыто утверждены были уже епархіи: перемышльская львовская и луцкая и перешли въ унию. Если еще гдѣ оставались православныя монастыри и приходскія церкви, то они подвергались неслыханному изувѣрству униатовъ и католиковъ; ихъ обращали въ унию насильно; православныхъ иноковъ грабили, изгоняли и умерщвляли.—Наконецъ, для того, чтобы окончательно доконать православныхъ, епископы польскіе исходатайствовали у короля универсалъ въ 1747 году—не иначе поставятъ православныхъ священ-

нговъ, какъ только по сонзвѣленію самаго короля, и пощеники чтобы давали одобрительныя грамоты священникамъ только такимъ, которые соглашались на унию.—
 Имъ окончательно добились православныхъ. У нихъ не было уже ни епископа, ни священниковъ, по неволѣ они должны были сдѣлаться униатами!

Вотъ въ эти-то ужасныя для православныхъ годы, церковь староконстантиновскія, по всей вѣроятности, сдѣлалась униатскими!

Въ 1771 году церкви константиновскія: Рождества Пресвятыя Богородицы и Успенія Пресвятыя Богородицы были уже униатскія; въ томъ году, вотчинникъ Староконстантинова, князь Янушъ Сангушко писалъ къ епископу луцкому и острогскому, съ Божіей «и столицы апостольской» милости Екзарху митрополіи кievской и галицкой епископъ Варансія настоятеля въ Константиновѣ церкви Успенія Матери грекоуниатскаго исповѣданія; по этому Сангушко презентуетъ епископу священника Булковскаго и проситъ утвердить его тамъ, а онъ Сангушко представляетъ его при правахъ, данныхъ предшественниками Сангушко съ тѣмъ, чтобы онъ оставался въ единствѣ веры и послушаніи римско-католическаго костела до конца всей жизни.»

Тогда же Сангушко представлялъ тому же униатскому епископу, объ утвержденіи настоятелемъ церкви Рождество-Богородичной въ г. Староконстантиновѣ Алексѣя Палецкаго—на тѣхъ же условіяхъ.

Въ 1793 году Россія возвратила себѣ древнѣйшее достояніе свое на западъ—Волинь; Императрица Екатерина II-я возвратила православной церкви около полутора-статисъ сыновъ ея (съ 1754—1796 г.), отторгнутыхъ отъ нея лукавствомъ и насиліемъ; въ это время и церкви константиновскія сдѣлались опять православными.

БРЕСТЪ-ЛИТОВСКІЙ.

Извлеченіе изъ матеріаловъ для Географіи и Статистики. Грод. губер. (П. Вобровскаго).

Брестъ-Литовскій (Верестье, Brescia, Brzest, Brzesć), въ древности Брестье русское — „Brzescia Ruthenica“. На правомъ берегу западнаго Буга, при слияніи съ нимъ р. Шлеерки и р. Мухавца, соединяющаго посредствомъ Дявпровско-Бугскаго канала (Королевскаго) рѣку Припеть съ р. Вугомъ — Черное море съ Балтійскимъ, расположена первоклассная крѣпость, воздвигнутая на мѣстѣ древняго города, который перенесенъ на двѣ съ половиною версты на сѣверо-востокъ, образуя Кобринскій форштадтъ; на противоположной сторонѣ Мухавца, въ такомъ же почти разстояніи отъ крѣпости наводятся форштатъ Волицскій, у на лѣвой сторонѣ Буга, верстахъ въ 4-хъ, видѣется мѣстечко Терешоль.

Пространныя полосы болотъ, образуемыхъ при слияніи р. р. Буга и Шлеерки, недоступныхъ къ жительству и весной заливаемыхъ водою, раздѣляли старинъ Брестъ на пять частей. Главная часть города съ находящимися въ ней присутственными мѣстами, гостиннымъ дворомъ, остатками каменнаго города и лучшими городскими зданіями лежала на правомъ берегу Буга. Противъ нея на югъ, при слияніи Буга и Мухавца, на высотѣ, возвышающейся надъ городомъ, стоялъ древній замокъ. Судходная рѣка, обширныя болота, простирающіяся далеко на востокъ, и лѣса на сѣверъ и югъ отъ г. Вреста, съ давнихъ временъ придавали этому пункту весьма важное военное значеніе.

Отъ Дуричей, верстахъ въ 30 отъ Вреста, и отъ Ковеля, въ Волинской губернии, по обѣимъ берегамъ р. Припети, расширяясь все болѣе и болѣе на востокъ, тянется обширная полоса лѣсовъ и ишпестыхъ болотъ, почти непреступныхъ, съ безчисленными множествомъ озеръ, рѣчекъ и ручьевъ. Границы *Польсы* (1) трудно опредѣлить съ точностью; сѣверная его окраина (*Tractus Polesiensis*), начинаясь у Вреста, простирается до верховьевъ Березины и Друца, мимо Кобрина, Слонима и Слуцка; южная мимо Влодавы, Ковеля, Клевани идетъ до Радомисла и далѣе по Днѣпру до впаденія въ него Тетерева. въ центрѣ этого низменнаго, лѣсно-болотистаго пространства расположенъ Пинскъ. На этихъ рубежахъ, лѣса и болота не прекращаются; напротивъ они въ разныхъ мѣстахъ соединяются въ болотистыми и лѣсистыми полосами западнаго пограничнаго пространства Россіи.

Извѣстія о Польсѣ достигаютъ временъ древнѣйшихъ. Еще при Геродотѣ бассейнъ верхней Припети былъ залитъ водою; тутъ было обширное озеро, приливавшее рѣки *Оарзъ*, *Сіурисъ*, *Лисъ* и *Тинаисъ* (Горынь), *Стыръ*, *Струменъ*, *Слуги* (Волинскій). До сихъ поръ преданіе сохраняетъ смутные толики о какомъ-то невидомомъ морѣ; *Гречинское болото* (10 верстъ на югъ отъ Слуцка) въ устахъ туземцевъ считается высохшимъ заливомъ (2). того же невидимаго, скажемъ—инискаго, моря. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь, въ этихъ болотахъ, открывали перѣдко обломки корабельныхъ сивстей, якоря, янтарь и кости морскихъ животныхъ; самое свойство почвы и необыкновенная впадина относительно уровня моря заставляютъ естественнѣйшимъ образомъ вѣровать въ Геродотово море; нѣкоторые даже утверждаютъ, что оно имѣло подземное сообщеніе съ Чернымъ моремъ (3). Разной величины острова, разбланыны по болотистому Польсѣю, предта-

(1) Польскіе жители названіе Подлясье производятъ отъ слова подъ лѣсомъ (pod lasem), хотя въ этой странѣ лѣса были въ изобиліи. У русскихъ лѣтописцевъ страна по правую сторону р. Буга называется *Подлясьей*, отъ слова подъ *ляхамъ*; также точно ее называютъ жители Пружанскаго и Волковыскаго уѣздовъ; у нихъ *подлянукъ*, означаетъ жителя бывшей Бѣлостовской области, а *поллянука*, а чаще *пиччука*, жителя Польсы.

(2) *Podróż Kontruma po Polesiu, Raczyńskiego. Poznań 1839. Starożytna Polska III, 836.*

(3) Тамъ же.

много как бы сажени, на которыхъ растутъ густая и высокая трава, рожью разнаго рода хлѣбъ и растутъ деревья; эти плодородныя оазисы даже въ самое сухое лѣто доступны не только, какъ при помощи верблюдовъ. Здѣсь-то живутъ почти въ первобытномъ состояніи *польскіе*, вѣрнѣе *польшукки* и даже *пычукки*, занимающіеся хлѣбопашествомъ и ловлею рыбовъ (*pisketzy*), составляющихъ одинъ изъ главныхъ продуктовъ существованія неприютливаго семейства. Съ наступленіемъ рабочаго времени, семейство *пычукка* покидаетъ свою хижину и со всѣмъ своимъ имуществомъ, скотомъ у домашней утварию переселяется на островъ. Тутъ, среди росекой травы, выстаетъ въ поляхъ, среди разнакъ видовъ хлѣба, ржи, ячменныя, овса, дающихъ прекрасныя урожаи, среди необозримыхъ и неприступныхъ болотъ, удивленно стоитъ убогая хижина, построенная изъ хвороста и листьевъ, едва огражденная отъ непогоды. Въ этомъ, почти полудневномъ семействѣ, юга и озаренномъ свѣтомъ евангелія, сохраняются еще преданія языческія, обычая первобытной старины, времена VII и IX вѣковъ.

Природа Польскія и его необозримыхъ болотъ, этой мертвой страны, въ которой рѣдко гдѣ услышишь голосъ человѣка, оживляется только несмысленными стадами птицъ, летающихъ въ воздухѣ, выходящихъ извредными испареніями. Славяне, называемые у гитонисцевъ *будынами*, жили съ самыхъ давнихъ временъ въ Польскіи, чрезъ которое съ сѣвера на югъ проходили тотемъ, а въ VIII и IX столѣтіяхъ появились здѣсь варягоссы, положившіе основаніе первымъ городовъ (замковъ, укрѣпленій) (1).

Исторію г. Бреста можно раздѣлить на четыре періода. Первый періодъ, отъ основанія Бреста до завоеванія его литовцами, обнимаетъ три или четыре столѣтія; во второмъ періодѣ разсмотримъ Брестъ подъ господствомъ Литвы, т. е. до люблинскаго соединенія или лучше до брестскихъ соборовъ, давнихъ начало религіозной униі, здѣсь два столѣтія. Въ третьемъ опишемъ ходъ

(1) Тамъ же. Въ 1650 году издана была топографическая карта *Польскія* подъ названіемъ: *Nova et nunc primum, Daniele Zwickero. Med. D. и проч. MDCL.* Эта первая карта Польскія приложена въ статью, читанной Гашелемъ въ с.-петербургской академіи наукъ 4 мая 1863 года. Статья Гашеля переведена на польскій языкъ подъ заглавіемъ: *Wiadomość historyczna o swierconie agaratakim i polskim. Wilno 1837. S. B. G. (Стат. Горскаго).*

событій, отразившихся на Врестѣ, во соединеніи Литвы съ Польшею, только два столѣтія и потомъ, въ четвертомъ, состояніе города во возвращеніи западныхъ губерній къ Россіи,—на сколько позволяютъ собранные матеріалы.

а) Историческое обозрѣніе.

I.

По преданію, на берегахъ р. р. Мушавца и Вуга первоначально была построена церковь какигъ-то купцомъ, завязавшигъ въ болотахъ, изъ которыхъ удалось ему выбраться при помощи срубленной *бересты*. Около церкви вскорѣ появилось славянское населеніе. Когда именно совершилось это событіе въ точности неизвѣстно. Балинскій полагаетъ (1), что уже въ X столѣтіи славяне имѣли здѣсь свой укрѣпленный замокъ. *Ярошевичъ* ясно говоритъ, что Врестъ основанъ въ 1018 году (2), у *Карамзина* о Врестѣ въ первый разъ упоминается въ 1099 году, во время борьбы Давида Игоревича, внука Ярослава (1093—1112), съ великимъ княземъ Святополкомъ Изяславичемъ, своимъ двоюроднымъ братомъ (3). Основаніе Вреста одни приписываютъ Владимиру Святому, или Ярославу I, во время походовъ ихъ противъ ятвяговъ, воинственнаго племени; обитавшаго къ сѣверу отъ Вреста въ западной части Гродненской губерніи; польскіе же писатели считаютъ поляковъ основателями Вреста. Такъ или иначе возникъ городъ Врестъ, не подлежитъ однако сомнѣнію, что основаніе ему положено было славянами во времена Владимира Святаго, или Ярослава I, когда въ ближайшихъ странахъ уже господствовали варяго-русссы, и что въ XI, XII и XIII столѣтіяхъ Врестъ съ окрестною страню по правому берегу р. Вуга находился во власти князей юго-западной Руси, потомковъ Ярослава, въ поколѣніяхъ: сперва—младшаго сына его Игоря, получившаго по смерти Ярослава въ удѣлъ владимірскую область, а потомъ—въ родѣ Станислава Черниговскаго; далѣе онъ остается во власти

(1) Балинскій III, 722.

(2) *Obraz Litwy*. Ярошевича, часть I, § 20.

(3) *Исторія Карамзина*; изд. Смирдина II, 136. Давидъ Игоревичъ долженъ бывъ бороться съ великимъ княземъ, который въ 1099 году сталъ въ Врестѣ, *Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.* I, 114 и 117.

потомковъ внука Ярослава, Ростислава, и окончательно, до завоеванія западной Руси Литвою, принадлежить потомкамъ Владимира Мономаха.

Во время раздоровъ русскихъ князей при в. князѣ кievскомъ Святополкѣ (1093—1113), подъ 1099 годомъ у Нестора говорится: „Святополку обѣщавшуся прогнати Давыда помде къ Берестью, ко ляхомъ, се слышавы Давидъ иде въ ляхы ко Володиславу, мѣна помощи: ляхы же обѣщашася ему помогати и мѣна у него злата 50 гривенъ, рекуше ему: помди съ нами къ Берестью.... и ту умиришь ты съ Святополкомъ“. Черезъ три года русскіе князья, отнявши владимірскую область у безпокойнаго Давыда Игоревича, отдали оную съ Берестьемъ внуку Изяслава Ярославу Ярополковичу, князю берестейскому. Но въ 1101 г. Ярославъ былъ схваченъ въ Берестьи и отведенъ въ Кіевъ „заратися Ярославъ Ярополчичъ Берестьи и иде нань Святополкъ и заста и къ градѣ, и емъ и, и приведе и Кіеву“. Не прошло и мѣсяца, какъ онъ вторично былъ привезенъ въ Кіевъ, будучи схваченъ на р. *Нуръ*, не далеко отъ Вреста (1102 года); „предствивъ Ярославъ Святополчичъ Ярополчича, и ятъ и на Нурѣ и приведе и къ отцу Святополку“. Ярославъ умеръ въ темницѣ, область его возвращена Давиду Игоревичу, и уже по смерти его въ 1112 году перешла на короткое время въ удѣлъ внука Изяслава, Ярослава Святополковича (1), прославившагося двукратнымъ походомъ противъ ятвяговъ.

До Романа Галицкаго исторія этой страны весьма мало известна. Лѣтописцы въ сказаніяхъ о междуусобіяхъ удѣльныхъ князей, часто воспоминають о Берестьи (Берестовѣ); но по этимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ нельзя составить систематическаго цѣлаго;—можно сказать только, что Берестье въ усобицахъ князей приняло весьма дѣятельное участіе.

Владиміръ Мономахъ (1113—1125 г.), отнявній Владимірскій удѣлъ у Ярослава, женатаго на Преславѣ, дочери польскаго короля Болеслава Кривоустаго, отдалъ оный сыну своему Роману, а потомъ Андрею, женатому на дочери хана половецкаго Тугоркана. Владиміръ Мономахъ утвердилъ свое могущество на

(1) У Ярослава Святополковича были двѣ жены—первая Предслава, дочь польскаго короля Болеслава Кривоустаго, а вторая—Мстислава, внука Мономаха, Карамзинъ II, 136.

земадѣ Руси, владѣль и Врестень (1), куда съезжалъ тишиницкѣ Ративора кievскаго, Проконія бѣлгородскаго и Станислава переславскаго (брацлавскаго), для совѣщанія относительно стредѣннѣя законовъ торговой несостоятельности и ливки (уст. Владиміра Мономаха ст. 1).

Великій князь Всеволодъ Олеговичъ (1138—1146 г.), г. Врестъ и землю, къ нему принадлежавшую, отдалъ своимъ нуринанъ Святотолку и Владиміру Мстиславичамъ. Но князья удѣльные, недовольные распоряженіемъ в. князя, по смерти Владиміра Андреевича Туровскаго заключили союзъ между собою, съ намѣреніемъ овладѣть лучшими удѣлами. Подъ 1142 годомъ въ лѣтописи объ этомъ такъ говорится: „И позва Всеволодъ братью (Святослава, Владиміра, Изяслава, Игоря) къ себѣ.... И ѣха Святославъ ко Игореву и рече: „что ти дасть братъ старшій!“ и рече Игорь: „дасть ны ко городу, *Берестіи* и Дрогичинъ, Чарторисъ и Кличъскъ, а отчинѣ своеѣ не дасть Вятчъ“. Всеволодъ убѣждаетъ ихъ: „братья моя, возмите съ любовью, что вы даю, Гиродечъ, Рогачевъ, *Берестіи*, Дорогичинъ, Кличъскъ и болѣе не вошетеся съ Мстиславичи“. Всеволодъ успѣлъ разстроить союзъ братьевъ „радъ былъ разлученю ихъ... да *Берестіи*, Дорогичинъ и Вѣщижъ, Орлину (вѣроятно Владиміру или Изяславу), а братама да Игорова Гиродечъ, Гюргевъ, и Рогачевъ, а Святославу Кличъскъ и Черторыйскъ тако разидошася (2)“. Владимірко Галицкій старался изгнать родъ Святославанъ Владиміра; послѣдовали безпрерывныя разоренія и опустошенія Владиміра и Галицкой области. Въ борьбѣ потомковъ Ярослава, западная Русь, какъ и восточная, раздробилась на множество удѣловъ; князья въ спорахъ и несогласіяхъ опустошали земли другъ у друга, призывая иностранцевъ поляковъ и венгерцевъ; — такое положеніе дѣлъ продолжалось до половины XIII вѣка, когда на западѣ Руси, подъ мощною рукою Даніила Романовича, возникла сильная и могущественная держава.

Между тѣмъ, какъ монголы, поработившіе большую часть областей восточной Руси, господствовали на востокѣ, западную Русь

(1) Энциклоп. лексиконъ Плюшара, 1839 года.

(2) *Зубрицкій*. Критическо-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси. 1845 стр. 61. О расправѣ удѣльныхъ князей съ Всеволодомъ. См. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. II, 18 и 19.

бюзовыми войсками и венгерцы, вслѣдствіи домогавшихся утвердиться въ Галичѣ и во Владиміръ;—въ то же время литовцы, уже смѣлая и отважные своими опустошительными набѣгами, стали угрожать западной Руси съ сѣвера.

Во время Андрея Боголюбскаго (1157 — 1159 г.), въ то время когда въ Галичѣ княжилъ Ярославъ, сынъ могущественнаго Владиміра, Володимірская (Владимиро-Волинская) область принадлежала Мстиславу и Ярославу Нязславичамъ, внукамъ старшаго Менонахова сына Мстислава. А потому, когда со смертію Владиміра Ярославича преемъся родъ Володаря Галицкаго, — галицкіе бояре, не признавшіе своихъ князей Олега, пражитаго Владиміромъ съ Анастасіемъ, изгнали его и предложили престолъ Роману Мстиславичу, правнуку Мстислава старшаго, сына Менонахова. Дѣятельный Романъ не боялся ятвяговъ, отличался свѣршинымъ правомъ, былъ любимъ въ собственномъ удѣлѣ, но перешелъ въ Галичѣ. Убитый въ войнѣ съ ляхами на рѣкѣ Вислѣ въ 1205 году, онъ ставилъ двухъ малолѣтнихъ сыновей — Данила и Василька. Такимъ-то образомъ Данилъ дѣлается родоначальникомъ галицкихъ князей, владѣвшихъ западною Русью до завоеванія литовцевъ и до окончательнаго утвержденія власти Гедимина и его потомковъ при помощи оружія, или еще болѣе посредствомъ родственныхъ связей съ потомками Данила Романовича. Но сколько усилій и трудовъ надобно было перенести Романовичамъ дѣлать, чтобы упрочить власть свою на западѣ Руси, не смотря на безотрадное, разстроенное ея положеніе, какъ вслѣдствіе угрозавшихъ силъ сосѣдей, такъ еще болѣе отъ внутреннихъ усобицъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ по смерти Романа, Галичъ и Володимірія сперва дѣлаются предметомъ спора князей сѣверскихъ (Владиміра, Свѣтослава и Романа Игоревичей), короля венгерскаго Андрея и герцога польскаго Лешки, въ теченіе которыхъ малолѣтніе дѣти Романовы съ матерью своею вынуждены скрываться два раза на чужбинѣ; потомъ, когда Лешко въ союзъ съ Александромъ Вѣльскимъ, племянникомъ Романа, овладѣлъ Владимірскою областію, Андрей, соединившись съ сѣверскимъ княземъ Романомъ, занялъ Галичъ;—тогда владѣнія Романа Мстиславича раздѣлились, причеиъ Брестъ отданъ малолѣтнему Васильку. Но когда князья сѣверскіе помирились и выгнали венгерцевъ изъ Галича, раздраженный Андрей принялъ сторону несчастныхъ дѣтей Романа,

звися съ инниъ отрокѣхъ Данилохъ въ Галичѣ и, выгнавъ смръбныхъ Игоревичей, посадилъ на престолѣ Галича Данила (1211 г.). Безпорядки не прекращались: Лешко, вставъ Василька изъ Володимиріи, вынудилъ и Данила съ каторью бѣжать въ Венгрію. Но въ 1213 гѣду «возвратилася донови и ѣха съ братомъ и прія Берести, и Угровескъ и Верещинъ, и Стоднѣе, Кошовъ и всю Украинну. Лешко же великъ гнѣвъ имѣа на Данила; веситъ же бывшии и ѣхаша ляховѣ воевати и воеваше по Бугу». Послѣ чего Лешку удалось захватить большую часть Володимиріи; онъ занялъ Врестъ, съ многими другими городами по правому берегу р. Буга. Въ такихъ обстоятельствахъ, защитникомъ дѣтей Романъ дѣлается могущественный Мстиславъ Новгородскій, женившій Данила на своей дочери; онъ принудилъ Лешку уступить Владиміръ Васильку, оставивъ однако польскому королю Врестъ съ многими другими наслѣдственными городами князей Волынскихъ, по обѣимъ сторонамъ р. Буга. Даниль, окрѣпшій духомъ и тѣломъ, старался выгнать ляховъ изъ своихъ владѣній. Возобновивъ союзъ съ Андреемъ. Лешко одержалъ побѣду надъ Даниловымъ полководцемъ Дмитріемъ, осадилъ Галичъ и сталъ тревожить Володимирію; Даниль обратился къ князьямъ литовскимъ: Мендегу и Эрдзивиллу, окончательно утвердился въ западной Руси—въ 1222 году (въ княжествахъ Галицкомъ, Владимірскомъ и Киевскомъ). Кажется съ этого времени окончательно упрочилась власть Романовыхъ дѣтей въ западной Руси, причемъ Врестъ остается во власти Василька. Подъ 1227 годомъ въ Ипатіевской лѣтописи сказано: «братъ же (Даниль) да Василькови Луческъ и Пересошницю, *Берестій же ему бя прежде далъ.*» Въ томъ же году Даниль и Василько отражаютъ ятвяговъ, напавшихъ на Врестскую область, подъ предводительствомъ своихъ князей: *Монудича, Шутрова, Стелуса, Зебровича, Небра.* Въ 1229 году Даниль, отправляясь съ Василькомъ на помощь Кограду противъ Владислава, оставилъ въ Врестѣ князя Пинскаго Владислава, для защиты области Берестейской отъ нападенія ятвяговъ, „сама не идота на войну, оставиша же *въ Берестіи* Володиміра Пинскаго, и Угровячаны и Берестыанъ стеречѣ земли отъ ятвгъ“. На Врестскую область напали литовцы, но были истреблены до одного: „И. придоша (Литва) *къ Берестію....* и княде (Владиміръ Пинскій) на нѣ и Берестыане вси избивша ѣ всѣ (1)“.

(1) Карамзинъ II, 226; мѣста относящіяся къ событіямъ послѣ 1222 г. находятся въ П. С. Р. Лѣтоп. II, 168, 175 и 178.

Между тѣмъ наступила для западной Руси смутная эпоха; Володимирія подверглась страннымъ опустошеніямъ. По словамъ Карамзина «Ватия, какъ лютый зверь, пожирала цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрые русскіе князья пали, другіе скитались въ чужихъ земляхъ, мауери оплакивали смерть дѣтей, дѣвочки въ отчаяніи о потерѣ своей невинности бросались на острый ножъ или въ глубокія рѣки; жены бояръ сдѣлались рабынями варваровъ—носили воду, мололи жернова».

По удаленіи Ватия въ Венгрію въ 1241 году, дѣти Рюрика не могли вѣхаться отъ смрада ни въ Врестѣ, ни во Владимирѣ, и Даниилу не только пришлось вызывать людей изъ лѣсовъ и пещеръ, но и бороться съ буйными боярами—самовольно раскочившимися въ областяхъ, а воевода Дрогичскій даже не выпустилъ князя въ этотъ городъ. „И приде во граду Дорогичину и восхотѣ внити во градъ, идвѣстьно бытъ ему, яко не видини во градъ“. Огорченный такимъ поступкомъ, Даниилъ говоритъ: *се былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ...* и отыде мыслячи, иже бытъ послѣже отыметь створи держателю града того и вдасть и въ рудѣ Даниилу; и обнови и созда церковь прекрасну святоѣ Богородици, и рече: „се градъ мой, преже бо пряхъ и копьемъ (1)“. Отсюда Даниилъ отправился въ Врестъ, а потомъ въ Холмъ.

Въ теченіе второй половины XIII столѣтія, до распростраженія надъ западною Русью господства Литвы, земли между Бугомъ и Наревомъ съ городами *Врестомъ, Дрогичиномъ, Мельникомъ, Бѣльскомъ* и др., уже находились постоянно во власти Даниила, а по смерти его во власти его преемниковъ почти до половины XIV столѣтія. О времени завоеванія Вреста литовцами, у литовскихъ и польскихъ писателей встрѣчается разногласіе: одни (Валинскій), повторяя Стрыйковскаго, относятъ это событіе къ Эрдзивилю (2), другіе (Ярошевичъ) приписываютъ завоеваніе Вреста даже Витенесу, третьи—Гединину. Слѣдуя Карамзину, Врестъ оставался во власти Даниила и его потомковъ почти до

(1) Карамзинъ III, 203 и слѣдующія; IV, 3, 4, 14, 18 и 19. .:

(2) По словамъ Стрыйковскаго—сынъ Молтвилловъ Эрдзивилю построилъ Гродно и завоевалъ Новогрудокъ, Брянскъ, Бѣльскъ, Дрогичинъ и Врестъ, разоренный татарами, и побѣдилъ Кайдана. Но это несправедливо: Дрогичинъ и Врестъ остались при Даниилѣ и послѣ нашествія монголовъ. *Карамзинъ.*

половини XIV столѣтія, когда Владимиръ по родственнигъ связяхъ достался Либарту. Но въ фактахъ Стрийцовскаго много ошибокъ, съ тѣмъ согласны польскіе писатели. Для исторіи западной Руси въ XIII вѣкѣ, самыя лучшия и достовѣрныя источниками суть лѣтописки волынской и новгородской, а потому, для разъясненія этого вопроса, мы обратимся къ современному дѣисителю — справедливому и строгому лѣтописцу волынскому.

По смерти Данила, князю владимірскимъ остался братъ его Василько; остальная часть галицкаго королевства раздѣлена была между Львомъ, Мстиславомъ и Шварномъ Даниловичами. Въ 1269 году умеръ Василько, оставивъ наслѣдникомъ Володимірскаго княжества сына своего Владимира, прозваннаго *Философомъ*, государя кроткаго, милостиваго и справедливаго. Онъ построилъ *Каменецъ* на р. Лѣстѣ (Льснѣ), исправилъ и обновилъ укрѣпленія въ Брестѣ, Бѣльскѣ и другихъ городахъ, украсилъ церкви — живописью, серебромъ, финифтью и надѣлилъ ихъ священными книгами, имъ самими списанными „въ Берестіи же създа столпъ (столпъ) камень, висотою яко и каменецкій (1)“. Несмотря на раздробленіе, князья западной Руси дѣйствовали согласно въ войнахъ съ Польшою и Литвою. Владимиръ велъ малую войну съ Тройденомъ, наслѣдникомъ Гедимина, овладѣвшимъ землею ятвяговъ (сѣверо-западною частію губерніи) „про то, иже бже отецъ его Василько убилъ на войнахъ три брата Тройденовы... и воеваша съ нимъ, но не великими ратьми ліето ціело“. Когда же Тройденъ овладѣлъ Дрогичиномъ (весною 1274 г.), бывшимъ во власти Льва Даниловича, князья западной Руси просили помощи у великаго хана Менгу-Тимура. „Менгу-Тимуръ же да ему (Льву Даниловичу) рать и Ягуранна с'ннии воеводу и ваднепрскимъ князи всѣ. Романа дѣ Брянскаго и итѣхъ князи много. Тогда бо бѣху вси князи въ волі татаровой“. Съ наступленіемъ зимы князья русскіе (Рускіи) Левъ, Мстиславъ и Владимиръ приготавлились къ походу; на походѣ къ Турову къ нимъ присоеди-

(1) «И за Берестіемъ сруби городъ на пустомъ мѣстѣ, нарицаемомъ Лѣстнѣ и нарече имя ему Каменецъ, зане бысть каменна земля. Създа же въ немъ столпъ камень, висотою 17 сажень... и церковь постави Благовѣщенія... и украси ю иконы златыми и съсуды сква служебны, и евангеліе опракошь сква серебромъ, апостолъ опракошь и паромья, и съборникъ отца своего тутожь положи, и крестъ воздвигальный. Также и у Бѣльску поустрои церковь иконами и книгами».... Карамзинъ т. IV прилѣжаніе 166.

вились и князья Нивские.... „и бжесть идущиць ннъ нно Турева к'Слуцку, и ту ся снше с'татары у Слуцка“. Но соединеннн съ татарамн, войска союзниковъ двинулись къ Новогрудку; ночью перешли р. Сервече о съ восходомъ солнца двинулись дагђе въ двухъ колоннахъ. Татары шли въ правой колоннѣ, ннѣя въ арьергардѣ отрядъ Льва Даниловича, а Владимнръ въ лѣвой. «Татарове же прислана ко Львови, рекучи: дѣти наша видѣши, аже рать стонть за гороу; пара идетъ изъ коней... Но пара идена съ истоковъ текущихъ с'горъ, зане морози бяху велици.... И придона ко городу....» Ждали на Романа и Глѣба, Мстиславъ же остался въ Подѣсьи „Мстиславъ же бже не пряталъ вома въ Подѣсьи“. По приходѣ Романа и Глѣба—хотѣли бже ити въ Литву, но недовольные Львомъ, за то, что онъ съ татарамн съелъ окольный городъ, князья возвратились во свояси безъ всякихъ результатовъ. Владимнръ прислалъ къ себѣ тестя Романа, въ свою столицу Владимнръ, но тесть отвѣчалъ «снну Володмнре! не могу отъ рати своей отѣхати; се хожю въ земли ратной; а кто да проводитъ рать мою домови (1)“. Въ 1276 году Владимнръ и Левъ взяли Слонимъ, и во время дѣйствнй съ Тройдоновнмъ полководцемъ, овладѣли Турнйскомъ на рѣкѣ Нѣмалѣ.

Въ 1277 году литовцы опустошили Добрынь, Ленчыцы и Брестъ съ окрестною страню, въ которыхъ погибло до 40,000 людей отъ меча и неволи (2). Вѣроятно эти дѣйствн литовцевъ назвало слѣдующее обстоятельство въ 1277 году. Ногай прислалъ къ русскимъ князьямъ Льву, Мстиславу и Владимру своихъ пословъ: Техничиха, Котлубуху и Эшимута съ грамотами, требуя отъ нихъ помощи противъ литовцевъ. Послы хановы говорили: „всегдѣ нн жалуете на Литву; се же вамъ далъ есьмъ рать и воеводу с'нннн Машнша...“ Съ наступленнмъ зимн Мстиславъ и Владимнръ выступили въ походъ на Новогрудокъ; Левъ же Даниловичъ самъ не пошелъ, а послалъ сына своего Юрн. Въ Брестѣ русскн князья узнали, что татары уже ихъ опередили и двнгались къ Новогрудку: «князи же начаше думати: иже пойдемъ къ Новогрудку, а тамъ уже татарове извоевали все; пойдемъ гдѣ къ пѣшему нѣсту. И пойдона ко Городну, и т. д. (см. описанн Грод-

(1) Skarbiec Даниловича т. I, № 222, годъ 1275; Карамзинъ, стр. 82, примѣч. 149 и 150. Волынскнй лѣтописецъ.

(2) Дурбургъ стр. 190. Кояловичъ стр. 146. Длугошъ стр. 811.

на) (1). Литва сильно тревожила русских князей, но в то же время они должны были помогать и татарамъ; влияние которых на нихъ было весьма значительно, если въ 1282 году въ походѣ противъ венгровъ они потребовали отъ русскихъ князей помощи.... „идуцію беззаконному Ногаеву и Телебузъ на Угры.... велѣна пойти съ собою и русскимъ княземъ...“ Левъ послалъ вмѣстѣ себѣ сына своего Юрія. Этими обстоятельствами воспользовался король польскій Болеславъ и овладѣлъ 10 деревнями въ окрестностяхъ Щекарева. Въ то же время Лешко овладѣлъ Переворескою и Львовымъ. Левъ спѣшилъ изъ Венгрии для защиты своихъ владѣній „и посла ко Володиміру, рѣка: брате! взведи Литву на Болеслава“. Володиміръ же посла Дуная. Литва же обѣщася: «Володимере добры княже! можемъ за ты головы свои положить.... Левъ же и Володимеръ на радиста рать... и Берестю ожидающимъ, Литва не приспѣ на рокъ.... и Левъ посла воеводу Туйна и Василька князя и Жилислава Вѣльжанина и Рябца, а Володимеръ Василька князя и Жилислава и Оловянца и Винту.... и начаша воевати около Вышегорода.... По семъ приидоша Литва къ Берестю». Владимиръ началъ думать, куда бы употребить литовцевъ „своя бо рать ушла быше уже далече на Болеслава, а уже рѣки растеваются“, но вспомнивъ опустуевъ Лешка, который передъ тѣмъ овладѣлъ деревнею Воинъ „село на Вокрайници“, обратилъ литовцевъ противъ ляховъ. Съ ними былъ Юрій Львовичъ, и «яко быша въ Мельницы, присла къ нему отецъ (Левъ), рѣка: не ходи съ Литвою; убилъ я князя ихъ Войшелка: либо всхотятъ мечь учинити. Юрій же не иде, но посла рать свою.... и взяша Сохачевъ (2)».

Въ 1289 году умеръ Володимірскаго князя Владимиръ Іоаннъ Философъ; смерть его оплакивали всѣ подданные, даже евреи. По завѣщанію бездѣтнаго князя мимо старшихъ въ родѣ Данила, Льва и сына его Юрія, Владимиръ Васильковичу наследовалъ Мстиславъ Даниловичъ (3). Оскорбленный Левъ Даниловичъ хотѣлъ выпросить у него по крайней мѣрѣ Берестъ; но и это ему

(1) Даниловичъ I, № 225, годъ 1277; Волыискій летописецъ; Карамзинъ IV, замѣч. 154.

(2) Даниловичъ № 228, годъ 1282; Карамзинъ IV, замѣч. 175.

(3) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, молитвою Пресвятой Богородицы Дѣвы Маріи и святыхъ Ангеловъ. «Се азъ князь Володимеровъ сынъ Василько, внукъ Романа, даю всѣмъ своимъ землю и

не удалось. Не удалась также и хитрость сына его Юрія, властвовавшего въ Дрогичинѣ и Мельникѣ, который съ пртвренною нечеловѣчно жаловался Владиміру на своего отца. „Господние стрны мои!... отецъ мой... отнимаетъ у мене города, что ми былъ даль, Вѣльзъ, и Червонь и Холмъ, а велитъ ми быти въ Дорогичинѣ и въ Мельникѣ; а бѣю челомъ Богу и тебѣ, стрныи своему, дай ми господне, *Берестіи*; то бы ми тому было“. (Ипатьевск. глѣт.). Но Владиміръ Вреста не далъ; тогда Юрій прибѣгнувъ къ друзьямъ ибравъ; онъ еще при жизни Владиміра склонилъ на свою сторону берестыанъ, которые „учинили королю.... ѣхавши къ Юрьви князю цѣловаше крестъ и то рекуще: „како недостатеть стрны твоего (Владиміра), ино ми твои, и городъ твой, а ты нашъ князь“. И дѣйствительно, по смерти Владиміра, Юрій сталъ властвовать въ Врестѣ, Каменцѣ и Бѣльскѣ, но уболся гнѣва своего отца и угрозъ Мстислава, удалился въ Дрогичинъ со своими приверженцами: „поѣха Юрій вонъ изъ города (Вреста) съ великимъ соромомъ, пограбивъ всѣ домы стрны своего, и нестася камени въ Берестыи, и въ Каменцѣ и въ Бѣльски“....

Пробывъ нѣсколько дней въ Врестѣ, Мстиславъ отправился черезъ Каменецъ въ Бѣльскъ, „ради ему быша вси людѣ“, назначилъ начальниковъ, возобновилъ укрѣпленія, вооружилъ ихъ и поставилъ свои гарнизоны „утвердивъ людій, засаду въ Бѣльски и Каменци“. По возвращеніи въ Врестъ строго наказалъ жителей за ихъ крамолу. „Се азъ князь Мстиславъ, сынъ королевъ, влукъ Романовъ, уставляю Ловчіе на Берестыани во вѣкъ за ихъ крамолу, съ ста по двѣ лукнѣ меду, по двѣ овцы, по пятнадесятъ десятковъ лну, а по сту хлѣба, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, и по 20 куровъ; а по только съ всякаго ста; а на горожанѣхъ 4 гривны куръ, а кто мое слово порушитъ, а станеть съ мною предъ Богомъ“. Потомъ Мстиславъ отправился во Владиміръ, торжественно вступилъ на престолъ на Святую, 10 апрѣля 1289 года (6797) и началъ княжить спокойно, храня миръ съ сосѣдними ляхами, нѣмцами и литовцами (1).

города по смерти своей брату моему Мстиславу Даниловичу, со стольнымъ моимъ городомъ Володимеромъ». Другое завѣщаніе касается вдовьяго удѣла жены его. Оба завѣщанія напечатаны съ копій Руныяцевымъ т. II, стр. 7, № 4 и 5. Волынскій глѣмописецъ; Карамзинъ т. IV, замѣч. 175.

(1) «Князь же Мстиславъ сѣдѣ на столѣ Володимера на самый

Татарь, убо не безвременно западной Рус; ятвиги поворочены Тройденонъ въ Лѣтвѣ зини мирно, получамъ отъ русскимъ хлѣбъ въ замѣтъ бобровъ, черныя куннцъ, воска и серебра; погранично князья литовскіе братья Будикидъ и Буйвидъ, уступшею Боласомски купили дружбу Мстислава, а Болаславъ и Коирадъ назвали этой дружбы.

По смерти Мстислава Даниловича, Юрій Львовичъ наследовалъ Владимірское княжество, а въ 1301 году, по смерти отца своего Льва Галицкаго, возобновилъ титулъ своего дѣда Данила, и надобно ему именовался переломъ русскимъ. Юрій умеръ въ 1316 году, передавъ власть своимъ сыновьямъ Андрею и Льву, одинъ изъ нихъ былъ тестень Любарта. Андрей и Левъ, въ договорѣ съ великимъ магистромъ прусскимъ Карломъ Трерскимъ, называли себя князьями Руси, Галиціи и Лодомирин (Володимирин). Это былъ первый договоръ князей русскимъ съ орденомъ, заключенный вѣроятно для охраненія себя отъ завоеваній Гедимина (1): Последний владѣтель Галиціи князь Юрій Андреевичъ, въ договорахъ съ тѣмъ же орденомъ (1325—1334), жившій до 1336 года, именовался тоже княземъ русскимъ (2).

По завоеваніи Кіева Гедиминомъ (1320 г.), княжество Во-

Великъ день въ лѣто 6797 (1289) априль и нача княжити правдолюбіемъ свѣтась... и бысть радость велика людемъ се воспресеиіе Господне, а се княже сѣденіе, миръ держа съ колымаши сторонами, съ Ляхы, съ Нѣмцы и съ Литвою, одрава землю свою величествомъ ольни по татары, а семо по Ляхы и по Литву. Тогда же литовскій князь Будикидъ и братъ его Буйвидъ даша Мстиславу городъ свой Волковискъ, абы съ нимъ миръ держати» Даниловичъ.

(1) Оригиналъ на латинскомъ языкѣ хранится въ Кенигсбергѣ; копіи у Карамзина, т. IV, замѣч. 268 (изданія 1819). На подлинникѣ двѣ печати—на одной печати изображенъ князь Юрій или Георгій, сидящій на тронѣ съ короной и держащій въ правой рукѣ мечъ; кругомъ написано: *Domini Georgii Regis Russiae*; на другой сторонѣ изображеніе всадника со щитомъ и копьемъ въ рукѣ съ надписью: *Domini Georgis Principis Ladimeriae*. Вторая печать повреждена, на ней видно изображеніе съ одной стороны рыцаря, окруженнаго звѣздами, луною и крестомъ, а съ другой льва. Даниловичъ I, № 281, годъ 1313.

(2) Даниловичъ I, № 619, годъ 1325; № 341, годъ 1334; № 369, годъ 1342. Карамзинъ т. IV, замѣч. 276, (изданіе 1819); договоръ съ великимъ магистромъ Вернеромъ Урселеномъ и княземъ Людеромъ Брюнсвикскимъ.

владимирское сохранило еще нѣсколько лѣтъ свою независимость и силу; владѣтели его Андрей и Левъ умерли только въ 1324 году, оставивъ наследникомъ малолѣтняго Юрія или Георгія (1335—1345 г.), который въ грамотахъ писался княземъ русскимъ, наследникомъ Романа, Данила, Льва, Юрія и Андрея, жилъ то въ Владимірѣ, то въ Львовѣ, употреблялъ печать своего дѣда; за малолѣтствомъ князя, государствомъ управлялъ Гедиминъ.

Брестъ не былъ завоеванъ Гедиминомъ; въ 1319 году, вѣсть съ Дрогичиномъ оми еще принадлежалъ Володиміріи, можетъ быть послѣ побѣды одержанной литовцами надъ владимирскимъ княземъ, Гедиминъ жилъ нѣкоторое время въ Брестѣ, но князь Левъ отнялъ эти города.

Вскорѣ послѣ этого событія мы находимъ Брестъ въ рукахъ ордена; ибо въ 1334 году во время войны съ королемъ польскимъ Казиміромъ, магистръ тевтонскій Людерь Брюневикскій, заключилъ договоръ на продолженіе перемирія, по которому — *замокъ Брестъ съ городомъ и землею магистръ уступаетъ или князю мазовецкому или Матфею епископу владиславскому; но если бы миръ не состоялся Брестъ возвращается магистру* (1). Вѣроятно всего, что Брестъ достался ордену по добровольной уступкѣ Льва, съ которымъ Людерь Брюневикскій находился въ родствѣ.

Слѣдующимъ Яромшевичу, Брестъ, Слонимъ, Волковыскъ и Гродно завоеваны были Витенесомъ (1283—1315); но князья рускіе при каждомъ удобномъ случаѣ старались возвратить свои владѣнія, дружились съ орденомъ и татарами и, хотя слабы, дѣйствовали болѣе и менѣе успѣшно. Гедиминъ (1315—1340 г.), женившій сына своего Любарта на Буши дочери и наследницѣ владимирскаго князя, внука Данилова (2), могъ водвориться въ какой нибудь части Владиміріи раздробленной между многими небольшими русскими князьями Данилова рода, которые владѣли ея частями какъ удѣлами, доставшимися имъ отъ прежнихъ соплеменныхъ государей. либо же получили ихъ по смерти Юрія въ

(1) Даниловичъ I, № 342, годъ 1334.

(2) *Obraz Litwy, Jaroszewicz*, часть I, § 24 и 25. Зубрицкій говоритъ, что Любартъ женатъ былъ на дочери Андрея, а не Владиміра Львовича; у Яромшевича сказано, что Любартъ былъ женатъ на Буши дочери Владиміра Львовича; послѣднему слѣдуетъ Лелевель.

силу договоровъ съ Гедиминомъ; каждый изъ нихъ хотѣлъ лучше что нибудь имѣть, нежели позволить овладѣть цѣлымъ государствомъ тому изъ среды себя, кому оно принадлежало по праву наслѣдства. А потому не рѣше, какъ по смерти послѣдняго потомка Данила въ нисходящей линіи, Кейстутъ и Либартъ, въ 1337 году, безъ труда захватили себѣ все русскія земли, смѣжныя съ Литвою (Брестъ, Брянскъ, Вѣльскъ, Владиміръ и Луцкъ), или заставили добровольно покориться себѣ русскихъ князей, обезсильвавшихся отъ своего размноженія и усобицъ, по выраженію лѣтописца, «обезсильвши по несогласіи ихъ» и присягнуть въ вѣрности (1).

Изъ этого обзора лѣтописныхъ извѣстій и сличенія литовскихъ и русскихъ исторіею видимъ: что 1) земли, лежащія по лѣвому берегу западнаго Буга, гдѣ главнымъ пунктомъ былъ городъ *Брестъ*, принадлежали въ XII и XIII столѣтіи русскимъ князьямъ. Но не безъ основанія думаемъ, что они принадлежали потомкамъ Владиміра Святаго въ XI и даже въ X столѣтіи. Въ этомъ мнѣніи насъ утверждаютъ не только слова Нестора и Карамзина, но и слѣдующія обстоятельство: а) западный Бугъ съ давнихъ временъ считается пограничною рѣкою; б) самъ Длугошъ называетъ этотъ городъ «*Byzescia Ruthesicale*» т. е. Брестъ русское, и в) берестяне, по словамъ Нарушевича (*Hist. Narod. Pols IV*), съ давнихъ временъ были послѣдователями православной вѣры и всегда таготились зависимостію отъ польскихъ королей, которыхъ въ описываемыя нами столѣтія, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, иногда удавалось короткое время владѣть этою страной и городомъ Брестомъ.

2) Въ княжествѣ Володимірскомъ потомки Данила княжили независимо почти до XIV столѣтія, когда слабые удѣльные князья частію силою, частію же по родственнымъ связямъ, попали подъ верховную зависимость Литвы, или искали покровительства могущественнаго Гедимины.

3) Если укрѣпленія Бреста были заняты Эрдзивиломъ, а можетъ быть Витенесомъ, то оставались во власти Литвы не долго. Мы даже не имѣемъ достовѣрныхъ доказательствъ о завоеваніи Бреста; напротивъ, изъ словъ лѣтописцевъ, видимъ, что берестяне успѣшно отражали нападенія Литвы въ концѣ XIII столѣтія.

(1) Зубрицкій стр. 92.

Только послѣ завоеванія Кіева (1320), мы видимъ въ рукахъ Гедимина и Врестъ, въ которомъ, какъ въ сильномъ военномъ пунктѣ, могъ быть оставленъ литовскій гарнизонъ, и такимъ образомъ *Врестъ* могъ подпасть подъ власть Литвы ранѣе окончательнаго занятія ею *Володиміріи* и вѣрнѣе всего перешелъ къ ней отъ магистра Брэнсвикскаго, который находился въ родственныхъ связяхъ съ княземъ Володимірскимъ Львомъ.

II.

Въ половинѣ XIV столѣтія древнее Галицкое королевство раздроблено было между иноплемениками: въ Галиціи утвердились поляки; во Володиміріи—литовцы. Король польскій Казиміръ, по смерти Воцеслава Тройденовича, захвативъ Галицію, простиралъ свои виды и на Володимірію. Пользуясь отсутствіемъ литовскихъ князей Любарта, Кейстута и Патрика, занятыхъ войною съ орденомъ, проникательный король собралъ войско и двинулся въ 1348 году въ Володимірію—взялъ Луцкъ, Владиміръ, Холмъ, крѣпость Врестъ и занялъ всю брестскую землю; многие укрѣпленные пункты—Дрогичинъ, Бранскъ и другіе смѣжные съ Пруссіей сами отворили ворота побѣдителю; русскіе князья, оставшіеся еще въ своихъ удѣлахъ, присягнули Казиміру въ вѣрности и получили отъ него собственныя земли съ верховною зависимою отъ Польши; въ главнѣйшихъ крѣпостяхъ оставлены польскіе гарнизоны. Но князья литовскіе, породнившіеся по жёнамъ съ русскими и принявшіе большую частію ихъ вѣроисповѣданіе, по окончаніи непріязненныхъ дѣйствій съ рыцарями, безъ труда выгнали поляковъ изъ Володиміріи, воротили назадъ *Врестъ*, Владиміръ, Холмъ и Вельзь, т. е. всю Володимірію, кромѣ Львовской земли, и заключили съ Казиміромъ миръ, по которому Володимірія остается въ рукахъ литовцевъ. Однако, и послѣ такого успѣха, литовскіе князья, ведя непрерывную войну съ орденомъ, не могли обращать надлежащаго вниманія на Казиміра, который въ 1366 году (по Вѣльскому въ 1365) захватилъ Вельзь, Холмъ и Владиміръ,—на этомъ впрочемъ ограничились успѣхи поляковъ; по договору Казиміра съ Ольгердомъ, Кейстутомъ и Любартомъ— за Литвою остаются: *Вѣльскъ, Бранскъ, Дрогичинъ, Мельникъ, Врестъ, Каменецъ и Кобринъ*, — т. е. Русь по-

границная съ Польшею, Мазуріею и Пруссіею, въ окрестностяхъ р. р. Нарева, Нѣмана и Буга (1); составлявшая удѣлы Ольгерда и Кейстута, а также и земля Луцкая,—удѣлъ Любарта. Въ посѣдующихъ войнахъ Литвы съ Польшею, за Володимірею остаются и другія земли Галицкаго королевства, князья литовскіе удержали за собою почти всю западную Русь, оставшаяся за Литвою до люблинскаго соединенія (1569), когда она съ Польшею составила одно государство.

По смерти Кейстута, часть Володиміріи (*Брестъ*, Гродно, Дрогичинъ, Мельникъ, Бѣльскъ, Суражъ, Каменецъ и другіе въ окрестностяхъ Буга) перешла къ Витольду и до 1569 года входила въ составъ сперва Гродненскаго и Брестскаго княжествъ, а съ 1501 года составляла часть Подляскаго воеводства; наконецъ съ 1569 года изъ нее образовано воеводство Брестское, въ которомъ были уѣзды Брестскій, Пинскій и Кобринскій.

Во второй половинѣ XIV столѣтія русскіе, находясь подъ вліяніемъ Литвы почти ежегодно нападали на поляковъ или владѣніи ордена; съ обѣихъ сторонъ велись опустошительныя войны; къ нимъ въ послѣдствіи присоединились междуусобія Ягеллы съ Витольдомъ; при этомъ *Брестъ* неоднократно подвергался разореніямъ, а въ укрѣпленномъ замкѣ его находили убѣжище Кейстутъ, Вирута и Витольдъ. Между прочими сказаніями о Брестѣ въ эту эпоху литовскіе историки отмѣтили слѣдующія событія:

Въ 1389 году рыцари Тевтонскаго ордена, подъ предводительствомъ Теодорика Эльнера, достигли Бреста. Въ 1378 и 1382—Янъ князь назовецкій, союзникъ и зять великаго князя литовскаго, вторгнулся въ Подлясье, принадлежавшее Володиміріи, овладѣлъ Дрогичиномъ и Мельникомъ и опустошилъ земли—Бѣльскую, Суражскую, Каменецкую и Брестскую; но изъ уваженія къ Вирутѣ Бреста не тронулъ. Въ 1389 году, когда Витольдъ, вторично поссорившись съ польскимъ королемъ, искалъ помощи у тевтонцевъ, Брестъ былъ взятъ Ягелломъ, который оставилъ въ крѣпости свой гарнизонъ, подъ командою Гинча (*Hincza*) изъ Рогова (2); но подобно Гродну, *Брестъ*, при помощи ордена и многихъ рыцарей и князей англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ (3),

(1) Зубрицкій стр. 151 и 152.

(2) *Starożyt. Polska*. Балинскій т. III, стр. 724.

(3) При осадѣ Гродна и Берестова войсками командовалъ князь Ланкастерскій, старшій сынъ короля англійскаго. Но эта осада

взять обратно Витольдомъ. Осаждающими предводительствовали князь ланкастерскій, впоследствии англійскій король Генрихъ Черный.

Влиятельный и славный военными подвигами великій князь литовскій Витольдъ, по прекращеніи междуусобій съ двоюроднымъ братомъ, обратилъ вниманіе на глубокія раны своего обширнаго государства. Еще въ 1390 году Ягелло далъ обывателямъ Бреста и иногороднымъ жителямъ полякамъ и Руси, всякаго состоянія и всѣмъ христіанамъ магдебургское право, отиѣвившее всѣ прежнія русскія и литовскія права и учрежденія и установившее власть войта, отъ котораго апелляція восходила непосредственно къ самому королю. Городу отведено 60 франконскихъ уволокъ или лановъ земли съ опредѣленіемъ чинша, уплачиваемаго ежегодно въ день Св. Мартина (1). Витольдъ, подтверждая привилегію короля Владислава, новою льготою 1408 года, освобождаетъ нѣзъ подъ власти войта русскихъ и новокрещенныхъ литвиновъ; возвращаетъ русскимъ прежніе русскія права, дозволяетъ какъ имъ, такъ и новокрещеннымъ литвинамъ судиться по своимъ собственнымъ законамъ; распространяетъ городскія земли черезъ причисленіе къ городу деревни *Козлоуичъ* со всѣми землями; опредѣляетъ съ лана плату обмыковеннаго чинша; разрѣшаетъ мѣщанамъ пользоваться доходами съ постригальни и воскобойни и опредѣляетъ для Бреста размѣръ податей, права и преимущества одинаковые съ Люблиновъ (2).

Мы уже сказали, что въ XI столѣтіи въ Брестѣ и окрестной странѣ по обѣимъ сторонамъ рѣки Вуга господствовала національность русская и что берестыяне исповѣдывали православную (греко-восточную) вѣру. Но въ исходѣ XV столѣтія въ Брестѣ было немало и р. католиковъ, поселившихся вѣроятно при Казиміръ и Ягеллъ. Балинскій полагаетъ, что первая р. католическая церковь во имя Св. Креста заложена въ Брестѣ Ягелломъ.

вѣроятно случилась раньше или послѣ 1389 года, ибо въ этотъ году князь Ланкастерскій воевалъ въ Испаніи. Зубрицкій.

(1) Привилегія короля Владислава Ягеллы, данная брестскимъ мѣщанамъ въ Краковѣ, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, 1390 г. Крашевскій. *Obgazy podgôzy i žycia. Wilno.* стр. 174.

(2) Льгота в. к. Витольда мѣщанамъ г. Бреста 1408 г. въ четвергъ послѣ обращенія апостола Павла. Крашевскій стр. 174. Балинскій т. ш, 726.

Витольдъ, заботившійся одинаково о подданныхъ безъ различія происхожденія и вѣры, обновивъ эту церковь въ 1412 году, надѣлилъ причтъ землею и двумя корчами; дозволилъ капеллану в. в. литовскаго и брестскому пробощу Андрею на отведенной землѣ осадить 40 огородниковъ, которые вѣстѣ съ содержателями корчей обязаны были платить церкви—первыя по 12 широкихъ грошей, а послѣднїе по одной копѣ, за то какъ тѣ такъ и другїе освобождались отъ службъ и податей, а по суду и расправѣ подлежали настоятелю костела, а не замковой юрисдикціи; послѣдней подчинялось духовенство православныхъ церквей; въ то же время духовенству р. католической церкви предоставлено право—десятины со всѣхъ княжескихъ имѣній (фольварковъ), приписанныхъ къ брестскому замку, и свободной ловли рыбы въ рр. Бугѣ и Мухавцѣ. Около того же времени въ Брестъ призваны изъ Казимірова августіанскіе монахи, которымъ отданы обширныя плацы между рр. Мухавцемъ и Бугомъ для постройки, а на ихъ содержаніе опредѣлены доходы съ брестскаго мыта 4 копѣ широкихъ грошей и съ княжескихъ имѣній десятина и данина воскомъ, вѣстѣ съ тѣмъ къ августіанскому монастырю приписана деревня Костомолы нар. Бугѣ (1). Въ привилегіи Витольда (1412) упоминается только объ одной греко-восточной церкви Св.-Николая (Микулы); но безъ сомнѣнія православныхъ церквей въ то время было еще нѣсколько.

Витольдъ послѣ пораженія при Ворсклѣ (1399) жилъ мирно съ татарами; обращая болѣе вниманіе на западъ, онъ велъ войну, съ тевтонцами, и дѣйствовалъ согласно съ Ягелломъ, который любилъ часто посѣщать свое прежнее отечество Литву,—то охотясь вѣстѣ съ Витольдомъ въ Вѣловѣжской пущѣ, то проводя время въ совѣщаніяхъ о способахъ веденія войны съ рыцарями. На одномъ изъ такихъ совѣщаній, происходившемъ въ Брестѣ въ 1409 году, приглашенъ и кипчакскій султанъ Саладинъ; общимъ совѣтомъ рѣшено было соединенными силами дѣйствовать противъ рыцарей; походъ заключила славная побѣда при Грюневальдѣ или Таненбергѣ въ 1410 году. Въ этомъ сраженіи находились полки брестскій, гродненскій, пинскій, дрогичинскій, мельницкій и др., составленные частію изъ литовцевъ; успѣхъ побѣды главнымъ образомъ приписывали русскимъ (Длугошъ).

(1) Балинскій III, 725 и 726.

Сигизмундъ Кейстутовичъ неоднократно пребывалъ въ Брестѣ; между множествомъ заключенныхъ здѣсь договоровъ, уцѣлѣлъ его трактатъ 1438 года 27 мая, заключенный съ магистромъ относительно времени обѣда и гнѣнникъ.

Казиміръ Ягелловичъ, избранный въ 1440-мъ году на престолъ велико-княжескій, выѣхалъ въ Вильну изъ Бреста съ большими почестями.

Въ 1444 году, когда подъ Варной палъ польскій король Владиславъ IV, высшее духовенство и вельможи польскіе на съѣздѣ съ Сѣразъ рѣшили просить великаго князя литовскаго принять польскую корону. Зная политику польскихъ вельможъ, стремившихся овладѣть и гнѣнни его поданныхъ въ Литвѣ и привыкшихъ къ уменьшенію правъ королевскихъ, Казиміръ, привязанный къ русскому народу и языку, господствовавшимъ въ Литвѣ, — не соглашался принять вѣнца велико-княжескаго на королевскій и, поддержанный своимъ литовскимъ совѣтомъ, но нѣсколько разъ отправлялъ обратно польское посольство. Въ началѣ, 1446 года онъ даже послалъ русскихъ князей Василія по прозванію Краснаго, Юрія Семеновича Острожскаго и четырехъ бояръ, собственно литвиновъ въ Петровъ съ окончательнымъ отказомъ отъ польской короны. Однако поляки, избирая князя мазовецкаго Болеслава, если бы Казиміръ отказался отъ короны, охотнѣе желали видѣть польскую корону на главѣ богатаго и могущественнаго в. к. литовскаго, а потому отправили къ нему еще одно посольство, и на этотъ разъ успѣли въ своемъ дѣлѣ. Окруженный своимъ совѣтомъ, Казиміръ соглашался вступить на польскій престолъ, но съ условіемъ, чтобы поляки не присвоивали себѣ никакого права на Волынь, Подоль, Ратно, Лопатинъ, Городно и землю Олельскую (1). Потомъ онъ приказалъ отдѣлить отъ Польши Ломаны и Полубицы, со многими селами на лѣвомъ берегу р. Буга, которую поляки хотѣли имѣть границей между Польшею и Русью, и присоединивъ оныя къ Бресту,

(1) Зубрицкій стр. 345, 346 и 347.

Балинскій выставляетъ этотъ фактъ совершенно въ иномъ видѣ. Подъ 1446 годомъ у него польскіе вельможи призываются въ Брестъ будто бы для совѣщаній относительно присоединенія Волыни и Подоли къ Литовскому государству (III, 727). Между тѣмъ дѣло вышло иное — польскіе вельможи его искали и готовы были на все согласиться, лишь бы на престолѣ имѣть могущественнаго государя.

явно тѣмъ показывалъ, что онъ принимаетъ корону вовсе не для того, чтобы Литовское государство слить въ одно цѣлое съ Польшею. Напротивъ, находясь на тронѣ Польши, онъ считалъ Литву настоящимъ своимъ отечествомъ и, часто пребывая въ Гроднѣ, не забывалъ и Вреста, одного изъ лучшихъ городовъ своего государства. Передъ войною съ орденомъ Казимиръ созвалъ сюда знатнѣйшихъ литовскихъ вельможъ, предоставляя имъ охранить Литву отъ замысловъ рыцарей: въ Брестъ прибыли литвинъ Гастольдъ и русинъ князь Юрій Острожскій, управлявшіе Литовско-русскими владѣніями. Во время Казимира правленія литовскіе вельможи неоднократно съѣзжались въ Брестъ для совѣщаній (1453, 1454, 1460, 1461, 1478), вызывая Казимира изъ Польши въ Литву жить среди любящаго его народа, или предлагая ему отказаться отъ польской короны въ пользу Смиесна Олельковича, князя кievскаго. Но король, пріѣзжавшій въ Литву съ своей женою, прозвѣрами, подарками и пріятнымъ обхожденіемъ успѣвалъ отлагать нетерпѣливость и требованія литовцевъ и русскихъ. Въ 1478-мъ году на брестскомъ сеймѣ присутствовалъ даже самъ король: вельможи литовскіе и русскіе упрасивали его дать имъ въ государя одного изъ своихъ сыновей, но Казимиръ, пока былъ живъ, никому не хотѣлъ поручать управленія Литвою (1); надо полагать, что безъ доходовъ литовскихъ, онъ не могъ поддерживать своего королевскаго двора и вліянія на поляковъ; при томъ онъ могъ опасаться вовлечь Литву въ войны въ Польшю, въ успѣшномъ исходѣ которыхъ сомнѣвался,

Причисленный въ 1441 году къ числу главныхъ городовъ Литовскаго государства, *Брестъ* въ половинѣ XV столѣтія былъ весьма важнымъ городомъ, не только по богатству и обитрости, но и по своему значенію,—пріѣзжавшіе вельможи на сеймы должны были занимать не малое число выгодныхъ и хорошихъ помѣщеній. Такое значеніе *Брестъ* удержалъ и въ первой половинѣ XV столѣтія, не смотря на то, что въ 1500 году значительная часть города была опустошена крымскими татарами, не причинившими впрочемъ никакого вреда укрѣпленіямъ (замку).

Въ 1505-мъ году король Александръ, по поводу жалобы Михаила Глинскаго на нѣкоторыхъ вельможъ въ нарушеніи ими власти созвалъ сюда сеймъ, на которомъ воевода трокскій Забржези-

(1) *Długosz* стр. 553; *Зубрицкій* стр. 400.

скій, намісникъ смоленскій Станиславъ Клинка, холодкій воевода Глѣбовичъ и староста жидскій Жарновскій—первоначально осуждены къ вѣчному заключенію, но впоследствии спасены ходатайствомъ канцлера велик. княжества Литовскаго Ивана Ласкаго. Дѣло кончилось отрѣшеніемъ Забрззинскаго отъ должности воеводы и заключеніемъ въ тюрьму старосты лядскаго Иминча. Во время сейма Александръ съ торжествомъ принималъ хана крымскаго Шаха-Ахмета, который прежде содержался въ Вильнѣ подъ стражею. Король выѣхалъ за 5-ть миль отъ Бреста и встрѣтилъ хана подъ богатымъ наметомъ (шатромъ). Многіе литовцы, русскіе, поляки и татары пожалованы были въ рыцари. По окончаніи брестскаго сейма король отправился на польскій сеймъ въ Радомъ.

Въ 1511 году, король Сигизмундъ I созвалъ въ Брестъ литовскихъ вельможъ для совѣщанія относительно защиты государства отъ нападений крымскихъ татаръ. Между прочими распоряженіями король и великій князь подтвердилъ на этомъ сеймѣ права и преимущества мѣщанъ (15 октября), на основаніи прежнихъ привилегій: въ видахъ же улучшенія города Сигизмундъ обратилъ въ его пользу доходъ съ хлѣба, привозимаго на торги (торговне) и чинить съ лавокъ и мясныхъ рядовъ; содержателямъ инниковъ дозволилъ право торговли, освободилъ ихъ отъ платы чинна съ пива, меду и водки (капцины), а содержателей бань и воскобосъ увольнилъ отъ платежа всѣхъ податей, исключая взноса определенныхъ доходовъ въ пользу ратуши. Сигизмундъ I, обратилъ особенное вниманіе на брестскихъ евреевъ, отличавшихся богатствомъ и зажиточностію и имѣвшихъ здѣсь знаменитую въ то время синагогу. Евреи поселены въ Брестѣ еще князьями галицкими, при Кейстутѣ ихъ было здѣсь уже немало, а Витольдъ даровалъ имъ значительныя преимущества и права въ торговлѣ. Сигизмундъ подтверждая права евреевъ, данныя предѣстниками, разрѣшилъ имъ отпускать кирпичъ и глину на починку синагоги; евреи въ свою очередь должны были починить на собственный счетъ мостъ на Угринкѣ, по дорогѣ къ еврейскому кладбищу. Черезъ 4 года Сигизмундъ I, снова созываетъ въ Брестъ литовскихъ вельможъ и обсуживаетъ съ ними средства обороны въ войнѣ съ татарами; въ то же время изъ латеранскаго собора къ королю прибылъ архіепископъ гнѣзненскій Иванъ Ласскій съ титуломъ Legatinati (народнаго легата).

Вообще Брестъ пользовался у Ягеллоновъ особеннымъ внима-

иномъ—здѣсь началъ политическое поприще Казимиръ, сперва какъ великій князь, потомъ какъ король; тутъ объявленъ великимъ княземъ и Сигизмундъ-Августъ, постоянно обращавшій вниманіе на устройство и улучшение Бреста. Разрѣшивъ въ пользу города давній споръ ратуши съ замкомъ относительно платежа чинна съ 60 лановъ городской земли, отведенной Бресту Ягелломъ, Сигизмундъ-Августъ обязалъ мѣщанъ построить часы на ратушѣ и содержать при нихъ трубача; потомъ (1551) освободилъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, мѣщанъ отъ поставки подводъ для королевскихъ гонцовъ, назначивъ таковую только при проѣздѣ чрезъ Брестъ самаго государя и его свиты; далѣе обязалъ мѣщанъ платить доходъ съ питей въ замковую казну на сумму въ 50 копъ литов. грошей, и наконецъ, въ 1554 году, распространяя права и преимущества мѣщанъ, даровалъ городу Бресту гербъ съ изображеніемъ на красномъ полѣ, при сляніи двухъ рѣкъ, каменной башни или замка.

Король Стефанъ Баторій, подтверждая льготы данныя Бресту предѣстниками, увеличиваетъ городской доходъ мытомъ съ мостовыхъ (1580, генваря 2). Около этого же времени въ Брестѣ впервые появляются аптеки. Аптекарю (берестейскому цирюльнику), Генриху Петерсону, по распоряженію короля (18-го ноября, 1583) отведенъ участокъ земли, принадлежавшей замку, а домъ его и комора освобождены отъ платежа податей и повинностей (1).

Въ началѣ царствованія Сигизмунда III, въ Брестѣ появляются мостовыя, на устройство и поддержаніе которыхъ въ 1588 году обращена часть городскихъ доходовъ. Въ видахъ разпространенія торговли въ 1607 году установлено, чтобы каждая изъ трехъ существовавшихъ ярмарокъ продолжалась по мѣсяцу; иногороднымъ купцамъ на этихъ ярмаркахъ въ теченіи двухъ первыхъ недѣль дозволено не вносить торговыхъ пошлинъ и устранины разнаго рода повинности, сопряженныя съ торговлею.

Такимъ образомъ со времени Витольда до Сигизмунда Вази, съ теченіемъ двухъ столѣтій, Брестъ отстроился и украсился такъ, что

(1) Привиллегія Стефана Баторія берестейскому цирюльнику Петерсону, относительно постройки камеры для склада аптечныхъ вещей, данная на имя берестейскаго старосты—канцлера в. в. Литовскаго Остафія Волловича, 8 ноября 1583 г. Крашевскій (Obrazu z podróży i życia), Валинскій III, 731.

въ началѣ XVII столѣтія, занималъ одно изъ первостепенныхъ мѣстъ въ Литовскомъ государствѣ. Но историческое значеніе Брестъ приобретаетъ не столько политическими сеймами литовскихъ бояръ, сколько религиозными соборами русскихъ епископовъ. Въ слѣдствіе этихъ соборовъ произошелъ рѣшительный переворотъ въ судьбѣ православныхъ Литовскаго государства, потрясшій основы даже его политическаго устройства, не говоря о народномъ духѣ; — отсюда начало упадку Бреста.

III.

Коренное населеніе съ древнѣйшихъ временъ православное при Владимірѣ Васильковичѣ видѣло евреевъ, которые въ XV столѣтіи жили въ Брестѣ славную синагогу. Ягеллоны, призвавшіе въ Литву поляковъ, а съ ними и множество монашескихъ орденовъ, въ тожь же столѣтіи соорудили во многихъ литовскихъ городахъ р.-католическія церкви. За католиками въ XIV столѣтіи въ Литвѣ находятъ своихъ послѣдователей гуситы, лютеране, кальвинны, ариане и другіе реформаты, — такъ что въ концѣ царствованія Сигизмунда-Августа въ Литвѣ насчитывалось до 70 разныхъ христіанскихъ сектъ (Нарушевичъ). Брошенная сѣмена въ Вильнѣ быстро распространялись по всему государству. Мѣщане слѣдовали за реформою Лютера, шляхта держалась Кальвина; даже самое духовенство, какъ православное, такъ и Р.-католическое, непрочъ было принимать преобразованія. Брестскій староста князь Николай Радзивиллъ Черный, призвавъ въ Брестъ протестантовъ, около XVI столѣтія, сдѣлалъ его средоточіемъ послѣдователей Кальвина, отъ котораго самъ былъ въ восторгѣ. Вскорѣ кальвинисты учредили въ Брестѣ свой синодъ, подъ предѣдательствомъ знаменитаго ученаго того времени Симона Зацюза (Szymona Zacyusza), вызвали изъ Бравова Вернарда Воеводку (1558) и при помощи старосты основали свою типографію, напечатавшую въ теченіи 12-ти лѣтъ множество книгъ духовнаго и политическаго содержанія, разосланныхъ по Литвѣ. Здѣсь же напечатанъ на польскомъ языкѣ переводъ Библии съ греческаго и еврейскаго языковъ; эта кальвинская Библия, изданная въ 1263 году, подъ главной редакціей Андрея Тржецяка, извѣстная подъ именемъ Радзивидовской, нынѣ составляетъ библиографическую рѣдкость,

Въ то же время кальвинны нашли сильныхъ соперниковъ въ немнѣхъ арианахъ (или соципианахъ), норовя сѣмена которыхъ въ Брестскомъ воеводствѣ бросилъ Петръ Гонциушъ (Gonciusz-Goniondz), въ 1556 году арианъ поддерживали Книжки, въ особенности виленскій каштелянъ Янушъ Книжа; ариане, быстро распространившіеся по Полѣсью, вели изустную и письменную борьбу съ брестскими кальвинянами. Такое распространеніе религиозныхъ сектъ, стало угрожать католицизму; особенно когда диссиденты на гродненскомъ сеймѣ 1568 года были сравнены въ правахъ съ р. католиками. Монастыри пустѣли, алтари и иконы предавались поруганію. Палская власть, пустившая уже глубокіе корни въ Литвѣ, была въ вѣлчайшей опасности. Напрасно виленскій епископъ Валеріанъ Протасевичъ Шумковскій (1556—1579 г.) прибѣгалъ къ различнымъ средствамъ; диссиденты, покровительствуемые Сигизмундомъ Августомъ и вельможами, не боялись угрозъ и быстро распространялись. Въ такихъ обстоятельствахъ епископъ Валеріанъ въ 1569 году вызвалъ въ Вильну іезуитовъ (Braci Iezusowusch), извѣстныхъ уже своею религиозною ревностію. Это было лучшимъ средствомъ—не прошло и 20 лѣтъ отъ появленія іезуитовъ въ Вильнѣ, какъ ученіе ихъ нашло послѣдователей во всемъ Литовскомъ государствѣ; такъ быстро въ то время мѣнялись убѣжденія. Но политика этого ордена, уничтожая одно зло, превращая размноженіе сектъ, рождала другое, язву пагубную для существованія государства: ученіе іезуитовъ, коснувшись совѣсти каждаго гражданина, поколебавъ чистоту убѣжденій и породивъ фанатизмъ, дошедшій до изуверства, ввергло Литву въ нескончаемыя религиозныя смуты, скрѣпляя одно, они сыпали въ тихомолку ядовитыя сѣмена разложенія во всѣ составныя части общественной жизни.

Вызванные въ Брестъ, въ 1616 году, лужичскій епископомъ Павломъ Валицкимъ, іезуиты прежде всего захватили въ свои руки кальвинскую типографію и перенесли ее въ Вильну; потомъ стали учреждать свои школы, въ подрывъ существовавшихъ школъ, изъ которыхъ извѣстна была школа при церкви св. Николая, гдѣ дѣтей учили по гречески, по латынѣ и по русски. Въ то же время своими происками они содѣйствовали къ закрытію брестскаго кальвинскаго собора.

Кажется уже несомненно дѣло рѣшенное, что унія, это незаконное дитя восточной церкви, была дѣломъ іезуитовъ. Въ 1569 году послѣдовало окончательное соединеніе Литвы съ Польшею;

сформировались вопреки многимъ изъяснительнымъ и мѣстительнымъ умовамъ, это событіе вмѣстѣ съ наплывомъ іезуитовъ и ихъ ревностныхъ послѣдователей поляковъ, нанесъ ударъ лютеранамъ, кальвинамъ и социніанамъ, восхулилъ и православныхъ, имѣвшихъ съ времени Витольда (1415 г.) своего особаго митрополита. Понятіями и своеволіемъ поляковъ стали заражаться не только литовско-русскіе вельможи, но весь свободный классъ народа, получившій недавно право участвовать въ сеймахъ, іезуиты явились кроткими иноками благотворителями несчастныхъ, ревностными проповѣдниками слова Божія и безкорыстными наставниками юношества. „Подъ гибельною маскою притворства и ханжества іезуитовъ развилась въ литовскихъ латиннахъ страшная нетерпимость въ дѣлахъ вѣры“ говоритъ Кояловичъ въ исторіи литовской униі. Послѣ Сигизмунда Августа, на престолъ литовско-польскій, стали вступать государи иноземные, преданные Польшѣ, а не Литвѣ, какъ было прежде при Ягеллонахъ; нокровительствуемые правительствомъ, іезуиты получали возможность дѣйствовать въ Литвѣ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Старая желаніемъ окончательнаго торжества своей церкви и зная непреклонность православныхъ къ возвращенію въ католицизмъ, іезуиты обратились къ униі. Какимъ образомъ они приводили въ исполненіе планъ униі оставалось тайною до конца 1595 года. Такъ и всегда дѣйствовали іезуиты; гибельныя явы ихъ политики не ранѣе можно было примѣтить, какъ въ то время, когда уже весь организмъ приходилъ въ воспалительное состояніе (Кояловичъ).

При вступленіи на престолъ литовско-польскій, воспитанника іезуитовъ Сигизмунда III, состояніе западной-русской церкви, отдѣленной отъ восточной-русской, во многихъ отношеніяхъ было бѣдственное и опасное; требовались рѣшительныя мѣры для возстановленія чистоты даже въ духовенствѣ. Всѣ іерархи, братства и міряне чувствовали необходимость собора. Митрополитъ западно-русской церкви назначилъ соборъ въ Брестъ, на которой получили приглашеніе и многіе знатные міряне. Собранные въ Брестъ епископы постановили жаловаться королю на притѣсненіе православной церкви; но не сдѣлали общаго окончательнаго дѣла, отъ котораго страдала православная церковь въ Литвѣ (1); напротивъ Кириллъ

(1) Балинскій на стр. 723 говоритъ несправедливо, будто бы на брестскій соборъ 1590 года кievскій митрополитъ Михаилъ Рогоза

Гедеонъ, Леонтій и Дюнисій, представивъ брестскому собору жалобу на притесненіе короля-коварно скрывали тайну своихъ настоящихъ нагѣреній. Во всей западно-русской церкви возникло волненіе, отъ котораго приходили въ смущеніе самые ревностные поборники, а такое смущеніе было находкою для Кирилла и другихъ проповедниковъ уніи. Православный народъ, постоянно волнуемый разными слухами, мало по малу терялъ любовь къ своей церкви, и терпя разныя притесненія за любовь къ ней, приходилъ постепенно къ заключенію о подчиненіи папѣ и принятію уніи. Даже лучшие люди этого времени, мало по малу такимъ путемъ приходили къ мысли объ уніи.

Въ 1592 или 1593 году скончался брестскій епископъ Мелетій Хрептовичъ и на его мѣсто поставленъ Ипатій Поцѣй, человекъ обширнаго ума и знатнаго рода. Въ 1594 году на соборъ брестскій кромѣ Поцѣя, какъ мѣстнаго епископа брестской епархіи, явились митрополитъ Рогоза, Кириллъ Терлецкій и депутаты братствъ: виленьскаго, львовскаго, берестейскаго, красноставскаго, голышанскаго, городецкаго, галицкаго, бѣльскаго и многихъ другихъ (1). Братства приносили жалобы на своихъ іерарховъ и требовали опредѣленія отношеній ихъ къ мѣстнымъ духовнымъ властямъ. Между тѣмъ латиняне вооружились противъ митрополита за созваніе собора въ отсутствіе короля и вопреки конституціи 1593 года. Но противъ притязаній браковскаго архіепископа (примаса), поддерживали митрополита лучшие изъ православныхъ. Соборъ приступилъ къ рѣшительному спасенію православной церкви отъ опасныхъ нововведеній. Общимъ мнѣніемъ постановлено: 1) львовскаго епископа Гедеона лишить святительскаго сана и кафедры. 2) Утверждены всѣ прежнія братства. 3) Духовенство братское въ ставропогіальныхъ братствахъ подчинено митрополиту, а другихъ— мѣстнымъ епископамъ. 4) Братства получили права учредить шео-

---

созвалъ всѣхъ епископовъ православнаго исповѣданія для сужденія о дѣлахъ уніи. Такое мнѣніе ни на чемъ не основано. Никто изъ іерарховъ тогда еще не помышлялъ объ уніи; эта мысль прежде всего родилась въ головѣ Кирилла Терлецкаго, и то уже послѣ перваго брестскаго собора, а приведена въ исполненіе Ипатіемъ Поцѣемъ. Митрополитъ же былъ вовлеченъ въ унію притисками другихъ, а не самъ собою. Кояловичъ.

(1) Литовско-церковная унія—Кояловича 1859 с. стр. 112.

ли и типографіи и имѣть проповѣдниковъ (1). Объ уніи здѣсь не было произнесено ни слова, напротивъ распоряженія собора клонились къ скрѣпленію связей православной церкви, которая въ братствахъ нашла сильныхъ поборниковъ. Валинскій въ своемъ описаніи Вреста, выставляетъ брестскіе соборы 1590 и 1594 года въ такомъ видѣ, какъ будто бы дѣло шло о рѣшенной уніи, что будто бы митрополитъ Рогоза, въ 1590 г., созывалъ въ Брестъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ православнаго исповѣданія для сужденія о дѣлахъ уніи, и будто бы соборъ 1594 года рѣшилъ отправить въ Римъ Кирилла Терлецкаго и Поцѣя съ поклоненіемъ папѣ и для переговоровъ о дѣлахъ уніи.

Соборъ и не думалъ посылать въ Римъ этихъ епископовъ, никто не зналъ еще о намѣреніяхъ нѣкоторыхъ іерарховъ, надѣявшихся черезъ унію или достигнуть своихъ честолюбивыхъ плановъ, или загладить свои преступленія. Мы съ намѣреніемъ вошли здѣсь въ подробности, чтобы выставить дѣла двухъ первыхъ брестскихъ соборовъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ; Кирилла Терлецкаго и Ипатія Поцѣя поѣхали въ Римъ сами собою; склонивъ предварительно на свою сторону и нерѣшительнаго митрополита Михаила, еще въ январь 1595 года. Вслѣдъ за симъ, уполномоченные митрополитомъ, Поцѣя и Терлецкаго представили Сигизмунду III условія уніи и довѣренность на веденіе переговоровъ. Условлено было, что митрополитъ, Поцѣя и Терлецкаго съѣдутся въ *Кобринь*. Но къ назначенному сроку, 18 мая 1595 года, митрополитъ не явился. Его нерѣшительность смутила Терлецкаго и Поцѣя; они укорили владыку въ измѣнѣ, угрожали гнѣвомъ короля и звали его явиться поскорѣе въ *Брестъ*; тѣмъ дѣло и кончилось; митрополитъ и въ Брестъ не поѣхалъ, когда узналъ, что Терлецкаго и Поцѣя совершенно предадутъ латинянамъ свою церковь. Послѣ такихъ происковъ и сношеній съ римскимъ дворомъ при посредничествѣ Сигизмунда и іезуитовъ, Кирилла и Терлецкаго поѣхали въ Римъ въ сентябрь 1596 года, т. е. не прямо изъ брестскаго собора, какъ уполномоченные, а спустя цѣлый годъ, какъ духовные послы католическаго государя, а не православной церкви.

Такимъ то образомъ рѣшилось дѣло уніи, окончательно созрѣвшее въ умѣ Сигизмунда III и его сподручниковъ іезуитовъ, надобно было только дать ей законную силу; а по тому по возвращеніи

(1) Тамъ же стр. 115 и 116.

епископовъ изъ Рима опредѣленъ общій съѣздъ православныхъ, уніатовъ и латинянъ, какъ духовныхъ такъ и свѣтскихъ. Временемъ открытія собора назначено 6 октября 1596 года.

Въ описаніи столь важнаго факта, совершавшагося въ Врестѣ, скажемъ словами Кояловича.

«На соборъ запрещено являться лютеранамъ и никто изъ вельможъ не долженъ былъ имѣть при себѣ вооруженной силы. По областямъ разосланы грамоты, чтобы никто не вмешивался въ дѣла, подлежащіе духовной власти, чтобы не происходили нигдѣ мятежи и не предпринимались ни тайны, ни явныя мѣры противъ митрополита.

«Никогда въ западно-русской церкви не было собора, который представлялъ бы собою такую торжественность и величіе, какъ соборъ 1596 года, въ Врестѣ литовскомъ. На этотъ соборъ прибыли: Никифоръ экзархъ константинопольскаго патріарха въ Лигвѣ и во всемъ константинопольскомъ патріархатѣ, челоувѣкъ извѣстный многимъ даже латинянамъ своею ученостію и сильными связями въ Константинополѣ; Кирилль Лукарскъ—экзархъ александрійскаго патріарха; западно-русскій митрополитъ Михаилъ съ семью епископами; Лука митрополитъ велиградскій; два архимандрита съ Святой горы Макарій и Матеей, множество архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ западно-русской церкви; далье князь Острожскій съ сыномъ, воеводою волынскимъ и многочисленною свитою, послы отъ всѣхъ областей, и множество людей всякаго чина и званія. Представителями латинянъ были: главнѣйшіе двигатели уніи: луцкій епископъ Бернардъ Мацѣвскій съ іезуитами, Станиславъ Гоголинскій, епископъ хелмскій; потомъ гетманъ литовскій князь Николай Радзивилль, канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга и подскарбій литовскій Дмитрій Халецкій, тоже со свитами. Всѣ съѣхавшіеся на соборъ, немедленно раздѣлились на двѣ половины. Латиняне соединились съ будущими уніатами, Цоцѣмъ и другими епископами, неотказавшимися отъ уніи и взяли чуть-ли не подъ стражу Михаила Рогозу. Патріарше экзархи и другіе представители восточной церкви соединились съ двумя западно-русскими епископами Гедесономъ львовскимъ, Михаиломъ перемышльскимъ, князьями Острожскими, послами областными; къ нимъ присоединились почти всѣ духовные и мірскіе представители православной западно-русской церкви. Обѣ половины представили собою грозное ополченіе; шатры и пушки покрывали окрестности

Бреста, и когда обѣ стороны измѣрили взаимныя силы, то перелѣсь на сторонѣ православныхъ былъ такъ великъ во всѣхъ отношеніяхъ, что привелъ въ ужасъ уніатскую половину и она обратилась съ тревожными вопросами къ князю Острожскому. Но благородный, благочестивый князь увѣрилъ ее, что спокойствіе не будетъ нарушено и мы думаемъ, что слово князя было выраженіемъ мысли большинства православныхъ. Они такъ были увѣрены въ правотѣ своего дѣла.» * *далее* «Но сейчасъ оказалось, что ихъ благородное обѣщаніе не нарушать спокойствія подало поводъ противной сторонѣ устроить противъ нихъ козни. Митрополита не пускали къ нимъ и укрывали отъ всѣхъ пенсковъ. Православные узнали, что его даже окужаетъ военная сила. Мало того, они узнали, что Пецеѣй, какъ мѣстный епископъ, приказалъ запретъ всѣ церкви, чтобы лишить соборъ православный приличнаго мѣста и будущія его дѣйствія церковнаго освященія. Связанные благороднымъ словомъ князя они не посмѣли употребить силу и рѣшились избрать для собора частный домъ, какой можно было найдти въ Брестѣ побшириѣе. Такой домъ предложили протестанты. Православные раздѣлились на двѣ половины, духовную и мірскую, установили порядокъ засѣданій въ обѣихъ половинахъ, и освятивъ залу духовнаго собора приличнымъ молитвословіемъ, приступили къ дѣлу.»

Не признавъ уніи, изложивъ съ каседръ митрополита и виновныхъ епископовъ и составивъ противъ ихъ и уніи протестъ, православный соборъ отправилъ къ королю пословъ съ просьбою назначить имъ новыхъ іерарховъ. Между тѣмъ уніаты, окруживъ себя военною силою и допустивъ въ члены собора иновѣрцевъ латинягъ въ кафедральной церкви св. Николая провозгласили унію. Такимъ образомъ общій съѣздъ, собравшійся въ Брестѣ для разсужденій въ дѣлахъ вѣры, какъ предполагалось въ универсалахъ короля и въ грамотѣ митрополита, не достигъ своей цѣли; онъ раздѣлился на двѣ половины православную и латинскую, которыя остались еще болѣе враждебными, и каждая по своему рѣшала дѣло уніи (Кояловичъ). Рѣшить вопросъ предоставлено будущему времени. Всѣ земскіе послы и представители западно-русской церкви торжественно объявили незаконность уніи. Вопросъ объ ней рѣшали столѣтія, пока не пала Польша и іезуиты.

Религиозныя смуты, войны внутреннія (конфедератовъ) и внѣшнія, безпрестанныя пожары, морорыя язвы и разстройство админист-

страціи характеризуютъ исторію Руси и Литвы, соединенныхъ съ Польшею въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ; съ послѣднею искрою Ягеллоновъ угасла самостоятельность Литвы, осужденной силою обстоятельствъ черпать у своей сосѣдки одни внутренніи смуты и раздоры.

Появленіе въ Литвѣ и на Руси іезуитовъ, устроившихъ унию, повело за собою сильное распространеніе въ Западной Россіи католическаго духовенства, умноженіе костеловъ, надѣляемыхъ богатыми фундами, упадокъ православія, замѣна литовско-русскихъ учреждений польскими. Сильное распространеніе латинства этой искони православной странѣ при Сигизмундѣ, который проливалъ кровь литовско-русскихъ изъ за своихъ личныхъ видовъ за шведскую корону, отразилось въ Врестѣ появленіемъ множества монастырей, разныхъ католическихъ орденовъ и об'ѣдненіемъ жителей черезъ контрибуціи, налагаемыя возстававшими войсками. Въ началѣ XVI вѣка въ Врестѣ появились бернардинны, которыми для постройки монастыря, Сигизмундъ въ 1609 году назначилъ вспомошествованіе въ 500 злотыхъ, а Левъ Сапѣга богатый фондущъ. Тотъ же Сапѣга построилъ каменное зданіе для помѣщенія іезуитской коллегіи и школы и подарилъ іезуитамъ имѣніе *Дересну*; за бернардинами и іезуитами вскорѣ появились въ Врестѣ тринитары (*Trinitarze*). Въ 1629 году, т. е. спустя съ небольшимъ тридцать лѣтъ, при содѣйствіи Генриха Бюельскаго, воздвигнуть въ Врестѣ базильянской монастырь Петра и Павла; въ 1659 году явились бернардинки, содержавшія при бернардинскомъ костелѣ богадельню; Александръ Гонсѣвскій, вскорѣ за бернардинками призвалъ бригиттокъ; въ 1630 году, появились доминиканы, надѣленные Софіей Выховецкой.

Распространеніе латинства и унии здѣсь шло съ такимъ успѣхомъ, что въ исходѣ XVIII столѣтія въ Врестѣ существовало семь католическихъ орденовъ: августіановъ, бернардиновъ, бернардинокъ, іезуитовъ, тринитаровъ, бригиттокъ и доминикановъ, униятскій монастырь базильяновъ, три униятскія церкви — соборная св. Николая, Свято-Троицкая и св. Михаила и только одинъ православный Спасскій монастырь. Р. католическіе ордена помѣщались въ обширныхъ зданіяхъ и располагали богатыми фундами и землями. Всѣ эти монастыри были уничтожены при постройкѣ Врестъ Литовской крѣпости.

Мы видѣли какое значеніе имѣлъ Врестъ въ XVI столѣтіи. Мѣщане, платившіе 50 копѣ. литовскихъ грошей и вмѣстѣ жившіе

150 лошадей на военные потребности (по уставу Сигизмунда I), превратились богатством и зажиточностию. Кроме замка и каменного города, Брестъ украсился дворцомъ съ обширными паркомъ и множествомъ каменныхъ церквей и монастырей. Пользуясь значеніемъ главнаго города воеводства своего имени и укрѣпленнаго пункта, Брестъ былъ мѣстомъ пребыванія воеводы, кастеляна (коменданта), старосты и собраній шляхты для выборовъ въ депутаты на общіе сеймы. Здѣсь часто пребывалъ и епископъ туровскій. Такимъ стало Брестъ XVII столѣтіе—вѣкъ страшныхъ бурь и всеобщей неурядицы въ Польшѣ, вѣкъ страшныхъ гоненій и преслѣдованій, смутное время Литовскаго государства, въ которое и Бресту, подобно многимъ городамъ суждено было низойти на степи весьма незначительнаго города. Уже въ началѣ XVII столѣтія въ городѣ замѣтно сильное разложіе: пожары и войны 1605 и 1612, пожаръ 1613 года и контрибуціи начальниковъ воставшихъ войскъ (конфедератовъ), довели жителей до такого бѣдственнаго состоянія, что въ 1614 году разрѣшено мѣщанамъ собирать въ городскую казну подати (мыто) по грошу литовскому съ бочки солода и по одному полѣну съ воза дровъ.

Однако цвѣтущее состояніе города, одного изъ самыхъ населенныхъ въ соединенныхъ государствахъ, продолжается еще лѣтъ 40, т. е. до смутной эпохи, когда литовская Русь вовлечена была въ войны вѣшнія и много потеряла отъ внутреннихъ раздоровъ.

Въ 1653 году 24 марта, передъ наступленіемъ катастрофы, въ Брестѣ подъ предѣдательствомъ литовскаго хорунжаго Христофора Паца былъ военный совѣтъ, касательно способовъ и средствъ къ войнѣ съ вѣшними врагами. Въ 1657 году шведы подъ предводительствомъ седмиградскаго воеводы князя Ракоція овладѣли брестскимъ замкомъ, въ которомъ находилось 400 человекъ гарнизона одной пѣхоты, безъ артиллеріи; шведы предавались насилию и страшному грабежу; опустошивъ городъ, Ракоцій назначилъ комендантомъ замка Воека и отправился съ войскомъ въ Варшаву.

По окончаніи войны съ шведскимъ королемъ Брестъ медленно поднимается изъ упадка; одна только торговля, благодаря судоходству по Бугу, обозначала въ немъ признаки жизни и нѣкотораго рода дѣятельности. Надобно было подумать о существенныхъ потребностяхъ, найти средства для оказанія помощи обѣдѣвшимъ жителямъ. Въ 1661 году сеймъ дозволилъ городу управлять ви-

мороченными домами и ижѣніями, въ теченіе 3 лѣтъ, когда должно было послѣдовать новое распоряженіе, съ подтвержденіемъ прежнихъ льготъ; указаны средства къ погашенію долговъ, вызванныхъ потребностями военными; разрѣшено строить новыя дома, на мѣстахъ сгорѣвшихъ, и установлена новая подать на городскихъ обывателей всѣхъ состояній, владѣвшихъ какою бы то ни было собственностью. Въ то же время укрѣпленія возобновлены и приведены въ лучшее состояніе, но оставлены невооруженными; въ замкѣ всѣ зданія приспособлены къ жительству.

Между тѣмъ беспорядки въ Польшѣ не прекращались и по смерти Іоанна Казимира. До избранія новаго короля, хоружій в. к. литовскаго Огинскій заперся въ Врестѣ съ войсками своей партіи; противникъ его-гетманъ в. к. литовскаго Казимиръ Салтъга обложилъ Врестъ и разными обѣщаніями успѣлъ умирить недовольныхъ солдатъ, которымъ была тотчасъ роздана половина слѣдовавшаго имъ жалованья.

Въ началѣ XVIII столѣтія послѣдовала сѣверная война. Въ 1706 году Карлъ XII, перейдя Вугъ, отрядилъ для занятія Вреста 4 полка подъ командою генерала Мерфельда. Мерфельдъ склонилъ ижѣстную шляхту на сторону Станислава Лещинскаго (Addereld, 605) и усилилъ свой отрядъ литовскимъ войскомъ, пришедшимъ сюда Салтъгою въ числѣ 5,000 человекъ. По смерти Августа III начались смутенія въ Литвѣ и Польшѣ по поводу гоненій на диссидентовъ, которыхъ конвокаціонный сеймъ (1733) отрѣшилъ отъ всѣхъ мѣстъ, званій, должностей и староствъ. Со вступленіемъ на престолъ Понятовскаго православные жители обратились къ защитѣ русскаго двора, а реформаторы къ прусскому. Католическіе магнаты, подстрекаемые духовенствомъ, въ 1764 году составили конфедераціи для защиты, господствующей вѣры противъ иностранцевъ. Всюду литовско-польское государство покрылось конфедераціями недовольныхъ и Врестъ нѣкоторое время (1769) былъ занятъ однимъ изъ главныхъ предводителей баровой конфедераціи Казимиромъ и Францискомъ Пулавскими, которые намѣревались перенести свое оружіе въ Литву. Но побѣды Суворова, Салтыкова, Кречетникова, князя Голицына и графа Тотлебена смарили конфедератовъ. Конфедерація уничтожена и въ 1772 году совершенъ первый раздѣлъ Польши (1). Во время войнъ съ бар-

1) Конфедерація и конфедераты В. Э. Л. общества любителей

сими конфедератами, Суворовъ, предводительствуя авангардомъ Нунжера за Брестомъ у деревни Орѣховой (на югъ въ 80 верстахъ) послѣ упорной свалки разбилъ маршала Котлубовскаго, сбѣжавшаго въ Варшаву, потомъ занялъ Люблинъ и нанесъ поражение Мѣшинскому (1). Въ послѣднюю (тарговицкую) конфедерацію, въ 1792 году, въ Брестѣ происходили неоднократныя совѣщанія конфедератовъ, перенесенныя впоследствии въ Гродну, гдѣ былъ послѣдній сеймъ. Въ послѣдовавшую за тѣмъ конфедератскую войну Россіи съ Польшею, Брестъ приобрѣлъ значеніе по военнымъ дѣйствіямъ, происходившимъ въ его окрестностяхъ. Вытѣснивъ изъ *Крутицъ* корпусъ Сѣраковскаго, который, отступивъ къ Бресту и Тересполью (въ 4 верстахъ), намѣренъ былъ идти къ Варшавѣ, куда уже отправилъ часть обозовъ, Суворовъ рѣшился въ ту же ночь переправиться черезъ Бугъ выше Бреста и нанесъ совершенное пораженіе полякамъ. Одержавъ побѣду, Суворовъ занялъ Брестъ двумя баталліонами, а остальными расположился лагеремъ передъ городомъ (2).

По послѣдному раздѣлу Польши Брестъ возвращенъ къ Россіи, а въ 1802 году поступилъ на степень уѣзднаго города Гродненской губерніи.

Въ отечественную войну въ окрестностяхъ Бреста происходили второстепенныя дѣйствія сперва Торماسова противъ Ренъе, а потомъ адмирала Чичагова противъ Шварценберга (3).

II. *Бобровскій.*

(Окончаніе будетъ).

III.

ОРИГИНАЛЬНЫЯ ПИСЬМА.

Таковыми письмами мы называемъ письма, помѣщаемыя въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ,“ достигшія уже „несчастной“ цифры XIII (1), перешагнувшія за предѣлы минувшаго года и пріобрѣвшія печальную извѣстность подъ названіемъ „Виленскихъ писемъ.“ Преобладающій характеръ этихъ писемъ - безпримѣрный хаосъ въ изложеніи, „непроходимая“ путаница представленій, безконечная вереница противорѣчій, словъ и выраженій, набросанныхъ безъ сознанія, претендующихъ на краснорѣчіе и оставляющихъ въ душѣ читателя, поставленнаго въ тяжкую необходимость пробѣжать эти письма, какую-то нравственную копоть и удушье. Такими свойствами по преимуществу отличаются первыя пять писемъ. Прочитавъ эти письма ex officio, не вольно задаешься вопросомъ: что если бы была назначена демидовская премія за отысканіе человѣческаго смысла и логической послѣдовательности въ этихъ письмахъ, — ужь-ли нашлись бы соискатели такой преміи? Еслибъ эти письма продолжались такъ, какъ

---

(1) Теперь, говорятъ, ихъ написано уже XVII, но мы не имѣли еще слоты и досуга пробѣжать ихъ.

начались, намъ оставалось бы пожалѣть объ артистѣ, играющемъ изъ любви къ искусству, — для препровожденія времени, — пожалѣть объ изданіи, такъ самоотверженно отмежевавшемъ на столбцахъ своихъ такое крупное и видное мѣсто такой безтактной и безпримѣрной ерундѣ; но подѣ конецъ VI письма, изъ этого писанья—для писанья, изъ этого тумана словеснаго, начинаетъ проглядывать что-то похожее на фразы, имѣющія нѣсколько понятный смыслъ и полемико-междоусобное направленіе. Вошедши во вкусъ такого направленія, авторъ „Виленскихъ писемъ“ бросаетъ перчатку всему, что не его расы и варьируетъ свою тему до истощанія всякаго терпѣнія у слушателей. Эти варіаціи невольно напоминаютъ намъ слѣдующій анекдотъ. Подгулявшая въ кабацѣ старушка, воспользовавшись антрактомъ между танцами молодежи, пустилась въ пляску. Танцевала она, конечно, слишкомъ дурно, но неумоимо. Потерявшая терпѣніе публика, наконецъ сказала старушкѣ: „какъ ты плохо, бабушка, танцуешь!“ за то долго, отвѣчала она самодовольно.

Но шутки въ сторону, потому что и авторъ „Виленскихъ писемъ“, кажется, не шутитъ: онъ раздражается, негодуетъ, бранится. На сколько можно понимать творца этихъ писемъ, онъ негодуетъ на русскихъ уроженцовъ здѣшняго края, на какую-то „клерикальную партію, мрачное сонмище“, — разумѣя подѣ этими русскими, партіей, сонмищемъ всѣхъ честныхъ и трезвыхъ людей, держащихся направленія „Вѣстника западной Россіи“, названнаго, наконецъ, въ этихъ письмахъ по имени. При такомъ вызывающемъ направленіи послѣднихъ „Виленскихъ писемъ“, мы обязаны принять вызовъ—тѣмъ болѣе, что вызывающій старается, на сколько у него хватаетъ силъ, заподозрить политическую благонадежность лучшихъ людей края и пошатнуть тѣ прищипы, на которыхъ должно утвердаться его обрусѣніе. Не умѣя разсуждать *à la N* (такую неопределенную величину называетъ себя авторъ), — не умѣя говорить вдругъ обо всемъ и ни о чемъ, мы скажемъ

сперва кое-что а) о русских туземцах, — потомъ б) о „мерикальной партіи и мрачномъ сонмищѣ“—тожь.

I.

Становимся на почвѣ исторіи, какъ на почвѣ неизбежной. Говоря по необходимости о событіяхъ общезвѣстныхъ, мы будемъ соблюдать возможную краткость очерка. Западная Россія, вмѣсто дружелюбной федераціи съ Польшею, нашла въ ней самую жестокую и упорную притѣснительницу. Всѣ статьи федеративнаго акта, касавшіяся неприкосновенности русскаго землевладенія, свободы совѣсти, равноправности предъ закономъ сословій и національностей, входившихъ въ составъ Польскаго государства,—были нарушены до послѣдней крайности, до попранія всѣхъ правъ божескихъ и человѣческихъ. Земли русскія сдѣлались землями польскими, вѣра православная, ея служители и чтители были угнетены, унижены, поруганы, измучены; народъ русскій огласилъ воздухъ стопами и воплями, удобрилъ родную землю потомъ своимъ и кровью и, не въ силахъ будучи переносить пытки нравственныя и физическія, бросалъ перѣдко опустошенную страну, могилы предковъ и бѣжалъ въ Свѣчъ, на лѣвую сторону Днѣпра, въ степи нынѣшней Харьковской⁽¹⁾, Екатеринославской и западной половины Воронежской губерній.

Давленіе на западную Россію враждебной ей—пришлой силы не могло совершаться ненаказанно, обойдтись безъ реакціи,—и эта реакція открылась вездѣ, гдѣ появлялось насиліе, и дѣлалась она цѣлые вѣки, внесла въ лѣтописи западнаго края Россіи много кровавыхъ страницъ и кончилась побѣдою туземцевъ надъ пришлецами и измѣнниками. Для этой борьбы герои выходили изъ среды массъ народныхъ, духовенства и городскихъ населеній. Большинство родовъ

(1) Названной потому Слободоукраинской, что она населена выходцами изъ Украины, искавшими сл(в)ободы отъ гнета польскаго видъ своей родины.

дворянскихъ показало, если можно такъ выразиться, тѣмъ при первомъ натискѣ непріятелей. Они до того дорожили своими привилегіями экономическими и гражданскими, что предпочли ихъ вѣрѣ и народности предковъ. Недовольствуясь ролью измѣнниковъ, нѣкоторые изъ нихъ явились самыми суровыми и безчестными пропагандистами пришлої вѣры и народности, и тѣмъ болѣе чѣмъ удвоили силу противнаго Россіи лагеря. Потому ли что они хотѣли рьяностью своей пропаганды увѣрить и себя, и старыхъ и новыхъ друзей въ искренности своего совращенія, потому ли что подвигами новой миссіи они хотѣли заглушить вопли своей совѣсти,—только они пошли на пути насилій едва ли не дальше своихъ руководителей и предшественниковъ: они уже отдали вѣру православную на поруганіе евреевъ, глумились надъ прахомъ предковъ, терялись въ изобрѣтательности пытокъ и казней, какимъ подвергали непреклонныхъ въ вѣрѣ православной и русской народности соотечественниковъ. Какъ враги домашніе, бывшіе когда-то друзьями Россіи, они лучше пришлецовъ знали слабыя и сильныя стороны, больныя и здоровыя мѣста своей родины и могли дѣйствовать во вредъ ея интересамъ и вѣрнѣе, и зловреднѣе. Оттого гоненія на православіе и народность русскую во второй половинѣ эпохи польской надъ Русью деспотія были несравненно суровѣе, нежели въ первой; такъ какъ въ этотъ періодъ гоненій къ силѣ и злобѣ папистовъ примкнула злоба и сила ренегатовъ,—съ пропагандой папства соединилась пропаганда униі.

И эту неровную борьбу съ двойною силой должна была выдерживать западная Русь безъ помощи отынуды, предоставленная самой себѣ, да дикому произволу враговъ. Сѣверовосточная Россія, занятая домашними неурядицами, стѣсненная политическими смутами и отношеніями, не могла протянуть руки помощи своей сестрѣ юго-западной. Она сама съ трудомъ отбивалась отъ постояннаго и разнообразнаго латинопольскаго нашествія: Смоленскъ уже былъ не нашъ, поляки ховяйничали въ Москвѣ, она уже при-

саянула королевичу Владиславу; Великая Россія сама нуждалась въ помощи. Даже при Екатеринѣ II, прямо и грозно принявшей сторону угнетенныхъ собратій, словомъ и дѣломъ протестовавшей противъ латинопольскихъ насилій въ западной Россіи, гоненія не только не прекратились, но еще усилились—и въ качествѣ, и въ количествѣ,—такъ что этотъ періодъ времени можно назвать самымъ кровавымъ финаломъ кровавой драмы, разыгрывавшейся съ небольшими антрактами, въ теченіи болѣе трехъ вѣковъ на западныхъ окраинахъ Россіи. При всемъ томъ побѣда осталась не на сторонѣ нападавшихъ, а оборонявшихся: ни интрига, ни насиліе не могли сокрушить доблести и стойкости русскихъ; православіе и русская народность отстояны и сбережены.

Для тѣхъ, которые не хотятъ или *не могутъ* вразумляться уроками исторіи, мы рекомендуемъ получать вразумленіе изъ явленій текущаго вѣка и — еще ближе текущаго десятилѣтія. Быть можетъ *и этимъ*, весьма недалекимъ въ знаніи судебъ здѣшняго края, теоретикамъ извѣстно, что ни револьверъ, ни петля, ни золотыя грамоты недавнихъ бунтовщиковъ не могли отклонить туземцевъ русскихъ отъ того пути, на которомъ поставилъ ихъ долгъ и присяга; что въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось выбирать одно изъ двухъ—или смерть, или измѣну, они охотно предпочитали первую послѣдней; что свѣжими могилами этихъ доблестныхъ сыновъ Россіи освящены многія мѣста здѣшняго края; что пастыри церкви православной, и словомъ, и дѣломъ, и мученическою кончиной, подавали примѣръ пасомымъ. И такихъ людей, такихъ русскихъ, и этихъ героевъ, этихъ мучениковъ невѣжество или зависть какого-то пришелца или туриста осмѣлилась заподозрить въ какой-то двусмысленности поведенія, двуличности симпатій и убѣжденій, нравственно-политической испорченности! Вотъ какъ честить какой-то N (значить, личность темная) такихъ русскихъ: „не естественно же ненавидѣть вѣчно другъ друга! (Почему? не судите, г. N,

о другихъ по себѣ!). . . . Нечего удивляться сближенію и родству мѣстныхъ русскихъ и поляковъ (можетъ быть русскихъ, но не мѣстныхъ). . . . Вы можете считать мѣстную русскую интеллигенцію *ополяченной* (курсивъ автора писемъ) по сживчивости и кровнымъ связямъ съ поляками, по шпротѣ религіозной терпимости (ея то и меньше всего у здѣшнихъ русскихъ), по знанію польскаго языка (невѣжество! . . .) . . . . Одни изъ мѣстныхъ недостаточно русскіе, другіе мало православные (а N достаточно не русскій и много неправославный), третьи много ополячены, четвертые — полякующіе, всѣ вообще — *одно слово: мстныя*. На эту тему г. N особенно расписался въ своемъ VIII письмѣ; паеосъ въ концѣ этого письма достигъ своего апогея; тутъ г. N затрудняется подборомъ эпитетовъ, сближеній, ругательствъ, которыми осыпаетъ здѣшнихъ передовыхъ русскихъ; по его мнѣнію, они и „больные люди (вотъ, что называется съ *больной* головы на здоровую!), и мрачное сонмище, и непроходимая (?) семинарщина, тупая кадетчина, пустая ноздревщина (и всѣмъ и вся!), и мрачные, отпѣтые (?) идіоты (sic!), и тѣни Магницкаго, и сухіе, безчувственные клерикалы, фарисеи, ханжи, развратители, душетлѣнная среда, отребье мѣстной жизни, поклонники разныхъ кумировъ“ и проч., — ну словомъ — чего хочешь, того просишь. Во всѣхъ этихъ *любезностяхъ*, встрѣченныхъ дружнымъ аплодисменомъ егомосцей и потираньемъ рукъ учениковъ Лойолы, такъ и сквозитъ (пользуемся нѣкоторыми эпитетами г. N) „непроходимое“ невѣжество, „отпѣтое“ идіотство, „тупѣйшее“ неразуміе, мелочная зависть, злостная клевета на людей честныхъ, доблестныхъ, искушенныхъ въ любви къ Россіи и православію, — безсильная досада — отъ невозможности, изъ плохихъ учениковъ, попасть въ наставники, миссіонеры, „просвѣтители“, привить къ общественному мнѣнію свои мутныя чувства и туманныя теоріи, — оттереть передовыхъ туземцевъ на задній планъ, сбить ихъ съ пути, ука- зываемаго логикой, исторіей, евангеліемъ, обезпечить,

быть можетъ, за собою отступленіе— точнѣе— постыдное бѣгство (1). Нѣтъ, г. N! не такихъ сотрудниковъ ожидали мы отъ тѣхъ, кто къ намъ пожаловалъ— прощенный или непрощенный!... Не туда и не такъ направили вы свои стрѣлы!... Не думали мы, чтобы печальная необходимость заставила насъ поверотить оружіе съ враговъ на изебратій (если вы русскій), отъ войны перейти къ междоусобию!... Медвѣжьё вы, г. N, оказываете услугу здѣшнему краю!... Вы и не замѣчаете, что танцуете по дудкѣ *присятели*, бьетесь въ сѣтяхъ исповѣдниковъ польскаго катихизиса, учениковъ Лойолы, Босаковъ, Мѣрославскихъ!... Вы самый послушный, хотя, можетъ быть, и самый наивный ученикъ тѣхъ, которые сказали вамъ и вамъ подобнымъ: „раздѣли (силы и средства) и властвуй“!... Каковы бы мы ни были, не къ лицу вамъ съ нами драться, если вы русскій!.. То-то и горе наше, что врагамъ приходится не поражать насъ, а только добывать!... У кого вы искали популярности посредствомъ своего кощунственнаго, можно сказать, глумленія надъ нами?— У— русскихъ? Но честные русскіе насъ знаютъ и назовутъ васъ тѣмъ, чѣмъ должно назвать людей подобнаго вашему смыслу и направленія. У поляковъ? Желаемъ вамъ успѣха!... Но поляки тоже знаютъ насъ, а мы ихъ еще лучше, чѣмъ многіе иные русскіе!... Вы, думаемъ, поймете (а можетъ быть и не поймете), что такіе русскіе какъ вы и виленскіе корреспонденты „Вѣсти“ для поляковъ—кладъ, а не супостаты!... Они очень хорошо знаютъ гдѣ сила, кто мы, что мы; имъ хочется устранить насъ отъ дѣла и вотъ они подсказали вамъ, что мы— и „мрачное сонмище“ и „зло края“, что мы „дразнители“ людей самыхъ мирныхъ, невинныхъ, любезныхъ, что безъ насъ было бы шито—крыто,—и вотъ мы, что есть мочи, валяемъ лобъ объ лобъ, другъ друга, а общіе наши *приятели* только помираютъ со смѣху, любуются нашею пота-

(1) Г. N что то, въ самомъ дѣлѣ, часто толкуеть о бѣгствѣ. Ужь не думать ли онъ дать тягу? Туда ему и дорога! Жаль только, что безпокоился!

совкой! . . . Не хорошо, быть можетъ, поступаемъ и мы съ вашими лбами, но что же дѣлать, когда терпѣніе наше истощилось, когда вы стали рядомъ съ тѣми, противъ которыхъ направлены всѣ наши боевые припасы, когда вы исповѣдниковъ и мучениковъ края обзываете чуть не ивѣнниками, когда вы мѣшаете намъ кончить такъ блистательно безъ васъ начатое и продолженное нами дѣло,—когда вы словомъ и дѣломъ, съ намѣреніемъ, или поневожденію (для насъ и дѣла—все равно) рѣшились не помогать, а портить, не удвоить силы русскія, а раздвоить, ослабить,—воевать съ нами, а не съ тѣми, для битвы съ которыми вы сюда прибыли, но съ которыми сражаться вы или не умѣете, или не желаете. Мы жили, бились и побѣдили безъ васъ . . . Назадъ тому лѣтъ шесть больше удѣлялось нашею прессой вниманія Курильскимъ и Алеутскимъ островамъ, нежели западнымъ окраинамъ Россіи. Когда мы заговорили первый разъ о скопленіи тучъ надъ этими окраинами, потомъ о близости бури, подобные г. N русскіе обозвали насъ Донъ-кихотами. Только тогда, когда буря разразилась, кровь русскихъ мучениковъ оросила здѣшнюю землю, когда мы нравственно и физически ополчились противъ супостатовъ, рассказали—въ чемъ дѣло, гдѣ опасность, въ чемъ средства къ ея прекращенію въ настоящемъ, къ устраненію въ будущемъ,—въ чемъ сила врага, что можетъ сокрушить ее, что нужно для измѣненія къ лучшему судебъ здѣшняго края,—только, говоримъ, тогда русская пресса начала дарить насъ своимъ вниманіемъ, въ большей даже мѣрѣ, чѣмъ сколько то было нужно; всѣ, и по наслышкѣ кое что знающіе о здѣшнемъ краѣ и ничего объ немъ незнающіе, и вѣрящіе и не вѣрящіе разнаго рода и происхожденія, различной честности и правдивости, корреспондентамъ,—пустились въ публицисты, резонирующіе по крайнему разумѣнію о состояніи здѣшняго края,—въ руководители и „просвѣтители“ тѣхъ именно людей, у которыхъ имъ не мѣшало бы многому—и многому поучиться, хоть бы для того, чтобы не

ровнять исторіи, ходу современныхъ событій, другъ — другу и самимъ себѣ, что бы не тормозить дѣло, довольно для нихъ темное и чуть ли не безразличное, что бы не дѣлать тѣхъ промаховъ, которыми весьма искусно имѣють пользоваться наши *благопріятели*. Мы вѣримъ, что вамъ неприятно сознаться въ незнаніи края, его исторіи, этнографіи, условій русской въ немъ миссіи; но чтожъ дѣлать когда безъ такой исповѣди немислимо гражданское исправленіе, когда безъ продолжительной подготовки немислимо успѣшное прохожденіе людьми русскими здѣшней миссіи, — съ какимъ бы запасомъ энергіи и благонамѣренности ни приступали эти люди къ этой миссіи. Латинская пословица: „*vana iuga sine viribus*“ едва ли найдетъ гдѣ лучшее примѣненіе къ дѣлу, какъ въ настоящемъ случаѣ. Да, въ прибывающихъ сюда людяхъ русскихъ самомнѣніе должно уступить мѣсто гражданской чести, а искренность сознанія въ недостаткѣ предварительной подготовки къ здѣшней миссіи должна привести ихъ въ объятія русскихъ туземцевъ, которые готовы дружелюбно подѣлиться съ прибывшими сюда собратіями тѣми свѣденіями, наблюденіями, предосторожностями, приѣмами битвы оборонительной и наступательной, безъ которыхъ наши гости и сотрудники могутъ попасть въ сѣти невѣдомой для нихъ интриги, должны будутъ дѣйствовать ощупью, наугадъ, дѣлать промахи и, вмѣсто дружнаго взаимодѣйствія, копировать одно изъ тѣхъ трехъ животныхъ, которыя, у Крылова, „вести съ поклажей возъ взяли“. Г. N самымъ грубымъ образомъ нарушилъ это самое простое правило благоразумія и, оказавъ предпочтеніе самомнѣнію предъ гражданской честью и славянской искренностью, очутился „ракомъ“ въ передвиженіи здѣшняго „воза съ поклажей.“

Мы сказали выше: поляки знаютъ гдѣ сила, знаютъ кто мы, что мы. Да, г. N, поляки насъ знаютъ и боятся, потому что увѣрены и въ нашемъ знаніи и неизмѣнности чувствъ. Они знаютъ, что мы принадлежимъ къ сонму

тѣхъ ратоборцевъ, противъ которыхъ напрасно истощала свою изобрѣтательность продолжительная физическая и нравственная пытка злѣйшихъ и непримиримѣйшихъ враговъ Россіи и православія, и которые, на мученическихъ могилахъ своихъ предковъ, водрузили теперь знамя побѣды. Они знаютъ, что между нами и ими вражда вѣковая, завѣтная, непримиримая, потомственная, наследственная; потому что между нами нѣтъ ни одного, который не считалъ бы въ сонмѣ своихъ предковъ нѣсколькихъ исповѣдниковъ и мучениковъ за русскую народность и православіе; потому что наша принадлежность къ числу русскихъ—православныхъ есть несомнѣнное ручательство того, что мы выдержали съ честью битву за все завѣтное для насъ и святое; потому что у насъ накопилось къ взаимной враждѣ много такихъ причинъ, какія для другихъ не существуютъ, и какіхъ другіе, можетъ быть, не понимаютъ. Они знаютъ, что мы лучше другихъ изучили, тверже другихъ закрѣпили въ памяти и сердцахъ исторію здѣшняго края, упитаннаго кровью родныхъ намъ мучениковъ, покрытаго руинами памятниковъ, воздвигнутыхъ нашими предками. Они знаютъ, что мы окончательно изучили всѣ приемы ихъ единоборства съ нами, всѣ приемы отраженія ихъ ударовъ, всѣ тонкости интриги, всю испорченность ихъ духа и что насъ нельзя поймать на одну изъ тѣхъ удочекъ, которыхъ у пропаганды такая богатая коллекція, на одну изъ тѣхъ приманокъ, которыя сластолюбіе или неопытность могутъ почестъ хлѣбомъ насущнымъ. Они знаютъ, что мы не повѣримъ ихъ объясненіямъ въ любви, ихъ раскаянію, благонамѣреннымъ заявленіямъ, желанію мириться; обруситься—до тѣхъ поръ, пока они не перешагнутъ чрезъ раздѣляющую ихъ отъ насъ и отъ всего славянскаго міра пропасть, называемую папствомъ, и не породнятся съ нами союзомъ православія. Они знаютъ, г. Н, и васъ и подобныхъ вамъ—или точнѣе—они не хотятъ васъ знать. Къ чему имъ напрасно озабочиваться изученіемъ васъ, борьбой съ вами, когда вы разгаданы ими съ первыхъ пяти

фразъ, когда вы—крѣпость, взятая безъ приступа,—гарнизонъ, предавшійся бѣгству отъ холостыхъ выстрѣловъ и картонныхъ штыковъ. На словахъ они, можетъ быть, изумляются предъ вами и вашими друзьями вашему великодушію, безпристрастію, здравомыслію, благородству, братолюбію, вѣрности взгляда на русскихъ туземцевъ; а въ душѣ—не прогнѣвайтесь за горькую истину—презираютъ васъ на столько, что даже не слишкомъ восторгаются легкостью одержанной надъ вами побѣды и со вздохомъ говорятъ: ахъ, еслибъ намъ такъ легко можно было провести „мѣстныхъ“ русскихъ! Да, г. N, мы здѣсь должны повторить вамъ стихи Пушкина:

Вамъ непонятна, вамъ чужда

Сія семейная вражда.....

Говоря о сѣтяхъ польской интриги, въ которыя обыкновенно попадаютъ неосторожные русскіе, мы никакъ не можемъ обойти одной тирады, помѣщенной на страницахъ „Вѣстника западной Россіи“ въ то время, когда мы весьма благовременно желали подѣлиться нашими свѣденіями по этой части съ разными сословіями русскими, въ томъ числѣ и съ русскими чиновниками. Въ декабрьской за 1863 годъ книжкѣ „Вѣстника“ (1) вотъ какъ мы обрисовали ловлю русскихъ чиновниковъ польскими удочками:

„Какъ ни ловко, какъ ни дружно и неусыпно дѣйствуетъ въ своихъ видахъ враждебная нашей вѣрѣ и народности партія, она понесла бы поражение на всѣхъ пунктахъ, если бы встрѣтила совокупную, энегричную реакцію со стороны всѣхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, всѣхъ органовъ нашей прессы,—реакцію, подобную той, какою встрѣтила ее нашъ народъ православный, наше духовенство, наше христіанское, царелюбивое, русское воинство Но, вѣроятно, древнему афоризму: „причиною нашихъ несчастій—мы сами,—суждено быть аксіомою во всѣхъ случаяхъ человѣческой жизни, не исключая и того, о которомъ теперь идетъ рѣчь на-

(1) Отдѣл. III, стр. 51—53.

ша. Въ теченіи полвѣка постоянно устремленное на одинъ тотъ же предметъ вниманіе, неутомимое изученіе сердца русскаго вообще и чиновничьяго въ частности, сдѣлало польскихъ миссіонеровъ такими практическими психологами, такими достойными сподвижниками Лойолы, для которыхъ малое невозможнаго, которые отыщутъ тропинку во всякую почти душу и борьба съ которыми требуетъ особенной зоркости, самоотверженія, а главное непоколебимой и всецѣлой преданности интересамъ русской вѣры и народности, совокупнаго противодѣйствія всѣхъ патріотовъ русскихъ—сверху до низу. Если взять во вниманіе то, что польскою миссією занимаются всѣ, кто только имѣетъ р. католическую душу въ польскомъ тѣлѣ,—отъ малаго до стараго, отъ женщины до мужчины, отъ перваго до послѣдняго; то трудности нравственной борьбы нашей съ ними еще усложняются, а шансы на побѣду уменьшаются. При такихъ средствахъ къ веденію пропаганды, при такомъ количествѣ польскихъ пропагандистовъ, борьба съ ними требуетъ особенной осторожности, энергіи и самопожертвованія. Всякъ изъ насъ имѣетъ болѣе или менѣе видныя слабости. Эти слабости съ безпримѣрною зоркостью подмѣчаются и съ необыкновеннымъ искусствомъ употребляются въ дѣло польскими пропагандистами. Кто богатъ тщеславіемъ, того окурятъ оніміамомъ лести, низкопоклонничества, превозносятъ до небесъ его умъ, его сердце, его доблести, его фізіономію—и въ глава, и предъ такими людьми, которые непременно передадутъ этотъ панигирикъ по принадлежности; къ нему относятся на словахъ и на бумагѣ съ такой титуляціею, такимъ самоуниженіемъ, которыя свойственны только людямъ, обратившимъ фразы: до ногъ падамъ, цалуѣнъ ножки въ поговорки народныя, низости польскаго катихизиса—въ догматическія убѣжденія. Тщеславный чиновникъ таетъ отъ этой лести и низостей, да и знакомство съ паномъ ничуть не унижаетъ его самолюбія. Панъ—ни плебей, ни чиновникъ; онъ, такъ сказать, человекъ pullius (ничей), съ нимъ можно быть короткимъ, не роняя своей

чиновности, можно подать ему всю руку, тогда какъ съ чиновниками нужно наблюдать извѣстныя степени чиновочитанія, условливаемыя ихъ чинами: одному поклониться низко, другому сдѣлать лбомъ едва уловимое движеніе; одному протянуть всю руку, другому показать одинъ-два три пальца, къ рукѣ иного сдѣлать только прикосновеніе, а иному и этого не дѣлать. Кто страдаетъ скукой въ своемъ захолустьѣ отъ недостатка образованнаго круга, свѣтскихъ развлеченій, того, послѣ болѣй или менѣе долгихъ усилій, ухаживаній, затаянуть, наконецъ, будто случайно, въ какое либо общество, гдѣ, по заранѣй условленному шану, сберется все, что есть въ околотеѣ очаровательнаго, краснорѣчиваго, ловкаго; тутъ окружать дорогаго гостя самую нѣжной и заботливой предупредительностью, изысканнымъ гостепримствомъ; танцы, карты, смотря по вкусу гостя, къ его услугамъ; въ первомъ случаѣ гость непремѣнно выиграетъ, въ послѣднемъ его насквозь пронизетъ перекрестный огонь и черныхъ какъ полночь, и голубыхъ какъ небо, словно глядящихъ по сердцу, польскихъ глазокъ; гость будетъ выбираемъ во всякую фигуру мазурки, не останется безъ движенія ни на минуту. А сколько онъ наслушается во время танцевъ самыхъ симпатичныхъ, по звуку, комплиментовъ, нѣжностей, самыхъ восхитительныхъ полунамековъ, сколько почувствуетъ самыхъ незастѣнчивыхъ рукопожатій, какъ плотно прижмется къ нему, какъ предательски-наивно склонить свою кудрявую головку на плечо его въ опасной полькѣ, въ страстномъ вальсѣ, бѣсъ искуситель— въ образѣ рѣзвой какъ котенокъ, опасной какъ Калипса, предательской какъ Іуда— польки! Вотъ подали ужинъ; хозяйинъ, хозяйка, ихъ дѣти, гости сосредоточили все свое вниманіе на „*дорогимъ москалю*“, упрасиваньямъ, подливаньямъ нѣтъ конца и счета; подумашь, что гостя хотятъ напитать на цѣлую жизнь. Вотъ, послѣ ловкаго намека насчетъ ничтожности въ дѣлѣ личныхъ отношеній такихъ пустяковъ, каковы разномыслія политическія, либо,

послѣ искуснаго панигирика великодушю, мудрости и гуманности русскаго Монарха, послѣ задушевныхъ, повидимому, жалобъ на агитаторовъ польской революціи, разорившей, погубившей страну, проклятій на ржондъ народовъ, съ его лотрами (разбойниками) — жандармами-вѣшателями, послѣ изумленія силъ и величію Россіи, храбрости ея войска (если гость будетъ военный), послѣ горькой ироніи надъ безсиліемъ враговъ Россіи вообще и ничтожествомъ лѣсныхъ героевъ польскихъ въ частности, — идетъ въ ходъ прадѣдовскій медъ и дѣдовскій маслачъ; „кохаймы стнз“ не умолкаетъ ни на минуту, у гостя губы распухли отъ поцѣлуевъ, ребра трещать отъ дружескихъ объятій, голова кружится отъ древнихъ пектарей. . . . Стоитъ только разъ стать на крутой, скользкой покатости, чтобы понестись внизъ съ неудержимой быстротою. . . . Устанавливаются знакомства, приглашенія сыплются со всѣхъ сторонъ; отказаться отъ нихъ уже невѣжливо, визиты, балы, обѣды, пикники, охота, сюрпризы слѣдуютъ непрерывной вереницею. Держись, русскій, крѣпче за умъ и сердце, иначе ты очутишься въ роли Телемака безъ Ментора! . . . Ну-какъ устоять противъ такихъ искушеній, какъ не повѣрить такимъ задушевностямъ! . . . Какъ донести на такихъ милыхъ, радушныхъ сосѣдей, погубить такихъ очаровательныхъ сосѣдокъ! . . . Какъ уважить просьбу какогонибудь мужика, осмѣливагося жаловаться на обижающаго притѣсняющаго его ясновельможнаго? . . . Едвали нужно и говорить о томъ, что если опытные пропагандисты имѣютъ дѣло съ человѣкомъ молодымъ, холостымъ, военнымъ, великорусскимъ (1), — тѣмъ надежды на успѣхъ пропаганды вѣрнѣй и несомнѣннѣе. Кто страдаетъ корыстолюбіемъ, тотъ самая легкая добыча пропаганды. Панъ отразу не посмѣетъ

---

(1) Военный юноша, по своему роду службы, изолированный больше гражданскаго чиновника, легче поддастся искушенію — воспользоваться случаемъ къ раввлеченію и заняться игрой въ любовь. У холостаго великоросса, истрѣчавшаго на родинѣ одно прямотушное обращеніе, скорѣе пойдетъ кругомъ голова отъ мнимой задушевности полковъ и вѣжности

явиться къ новому чиновнику съ предложеніемъ матеріальныхъ услугъ, а забереть предварительно чрезъ фактора-еврея справки на счетъ безкорыстія чиновника и является къ нему не съ деньгами, а разными произведеніями сельскаго хозяйства, какъ бы, въ видѣ обычной вѣжливости, приносимыми на первоначальное обзаведеніе. Если чиновникъ будетъ человѣкъ семейный, шансы на успѣхъ, соблазны и искушенія удвоятся, утраются. Не приметъ мужъ, такъ приметъ жена, мать. Узнавъ, что мужа соблазнить подаркомъ трудновато, пропаганда является съ нимъ къ женѣ, разумѣется, во время отсутствія мужа, и такъ ловко, чрезъ хитраго повѣреннаго, или въ запискѣ, объяснить ничтожность, естественность подарка, что даже какъ-то неловко оскорбить вѣжливаго сосѣда грубостію отказа: и сатана подступилъ къ Евѣ, во время отсутствія Адама.... А если это приношеніе дѣлается по случаю какихъ нибудь особыхъ событій семейныхъ (напрм., именинъ, крещенія дитяти, сватьбы), или праздниковъ христіанскихъ (напр., Воскресенія и Рождества Христова, новаго года), то приношеніе дѣлается еще естественнѣй и пріемъ его еще безукоризненнѣе. Едва ли нужно и говорить, къ чему ведутъ эти одолженія и къ чему обязываютъ одолженнаго. Купленный человѣкъ дѣлаетъ уже не то, что велить дѣлать долгъ и честь, а что укажетъ купившій.

Но, кромѣ этихъ трехъ слабостей, сбивающихъ человека съ пути чести и долга, есть много страстишекъ побочныхъ, смѣшанныхъ, много особыхъ положеній въ частной и общественной жизни, изъ которыхъ умѣеть сдѣлать нужное употребленіе польская пропаганда. Если же никакія положительныя средства не ведутъ къ цѣли, если чиновникъ остается нѣмъ и глухъ ко всѣмъ приманкамъ

полекъ, чѣмъ голова туземца, очень ясно сознающаго ту степень сердечности, какаю управляетъ этими ухаживаньями. Впрочемъ, мы этимъ имѣли въ виду только сдѣлать пріязнимъ русскимъ нужное предостереженіе на счетъ ожидающихъ ихъ здѣсь, съ стороны латинопольской пропаганды, искушеній и опасностей.

пропаганды, она хватается за средства отрицательныя, — окружает чиновника шпионами, искусно сбивает его съ прямого пути, заставляя сдѣлать ложный шагъ, приводить его въ разладъ съ народомъ, пишетъ фальшивые доносы, употребляетъ друзей своихъ въ метрополиі орудіемъ погибели добросовѣстнаго слуги царя и отечества, и нерѣдко достигаетъ своей цѣли. Короче: такъ ли—или иначе, только лишь латинопольская пропаганда располагаетъ такими огромными средствами къ парализованію или искаженію мѣръ правительства, съ такою ловкостью, единодушіемъ и неутомимостью направляетъ эти средства къ осуществленію своихъ намѣреній, что настоятъ неотложная необходимость противопоставить имъ всю силу власти и права, всѣ средства войны оборонительной, чтобъ отнять у этихъ враговъ домашнихъ—однажды навсегда—возможность повести съ нами еще разъ войну наступательную. Польская партія такъ много, такъ дерзко рассчитываетъ на свою ловкость и силу въ дѣлѣ пропаганды, что осмѣливается не только думать, но даже говорить: „хоть бы вы прислали къ намъ изъ самой Москвы, самого „заддего“ русскаго, мы въ три мѣсяца сдѣлаемъ его другомъ Польши и сотрудникомъ въ исполненіи нашихъ намѣреній. Грѣшно намъ будетъ и стыдно, если мы не докажемъ на дѣлѣ, что это ложь.“

Это было писано слышнымъ четыре года тому назадъ; послѣ того неразъ доказалъ опытъ, что мы порядочно изучили этнографію и психологію нашихъ сосѣдей и даже не лишены способности видѣть кое-что въ будущемъ. Мы видѣли какъ разные паны и пани ухаживали за разными пріѣзжими, вліявшими на дѣла людьми русскими, и какъ ихъ ухаживанья достигали иногда своей цѣли. Мы видѣли, какъ *егомосци* встрѣчали своихъ новыхъ начальниковъ на станціяхъ желѣзныхъ и не желѣзныхъ дорогъ, какъ заискивали у нихъ исполненіемъ чуть не лакейскихъ обязанностей, увлекали начальника на нанятую для него, снабженную всѣмъ нужнымъ для комфортабельной жизни, квар-

тиру, окружали его своимъ вниманіемъ и предложеніемъ разнородныхъ услугъ и одолженій; мы видѣли, какъ сосѣди и сослуживцы изъ *егомосцей* встрѣчали своихъ новыхъ сосѣдей и товарищей, какъ помогали имъ устроиться поудобнѣе на новосельи, очаровывали ихъ своими ласками и гостепрѣимствомъ, услужали и одолженіями. Когда, послѣ того, мы познакомились съ нашими новичками въ край и заводили рѣчь объ ихъ житьѣ-бытьѣ, о впечатлѣніяхъ, какія произвела на нихъ этоть край, его обитатели, подчиненные, сослуживцы, сосѣди,—новички не находили словъ и выроченій для восхваленія ихъ дружелюбія, предупредительности, вниманія, и свой панигирикъ по большей части оканчивали послѣсловіемъ въ такомъ родѣ: „мы не понимаемъ, какъ вы ухитрились разсориться съ такими милыми, уступчивыми, вѣжливыми, симпатичными людьми, какъ поляки; мы не понимаемъ, какъ можно не любить ихъ, тѣмъ болѣе преслѣдовать ихъ своимъ негодованіемъ“! Да, отвѣчали мы новичкамъ:

Вамъ непонятна, вамъ чужда

Сія семейная вражда,—

и прибавляли: поживите здѣсь столько, сколько живемъ мы, изучите окружающую васъ среду такъ, какъ изучили ее мы, присмотритесь глубже и пристальнѣе къ исторіи, къ характеру текущихъ событій, и вы убѣдитесь, что пойманы на самую грубую приманку, что вашъ оптимизмъ скоро—сплѣтъ и мимолетенъ, что вы сочли обманъ за искренность, мишуру дружбы за чистое золото.

Едва ли нужно и оговариваться, что все недавно сказанное относится только къ тѣмъ весьма немногимъ русскимъ, которые, подобно г. N, больше запаслись для здѣшней миссіи самомнѣніемъ, нежели познаніями,—религіозно-политическимъ индифферентизмомъ, нежели стойкостью убѣжденій. Огромное большинство прибывшихъ сюда со-
братій нашихъ пополнило ряды здѣшнихъ дѣятелей если не практическими, то хоть теоретическими мудрецами, если не специалистами по части знанія края и его исторіи, то

хоть людьми честными, энергичными и благонадежными. Институтъ мировыхъ учрежденій, болѣе чѣмъ на половину состоящій изъ нетуземцевъ, оказалъ краю, православію и Россіи незабвенную, неоцѣнимую услугу и еще большую можетъ оказать русскому въ краѣ землевладѣнію; огромное большинство членовъ земской полиціи зорко слѣдило и слѣдитъ за польскою интригою, твердо защищало и защищаетъ интересы господствующей вѣры и народности; большая половина чиновниковъ честно и усердно исполнила свой долгъ и, по своимъ средствамъ, способствовала усиленію въ краѣ русскаго элемента, къ водворенію гражданской чести въ судахъ и довѣрія къ администраціи въ обществѣ. Ни одинъ изъ этихъ доблестныхъ сыновъ великой Россіи не отнесся съ словомъ укора или презрѣнія къ своимъ туземнымъ еотрудникамъ, тогда какъ, напротивъ, весьма многіе изъ нихъ обращались и обращаются за совѣтомъ и руководствомъ къ здѣшнимъ русскимъ въ разныхъ случаяхъ житейской и дѣловой казуистики, которою старается опутать интрига польская всѣ отправления здѣшней жизни. Съ такими пріѣзжими мы идемъ рука—объ руку по пути служенія русскому въ краѣ дѣлу; они дорожатъ нашего опытною, познаніями, даже запальчивостію, — мы ихъ энергіей, усердіемъ и содѣйствіемъ; безъ нихъ русская сила была бы здѣсь мала, безъ насъ ничтожна и не дѣйствительна.

Не умѣя, или не желая понять характеръ нашей миссіи, г. N весьма *остроумно* называетъ ее „дразненіемъ.“ Если это остроуміе есть, дѣйствительно, продуктъ невѣжества, то намъ остается только пожалѣть о его изобрѣтателѣ и подѣлиться съ нимъ слѣдующими соображеніями. Г. N (и подобные ему) можетъ мириться съ тѣмъ, кто съ нимъ не ссорился, прощать того, кто его не оскорблялъ, не защищаться отъ того, кто не нападаетъ, считать другомъ того, кто „падаетъ до ногъ, цѣлуетъ ножки“, — съ кѣмъ онъ не имѣетъ счетовъ—ни прошедшихъ, ни настоящихъ. Пожаловавъ къ намъ, быть можетъ, въ тотъ моментъ, когда

буря промчалась, когда снаружи, вокруг насъ „тишь да гладь,“ онъ думаетъ, что такъ было и будетъ всегда. Судя объ отношеніяхъ людей русскихъ къ здѣшней польской средѣ по своимъ личнымъ отношеніямъ, онъ думаетъ, что мы горячимся изъ любви къ искусству, что наша славянская *вендетта* не имѣетъ ни смысла, ни основанія, что мы не сражаемся, а „дразнимся.“ Будь у г. N хоть сердце, онъ отнесся бы симпатичнѣе къ нашему ропоту, къ нашей домашней расправѣ съ людьми, противъ которыхъ у насъ накопилось много поводовъ къ укору, вразумленію и обличенію, съ которыми покончимъ мы счеты только тогда, когда они сдѣлаются тѣмъ, чѣмъ были ихъ и наши предки. Будь у г. N побольше зоркости, не умстуй онъ о состояніи края „по щучьему велѣнію,“ не дѣлай заключенія отъ безмятежія своего кабинета, миролюбія своего гуманнаго духа къ отишію и миролюбію душъ польскихъ,—и онъ увидѣлъ бы, что вокругъ насъ не все такъ тихо и мирно, какъ ему кажется, что всендзы шныряютъ, паны шушукуются съ западниками, пани не сидятъ безъ дѣла, что питаются какія то надежды, сочиняются и подбираются всевозможныя противъ Россіи комбинаціи, сѣется вражда и семейная и между — народная, что пресса наша раздирается междо-усобіями летать за границу лжи и клеветы, іереміады и прокламаціи, что, по милости разныхъ махинацій, стачекъ, изобрѣтеній, усиленіе въ краѣ землевладѣнія русскаго, идетъ очень туго, обходится для русскихъ слишкомъ дорого, можетъ водворить въ странѣ людей весьма сомнительныхъ убѣжденій, національностей, симпатій и тенденцій, и проч....

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

IV.

ОЧЕРКИ БѢЛОРУССКАГО ПОЛѢСЬЯ.

(Окончаніе *).

Природа, окружающая прежде описаннаго мною человѣка, природа дикая, разнообразная, оригинальная, еще неизслѣдованная, алеко любопытнѣе всего того, что можетъ создать воображеніе тепняка. Если были люди, восхищавшіеся однообразіемъ степи, иѣвшіе даже находить въ ней и среди ея ощущенія, не чуждыя оэзиса *); то гдѣ взять красокъ для изображенія богатства природы полѣской, какъ передать разнообразіе впечатлѣній, производимыхъ ею на душу наблюдателя! Въ полѣской природѣ все амѣзательно: и воды, и земля, и лѣсъ, особенно послѣдній.

Полѣсье-бѣлорусское—едва ли не самая низменная часть европейскаго материка. Будучи назадъ тому нѣсколько тысячелѣтій глубочайшимъ мѣстомъ исчезнуваго съ лица земли океана,—но и доселѣ такъ низменно, что весной едва ли не третья часть го покрыта водою. Кромѣ судоходныхъ рѣкъ, упомянутыхъ мною въ началѣ этого очерка, оно все изборождено рѣками меньшими и ручейками, все изрыто заливами, притоками, озерами и зерками, бродами, а особенно болотами. Полѣшукі говорятъ, то Припять нужно называть Три-пять, потому что въ нее впадаетъ 15 рѣкъ. А сколько каждая изъ этихъ рѣкъ принимаетъ свое лоно ручейковъ, рукавовъ, сколько, въ свою очередь, ождаетъ заливовъ, озерокъ, притоковъ, это одному Богу извѣстно. Болота, то длинныя какъ рѣки, то широкія какъ озера, подернуты дымкой легкаго тумана, стелются предъ вами до края горизонта и исчезаютъ въ синевѣ дали. Тамъ, въ глубинѣ перспективы, подѣмлются на болотѣ высокіе острова, покрытые гигант-

*) См. Книга 8, 9 и 10.

**) Пассекъ, Гоголь и др.

свой растительностью. Напрасно они манят къ себѣ ваши взоры и желанія! Нога ваша никогда не ступитъ на эту землю невѣдомую. Болото какъ будто покрыто сплошной растительностію; вы дѣлаете шагъ впередъ, и вотъ скатерть, образовавшаяся на немъ изъ переплетшихся корешковъ разныхъ растений, вспучилась предъ вами по грудь, а ноги увязли въ зыбучую почву, а почва эта заволновалась вокругъ васъ сажней на двадцать. Вы заносите ногу, помогаете ногѣ руками, вскарабкались на образовавшійся предъ вами недавно холмикъ, и предъ вами новый. Остановитесь, вернитесь назадъ, или вы погибли! Поддерживавшія васъ доселѣ тонкія нити корешковъ растений не выдержать далѣе тяжести вашего тѣла; предательская ткань разъединится и бездонная пучина ила приметъ васъ въ свои объятія, и хотя бы вы были вдвое выше Гоііаѳа, вдвое сильнѣе Сампсона, васъ ожидаетъ немзбѣжная, медленная, мучительная смерть; пучина бездонна; вы погибнете въ мукахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ Загоскина: «Юрій Милославскій.»

Бываетъ разъ дѣтъ во сто, что зной солнечный осушитъ влагу этихъ болотъ, хоть на поверхности ихъ. Илъ сгущается, твердѣетъ, на немъ образуются огромныя трещины; полѣшукъ даже съѣтъ просо на этомъ недавнообразовавшемся, богатомъ свѣжими растительными силами, полѣ. Болотный торфъ иногда самъ собою воспламеняется; тамъ и здѣсь видѣются ночью огромныя столбы зарева; картина страшная и грандіозная! Звѣри ищутъ спасенія въ водѣ, другіе отъ ужаса бѣгутъ куда попало и даже появляются среди населенныхъ мѣстъ. Любопытство влечетъ тогда чловѣка на недоступныя для него дотолѣ острова болотныя. Онъ пошелъ, преодолѣлъ невѣроятныя трудности, но достигъ своей цѣли. Онъ дивится богатству животнаго и растительнаго царства этой новооткрытой страны; а четвероногіе и двуногіе ея обитатели еще болѣе удивляются, видя среди себя существо доселѣ, быть можетъ, невиданное ими,— безъ ужаса и злости плять на него свои любопытныя глаза, не подозрѣвая даже въ немъ опаснаго врага своего и разумнаго владыки. Грянулъ выстрѣлъ, они только вздрогнули, изумились, переглянулись другъ съ другомъ и, поминутно озираясь на незваннаго огнедышущаго гостя, безстрашно и неторопливо убѣжали или улетѣли въ глубь бора. Но вотъ глаза пришельца съ изумленіемъ остановились на двухъ еоснахъ. И есть чему изумиться: между ними положена перекладина, очевидно, рукою чловѣка, на ней виситъ колоколь *). Путникъ осматривается, подвигается

*) Это случилось въ 1828 году, въ Минской губерніи.

дальше, находить дотлѣвающіе остатки скороспѣлыхъ жилищъ человѣческихъ, видятъ обломки разной глиняной посуды, кости различныхъ животныхъ, замѣчаютъ нѣсколько насыпей съ истлѣвшими надъ ними крестами, возвращается въ раздумьи домой, распрашиваетъ обо всемъ видѣнномъ имъ столѣтняго старца сосѣдней деревни, и онъ передаетъ ему такую повѣсть: «Отецъ мой сказывалъ мнѣ, такъ передаетъ старецъ рассказъ отца, что когда воевалъ здѣсь шведъ и не щадилъ никого и ничего, морозы были такъ жестоки, что даже болота замерзли. Не надѣясь нигдѣ найти спасенія отъ свирѣпаго врага, мы ушли со всемъ своимъ имуществомъ въ наши лѣса безконечные. Но и здѣсь считая себя не вполне безопасными, попробовали пробраться на тотъ островъ, который ты видѣлъ недавно. Попытка удалась; наша переправа совершилась благополучно, при пособіи досокъ; мы на-скоро устроились на нашемъ новосельи, повѣсили даже колоколь, снятый нами съ колокольни нашей церкви, какъ для того чтобы спасти его отъ похищенія, такъ и для того, чтобы благовѣстить имъ въ дни праздничные и воскресные и созывать народъ въ случаѣ опасности, или какой либо другой надобности. Но у страха, какъ говорятъ, глаза только велики; непріятель не показывался; вокругъ все тихо; ледъ только трещитъ отъ мороза на озерахъ болотныхъ. Прошло недѣль около десяти. Мы послали на рекогносцировку хитрыхъ и ловкихъ парней въ нашу околицу; чрезъ три дня они возвратились и донесли намъ, что непріятеля давнымъ-давно невидно и неслышно въ окрестности. Мы собрались на скоро въ обратный путь, захвативъ съ собою только пужнѣйшее, дѣннѣйшее и легчайшее имущество. Когда мы возвратились за остатками его (къ числу ихъ принадлежалъ и колоколь), случилась оттепель; ледъ на болотѣ сдѣлался рыхлымъ (это было въ концѣ великаго поста); мы пробовали перебраться къ острову по доскамъ; опытъ не удался; съ слезами на глазахъ возвратились мы домой, а колоколь такъ и остался на островѣ; потому что съ тѣхъ поръ болото не замерзало и не высыхало доселѣ. Скоро послѣ того народъ съ торжествомъ отправился на описанный недавно островъ, взявъ колоколь, повѣсилъ его на незнакомой уже ему колокольнѣ, и звонъ его, полтора почти вѣка не раздававшійся въ воздухѣ, по старому призывалъ православныхъ на молитву Господню, и они набожнѣ перекрестились, торопливѣ поспѣшили въ храмъ Божій, теплѣ помолились за себя и за души своихъ предковъ.

Вотъ вы, съ ружьемъ на плечахъ, идете въ раздумьи по лѣсу; вотъ предъ вами ручей. Вы хотите пробраться чрезъ него,—не тутъ то было: онъ глубокъ, онъ холоденъ какъ ледъ, несмотря на то, что въ тѣни неменѣе 25° теплоты, по Реомюру. Но этотъ

самый ручей не замерзаетъ въ самую сильную стужу; паръ валитъ изъ него столбомъ при 25° мороза. Вы опускаете руку въ воду, и, отъ обмана ли чувствъ, или и въ самомъ дѣлѣ, вода тепла, почти горяча. Пропитанная газами, наполненная мiasмами, образовавшимися отъ разложенія на свои элементы различныхъ растеній и животныхъ, она не позволяетъ самому сильному морозу оковать льдомъ свою поверхность. Вы идете возлѣ этой странной рѣченки, ползущей змѣей подъ навѣсомъ исполинскихъ сосенъ, замѣчаете тропинки, проложенныя къ ней обитателями лѣсовъ, утоляющими въ ней свою жажду, видите остатки плотинъ, возлѣ нихъ слѣды рудокопень, остатки мѣдныхъ, чугуновыхъ или желѣзныхъ заводовъ. Вы переходите плотину и снова углубляетесь въ чащу лѣса, идете долго, и вотъ слухъ вашъ поражаетъ кваканье утокъ, въ лице вамъ нахнулъ свѣжій вѣтерокъ, предварающій васъ о близости большого бассейна воды; вы прошли нѣскольکو шаговъ, поднимаете глаза, и предъ вами широкое озеро,—озеро невѣдомое географин, знакомое немногимъ даже туземцамъ, оживленное безчисленными стадами дикихъ утокъ и гусей, населенное несмѣтными стаями вьюновъ и нѣкоторыхъ рыбъ. Озеро это по большей части есть море для тѣхъ рѣченокъ, съ одною изъ которыхъ недавно мы познакомились и, подобно имъ, и по тѣмъ же причинамъ, рѣдко когда замерзаетъ. Зная по инстинкту, а можетъ быть и по опытности своихъ старожиловъ и вожатыхъ, это оригинальное свойство подобнаго озера,—дикия утки и гуси и не думаютъ съ нимъ разставаться даже зимой. Онѣ знаютъ, что на югѣ имъ не будетъ житья ни привольнѣе, ни жирнѣе: тамъ онѣ не найдутъ такого обилія мягкихъ и вкусныхъ вьюновъ и разныхъ мелкихъ и жирныхъ рыбъ, какое, безъ труда и вояжа, валится имъ здѣсь въ ротъ, такъ сказать, само собой. Онѣ здѣсь до того жирѣютъ, что почти теряютъ способность летать. А теплота южная для нихъ несноснѣе здѣшной прохлады, весьма впрочемъ умѣренной при ихъ пушистыхъ шубкахъ. Развѣзжая и бродя по своимъ надобностямъ зимой по лѣсу, крестьяне находятъ это озеро, видятъ на немъ несмѣтныя стада пернатыхъ, возвращаются домой, рассказываютъ о своемъ открытїи, приглашаютъ извѣстныхъ имъ стрѣлковъ изъ числа своихъ родныхъ и друзей, кладутъ на сани, или привязываютъ къ нимъ одну—двѣ лодки, запасаются, конечно, ружьями и зарядами и отправляются къ описанному недавно озеру. Устроившись кое-какъ на новосельи, охотники спускаютъ лодки на воду, подвѣзжаютъ на ружейный выстрѣлъ къ птицамъ, хлопаютъ въ ладоши, птицы вспорхнули, по нимъ сдѣланъ залпъ изъ трехъ-четыреухъ ружей, и десятки ихъ валятся на воду и подбираются стрѣлками. Остатныя взвились высоко на воздухъ, разбились на нѣсколько отрядовъ, мет-

пулись сюда-туда, немногія нашли не замерзшую рѣченку и тамъ укрылись на время отъ напасти, остальные, утомленные безполезными поисками теплаго и безопаснаго пріюта, тучностію тѣла и жестокостію холоднаго воздуха, сгруппировались надъ озеромъ, описали два трѣ круга въ воздухѣ, и съ шумомъ плеснулись на то же самое озеро, только лишь подалеже отъ того мѣста, на которомъ случилось съ ними недавнее злополучіе. Но птицамъ ли перехрипеть человѣка! Пока онѣ метались въ разныя стороны, люди скрылись; какъ только утки и гуси усѣлись, люди или дѣлають дружный залпъ изъ-за кустовъ и болотныхъ купинъ, или повторяють прежній маневръ, и снова подбирають птицъ въ сотни десятками. Если стрѣлки сдѣлають пять-шесть залповъ, будетъ чѣмъ лакомиться до самаго великаго поста не только имъ, но и роднымъ ихъ друзьямъ и сосѣдямъ, а особенно *панъ-отцу* (священнику) и его семейству. Дьячка и пономаря они пригласятъ къ себѣ на домъ, на *учту* (угощенье) само собою—гости не будутъ такъ невѣжливы, чтобы явились къ гостепріимнымъ хозяевамъ съ пустыми руками, безъ бутылки, то есть, въ рукахъ. Впрочемъ, дьячокъ и пономарь нерѣдко сами бывають дѣйствующими лицами въ этой охотѣ. Но часто подобное озеро есть бассейнъ воды, образовавшійся отъ стока водъ болотныхъ, и расположившійся въ самомъ центрѣ болота. Болото, окружающее озеро, простирается иногда на нѣсколько верстъ и, какъ выше было замѣчено, весьма рѣдко замерзаетъ. Къ подобному озеру доступъ не возможенъ. Несмѣтная стада дикихъ утокъ и гусей привольно и безопасно плещутся и пресыщаются въ водахъ его, не страшась человѣка. Въ самомъ близкомъ разстояніи озера отъ материка, ихъ не достанетъ выстрѣлъ изъ самаго лучшаго французскаго карабина, какигъ довольно осталось у полѣшуконъ послѣ 1812 г., а особенно въ Минской губерніи, послѣ несчастной переправы Наполеона I чрезъ Березину. А если бы какой либо заливъ озера былъ и подъ выстрѣломъ, утка не будетъ плавать днемъ по этому заливу: въ случаѣ опасности, она уплываетъ или улетаетъ въ даль озера.

Воды полѣскія, кромѣ обилія животныхъ, живущихъ въ водѣ и на водѣ, довольно населены и земноводными. Мало того, что гости, налетающіе къ намъ всякую весну съ юга, едва ли не оставляють цѣлой трети своей въ Полѣсьи, какъ странѣ, которая лежитъ на тропутьи къ Великороссіи, и предлагаетъ такую просторную, привольную, роскошную и уединенную жизнь гостямъ своимъ,—въ водѣ его живетъ бобръ и выдра.

Въ большихъ рѣкахъ не любитъ жить выдра, особенно бобръ. Тамъ онъ не можетъ угоняться за добычей, тамъ трудно ему двигать свои постройби; а еслибъ это и удалось, теченіе раски-

даетъ ихъ, песокъ занесетъ, плоть и судно разшатаютъ, или разломаютъ ихъ,—вообще тутъ беспокоитъ бобра и человѣкъ, и природа. Но за то рѣчки узкія, уединенныя, съ берегами, поросшими крупнымъ—чернымъ лѣсомъ, какъ нельзя лучше удовлетворяютъ ихъ потребностямъ и даже прихотямъ. Бобры сваливаютъ огромнѣйшія липы, ольхи (рѣдко другія, болѣе твердыя деревья чернаго лѣса), повисшія надъ рѣчкою, или пользуются готовыми, сваленными водорѣзомъ, и изъ нихъ, не учившись архитектурѣ, строятъ свои циклоническіе дома, болѣе похожіе на палаты испановъ, или дворцы Наядъ, чѣмъ на жилье такого крошки, каковъ бобръ. Ихъ особенно много въ нѣкоторыхъ рѣченкахъ Минской губерніи. Едва ли для нихъ не любимѣе прочихъ—упомянутой мною рѣка Случь. Она такъ загромождена постройками бобровъ, что въ мелководіе сплавъ лѣсныхъ продуктовъ по ней не возможенъ. Съ трудомъ найдете хоть одно глубокое мѣсто въ этой рѣкѣ, не застроенное бобромъ. Въ подобныхъ домахъ живетъ ихъ многочисленное общество *). Въ другихъ рѣкахъ и притокахъ они чаще живутъ парами. Тогда у нихъ нѣтъ средствъ и необходимости воздвигать прочныя и обширныя зданія: они строятъ себѣ жилье или въ большихъ порахъ берега, покрытыхъ всегда водою, или между корнями прибрежнаго дерева, или между вѣтвями огромнаго дуба, свалившагося въ воду и потонувшаго на дно рѣки. Выходя для своихъ нуждъ на берегъ, и притомъ всегда почти однимъ и тѣмъ же путемъ, бобръ пролагаетъ въ травѣ довольно замѣтную тропинку. Эту тропинку подмѣчаетъ человѣкъ, ставитъ насупротивъ ея подъ водою капканъ съ вечера, и бобръ, почти только ночью или въ раннее утро, выходящій на берегъ, попадаетъ въ эту западню. Хотя ловля бобровъ воспрещена была закономъ, несмотря на то полѣшукъ никакъ не могъ отъ нея удержаться. Она такъ прибыльна, что если только промышленникъ поймаетъ двухъ-трехъ бобровъ, у него заведутся деньги, весьма лишнія. Мѣхъ полѣскаго бобра далеко не такъ пушистъ и цѣненъ, какъ камчатскаго; на немъ вовсе почти нѣтъ ости, особенно просѣди; но за то струя бобровая, даже на мѣстѣ, проданная жиду украдкой, покупается весьма не дешево. Въ общей сложности охотникъ выручитъ за хорошаго бобра около 20 руб. Бьютъ, хоть весьма рѣдко, бобровъ и изъ ружья. Это бываетъ особенно тогда, когда бобръ катается на поверхности воды своихъ дѣтенышей на какой нибудь доскѣ, или большой корѣ древесной. Столкнувшись нечаянно съ жаднымъ и жестокимъ врагомъ, онъ не броситъ своихъ дѣтей, проливаетъ даже слезы, какъ бы прося пощады своимъ малюткамъ у человѣка; но что для человѣка

*) Говорятъ, что теперь почти истреблены бобры въ Случи.

слезы бобра, когда онъ часто смотритъ равнодушно на слезы друга и брата! Онъ не пропуститъ случая воспользоваться богатою добычей, если только ружье у него подъ рукою. Я самъ выдалъ эти слезы, но, судя по физиономіи и позѣ бобра, думаю, что это слезы ужаса, а не мольбы о пощадѣ.

Выдра также попадаетъ въ капканъ, только рѣже, чѣмъ бобръ. Ее бьютъ изъ ружья, на льду, возлѣ проруби, или отталнины. Охотникъ идетъ по льду рѣки, осматриваетъ каждую проталину и, если только увидитъ, что вокругъ ея разбросаны по льду искусно оглоданные остовы рыбокъ, — выходитъ на берегъ, притаится въ какомъ нибудь кустѣ, или за кустомъ и держитъ ружье наготовѣ. Не пройдетъ иногда и полчаса, какъ поверхность воды взволнуется и изъ нея проворно выпрыгнетъ на ледъ черное, красивое, продолговатое (побольше обыкновенной кошки) животное, съ трепещущею рыбкою въ зубахъ. Вотъ оно отряхнуло съ себя воду, бойко осмотрѣлось вокругъ себя черными, зоркими глазенками, насторожило чуткія ушки, убѣдилось, повидимому, въ своей безопасности и начинаетъ свой завтракъ или ужинъ. Обманчивая увѣренность! Полѣскій охотникъ не знакомъ съ промахомъ, — выдра не кончитъ своего завтрака или ужина: сверкнетъ выстрѣлъ, и кожа ея черезъ нѣсколько дней будетъ продана пану, или жиду за 2, за 3, иногда и болѣе (смотря по величинѣ и добротѣ кожи) руб.

По случаю низменной почвы Полѣсья, проселочные пути его сообщенія такъ неудобны, что въ иныхъ мѣстахъ едва ли можно сдѣлать и 20 верстъ по одной какой-нибудь методѣ передвиженія съ мѣста на мѣсто. Иногда приходится проѣхать верстъ пять на волахъ, столько же на лодкѣ и около того пройти пѣшкомъ. На лѣсныхъ дорожкахъ чуть-чуть замѣтны признаки давней и рѣдкой ѣзды бѣдныхъ туземцевъ. Тамъ, гдѣ прокатилось нѣсколько телегъ, только трава немного помята, принижена и пожелтѣла, на остальныхъ мѣстахъ дорожки растутъ всякіе грибы да молоденькіе побѣги сосѣднихъ деревьевъ. Но всего неудобнѣй и непріятнѣй эти дорожки отъ попадающихся на нихъ довольно часто лужъ или бродовъ, изъ которыхъ иные бываютъ длиною съ версту и болѣе. Чѣмъ мѣстность низменнѣй и болотистѣе, тѣмъ, конечно, чаще такіе броды тиранятъ и непривычнаго къ нимъ путника, и везущихъ его бѣдныхъ животныхъ. Но большая половина этой тираніи получается путникомъ не столько отъ самихъ бродовъ, сколько отъ ихъ обстановки и обитателей. Едва вы вѣхали въ бродъ, какъ несмѣтная полчища различныхъ насѣкомыхъ, проснувшихся отъ всплесковъ воды, отъ близости лакомаго блюда, тучами налетятъ на васъ. Муха, комаръ и слѣпень жужжать невыносимо, съ бѣшенствомъ кидаются въ глаза и другіе открытые члены тѣла

путника; оводы всѣхъ возможныхъ породъ, начиная отъ маленькаго сѣраго, желтаго и свѣтло-зеленаго, немного побольше мухи, до желто-сѣраго, немножко побольше колибри, и наконецъ до сѣраго, поуже и длиннѣе пчелы, *здрокка*,—этого тигра насѣкомыхъ,—вся эта кровожадная сволочь осыпаетъ путника и животныхъ. Первый, отмахиваясь отъ атакующихъ его кровопійць, долженъ обратиться въ *perpetuum mobile*, послѣднія выбиваются изъ смятъ отъ двойной работы, боли и истощанія крови. Особенно онѣ боятся послѣдняго, потому что онѣ кусается, какъ бѣшенная собака. И животное чувствуетъ его приближеніе; оно очень хорошо различаетъ его шмелный полетъ между мириадами его, сотрудинокъ, оно воздрагиваетъ судорожно—всякій разъ, какъ только здрокъ готовъ на немъ усѣсться. И недаромъ! Если бы здрокъ укусилъ лошадь, незнакомую съ его зубами, путникъ не собралъ бы, что называется, и косточекъ. Вотъ, наконецъ, вы выѣхали изъ брода, но не радуйтесь еще преждевременно: вы попали изъ воды въ огонь,—вы попали въ зыбучій песокъ; колеса телѣги вашей утопаютъ въ немъ по ступицы; вы плывете по этой новой жидкости неспѣшно, подвигаетесь впередъ немного скорѣе черепахи. Лошадь ваша, на всякомъ шагу, теряетъ цѣлую его треть, потому что, не смотря на свою опытность и сноровку,—не смотря на то, что она ступаетъ совсѣмъ иначе, нежели степная, держитъ ноги косо, подаваясь всѣмъ туловищемъ впередъ, стараясь кончиками копытъ отыскать на днѣ песка прочную точку опоры,—она ровно на цѣлую третью своего шага, отъѣзжаетъ назадъ, а колеса ваши, прыгая по скрытымъ въ песокъ и торчащимъ, подобно ребрамъ скелета, на поверхности земли сосновымъ корнямъ, да задѣвая близко подошедшія къ узенькой дорожкѣ деревья, производятъ болѣзненное сотрясеніе во всемъ вашемъ организмѣ, особенно въ его внутренностяхъ. И насѣкомыя не всѣ, не скоро отстанутъ отъ васъ; черепашьё движеніе по песку много благоприятствуетъ ихъ усѣсту; а если эти попутчики знаютъ, что другой бродъ близко, онѣ всей ватагой будутъ конвоировать туда своихъ жертвъ. Въ мѣнѣ брода на бродъ онѣ ничего не теряютъ: и тамъ у нихъ будетъ вода, мошка на водѣ, трава, осока и листья кустарниковъ, на которыхъ онѣ любятъ дремать послѣ сытнаго обѣда, поджидать новыхъ жертвъ, и подъ которыми могутъ прятаться отъ дождя, или зноя солнечнаго; имъ уже не первый разъ производить эти конвоировки. Не много, правда, сократить ихъ добычу дѣлаетъ ея съ полмильономъ товарищей, которыхъ встрѣтить онѣ въ новомъ бродѣ и которые вступаютъ съ ними въ конкуренцію по части кровопійства; но путнику и везущимъ его животнымъ насколько отъ того не легче. Но вотъ вы пріѣхали къ броду весьма сомнительной наружности. Вы видите, что поперёгъ дороги идетъ

рѣка. Въ омутѣ ея темно, какъ въ могилѣ. По окраинамъ страшнаго пути плаваютъ водяныя лиліи, съ своими широкими круглыми листьями. Но вы туземецъ, вы не поворотите своихъ оглоблей назадъ потому только, что на рѣкѣ нѣтъ ни моста, ни парома. Доски вашей телѣги добыты со дна ея и положены поперекъ. На этомъ импровизированномъ паромѣ вы кладете свой багажъ, если онъ есть; а если нѣтъ, безъ затѣи обнажаете ноги за колѣна, становитесь на билахъ вашей телѣги, пощупаете вашихъ животныхъ, и онѣ, безъ сопротивленія, инья даже съ охотой*), поплыли чрезъ рѣку, и рыбы—большія и малыя снуютъ вокругъ васъ, какъ бы изумляясь вашей отвагѣ, или любуясь вашимъ оригинальнымъ вояжемъ. Но не пугайтесь, умѣйте только балансировать вашими ногами и туловищемъ,—поддерживать равновѣсіе свое и телеги, и будьте увѣрены, что васъ не постигнетъ участь Фараона: рано и поздно, вы очутитесь на другомъ берегу моря. Животныя вамъ не замѣнятъ, онѣ облегчены отъ излишнихъ на водѣ стѣсненій свободы ихъ движеній; онѣ не разъ уже купались въ этой рѣкѣ, а въ телегѣ вашей довольно сухаго дерева, для поддержанія тяжести вашего тѣла. За исключеніемъ двухъ-четырёхъ весьма тонкихъ подосковъ, въ ней нѣтъ и одного гвоздика желѣзнаго. Такіе броды полѣшукъ для шутки называютъ *бродзенятами* (броденками). Въ полѣской пословицѣ: отъ Колка до Храпуна**) сорокъ бродуовъ и бродзена, бродзена именно такое, какое сейчасъ мною описано.

Впрочемъ, хотъ изрѣдка, на такъ называемыхъ купеческихъ трактахъ, лежащихъ въ казенныхъ имѣніяхъ, попадаются на Полѣсьи довольно хорошо устроенныя плотины, простирающіяся иногда на значительное разстояніе. Между прочимъ, я знаю одну плотину, тянущуюся верстъ на 30, по одной болотистой мѣстности Мозырскаго уѣзда, между селеніями Озерянами и Тонѣжами, въ бывшемъ салогубовскомъ, теперь казенномъ имѣніи. Устройство этой прекрасной плотины стоило огромнаго труда и издержекъ. Плотина окопана глубокими рвами, изъ которыхъ одинъ (правый) далеко глубже и шире своего сосѣда, такъ какъ по немъ производится въ весеннее время сплавъ лѣсныхъ продуктовъ. Ровъ этотъ никогда не высыхаетъ, потому что въ него стекаетъ вода изъ ключей и лѣсныхъ ручейковъ.

*) Истерзанныя насѣкомыми, измученныя ѣдой, онѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, пока человекъ окончитъ всѣ приготовленія къ переправѣ и, лишь только онъ очутится на телегѣ, опротивѣло кидается въ благодѣтельную влагу.

**) Названіе двухъ сосѣднихъ селъ Мозырскаго уѣзда, между которыми не болѣе 10 верстъ разстоянія.

Земля полѣская довольно неблагоприятна и не всегда вознаграждаетъ труды земледѣльца. Въ Полѣсьи больше рукъ, чѣмъ сколько нужно для обработки его полей. Поэтому, хотя хлѣбъ въ немъ никогда не бываетъ такъ дешевъ, какъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, но за то и голодъ на большинствѣ полѣской территоріи, весьма рѣдкое явленіе. Это отъ того, что на Полѣсьи меньше потребителей, труднѣе сбыть сельскихъ продуктовъ и что земля тамъ двойаго свойства: возлѣ дома побольшей части черноземъ, не требующая даже уваживанья, на бору песчанья поляны. Во время засухи, земледѣлецъ едва соберетъ съ послѣдней сѣмена, употребленныя на посѣвъ: малорослый, хоть и тяжеловѣсный колосокъ, стоитъ не близко отъ своихъ сосѣдей; но за то на черноземе урожай тогда будетъ превосходный. Когда весной будетъ такое половодье, что нѣкоторыя села полѣскія кажутся издали плавлющими по морю, или когда случится дождливое лѣто, черноземъ измѣнитъ земледѣльцу, за то урожай на бору вознаградитъ его за скудость жатвы возлѣ дома. Въ умѣренный годъ и первое и второе поле дастъ жатву достаточную для пропитанія земледѣльцевъ. Поэтому многосемейный полѣшукъ оставляетъ на лѣто одного-двухъ мужчинъ для уборки хлѣба, особенно сѣна, для сѣвы и другихъ хозяйственныхъ работъ; остальные идутъ въ погонщики судовъ, въ проводники плотовъ, или на какойнибудь другой промыселъ, и возвращаются къ осени домой и съ деньгами, и съ обновами для своего прекраснаго поля, и съ полушубкомъ, купленнымъ въ Кременчугѣ, Екатеринославѣ или Киевѣ. Иногда (очень рѣдко) женщины отправляются въ Малороссію на жонъ, т. е. жнутъ за 4 и 5 (по уговору) сношь.

Впрочемъ, есть на Полѣсьи много и такихъ полосъ земли, которыя потягаются плодородіемъ съ лучшими участками Украинны. Бываетъ и то, что изъ Полѣсья вывозятъ по днѣпровской системѣ много разнаго хлѣба даже за границу, тогда какъ обратное его движеніе случается весьма рѣдко. И въ настоящій моментъ (67 года) въ иныхъ мѣстахъ Полѣсья хлѣбъ далеко дешевле, чѣмъ въ Киевѣ, этой житницѣ Малороссіи.

Но если что плѣняетъ воображеніе существа чувствующаго, если что переноситъ его въ дѣвственные лѣса Америки, то это лѣса полѣскіе. Люблю васъ,—читатель долженъ простить мое увлеченіе,—люблю васъ лѣса моей родины, лѣса гигантскіе, лѣса дремучіе, безвѣстные, безконечные! Я не забуду васъ, вашей тишины, вашего шопота, вашей тѣни; буду часто вспоминать о тѣхъ частыхъ, уединенныхъ, незабвенныхъ прогулкахъ, которыми такъ часто я наслаждался подъ сѣнью ва-

шею, о тѣхъ думахъ и восторгахъ, которыя проходили тогда чрезъ душу юноши, заставляли его проливать слезы радости, изумленія, повергаться въ прахъ предъ величіемъ и благостью Творца.

Вотъ рабочіе наши отправляются верстъ за 10 въ боръ, на дѣлхъ двѣ недѣли. Тамъ они будутъ пахать и сѣять рожь на нашемъ участкѣ. Пользуясь моею ваканціей, я примыкаю къ ихъ отряду. Приѣхали, устроились, разложили оссіановскій костеръ, собрали порядочную лаханъ грибовъ, съѣли вкусную кашу съ свинымъ саломъ, полакомились грибами, помолились Богу въ нерукотворенномъ Его храмѣ, при мерцаніи невестественныхъ лампадъ, теплящихся предъ престоломъ Всевышняго, и упокоились на лонѣ матери-земли, подъ навѣсомъ свода небснаго. Крѣпокъ сонъ юноши, послѣ неудобнаго воляжа и вкуснаго ужина. Порой только потревожитъ его трескъ и гулъ обгорѣвшихъ пней древесныхъ на нашемъ кострѣ, рухнувшихъ въ пепелище, или вой голоднаго волка *), невмѣру сократившаго, въ пароксизмъ аппетита, разстояніе между собой и живою говядиною, или порывистое движеніе воловъ, плотнѣе прижавшихся въ испугѣ къ телегѣ, другъ къ другу, къ огню и человѣку, или звонкій лай собаки, дающей знать врагу, что, въ случаѣ его нападенія, онъ встрѣтитъ зубы крѣпкіе, ноги стойкія и грудь могучую. Но это пробужденіе мгновенно: рабочій подбавитъ дровъ, обернешься только другою стороною туловища къ огню, и мечты грезы уже понесли тебя на своихъ волшебныхъ крыльяхъ въ страну чудесъ. Ахъ, если бы человѣкъ порѣже пробуждался!...

Едва только заснѣвъ востокъ, рабочіе уже проснулись; но они ходятъ на цыпочкахъ, говорятъ и молятся Богу шопотомъ, дѣлаютъ свои приготовленія къ работѣ и къ обѣду осторожно, безъ шума, боясь разбудить панича (барича); они такъ его любить. Волкъ ушелъ въ глубь лѣса, собака вознаграждаетъ себя за бодрствованіе во время ночи, волю отвязаны отъ возовъ и пущены на подножный кормъ, еще унизанный перлами росы. Невнятный говоръ пробудившейся природы уже дѣйствуетъ безсознательно на мое ухо. Вотъ онъ дѣлается явственнѣе, опре-

*) Иногда и медвѣдь пробирается къ огню, чтобы убить и утащить въ лѣсъ вола. Но онъ его не тронетъ пока горитъ огонь. Чтобы избавиться отъ этого докучнаго свидѣтеля, медвѣдь идетъ къ ближайшему ручью или болоту, окунается, бережно несетъ къ огню воду, которою напичталась его пушистая шуба, подходитъ къ огню и отряхаетъ на него воду. Повторивъ, если нужно, этотъ маневръ два-три раза, медвѣдь потушитъ огонь совершенно, если только пуля погнѣшма, проспавшагося отъ тревоги животныхъ или лая собаки и наблюдавшаго, изъ-подъ руки, прохѣлки косолапаго, не прекратитъ ихъ впору.

дѣленіе, разнообразіе; я протянулся, чтобы выправить члены тѣла, утомленные продолжительнымъ бездѣйствіемъ и неестественнымъ положеніемъ; отрываю глаза, и міръ Божій является мнѣ въ полномъ освѣщеніи, и жизнь природы коснулась всѣхъ моихъ чувствъ, и я на ногахъ. Среди окружающей меня великолѣпной панорамы, куда устремится первый порывъ мысли и чувства, какъ не ко Всеблагому, Премудрому и Всемогущему! Но духъ мой развлекается отрывками «житейскихъ попеченій», занесенныхъ изъ міра въ пустыню вмѣстѣ со мною. Человѣкъ и его заботы и его сотрудники требуютъ моего вниманія. Пойду молиться Богу туда, гдѣ душѣ моей будетъ вторить вся природа,— то звонкими, то безмолвными, но тѣмъ неменѣе внятными и краснорѣчивыми, голосами,—пойду туда, куда недаромъ уединялись всѣ желавшіе быть ближе къ Богу и дальше отъ міра, куда не проникаетъ ни соблазнъ, ни зависть, ни ненависть, ни интрига людская, гдѣ суета житейская не стучится во всѣ пять дверей хранины духа. И вотъ я въ чащѣ лѣса. Собака хотѣла мнѣ сопутствовать; но она не входила въ мои планы, я велѣлъ ей возвратиться къ обозу. Несмотря, съ поджатымъ хвостомъ, она исполнила мое приказаніе. постоянно осматриваясь и какъ бы спрашивая меня взглядомъ,—не переѣхалъ ли я на счетъ ея своего намѣренія. Двустволга была захвачена мною такъ себѣ, по привычкѣ, безсознательно.

Я очутился подъ навѣсомъ вѣковыхъ сосенъ. Какая торжественная тишина, какое краснорѣчивое молчаніе вокругъ меня! Какой просторъ здѣсь для души моей и тѣла! Какъ легко парятъ мысль моя къ Творцу этого великолѣпія! Какъ пріятно и свободно расширяются мои легкія, для вдыханія воздуха чистаго, ароматнаго, незараженнаго тлѣніемъ, пропитаннаго цѣлебными смоляными частичками! Вокругъ меня исполины лѣсовъ. Стволы ихъ ровны и чисты. До самой макушки не пестритъ ихъ ни одинъ сучекъ, ни одна вѣтка. Они стоятъ какъ свѣчи гигантскія предъ престоломъ Всевышняго. Никакой кустикъ, никакая трава не смѣютъ стоять съ ними рядомъ. Они заслоняютъ отъ нихъ жизнь, они—эгоисты не удѣляютъ этимъ пигмеямъ растенія ни одного луча солнечнаго; они ловятъ его на лету своими косматными шапками; имъ такъ много нужно! Блестящій, пушистый, золотистый коверъ, неоскверненный, быть можетъ, ногами человѣка, раскинуть у подножія ихъ на необъятное пространство. Темнокфейные только боровики, пушистые, нѣжные, атласные, какъ ланиты красавицы-креолки, да огневые рыжики, да пестрые мухоморы группами раскинуты на этомъ коврѣ, какъ разноцвѣтные узоры. Взоръ вашъ далеко-далеко вонзается въ глубь бора. Вотъ въ глубинѣ перспективы мелькнула робкая коза, промчалось стадо досей. Вотъ звонко вспорхнула тетеревъ съ вѣтки надъ самой головой вашей,

и брилліанты росы засверкали въ воздухѣ предъ самыми глазами нашии. Вотъ острымъ своимъ клыкомъ стучить дятель въ сосну, чтобы выдолбить въ ней дырочку и спрятать въ ней свѣжую сосновую шишку, про черный день. Вотъ жолна запустила въ око улья свою удочку, — свой длинный и влажный языкъ, пчелы покрыли его собою со всѣхъ сторонъ и очутились нечаянно и мгновенно въ желудкѣ коварной птицы, и она, радостнымъ свистомъ, выражаетъ свое самодовольство. Вотъ здѣсь и тамъ зачликала, застонала, заплакала одинокая птичка. Тонкій и упругій воздухъ далеко разноситъ эхо этихъ голосовъ, такъ рѣдко нарушающихъ царствующее здѣсь безмолвіе въ теченіи дня. Часы уже показываютъ половину 12, солнце уже надъ головой моею, воздухъ раскаленъ его лучами; но сплошныи навѣсъ изъ сосновыхъ шапокъ заслоняетъ меня отъ зноя; я, по прежнему, наслаждаюсь пріятною прохладой утра. Кое-гдѣ только лучи солнца прорвались сквозь кудры вѣтвей и рассыпали по илгистому фону золотые арабески.

Но я слишкомъ далеко углубился въ чашу бора. Да и скучный голодъ началъ безотвязно ворчать въ моемъ желудкѣ. Крылья моего духа быстро опустились наземь; а торопливо сдѣлалъ на право-кругомъ и, руководимый теченіемъ солнца, частію замѣтными для глаза полѣшука только да индїйца слѣдами, оставленными мною на дѣвственной почвѣ, а особенно карманнымъ компасомъ, чрезъ часъ присоединился къ моему отряду, сказавъ, впрочемъ, лѣсу: до свиданья вечеромъ.

Сабака встрѣтила меня у опушки лѣса, гдѣ я собиралъ, или точнѣе — выбиралъ лучшіе грибы къ обѣду. Попутчики мои снимали кашу съ огня, ворча про себя неудовольствіе за то, что я такъ долго заставлялъ ихъ ожидать себя съ обѣдомъ. Я помирилъ ихъ съ собою и аппетитомъ, присоединивъ къ нашему обѣду чудный соусъ изъ грибовъ и рыжиковъ, которые прекрасно изжарились, пока мы истребили кашу. Жаръ, сытный обѣдъ, продолжительная прогулка навели на меня сладкую дремоту. Я растянулся въ тѣни шалаша и заснулъ сномъ сладкимъ, какимъ никогда не спалъ ночью. Оказалось, что этотъ сонъ былъ взятъ мною на прокатъ у ночи; потому-что судьба уже рѣшилась отпустить мнѣ его самую ничтожную пропорцію въ ожидавшую меня ночь. Когда я открылъ глаза, солнце уже дарило природу прощальной улыбкой, изъ-за верхушекъ деревьевъ. Я отправился въ край (низменная окраина поляны) на десертъ. Я могъ лакомиться остатками черники, красной и черной смородины, брусничкой, *стружиной* (что то въ родѣ морошны). Я предпочелъ послѣднюю. Да и какъ не предпочесть ее другимъ ея подругамъ Она такъ

сладка, такъ ароматна, такъ сочна, что не боится соперничества никакой ягоды. Утоливъ жажду столь прихотливо, подобравъ нѣсколько такихъ грибовъ, которые, такъ сказать, сами просились въ мой носовой платокъ, побродивъ по лѣсу, замѣтивъ издали дремлющаго тетерева и застрѣливъ его, — я возвратился къ рабочимъ. Сложивъ залогъ моего будущаго ужина въ шаланѣ, пошелъ я къ рабочимъ, любовался, какъ сметливые волю понимали и исполняли малѣйшій звукъ*), едва замѣтное движеніе, своихъ поведителей, какъ легко отваливали они сошниками прямолинейныя глыбы земли, — поговорилъ съ людьми объ ихъ жить-бытьѣ, вдоволь наслушался рассказовъ объ ихъ почти баснословныхъ походахъ, ихъ столкновеніяхъ съ обитателями лѣсовъ, чудесныхъ избавленій отъ опасностей, попробовалъ было спорить, слушая суевѣрные толкованія самыхъ обыкновенныхъ явленій природы, убѣдился въ трудности этой полемики, велѣлъ отпречь воловъ и собрать побольше дровъ для костра ночнаго.

Взоръ мой остановился на опушкѣ лѣса; онъ манялъ меня въ свои объятія. Я вспомнилъ обѣщаніе свое повидаться съ нимъ вечеромъ и невольно побрелъ къ нему. На дорогѣ мнѣ попался одинъ изъ работниковъ, я велѣлъ ему изжарить тетерева къ ужину на деревянномъ вертелѣ, по всѣмъ правиламъ гастрономіи, и самъ скоро очутился у опушки бора. Онъ смотрѣлъ на меня не такъ уже привѣтливо и дружелюбно, какъ утромъ. Поляну только лишь задергивали сумерки, а изъ чащи бора уже выглядывала тьма ночная. Угрюмо, какъ бы нехотя, принялъ меня темный боръ подъ сѣнь свою. Какая то неодолимая сила влекла меня въ глубь его, и вотъ я одинъ среди таинственнаго мрака, среди грознаго безмолвія. Что теперь я, какъ не пылинка, затерянная между исполинами творенія! Что былъ бы я, если бы всевидящее око Провидѣнія не видѣло меня и здѣсь, если бы мой бессмертный духъ не успокоивалъ меня тѣмъ, что я «малымъ чинъ умаленъ отъ ангель», еслибъ отрадная вѣчность не сіяла предо мною звѣздою путеводной, не мирила меня съ настоящимъ ничтожествомъ!

Окружавшая меня тишина была едва ли не тише. Онъ слышалъ по крайней мѣрѣ, «какъ ужъ ползъ въ травѣ», я ничего не слы-

---

*) На Полѣсьи командуютъ волами посредствомъ двухъ только звуковъ: *ксо* (сокращенное — къ себѣ, или налево) и *цобъ* [отъ себя, или направо). Жаль только, что для понуканья воловъ, во многихъ мѣстахъ Полѣсьи употребляютъ не кнуты, а вдѣланное въ палку шило, вторымъ немилосердно колотъ бѣдное животное.

шагъ: на землѣ и въ воздухѣ было безмолвіе смерти. Но это безмолвіе было промежуточное. Какъ бы по данному сигналу, лѣсъ ожилъ. Вотъ что-то тяжелое рухнуло на землю, это медвѣдь толкнулъ улей съ пчелами, съ высоты 10 сажоней; вотъ въ другой сторонѣ раздался страшный ревъ этого силача: впотѣмахъ, онъ попалъ лапой въ капканъ, поставленный для него юными спутниками. Но не торжествуй еще своей побѣды человекъ! Богатырь, или разобьетъ въ щепы сталь твоей ловушки, или отгрызетъ себѣ лапу, лишь бы спасти жизнь свою и свободу. Вотъ вдали стая волковъ затинула свой дикій концертъ; одни вытаскиваютъ ноты заунывные, разнообразныя, безъ прерывовъ звука и рѣзкихъ скачковъ тона; другіе дробятъ отрывисто, скоро, монотонно, съ крутыми, однообразными пониженіями и повышеніями тона. Дрожь пробѣжала по спинѣ моей, я машинально взялся за двустолку. Вотъ и лось замычалъ какъ-то ласково, давая знать своей подругѣ о мѣстѣ своего пребыванія. Сова то заплачетъ дитятей, то захохочетъ зайцемъ, то закаетъ лобаной, то огласитъ лѣсъ звонкимъ окликомъ часоваго. Непонижуютъ плать подъ навѣсомъ сосенъ, задѣвая иногда впотѣмахъ мою шею своими холодными и скользкими крыльями. Вокругъ меня такое разнообразное проявленіе жизни: человекъ «исходитъ на плѣ свое и на дѣланіе свое отъ утра до вечера», а обитатели лѣсовъ—отъ вечера до утра; они какъ бы смѣняютъ человека на стражѣ жизни.

Глазъ мой свылся съ темнотой. Я какъ бы получилъ новую способность—видѣть во мракѣ. Вотъ я уже различаю исполненіе твои дремлющихъ сосенъ; вотъ они обозначаются явственнѣе; взоръ мой проникаетъ въ ряды ихъ глубже. Вотъ и лампада, повѣшенная Всемогущимъ на тверди ночной, начинаетъ разливать свой кроткій полусвѣтъ на мрачную землю. Какъ теперь орошъ лѣсъ! Невыразимо-дивно все вокругъ васъ! Какъ тихо плавно скользятъ этотъ блѣдный лучъ свѣозъ вѣтви древесныя; какъ нѣжно и долго дрожитъ онъ въ воздухѣ, какъ нехотя кажется онъ грязной и грубой земли, какъ медленно и лѣниво ложится онъ на иглистый коверъ бора, какъ легко и живописно искутъ онъ на немъ палевые узоры! Но вотъ легкій вѣтерокъ родестьмъ надъ лѣсомъ; узоры, раскинутые по землѣ луною, жили, зашевелились, порхнули съ мѣста торопливо, покачались въ воздухѣ и снова улеглись на указанныхъ имъ луною мѣстахъ. Яды сосенъ дремлютъ, какъ исполнены въ косматыхъ шапкахъ; всеобразилъ себя геросомъ волшебной сказки. Но затѣмъ описывать неописанное!... Въ веществѣ даже таитъ много веще-

стволнаго, что его не уловить, не передасть никакой кисть, ни-
какое перо; бѣдная кисть, жалкое перо!

Но вотъ волшебные рельефы луны порхнули съ земли на небо; мѣста ночи задернулась темною занавѣсью. Обитатели лѣсовъ притихли. Воздухъ сдѣлался парнымъ и удушливымъ. Вершинны сосенъ заговорили, сперва шепотомъ, по секрету, потомъ громче, какъ бы споря на военномъ совѣтѣ, предъ битвою. Внизу еще тихо, ряды сосенъ спятъ еще беззаботно, когда головы ихъ думаютъ уже думу крѣпкую. Но вотъ и стволы ихъ зачались, какъ бы распрямляя свои могучіе члены къ наступающему сраженію; вотъ битва въ самомъ разгарѣ. Вѣтви съ деревъ посыпались на землю. Крѣпкіе стволы сосенъ наклоняются къ союзницѣ-землѣ, какъ бы умоляя о помощи. Мольбы напрасны! Ураганъ неутомимъ, непобѣдимъ. Цѣлъ и невредимъ летитъ онъ грозой смертоносною, а между врагами его много уже раненныхъ, довольно увѣчныхъ, немало убитыхъ. Но онъ не довольствуется этимъ частнымъ пораженіемъ: онъ употребилъ военную хитрость, — подиѣтилъ слабую сторону непріятелей, нестово вѣззался въ ряды ихъ въ концѣ остроконечной поляны и, какъ ангелъ истребитель, промчался разрушеніемъ сквозь нихъ, устлавъ трупами противниковъ широкую и длинную полосу земли. Сосна 1¹/₂ аршина въ діаметрѣ, перервана имъ на двое, какъ тонкая нить; вершина ея очутилась въ 15-ти сажняхъ отъ своего ствола; изъ двухъ сосѣднихъ сосенъ свить ураганомъ исполнискій канатъ; тысячи другихъ вырваны съ корнями и далеко отброшены отъ родной почвы; надо иной гулъ, вой, визгъ, трескъ. Раскаты грома грозно аккомпанируютъ этому страшному концерту урагана; на тысячи отголосковъ дробится оглушительный трескъ ихъ въ упругихъ стволахъ сосенъ *). Я всякую минуту трепеталъ за жизнь свою. Молнія юлитъ у меня предъ глазами; двуличневый блескъ ея освѣтилъ какое то животное, мелькнувшее предо мною въ глубинѣ бора, какъ волшебное видѣніе. Вотъ недалеко отъ меня загорѣлась сосна, зажженная молніей. Пользуясь этимъ случайнымъ освѣщеніемъ, я могъ по крайней мѣрѣ посоветоваться на счетъ маршрута съ моимъ компасомъ — тѣмъ болѣе, что гроза уже промчалась, и я могъ безопасно оставить свое убѣжище подъ защитой самой гигантской сосны. Торопливо шелъ я къ своему шалану. Земля одѣлась въ тучу; но подруга ея луна и сквозь тучу дарила мнѣ достаточную пропорцію свѣта для моего отсту-

(*) Это явленіе и называется, какъ было выше замѣчено, — на Полясьи «чортювымъ вѣсѣльемъ».

линии. Крупные капли дождя рѣдкѣ, но тяжело, начали стучать въ навѣсъ надъ головою моею. Вотъ онѣ сдѣлались чаще; вотъ дождь занумѣлъ въ вѣтвяхъ сосновыхъ, какъ ревъ отдаленнаго водопада, а я иду какъ по крытой галлерей. Ни одна капля дождевая не капнула еще на меня. Не будь у меня слуха, я не повѣрилъ бы, что иду подъ проливнымъ дождемъ. Наконецъ. вѣтви и иглы сосновыя до того напитались дождевою водою, что уже не задерживали ея на себѣ и открыли для нея скользкій токъ на землю. Сперва нѣсколько крупныхъ капель шлепнулось объ мою войлочную шляпу; потомъ онѣ начали падать чаще и чаще, и дождь, казалось, хотѣлъ выместить на мнѣ свою досаду за прежнее отъ него укрывательство и вознаградить себя хоть качествомъ, если не количествомъ своихъ капель. Между тѣмъ я успѣлъ забыть направленіе моего выхода изъ лѣса, указанное свѣточемъ горѣвшей сосны. Опасность заблудиться, или по крайней мѣрѣ провести ночь въ дремучемъ лѣсу, среди сильныхъ и кровожадныхъ враговъ, подъ потономъ дождя, — смутно мелькнула въ умѣ моемъ и произвела легкое сотрясеніе во всемъ моемъ организмѣ. Я крикнулъ изо всей силы: Хвесько! (Феодосій, — названіе главнаго работника нашего). Эхо тысячу разъ передразнивало меня, — сперва громко и внятно, потомъ тише — и тише, потомъ едва слышно, наконецъ исчезло въ отдаленіи. Жду отвѣта; прекрасное ожиданіе! Вокругъ меня гудитъ только дождь, да трещитъ порой сухая вѣточка, пріотившаяся подъ иглицей и переломанная моею ногою. Я еще пробѣжалъ съ полверсты и сдѣлалъ выстрѣлъ. Шаловливое эхо опять подхватило этотъ новый звукъ, прокатало его по лѣсу непрерывнымъ гуломъ; похожимъ на раскаты грома, постепенно умолкающіе вдали. На этотъ разъ попытка удалась: до моего слуха долетѣло звонкое: ау! Вотъ послышался вдали лай собаки *); чутые и ноги у нея быстрѣе нашихъ. Я бѣгу на лай собаки и чрезъ полчаса она уже машетъ мнѣ привѣтливо хвостомъ, прыгаетъ въ восторгъ на мою грудь, валется у ногъ, лижетъ руки. Я обласкалъ этого лучшаго друга людей; мнѣ уже не такъ было скучно и страшно, — насъ было двое. Сметливая собака побѣжала впереди меня, поминутно озиралась и всякій разъ изъясляя движеніемъ хвоста свое удовольствіе, по случаю свиданія со мною. Мой гордый разумъ невольно покорился инстинкту животнаго; я тороплюсь за своимъ вожатымъ, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что онъ ведетъ меня прямо къ цѣли. Съ людъ-

(*) Предъ конемъ покоемъ, собака такъ далеко забѣжала въ лѣсъ, что я никакъ не могъ ее догнаться.

ми, между тѣмъ, я воду настоянную перекличку. Вотъ голоса ихъ ближе — и ближе; вотъ уже я могу сказать: добрый — вечеръ, Хвесько. «*Незавагомъ будзе вѣсе-й-добры—дзень*» (скоро будетъ уже и добрый день), проворчалъ онъ съ досадою. Я не хотѣлъ спорить съ вѣрнымъ и старымъ слугою нашимъ; я замѣтилъ по тону рѣчи, что онъ хотѣлъ выразить этими словами свое неудовольствіе на позднѣй и опаснѣй мой вояжъ. Другіе работники присоединились къ намъ. Эти добрые, любившіе меня крѣпко, люди не смыкали еще глазъ. Опасности, какими я подвергался, напугали ихъ болѣе, нежели меня самого. Не смотря на борьбу стихій, на проливной дождь и утомленіе послѣ тяжелой работы, они разбрелись по лѣсу отыскивать затерявагося панича, оставивъ въ шалашѣ одного только старика, для котораго подобныя рекогносцировки были уже не подъ силу, и который хотѣлъ поддерживать огонь на кострѣ, думая, что онъ, между прочимъ, послужитъ для меня маякомъ. Но дружелюбныя намѣренія любезнаго старика не могли осуществиться. Когда мы подошли къ шалашу, едва могли откопать два—три угля, пріютившіеся отъ потопа подъ обгорѣвшей колодой. Предусмотрительный старикъ, видя, что онъ не поддержитъ огня въ настоящее время, подумалъ о будущемъ: онъ натаскалъ въ глубь шалаша бревенъ двадцать сухихъ дровъ. Приходъ нашъ къ пепелищу былъ ознаменованъ прекращеніемъ дождя; мы воспользовались съ благодарностію запасомъ *Панцелья* (Пантелеимонъ, — названіе старика), и предъ нами засверкалъ, затрещалъ такой огонь, что пламя его хотѣло потягаться ростомъ съ сосѣднею сосной. Мы сняли съ себя мокрую верхнюю одежду, развѣсили ее возлѣ огня на чемъ повало, повернулись нѣсколько разъ предъ огнемъ, и чрезъ полчаса вода дождевая, промочившая насъ до костей, возвратилась къ своему источнику. Я посмотрѣлъ на часы; была 3¹/₄ по полуночи: оказалось, что *хронометръ* Хвеська безошибоченъ. Я не могъ довольно надивиться, какъ опытности простолюдина, такъ равно и тому, что мнѣ показалось такъ короткимъ время, проведенное мною въ лѣсу. И неудивительно: предо мной такою непрерывною чередой шли явленіе за явленіемъ, ощущенія такъ быстро сѣялись одно другое, что время не обратило даже на себя моего вниманія. Торопливо поужинали мы и легли спать. Я приказалъ рабочимъ вознаграждать себя сномъ утреннимъ за безпокойное бодрствованіе во время ночи и, вздохнувъ къ Богу, заснулъ сномъ юноши на мягкомъ и ароматномъ сѣнѣ, подъ навѣсомъ шалаша.

Утромъ я возобновилъ мою вчерашнюю прогулку. Я опять пошелъ молиться Творцу въ дивномъ, необятномъ храмѣ природы. Она была еще восхитительнѣе послѣ ночныхъ потрясеній:

воздухъ былъ свѣжѣе, бирюзовѣе, чище и ароматнѣе, зелень изумруднѣе, птицы и другія животныя веселѣе и привѣтливѣе; грибы пушистѣй, ягоды сочнѣй и прозрачнѣе. Само собою—я взялъ другое направленіе, противоположное моему вчерашней прогулкѣ. Такимъ образомъ, повторяя каждый день эти незабвенныя прогулки, я измѣрилъ своими ногами пространство верстъ въ вятнадцатъ вокругъ нашего лагеря. Увлекаемый новыми красками манящаго меня къ себѣ холмика, озера, очаровательной лужайки, гитатскимъ ростомъ исполнновъ дремучаго бора, подстрекаемый страстью охотника,—порой, я такъ далеко углублялся въ чашу лѣса, что, голодный и усталый, едва къ вечеру возвращался къ людямъ и съ жадностію прежде всего бросался на черствый кусокъ чернаго хлѣба.

Лѣса едвали еще не очаровательнѣе зимою. Въ Полѣсьи флора чисто сѣверная; тутъ нѣтъ многихъ растений, которыя красуются на почвѣ Малороссіи; но то, что растетъ въ лѣсахъ Полѣсьи, шрягается на зиму такъ тепло, такъ великолѣпно, что зимній микровъ лѣса чаруетъ взоры, увлекаетъ воображеніе. Не отъ того ли, что Полѣсье заслонено отъ теплага юга безконечными, исполненными лѣсами, въ немъ климатъ несравненно суровѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ даже губерніяхъ, подъ одною и тою же широтою. Голода въ немъ зимою почти вятскіе. Птицы нерѣдко падаютъ отъ стужи на лету мертвыми. При помощи мятеля, снѣгъ иногда отъ того навалитъ на землю, что заноситъ избы поселенъ, и они на утро открываютъ себѣ заступами и лопатами тоннель изъ—подъ снѣжной лавины, словно изъ-подъ пепла Везувія, а ребятишки вслакую почти зиму имѣютъ счастье скатываться на салазкахъ съ крыши домовъ своихъ родителей..

Невыразимо пріятно ѣхать въ такую зиму лѣсами полѣскими! звкая, вылощенная, какъ бѣлый, полированный мраморъ, дорожка, наловливыми зигзагами, извивается подъ навѣсомъ деревъ. Здѣсь не колеть въ вашу щеку сѣверный зефиръ; едва внятно доходить до слуха вашего даже сердитое дыханіе борея (нельзя здѣсь обойтись безъ этихъ устарѣлыхъ названій): вы подъ двойною защитой привѣтливаго лѣса и его вдвойнѣ косматыхъ шапокъ. Покой только, какъ бы съ досады на докучливость борея, тряхнетъ въ сердито шапкой, и васъ осыплетъ снѣжная пыль; но вы тряхнулись въ свою очередь, и снова восхищаетесь окружающею декорациею. И, какъ хороша, какъ неописанна эта декорация! Стволы деревьевъ по колѣна потонули въ теплому, пушистомъ коврѣ снѣга. А этотъ неземной снѣгъ, чистый, мягкій, фирменный, какъ будто пухъ, упавшій съ крыльевъ серафимовъ, е оскверненный стопомъ чловѣка, словно усыпанъ пылинками

толченныхъ алмазовъ, ихотовъ, изумрудовъ. Индѣ только на немъ виднѣется слѣдъ пробиравшагося изъ лѣса на дорогу животнаго,—то мелкій, оставившій послѣ себя на снѣгу едва замѣтную полоску, то крупный и рзашаистый, какъ слѣдъ челоуѣка. Группы деревьевъ разряжены какъ на ниръ. Онѣ усыпаны и унизаны съ ногъ до головы кружевами, жемчугомъ, брилліантами. Лучъ солнечный, дробясь въ безчисленныхъ ихъ граняхъ, искрятся всѣми цвѣтами радуги, дѣлаеть ихъ великолѣпное сіяніе невыносимымъ для слабаго зрѣнія челоуѣка. Толстый слой снѣгу, словно пухъ лебязій, чудными фестонами, повисъ на ихъ вѣтвяхъ и наклонилъ ихъ къ землѣ. Вы проѣхали нѣсколько верстъ, декорація измѣнилась. Предъ вами поляна, покрытая снѣжною катертью, невыносимой для глаза бѣлизны; а въ глубинѣ перспективы стоятъ какія—то исполнискія головы сахару,—вы вѣхали въ еловый лѣсъ. Стройна пирамидальная ель глубоко вонзилась острымъ шпикоуъ своимъ въ спсое небо. Вѣтви ея, наперекоръ законамъ природы, родственно прижимаются къ землѣ. Подъ сводами ихъ образовался уютный шатеръ, постланный шелковистою травой. Медвѣдъ спитъ подъ этимъ наметомъ—сномъ летаргическимъ. А тамъ, вдали, промчалось стадо дикихъ козуъ, едва касающихся снѣга своими острыми копытцами; а тамъ взлетѣла на самую верхушку дерева пестрая рысь; вотъ проворная бѣлка любопытно выпучила на васъ свои плутовскіе глаза и, присѣвъ на заднихъ лапкахъ, грызеть орѣхи, которыхъ она принасла съ полчетверти на зиму въ душлѣ, дерева. Вотъ засѣла межъ густыми вѣтвями дикой придорожной груши свирѣная, косматая, черная, отвратительная росомаха. Она поджидаетъ добычу. Черные глаза ея искрятся сквозь дыри снѣжнаго покрова древеснаго. Плохо если вы ее на замѣтили; а если замѣтили, стрѣляйте метко, иначе вы погибли. Она сдѣлаеть быстрый, какъ молнія, прыжокъ прямо вамъ на спину, вопьется когтами одной лапы въ ваше плечо, другою выцарапаеть глаза, сдереть съ лица кожу, потомъ начнетъ лакомиться вами, выбирая, конечно, болѣе правящіеся ей кусочки вашего злополучнаго, еще живаго тѣла (*).

Но спустимся съ облаковъ повѣи въ прозу быта повседневнаго. Лѣсъ доставляетъ полѣшку такъ много жизненныхъ удобствъ и достатка, что не мнѣ, не въ этомъ бѣглоуъ очерѣ, обрисовать всю пользу лѣса, всю благодать, какую Богъ даруетъ

(*) Въ настоящее время, говорятъ, довольно рѣдко попадаются на Пайтсмы рыси и росомахи.

въ немъ человѣку. изба лѣснаго жителя крѣпка и просторна, постройки для разныхъ животныхъ—всрубъ, изъ дерева—въ обхватъ толщиною; въ избѣ тепло и свѣтло. Нестало соли, поѣзжай въ лѣсъ на—гулянкахъ, наруби дровъ, свези въ ближайшее мѣстечко, и соль у тебя будетъ. Дастъ ее, правда, жидъ не много; потому что цѣна базарная, въ мѣстахъ лѣсистыхъ, рѣдко восходитъ выше 15 коп. за возище дровъ, а все—таки соль будетъ почти даровая.

Но владѣльцы лѣсныхъ дачъ извлекаютъ изъ нихъ столь огромныя и разнообразныя пользы, что ихъ измѣрить и исчислить не возможно. Всякій почти помѣщикъ полѣскій *гонитъ* въ лѣсу деготь, а особенно смолу, выдѣлываетъ поташъ, строевыя брусья различной величины, для разнообразнаго назначенія, — доски, дрань, гонту, клепку, мачты для кораблей и рѣчныхъ суденъ. Изъ молодыхъ деревьевъ зимою гнутся полозья для саней, дуги, ободья для колесъ, выдѣлываются оси, оглобли и проч. Весь этотъ лѣсной продуктъ, или продается на мѣстѣ барышникамъ, или транспортируется самими владѣльцами частію въ Данцигъ, Кенигсбергъ, и особенно въ Кременчугъ и безлѣсныя мѣста Новороссіи и доставляетъ имъ въ одинъ годъ столько прибыли, сколько не извлечешь изъ степи и въ десять лѣтъ. Для сбыта мелкихъ лѣсныхъ продуктовъ у нѣкоторыхъ владѣльцевъ есть собственные верфи, на которыхъ строятся судна для всей системы днѣпровской. На верфи даютъ судна и на фрахтъ... Чтобъ не идти въ Кременчугъ, для нагрузки солью, порошнякомъ, на судно кладутъ помянутыя лѣсныя издѣлія, или нѣсколько десятковъ саженой дровъ, продажей которыхъ можно было бы покрыть небольшія издержки на содержаніе трехъ—четырехъ рабочихъ, — такъ какъ остальные погонщики суденъ отправляются, для сбереженія времени и расходовъ, въ Кременчугъ на *дубахъ*, — особаго устройства круглдонныхъ баркасахъ, поднимающихъ отъ 100 до 500 пудовъ, дѣлаемыхъ изъ цѣльнаго дуба и ошалеванныхъ по сторонамъ сосновыми досками. А дровъ изъ Полѣсья вывозятъ ежегодно столько, что количество ихъ опредѣлить едва возможно. У многихъ помѣщиковъ есть стеклянные заводы, иждѣ очень порядочные. Есть у нѣкоторыхъ и заводы желѣзные и чугунные, — послѣдніе въ значительномъ размѣрѣ. Для выдѣлки клепки во многихъ лѣсахъ отведены участки богатые дубовымъ лѣсомъ. Въ этихъ участкахъ съ давнихъ поръ поселились мазуры колоніями. Они ни чѣмъ не занимаются, кромѣ выдѣлки клепки и получаютъ за выдѣлку известнаго ея количества плату, условленную контрактомъ, заключеннымъ ими съ владѣльцами лѣсныхъ дачъ, или съ правительствомъ, если лѣсъ казенный.

Избы ихъ разбросаны уединенно по лѣсу, на необозримое пространство. Иныя едва виднѣются въ глубинѣ перспективы, изъ-подъ навѣса деревьевъ. Скотъ ихъ по большей части круглый годъ бродить по лѣсу. Меткая винтовка колониста и острые зубы собаки давно уже отучили волка отъ нападенія на этихъ пустынножителей. Во всякой колоніи есть магазинъ, наполненный всѣми жизненными потребностями, устроенный или самимъ владѣльцемъ лѣсной дачи, по контракту, или какимъ нибудь спекулянтонъ, чаще всего, конечно, евреемъ. Мазуръ ни зачѣмъ не имѣетъ нужды отлучаться отъ своей колоніи въ городъ, или мѣстечко: все, --- отъ муки до сапога, отъ топора до сукна, отъ свѣчи до водки, отъ каната до иглы, все найдетъ онъ въ этомъ всеобъемлющемъ амбарѣ. Не отыщеть онъ здѣсь только предметовъ прихоти и роскоши, но мазуръ и безъ нихъ живетъ счастливѣй многихъ сибаритовъ. Впрочемъ, изба всякаго почти колониста окружена обширнымъ огородомъ, на дѣвственной почвѣ котораго вы увидите не только исполинскіе виды всевозможныхъ огородныхъ растений, но иногда и лоскутокъ земли, засѣянной овсомъ, льномъ, клеверомъ, но никогда почти рожью, ячменемъ, или пшеницей.

Привольно живутъ эти анахореты. Во всю жизнь не забуду я двухъ дней рождественскихъ святокъ, случайно проведенныхъ мною между ними. Застигнуые вьюгой, сбившіеся съ дороги, при страшномъ морозѣ, мы—школьники попали нечаянно въ одну изъ описанныхъ мною колоній и попросили въ полночь гостепріимства у одного мазура. Насъ приняли какъ родныхъ, не знали чѣмъ угощать, какъ и гдѣ упокоить. Утромъ мы начали собираться въ путь; не тутъ то было: повозки и лошади наши упрятаны подъ замокъ, вещи и теплая одежда исчезли. А между тѣмъ изба гостепріимнаго колониста уже наполнялась мазурами разныхъ возрастовъ и половъ; уже между ними завязался горячій споръ о томъ, кто изъ нихъ будетъ имѣть счастье прежде угощать насъ. Много мы потратили убѣжденій пока вырвались изъ объятій этихъ незабвенныхъ людей, чтобы летѣть въ объятія отцевъ и матерей, братьевъ нашихъ и сестеръ. Какое довольство, счастье, радость и безстрастіе окружаетъ этихъ пустынниковъ! Какъ они ласковы, внимательны, симпатичны, гостепріимны! Сейчасъ бы, вѣжеся, порхнулъ изъ окружающей меня суеты, эгоизма и неестественности въ объятія этихъ добрыхъ дѣтей природы, и вѣкъ бы съ ними не расстался.

Но этотъ незабвенный эпизодъ нѣсколько отвлекъ меня отъ дѣла. Нисколько, впрочемъ, не раскаиваясь въ допущеніи этой умышленной и пріятной для меня нелогичности, я возвращаюсь на оставленную мною тропинку—тѣмъ охотнѣе, что она почти прой-

дена. Мнѣ осталось только сказать, что лѣсъ есть такой источникъ богатства для своего владѣльца, съ которымъ не можетъ выдержать соперничества никакая земля, хотя бы на ней даже открылись золотые прииски. Да отчего бѣ и ихъ не поискать въ богатой столь разнородными дарами Божиими почвѣ бѣлорусскаго Полѣсья?... Я знаю многихъ владѣльцевъ полѣскихъ и барышниковъ въ немногіе годы удесяттерившихъ свое состояніе спекуляціей лѣсными продуктами.

Что касается возгласовъ тѣхъ политико-экономовъ, которые, не выходя изъ своего петербургскаго кабинета, оплакиваютъ истребленіе невиданныхъ ими лѣсовъ, вопли ихъ всегда казались мнѣ, какъ полѣшку, довольно забавными. Лѣсъ можно истребить тамъ только, гдѣ его немного. Но истребить лѣса полѣскіе, да это почти тоже, что выпить Днѣпръ. Можно ли истребить то, чего даже не знаешь? А во многихъ лѣсныхъ дачахъ полѣскихъ нетолько не была нога владѣльца, но и никакого человѣка. Они тянутся на тысячи квадратныхъ верстѣ и оканчиваются внѣ Россіи. Опушки только лѣсовъ, и то по близости судоходныхъ рѣкъ, жажда корысти сдѣлала нѣсколько ажурнѣе, а остальной лѣсъ стоитъ себѣ угрюмо и неприкосновенно и терается въ безвѣстности, а сваленное бурей и временемъ дерево неприкосновенно тлѣетъ на мѣстѣ своего паденія. А если гдѣ смоляной или другой заводъ и очиститъ вокругъ себя пространство въ три-четыре версты; полѣшку это только и нужно: онъ въ барышахъ цѣлою поляной, которыхъ у него такъ мало, тогда какъ лѣсу столько лишняго; онъ даже нарочно, съ неимоверными усиліями, выдергиваетъ вѣковые деревья съ корнями (или, какъ онъ выражается, *корчуетъ*), чтобъ очистить мѣсто для поляны и посѣять на ней рожь, или гречиху.

Иванъ Эрмищъ.

Я Г А Й Л О

Историческій романъ

Въ 4-хъ частяхъ.

(Продолженіе) (1).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

На галлерей, за прозрачной завѣсой, собралось въ церкви множество женщинъ, разныхъ лѣтъ, костюмовъ и словій. Тутъ были: княгини, боярыни, жены царедворцевъ, были жены сидѣльцевъ и простыя горожанки. Въ этой пестрой толпѣ находилась и та боярыня, которая, какъ читатель видѣлъ выше, была воспріемницей новорожденнаго ребенка, въ церкви на Замковой горѣ..... Къ ней, то-и дѣло, подходили боярыни по одиночкѣ и тихо спрашивали: „какъ нарекли младенца?“

— Яковомъ, также тихо отвѣчала она.

— Князь-то знаетъ объ этомъ? спросила ее одна изъ боярынь.

— Нѣтъ..... Скажутъ послѣ, когда веселый часъ на него найдеть..... отвѣчала она.

Но вотъ началась заутреня, разговоры смолкли, всѣ начали молиться Богу..... Водворилась въ Пятницкой церкви благоговѣнная тишина, нарушаемая пѣніемъ и чтеніемъ церковнаго причта..... Въ былое время, наши прапрадѣды молились не такъ какъ мы — ихъ праправнуки. Въ минуту молитвы, они отрѣшались чувствомъ и мыслию отъ всего земнаго и сосредоточивались только на небесномъ..... Такъ какъ читателю и романисту въ церкви дѣлать почти нечего, то мы будемъ продолжать романъ, прямо съ окончанія богослуженія.

Кончилась заутреня; вся масса молящихся въ Пятницкой церкви начала расходиться по домамъ. Кто пошелъ

(1) См. 10 кн. Вѣст. Зап. Россіи.

по дорожкѣ, ведущей въ Кривый градъ, кто на Лоточекъ, кто къ русскому, новгородскому гостинному двору, а кто на Зарѣчье.....

Въ это время на дворѣ начинало свѣтать. На чистомъ небосклонѣ зардѣлась утренняя заря. Сильный порывистый вѣтеръ разогналъ скопившіяся надъ городомъ тучи и очистилъ небо.

— Кума, куда пойдешь къ обѣдни? спросилъ бояринъ, бывшій въ замковой церкви, съ вышеописанной лентой, догоняя боярыню,—крестную мать младенца Якова.

— Въ Пятницкую..... къ Прасковіи..... Великая княгиня велѣла мнѣ взять новокрещеннаго къ обѣдни и причастить его святыхъ божественныхъ таинъ,—отвѣчала она.

— Доброе дѣло! заключилъ бояринъ.

— А знаешь что кумъ?..... Меня раздумье беретъ. Не къ добру громъ гремѣлъ во время крещенія, сказала боярыня, значительно ударивъ на словъ „не къ добру.“

— Богъ одинъ вѣдаетъ, къ добру или къ худу, заключилъ кумъ, разводя руками.

— Помнишь, кумъ, когда зашѣли: „елицы во Христа крестистеся“, съ какимъ страшнымъ трескомъ и гуломъ ударилъ громъ? продолжала кума.

— Что будетъ, того не минешь, а чего не будетъ того нечего опасаться, сказалъ бояринъ.

— Охъ! быть худу... Не такъ крестили!... Я знаю, я вѣдаю, раздался за ними голосъ. Кумъ и кума оглянулись; это былъ Алеша—Божій человекъ.

— Куда ты бѣжишь, Алеша? спросилъ бояринъ юродиваго, бѣгущаго что есть силы.

— Далеко..... далеко!..... Отсюда невидать..... сказалъ юродивый, скрываясь въ толпѣ идущихъ.

— Слышишь кума, что Божій человекъ—говорить-то? Вотъ ты и знай..... заключилъ кумъ, разводя руками.

— Вчерась и ворожея тоже сказала: „быть“ говорить „худу, чрезъ этого младенца, для всей нашей земли; не на радость“ говорить „онъ родился“ сказала кума и оба, молча, пошли далѣе.

За ними, въ почтительномъ отдаленіи, шли латники, ночные дозорные, между которыми были и наши два знакомца.

— Что ни говорите, братцы, а я своими глазами видѣлъ вѣдьму, вотъ и онъ тоже,—говорилъ первый.

— Видѣлъ и я, заключилъ второй.

— А я братцы плачь слышалъ, вмѣшался кто то изъ дозорныхъ.

— Мы тоже слышали, сказалъ первый.

— Полно, братцы..... Такъ ли это?..... Точно ли вѣдьма была?..... Вонъ, смотрите на Лысую гору, народу-то сколько на нее собралось!..... Видно что нибудь случилось? говорилъ тотъ латникъ, который былъ дозорнымъ у воротъ Верхняго замка и который пропустилъ чрезъ нихъ бояръ и боярынь въ церковь.

— И въ самомъ дѣлѣ что нибудь случилось, сказалъ первый латникъ.

Всѣ дозорные остановились и начали смотрѣть на Лысую гору, куда со всѣхъ концевъ города бѣжали толпы литовцевъ.

— Диковинное дѣло, заключилъ одинъ изъ дозорныхъ.

— Что тамъ за диво такое, что всѣ спѣшать туда?, спросилъ латникъ у проходящаго вайделота, показывая на гору.

— Всѣ поклонники нашихъ боговъ спѣшать на гору затѣмъ, чтобы цѣловать священную землю, которая сегодня ночью посредствомъ стрѣлъ Перкунуса съ небомъ соединилась, — сказалъ вайделотъ, показывая на обвалъ горы и проходя далѣе.

Латники тутъ только замѣтили большой обвалъ на горѣ.

— Вотъ—скуда, должно быть, Илья пророкъ и ударилъ, заключилъ одинъ латникъ.

— Вѣстимо—сюда; тутъ, должно, въ ту пору вѣдѣла сидѣла, сказалъ первый.

— Пойдемте, братцы, посмотримъ... кто то сказалъ изъ латниковъ.

— Смотрѣть — то нечего, да и грѣхъ.... Пойдемте лучше по домамъ, братцы, заключилъ первый.

— По домамъ, въ гридню, закричали латники и отправились по дорогѣ къ Нижнему замку.

Едва только они подошли къ воротамъ замка, какъ за ними раздавался звукъ рога. Они оглянулись и увидѣли цѣлую кавалькаду всадниковъ, скачущихъ къ замку.... Денной дозорный, стоявшій у воротъ Нижняго замка, услышавъ звуки рога, стремглавъ бросился къ воротамъ и сейчасъ же отворилъ ихъ настежь....

— Великій князь Ольгердъ съ охоты возвращается, сказалъ первый латникъ своимъ собратамъ, выстраивающимся въ шеренгу для встрѣчи своего короля.

— Дѣйствительно, это былъ Ольгердъ, съ своею свитою. Онъ ѣхалъ впереди всѣхъ, на бѣломъ конѣ, который, горделиво поднимая свою голову, какъ будто этимъ хотѣлъ заявить, что сѣдокъ его не простой витязь, а самъ король Литвы и западной Руси.

Подѣзжая къ воротамъ, В. К. Ольгердъ замѣтилъ обвалъ и множество народу на Лысой горѣ.

— Это что такое?, спросилъ онъ у отного латника, показывая на гору.

Латники переглянулись между собой и, перешептываясь другъ съ другомъ, недоумѣвали, что имъ отвѣчать.

— Что это за сборище, я спрашиваю васъ, или вы глухи безъ меня сдѣлались?, вторично спросилъ Ольгердъ, обращаясь къ латникамъ.

При этомъ латники окончательно смѣшались, и одинъ Богъ знаетъ, что могло бы выйдти изъ этой неловкой сцены, если бы, на счастье латниковъ, не явился къ Оль-

терду виленскій тиунъ (1). Запыхавшись, онъ предсталъ предъ очи своего князя и, въ буквальный смыслъ, билъ ему своимъ челомъ до самой земли.

— Храни тебя боги на многія лѣта, сказалъ тиунъ кланяясь Ольгерду.

— Пусть слова твои услышать наши боги, отвѣчалъ Ольгердъ; что это за сборище такое на Лысой горѣ, казнять что ли кого?, спросилъ онъ же.

— О нѣтъ, великій король Литвы и Руси.... Вѣрные твои рабы и слуги, поклонники боговъ отца твоего, ревностные кривичи поспѣшили изъ домовъ своихъ на Лысую гору, чтобы облобызать священную землю, въ которую проникли стрѣлы Перкунуса.... Но, если милости твоей, великій нашъ король, не угодно будетъ такое радѣніе литовцевъ о своемъ богѣ, то я наиками прикажу разогнать ихъ,— говорилъ тиунъ, продолжая кланяться.

— Пускай ихъ цѣлуются съ пескомъ, если имъ это любо, заключилъ Ольгердъ, памѣреваясь стегнуть плеткой свою лошадь.

— Великій нашъ король,— у меня до тебя есть еще слово.... Дозволь говорить, робко просилъ тиунъ.

— Говори, сказалъ Ольгердъ, опуская плетку.

— На той горѣ нашли залитый дождемъ жертвенный костеръ, а на кострѣ ребенка...

— Мертваго?

— Живаго, холстина и ткань, въ которую онъ укутанъ былъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ обгорѣла и вся измокла, но ребенокъ живъ.... Только плачетъ сильно и дрожить отъ холоду..... Я отдавалъ его литовцамъ, да не взяли.

— Отъ чего же?

— Да отъ того, что вѣрно, говорятъ, родители его грѣшны очень, когда боги наши непринали его въ очистительную жертву.... Народъ ругается надъ нимъ, кидаетъ въ

(1) Градоначальникъ.

него грязью и плюетъ. Что съ нимъ дѣлать прикажешь мнѣ, король?, спросилъ тіунь.

— Мальчикъ или дѣвочка?, спросилъ Ольгердъ.

— Дѣвочка, отвѣчалъ тіунь.

— Литовскіе боги дѣвочекъ не жрутъ, имъ только мальчиковъ изъ христіанъ, лѣтъ до двадцати, давай,—сейчасъ на осинѣ, на той же проклятой горѣ, повѣсятъ, по княже-скому велѣнію и по кривокривейтовому прошенію... закричалъ Ѳомка русинъ, шутъ Ольгерда; находившійся гоже въ свитѣ в. князя и гарцовавшій на своей клячѣ, увѣнчанной лягушками, ежами и сороками—и множествомъ колокольчиковъ и побранушекъ.

— Шуты!?! гнѣвно закричалъ Ольгердъ.

— Ася? откликнулся Ѳомка, махая краснымъ огромнѣйшимъ деревяннымъ мечемъ.

— Знай время когда шутить, а не то, смотри—языкъ велю прижечь, сказалъ Ольгердъ.

— Что жъ, вели прижечь, самъ же въ накладѣ будешь: безъ моего языка ты ни одного языка не распознаешь... сказалъ шутъ, дѣлая на лошади круги и принимая серьезный видъ, что къ нему очень не шло и чѣмъ онъ всегда возбуждалъ смѣхъ.

— Дуракъ, пошолъ съ глазъ моихъ! заключилъ Ольгердъ.

— Тсъ!... ну, ну, ну, конь мой богатырскій, лошадь моя крылатая, скачи что есть духу съ глазъ короля, а не то смотри!... у тебя только и есть что сухая шкура, да и ту, пожалуй, велить онъ снять... Поѣдемъ - ка, голубушка, дальше, къ синему морю, къ красному подворью... То-то заживемъ!.. Ну, ну, ну!.. понукая лошадь, говорилъ Ѳомка; но кляча его, несмотря на понуканье, стояла, какъ каменная, мутно смотря въ землю.

— Какова лошадь-то, все играетъ, а сама ни съ мѣста, продолжалъ плутъ.

Это расмѣшило Ольгерда, но, что бы скрыть отъ окружающихъ свою улыбку, онъ обратился къ тіуну.

— Ребенка этого отдай криве-кривейту, началъ Ольгердъ.

— Въ дарственный гостинецъ, подхватилъ шутъ.

— Пусть онъ сдѣлаетъ съ нимъ, что хочеть, сказалъ Ольгердъ, ударяя свою лошадь.

Черезъ нѣсколько секундъ в. к. Ольгердъ, съ своего свѣтой, былъ уже у крыльца своихъ хоромъ.

Здѣсь его встрѣтили всѣ бояре-царедворцы.

— Сойдя съ лошади, онъ отвѣтилъ на поклоны бояръ и, обратившись къ нимъ, сказалъ:

— Новорожденному сыну моему, я придумалъ на охотѣ дать имя— „Ягайло.“

Всѣ снова поклонились, а Ольгердъ, погрозивъ шуту, пошелъ въ свои хоромы.

Черезъ 7 лѣтъ послѣ описаннаго нами случая, въ томъ же городѣ Вильнѣ, въ одинъ чудесный іюльскій день, въ пустыхъ площадкахъ Нижняго княжескаго замка, близъ терема великой княгини Іуліяніи, шумно веселился и ликовалъ виленскій народъ. Тутъ были русскіе, литовцы, жмудины разныхъ половъ, лѣтъ и сословій; все это пило, плясало и кричало. . . . . Княжескіе стольники и чашники разносили желающимъ вино, русскую брагу и литовской аллусъ. Само собой, что нежелающихъ какою нибудь изъ этихъ трехъ напитковъ почти не было; стало быть Ругутису, литовскому богу пьянства данъ былъ полнѣйшій просторъ и онъ, дѣйствительно, былъ полнымъ господиномъ надъ всѣмъ праздничнымъ народомъ. Рамка введенія не дозволяетъ подробно описать шумящую толпу. Но такъ какъ подобныя праздники на Литвѣ, своими обрядами и безобразіями, были до мелчайшихъ подробностей, сходны между собой, а съ ними придется не одинъ разъ встрѣчаться въ романѣ, то читатели отъ этого ни чего не потеряютъ. По этому скорѣе закончимъ праздникъ Постригу.

Ровно въ полдень, на узорчатое крыльцо, сдѣланное, какъ видно, русскимъ зодчимъ, выйдя изъ княжескаго терема тиунъ и махнулъ народу своей тяжеловѣсной палицей. Въ одно мгновеніе шумъ, пѣсни и говоръ смолкли и вся толпа хлынула къ крыльцу.

— Нашъ великій и славный король Ольгердъ, краса защита и гроза земли литовской, ради пострига своего возлюбленнаго сына Ягайла Ольгердовича, приказалъ вамъ выелать со своей пекарни хлѣба и баранины, сказалъ онъ.

Толпа огласила воздухъ радостныхъ крикомъ.

Тіунъ вторично взмахнулъ своей палицей и вторично народъ смолкъ.

— Насыщайтесь скорѣе, потому что скоро начнется передъ вашими глазами обрядъ пострига, продолжалъ тіунъ порусски.

Въ это время множество стольниковъ и слугъ княжескихъ начали раздавать народу хлѣбъ и баранину. Въслѣдствіе чего, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, произошла страшная драка. Стольниковъ окружили со всѣхъ сторонъ, протягивали къ нимъ руки, просили всѣ въ одно время, въ одинъ голосъ, смѣльчаки вырывали изъ ихъ рукъ хлѣбъ и баранину, были и такіе, которые, въ свою очередь, вырывали у смѣльчаковъ нахрапомъ добытое кушанье, причемъ, конечно, завязывалась драка, сопровождавшаяся бранью и зачастую кончавшаяся тѣмъ, что баранина и хлѣбъ не доставалась ни кому, а падала на землю и затиралась ногами. Женщинамъ въ этомъ дѣлѣжъ не пришлось ничѣмъ почти пользоваться: ихъ оттирали назадъ и, безъ всякаго зазрѣнія, толкали въ сторону..... Подоспѣвали новые запасы баранины и хлѣба, снова съ гикомъ толпа бросалась на нихъ и въ одно мгновеніе истребляла... Но вотъ раздача пици кончилась и тіунъ опять взмахнулъ палицей.

— Остановите на время шумныя восклицанія; сейчасъ на крыльцо выйдетъ самъ великій король Ольгердъ, со своею королевою Ульяною, съ сыномъ своимъ Ягайломъ, съ именитыми родичами и знатными гостями, сказалъ онъ, отходя въ сторону.

Толпа утихла и хранила глубокое молчаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ заявленія тіуна, дѣйствительно, на крыльцо вышелъ в. к. Ольгердъ, за нимъ

супруга его Іуліанія Александровна, ведя подъ руку семилѣтняго сына своего Ягайлу. За ними шель князь трокскій Кейстуть, съ своею женой, княгиней Бирутой и съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ Витовтомъ, потомъ князь Андрей Ольгердовичъ и всѣ сыновья Ольгерда отъ первой супруги его, витебской княгини Маріи; между ними былъ Патрикій, сынъ Кейстута отъ первой жены его. За ними вышли бояре и боярыни. Всѣ, начиная съ князя и кончая младшими боярами, были одѣты по праздничному. Даже княжескій шуть Ѳомка, вышедшій тоже въ свѣтъ в. князя, и тотъ разукрасилъ себя цвѣтными лентами и лоскутьями разныхъ парчей и тканей.

Посрединѣ крыльца было сдѣлано возвышеніе, покрытое парчами и звѣриными кожами. Великій князь Ольгердъ и великая княжна Іуліанія взяли подъ руки своего сына Ягайла и ввели по ступенькамъ на возвышеніе, откуда поклонились сперва своимъ гостямъ и свѣтъ, потомъ и народу, отвѣчавшему на этотъ княжескій поклонъ радостными восклицаніями. Сдѣлавъ поклонъ народу, Ольгердъ и Іуліанія, посадивъ сына своего на возвышеніи, сами сошли съ него и заняли свои мѣсто, рядомъ съ возвышеніемъ. Знаменитые гости тоже послѣдовали примѣру великого князя и усѣлись каждый на своихъ мѣстахъ. На заднихъ скамейкахъ размѣстились бояре и боярыни. Шуть Ѳомка соскочилъ съ крыльца и колесомъ подкатился къ опустѣвшей послѣ аллуса бочкѣ и, подкативъ ее къ крыльцу, поставилъ *козыремъ* (1) и усѣлся на нее. . . .

Это, разумѣется, вызвало общій смѣхъ. Больше всѣхъ другихъ смѣялся виновникъ праздника Ягайло Ольгердовичъ.

— Смѣшно тебѣ, молодой княже. . . Смѣшно тебѣ, что у меня въ головѣ такъ же пусто, какъ въ этой бочкѣ. Ну да не смѣйся надъ этимъ. . . Тебя сейчасъ стричь начнутъ. . . Выстригутъ такъ, что у тебя сдѣлается такъ же пусто,

(1) Двищемъ къ верху.

какъ въ моемъ брюхѣ . . . , говоритъ отрывисто Өомка, поправляя свой дурацкій колпакъ.

— Шуты! не завирайся, крикнулъ Ольгердъ.

— Прикажи ковшикъ малвазін для радостнаго дня отпустить твоему скомороху Өомкѣ, такъ завираться онъ не будетъ,—сказалъ шутъ, дѣлая глупую физіономію.

— Не зачто, сказалъ Ольгердъ.

— Какъ незачто?.. Что ты, княже? А пѣсню то я тебѣ утромъ пѣлъ. . . Коли не любя, я другую спою, аль сказочку скажу, продолжалъ Өомка.

— Подать дураку ковшикъ меду, закричалъ Ольгердъ чашникамъ.

— И на томъ спасибо, заключилъ шутъ. Ему подали ковшъ меду, онъ выпилъ его и поклонился Ольгерду.

— Медъ сладокъ, какъ твои рѣчи, княже, заключилъ Өомка.

Ну, будетъ пока, сказалъ Ольгердъ шуту и, обратившись къ тіуну прибавилъ: пусть начинается обрядъ.

Поклонившись князю, тіунъ подалъ знакъ двумъ гусярамъ, которые, приблизившись къ крыльцу, почтительно поклонились сидѣвшимъ тамъ и, играя на гусяхъ, начали пѣть пѣсню, въ которой прославляли будущую силу и могущество молодаго князя—Ягайла.

Послѣ нихъ къ крыльцу подошли два вайделота—гадатели. Они начали говорить, что цѣлыхъ тридцать ночей гадали надъ звѣздами, которыя будто бы предрекаютъ великую славу для Ягайла и что онъ будетъ грозой для враговъ и крѣпкимъ оплотомъ кривичанской вѣры.

Какъ гусярамъ, такъ и вайделотамъ подали по ковшу меду.

Послѣ вайделотовъ подошла старуха колдунья и объявила, что видѣла тотъ камень, на которомъ богъ Прамжинасъ написалъ свое предопредѣленіе для молодого князя Ягайлы, что будущность его будетъ громка только сначала, а потомъ померкнетъ слава, на радость врагамъ Литвы, и что земля литовская покроется чрезъ него несмываемымъ по-

воромъ, что за поцѣлуй красавицы онъ продастъ своихъ вѣрныхъ слугъ чужому королю и самъ пойдетъ въ неволю; что розы и лиліи поблекнутъ въ день его свадьбы.....

Старуха хотѣла было продолжать, но оглушительный ударъ тѣуновой палицы повергъ ее на землю, чѣмъ, конечно, заставилъ замолчать ее.

— Бросить эту лѣсную сову, мышъ поганую, падалъ скверную въ рѣку Вилію, закричалъ разгнѣванный Ольгердъ.

Услыхавъ эти слова, толпа съ неистовствомъ бросилась на полумертвый трупъ старухи колдуньи и чрезъ нѣсколько мгновеній приказаніе Ольгерда, несмотря на заступничество княгини Іуліяніи, было исполнено въ точности.

Зловѣщее предсказаніе старухи помрачило на нѣсколько минутъ радость праздника, в. к. Ольгердъ былъ въ страшномъ волненіи, Андрей Ольгердовичъ, чтобы поскорѣе ступевать тяжелое впечатлѣніе, оставшееся послѣ словъ колдуньи, обратился къ шуту, сидѣвшему на бочкѣ.

Өома! Что же ты-то, ничего не говоришь молодому князю? сказалъ онъ.

— Что мнѣ говорить-то!?!... Вонъ старуха поумлѣе меня, и то рѣчами не угодила; рыбу ловить къ Атримпусу послали за говоръ—то... А меня и къ Пеклосу ушлютъ, сказалъ Өома.

— Спой пѣсню, продолжалъ Андрей Ольгердовичъ, дѣлая какіе-то знаки шуту.

— Пѣсенку спою... Отъ чего не спѣть?.. сказалъ шутъ вставая на ноги и начиная пѣть слѣдующую пѣсню.

„Дыдись нашъ,

„Божокъ нашъ

„Чута, рута

„Чутела, рутела

„Чадо нашъ!“ и проч.

Пѣніе это сопровождалось кривляньемъ и пляской на бочкѣ, что очень забавляло Ягайлу и въ особенности толпу.

— Княже, позволь мнѣ загадать, загадать, загадку тебѣ, обратился Өома къ Ягайлѣ.

— Загадай, сказала Ягайло.

— Кто два раза родился, ни однажды не крестился.

— Цыпленокъ, отвѣчалъ, смѣясь, Ягайло.

— Князь умникъ, коли отгадалъ... За отгадку я тебѣ дарю всё мои угоды, сказала шутъ. Эта острота вызвала улыбку на лицѣ Ольгерда.

Въ это время изъ воротъ замка стройными парами шли вайделотки. Ихъ было очень много, всё онѣ одѣты были въ бѣлыя одежды, на подобіе римскихъ туникъ, съ зеленымъ передникомъ, на которомъ бренчали *двочичи бубенчики*. Бсякая вайделотка держала въ рукахъ пылающую головню и на головѣ имѣла зеленый дубовый вѣнокъ. Впереди всѣхъ шла маленькая дѣвочка, которой, повидимому, было неболѣе 6-ти или 7-ми лѣтъ. Одѣта она была также какъ и вайделотки. Въ рукахъ она держала ножницы и небольшую кадильницу, изъ которой, дымясь, разливался запахъ янтаря. Подойдя къ крыльцу, онѣ остановились и запѣли языческую обрядную пѣсню, въ которой молили Перкунуса сохранить молодого князя Ягайла отъ всѣхъ болѣзней и скорбей. Когда кончилась пѣсня, одна вайделотка, отдѣлившись отъ прочихъ, взяла за руку маленькую дѣвочку и войдя съ ней на крыльцо, поставила ее на ступенькахъ возвышенія, на которомъ сидѣлъ виновникъ праздника.

— Криве—Кривейто, посылая съ ними пожницы изъ рукъ Перкунаса, для пострига сына твоего Ягайла, посылаетъ свое благословеніе на долгую и счастливую жизнь... Пусть жизнь сына твоего Ягайлы будетъ также чиста и свѣтла, какъ огонь Перкунуса, которымъ воспламенены наши головни, сказала вайделотка, вошедшая съ малюткой на крыльцо, обращаясь къ Ольгерду.

— Пусть слова твои слышатъ наши боги, отвѣчалъ Ольгердъ вайделоткѣ. Послѣ чего она сошла съ крыльца и присоединилась къ прочимъ вайделоткамъ, а къ сидящему на возвышеніи Ягайлу подошелъ *стригунъ*, взявъ

изъ рукъ дѣвочки пожницы и, поклонившись Ольгерду и всѣмъ гостямъ, началъ стричь Ягайлу.

По окончаніи пострига, стригунъ отдалъ ножницы дѣвочкѣ, а самъ, собравъ обрѣзанные волосы Ягайлы, завязалъ ихъ въ холстину, поклонился Ольгерду и Іуліаніи и сошелъ съ возвышенія.

Ему также, какъ и другимъ, подали ковшикъ меду.

Въ это время къ крыльцу подвели двухъ осѣдланныхъ и богато убранныхъ лошадей, одна была приготовлена для Ягайла, другая для его дядьки. Въ древнія времена, обычай пострига былъ на Руси, Литвѣ и Польшѣ общій. Въ этотъ день, или правильнѣе выразиться—праздникъ, первый разъ виновника торжества сажали на лошадь и катали его при глазахъ народа. Такъ было и тутъ. Но прежде чѣмъ посадили Ягайлу на лошадь, маленькая дѣвочка, будущая героиня моего рамана, по указанію старшей вайделотки, окуривъ Ягайлу, начала бросать, хмѣлемъ сперва на него, а потомъ на всемъ пути, по которому долженъ ѣхать Ягайло.

Шуть при этомъ затянулъ литовскую пѣсню.

„Ахъ ты, хмѣль, хмѣлекъ.

„Зеленая шишка.

Но Ольгердъ заставилъ его замолчать:

— Войдыло! обратясь къ конюхамъ, крикнулъ Ольгердъ.

— Я предъ твоими очами, великій король, сказалъ одинъ изъ конюховъ, подавая поводъ отъ лошади своему собрату и приближаясь къ крыльцу. Этотъ Войдыло былъ будущій любимецъ Ягайлы; въ настоящее же время онъ былъ простой конюхъ.

На взглядъ ему казалось неболѣе 18 или 20 лѣтъ, но на самомъ дѣлѣ ему было всего только 16. Онъ былъ высокаго росту, коренастый и съ симпатичнымъ лицомъ—

— Я тебя дѣлаю вдовымъ дядькой моего сына Ягайлы. Съ сего дня ты долженъ быть постоянно и неотлучно при немъ. Служи ему, какъ мнѣ самому. Блуди его, како-

душу свою... За все я съ тебя спрошу,—сказалъ Ольгердъ, вставая съ своего мѣста и подходя къ Ягайлу, котораго началъ осыпать поцѣлуями; послѣ него подошла къ сыну своему Іуліянія Александровна, глаза ея были полны слезъ, крѣпко она прижала своего Ягайлу и долго, очень долго душила его своими жгучими поцѣлуями. Послѣ нихъ, всѣ знаменитые родственники Ягайлы подходили къ нему, желали ему счастья и каждый цѣловался съ нимъ три раза. Но вотъ снова молодая дѣвушка, несмѣлой поступью, взошла на возвышеніе, въ рукахъ у ней былъ небольшой мечъ и золотая перевязь, послѣдней она опоясала Ягайлу, а первый подала ему въ руки.

Ягайло, по указанію Андрея Ольгердовича, взмахнулъ мечемъ и, привѣсивъ его къ своей перевязи, робко нагнулся къ маленькой дѣвочкѣ, чтобы поцѣловать ее,—какъ требовалось по обряду пострига.

— Ну цѣлуй скорѣй! шепнулъ своему брату Андрей Ольгердовичъ.

Ягайло обнялъ крошечную вайделотку и поцѣловалъ ее. Оба, какъ онъ, такъ и она, зардѣлись какъ *маковій цвѣтъ*.

— Чья ты дочь, голубушка, спросила маленькую вайделотку Іуліянія Александровна.

— Не знаю, отвѣчала она, стыдливо опуская въ землю глазки.

— Это питомица, криве—кривейты, ее 7 лѣтъ тому назадъ нашли на Лысой горѣ, въ потушемъ кострѣ..., отвѣчалъ тиунъ княжнѣ Іуліаніи.

Андрей Ольгердовичъ, съ помощью другихъ своихъ братьевъ, свелъ Ягайлу съ крыльца и посадилъ его на лошадь. На другую лошадь вскочилъ Войдылло, который, поронявшись съ Ягайлою, началъ его придерживать, и поѣздъ тронулся при крикѣ ликующаго народа. „Многи лѣта князю Ягайдѣ!“ кричали литовцы, „многи лѣта, князю Якову!“ кричали русскіе и крики эти превратились въ общій продолжительный гулъ.

— Выкатить десять бочек вина народу, сказалъ Ольгердъ тѣну.

С. Калужинъ.

(Конецъ введенія).

ВСПОМИНАНІЕ О НЕДАВНОМЪ ПРОШЛОМЪ.

(КАРТИНА ИЗЪ ЕВРЕЙСКАГО БЫТА.)

(Продолженіе) (1)

5.

Я ДОВИТОЕ ПИСЬМО.

Дайте-жъ мнѣ хотя въ дѣтствѣ свободу,
 Дайте вольно всей грудью вдохнуть! . . .
 Чтобъ я послѣ, въ тяжелые годы,
 Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть.
 Д о б р о л ю б о в ъ.

„На зеркало неча пѣнять, коли рожа крива.“
 (Народная пословица).

Читатель навѣрно помнитъ, въ какомъ настроеніи духа отецъ мой возвратился изъ хедера. Пришедши домой, онъ спросилъ меня: Ну, мой сынъ, каковъ хедерь? какъ нравится тебѣ *деръ-ребѣ*? Кажется, и не бьетъ своихъ учениковъ и еще деньги даетъ, отчего же ты плакалъ и не хотѣлъ идти въ хедерь?

— Да, вздохнувъ, вмѣшался братъ мой,— хедерь этотъ, обыкновенный, какъ всѣ хедеры, и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніяхъ, онъ лазаретъ, онъ домъ сумасшедшихъ для бѣдныхъ дѣтей; меламедъ-невѣжа, какъ всѣ меламды. Кричитъ-кричмя, а самъ не знаетъ, чего хочеть; но это еще куда ни шло, надѣюсь, впередъ этого не будетъ: навѣрное онъ тоже, какъ вся его братія, зани-

(1) Смот. кн. 7 Вѣстка Зап. Россіи.

мается сватовствомъ и рѣдко, стало быть, будетъ въ хедерѣ. Но главное, я боюсь, чтобы онъ, во время рѣдкаго своего досуга, не успѣлъ, Боже упаси, внушить моему брату еще глупости въ такомъ родѣ: ангелы занимаются.... но я не могу повторять этихъ бредней..... слова брата видимо подѣйствовали на отца. Нѣсколько минутъ онъ, не шевелясь какъ каменный стоялъ посреди комнаты. Пришедши въ себя, отецъ произнесъ, кивая головой и пожимая плечами: „уму не постижимо, чѣмъ я навлекъ на себя гнѣвъ Божій, и за что Онъ меня такъ жестоко караетъ! Денегъ, кажись, не жалѣю: у цадика часто бываю, молюсь, кажется, усердно и „вкусно“; качаюсь и что мочи кричу, словомъ, какъ цадикъ. В. (такъ звали брата моей матери) кажись, *красивый еврей* (1)? Чтобы это значило? я ума не приложу на кого... похожъ этотъ уродъ (отецъ указалъ на брата пальцемъ)! Нѣтъ, ужъ видно, не подъ счастливой звѣздой я родился. Господи Боже мой и моихъ предковъ! пошли мнѣ, несчастному родителю, или ему (отецъ снова указалъ на брата), который только и родился на мое горе, смерть! Съ радостью, о Боже, я готовъ умереть, или видѣть его,—этого эпикурейца, умершимъ. Я бы не поднялъ такого гвалта, какъ А..., когда у него околелъ этотъ студентъ. Боже мой, Боже мой! отчего эта саранча эпикурейцы, новый казенный раввинъ, смотритель, да учитель не сломали себѣ шею, отчего „брюха ихъ не лопнули“, прежде чѣмъ они пріѣхали къ намъ въ N! До ихъ прибытія я не зналъ печали, сынъ мой занимался талмудомъ, и Богъ и люди радовались, глядя на него; а лишь только эта саранча—эпикурейцы пріѣхали, какъ ужъ N-скій сишботъ не правится ему, я батюшка, говорить, поѣду въ Вильну, тамъ хорошій сишботъ, и я буду заниматься прилежно, дабы встутить тамъ.... страшно вымолвить!.... встучить въ это

(1) Талмудистъ называется красивый еврей, будь онъ хоть самымъ отвратительнымъ и гадковъ рожею. Въ талмудѣ сказано: „по большой части дѣти человека въ нравственномъ отношеніи похожи на братьевъ жены.“

проклятое *мучилище!* Владыка милосердый! злой дух овладѣлъ мною, когда я позволилъ ему ѣхать въ Вильну. Тамъ онъ научился, къ моему несчастію, осмѣивать все іудейское. Пейсы чѣмъ короче, тѣмъ и лучше; довольствуется уже одною шапкою, а „ермолка къ чему?“ говорить, „развѣ я какойнибудь татарченочъ, который шапается по улицамъ съ мыломъ?“ То и дѣло охорошивается предъ зеркальцемъ, безъ котораго „пробора“ нельзя ему найти“. Слыхано ли, видано ли, чтобы сынъ благородныхъ родителей смотрѣлъ въ зеркальце! Въ нашемъ еврейскомъ костюмѣ непристойно ему ходить: „къ чему ботюшка, говорить, длиннополый кафтанъ, развѣ только, чтобы уличная грязь лучше принималась?“ Эхъ, какая мудрость!.... Развѣ тѣмъ только могу я утѣшиться, что это не мой сынъ говоритъ его языкомъ,—а злой духъ! Охъ, охъ, охъ!.... я сдѣлаюсь общимъ посмѣшищемъ наравнѣ съ Абрамсономъ. Въ моемъ присутствіи меламедъ оклеветалъ Абрамсона, теперь предъ другими, пожалуй, даже предъ Абрамсономъ, раструбить все слышанное имъ о моемъ сынѣ. „Направивъ глаза свои прямо на потолокъ и закусивъ верхнимъ рядомъ зубовъ нижнюю губу, отецъ, послѣ короткой паузы, перемѣнилъ грустное выраженіе лица на веселое и произнесъ: „да, слава Богу, что я хасидъ; меламедъ совершенно правъ, поѣду къ цадику, онъ всему этому поможетъ...., его слово лѣкарство“. Между тѣмъ дверь отворилась и вошла мать. Увидя эту сцену, она, въ испугѣ, спросила: „что это значитъ? случилось, вѣрно, несчастіе? Бога ради, скажите скорѣе!“ Отецъ грустнымъ тономъ отвѣчалъ: „охъ, охъ!.... не физическое, а нравственное несчастіе. Вотъ онъ (глазами мигуль на брата) *ростетъ аберлимеръ* (1) и повторилъ слова брата.

— Тьфу, тьфу, тьфу! плюнула мать, по еврейскому

(1) Еретикъ. Отъ слова—Берлинъ, гдѣ Мендельсономъ была основана 1-й расадникъ просвѣщенія для евреевъ. На Волини образованныхъ называютъ „бродскими“, ибо туда просвѣщеніе явилось отъ г. Броды.

обычаю, три раза, я думала, Богъ знаетъ; что случилось, флегматически продолжала она.

— Съ вами женщинами нечего и говорить, замѣтилъ отецъ, за что „*гробы нужно рвать*“, вы смотрите хладнокровно; когда я браню его за чтеніе библіи съ *биуромъ* (1) ты также заступаешься за него! Прошу тебя впередъ не мѣшаться въ такія дѣла; я отецъ, на мнѣ лежитъ обязанность воспитывать дѣтей и, слава Тебѣ, Господи, не нуждаюсь въ учителяхъ. Стану я слушать, что баба мелеть! Нѣтъ, во чтобы то нистало, скорѣе отправлюсь къ цадикъ за *камел* (2).

— И доселѣ не понимаю, что за грѣхъ, коли онъ читалъ библію? Я, мой мужъ, женщина простая, ни въ какой наукѣ кромѣ *техилотъ* (3) ничего не смыслю, а въ *техилотъ* сказано: „*святая библія, святая библія*“; а ты, вѣнецъ моей головы, бросаешь ее о земь и топчешь ногамъ, какъ вещь негодную, богопротивную! Объясни мнѣ эту загадку, мой мужъ, женщинѣ неученой; я ужъ, давно собиралась спросить тебя объ этомъ, а теперь къ слову пришлось.— Отецъ замѣтно былъ тронутъ наивнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и справедливымъ замѣчаніемъ матери; „какъ мнѣ не стыдно“ подумалъ онъ, женщина простая разсуждаетъ основательнѣе меня— талмудиста и заставляеть меня краснѣть. Въ самомъ дѣлѣ, что это за преступленіе? что это за грѣхъ? и почему его я ненавижу и преслѣдую. Можетъ ли это нравиться Господу Богу, что я швырнулъ св. писаніе на землю и топталъ ногами? Боже мой, Боже мой! сумашествіе овладѣло мною! Вѣдь иные родители, не менѣе меня набожные, платягъ еще учителямъ, чтобъ они учили ихъ дѣтей библіи, а мой сынъ долженъ заниматься на чердакѣ, чтобъ его не примѣтилъ!... Нѣтъ, во чтобы то ни стало, впередъ я предоставлю ему свободу заниматься

(1) Комментарій библіи, который былъ составленъ Мендельсономъ и его учениками.

(2) Талисманъ, амулетъ.

(3) Молитвы для женщинъ.

библіею и еще поощрю его. „Но не долго этотъ лучъ свѣтилъ въ его головѣ, ни къ чему путному не повело отцовское мгновенное раскаяніе. Что пользы отъ молніи во время ночной грозы? Ровно никакой! развѣ только послѣ ея появленія громъ начинается гремѣть, дождь усиливается да тьма ночная дѣлается темнѣе: отецъ пуще прежняго разсердился и задалъ хорошую колотушку и матери и брату,— конечно, матери языкомъ, а брату руками; за то онъ въ свою очередь, также съѣлъ грибъ отъ матери. Это уже въ порядкѣ вещей, что если даже изрѣдка вкрадывается въ туманную голову закоренѣлаго фанатика лучъ Божьяго свѣта, то онъ всячески старается прогнать его: потому и отецъ съ сердцемъ отвѣчалъ на справедливыя замѣтки матери.

— Прошу тебя, моя жена, впередъ не дури моей головы такими глупыми вопросами, къ чему намъ, евреймъ спрашиваю, знать, „почему нельзя“? Довольно съ насъ если раввины, цадики, строго—настрога, запрещаютъ. Я самъ моими глазами видѣлъ, какъ цадикъ швырнулъ въ огонь библію съ біуромъ и цѣлый тотъ день былъ въ себя отъ радости; я его никогда такимъ не видѣлъ. „Я, говоритъ, совершилъ сегодня богоугодное дѣло,— и ты, кажется, также знаешь, что, по повелѣнію здѣшняго раввина, ховошенько высѣли одного сшиботника и прогнали изъ сшибота, когда узнали, что онъ тайкомъ читалъ библію съ біуромъ“. На замѣчанія читателя, почему именно фанатики—невѣжды израильскіе такъ сильно негодуютъ противъ читающихъ эту священную книгу, прежде скажемъ, что негодованіе ихъ обращено исключительно только противъ читающихъ ее съ комментариемъ Мендельсона, гдѣ авторъ всячески старается, вопреки Медрешу и Талмуду, отыскивать прямой и ясный смыслъ словъ и предложеній, въ чемъ старыя раввины, привыкшіе къ темнымъ и кривымъ толкованіямъ своихъ меламдовъ, нашли профанацію божественныхъ словъ, и за что они произнесли надъ ними анаѣему. Нельзя при этомъ не

обратить вниманія читателя и на ту аналогію между папизмомъ и талмудизмомъ, что папой также какъ и раввинами, если не строже, запрещается мірянамъ читать эту священную книгу; причина запрета одна и таже....

— Еслибъ ты, моя жена, знала, продолжалъ отецъ, — что вслѣдствіе чтенія библіи съ біуромъ, нашъ сынъ, въ которомъ всѣ думали увидѣть раввина, что было бы источникомъ его счастья и нашей гордости, вступилъ въ раввинское училище, ты, я думаю, не спросила бы, что за бѣда, коли онъ читаетъ библію съ біуромъ?

— Какъ! онъ ходитъ въ раввинское училище? ошеломленная, спросила мать.

— Да, моя жена, уже два мѣсяца, какъ я узналъ объ этомъ ударѣ; я получилъ ядовитое письмо отъ нашего родственника N, но я все скрывалъ отъ тебя: авось, думаю, удастся кое-какъ тайкомъ, безъ твоего вѣдома, поправить дѣло и вырвать его оттуда. Тутъ онъ вынулъ изъ бокового кармана письмо на еврейскомъ жаргонѣ слѣдующаго содержанія и съ слѣдующею фразеологіею:

„Зная, что этимъ письмомъ я не буду въ твоихъ глазахъ хорошимъ вѣстникомъ, зная, что письмо это не будетъ для тебя тоже, что холодная-ключевая вода для истомленного жаждой въ аравійской пустынѣ, но, какъ масло пылающему пламени, какъ соленая вода умирающему отъ жажды, — я хотѣлъ было положить руки въ карманъ, пальцы мои положить на уста (молчать) и не писать тебѣ на счетъ твоего сына, для котораго ты, кажется, четыре года тому назадъ, въ твоёмъ письмѣ ко мнѣ искалъ моего покровительства и, что я, какъ подобаетъ близкому родственнику и истинному хасиду, хотѣлъ было исполнить, еслибъ твой сынъ только явился ко мнѣ. Но, припомнивъ стихъ: „если увидишь заблудшуюся овцу ближняго твоего, ты долженъ вывести ее на прямую дорогу;“ я подумалъ: коли овцу ближняго человекъ обязанъ спасти отъ гибели, тѣмъ паче исходящаго изъ чреслъ его. Поэтому, мой другъ, я сбросилъ съ рукъ оковы и дрожащими, словно въ ли-

хорадкѣ, руками взялъ перо писать тебѣ, что сынъ твой... Нѣтъ, не могу!... руки дрожать, ноги подкосились, глаза капаютъ слезами, когда вспоминаю, что сынъ моего родственника не находится въ ешиботѣ, какъ онъ полагаетъ, но страшно вспомнить— въ раввинскомъ училищѣ!! Ты, мой другъ, не смотри, что онъ ходитъ въ длиннополомъ кафтанѣ, какъ всѣ евреи, когда онъ прѣзжаетъ къ вамъ въ N; нѣтъ, увѣряю тебя, мой другъ, что у насъ въ Вильнѣ онъ ходитъ какъ всѣ рабинчуки—негодяи— въ короткомъ! Одно, мой другъ, меня удивляетъ, какъ же ты такъ позволилъ себя обманывать! Сейчасъ, какъ только онъ взялъ съ собою паспортъ съ метрическимъ свидѣтельствомъ, ты долженъ былъ смекнуть, что онъ ѣдетъ въ Вильну не для вступленія въ ешиботъ; вѣдь въ ешиботахъ никакихъ бумагъ не требуется. Больше новостей нѣтъ, надѣюсь, что ты, мой другъ, отложишь всѣ свои дѣла въ сторону и на орлиныхъ крыльяхъ придешь къ намъ въ Вильну спасти своего сына, какъ хочеть твой родственникъ и истинный другъ, желающій говорить съ тобою не посредствомъ легкаго пера, но лицомъ къ лицу, ртомъ ко рту“.

Речеть N малый, сынъ покойнаго р. М.

— Ну, мой сынъ, что запоешь послѣ этого пріятнаго письма?,—обратился отецъ къ брату сквозь слезы; правду сказать— ты намъ хорошую кашу заварилъ! Вотъ благодарность за то, что мы такъ лелѣяли, хранили, кормили, поили, обували побарски, самыхъ лучшихъ меламдовъ занимали для тебя! Казалось, труды наши не остались тщетными: ты уже зналъ около ста листовъ Гемаре *на палецъ* (1),—занимайся ты и доселѣ талмудомъ, зналъ бы— таки уже, я думаю, нѣсколько сотенъ листовъ, ты намъ принесъ бы честь и радость, самъ также остался бы въ барышахъ, ты могъ составить себѣ хорошую партію и

(1) Хедерское выраженіе.—Искусство состоитъ въ томъ, что меламедъ тыкаетъ въ Гемаръ пальцемъ, куда ни попало на какое нибудь слово, а ученикъ долженъ отгадать какое слово находится нѣсколькими листами дальше параллельно этому слову.

зашибить большое приданное. Вспомни, мой сынъ, что мнѣ уже—подъ сорокъ, пора, кажись, имѣть мнѣ хоть одного внука! Вѣрь, мой сынъ, что въ твоихъ лѣтахъ,—тебѣ вѣдь уже 19!,—въ такихъ лѣтахъ, слава Богу, былъ я уже отцемъ двухъ дѣтей; сжался надо мною, общайся не ѣздить въ Вильну и остаться въ N.! Теперь слава Богу, никто еще не знаетъ твоей гибели; мы схоронимъ концы твоего прежняго поступка въ воду, никто даже словомъ не пикнетъ. и скоро оженимъ тебя. Неужели тебѣ будетъ, мой сынъ, приятно, если я въ молодыхъ лѣтахъ сойду въ могилу? Я увѣренъ, что не перенесу этого страшнаго фамиліаго удара!!“

Братъ съ непоколебимымъ, но притворнымъ хладнокровіемъ, молчалъ.

— Что молчишь, невытая рожа твоя! закричалъ отецъ, говори, иначе я тебя сію минуту въ порошокъ сотру и по вѣтру развѣю! Говоря это, онъ уже сжалъ правую руку и хотѣлъ было нанести брату тяжеловѣсный ударъ, но послѣдній успѣлъ уклониться въ другую сторону.

— Позволь, батюшка, замѣтить тебѣ, началъ братъ, что ты кричишь и нападаешь на меня ни за что, ни про что. Кажется не мѣшало бы напередъ узнать, что тамъ за училище, какіе предметы въ немъ преподаются, какіе тамъ учителя и наставники, какая цѣль этого училища; авось грѣхъ мой еще не такой девяностошестой пробы и быть можетъ моимъ поступленіемъ въ раввинское училище я не осквернилъ нашей фамиліиной гордости.

— Смѣешь еще говорить?! оправдываться вздумалъ? разбойникъ ты эдакой, отцеубійца ты! Знать ничего не хочу, что тамъ за проклятое ваше училище и вѣдать не желаю.

На сцену появились пощечины и оплеухи.

— Бей сколько тебѣ угодно, но напередъ говорю тебѣ, что это ни къ чему удобному тебѣ не поведетъ. Развѣ я глупенькій годовалый ребенокъ и не понималъ прежде, что ты узнаешь о твоёмъ страшномъ фамиліиномъ ударѣ!? Вѣдь

шила въ мѣшкѣ не утаишь, слѣдовательно я заранѣе приготовился къ этой сценѣ, а все таки я рѣшился разъ навсегда, во чтобы то ни стало, не оставаться физическимъ и нравственнымъ уродомъ: ни ласками, ни жестокостью ты не собьешь меня съ дороги, по которой иду я. Благодаря Бога, я имѣлъ много времени, и предъ моимъ вступленіемъ, и въ продолженіи моего пятилѣтняго пребыванія въ училищѣ, думать и передумывать объ этомъ. Я тебя увѣряю, батюшка, еслибъ и ты не ѣздилъ такъ часто къ цадику, если бы ты умѣлъ, какъ слѣдуетъ заботиться о дѣтяхъ, ты, я увѣренъ, не считалъ бы фамильнымъ ударомъ извѣстіе, почерпнутое тобой изъ этого ядовитаго письма.

— То то день—деньской я кричу съ нимъ, вмѣшалась мать! Я все твержу: не будь такимъ закоренѣлымъ хасидомъ, посвяти, какъ подобаеть отцу, хоть минуточку твоимъ дѣтямъ, подумай, какъ поживаетъ въ Вильнѣ, безъ родныхъ, безъ знакомыхъ, твой сынъ. Но съ нимъ говорить тоже, что воду толочь; говорю, говорю, анъ глядь, онъ уже собирается къ цадику. О-го-го! Еслибъ онъ самъ трудился да зналъ, какъ трудно зарабатывать рубль! Боже мой! за рубль вѣдь приходится десять покупателей обмѣривать и обвѣшивать; я думаю, онъ бросилъ бы цадика. Я-то дура тружусь, бьюсь, какъ рыба объ ледъ; а онъ то-и-дѣло перетаскиваетъ къ цадику. Сколько разъ въ годъ, спрашиваю, нужно ѣхать къ цадику. Разъ, кажись, — и довольно. Моего отца, царство ему небосное, всякій, даже малютеа въ колыбели, зналъ за красиваго еврея; дай Богъ, моимъ дѣтямъ пользоваться такимъ именемъ и такимъ богатствомъ, а вѣдь онъ на всемъ своемъ вѣку ни разу даже не былъ у цадика.

— Авось прикажешь мнѣ, моя жена, вмѣстѣ съ твоимъ сыномъ поѣхать въ раввинское училище? Бѣдная!.. она трудится, бьется, какъ рыба объ ледъ, а я сижу, сложа руки!... Быть можетъ за то, что я часто бываю у цадика, за то, что не жалѣю для него денегъ, мы и живемъ, слава Богу, припѣваючи?

— Ради Бога, мой мужъ, перестань городить пустаки!.. Попробуй-ка пожаловать къ цадику безъ денегъ и, честное слово, онъ даже говорить съ тобой не станемъ.

— Замолчи, пожалуста! Вѣдь это не споръ? Ты все поешь свое, а я все таки буду дѣлать свое; я хорошо знаю, что намъ не убѣдить другъ друга. Поговоримъ-ка лучше насчетъ нашего сына, я утверждаю, что намъ и ему грозить погибель и въ настоящемъ и въ будущемъ свѣтѣ, если онъ будетъ продолжать ученіе въ раввинскомъ училищѣ. Ты, какъ любящая мать, всячески должна стараться удержать дома, а я, съ своей стороны, сдѣлаю свое.

— Я, мой мужъ, не знаю, что тамъ за училище и повтому ничего не могу говорить сыну; по моему, что за бѣда, если онъ учится?

— Я также не знаю, но заключаю объ ученикахъ этого училища по такимъ негодьямъ, каковъ новый казенный раввинъ, здѣшній смотритель, да учитель, которые воспитывались тамъ. Должно быть и всѣ тамошніе воспитанники такіе же негодяи!

Что ты, мой мужъ!? Бѣлены что-ли обѣлся? Ей Богу, грѣхъ тяжкій порочить такихъ людей!“

— Эка сочинила! Грѣхъ порочить такихъ людей! ха, ха, ха!...

— Кому вѣрить, ей Богу, не знаю! У насъ были вчера двѣ женщины просить милостыни для одного бѣднаго семейства; по ихъ словамъ, новый раввинъ не хуже стараго, если не лучше. „Онъ,“ увѣряли онъ, „готовъ отдать послѣдню копѣйку бѣдному“.

— Не грѣши, не грѣши, моя жена! Ты вѣришь всему что бабы мелютъ! Увѣряю тебя, что и раввинъ, и смотритель, и учитель всѣ трое—негодяи первой руки!

— Чѣмъ же, примѣрно, новый раввинъ хуже стараго раввина?

— Ты спрашиваешь, чѣмъ онъ хуже стараго раввина? Даже дитя въ люлькѣ знаетъ, что до прибытія этихъ не-

годяевъ къ намъ въ N, благодаря Бога, насчетъ мелаамдовъ мы были обезпечены. Въ С. . . только двѣ темныя личности выдержали экзамень, и то съ грѣхомъ по поламъ на званіе мелаамдовъ, тогда какъ у насъ было до сорока мелаамдовъ. Теперъ же этотъ негодяй смотритель строго—на—строго наблюдаетъ, чтобы безъ прописки вида никто не осмѣлился мелаамедничать.

— Онъ никогда не отвѣчаетъ, какъ слѣдуетъ! я говорю нащеть раввина, а онъ толкуеть о смотрителѣ.

— Все равно раввинъ или смотритель, оба они негодяи, оба они изверги. Сердце престаеть биться, когда вспомню какъ жестоко новый смотритель поступилъ съ р. Тодресомъ-мелаамдомъ!

— Чтожь тамъ такое ужасное случилось?

— Р. Тодресъ-мелаамедъ отправился къ смотрителю въ домъ, поклонился въ поясъ; сжалтесь, говорить, либеръ геръ смотритель, надо мною, надъ несчастнымъ отцомъ шести дѣтей-малъ-мала меньше и не лишите моего жалкаго семейства послѣдняго, горькаго куска-хлѣба, позвольте мнѣ продолжать мое несчастное занятіе, какъ прежде безъ прописки вида. Я ужъ, слава Богу, занимаюсь этимъ дѣломъ не одинъ пятокъ лѣтъ, а повѣрьте мнѣ, что даже въ глаза не видѣлъ этихъ видовъ. Хотя разъ пріѣхалъ къ намъ въ № смотритель-С. . . каго, еврейскаго училища для осмотра нашихъ хедеровъ, но до насъ—мелаамдовъ пріѣздъ его ничуть не касался,—мы продолжали учить по прежнему. Что касается ревизора, это дѣло уладилъ одинъ еврей, умѣющій кое-какъ болтать по польски; онъ зашелъ къ смотрителю (само собою разумѣется, съ *синимъ* рекомендательнымъ письмомъ), поцѣловалъ у него руку, сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ по польски: „Пани совѣтника, мы за пани добродзеи, пану Боги бендзіемъ просиць“ и прочее—въ этомъ родѣ, и смотритель воротился во свояси, не завернувъ даже ни къ одному мелаамду въ хедерь. Теперъ же, охъ, охъ, охъ! . . . во всѣхъ училищахъ

либо русскіе, либо, не во гнѣвъ будь сказано, еврейскіе смотрители, которыхъ не умолишь ни поцалуями, ни ласковыми словами, ни... но я возвращаюсь къ просьбѣ р. Тодреса: хотя этотъ эпикуреецъ смотритель и былъ тронуть его просьбой, но это ни къ чему не повело,—онъ только назначилъ ему отсрочку, съ тѣмъ чтобы р. Тодресъ выучился по ихнему. Сколько времени, говоритъ, понадобится для васъ, чтобы приготовиться къ экзамену на званіе меламда. Лучше приготовитесь и тогда будетъ меламедничать, никого не боясь. Услышавъ это р. Тодресъ заплакалъ. Посудите сами, говоритъ, какъ мнѣ, человѣку, сьяздѣтства занимающемуся исключительно только святыми, религіозными книгами, теперь почти на старости лѣтъ начать учиться по христіански!?!.. Не будетъ ли это даже грѣхъ предъ Богомъ?! Смотритель пожалъ плечами и слегка засмѣялся,—будто Богъ вѣсть, какую чушь р. Тодресъ сказалъ ему, и началъ доказывать, что заниматься по христіански нисколько не грѣшно, а по русски—даже обязательно для каждаго еврея, потому что это господствующій языкъ. На замѣчаніе р. Тодреса: „въ такомъ случаѣ придется мнѣ платить учителю, а у меня, ей Богу, нѣтъ и гроша лишняго, отвѣчалъ онъ.“ Сдѣлайте одолженіе, продолжалъ смотритель, если вамъ угодно, приходите ко мнѣ на домъ каждый вечеръ на часъ, и я съ удовольствіемъ буду съ вами заниматься. Кто ихъ знаетъ, какая прибыль имъ отъ того, что они такъ навязываются всѣмъ съ этимъ русскимъ языкомъ!

— Нѣтъ, либеръ геръ смотритель, я бы хотѣлъ сейчасъ научиться русскому, нѣмецкому языкамъ и ариѳметикѣ; мнѣ эта наука скоро дается, вѣдь у меня талмудическая головка! „Какой вы, право, возразилъ смотритель, то надъ чѣмъ люди трудятся цѣлые годы, вы думаете изучить въ одинъ присѣсть? А когда меламедъ сказалъ ему, что онъ согласенъ просидѣть у него хоть цѣлый день, онъ расхохотался до упаду и сказалъ: нѣтъ, милостивый государь, я могу помочь вамъ развѣ только деньгами. Какъ вамъ

угодно, это не моя воля, а воля правительства, которую я долженъ свято исполнять. А главная цѣль его совершенно извести меламдовъ и заставить всѣхъ дѣтей ходить въ училище. Гдѣ это слыхано, гдѣ это видано, чтобы въ синагогѣ, въ Божьемъ домѣ говорили рѣчи на русскомъ языкѣ!.. Боже мой, Боже мой! цадикъ, узнавши объ этомъ, плакалъ плачемъ годовалаго ребенка.

— Такъ чтожь ты, мой мужъ, намѣренъ дѣлать?

— Какъ что? поѣду къ цадикю, онъ поможетъ этому: „его слово—лѣкарство.“

— Опять къ цадикю? Я впередъ знала, что изъ этого выйдетъ предлогъ на путешествіе къ цадикю. Одинъ Богъ знаетъ, какое теперь у насъ трудное время, я тебѣ говорю: *если разтѣжешь грошъ, то кровь поидетъ!* Ъзда твоя къ цадикю на пасху стоила нѣсколько десятковъ рублей, а теперь опять тудаже? Вспомни, что состояніе наше не Ротшильдовское. Если, мой мужъ, не престанешь ѣздить къ „*доброму сврею,*“ то скоро придется намъ съ сумой таскаться по міру. Послушай, мой мужъ: что *Богъ напечаталъ, того не миновать.*“

— Ахъ вы женщины, женщины! Въ томъ то вся и бѣда, что вы никогда не бываете у цадиковъ. Будь ты хоть разъ у цадика, ты бы помнила его изреченіе: „Богъ опредѣляетъ, а цадикъ разрѣшаетъ.“

— Ей Богу, мой мужъ, ты чуть ли не сошелъ съ ума! Цадикъ поможетъ тебѣ! А сколько помогъ Л-еній цадикъ своему собственному горю, когда у него крестился сынъ?.. А наша бѣда, кажется, еще не такъ велика. По мнѣ, мы какъ любящіе родители, должны поощрять сына, всячески должны, на сколько мы въ состояніи, помогать ему. Межь нами, ты, мой мужъ, ничего не дѣлаешь, а все бремя семейныхъ и житейскихъ заботъ свалилъ на меня, женщину больную, дряхлую, которая уже чуть ноги передвигаетъ. Мнѣ уже не въ моготу болѣе трудиться, тѣмъ болѣе въ старости лѣтъ. Если Богъ дастъ доживемъ до старости,

то некуда будетъ и главу приклонить: цадикъ, повѣрнѣ, и куска хлѣба тебѣ не дастъ; вѣдь знаешь поговорку: кто беретъ, тотъ не даетъ; а у сына скорѣ найдешь себѣ уголокъ; примѣрно, казенный раввинъ, говорятъ, почти все свое жалованье отсылаетъ своимъ бѣднымъ старикамъ.—

Отецъ вздохнулъ мѣхомъ кузнечнымъ. Прошу васъ, читатель, не ставитъ меня рядомъ съ тѣми пресловутыми реформаторами, которые кричатъ: долой талмудъ! прочь вредный старикъ! а сами столько смыслятъ въ талмудѣ, понимаютъ его вредъ, сколько природный слѣпой можетъ судить о различіи одного цвѣта отъ другаго, или насколько тѣже самые господа смыслятъ въ еврейскомъ вопросѣ, который они берутся рѣшать. Эти близорукіе реформаторы не понимаютъ, что тѣми общими мѣстами, которыми они вооружаются противъ талмуда и которые, къ слову сказать, безъ помощи ешиботниковъ имъ недоступны, — они не только не уменьшаютъ, но наоборотъ увеличиваютъ достоинство его въ глазахъ всѣхъ здравомыслящихъ людей. Нѣтъ, читатель! я отнюдь не хочу приводимыми мною мѣстами изъ талмуда показать вамъ вредъ его и такимъ образомъ примкнуть къ этимъ реформаторамъ; въ такомъ случаѣ я былъ бы похожъ на чело-вѣка, который бросаетъ грязью въ свою старушку няньку, которая лелѣяла его нѣсколько лѣтъ. Я для того только приводилъ нѣкоторыя изъ талмуда, мѣста которыя читатель встрѣтилъ и, надѣюсь, встрѣтитъ, дабы этимъ показать, что хасиды—страшные буквоѣды и что въ талмудѣ сказано аллегорически, они понимаютъ буквально, основываясь напримѣръ, на афоризмъ: „Богъ опредѣляетъ, а цадикъ разрѣшаетъ.“ Одинъ шарлатанъ—цадикъ, во время праздниковъ, когда обыкновенно собирается у него много народа, за неимѣніемъ другихъ чудесъ, которыми могъ бы удивить своихъ поклонниковъ—хасидовъ, взялъ стаканъ воды и вилъ воду одному семидесятилѣтнему старику—хасиду подъ воротникъ. Изъ цѣлой толпы вызвался одинъ смѣльчакъ и спросилъ шарлатана: „ребѣ, что, дескать, это

значить?“ „Видите, сыны Израиля, съ благоговѣнїемъ отвѣчалъ цадикъ, поднимая глаза вверхъ, — ангель огни настаивалъ предъ Богомъ, чтобы Онъ позволилъ ему уничтожить огнемъ орного хасида; Богъ уже согласился, но теперь опасность минула, сказалъ онъ обращаясь къ старику-хасиду: этимъ стаканомъ воды я успѣлъ затушить пожаръ. Само собою разумѣется, что въ награду за трудъ, шарлатанъ-цадикъ получилъ порядочный кушъ, такъ называемый *pidionъ* (выкупъ).

Принятое рѣшеніе, ѣхать къ цадикѣ, крѣпко засѣло въ головѣ моего отца и цѣлый тотъ день онъ всячески старался уговаривать мать, чтобы она позволила ему совершить это святое путешествіе, но мать отказала наотрѣвъ. Зная навѣрное, что ее не уломаешь, отецъ пересталъ болѣе говорить объ этомъ, а только горькими слезами облегчал свое горе, да вечеромъ тогоже дня, не внимая мольбамъ и воплямъ матери, отецъ немилосердно въ другой разъ избилъ брата чѣмъ попало и куда попало—за обиду, нанесенную имъ шарлатану цадикѣ, причитывая при томъ: я тебѣ зажму ротъ, я тебя научу, какъ нужно говорить, о цадикахъ предъ чужими людьми.“ Братъ безпрекословно, безропотно перенесъ пытку и только сказалъ: бей сколько тебѣ угодно, на то твоя отцовская воля; но впередъ говорю тебѣ, что такова ужъ моя натура — никакъ не могу гнуть спину, чтобы не обидѣлись карлики.

Нельзя сказать, чтобы у насъ—у евреевъ былъ недостатокъ въ меценатахъ (конечно на словахъ), которые сочувствуютъ еврейскому образованію. Попробуйте-ка, читатель, поговорить съ инымъ евреемъ на счетъ теперашняго состоянія евреевъ (конечно не со всякимъ), и вы услышите зазубренную имъ фразу: „ничего, ничего! и на нашъ горизонтъ взойдетъ солнце, и мы со временемъ сравнимся со всѣми европейскими народами. Къ чему спѣшить? Время возьметъ свое, времена переменяются и характеръ людей съ ними: видно, покуда еще не ударилъ часъ воли Божей“ и т. д. Эти господа забываютъ, что пока сол-

нышко взойдетъ на ихъ горизонтъ, роса можетъ глаза вы-
ѣсть; они не понимаютъ, что въ этомъ утѣшительномъ
„современемъ“ закваска всѣхъ бѣдъ, что это „современемъ“
не признаетъ надобности спѣшить на встрѣчу этому бла-
женному времени, это „современемъ“ не даетъ даже еврею
съ свѣтлымъ умомъ ударить палецъ объ палецъ въ пользу
этого времени. Время, конечно, беретъ свое; время
привело евреевъ и къ теперашнему состоянію, время—лѣ-
карство; но кто не согласится, что съ лѣкарствомъ нужно
умѣть обходиться? Самое главное—нужно употреблять
лѣкарство; а если оно не будетъ употребляемо пациентомъ,
Богъ вѣсть, до коихъ поръ больной пролежитъ на своемъ
одрѣ!! При видѣ того факта, что въ нашемъ раввинскомъ
училищѣ обучается значительное число воспитанниковъ
и что ежегодно цифра воспитанниковъ увеличивается,—
эти господа, съ самодовольной улыбкой, восклицаютъ: вотъ
какъ шибко идетъ образованіе у евреевъ! просто, исполни-
скими шагами! вотъ какъ охотно посылаютъ родители сво-
ихъ дѣтей въ училище! Нѣтъ, читатель, вы жестоко оши-
бетесь, если думаете, что всѣ эти бѣдныя поступаютъ
ст. позволенія своихъ родителей и слѣдственно получаютъ
отъ своихъ родителей какое нибудь вспомошествованіе.
Вообразить себѣ не можете, сколько трудовъ стоитъ каж-
дому изъ этихъ бѣдняковъ поступленіе въ училище и сколь-
ко разнообразныхъ угнетеній, преслѣдованій, сколько тя-
желыхъ страданій каждый изъ нихъ претерпѣваетъ, даже
поступивши уже въ училище! Не можете представить
себѣ и того, сколько горькихъ слезъ проливаютъ ихъ ро-
дители, когда узнаютъ, что сыны ихъ не находятся въ ка-
комъ нибудь ешиботѣ, а въ раввинскомъ училищѣ. Сло-
вомъ, внутренняя, закулисная сторона этого явленія вамъ
неизвѣстна. Для образчика, могу представить знако-
маго ученика, сына не богатыхъ, но и не бѣдныхъ ро-
дителей, который въ теченіи цѣлаго года щеголялъ въ
черной, какъ голенище, рубахѣ за неизмѣнимъ другой пе-
ремѣны. Кромѣ черстваго куска хлѣба (и то не всегда), онъ

ничего не ѣлъ⁽¹⁾. За неимѣніемъ квартиры⁽²⁾, бѣдняга, съ фонаремъ въ рукѣ, долженъ былъ гулять по улицамъ, и въ случаѣ дождика или вьюги, завернуть хоть въ вокзалъ бангофа. Однажды и случись съ нимъ маленькая исторія: на привѣтливое замѣчаніе сторожа „гей жидъ, чего тебѣ здѣсь такъ поздно надобно?“ нашъ лунатикъ дрожащимъ отъ холоду и голоду голосомъ отвѣчалъ: „жду петербургскаго поѣзда; „эхъ, ты мазурикъ, ѣдакой, гаркнулъ сторожъ,—ишь ты его, петербургскаго поѣзда ждешь! изъ Петербурга, кажись, машина приходитъ въ 12 часу, а теперь, слава тѣ Господи, половина втораго. Высказавъ эту истину, онъ вытолкалъ лунатика. Нѣтъ, подумалъ онъ, ужъ видно больше не приходится валандаться по ночамъ. Справедливо говорятъ люди: „голь на выдумки хитра,“ голышъ нашъ вотъ что подумалъ: на постоялыхъ дворахъ стоятъ фурманскія телеги, дайка заѣзду въ одну изъ нихъ и буду себѣ преспокойно спать. Но и этотъ способъ былъ вѣременъ и обошелся ему больно

(1) За весьма скудное число фунтовъ хлѣба, которые получаютъ, тысячи „спасибо“ ученикамъ высшихъ классовъ нашего училища: они учредили благотворительное общество въ пользу бѣдныхъ учениковъ,—но что значать 8 фунтовъ хлѣба, которые можетъ общество давать одному человѣку, въ недѣлю?!

(2) Намъ очень и очень приятно заявить, что описываемое нами явленіе жалкаго положенія учениковъ раввинскаго училища скоро будетъ считаться анахронизмомъ и перейдетъ въ область преданій. Благодаря почину нашего многоуважаемаго директора Н. П. Собчакова, почетнаго блюстителя А. Лебенсона и училищнаго инспектора Х. Л. Каценелсбуйгена, при нашемъ училищѣ учреждается въ ознаменованіе известнаго событія 4-го апрѣля, приютъ для бѣдныхъ учениковъ, которые живутъ гдѣ случится и терпятъ крайнюю бѣдность, со всеми ея невыразимыми атрибутами. Горчее и сердечное спасибо возымѣнимъ такую благотворительную мысль; спасибо великое и тѣмъ (къ сожалѣнію, можно ихъ перечислить по пальцамъ) изъ нашихъ единовѣрцевъ, которые сочувственно относилась къ столь полезному начинанію и не поскупились на жертвованія. Остается только желать, чтобы довольно скромное доселѣ число жертвователей возрасло до болѣе приличной цифры, чтобы каждый еврей, кому еврейское образованіе дѣйствительно близко къ сердцу, не смотрѣлъ на это дѣло, какъ на чужое, а напротивъ, старался бы по своимъ средствамъ содѣйствовать ему и такимъ образомъ подвинуть къ осуществленію ашшего *pinus desiderium*.

дорого; лишь только онъ залѣзъ въ телегу и только что съезжился, зарылся, залѣзъ въ солому и хотѣлъ уже заснуть паславу, какъ на бѣду, еврей—фурманъ за чѣмъ-то полѣзъ въ свою фуру, увидѣлъ спящаго и что мочи закричалъ: *ше-ма израиль!* (1) Бѣдняжку обуялъ страхъ, онъ потихоньку выкарабкался изъ фуры и далъ тягу, но фурманъ пустился въ догонку за нимъ и кричалъ: стой воръ! Гвалтъ! Ученикъ остановился и растолковалъ ему, въ чемъ дѣло.

— Врешь, воръ: ты обокрасть меня хотѣлъ.

— Помилуйте, любезный, вѣдь въ телегѣ кромѣ горсти соломы ничего нѣтъ?

— Я ничего не знаю, ты воръ и больше ничего, и давай колотить его.

— Нѣтъ, любезный, — въ вокзалѣ гораздо человѣчиѣ поступили со мною, дали мнѣ толчекъ, но только одинъ, а ты, проклятая борода, перестать не думаешь? Нѣтъ, ужъ теперь моя очередь, я тебѣ, борода, задамъ хорошую колотушку (онъ извольте видѣть не изъ большаго десятка); сказано, сдѣлано. Хватилъ фурмана и повалилъ его камнемъ о землю, и давай молотить его кулаками.

— Геѣ, свреи, евреи, вопилъ побѣжденный, скорѣй сюда на помощь! На дворѣ воръ, разбойникъ. Но пока евреи успѣли явиться на призывъ битаго, побѣдитель нашъ былъ таковъ.

Да, читатель, положеніе учениковъ раввинскаго училища больно-жалко. Впрочемъ не думайте, что евреи не поддерживаютъ учениковъ, оставляютъ въ безнадежно-жалкомъ положеніи только по милости своей скупости и непомѣрной своей жадности къ деньгамъ: они только себѣ на умѣ, мастера больше наживать, а помочь бѣдному не ихъ дѣло. Нѣтъ, нѣтъ, повторяю я тысячу разъ. На дѣла благотворительности они не скупы, даже можно сказать тороваты; еврейскія деньги, какъ бы изъ рога изобилія,

(1) Формула одной молитвы, которую еврей читаетъ во время страшнаго испуга.

сыплются на разнаго рода благодѣтельныя статьи, которыя, мимоходомъ замѣтимъ, приносятъ иногда вмѣсто пользы громадный вредъ. А если въ отношеніяхъ къ ученикамъ проявляется такая дисгармонія, то въ этомъ виновенъ одинъ только фанатизмъ. Онъ даетъ подкладку всѣмъ ихъ дѣйствіямъ, онъ одинъ только служитъ ключемъ къ разрѣшенію многихъ загадочныхъ явленій въ быту нашихъ евреевъ.

Чтобы наши слова не показались безъосновательными, попросимъ чатателя завернуть въ еврейскій домъ, въ еврейскую синагогу, и посмотрѣть, сколько кружескъ тамъ набито, и на каждой изъ нихъ красуется пергаменный ярлыкъ съ обозначеніемъ, какой цѣли (это не наше дѣло филантропической ли, мизантропической ли) соотвѣтствуетъ. Не мѣшаетъ также взять во вниманіе, сколько въ каждомъ городѣ находится тунелдцевъ, такъ называемые, *армбахуровъ*, — а у насъ въ Вильнѣ просто можно составить изъ нихъ цѣлую армію, на которыхъ расходуются изъ бѣднаго израильскаго народа исполнскія суммы. Замѣтимъ въ скобкахъ, что эти армбахуры, справедливо говоря, зарабатываютъ свой кусочекъ хлѣбца нелегко: трутъ хрѣнъ для благодѣтелей, чистятъ сапоги (для либераловъ), по пятницамъ, ходятъ за виномъ, добываютъ кошекъ для истребленія мышей въ домахъ хлѣбосоловъ. Сколько нищихъ въ нашемъ городѣ, которые покою не даютъ встрѣчному и поперечному, словно отовсюду ихъ согнали въ нашъ городъ. Какъ они живутъ, не намъ знать, но могу увѣрить васъ, что бываютъ такіе, у которыхъ во всякое время можно достать нѣсколько сотъ рублей, конечно, на процентъ, и даже очень мало такихъ, у которыхъ нельзя достать.

— Хоть теперь и выпало на мою долю познакомить читателя съ тѣмъ громаднымъ, матеріальнымъ вредомъ, который евреи хасиды терпятъ отъ этихъ *счастливецовъ* — цадиковъ, чего я, признаться, всегда жаждалъ и хотѣлъ бы описать праздникъ, когда цадикъ сидятъ въ своихъ

логовищахъ, и какою-то магическою силою притягиваютъ къ себѣ поклонниковъ—хасидовъ, даже изъ-за 500 верстъ, или обрисовать то страшное опустошеніе, которое производится въ еврейскихъ селеніяхъ послѣ появленія этихъ хищныхъ волковъ, но я принужденъ на этотъ разъ молчать. Не то, что я ихъ мало знаю; нѣтъ, я ихъ знаю. Всквозь, я уже успѣлъ выучить даже ихъ наизнанку, но отдѣлаться отъ такого неизчерпаемаго предмета, — какъ это нѣкоторые господа сдѣлали, — нѣсколькими лишь фразами, совѣстно. Поэтому, оставляю эту работу до поры до времени; „когда либо“ лучше чѣмъ „никогда“.

Л. М. Кокутъ.

(Окончаніе впредь.)

УСПѢХИ ПРАРОСЛАВІЯ ВЪ СЪВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ОСВЯЩЕНІЕ ВЕРХОВИЦКАГО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАГО КОСТЕЛА ВЪ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ 1867 Г. 24 ПОЛІА, И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ ЭТОГО ТОРЖЕСТВА.

Верховицкій Троицкій костель построенъ въ 1619 году вмѣстѣ съ верховицкою Св. Николаевскою церковью брестскимъ воеводою Василюемъ Коптею. До этого времени м. Верховичъ, и все пространство на 6 — 7 верстъ во всѣ стороны отъ Верховичъ, занимаемое теперешнимъ православнымъ верховицкимъ приходомъ, самымъ большимъ въ брестскомъ уѣздѣ, сплошь покрыто было лѣсомъ, надо полагать, изъ лучшихъ древесныхъ породъ, судя по качеству почвы и по оставшимся кой-гдѣ, среди богатыхъ нивъ, маленькимъ „лѣскамъ и лѣсочкамъ“. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышаются обѣ святыни и раскинулось м. Верховичи, до 1619 года находилась домъ лѣсной стражи, который назывался *Верхи*, — отсюда и названіе мѣстечка и прихода — Верховичи. По преданію, какъ

церковь, такъ и костелъ построены изъ дѣснаго матеріала, тутъ же на мѣстѣ нарубленнаго и приготовленнаго. Отъ такого далекаго времени зданіе бывшаго костела еще сохранилось доселѣ цѣлымъ, здоровымъ и прочнымъ, такъ что, прослуживши латинянамъ безъ двухъ лѣтъ два столѣтія съ половиною, оно еще простоятъ многіе десятки лѣтъ русскимъ православнымъ храмомъ. Очищенная отъ вѣковыхъ дѣсныхъ зарослей страна заселена народомъ изъ Волини.

Вотъ коротенькія свѣдѣнія о томъ, когда и какъ образовались православный и латинскій верховицкіе приходы, сообщенныя мнѣ настоятелемъ верховицкой Св. Николаевской церкви. Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ церковныхъ и костельныхъ документовъ. Но провѣрить ихъ и собрать новыя болѣе подробныя и обстоятельныя, при всемъ моемъ желаніи, я не могъ, потому что всѣ документы, хранившіеся при костелѣ, съ закрытіемъ его, вывезены вмѣстѣ съ дѣловыми приходскими бумагами и другимъ костельнымъ имуществомъ въ Высокое, а отсюда, очень можетъ быть, важнѣйшія бумаги препровождены въ Брестъ къ римско-католическому декану. Что же касается церковныхъ документовъ, то они еще въ 1846 г., по требованію гродненской палаты государственныхъ имуществъ, отсланы туда для какихъ-то справокъ, по случаю отшедшаго въ казну церковнаго имѣнія, и до сихъ поръ *еще не возвращены*.

Такимъ образомъ, достовѣрно извѣстно только то, что начало верховицкому приходу положено въ 1619 г. построеніемъ Св. Николаевской церкви и переселеніемъ въ прихожане къ ней крестьянъ изъ Волини. Когда отстроилось и какъ заселилось жидами мѣстечко Верховичи, ничего объ этомъ неизвѣстно на мѣстѣ; надо полагать—не раньше половины XVII вѣка, уже послѣ того, какъ вся окрестная страна, очищенная отъ дѣса, усыялась новыми деревнями переселенцевъ — волянцъ, панскими усадьбами и мызами, что очевидно, потребовало не мало времени, не могло устроиться въ нѣсколько лѣтъ. Исторія образованія мѣстечка Верховичъ и постепеннаго заселенія его, единственнымъ уже XVII в. торговымъ классомъ въ западной Россіи, евреями, по всей вѣроятности, обща съ исторіею другихъ еврейскихъ мѣстечекъ. А исторія эта такого рода: какъ только евреи провѣдаютъ, что мѣсто при вновь отстроенной церкви или костелѣ представляетъ собою выгодный пунктъ для торговыхъ оборотовъ,—они, въ видѣ пробы, сначала въ „корчмѣ“

непремѣнной сосѣдкѣ каждой церкви и cadaго костела (*)— и потомъ при „корчмѣ“ устраиваютъ мелочную лавочку, а при ней что-то похожее на человѣческое жилище, потомъ другую лавочку, чрезъ нѣсколько времени третью и т. д., — проходить годъ — два, и почти незамѣтно для посторонняго глаза на картѣ западной Россіи оказывается больше противъ прежняго однимъ жидовскимъ гнѣздомъ, уже успѣвшимъ выхлопотать себѣ права на существованіе и разныя привилегіи отъ польскихъ королей и „ясневельможныхъ“ пановъ и прибрать къ своимъ рукамъ крестьянъ сосѣднихъ деревень. Такимъ-то путемъ, по всей вѣроятности, стали мѣстечкомъ Верховичи. Чѣмъ выгоднѣе въ мелочной торговлѣ избранный для мѣстечка пунктъ, тѣмъ быстрѣе и въ большихъ размѣрахъ оно застраивается и плотнѣе заселяется этимъ племенемъ. Верховичи, одно изъ самыхъ маленькихъ и чистенькихъ мѣстечекъ въ Бресткомъ уѣздѣ, лежитъ на самой сѣверной окраинѣ его, въ 50 верстахъ отъ своего уѣзднаго города. Чище другихъ мѣстечекъ оно потому, что меньше здѣсь евреевъ, а мало населено еврейскимъ племенемъ потому, что со всѣхъ четырехъ сторонъ окружено въ очень близкомъ отъ себя разстояніи мѣстечками, какъ то: Каменцемъ (въ 20 верстахъ), Высоколитовскомъ (въ 10 в.), Клецеями (въ 14 в.) и Орлею (въ 27 верстахъ), и имѣеть въ видѣ опасныхъ конкурентовъ и по этой причинѣ не можетъ успѣшно въ большихъ размѣрахъ вести своей мелочной торговли. Сюда прѣзжаютъ за покупками и привозятъ для продажи разные хозяйственные продукты только прихожане верховицкой церкви и очень немногіе изъ близкихъ деревень сосѣднихъ приходовъ: версоцкаго, омеленецкаго, половецкаго, войсковскаго и любавскаго. Отъ польской приверховицкой шляхты, которая теперь повально, за немногими исключеніями, страдаетъ безденежемъ, дохода въ послѣдніе годы было немного, а съ закрытіемъ костела стало еще меньше. Всѣ паны дѣлаютъ теперь покупки въ Высокомъ или Каменцѣ, куда они, за неимѣніемъ своего костела, ѣздятъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ своимъ богослуженіямъ.

Что касается дальнѣйшей исторіи верховицкихъ святыхъ— св. Николаевской униатской церкви и св. Троицкаго латинска-

(*) Пригѣч. Въ сѣверо-западной Россіи, почти при каждой церкви, въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ нея, вы найдете корчму.

скаго костела,—послѣ того какъ они были отстроены; то повѣсть о ней дѣло совершенно излишнее для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ гражданской и церковной жизнію сѣверо-западнаго края, послѣ того какъ люблинская (1596 г.) унія стала совершившимся фактомъ. Верховицкій костель, безъ всякаго сомнѣнія, за одно съ другими приходскими костелами и кляшторами трудился надъ ополячиваніемъ и олатиниваніемъ всего, что только жило русскою православною жизнію. Считаемо неумѣстнымъ и несвоевременнымъ распространяться здѣсь о кровавыхъ подвигахъ и темныхъ дѣлахъ римской миссіи въ нашемъ краѣ вообще и въ частности въ Бресткомъ уѣздѣ;—это было бы повтореніемъ всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, или хотя и неизвѣстныхъ, но въ общихъ чертахъ схожихъ съ извѣстными. Замѣтимъ только одно, что плоды трудовъ польской пропаганды, какъ безнравственные, не благословлены небомъ.

Отъ общаго обратимся къ частному и посмотримъ, много ли душъ изъ простаго русскаго народа верховицкій и другіе, находящіеся, напримѣръ, въ бресткомъ уѣздѣ, костелы успѣли притянуть къ себѣ изъ „схизмы“ и записать въ число своихъ прихожанъ? Прямымъ отвѣтомъ на это могутъ служить результаты прошлагодняго распоряженія о закрытіи въ сѣверо-западномъ краѣ тѣхъ костеловъ, которые имѣютъ очень ничтожное количество прихожанъ и слѣд. существуютъ для прихоти немногихъ. Въ силу этого распоряженія въ Бресткомъ уѣздѣ изъ 10 существовавшихъ приходскихъ костеловъ закрыто шесть, а именно: ставскій, волчинскій, токарскій, (вилянскій), верховицкій, меличинскій и морозовскій и еще „каплица“ хлевисшкая. Остались только костелы: брестскій, каменецъ-литовскій и высоко-литовскій.

Верховицкій костель закрытъ 1-го мая 1866 г. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ немъ насчитывалось прихожанъ только нѣсколько десятковъ душъ обоюга пола; если бы не сосѣдняя польская шляхта и дворовые люди, то весь приходъ ограничился бы ксендзомъ, семействомъ органиста и ксендовскою прислугой. Нигдѣ, быть можетъ, не было такъ кстати и не требовалось такъ настоятельно закрытіе костела, какъ въ м. Верховичахъ. Верховицкій костель для латинянъ былъ только роскошью, а не дѣломъ необходимости, какъ мы видѣли сейчасъ только, между тѣмъ какъ православный верховицкій приходъ, состоящій изъ двухъ причтовъ и насчитывающій

500 дворовъ своихъ прихожанъ, крѣпко нуждался въ другой церкви. Еще въ будніе дни пополамъ съ бѣдою обходились съ одною церковью; но и въ эти дни мѣстному духовенству иногда приходилось очень трудно особенно съ наступленіемъ осени и зимы, когда обоямъ священникамъ почти ежедневно приходится служить заказныя обѣдни, одному изъ нихъ каждый разъ приходилось ѣхать, не смотря на невзгоду: дождь, бурю, морозъ, вьюгу, въ приписную къ Половецкому приходу церковь хлевещскую, находящуюся въ 4—5 верстахъ отъ Верховичъ, чтобъ совершить Богослуженіе. Въ воскресенье же и праздничные дни изъ пяти тысячъ душъ едва половину своихъ прихожанъ могла вмѣщать въ себѣ св. Николаевская церковь; остальные принуждены были стоять всю обѣдню на церковномъ погостѣ, терпя зимою холодъ, а лѣтомъ вынося жаръ или промокая до костей. Благодаря такому большому неудобству случалось, что многіе изъ опоздавшихъ крестьянъ, не вмѣстившись въ церковь, шли въ 50—70 шагахъ отъ церкви стоящій костель, гдѣ и назидались латинскою миссою, польскими „казаніями“ и игрою органа, а другіе, еще хуже и поворотѣ, отправлялись въ корчму.

Сообразивши всѣ эти неудобства для причта и прихожанъ верховицкой церкви, происходившія вслѣдствіе того, что у нихъ не было до сихъ поръ другаго храма, можно понять, съ какимъ *единодушіемъ* приступлено съ обѣихъ сторонъ было къ внутренней перестройкѣ бывшаго костела на церковь, когда онъ поступилъ въ вѣдѣніе мѣстнаго приходскаго духовенства. Непосредственно приступили къ сбору добродетельныхъ подаяній: всѣ прихожане съ охотою давали на церковь, кто что могъ, и въ теченіе года собрано было 900 р. с., что составить среднимъ числомъ со двора почти по два рубли сер. Не забудемъ, что верховицкіе прихожане полгода раньше предъ тѣмъ произвели капитальную починку своей св. Николаевской церкви, стоившую имъ, не смотря на пособіе отъ правительства, около 1000 р. с.,— чтобы достойно оцѣнить ихъ христіанское усердіе къ благолѣпію своихъ храмовъ. Въ числѣ другихъ добродетельныхъ жертвователей, кромѣ крестьянъ, заслуживаютъ быть упомянутыми: правитель имѣнія Копылы коллежскій ассесоръ Валеріанъ Фридриховичъ Нарбутъ и священникъ верховицкой церкви о. устинъ Кульчицкій; первый пожертвовалъ триста руб. с. на внутреннее украшеніе храма и весь лѣсной матеріалъ на ограду

церковную, второй—сто руб. с. Остальные члены мѣстныхъ церковныхъ причтовъ тоже своей посильною лептою подавали своимъ прихожанамъ достойный подражанія примѣръ. Нельзя при томъ не воздать благодарности также мѣстному церковному старостѣ и приходскому совѣту, оказавшимъ особенное усердіе при этомъ дѣлѣ: они занимались сборомъ денегъ и ревностно помогали своему приходскому священнику. Общее дѣло *во славу Божию* успѣшно подвигалось впередъ и къ концу іюня мѣсяца нынѣшняго года перестройка бывшаго св. Троицкаго костела въ церковь пришла къ концу. Въ Верховичахъ словно ясная заря въ лазуревой небесной выси затеплилась лампадой предъ Господомъ отъ вѣрныхъ сыновъ Его прекрасная, по внѣшней архитектурѣ, церковь; можно сказать, она вышла не въ примѣръ лучше старой св. Николаевской церкви, тоже очень хорошо обновленной, съ изящнымъ иконостасомъ внутри. Св. Николаевская церковь построена въ униатскомъ послѣдняго времени стилѣ, стоитъ, если можно такъ выразиться, громаднымъ простымъ зданіемъ, и къ тому же олтаремъ обращена къ западу это уже чисто по латински,—тогда какъ св. Троицкая,—бывшій костель,—имѣетъ форму крестообразную и олтаремъ смотритъ на сѣверъ: не на востокъ, но и не на западъ. По внутреннему украшенію оба храма хороши, иконостасы у обоихъ очень приличны и на сельскую глушь, можно сказать, величественны. Но съ другой стороны, новая верховицкая церковь, т. е. обращенная изъ костела, стоитъ выше всѣхъ сельскихъ и мѣстечковыхъ церквей въ своемъ околodкѣ по своему внутреннему украшенію, превосходно богатою рѣзбою, покрывающею всю внутреннюю поверхность храмовыхъ стѣнъ, которая нѣсколько десятковъ годовъ тому назадъ стоила нѣсколько тысячъ руб. сер.

Вся перестройка бывшаго верховицкаго костела на православную церковь обошлась въ 1378 руб. и 65 к. За престоломъ надъ горнымъ мѣстомъ помѣщается икона Божіей Матери въ серебряной ризѣ; эта св. икона Божіей Матери пользуется въ цѣломъ околodкѣ особеннымъ благоговѣніемъ, какъ римско-католиковъ, такъ и православныхъ и читается въ народѣ чудотворною. Но она есть древнее достояніе православія, присвоенное латинянами. Безспорно извѣстно, что до 1818 года она находилась въ св. Николаевской униатской церкви. Когда же въ этомъ году униаты разобрали ветхую свою церковь, чтобы на томъ же мѣстѣ приступить къ постройкѣ новой, всѣ

иконы вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ церковнымъ перенесены были на сохраненіе въ близъ лежащій костелъ, пока не отстроится новая церковь; и чтимая чудотворная уніатская икона съ тѣхъ поръ оставалась въ костелѣ, привлекая множество богомольцевъ и изъ уніатовъ, благоговѣвшихъ къ своей родной святынѣ. Протестовали ли уніатскія власти противъ такого завладѣнія, сказать не можемъ; но во всякомъ случаѣ эта икона сохранилась въ памяти уніатовъ и съ переходомъ ихъ въ православіе. Когда закрыли въ прошломъ году верховицкій костелъ, римско-католики, полагая, что память народная забыла о своей древней святынѣ, хотѣли — было увести, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ костельнымъ, и упомянутую икону Божіей Матери, а также и три колокола, какъ было сказано выше. Но народъ нашъ—верховицкіе прихожане, когда пришло извѣстіе, что пріѣхалъ исправникъ отобрать костельное имущество, чтобы возвратить его латинянамъ,—ранехонко утромъ—„чуть-свѣтъ“ собрались большою толпою около костела и ждали... Какъ только исправникъ М—въ подошелъ къ дверямъ костельнымъ: около 80 человекъ — сѣдыхъ стариковъ—самыхъ старыхъ во всемъ приходѣ выдѣлились изъ толпы крестьянъ и всѣ единодушно заявили предъ исправникомъ, что алтарная икона Божіей Матери и 3 колокола безправно заграблены у св. Николаевской церкви.... тогда-то.... по такому-то случаю и такимъ-то образомъ,—какое свое показаніе обязались подтвердить въ случаѣ нужды присягою. Ихъ предъявленія не могли быть не уважены,—и икона Божіей Матери, а также и три колокола оставлены на мѣстѣ, и теперь составляютъ собственность новоосвященной св. Троицкой верховицкой церкви.

Торжество освященія новоустроенной изъ костела церкви совершено 24 іюля, въ день святыхъ россійскихъ мучениковъ, Боряса и Глѣба, при многочисленнѣйшемъ стеченіи народа изъ верховицкаго и сосѣднихъ съ нимъ приходоѡвъ,—и православнаго духовенства изъ двухъ благочиній високолитовскаго и каменецъ-литовскаго, не смотря на дождливую погоду. Описывать чувства и благоговѣйный восторгъ народа было бы не подѣ силу, да и излишне. Одною общей толпою, тысячъ въ пять, съ многочисленнымъ во главѣ духовенствомъ, медленно двинулся онъ крестнымъ ходомъ изъ св. Николаевской, гдѣ отслужена была ранняя обѣдня, къ новоустроенной изъ костела

св. Троицкой церкви. Величественно-торжественная, воспитательная картина... Просты обряды нашей православной церкви; не сравнятся съ ними никакимъ театральнымъ хитросплетеніямъ латинскимъ въ томъ благодатно-христіанскомъ вліяніи на христіанскую душу, какое св. обряды нашей единой спасительной церкви производятъ именно своею величественно-торжественною и нравственно-впечатлительною простотою. Мысли, одна другой отраднѣе тѣснились въ голову, чувства одно другаго свѣтлѣе волновали грудь по мѣрѣ того, какъ крестный ходъ подвигался все ближе и ближе къ новоустроенной изъ костела нашей святынь. „Еще полчаса - часъ, — и этотъ латинскій костель станетъ нашею русскою народною святынею“... Вотъ въ общемъ очеркѣ то, что думалось и чувствовалось одною душою въ такія торжественныя минуты. Посмотрите на этотъ волнующійся, кипящій народъ!... Не праздное любопытство привело его сюда: онъ радъ видѣть оконченный трудъ, который онъ совершилъ своею доброю, православною волею, и своими средствами, видя въ этомъ свой долгъ предъ Богомъ и своею совѣстію, — онъ радъ — сердечно радъ видѣть свое торжество надъ ложью, свою правую вѣру, побѣдившую уничтожавшее ее латинство, которое почету-то и забыло называть себя по имени Христа Спасителя, а назвало себя римствомъ, католичествомъ, папствомъ, заимствуя свои названія или отъ челоуѣка или отъ города, тогда какъ мы — православные, вѣрные богоуказанному правилу антиохійскихъ христіанъ, называемся христіанами, послѣдователями Христа, и свою спасительную вѣру исповѣдуемъ православною Христовою, или христіанскою, а не римскою или папскою. Торжество освященія церкви совершено высоколитовскимъ благочиннымъ священникомъ зубачской церкви, Иоанномъ Красовскимъ въ сослуженіи больше десяти священниковъ. Какъ во время самаго освященія, такъ и всю обѣдню довольно стройно пѣлъ наскоро составленный хоръ изъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній литовской епаріи, сыновей сосѣднихъ священниковъ. На обѣднѣ, во время причащеннаго, произнесено, было каменецъ-литовскимъ благочиннымъ, священникомъ Симеономъ Будзилловичемъ приличное торжеству пастырское слово, которое печатается ниже. Понята была проповѣдь слушателями. Описаніе западнорусской жизни до Ягайлы и послѣ него прослушано было прихожанами съ гробовымъ молчаніемъ и съ

большою внимательностію; во время первой половины на лицахъ нѣкоторыхъ изъ слушателей пробѣгало что-то похожее и на чувство удивленія.... во время второй половины слышны были по временамъ молитвенные и слезные вздохи; а заключительная молитва за здравіе и долгоденствіе Царя — православнаго, Освободителя и Благодѣтеля, проявила въ лицѣ и въ глазахъ каждаго задумчивую рѣшимость пролить послѣднюю каплю крови за православнаго Царя и за св. православную вѣру, имъ содержимую и оберегаемую. Не забыть въ молитвѣ и незабвенный гр. М. Н. Муравьевъ. Что бы ни представляли порицатели почившаго въ Бозѣ вѣрнаго слуги Царскаго ко благу народа: народъ нашъ и руководящее имъ православное духовенство не повѣрятъ высшимъ теоріямъ враговъ дѣяній покойнаго, растоптавшаго польскую крамолу, возвысившаго русскую народность наслѣдующую ей господствующую ступень, и положившаго твердыя основанія для народной жизни въ здѣшнемъ краѣ,—основанія православія и русской народности.

С Л О В О

произнесенное послѣ овященія перестроенной изъ костела Верховицкой церкви, 1867 года 24 іюля.

Созиди храмъ мой, храмъ благолюбивый себѣ, еже пребывать въ новости.

Царств. III гл. 8, ст. 53.

Сегодня, братія, мы собрались для молитвы въ храмъ, въ стѣнахъ котораго впервые совершается православною богослуженіемъ,—въ храмъ доселѣ римско-католическомъ, а теперь возобновленномъ и освященномъ въ православную святиню. Еще однимъ костеломъ меньше, еще одною церковью больше въ нашемъ русскомъ краѣ. Слава Богу! слава Богу! слава Богу и благодареніе Ему, ибо *вся сія содѣла Богъ во славу свою* и на счастье намъ, народъ православный!

Много радостныхъ чувствъ пробуждаетъ и на многія веселія думы наводитъ наше нынѣшнее торжество. Въ отношеніи къ намъ и нашему въ продолженіи 400 лѣтъ полоненному краю — это есть торжество православія надъ латинствомъ, русскаго дѣла надъ „польской справой“, правды надъ „кривдой“, это есть наше народное западно-русское торжество. Воодушевляемая имъ

мысль наша невольно какъ бы на быстрыхъ крыльяхъ переносится ко временамъ давно и недавно прошедшимъ, и парить надъ улетѣвшими вѣками, созерцая въ своемъ полетѣ историческія судьбы нашего края: много—много поучительнаго и глубоко-назидательнаго встрѣчаетъ и видитъ она на своемъ пути. Такъ—прежде всего наша страна представляется ей частію Россіи, населенною исключительно русскимъ народомъ, который управляется русскими князьями одной съ нимъ вѣры—православной и благоденствуетъ въ своемъ княжествѣ, потому что свято уважается свобода его труда и вѣры. Въ хижинѣ бѣднаго хлѣбопашца виднѣн достатокъ; онъ живетъ привольно и спокойно, потому что въ его отечествѣ царствуетъ правда и никто безнаказанно не обидитъ его невиннаго. Достатокъ свободного народа отражается не только на ихъ чистенькихъ тесовыхъ домикахъ, на ихъ селахъ и городахъ, населенныхъ сплошь русскими людьми, въ рукахъ которыхъ вся производительность своей страны, но особенно и преимущественно даетъ себя видѣть на множествѣ православныхъ храмовъ, на которые никогда не скужится русскій чело-вѣкъ. Вотъ картина жизни нашихъ далекихъ прадѣдовъ, жившихъ въ населенной нами странѣ 500—600 и болѣе лѣтъ тому назадъ. Они жили такъ благополучно, какъ мы теперь живемъ, если не лучше нашего, потому что въ своей странѣ они были полными хозяевами и звали иновѣрцевъ и иноземцевъ, отъ которыхъ мы теперь во многомъ вполне зависимъ, не болѣе какъ гостями; у нихъ были и торговцы свои—русскіе, и ремесленники свои—русскіе, и помѣщики свои—русскіе, и чиновники—тоже свои русскіе, однимъ словомъ все свое: а „свой своему, по пословицѣ, всегда братъ.“

Но времена измѣнились: со смертію Юрія Андреевича, послѣдняго потомка галицко-русскихъ князей наша страна въ 1336 году, 530 лѣтъ тому назадъ, по родственнымъ связямъ перешла къ литовскимъ князьямъ и стала частью великаго княжества литовскаго. Только 50 лѣтъ наслаждается она подъ властію литовскихъ князей прежними правами и недалѣе, какъ въ 1386 г. литовскій князь Ягелло, женившись на польской королеви Ядвигѣ, соединяетъ могущественное Великое Княжество Литовское съ слабымъ, безсильнымъ Царствомъ Польскимъ, или вѣрнѣе: первое подчиняетъ послѣднему, русскихъ и литовцевъ отдаетъ на съѣденіе полякамъ и жидамъ. Отсюда начинается мрачное время, кровавая эпоха въ исторіи нашей

бѣдной страны. Русская земля наводняется поляками и евреями, которые прибираютъ къ своимъ рукамъ управленіе страной и все богатство страны: русскій человекъ закабаленъ въ рабство панамъ, наѣхавшимъ изъ Польши и тѣмъ изъ мѣстныхъ русскихъ, которые измѣнили своей вѣрѣ и стали поляками: воздвигнуто гоненіе на русскій языкъ, и русская правда стала преданіемъ давно минувшихъ дней. Четыре столѣтія продолжается тяжелое рабство нашихъ предковъ, четыре столѣтія поляки неистовствуютъ надъ своей безправной и беззащитной жертвой: и къ какимъ средствамъ они не прибѣгаютъ, чтобы сдѣлать русскихъ людей поляками? Тысячи мучениковъ за православленную вѣру и русскую народность породило это смутное время; но русскій край все таки остается не менѣе прежняго русскимъ, и русскимъ переходитъ въ концѣ прошлаго столѣтія къ родной Россіи, какъ часть къ своему цѣлому. Сколько самыхъ чувствительныхъ, самыхъ сердечныхъ оскорбленій пришлось выносить нашимъ предкамъ въ смутный періодъ времени польскаго владычества! Закрѣпощенные тѣломъ панами, а душою ксендаами польскими, заѣтыя и угнетенные дѣды наши молча съ сдержаннымъ негодованіемъ должны были смотрѣть, какъ высились въ русской землѣ латинскіе костелы, а древніе православные храмы либо запусѣли и запечатанные польскою печатью исчезали съ лица земли, либо перестраивались въ униатскія церкви. Тогда, замѣчаетъ очевидецъ, „татарамъ и жидамъ лучшее въ вѣрѣ почитаніе было, нежели благочестивымъ (православнымъ) христіанамъ, ибо татарамъ мечети, а жидамъ синагоги свои вновь позволено строить, благочестивымъ же православнымъ) даже церкви починивать запрещено было (1)“ Имъ прямо говорили „вы схизматика горше жидовъ, турковъ и всякаго рода погановъ. . . . и жидовская вѣра лучше вашей схизматической (2)“ и т. п. ругательства. Когда православные жаловались начальству на ругательства и разнаго рода обиды, то удовлетвореніе обиженныхъ ограничивалось большею частію общаніями или же имъ прямо говорили: „это не въ нашемъ обычаѣ схизматиковъ оборонять (3).“ Даже лучшіе изъ королей польскихъ, при всемъ своемъ добромъ желаніи облегчить не-

(1) Истор. Изв. объ Уніи. Бантышъ-Каменскаго, стр. 129 и 244.

(2) Тамъ же. 283 и 263 стр.

(3) Тамъ же. стр. 140.

справедливыя, безчеловѣчныя страданія русскіхъ отъ поляковъ, на жалобы ихъ могли только помочь имъ совѣтомъ: „имѣте сабли! добивайтесь ими правъ, (1)“ потому что въ Польшѣ короли не имѣли никакой власти, каждый польскій панъ былъ въ своемъ имѣніи съ правомъ жизни и смерти своихъ подданныхъ. Въ это время усѣяли нашу страну польскіе костелы, а православныя храмы лежали въ грудахъ развалинъ, „развѣсовъ и врановъ гнѣздящихся издавая гласы (2).“ Польскіе костелы строились не по необходимости въ нихъ, русскій народъ исповѣдующій православную вѣру не нуждался въ нихъ. Ихъ ставили даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ не было ни одного католика, и число прихожанъ ограничивалось только семействомъ помѣщика и нѣсколькими душами изъ его челяди-дворни. А такъ какъ поляки понимали очень хорошо, что народу православному почти невозможно было съ перваго разу свыкнуться со всѣми особенностями римско-католическаго богослуженія и латинскихъ обрядовъ: то, выдумавши унію, во многихъ мѣстахъ по сосѣдству съ костеломъ ставили уніатскую церковь, чтобы въ ней народъ привыкалъ къ органамъ, молитвамъ за папу и другимъ латинскимъ безобразіямъ, что мы видимъ собственными очами здѣсь въ Верховичахъ. Верховичи, какъ нѣкоторымъ изъ васъ, братія, быть можетъ извѣстно, до 1619 года были только домомъ лѣсной стражи, называвшимся Верхи. 1619 года въ одно время, изъ лѣса, покрывавшаго это мѣсто, можетъ быть одними и тѣми же мастеровыми плотниками были выстроены костель и уніатская церковь, а жители—ваши прадѣды—на очищенное отъ лѣсу мѣсто переселены изъ Волини. Какъ здѣсь въ Верховичахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ не много выиграла вражья хитрость: въ числѣ костельныхъ прихожанъ—и то не вездѣ—по нѣсколько десятковъ душъ насчитываетъ она католиковъ-крестьянъ, да и то обсчитается. Вотъ плодъ четырехъ-сотъ-лѣтнихъ усилій пановъ и ксендзовъ. Унію народъ принялъ, потому что долженъ былъ принять, когда во всей странѣ насчитывалось только нѣсколько православныхъ приходоу—и когда его насильно гнали въ уніатскія церкви,—да и то принялъ, не вѣруя въ папу и не понимая рѣшительно никакихъ латинскихъ утонченностей, извратившихъ нѣкоторые догматы право-

(1) Тамже. ц89—290 стр.

(2) Рѣчь Григорія Конис. Екаторинѣ.

славной вѣры, что и составляло новоизмышленную униатскую вѣру. Такимъ образомъ мы можемъ сказать по совѣсти, что наши отцы и дѣды не измѣнили, не смотря на всѣ невзгоды жизни, ни своей вѣрѣ православной, завѣщанной имъ отъ времени Владиміра св., ни своей народности русской,—и это не будетъ пустымъ самохвальствомъ,—это неотъемлемая и великая ихъ заслуга и передъ Богомъ и передъ русскимъ народомъ, честь котораго они мужественно-геройски отстаивали.

Но, братія, злое время прошло, оно кануло въ вѣчность безвозвратно: молитвы и стenanія угнетеннаго народа дошли къ подножію престола Праведнаго Судіи и Онъ явился наконецъ истателемъ за оскорбленную вѣру и поправныя человѣческія права: Польша пала отъ собственнаго безсилія,—той внутренней неурядицы и неправды, которою она непераставала страдать въ теченіе всей своей политической жизни;—нашъ Русскій Царь,—сохрани Боже жизнь Его на многіе годы,—вернулъ волю, а съ нею и долю,—и нѣтъ уже мѣста для польскаго королевства, потому что нѣтъ теперь „хлоповъ,“—не надъ кѣмъ панствовать,—не потерпѣть теперь глумленія и православная церковь.

До счастливыхъ дней, братія, мы дожили: встаютъ изъ развалинъ и обновляются древнія разрушенныя святыни, по другимъ мѣстамъ строятся новыя великолѣпныя храмы Божіи; многіе костелы, насчитывающіе очень мало своихъ прихожанъ, закрываются по справедливому разрѣшенію правительства и перестраиваются въ православныя церкви, потому что существующихъ недостаточно на сплошное Православное населеніе. Вообще храмы наши увеличиваются въ числѣ и принимаютъ приличный видъ домовъ Божіихъ. Сердце христіанина радуется, вся душа наполняется живѣйшею благодарностію Богу и уста шепчутъ теплую молитву къ Нему при взглядѣ на теперешнее украшеніе нашихъ святынь и при воспоминаніи, какими онѣ были нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Какая громадная разница въ теперешнемъ и прежнемъ украшеніи на примѣръ здѣшней вашей Св. Николаевской церкви! Что и говорить о васъ самихъ, о вашей жизни до 19-го Февраля 1861 г. и теперешнемъ вашемъ бытѣ: тутъ невозможно никакое сопоставленіе. И чье сердце при мысли обо всемъ этомъ не забьется сильнѣе при имени дорогого для насъ—по одному своему наименованію—при имени Вѣнчаннаго Виновника нашего благополучія, нашего счастья, всѣхъ нашихъ радостей. „Господи Боже! благодаримъ“

Тебя за наше красно-солнышко, за нашего Батюшку, Царя—Освободителя, и молимъ нашею общею единодушною молитвою—сохрани Его жизнь и Его Благочестивый Царствующій Домъ для нашего счастья и благополучія на многіе годы.—Самую лучшую благодарностію нашему Царю кромѣ молитвъ за Него будетъ конечно то, что мы съумѣемъ пользоваться Его благодѣяніями и неупотребимъ во зло Его довѣрія къ намъ, на любовь отвѣтимъ любовью и руководимые ею на каждомъ шагу нашей общественной жизни будемъ поступать такъ, какъ это любо нашему Великому Благодѣтелю,—однимъ словомъ, всею душою будемъ стараться быть такими, какими Онъ, нашъ родимый, хочетъ видѣть насъ, т. е. во всемъ всегда вѣрными Ему, русскими и православными; хотя бы пришлось въ огонь и въ воду за Него—не задумаемся!.....

Привѣтствую васъ, братія, причты и прихожане здѣшней церкви, съ счастливымъ окончаніемъ дѣла *во славу Божию*. Мы можемъ теперь со спокойною увѣренностію глядѣть впередъ: не закроется уже православная церковь въ православномъ краѣ, не послужитъ чужимъ богамъ и господамъ русскій человекъ въ русской землѣ. Дѣти вашихъ дѣтей увидятъ вашъ трудъ *по Бозь* и поревнуютъ вашему усердію,—добрымъ словомъ и молитвою любви вспомянутъ они своихъ добрыхъ предковъ. Прихожане другихъ приходовъ, налюбовавшись красотой вашихъ храмовъ, возьмутъ васъ себѣ за образецъ христіанскаго усердія къ домамъ Божиимъ и послѣдуютъ вашему примѣру. Съ высоты небесъ увидитъ Господь ваши жертвы и ваши труды, понесенные вами на капитальную починку и внутреннее украшеніе обѣихъ вашихъ церквей, и сторицею наградитъ за вашу усиленную лепту.

Съ каеэды церковнаго проповѣдника я свидѣтельствую—отъ прихожанъ здѣшней церкви и отъ лица всѣхъ, кому дорого удержаніе *отъ чести* нашихъ православныхъ храмовъ, живѣйшую признательность и сердечное спасибо и всѣмъ постороннимъ жертвователямъ, охотно и щедро содѣйствовавшимъ лѣснымъ матеріаломъ на церковную ограду и деньгами на внутреннее украшеніе сего храма—въ особенности тебѣ, В. Ф. Богъ да воздастъ тебѣ по желаніямъ сердца твоего. Въ эту торжественную минуту, братія, я не могу не вспомнить съ признательностію о трудахъ одного лица, которое стояло во главѣ, держало починъ при перестройкѣ обѣихъ здѣшнихъ церк-

вей и, по порученію высшаго духовнаго начальства, завѣдывало ими: много трудовъ, много хлопотъ и огорченій пришлось на его долю,—ему мы обязаны удержаніемъ на мѣстѣ лучшаго украшенія здѣшняго храма—богатой внутренней рѣзьбы и многимъ другимъ: мы не оскорбимъ скромности честнаго дѣятеля, если при всѣхъ засвидѣтельствуемъ, что это лицо есть настоятель здѣшней церкви о. Романа. Но, друзья, кто изъ присутствующихъ здѣсь, не вспомнить еще и прежде всего про одно лицо великое, безсмертное въ лѣтописяхъ нашей страны, чьи уста не произнесутъ дорогое намъ всѣмъ имя виновника всѣхъ торжествъ покойнаго графа Михаила Николаевича Муравьева? Помолимся братія, помолимся о его душѣ, *да учинитъ Господь ее, идѣже праведницы упокоются.....*

Братія-христіане! Восхваляя ваше, достойное похвалы усердіе къ храмамъ Божиимъ, я боюсь, чтобы кто нибудь изъ васъ не подумалъ, что онъ уже выполнилъ весь свой долгъ предъ Богомъ своимъ участіемъ въ обновленіи святыни: это только похвальное начало будущихъ подвиговъ во славу Божию. Не въ рукотворенной хранилѣ живетъ Господь силъ, но въ просвѣтленномъ вѣрою и исполненномъ надеждою сердцѣ человѣка: *жертва Богу—духъ сокрушенъ*. Благодать Божія, обитающая въ Его хранилѣ *уврачуетъ немощная и восполнитъ оскудѣвающая*, она поддержитъ усталый духъ, подкрѣпитъ надеждою отчаявшагося и усладитъ страданія несчастнаго. *Приходите ко Мнѣ въ труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ*, говорить Господь. Приходи ко Мнѣ страдающій—бѣдная вдова и одинокій сирота, приходи ко Мнѣ всякій убитый горемъ или пораженный несчастіемъ, приходите всѣ, и всѣ найдете здѣсь покой душамъ вашимъ: это призывный голосъ церкви. Здѣсь въ домѣ Божіемъ забывается вся мірская суета, здѣсь человѣкъ освобождается отъ разнообразныхъ невзгодъ жизни, отъ которыхъ онъ никогда не свободенъ дома. Здѣсь въ живыхъ образахъ всякій, пришедшій помолиться, видитъ самыя священныя для христіанина лица, дорогія сердцу воспоминанія, которыя одни способны подкрѣпить слабого духомъ на трудъ жизни и подвиговъ добродѣтели. Здѣсь почиваетъ *благодать Божія, спасительная сталь челоукамъ* и готовая всегда на помощь тому, кто въ ней нуждается: Авъ, говоритъ Самъ Господь, (1) *освятить храмъ*

(1) Изъ молитвы Соломона, Цирств. III 9. гл.

сей, еяже создалъ еси, еже положити имя Мое тамо во вѣки и будутъ очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни.

Станемъ же, братія, по вся дни посѣщать обновленный храмъ,—храмъ благодѣтельный, еяже созда себѣ Господь, еже пребивати въ новости. Особенно же будемъ почитать день Св. Троицы, въ честь Которой и освященъ этотъ храмъ, и день св. російскихъ мучениковъ Бориса и Глѣба, названныхъ въ святомъ крещеніи Романомъ и Давидомъ, прося этихъ, такъ сказать, родныхъ намъ Святыхъ, чтобы они (1), „предстояще Св. Троицѣ, молились о державѣ сродниковъ ихъ богоугоднѣй быти и сыновомъ російскимъ спастися.“ Оба эти праздника пусть будутъ для насъ днями особаго духовнаго веселія и народнаго торжества.

„Ты же, Господи неба и Царю земли, призири на храмъ сей день и ночь, на мѣсто, о которомъ Ты сказалъ: „будетъ имя Мое тамъ для услышанія молитвы, которою будетъ молиться человекъ на мѣстѣ этомъ днемъ и ночью.“ Услышь молитву раба Твоего и людей Твоихъ, когда они станутъ молиться на мѣстѣ этомъ: услышь на мѣстѣ обиталища Твоего на небеси удовлетвори и помилуй. Если заключатся небеса и небудетъ дождя за то, что согрѣшати Тебѣ, услышь, Боже молитвы людей Твоихъ и пошли на землю дождь, когда они помолются Тебѣ объ этомъ. Если будетъ голодъ или смерть или засуха, все противное и всякая болѣзнь и если кто познаетъ болѣзнь сердца своего и воздвигнетъ руки свои въ храмъ съ молитвою объ отвращеніи или прекращеніи несчастія: Ты, милостивый Владыко, услышь съ небеси молитву молящагося, будь милостивъ къ нему и дай каждому по желанію сердца его. И чуждому „(ино-вѣрцу), если онъ придетъ отъ земли издалеча, ради имени Твоего, и помолится на мѣстѣ семъ, сотвори по всему, о чемъ онъ ни попроситъ Тебя. И когда выйдутъ люди Твои на войну—на враговъ своихъ и помолются въ храмъ Твоемъ: и Ты услышь молитвы ихъ и сотвори оправданіе имъ. Господи, Господи, пусть будутъ уши Твои и очи Твои отверсты на молитву раба Твоего и на моленія людей Твоихъ, послушати ихъ о всѣхъ, о нихъ же призовутъ Тя (1) въ домъ Твоемъ—домъ молитвы. Аминь.

(Лит. Ен. Вѣд.)

ЗАКЛАДКА

въ г. Слонимѣ часовни, сооружаемой въ память нашихъ воиновъ, павшихъ въ дѣлѣ противъ мятежниковъ подъ Миловидами

Въ настоящемъ году, — во всю минувшую весну и начало лѣта, — по Слонимскому уѣзду произведено не мало закладокъ церквей и освящено нѣсколько возобновленныхъ. Такимъ образомъ, во все это время, не проходило у насъ почти недѣли, чтобы не совершилось гдѣ либо это духовное торжество. Слава Богу! Время прежняго униженія церквей нашихъ православныхъ исчезаетъ въ памяти; въ замѣнъ столь мрачнаго прошедшаго наступила новая эра, общающая свѣтлое будущее! Къ числу такихъ свѣтлыхъ торжествъ, повсюду у насъ совершаемыхъ, надобно отнести и происходившее недавно въ самомъ г. Слонимѣ, 15 числа іюля мѣсяца — въ день равноапостольнаго князя Владиміра, перваго просвѣтителя Россіи свѣтомъ евангельскаго ученія, произведена закладка часовни, на городской площади, среди рынка, на мѣстѣ сгорѣвшаго въ 1848 году римско-католическаго монастыря и костела. Часовня эта будетъ сооружена въ память нашихъ воиновъ, павшихъ въ Миловидскихъ лѣсахъ Слонимскаго уѣзда, въ дѣлѣ съ польскими мятежниками.

Первую мысль къ сооруженію ея подалъ нашъ почтенный русскій дѣятель по мировымъ учрежденіямъ Михаилъ Васильевичъ Сильвестровъ. Онъ предполагалъ ее выстроить на частныя пожертвованія, и понинѣ собранной суммы на этотъ предметъ у него есть уже до 300 руб. сер. Планъ этой часовни очень красивъ: По смѣтѣ она будетъ стоить — безъ кирпича — до 750 р.; кажется она обойдется вся, не менѣе 1,000 руб. Мы слышали, что начальникъ дивизіи генералъ Ганецкій — извѣстный герой и усмиритель польскаго мятежа, узнавъ о постройкѣ сей часовни, общалъ открыть по всей своей дивизіи денежный сборъ, и собранную сумму на сооруженіе оной прислать въ г. Слонимъ. Дай Богъ, чтобы это обѣщаніе генерала Ганецкаго сбылось, ибо часовня эта очень нуждается въ денежныхъ средствахъ и ждетъ добрыхъ подателей, которые, мы смѣемъ надѣяться, не откажутся отъ приложенія къ собранной уже суммѣ своей сильной лепты, въ ознаменованіе своего сочувствія къ сему благому дѣлу. Если кромѣ дивизіи генерала

Ганецкаго, и еще гдѣ либо найдутся добрые люди, готовые принести въ пользу строящейся часовни вашей свои денежныя пожертвованія, то покорнѣйше просимъ жертвы свои присылать въ г. Слонимъ, на имя предсѣдателя комитета по устройству сей часовни, г. Сильвестрова.

Просимъ также убѣдительнѣйше и русскія газеты и журналы настоящему извѣстію дать мѣсто на страницахъ и, если на сей предметъ въ которую либо редакцію будутъ поступать жертвы, не отказать въ присылкѣ по назначенію, а о по жертвованіяхъ публиковать.

Какъ для закладки часовни, такъ и для совершенія, предъ тѣмъ, Божественной Литургіи, по единодушному желанію и просьбѣ всего русскаго общества, прибыль изъ Жировицкаго монастыря архимандритъ Николай съ двумя своими діаконами; отслуживъ со всею торжественностію, подобающе оному дню, совмѣстно съ соборнымъ духовенствомъ, обѣдню, при стройномъ пѣніи хора слонимскихъ пѣвчихъ, вслѣдъ затѣмъ, сопровождаемый прибывшимъ для этого торжества се ьскимъ духовенствомъ, онъ совершилъ на мѣсто закладки крестный ходъ. Здѣсь сказана была соборнымъ священникомъ о. Климентіемъ Смольскимъ приличная сему случаю рѣчь, помѣщенная ниже, а вслѣдъ за тѣмъ началось и самое освященіе мѣста, послѣ совершенія коего провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему дому. Потомъ пропѣта была всѣмъ воинамъ, убитымъ въ Миловидскомъ дѣлѣ и прочимъ по всему западному краю во время минувшаго польскаго мятежа: „вѣчная память,“ и наконецъ, опять многолѣтіе всему христілюбивому побѣдоносному всероссійскому воинству, и тѣмъ кончилось духовное торжество, по окончаніи коего крестный ходъ возвратился въ церковь.

Р ѣ ч ь,

сказанная при закладкѣ часовни въ г. Слонимъ въ память русскихъ воиновъ, павшихъ въ миловидскомъ дѣлѣ отъ рукъ крамольниковъ польскихъ.

Православный русскій народъ и христілюбивое воинство!
Мы собрались нынѣ на сіе мѣсто, для исполненія нашего христіанскаго долга и совершенія священнаго русскаго дѣла.

Здѣсь, по мысли и плану одного изъ почтенныхъ нашихъ дѣятелей, М. В. Сильвестрова, имѣеть быть воздвигнута часовня въ память убитыхъ нашихъ воиновъ, павшихъ въ миловидскомъ дѣлѣ отъ рукъ польскихъ мятежниковъ.

Я не буду, любезные соотечественники, много вамъ говорить о томъ, какъ безбожно возстали здѣшніе западно-русскіе уроженцы—католики паписты, гордо именующіе себя поляками, противъ нашего православнаго русскаго Царя и всего здѣшняго западно-русскаго народа, ибо это хорошо извѣстно всякому.

Называющіе себя поляками здѣшніе католики посягали на отнятіе дорогаго намъ западно-русскаго края, отъ Владиміра и Ярослава вѣчнаго наслѣдія нашихъ русскихъ православныхъ государей. Да, они посягнули на нашъ край, они дерзнули поднять противъ насъ свои мечи, косы, топоры и кинжалы. Теперь никто изъ нихъ никогда не увѣритъ насъ однимъ лишь словомъ въ истинномъ ихъ вѣрнопопданничествѣ нашему природному Государю, и никто никогда не разувѣритъ насъ одними словами въ ихъ всегдашней ненависти и злобѣ къ намъ! И потому, будемъ крѣпко стоять на стражѣ и постоянно бодрствовать, чтобы отъ ихъ злодѣйскихъ рукъ еще не пришлось когда либо испить подобной горькой чаши.

Но обратимся къ началу минувшаго мятежа и посмотримъ, какъ онъ въ началѣ своемъ развивался и гдѣ нашелъ себѣ пріютъ. Самое вѣрнѣйшее и безопаснѣйшее гнѣздилище мятежниковъ это, конечно, было въ р.-католическихъ монастыряхъ и ихъ костелахъ. Не будь ихъ тогда у насъ, все было бы покойно и не произошло-бы никакого бунта. Слѣдовательно во время мятежа все зло для насъ, а теперь для самой польской шляхты, произошло изъ одного источника—изъ зловредной политико-католической пропаганды. Да, въ костелахъ и монастыряхъ проповѣдывалось неуваженіе къ нашему законному правительству: оттуда раздавались самага возмутительнаго содержанія польскіе патріотическіе гимны, оттуда, съ благословеніемъ духовныхъ отцевъ своихъ, со вскруженными головами, вылетѣла вся молодежь польско-католическая и прямо направилась въ лѣсъ... Грустно намъ вспоминать все это.

Эта-то молодежь, засѣвши въ лѣсахъ и укѣпившись въ звѣринныхъ берлогахъ, вообразила себѣ, что она находится въ истинныхъ предѣлахъ Царства Польскаго, и пошла чисто по разбойничьи, изъ-за куста, нападать на безоружныхъ солдатъ и мирныхъ

нашихъ сельскихъ жителей, стала преслѣдовать, оскорблять, жечь, грабить, убивать всѣхъ людей, преданныхъ своему законному правительству. Не было тогда почти ни одного дня, чтобы эти польскіе герои новаго Царства Польскаго, отъ имени невѣдомаго имъ самимъ жонда, не повѣсили гдѣ старшину, старосту или кого бы то ни попало! Страшно для насъ русскѣхъ было это время!... И все это безнаказанно имъ проходило, ибо у насъ не было тогда почти еще никакихъ войскъ, а народъ былъ сильно запуганъ жестокостями головорѣзовъ. При такомъ несчастномъ для насъ стеченіи обстоятельствъ, ихъ шайки постоянно увеличивались, а вслѣдствіе этого и польскіе доводцы производили безпрестанно новыя и новыя звѣрскіе подвиги. Стали вѣшать уже не только крестьянъ и чиновниковъ, сельскихъ учителей (*) и дьячковъ—но страшно вспомнить.— и нашихъ православныхъ священниковъ!... Кровь невинныхъ нашихъ мучениковъ да будетъ навсегда искупительною жертвою всего намъ дорогаго сѣверо-западнаго края! Мятежники прославлялись такими подвигами до тѣхъ поръ, пока не явились здѣсь наши войска. Съ того же времени дѣла приняли совершенно другой оборотъ: поляки не только нигдѣ изъ лѣсовъ не выходили, но, напротивъ, прятались въ нихъ все глубже и глубже; и тамъ отъ холода и голода и наконецъ отъ постоянныхъ преслѣдованій храбрыхъ нашихъ войскъ гибли, какъ дикіе звѣри. Какъ извѣстно всѣмъ, остатки разныхъ разбитыхъ шаякъ засѣли въ Миловидскихъ лѣсахъ нашего Слонимскаго уѣзда. Оттуда-то нужно было выгнать нашимъ войскамъ все это скопище разбойниковъ, и съ этою цѣлью двинулось изъ Слонима нѣсколько ротъ пѣхоты и выступила квартирующая здѣсь батарея съ четырьмя своими орудіями.

День самой стычки былъ намъ безъизвѣстенъ. Мы тогда горячо молились Богу, и въ надеждѣ на Его милость и правосудіе ожидали побѣды; наконецъ, пришелъ этотъ роковой день, и къ великому прискорбію и ужасу узнали, что отъ ударовъ мятежниковъ пало десять нашихъ воиновъ и до сорока человекъ ранено. Сердце наше замерло... Но за то, сколько было радости всѣмъ здѣсь считающимъ себя поляками: они ликовали полную побѣду, тосты провозглашали за возстановленіе Польши. Но эта радость ихъ однакожь была непродолжительна. Вскорѣ они узнали

(*) Родной братъ почтеннаго ортора, бывшій учителемъ народнаго училища, повѣшенъ мятежниками. Рѣд.

всю сущность дѣла и совершенно упали духомъ, ибо войска наши при незначительной сравнительно потерѣ вытѣснили изъ гѣсу всѣхъ повстанцевъ, завладѣли цѣлымъ ихъ обозомъ и всю миловидскую шайку въ конецъ истребили. Таковъ-то былъ исходъ всему шляхетному въ нашемъ уѣздѣ повстанью, при укрощеніи коего положили свои головы храбрые и всегда готовые на смерть за любезное свое отечество наши солдаты.

Возлюбленные соотечественники! Эти павшіе въ Миловидскихъ гѣсахъ солдаты, защищая отъ враговъ отечество, защищали такимъ образомъ и насъ, и все наше достояніе. Можемъ ли, послѣ того, забыть когда либо храбрыхъ своихъ защитниковъ-спасителей? Конечно, никогда! Вотъ, съ этой-то цѣлью въ честь сихъ десяти павшихъ воиновъ и еще нѣсколькихъ, отъ ранъ въ слонимской больницѣ умершихъ, здѣсь, на этомъ мѣстѣ вскорѣ воздвигнется часовня! Мы здѣсь вѣчно будемъ молить Бога о упокоеніи душъ ихъ, и дѣтямъ нашимъ закажемъ творить о нихъ сію молитву.

И такъ, возлюбленные сыны Россіи! пусть-же нынѣ, въ знавъ вѣчной памяти о нашихъ защитникахъ-воинахъ всякій положитъ камень въ основаніе сего новаго зданія и усердно на семь-же мѣстѣ съ церковію помолится о ихъ вѣчномъ упокоеніи. Да принесетъ, при томъ, здѣсь всякій на возсозданіе сей часовни и свою посильную лепту, въ коей она такъ еще нуждается. Принесемъ камень и лепту и воздвигнемъ сію часовню еще и для того, чтобы всѣ здѣшніе польскіе католики, взирая всегда на оную, вспоинали тщетность всѣхъ своихъ замысловъ и знали, какъ мужественно павшіе воины сражались за русскаго Царя, за русскую землю и за русскую вѣру, которыхъ крамольникамъ никогда не одолѣть! Положимъ въ основаніе сей часовни камень и для созданія ея принесемъ свою посильную лепту еще и для того, чтобы мы сами, мы русскіе, сыны нашей русской западной окраины, поучились недавнимъ опытомъ и не поддавались искушеніямъ польскаго политическаго катихизиса, а стояли всегда крѣпкимъ здѣсь оплотомъ противъ всего заноснаго къ намъ польскаго. Пусть католичество и польщизна ни въ какомъ видѣ не найдутъ болѣе у насъ пріюта и уйдутъ отъ насъ подальше, туда за Вислу.

О! да воздвигнется, какъ можно скорѣе сіе зданіе, и да вразумитъ оно всѣхъ и cadaго изъ называющихъ себя поляками, чему подобаетъ здѣсь быть, кому жить... Между тѣмъ вознесемъ сердца наши къ Богу, да освятится нынѣ сіе мѣсто усердной

молитвою здѣсь предстоящаго сонма священнослужителей и сердечными вздохами всѣхъ при этомъ торжествѣ присутствующихъ, дабы Онъ, Всеблагій, благословилъ по всесвятой Своей волѣ благополучно, какъ начать нашъ закладку сей часовни, такъ и привести ее къ окончанію. Воздадимъ также на семъ мѣстѣ славу, честь и благодареніе Всеблагому Богу, укротившему силою русскаго побѣдоноснаго оружія полчища мятежниковъ, и помолимся Ему о упокоеніи павшихъ, въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Иакова.

(Лит. Еп. Внд.)

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ М. ЕЗЕРНИЦѢ.

12 ноября происходило освященіе новой приходской Св. Николаевской церкви въ м. *Езерницъ*, отстоящемъ въ 20 верстахъ отъ нашего уѣзднаго города. Православіе, благодаря Бога, продолжаетъ уже спокойно и повсемѣстно входить здѣсь въ свои права; храмы православныя, на всемъ пространствѣ здѣшняго края, то и дѣло, одни какъ бы воскресаютъ отъ своего вѣковаго запустѣнія и убожества, другіе перестраиваются изъ такихъ, которые нѣкогда, систематически вытѣсняли и недавно еще затѣвляли собою православіе, третьи вновь воздвигаются отъ щедротъ правительства, и вездѣ эти отрадные явленія празднуются съ соотвѣтственнымъ церковнымъ великолѣпіемъ: обружаются дружнымъ почетомъ всѣхъ представителей власти, встрѣчаются общимъ восторгомъ духовно и нравственно пробудившагося народа. Значить, дѣло пошло по прямой дорогѣ, стало нормальнымъ и не нуждается уже болѣе въ какомъ-бы ни было эмфатическомъ описаніи; поэтому и нашъ рассказъ будетъ кратокъ. Обрядъ освященія езерницкой церкви совершался о. архимандритомъ жировицкаго монастыря *Николаемъ*, при сослуженіи сосѣдственнаго духовенства; при семъ произнесена была прекрасная проповѣдь: о значеніи храма извѣстнымъ въ здѣшней окрестности по дару слова священникомъ *Августинномъ Куцесвичемъ*; благоговѣйному чувству молящихся въ новомъ храмѣ содѣйствовало стройное пѣніе учениковъ жировицкаго духовнаго и мѣстнаго народнаго училища; пріѣзжіе гости встрѣтили радушный пріемъ въ домѣ мѣстнаго пастыря—и наконецъ за обѣдомъ, среди единодушнаго восторга, сливашагося съ народнымъ гимномъ, провозглашенъ былъ тостъ за здоровье нашего Августѣйшаго Монарха. Все это, повторяемъ, въ здѣшнемъ краѣ сдѣлалось естественнымъ и нормальнымъ явленіемъ.

Не знаемъ, хорошо-ли съ нашей стороны или дурно, а только въ подобныхъ случаяхъ, насъ лично всегда не столько интересуетъ торжество дня, сколько самъ его предметъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, еще задолго до богослуженія, мы тщательно осматривали новую церковь и подробно спрашивали обо всемъ касающемся ея постройки. Узнанное нами довольно поучительно.

На церковь отпущена была сумма 6,657 руб. съ копѣйками—1,880 рублей отнесено на счетъ прихожанъ, по оцѣнкѣ жертвуемыхъ ими матеріала п чернорабочихъ. Постройка поручалась главному вѣданію уѣзднаго строительнаго комитета, въ коемъ предсѣдательствуетъ доселѣ прежній военный начальникъ, М. А. Романовичъ. Но комитетъ, ознакомившись съ личнымъ составомъ мѣстнаго церковнаго совѣта, предоставилъ этому послѣднему полную свободу дѣйствій и на этотъ разъ не имѣлъ причины пожалѣть. Постройка храма предполагалась по смѣтѣ изъ булыжнаго камня. Церковный совѣтъ, встрѣчавшій постоянно самую дружную поддержку въ просвѣщенномъ усердіи мѣстнаго мирового посредника В. Н. *Лаврова*, на сходѣ прихожанъ, предложилъ имъ подумать, не будетъ-ли выгоднѣе, вмѣсто сбора и свозки камня, по нахожденію на мѣстѣ очень хорошей глины, устроить заводъ и на немъ приготовить кирпичъ въ достаточномъ количествѣ для постройки всего храма? Крестьяне подумали, потолковали, маленько между собой поспорили и наконецъ норѣшили: быть кирпичному заводу. И чтоже? благая мысль, усердно и добросовѣстно приведенная въ исполненіе, привела къ слѣдующимъ результатамъ, превзошедшимъ ожиданія. 1) Кромѣ прочности и красоты, новый храмъ увеличенъ противъ смѣты болѣе, чѣмъ на два аршина въ діаметрѣ (теперь онъ можетъ вмѣстить отъ 500—600 человекъ). 2) Крыша, вмѣсто положенной гонтовой, сдѣлана желѣзная, да притомъ изъ такъ называемаго, извѣстнаго *графскаго* желѣза. 3) Купола, преположенные къ обивкѣ гонтою, покрыты самою лучшею бѣлою петербургскою жестию. 4) Придѣлано красивое фронтонное крыльцо подъ навѣсомъ, съ вытесанными каменными ступенями. 5) Устроена кругомъ церкви новая каменная ограда, съ приличными воротами. 6) Внутри церкви сдѣланъ запрестольный каменный кивотъ, два такіе-же кивота въ иконостасѣ, съ приобретениемъ къ нимъ и самыхъ образовъ, наконецъ произведена покраска половъ.

Всѣ исчисленныя здѣсь работы сверхъ смѣтныхъ. Переходя затѣмъ къ смѣтнымъ, при самой строгой взыскательности, можно

только порадоваться способу ихъ исполненія. Въ самомъ дѣлѣ, новый храмъ, при счастливомъ выборѣ открытой и возвышенной мѣстности, среди мѣстечка, не только издали привлекаетъ взоры стройностію и симметрией всѣхъ своихъ частей, но и вблизи, до малѣйшихъ подробностей, являетъ слѣды самой старательной отделки, самой обдуманной законченности. Даже, благодаря двойнымъ рамамъ своихъ свѣтлыхъ оконъ, онъ, намъ сначала казался, не смотря на довольно чувствительный холодъ дня, какъ будто отопленнымъ. Словомъ, можно сказать безъ преувеличенія, что это одинъ изъ лучшихъ приходскихъ храмовъ по епархіи.

Поступившія ко дню освященія многочисленныя приношенія отъ прихожанъ (по первому почину мѣстнаго священника и мирового посредника), какъ-то: запрестольный крестъ, образа, шелковая занавѣсъ къ царскимъ вратамъ, паникадило, нѣсколько лампадъ, нѣсколько паръ подсвѣчниковъ, кромѣ свѣчей и денежныхъ пожертвованій, служили еще однимъ изъ наглядныхъ доказательствъ религиозныхъ чувствъ и усердія здѣшней паствы, которая, при единодушномъ дѣйствіи церковнаго совѣта и мирового управленія, столь охотно и много потрудилась для здѣшняго храма.

На этотъ-то примѣръ столь вождѣннаго, необходимаго и слава Богу, все чаще и чаще встрѣчающагося теперь единодушія въ особенности пріятно намъ и желательно указать въ настоящемъ нашемъ обѣломъ отчетѣ.

Но вотъ мы его и закончиваемъ, не назвавъ даже по имени того достойнаго мѣстнаго пастыря, о которомъ мы вынесли самое оградное и почтительное впечатлѣніе. Это ужъ съ одной стороны отчасти во нравахъ такихъ залетныхъ птицъ, какъ наша братья—корреспонденты; но съ другой стороны едвали и можетъ быть намъ поставлено въ вину; ибо о. *Константинъ Калосскій* на столько-же скромнень и столь же неохотно говорить о своемъ непосредственномъ участіи въ дѣлѣ постройки храма, на сколько это участіе было несомнѣнно-велико и заслуживаетъ самаго искренняго уваженія.

Корреспондентъ.

(Вил. Вѣст.)

ДОНЕСЕНІЕ ВЛАГОЧИННЫХЪ ВЪ ЛИТОВСКУЮ ДУХОВНУЮ КОНСИСТОРИЮ, ОБЪ ОСВЯЩЕНІИ ИМИ РАЗНЫХЪ ЦЕРКВЕЙ.

— Пресвященнѣйшій Игнатій, епископъ брестскій, донесъ его высокопреосвященству, что 10-го минувшаго сентября имъ

овершено по чиноположенію освященіе новосооруженной каменной съ желѣзною крышею церкви въ селѣ Коутевщианѣ Родненскаго уѣзда; послѣ чего, вслѣдствіе засвидѣтельствованія, преподано святительское его высокопреосвященства благоволеніе мѣстному священнику Димитрію Ястребову и прихожанамъ его, а преимущественно членамъ церковнаго совѣта—местному старцу Викентію Якубецкому, Ивану Бовсюку, Андрею Булаку и прочимъ, за неутомимыя ихъ труды и заботы о возожно скорой, прочной и благолѣпной постройкѣ своей приходской церкви и за посильныя ихъ жертвы на сей предметъ. При богослуженіи присутствовали гг. Родненскій губернаторъ, предводитель дворянства, князь Кудашевъ, чиновники и множество народа.

— Каменецкій благочинный, священникъ Будзиловичъ, доносилъ о томъ, что починенная и вновь устроенная приписная къ Пашукской-Шишевская церковь, 30 августа, въ день св. благовернаго великаго князя Александра Невскаго, съ тремя сослужащими священниками, при многочисленномъ собраніи народа свята и освящена имъ по чиноположенію св. церкви, свидѣтельствуется, то починка этой церкви и устройство въ ней новаго, довольно ричнаго, иконостаса стоило мѣстнымъ прихожанамъ 320 руб. ер., работами заправлялъ и старался объ изысканіи средствъ мѣстный священникъ Андрей Теодоровичъ. Потому пашукской церкви священнику Теодоровичу и прихожанамъ за усердіе къ раму Божию и сдѣланныя пожертвованія объявлена признательность епархіальнаго начальства.

— Черевачицкій благочинный, доносилъ, что по надлежащемъ устройствѣ деревянной крупчинкой церкви изъ упраздненнаго римско-католическаго костела, 12 минувшаго ноября въ воскресный день она освящена, во имя святаго благовернаго князя Александра Невскаго, въ соучастіи священниковъ вѣрннаго му благочинія и при стеченіи народа своего и окрестныхъ приходовъ,—свидѣтельствуется, что иконостасъ въ ней весьма ричный; въ иконостасѣ 19 иконъ—отличной живописи; и что се внутреннее и наружное устройство церкви произведено на мѣстныхъ церковныхъ средства, при посильномъ пожертвованіи мѣстныхъ прихожанъ наличными деньгами и работою и при непильныхъ заботахъ мѣстнаго священника Евстафія Маркевича, Ратовское епархіальное начальство прихожанамъ Крупчицкой

церкви и священнику оной Маркевичу за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподаеть архипастырско благословеніе его высокопреосвященства.

— Друйска́й благочинный донесъ, что бывшая римско-католическая каплица при дворѣ Зайневскомъ, съ дозволенія начальника края, какъ ветхая, перевезена на православное кладбище воропаевское крестьянами воропаевской волости и въ память Всемилоствѣйше дарованной имъ свободы устроена въ церкви и освящена въ 26 день августа 1867 года; на устройство этой церкви пожертвовано крестьянами Воропаевской волости 173 р и 67 коп. Прихожанамъ Иказненской церкви и помѣщику имѣнія Зайново Мирскому, за пожертвованія сдѣланныя на устройство приписной церкви, объявлена благодарность епархіальнымъ начальства.

— Косовскій благочинный священникъ Круговскій доноситъ что 7 сентября сего года имъ освящена щитнянская церковь приписная къ порониловичской; при чемъ представляетъ и отчетъ деньгамъ, употребленнымъ на устройство выше прописанной церкви. Изъ отчета видно, что прихожанами Ворониловичской церкви въ память освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости, пожертвовано 1,000 руб. Мѣстнымъ священникомъ Константиновичемъ 20 р., дьячкомъ Кузьминскимъ 3 р., старостю Ворониловичской церкви 5 р., волостнымъ старостю 5 р., казеннымъ крестьяниномъ Казиміромъ Прокопичъ 3 р., и бывшимъ наставникомъ Ворошиловицкаго народнаго училища Николаемъ Веселовымъ 5 руб. Опредѣлили его высокопреосвященство утвердилъ: Жертвователямъ (въ пользу щитнянской церкви) за усердіе къ храму Божію, преподать благословеніе его высокопреосвященства.

— Бездежскій благочинный, священникъ Кадлубовскій доноситъ, что 8-го октября, соборнѣ, торжественно освящена имъ во имя Пресвятыя Троицы, церковь въ селѣ Брашевичалѣ, перестроенная изъ закрытаго костела,—имѣвшаго малое число прихожанъ римско-католиковъ, среди немалолюднаго православнаго прихода, къ которому присоединились и эти латиняне; устройство иконостаса, при неусыпномъ наблюденіи священника Алексѣя Огіевича, удалось какъ нельзя лучше; операція приспособленія костела на православную церковь произведена, не обременяя казны, собственными средствами прихожанъ, въ недавнее время устроившихъ новый иконостасъ и въ приходской

своей церкви; на работы, утварь и облаченіа израсходовано всего 845 руб. 25 коп. Епархіальнымъ начальствомъ положено: священнику брашевицкой церкви Алексію Огіевичу и прихожанамъ той церкви, за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія, объявить благодарность епархіальнаго начальства.

— Тотъ же благочинный донося, что починенная собственными средствами прихожанъ, липницкая церковь освящена имъ 9-го декабря по чиноположенію, засвидѣтельствоваль, что инициативою въ этомъ добромъ дѣлѣ былъ преимущественно мѣстный священникъ Викентій Плескаевичъ; прихожане сказанной церкви не многочисленны и не состоятельны, однако же созная, что необходимо нужно поддержать церковь, при содѣйствіи мѣстнаго священника, пожортовали на сей предметъ слишкомъ по 15 рублей со всякаго двора, каковыя пожертвованія въ адѣшней мѣстности можно назвать чрезвычайными, но за то сами прихожане теперь душевно радуются, сравнивъ прежнее плачевное состояніе сего храма, находящагося при столбовой дорогѣ, съ настоящимъ вполне благодѣпнымъ. На работы внутри и внѣ храма, на устройство иконостаса и на иконы израсходовано всего 2,183 руб. Опредѣлили и его высокопреосвященство утвердилъ: священника липницкей церкви Викентія Плескаевича, за особенное усердіе къ храму Божію, по главному содѣйствію коего починена и устроена липницкая церковь, а прихожанамъ за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподать благословеніе его высокопреосвященства.

— Влодавскій благочинный, протоіерей, отъ 13 декабря сего года донесъ о томъ, что имъ освящена малорытская св. Николаевская церковь при собраніи духовенства 10 декабря; церковь глянчно украшена; на постройку иконостаса и украшеніе крыши оной церкви масляными красками, по рачительной заботливости гѣстнаго священника Іоанна Ситкевича, семикласнаго прихода прихожанами израсходовано денегъ всего 900 руб. 45 коп. сер. По представленію консисторіи, малорытской церкви священнику Іоанну Ситкевичу и прихожанамъ за усердіе къ храму Божію и сдѣланныя пожертвованія преподано благословеніе его высокопреосвященства.

— Подороскій благочонный священникъ Восинскій, депоса оъ освященіи 5-го ноября въ явашкевицкомъ приходѣ кладбищенской церкви, устроенной на деньги, пожертвованныя крестьянами деревни Клепачъ и представляя отчетъ въ употребленіи

этихъ денегъ въ количествѣ 1,554 руб. 85 коп., свидѣтельствуешь объ особенной ревности этихъ прихожанъ къ храму Божию. По ходатайству консисторіи, преподано жертвователямъ крестьянамъ деревни Клепачъ за особенное ихъ усердіе къ св. церкви архипастырское его высокопреосвященства митрополита Литовскаго и Виленскаго, благословеніе.

(Лит. Еп. Влад.)

ОСВЯЩЕНІЕ ПАЦЕВИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ, ПРИПИСНОЙ ВЪ САМУИЛОВИЧСКОМЪ ПРИХОДѢ.

25-го числа мѣсяца іюля, въ день успенія св. Анны, освящена приписная въ Самуйловичскомъ приходѣ Пацевичская церковь, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы.

Обстоятельства построенія этой церкви до того своеобразны, что нельзя о нихъ умолчать. Вблизи деревни Пацевичъ, на крестьянскихъ поляхъ, лежалъ громаднхъ размѣровъ камень—дикой гранитъ, отъ плоской формы своей называвшійся въ народѣ плитой. Этому то камню выпало на долю въ продолженіи очень долгаго времени служить предметомъ особеннаго почитенія для окрестнаго народа.

Назадъ тому лѣтъ 20, мѣстное дворовое управление намѣревалось употребить этотъ камень на подѣлку мельничныхъ жернововъ, Крестьяне о томъ знали, но недорожа нисколько камнемъ, не думали тому противиться. Но вотъ однажды нѣкто изъ крестьянъ, возвращаясь ночью въ свой домъ, видѣлъ на камнѣ огонь. Затѣмъ крестьянская дѣвушка, пасшая по дню скотъ вблизи камня, будто бы увидѣла на немъ чудную жену, наименовавшую себя Богородицею и приказавшую той дѣвушкѣ оповѣстить всѣмъ, дабы люди покрѣче Богу молились, дабы жили по заповѣдямъ Божиимъ, присовокупляя къ тому, что Она всегда пребудетъ на мѣстѣ томъ и всегда услышитъ всѣхъ истинно призывающихъ Ее во всѣхъ нуждахъ и скорбяхъ. Къ тому другіе прибавляли, что видѣли по ночамъ на камнѣ возжженные свѣчи. Все это своевременно не было обследовано, а поэтому всѣ подобные рассказы, какъ то всегда случается, въ высокой степени прикрашенные, свободно распространялись между народомъ; плита сдѣлалась въ очахъ суевѣрныхъ простолюдиновъ *святою плитой*; вмѣсто прославленія Господа Бога во святыхъ храмахъ, мало по малу между христіанскимъ народомъ

распространилось своего рода идолопоклонство, къ камню стали люди собираться на молитву, ему кланялись, цѣловали и отъ него жаждали чудесъ и исцѣленій.

Нынѣшній самуйловичскій священникъ, за поступленіемъ своимъ на приходъ уже всталъ въ немъ такое идолопоклонство въ полной силѣ. Можно представить ту сердечную грусть, съ которою онъ долженъ былъ видѣть, какъ люди, вѣренныя его попеченію, забывая и оставляя храмъ Божій, собирались на молитву къ камню. Священникъ проповѣдывалъ народу благовременно и безвременно, появлялся иногда даже и при камнѣ и тамъ обличалъ суетность и преступность боготворенія его. Но пастырскій гласъ его былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Когда суевѣріе глубоко укоренится въ народѣ: тогда оно твердо какъ скала. Да и кромѣ того, задача священника усложнялась и тѣмъ, что почитателями плиты были не одни его прихожане, но они во множествѣ являлись и изъ другихъ приходоѡ. Вида безуспѣшность проповѣди, живо и самъ сознавая свой долгъ и руководимый совѣтами опытныхъ и богобоязненныхъ людей, священникъ рѣшился употребить болѣе рѣшительную мѣру,—онъ задумалъ и съ свойственною ему энергіею разбилъ камень въ куски, а дабы еще и въ такомъ видѣ камень не могъ служить для народа предметомъ боготворенія, свезъ оный на погостъ церковный съ цѣлію употребить въ дѣло при первой случившейся постройкѣ. Но и такая мѣра не имѣла желанныхъ результатовъ. Съ одной стороны въ приходѣ обнаружались въ высшей степени ропоть и недовольство на священника, возбужденныя розсказнями деревенскихъ бабъ, розсказывавшихъ, какъ они въ своихъ сновидѣніяхъ будто-бы слышали святую плиту плакавшею отъ боли при разбитіи и предрекавшею всѣмъ работавшимъ гибель неминуемую. Съ другой стороны хотя и разбитъ былъ камень, но осталась впадина, въ которой онъ помѣщался: и вотъ сталъ на родъ собираться къ ней съ тѣмъ же усердіемъ, съ которымъ собирался къ камню. При этой новой случайности, священникъ послѣ дѣятельной переписки, успѣлъ наконецъ въ томъ, что гражданскимъ начальствомъ предписано было земскои полиціи впадину засыпать и къ мѣсту приставить стражу. Это всего лучше подѣйствовало на народъ и собранія прекратились. Но такъ какъ полиція, среди другихъ своихъ занятій, очень скоро совершенно забыла возложенную на нее заботу охранять на-

родъ отъ суевѣрія; то вскорѣ сборища на мѣстѣ, гдѣ лежалъ камень, возобновились съ новою силою и тѣмъ успѣшнѣе, что, какъ кажется, были люди прямо заинтересованные въ этомъ, такъ какъ незваные и непрошеные они не погнушались пользоваться полагаемыми на томъ мѣстѣ жертвами крестьянъ и будто бы отправляли оныя *на украшенія римскихъ костеловъ*. Вотъ какимъ иногда приткимъ и безстрашнымъ бываетъ римское меркантильное благочестіе, не гнушающееся никакою жертвою, какъ бы мерзкою она ни была въ очахъ Пресвятѣйшаго Господа.

Душевно скорбя о безуспѣшности всѣхъ своихъ дѣйствій, священникъ пришелъ къ окончательному убѣжденію, что единственнымъ средствомъ къ искорененію народнаго суевѣрія можетъ послужить постройка на томъ мѣстѣ храма Божія въ видѣ икупительной жертвы Господу за грѣхъ народа. Но выполнение этой мысли казалось священнику мечтою не осуществимую при той непокрытой бѣдности, въ которой находились, какъ самъ священникъ, такъ и его прихожане. Но сила Божія всего чаще и проявляется въ немощи; а церкви Божіи создаются большею частію не богатыми средствами, но твердою вѣрою и богатствомъ любви христіанской.

Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, крестьяне деревни Пацевичъ, въ средѣ участковъ которыхъ находилось мѣсто, гдѣ нѣкогда лежалъ камень, стали подбирать жертвы, оставляемыя приходившимъ народомъ, и собравъ сотню руб. пришли сами къ священнику, отдали деньги и просили о датайствованіи о построеніи у нихъ приписной церкви. Тогда же было составлено прошеніе, и вскорѣ по оному получено разрѣшеніе епархіальнаго начальства на устройство храма Божія. На собранную сотню былъ купленъ лѣсной матеріалъ и затѣмъ началась медленная трехлѣтняя постройка, часто съ большими перерывами, случавшимися отъ недостатка рѣшительно всякихъ средствъ. Между тѣмъ по мѣрѣ того, какъ подвигалась работа, возрастало и усердіе къ церкви народа;—онъ во множествѣ складился на мѣсто постройки, со всѣхъ сторонъ приносилъ свои трудовыя копѣйки, и изъ этихъ то копѣекъ собралась сумма въ 2,000 руб. сер., во что и обошлась постройка церкви. Не правда ли, читатели, что это во всѣхъ отношеніяхъ чудная постройка? Начатая безъ всякихъ средствъ, продолжаемая и оконченная на копѣчныя жертвы! Такъ сила Божія въ немощи совершается

Господь Богъ нарицаетъ несущая яко сущая и дѣлаеть воз-
можнымъ невозможная у человекъ.

Церковь прекрасно устроена. Расположенная на открытой
мѣстности, она заставляетъ каждою пробѣгаго любоваться ея
веществомъ, граціозностію и чистотой. Счастливъ былъ планъ,
авно какъ и выполненіе его. Церковь не велика, вмѣстимо-
стию на 200 человекъ, но для того, чтобы всѣ богомольцы
могли участвовать въ Богослуженіи, устроены съ лицевой сто-
роны трое входныхъ дверей, соея же возвышена на столько,
то стоящіе предъ церковью могутъ чрезъ растворенныя двери
свободно видѣть все происходящее во храмѣ. Зданіе устроено
съ круглой формѣ съ двумя куполами—большимъ на срединѣ
рама и меньшимъ надъ притворомъ, гдѣ помѣщается и коло-
кольня. Начиная отъ фундамента и кончая крестамп, вѣнчаю-
щими зданіе, все закончено, все устроено отчетливо и красиво
во мельчайшихъ подробностей. Внутри устроенъ трехъ-ярус-
ный иконостасъ, который по всей справедливости можно отне-
сти къ числу самыхъ лучшихъ въ уѣздѣ.—Утварью церковь
вполнѣ обеспечена; съ самаго дня освященія своего она имѣть
хорошія священническія облаченія, и вполнѣ приличныя
одежды на престола, жертвенникъ, аналогіи, рѣшительно всѣ
принадлежности богослуженія и не имѣетъ нужды чѣмъ бы то
нибыло заимствоваться у своей приходской церкви.

Относя такъ успѣшное во всѣхъ отношеніяхъ устройство
приписной пацевичской церкви къ благимъ намѣреніямъ, рас-
порядительности и умѣнію самуйловичскаго священника о.
Саввы Кульчицкаго, нельзя съ другой стороны не отнести съ
величайшей похвалою и о частномъ архитекторѣ Матеевѣ Гордѣ-
евичѣ Власовѣ, по плану и подъ руководствомъ котораго строи-
лась церковь. Въ лицѣ Матвѣя Гордѣевича мы имѣемъ на-
стоящій кладъ: и въ другихъ мѣстахъ нашего уѣзда онъ ус-
троялъ церкви и вездѣ оказался добросовѣстнымъ знатокомъ
своего дѣла, искреннимъ радѣтелемъ о пользахъ церковныхъ;
всѣ работы выходили изъ подъ рукъ его красивыми, окончен-
ными и прочными и главное всегда достигалась большая эконо-
мія. Награди Господи добраго человекъ, искренно и съ любо-
вію радѣющаго о благолѣтіи святыхъ Божиихъ церквей.

Церковь была окончена постройкой къ 25 числу мѣсяца іюля
и поэтому предположено было освятить ее въ этотъ день. Ко-
гда освященія прибылъ членъ литовской консисторіи о. про-

тоіерей Петръ Левицкій. Всѣмъ намъ священникамъ было очень пріятно встрѣтиться съ своимъ прежнимъ благочиннымъ, оставившимъ намъ по себѣ самую добрую память за свое добродушіе и искренно братскую любовь, съ которыми онъ относился ко всѣмъ намъ безъ всякаго различія, ни мало впрочемъ не потворствуя въ дѣлахъ служебныхъ. Отецъ протоіерей, въ бытность свою нашимъ благочиннымъ, много содѣйствовалъ къ искорененію суевѣрнаго боготворенія камня, и вотъ какъ бы въ награду за добрыя желанія довелъ ему Богъ видѣть исполненіе своихъ давнишнихъ предположеній и освятить церковь тамъ, гдѣ прежде имѣло мѣсто неразумное суевѣріе.

Торжество началось въ вечеръ предшествовавшей дню освященія торжественною всеюнощною службою, отправлявшеюся отъ 8 часовъ до полуночи. Весь храмъ буквально былъ залитъ свѣтомъ отъ свѣчъ въ лампадахъ и паникадилъ и во множествѣ разставленныхъ по карнизамъ иконостаса и по рѣшеткамъ оконъ. Ярко освѣщенная, густо обставленная кругомъ погоста березками, въ темную ночь, церковь, представляла дѣйствительно нѣчто волшебное.

Раннымъ утромъ слѣдующаго дня была отправлена ранняя обѣдня въ приходской самуйловичской церкви и за окончаніемъ оной совершенъ крестный ходъ въ новосозданную церковь. За прибытіемъ крестнаго хода, тотчасъ же отецъ протоіерей, въ сослуженіи волковыскаго благочиннаго и еще трехъ священниковъ, приступилъ къ совершенію водосвятнаго молебствія, — затѣмъ совершены чинъ освященія храма и обѣдня съ благодарственнымъ молебствіемъ. Господь благопоспѣшилъ въ освященіи храма. Послѣ долгаго ненастья, ввергшаго хозяевъ въ отчаяніе, сверхъ всякаго чаянія въ день освященія храма просіяла свѣтлая погода; поэтому и народа собралось огромное множество. Однихъ приобщившихся отъ святой Чаши было при мѣрно до 700 человекъ.

Причтъ и прихожано самуйловичской церкви приносятъ искреннюю душевную благодарность всѣмъ невѣдомымъ жертвователямъ на святой храмъ Божій. Они будутъ всегда молить Всевидящаго Бога, да воздастъ сторицею всѣхъ ихъ жертвы, принесенныя въ тайнѣ. Также долгомъ своимъ считаемъ душевно благодарить мѣстныхъ помѣщиковъ графа Красицкаго и г. Стырпейку за пожертвованіе первымъ изъ нихъ части лѣ-

наго матеріала и за безмездный отводъ вторымъ десятины земли подъ устроенную церковь.

— 17 сент., Сокольскимъ благочиннымъ прот. І. Саковичемъ, освящена вновь починенная кузницкая церковь, при многочисленномъ стеченіи народа.

— 9 іюля, помошникомъ вилкомирскаго благочиннаго, Шавельскимъ свящ. Круковскимъ освящена новоустроенная Вѣшнянская церковь, во имя преп. Сергія.

— 11 іюля, Щучинскимъ благочиннымъ свящ. Николаемъ Теодоровичемъ освящена новоустроенная на кладбищѣ деревянная берштанъ глубокаго прихода (Лид. уѣзда) церковь во имя св. Великомученицы Параскевы, при стеченіи свыше 2,000 богомольцевъ, при чемъ роздано до 2,000 крестиковъ народу.

— 30 іюля, подоросскимъ благочиннымъ, освященъ новоустроенный иконостасъ въ подоросскѣй церкви, при многочисленномъ стеченіи народа.

— 27 сентября, ковенскимъ благочиннымъ, освящена приписанная кейданская церковь, по исправленіи оной.

— Опшмянскимъ благочиннымъ, освящены: 22 октября кревская Александровская церковь, и въ оной открыто богослуженіе, а 8 ноября зыковичская церковь въ память Воздвиженія Креста Господня.

— 12 ноября, высоколитовскимъ благочиннымъ, освящена приписанная къ милейчицкому приходу церковь, устроенная изъ упраздненнаго прихода средствами прихожанъ.

— 28 ноября, благочиннымъ Еленскимъ, освященъ новоустроенный иконостасъ въ батуринской церкви, еще прежде освященной изъ закрытаго костела; иконостасъ устроенъ средствами казны.

ОБЪ УПОТРЕБЛЕНІИ ПОЖЕРТВОВАНІЙ ДЛЯ ЦЕРКВЕЙ И УЧИЛИЩЪ ВЪ ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.

Въ послѣднее десятилѣтіе, при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, графѣ С. С. Ланскомъ, началъ возникать въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ уясненію, утвержденію и возвышенію въ западныхъ губерніяхъ Имперіи русскихъ и православныхъ началъ. Къ числу мѣръ этой категоріи, развиваемыхъ и до настоящаго времени, должно отнести:

а) Дѣйствительную постройку и обновленіе, на суммы государственнаго казначейства, православныхъ церквей въ тѣхъ особенно мѣстностяхъ западнаго края, гдѣ, за неимѣніемъ вовсе храмовъ или за совершенною ихъ ветхостью, прихожане лишены были возможности слышать богослуженіе, чрезъ что римско-католическому духовенству близъ лежащихъ костеловъ, почти повсемѣстно благолѣпныхъ, представлялся легкій случай привлекать православныхъ къ церковнымъ службамъ и, чрезъ тайную исповѣдь, совращать въ латинство.

б) Снабженіе путемъ частной благотворительности, безъ малѣйшаго со стороны казны пособія, бѣдныхъ церквей св. утварью, ризами, св. иконами и прочими богослужебными предметами и книгами.

в) Изысканіе также частныхъ источниковъ для поддержанія народныхъ училищъ, открываемыхъ при церквахъ и возникавшихъ братствахъ, и распределеніе денежныхъ и вещественныхъ пособій согласно желанію жертвователей и дѣйствительнымъ нуждамъ.

г) Изслѣдованія о племенномъ составѣ западнаго края въ отношеніи исповѣдываемой тамъ вѣры, въ видахъ опроверженія распространяемыхъ полонофилами бездоказательныхъ заявленій о немомъ числительномъ преобладаніи латинскаго элемента, заявленій, которыя принимались на вѣру не только за границею, но и въ Россіи, а потому требовавшихъ, для полнаго ихъ опроверженія, собранія и опубликованія фактическихъ данныхъ о дѣйствительной числительности православныхъ и римско-католиковъ въ 9-ти западныхъ губерніяхъ.

д) Охраненіе отъ святотатственнаго разграбленія евреями и поляками разрушающихся памятниковъ древнаго русскаго зодчества и святыхъ православныхъ, изъ коихъ многіе принадлежатъ времени равноапостольнаго Владиміра и эпохъ удѣльныхъ князей, а также составленіе этимъ нѣмымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивымъ, свидѣтелямъ глубокой русской древности и исхои русскаго въ западномъ краѣ владычества, подробныхъ и вѣрныхъ описаній и снимковъ съ каждаго изъ нихъ.

Опытъ прежнихъ лѣтъ по устройству православныхъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ западныхъ губерній, продолжавшійся болѣе четверти столѣтія (съ 1832 по 1858), доказалъ, что однихъ правительственныхъ средствъ и казенныхъ мѣръ, какъ бы онѣ ни были значительны и энергичны, недостаточно было для успѣха дѣла. По вѣдомостямъ, доставленнымъ изъ западнаго края, о

остояніи православныхъ церквей, оказывалось, что свыше трехъ тысячъ, изъ находящихся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, принадлежащихъ большею частью полякамъ, были въ столь неудовлетворительномъ состояніи, что многія изъ нихъ грозили разрушеніемъ или потому запечатаны, а остальные, по своему безобразію, убогосту и ветхости, требовали безотлагательной помощи. Оказалось тоже, что во многихъ мѣстностяхъ, за недостаткомъ церквей и необходимѣйшей утвари, въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ не совершалось богослуженія; въ церквахъ же, перешедшихъ къ намъ изъ уни, употреблялись прежніе, почти негодные по своей ветхости, богослужебные предметы и книги типа униатскаго, и, наконецъ, ни въ одномъ почти приходѣ не существовало народныхъ школъ, и дѣти православныхъ родителей нерѣдко посѣщали училища, содержимыя есендами при сосѣдственныхъ костелахъ.

Во вниманіе къ этимъ обстоятельствамъ, препятствовавшимъ правильному строю и развитію русскихъ началъ въ западныхъ губерніяхъ, первымъ условіемъ успѣха церковностроительнаго дѣла въ 1858 году признано было немедленное отстраненіе всякаго вліянія и участія владѣльцевъ имѣній, Поляковъ, на православныя церкви, о которыхъ, по прежнимъ административнымъ распоряженіямъ, они должны были заботиться. Эти-то распоряженія и были одною изъ главныхъ причинъ жалкаго состоянія православія въ краѣ, потому что онѣ, такъ сказать, узаконили вліяніе польской національной партіи и латинской пропаганды на дѣла православной вѣры. Помѣщики-поляки, подстрекаемые есендами, употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства для осуществленія традиціонныхъ польскихъ идей и, въ видахъ политическихъ, польскихъ, тормазили правительственныя мѣры.

Успѣхъ устройства церквей обусловливался кромѣ того участіемъ мѣстныхъ прихожанъ и содѣйствіемъ русскаго общества, безъ чего всѣ казенныя распоряженія оказывались неполными, поверхностными и односторонними. Для успѣха дѣла требовалось же знаніе истиннаго положенія края въ отношеніи къ его наодонаселенію и близкаго знакомства съ нуждами приходовъ, о емъ не только гражданское, но и духовное православное вѣдомство имѣли до 1858 года, самыя, сбивчивыя крайне неполныя свѣдѣнія. Наконецъ устройство церквей было немислимо безъ участія такихъ дѣятелей, для которыхъ водвореніе на западѣ Россіи присущихъ ей началъ было не одною только обязанностью и нуждою, но и дѣломъ глубокаго внутренняго убѣжденія.

Когда этотъ взглядъ на церковностроительное дѣло былъ принятъ къ руководству, то одновременно съ отстраненіемъ помѣщиковъ отъ вліянія на православныя церкви, съ приглашеніемъ самихъ прихожанъ къ дѣятельному участию въ устройствѣ собственныхъ церквей и съ выборомъ для церковностроительства вполне надежныхъ дѣятелей, приступлено было къ собранію на мѣстахъ статистическихъ данныхъ, по каждому приходу и на каждой церкви отдѣльно. Эта работа была необходима для уясненія вопроса о составѣ и положеніи православныхъ приходовъ, причтовъ и церквей *).

Имѣя такимъ образомъ подѣ рукою вѣрныя и полныя данныя о православныхъ приходахъ и не переставая получать отъ наблюдающихъ за устройствомъ церквей агентовъ официальные и неофициальныя свѣдѣнія о состояніи духовенства и паствы западныхъ епархій, о затрудненіяхъ встрѣчаемыхъ прихожанами въ устройствѣ родныхъ святинь (изъ коихъ многія относятся къ первымъ вѣкамъ христіанства въ Россіи), о темныхъ путяхъ латвинопольской пропаганды, неустанно идущей къ одной, завѣтной цѣли — ополяченію края, о возрожденіи во многихъ мѣстностяхъ православныхъ церковныхъ братствъ, памятныхъ странъ по громадности заслугъ, оказанныхъ ими православію въ смутныя времена гоненія за вѣру, и о всѣмъ томъ, что имѣетъ отношеніе къ духовному преуспѣянію русскаго населенія западнаго края, завѣдающему устройствомъ православныхъ церквей оставалось только дѣлиться этими свѣдѣніями съ русскою публикою. Знакомясь съ состояніемъ западныхъ епархій не по рассказамъ анонимныхъ корреспондентовъ, но по документамъ, не подлежащимъ сомнѣнію, и по заявленіямъ, не боявшимся повѣрки, русскіе люди отозвались сочувственно къ дѣлу и стали высылать деньги, книги и церковныя вещи для храмовъ и братскихъ школъ западныхъ губерній. Для приѣма пожертвованій была, съ Высочайшаго соизволенія, открыта частная по всей Имперіи подписка.

Такимъ образомъ общественныя средства и общественная дѣятельность могли съ пользою быть приспособлены къ правитель-

*) Не безъ труда добытыя свѣдѣнія дали въ послѣдствіи возможность приступить, подѣ моимъ руководствомъ, къ изданію вѣроисповѣднаго атласа. Имѣя, какъ дополнение къ этому изданію, печатаются съ Высочайшаго соизволенія древніе русскіе памятники западныхъ губерній, первый выпускъ коихъ можетъ выйти въ непродолжительномъ времени.

леними дѣлами, и трудное дѣло устройства церквей могло наконецъ получить желаемое осуществленіе.

Но, украшая храмы безъ казенныхъ затратъ, при содѣйствіи прихожанъ, на одни частныя пожертвованія, нельзя было тоже гнать изъ вида и народныя русскія пивоварни, заводимыя при церквяхъ и братствахъ православнымъ духовенствомъ и мірянами, на ихъ собственныя, скудныя средства. Хотя обязанность эта и не принадлежала собственно къ дѣлу обновленія храмовъ, но, по своему характеру, не была и чужда области такихъ занятій, которыми не стѣснялись никакими бюрократическими формами и представляли широкій просторъ дѣятельности къ поднятію въ край русскія начала.

Умалчивая о томъ, чего достигло правительство въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ по устройству церквей и вообще по тѣмъ предметамъ, которые велись на средства казны, общепринятымъ путемъ, я представлю здѣсь, въ общихъ чертахъ, только итоги ю такой дѣятельности, которая имѣла характеръ *частнаго* предпріятія, возникла по *частной* инициативѣ и производилась *частнымъ* порядкомъ. Какъ лицо посредническое, стоявшее между нуждами западно-русскихъ приходоу и благотвореніями русскихъ людей, я считаю себя нравственно обязаннымъ представить на судъ послѣднихъ то, что сдѣлано по этой частной дѣятельности *на средства, ими же предоставленныя* для православныхъ церквей и братскихъ школъ западнаго края.

Независимо отъ отпуска изъ государственнаго казначейства, съ 1858 по 1867 годъ, исчисленной на постройку вновь и на обновленіе 862-церквей сумми 1.174.872 руб. (круглымъ счетомъ по 2½ т. на каждую церковь), получено въ пользу храмовъ и школъ.

Деньгами :

	Руб.	К.
Отъ Государыни Императрицы, Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Величествъ и изъ капитула орденовъ . . .	69,910	—
Отъ частныхъ лицъ и обществъ	246.238	11

И сверхъ того заявлено обѣщаніе пожертвовать въ личное мое распоряженіе свыше 100,000 р.

Вещами :

Отъ Его Величества Государя Императора 25 иконъ въ богатыхъ окладахъ.

Отъ Ихъ Величествъ полное облаченіе для соборнаго служенія въ обновленный Андреевскій, въ г. Кіевѣ, храмъ.

Отъ Государыни Императрицы, Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Величествъ и Членовъ Императорскаго Дома многоцѣнной св. утвари, св. иконъ и всѣхъ необходимыхъ предметовъ для богослуженія на 40 церквей полоцкой и минской епархій.

Отъ Ихъ Высочествъ Государя Наслѣдника и Государыни Цесаревны богатое напрестольное евангеліе для Андреевскаго, въ Кіевѣ, храма.

Отъ преосвященныхъ митрополитовъ : московскаго Филарета, новгородскихъ Григорія и Исидора, отъ лавръ: сергіевской и александроневской, отъ ставропигіальныхъ монастырей и приходскихъ церквей первопрестольной столицы и отъ частныхъ благотворителей изъ разныхъ мѣстностей Россіи и Сибири:

Ризъ священническихъ, діаконскихъ, а также облачений на престолы, жертвенники и аналогіи	6.565
Св. иконъ въ окладахъ и бозъ окладовъ.	1.396
Чашъ для причащенія, съ приборомъ	1.090
Дарохранительницъ, ...	524
Крестовъ напрестольныхъ.	1.435
Мельхіоровыхъ наперсныхъ крестиковъ.	1.000.000
Евангелій напрестольныхъ	913
Чашъ разныхъ наименованій: водосвятныхъ, антидорныхъ и другихъ.	2.808
Подсвѣчниковъ выносныхъ и напрестольныхъ	1.422
Паникадель и лампадь къ св. иконамъ	797
Плащаницъ	275

Всѣ эти предметы, равно какъ мелкія для богослуженія вещи, какъ-то: кадила, мурницы, дароносицы, кропила и т. п. (цѣнность конхъ, при поставкѣ по подряду несомнѣнно, превысила бы миллионъ рублей), а также книги духовнонравственнаго и научнаго содержанія, для 247 церковныхъ бібліотекъ, коими могли бы пользоваться причты и прихожане, равно какъ учебныя руководства и разныя принадлежности для 782 братскихъ и церковныхъ шкoлъ, въ числѣ до 50,000 экземпляровъ отправлены въ 4.129 пунктовъ западнаго края.

Кромѣ отсылки на мѣста вышеозначенныхъ пожертвованій, оказаны, изъ поступившихъ отъ благотворителей приношеній, денежныя вспомошествованія на улучшеніе помѣщеній для нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній (житомірскому Цесаревича Николая Александровича, паричскому для дѣвицъ изъ духовнаго званія, острожскому, кирилло-меоодіевскому, графини Блудовой, пропойско-

ну, изабеллинскому и многимъ другимъ братскимъ и церковнымъ школамъ западныхъ епархій въ размѣрѣ 43,426 р. 84¹/₄ к.

По мѣрѣ поступления и отправки означенныхъ пожертвованій, каждый разъ было о томъ опубликовано въ „Сѣверной Почтѣ“— Всѣ сіи предметы получены на мѣстахъ исправно, о чемъ свидѣлствуютъ квитанціи мѣстныхъ причтовъ, благодарственныя письма епархіальныхъ преосвященныхъ и адреса многихъ приходовъ за щедрую помощь, оказанную имъ русскими людьми. Въ главѣ этихъ заявленій стоятъ всеподданнѣйшіе адреса отъ 420 приходскихъ обществъ, за подписью 587 членовъ духовенства и 1.314 мірянъ отъ имени 378.219 прихожанъ.

Представляя этотъ краткій отчетъ частнымъ благотворителямъ въ полученныхъ отъ нихъ пожертвованіяхъ, я нахожу также нужнымъ обратиться къ настоятелямъ православныхъ обителей и церквей западнаго края, къ причтамъ, братствамъ, приходскимъ попечительствамъ, церковнымъ совѣтамъ и ко всѣмъ вообще учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, привыкшимъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ сообщать мнѣ, внѣ всякихъ формальностей, письменно и словесно о нуждахъ своихъ церквей, школъ и приходовъ, съ увѣдомленіемъ, что впредь, по случаю совершившейся въ управленіи церковностроительною частью въ западныхъ губерніяхъ перемѣны, при которой не состоитъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особаго центрального церковностроительнаго управления, я не могу удовлетворять дальнѣйшимъ ихъ требованіямъ.

Вашекошъ.

ИЗВЛЕЧЕНЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

СЕЛЬСКІЙ СИРОТСКІЙ ДОМЪ.

4-го октября въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ, въ 3-мъ мировомъ участкѣ, въ крипнянской волости, было открытіе и освященіе крестьянскаго сиротскаго дома. Благодѣтельное значеніе сиротскаго дома можетъ понять всякій, кто мало мальски знакомъ съ крестьянскимъ бытомъ. Кому изъ такихъ личностей не случалось видѣть дѣтей, не имѣющихъ ни отца, ни матери, принятыхъ изъ состраданія, а болѣе изъ расчета, какимъ-нибудь изъ сосѣднихъ крестьянъ

лнѣ въ свою семью, и кому неизвѣстно, какой горькой участи подвергнутся эти несчастные въ дѣтскомъ возрастѣ и какая тяжелая доля ожидаетъ ихъ впереди?... Съ устройствомъ сиротскихъ домовъ положеніе несчастныхъ крестьянскихъ сиротъ не можетъ быть уже столь бѣдственно. Кромѣ весьма удобнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, помѣщенія, здоровой пищи, бани, лазарета съ постояннымъ фельдшеромъ, сиротскій домъ, приучая дѣтей къ чистотѣ и порядку, давая имъ научное образованіе, приготовляетъ еще ихъ къ различнымъ должностямъ, какъ на примѣръ дѣвочекъ—въ кухарки, экономки, швеи и пр.; вмѣстѣ съ этимъ не забыты и крестьянскія работы: у кринянскаго сиротскаго дома есть маленькое крестьянское хозяйство. Кромѣ такой практической важности сиротскій домъ служитъ отличнымъ проводникомъ русскаго элемента. Впечатлѣнія дѣтства остаются на всю жизнь. Дѣти, изолированныя отъ польскаго элемента, находясь подъ постояннымъ вліяніемъ достаточно образованной русской смотрительницы, вполне сродняются съ русскимъ элементомъ и въ послѣдствіи внесутъ его всецѣло въ свой домашній бытъ, и теперешнія дѣвочки-сироты, обратясь въ матерей, будутъ воспитывать своихъ дѣтей также разумно, какъ воспитываютъ теперь ихъ самихъ.

Нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ кѣмъ-нибудь было обращено особое вниманіе на столь важный предметъ, какъ устройство быта крестьянскихъ сиротъ. На сколько мнѣ извѣстно, попытка къ улучшенію быта этихъ несчастныхъ приведена въ исполненіе впервые въ 3-мъ мировомъ участіѣ Бѣлостовскаго уѣзда. Эта попытка удалась какъ нельзя лучше.

Изъ суммъ копѣчнаго сбора съ крестьянъ кринянской волости выстроено прекрасное зданіе для помѣщенія сиротъ; изъ этихъ же суммъ всѣ сироты прилично одѣты. По свѣдѣніямъ, даннымъ мѣстнымъ мировымъ посредникомъ, содержится заведеніе слѣдующимъ образомъ: деньги, нужныя на отопленіе, освѣщеніе дома, на наемъ смотрительницы, сторожа, на одежду, берутся изъ мірскаго капитала, на что крестьяне надлежащимъ приговоромъ дали свое согласіе, а продукты для пищи крестьяне обязали доставлять поочередно изъ каждаго сельскаго общества. (См. Почт.)

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ШКОЛЪ ВЪ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Недавно въ минскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи разбирался вопросъ объ изысканіи средствъ для под-

держанія народныхъ школъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, по случаю передачи ихъ съ 1868 года въ вѣдѣніе дирекціи народныхъ училищъ. Дирекція представила расчетъ, по которому, если крестьяне всей губерніи согласятся платить по 8 в. съ души на дѣло народнаго образованія, то можно будетъ съ помощью средствъ, имѣющихся въ распоряженіи дирекціи, обезпечить устройство не только всѣхъ существующихъ школъ, находящихся въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, но и открыть нѣсколько новыхъ во всѣхъ необходимыхъ пунктахъ, гдѣ училища еще не открыты.

Что касается до трудности крестьянамъ уплатить по 8 коп. съ души, то директоръ народныхъ училищъ, г. Кандидовъ, указалъ на примѣръ мирового посредника Игуменскаго уѣзда, г. Пушкарева, который успѣлъ убѣдить всѣхъ крестьянъ своего участка составить приговоры, по которымъ они обязуются уплачивать ежегодно на содержаніе народныхъ училищъ не по 8 коп. съ души, а по рублю сер. съ двора, что составитъ почти по 30 в. съ души. Сборъ этотъ далъ имъ возможность, съ помощью дирекціи, содержать школы въ каждомъ селѣ, въ которокъ находится отъ 70 до 100 дворовъ, съ жалованьемъ наставнику по 150 р. въ годъ, то есть тѣмъ же самымъ, какое получаютъ наставники въ училищахъ, содержимыхъ отъ казны. Крестьяне уплачиваютъ этотъ сборъ весьма исправно, безнедоумочно, и никто изъ нихъ никогда не жаловался на обременительность этого сбора. Слѣдовательно все будетъ зависѣть отъ того, съ какимъ усердіемъ мировые посредники отнесутся къ этому дѣлу. Если они выкажутъ хоть часть того сочувствія и энергіи къ этому дѣлу, какое выказалъ г. Пушкаревъ, то можно будетъ съ увѣренностью сказать, что дѣло народнаго образованія въ Минской губерніи обезпечено, а это весьма важно въ Минской губерніи, гдѣ русская школа преслѣдуетъ не только общую цѣль грамотности, но и служить связующимъ звѣномъ бѣлорускаго народа съ кореннымъ великорусскимъ. Губернское присутствіе постановило просить мировыхъ посредниковъ оказать свое содѣйствіе къ осуществленію этого важнаго дѣла. (Съв. Почта).

ИЗЪ ОСТРОГА (Волинской губерніи).

Едва ли какой нибудь изъ городовъ Волинской губерніи можетъ похвастать имѣніемъ меньшаго числа людей православнаго

исповѣданія съ чисто русскимъ происхожденіемъ, для занятія общественныхъ должностей, какъ г. Острогъ. Древняя колыбель православія на Волини, обратилась почти исключительно въ польско—еврейскій городъ и обрусеніе г. Острога, если можно такъ выразиться, еще не наступило. Если въ высшихъ слояхъ общества замѣчаться такой недостатокъ въ замѣщеніи надежными русскими должностей занятыхъ до сего времени многими поляками, то что сказать про должности въ средѣ крестьянскаго населенія—про должности волостныхъ писарей? Онѣ замѣщаются здѣсь всякою всячиной, а нерѣдко людьми опорочившими себя на прежнемъ служебномъ поприщѣ, а иногда и изгнанными изъ службы.... Положимъ кого нибудь изгоняютъ изъ какого нибудь присутственнаго мѣста—хотя бы за взятки (доказать ихъ всегда невозможно). Куда дѣваться, пока судьба не повернется благоприятною стороною, и не дастъ возможности этой *жертвѣ юмения по службѣ*, при новой перемѣнѣ обстоятельствъ, разжалобить новое начальство и получить опять теплое мѣстечко? Въ волостные писаря! рѣшаетъ *жертва по службѣ*,—тамъ и тепло и сыто, да и съ безграмотнымъ старшиною всегда легче обдѣлать свои дѣлишки!—Прошелъ годикъ, прошелъ другой, *жертва* оперилась, сыта, накормлена; чаекъ попиваетъ и табачекъ покуриваетъ турецкаго происхожденія. При этомъ не только *мужицкое быдло*, да и самъ старшина иначе какъ безъ шапки съ *панымемъ* не разговариваетъ. Словомъ *жертва* пріютилась, какъ видно, хорошо. Но вотъ мировой посредникъ наконецъ рѣшается прогуляться съ толкомъ по волостямъ:—значить ревизію учинить. Смотришь: маленькія подчисточки, подскобочки, недочеты и другіе казусы подали поводъ мировому посреднику возмѣть *личность* къ *жертвѣ*, и *жертва* опять страдаетъ по службѣ, принесявая себѣ теплаго мѣстечка, на должности волостнаго писаря, въ другомъ уѣздѣ. А дѣло вышло дрянъ. Подъ судъ *жертву* отдать невозможно:—*жертва* великій магъ крючкодѣйскаго искусства и всякихъ лазеекъ. Но *жертва* однако напакостила, а отвѣтчикъ за растрату денегъ безграмотный старшина.—Онъ или платись своимъ послѣднимъ имуществомъ, или иди подъ судъ.—Съ воспрещеніемъ р.-католикамъ поступать въ волостные писаря, качество ихъ не измѣнилось. Ихъ занимаютъ большею частью или пьяные солдаты, или исключенные за дурное поведеніе семинаристы, или наконецъ тѣ же *жертвы* по службѣ, обратившіяся теперь въ хамелеоны принявшіе православіе.—Есть разумѣется исключенія

между волостными писарями, но исключенія эти весьма рѣдки *).

Неоднократные плачевные опыты съ волостными писарями привели старшинъ Острожскаго уѣзда къ убѣжденію въ необходимости предложить обществамъ крестьянъ образовывать изъ среды себя своихъ собственныхъ волостныхъ писарей. Сознанное это убѣжденіе было разработано ими на общемъ собраніи въ день освященія церкви Кирилло—Меѳодіевскаго острожскаго братства и за тѣмъ предложено на обсужденіе волостнымъ сходамъ, которые сочувственно отнесясь къ предложенію старшинъ составили о томъ единогласные приговоры. Предположено отъ уѣзда воспитывать на мірской счетъ 20 мальчиковъ; сначала при приходскомъ, а за тѣмъ въ дворянскомъ 3-хъ классномъ острожскомъ училищѣ съ тѣмъ, чтобы по окончаніи въ немъ курса наукъ воспитанники, занявшіе должности писарей въ волостяхъ, обязаны были отслужить обществамъ воспитавшимъ ихъ не менѣе 6 лѣтъ. а для того чтобы выпускъ волостныхъ писарей по истеченіи 4-хъ лѣтняго времени не прекратился, то ежегодно воспитывать еще по 5-ти мальчиковъ отъ уѣзда. Въ каникулярное время послѣднихъ двухъ лѣтъ ученія воспитанниковъ гг. мировые посредники обязались брать ихъ къ себѣ въ канцеляріи, разъясняя имъ Высочайше утвержденное положеніе 19-го февраля 1861 года и позднѣйшія узаконенія относящіяся къ крестьянскому дѣлу, съ тѣмъ, чтобы молодой воспитанникъ по окончаніи курса наукъ въ уѣздномъ училищѣ былъ достаточно ознакомленъ съ должностію, для которой онъ предназначается обществомъ. Такимъ образомъ Острожскій уѣздъ чрезъ 4 года можетъ надѣяться имѣть во всѣхъ волостяхъ вполне грамотныхъ и развитыхъ молодыхъ волостныхъ писарей изъ крестьянъ собственныхъ, а впоследствии и воспитанниковъ способныхъ занимать должности учителей при сельскихъ школахъ. — Помогай Богъ такому хорошему предпріятію! Честъ и слава старшинамъ Острожскаго уѣзда сумѣвшимъ подвинуть крестьянъ къ началу такого важнаго въ уѣздѣ учрежденія. Спасибо и мировымъ дѣятелямъ, сочувственно отнесшимся къ этому дѣлу и взявшимъ на себя высоко—нравственную обязанность: какъ наблюденія за воспитаніемъ молодаго крестьянскаго поколѣнія, такъ и добросовѣстному подготовленію его къ

*) А мы, напротивъ, имѣемъ свѣдѣнія изъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ настоящее время, благодаря заботливости высшаго начальства, исключеніями весьма рѣдки—во обратномъ смыслѣ, по пословицѣ: «нѣтъ семьи безъ урода!»
(Ред. Вѣст. Зап. Россіи).

предназначаемымъ должностямъ. Мы, будучи лично знакомы съ нынѣшнимъ составомъ острожскаго мирового съѣзда увѣрены, что члены его не будутъ расточать одни только громкія фразы, но высоко цѣня довѣріе къ нимъ крестьянскихъ обществъ, съ первымъ же выпускомъ воспитанниковъ осязательно докажутъ крестьянскому населенію, что трудовая копѣйка его, брошенная на пользу общую, не осталась безплодною.

Отъ трехъ участковъ воспитанники въ числѣ 17 привезены и помѣщены на квартирѣ учителя приходскаго училища г. Юденю, который принялъ на себя трудъ какъ подготовленіе ихъ въ первый классъ уѣзднаго училища, такъ и въ послѣдствіи содержаніе ихъ при училищѣ. На дняхъ ожидаютъ прибытія еще 4-хъ изъ остальнаго участка. Наблюденіе какъ за содержаніемъ воспитанниковъ, такъ и ихъ прилежаніемъ возложено обществами на личный составъ мирового съѣзда и воспитанники, оказавшіеся нерадивыми, должны быть въ первый же годъ замѣняемы другими болѣе способными. Форма одежды во все время обученія мальчика въ дворянскомъ училищѣ сохраняется обыкновенная не отличающаяся отъ крестьянской, а чтобы облегчить переходъ воспитанниковъ изъ класса въ классъ, то сдѣлано сношеніе съ г. попечителемъ учебнаго округа объ исключеніи иностранныхъ языковъ изъ числа предметовъ обязательныхъ. Всѣ поступившіе воспитанники умѣютъ порядочно уже читать и писать и подають надежду перехода къ лѣту этаго года въ первый классъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они понимая свое назначеніе, съ большою охотою желаютъ учиться, что рѣдко встрѣчается въ дѣтяхъ такого возраста (отъ 13 до 15 лѣтъ). Мы слышали, что едва вѣсть прошла по волостямъ о назначеніи мальчиковъ въ училищѣ, какъ мировые посредники завалены были просьбами многихъ родителей о принятіи сыновей ихъ въ школу.—Значить у народа есть желаніе, и желаніе сильное, образоватъ своихъ дѣтей. Чѣмъ же объяснить послѣ того нарѣканіе многихъ изъ нашихъ сельскихъ священниковъ, заявляющихъ отзывами къ мировымъ посредникамъ; что крестьяне относятся апатично къ образованію своихъ дѣтей, а мировые посредники въ этомъ дѣлѣ будто-бы отказываютъ имъ въ помощи. Странныя бываютъ иногда требованія? И какое вліяніе, кромѣ нравственнаго, можетъ здѣсь оказать мировой посредникъ? И едва ли его нравственное вліяніе должно быть сильнѣе высоко-нравственнаго вліянія на народъ его пастыря духовнаго...

Въ настоящее время крестьянскій вопросъ въ юго-западномъ краѣ оконченъ повсемѣстно. Крестьяне, благодаря неуспѣшнымъ трудамъ на пользу ихъ начальника края, обезпечены вполне какъ возвращеніемъ имъ поземельной собственности, такъ и установленіемъ нормальныхъ за нее платежей. Бытъ крестьянъ осязательно поправился и духъ народа и разумный взглядъ его на окружающіе предметы, такъ долго находившійся подъ угрозомъ систематической польской интриги наконецъ освѣжился и съ полною надеждою глядитъ въ свѣтлое будущее. Рвеніе къ образованію въ народѣ сильно, и онъ понимая свою пользу не пожелаетъ удѣлить трудовую копѣйку, чтобы дать своимъ дѣтямъ развитіе. Если же онъ несочувственно относится пока къ сельскимъ школамъ, то причиною тому не нежеланіе его учить дѣтей, а вынесенное убѣжденіе въ неудовлетворительности и безуспѣшности такого образованія, и сильно вкоренившееся подовѣріе къ лицамъ занимающимъ мѣста сельскихъ учителей—*помичамъ* (какъ ихъ окрестилъ здѣсь народъ). Но дайте въ сельскую школу учителя, вышедшаго изъ той же среды и даже селенія; который бы не отлился отъ жизни и обычаевъ простолюдина и вы увидите съ какимъ сочувствіемъ отнесется къ нему крестьянское населеніе. Оно на него будетъ смотрѣть какъ на свое дѣтище,—кость отъ своихъ костей. Это народная его гордость и видя осязательный примѣръ передъ глазами, оно поспѣшитъ съ полнымъ довѣріемъ отдать въ его руки образованіе своего молодого поколѣнія. Оно не побойтся напыля въ головы дѣтей своихъ никакихъ возмутительныхъ и вредныхъ началъ, потому что хорошо знаетъ что наставникомъ его сыновей не *памичъ-вольнодумецъ*, а тотъ же крестьянинъ—собственникъ—*Грицько*, сынъ *Охрима*, живущаго въ томъ же селѣ, семья котораго денно и ночью возноситъ теплыя молебны за жизнь Того, который съ днемъ 19 февраля 1861 года, возвратилъ къ жизни миліоны своихъ вѣрно-подданныхъ. Честный *Охримъ* не дастъ своему *Грицьку* сдѣлаться безчестнымъ учителемъ; да и самъ *Грицько* того не захочетъ, зная что своимъ усердіемъ и рвеніемъ на пользу общую, онъ получая обезпеченное содержаніе можетъ заслужить признательность и уваженіе всего околдованна и, чѣмъ судьба не шутитъ!—можетъ быть и въ старшини махнуть! А *Грицько* будетъ хорошии старшина!—За это верукой вся его добрая и честная семья. Его и писарь не обмазаетъ и не подведетъ его подъ судъ. Да и отъ мирового крогѣ благодарности ждать *Грицьку* нечего.—А для того

чтобы у нас завелись современемъ грамотные и толковые старшины, подобныя *Гришкѣ*,—надо бы теперь заняться всѣмъ мировымъ дѣятелямъ съ полнымъ усердіемъ воспитать сначала волостныхъ писарей, не тѣхъ, которыхъ мы часто встрѣчаемъ—окончившихъ обученіе свое въ писарскихъ школахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и превосходящихъ часто своимъ направлениемъ первоклассныхъ кабарниковъ;—но писарей толковыхъ, развитыхъ и проникнутыхъ вполне нравственными началами.—Подготовить способныхъ и образованныхъ волостныхъ писарей и сельскихъ учителей въ приходскихъ школахъ, или сельскихъ училищахъ пока невозможно по недостатку въ нихъ спеціальныхъ наставниковъ по всѣмъ наукамъ, для принсканія которыхъ потребовались бы значительныя денежные затраты, чего общества крестьянъ пока сдѣлать не могутъ и удобнѣйшимъ и дешевымъ къ тому средствамъ является воспитаніе сельскихъ мальчиковъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ одной изъ волостей Острожскаго уѣзда служить волостнымъ писаремъ крестьянинъ—собственникъ, окончившій трехъ классовое острожское дворянское училище. Онъ третій годъ на этой должности и надо поглядѣть съ какимъ довѣріемъ и любовью относится къ нему все населеніе волости. Это будущій старшина и, мы увѣрены—старшина вполне дѣльный и разумный. ***

(Вил. Вѣст.)

ГАЗЕТА „OPINION NATIONALE“ О СВѢТСКОЙ ВЛАСТИ ПАПЪ.

Въ газетѣ „Opinion Nationale“ отъ 20-го октября (1-го ноября), напечатана слѣдующая статья :

„Изъ числа тѣхъ немногихъ, какъ мы полагаемъ, р.-католиковъ которые все еще продолжаютъ вѣрить въ необходимость сохраненія за папою его мірскаго владычества, нѣкоторые основываютъ свои соображенія на такомъ фактѣ, значеніе котораго они черезчуръ преувеличиваютъ. Мы хотимъ говорить о вѣствѣ, дававшей папамъ, оберегать достояніе архипастырскаго престола и наслѣдіе св. Петра отъ всякаго ущерба и посягательства.

„Людемъ, сочувствующимъ дѣлу прогресса и демократическимъ побужденіямъ нашего времени, необходимо имѣть подъ рукою такіе аргументы, которые доставляли бы имъ возможность возражать съ успѣхомъ противъ софизмовъ завоснѣлыхъ ультрамонтановъ

Намъ не остается ничего другого, какъ только ознакомить ихъ съ сочиненіемъ одного изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ членовъ р.-католическаго духовенства, достойнѣйшаго представителя іезуитскаго братства, бывшаго долгое время другомъ Пія ІХ и исполнявшаго щекотливныя обязанности официального толкователя слова Божія при римскомъ дворѣ.

„Патеръ Пассалья выражается слѣдующимъ образомъ:

„Каждому изъ насъ извѣстны клятва, даваемая архипастыремъ, и вытекающія изъ нея важныя для него обязательства. Но, съ другой стороны, кому неизвѣстно, что формула клятвенной присяги, предписанная Піемъ V и утвержденная Урбаномъ VIII, собственно говоря, относится къ уступкамъ папскихъ владѣній, которыя могли бы быть отданы изъ личныхъ цѣлей или въ видахъ какихъ-либо частныхъ семейныхъ интересовъ, въ ущербъ общественному благу?

„Кому неизвѣстно напримѣръ, что соблюденіе присяги, хотя и налагающее весьма священныя обязательства, не изъято отъ нѣкоторыхъ условій, ибо присяга, по мнѣнію св. Августина, не учреждена для того, чтобы ограждать собою всякія злоупотребленія.

„Всякій знаетъ, что обязательство, возлагаемое клятвою, теряетъ свою силу, коль скоро не представляется возможности выполнить его. А кто станетъ утверждать, что мірское владычество римскаго первосвятителя составляетъ ничѣмъ не вознаградимое благо? Кто не знаетъ, что представляются иногда такіе случаи, въ которыхъ чувство долга и многія другія важныя соображенія почти заставляютъ взамѣнъ одного блага принимать другое, равносильное ему или же сопряженное еще съ высшими интересами.

„Патеръ Пассалья подвергаетъ вопросъ о папской клятвѣ всестороннему обсужденію и продолжаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ :

„Римскій первосвятитель поставленъ въ такое положеніе, что какое бы значеніе ни придавали его присягѣ, онъ не обязанъ безпрекословно выполнять всѣхъ своихъ клятвенныхъ обѣщаній, какъ во вниманіи къ тому обстоятельству, что клятва ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить поводомъ къ несправедливостямъ, такъ и потому, что она не можетъ заставитьъ насъ дѣлать то, что свыше нашей власти, и своими настояніями привести въ упадокъ церковь и общество. И такъ, по нашему мнѣнію, было бы необходимо убѣдить папу, въ интересахъ церкви и общества, отказаться на будущее время отъ всякихъ политическихъ заботъ по управленію

римскимъ государствомъ и добровольно принять взагнѣ своего теперешняго положенія другое право, не только равносильное первому, но и превосходящее его во многихъ отношеніяхъ.

„Но спрашивается: какое это благо и въ чемъ заключается оно? Благо это то самое, которое предложилъ ему италіанскій парламентъ, единодушно провозгласившій „свободную церковь въ свободномъ государствѣ.“

„Доводы патера Пасальи, вполне сообразные съ принципами, духомъ и характеромъ католическихъ доктринъ, неопровержимы. Они основываются на здоровомъ смыслѣ и на непреложныхъ божественныхъ истинахъ, и нужно быть весьма ограниченнымъ въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, чтобы не понять, что первый и важнѣйшій долгъ главы церкви повелѣваетъ ему жертвовать всѣмъ въ пользу интересовъ христіанскихъ народовъ и спокойствія міра, во имя благоденствія стада Христова, котораго онъ именуется верховнымъ пастыремъ. Сила вышепомянутой клятвы давно утратила свое значеніе. Пій VI, удалившись въ монастырь картезіанъ тотчасъ послѣ возстановленія римской республики, провозглашенной съ Капитолія генераломъ Бертъе, написалъ формулу, по которой духовенство должно было присягать на вѣрность новому правительству.

„Эта формула заключала въ себѣ полное отреченіе отъ всякихъ преимуществъ свѣтской власти. Вотъ текстъ ея: „Клянусь не принимать никакого участія въ заговорахъ и замыслахъ противъ нынѣшняго правительства, въ видахъ возстановленія прежней монархіи. Клянусь питать ненависть къ анархіи и оставаться неизмѣнно преданнымъ республикѣ и конституціи, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ дѣло коснется католической религіи.“

„Папа Пій VII добровольно отказался отъ мірскаго владѣтельства, и одинъ изъ его министровъ, кардиналъ Пакка, привѣтствовалъ это отреченіе какъ новый залогъ могущества церкви. Не считаетъ ли папа Пій IX обонхъ своихъ предшественниковъ достойными вѣчныхъ мученій ада за то, что они послѣдовали ученію Исуса Христа, сказавшаго: Царствіе Мое не отъ міра сего.“

(См. Поч.)

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЛЕПЕЛЬСКАГО УѢЗДА.

Населеніе Лепельскаго уѣзда состоитъ изъ православныхъ, католиковъ, раскольниковъ, частію лютеранъ и евреевъ, православное населеніе состоитъ изъ крестьянъ собственниковъ и

государственныхъ, чиновниковъ, мѣщанъ, незначительнаго числа дворянъ и однодворцевъ.— Крестьяне собственники и государственные въ нравахъ и обычаяхъ своихъ нисколько не отличаются отъ крестьянъ другихъ уѣздовъ Бѣлоруссіи. Замѣчательно, что крестьяне, не смотря на свою простоту, свойственную людямъ неграмотнымъ, не смотря на бывшее крѣпостное состояніе, вредившее ихъ умственному и нравственному развитію, сохранили нравы чище, чѣмъ можно было ожидать отъ людей, неимѣвшихъ въ свою жизнь ни собственности, ни воли ни даже сознанія, что они такіе-же люди какъ и другіе, пользующіеся свободою жизни.— Бѣлоруссъ-крѣстьянинъ отъ природы добръ, характера тихаго и безпрекословно исполняетъ требованія правительства. Правда, есть въ характерѣ крестьянъ элементы непохвальные, какъ на примѣръ лѣность и слабость посѣщать корчмы; но кому же не пріятно послѣ такого тяжкаго труда, какъ крѣпостное состояніе, дозволить себѣ пожить такъ, какъ ему хочется, тѣмъ болѣе, что крестьяне еще не усвоили себѣ навыка самостоятельности и не привыкли заботиться о своихъ интересахъ. Въ настоящее время крестьянинъ смотритъ на жизнь, какъ больной послѣ тяжелой болѣзни; для него сложилась совершенно новая жизнь, которую онъ инстинктивно и прежде понималъ, но не испыталъ; его на каждомъ шагу удивляетъ что-то небывалое въ прежнее время. Посредникъ, какъ опекунъ, заботится о крестьянинѣ больше, чѣмъ заботился прежде помѣщикъ, для котораго онъ трудился и въ добавокъ безъ всякаго интереса. Пріѣдетъ чиновникъ разбирать его жалобу, онъ видитъ въ разбирательствѣ справедливость и вмѣсто благодарности, которую прежде чиновникамъ давали за правое дѣло, онъ слышитъ отъ него строгое приказаніе никому не давать благодарностей, подъ строгою отвѣтственностью. Придетъ въ церковь и начнетъ креститься попольски, какъ его прежде пріучили, ему говорятъ, что нужно креститься не такъ, а вотъ такъ—по православному; придетъ домой ему жена говорить, что старшина пріѣзжалъ и забралъ дѣтей въ училище учиться грамотѣ. Настанетъ рекрутскій наборъ, и если кто стоитъ на очереди, то уже не идетъ въ городъ, какъ прежде дѣлалось, проситъ избавить его отъ рекрутчины: онъ знаетъ, что ничто не поможетъ, и переноситъ свой жребій съ твердостью, въ убѣжденіи, что законъ долженъ быть соблюдаемъ свято. Однимъ словомъ, въ жизни крестьянъ въ настоящее время, по милости Батюшки-Царя, совершился такой переворотъ, о которомъ они и не мечтали, такъ что нельзя не согласиться съ собственнымъ ихъ убѣжденіемъ, что они вновь начинаютъ жить. Но нельзя не замѣтить, что несмотря на такой очевидный нравственный переворотъ, крестьяне еще не вполне убѣждены, что старые порядки не возвратятся. Новая жизнь такъ для нихъ еще непривычна и такъ мало они жили ею, что быть самостоятельными они еще не хотятъ и жить безъ руководства посторонняго

не могут; поэтому, при малѣйшемъ колебаніи администраціи въ ея благородномъ направленіи, положеніе крестьянъ будетъ жалкое, какъ человѣка, который проврѣлъ, увидѣлъ свѣтъ и ослѣплъ.

Р. католическое населеніе состоитъ: изъ помѣщиковъ, бывшей шляхты и крестьянъ православныхъ. Помѣщики и бывшая шляхта, вслѣдствіе бывшихъ политическихъ безпорядковъ и существующихъ правительственныхъ мѣръ, вѣдутъ такую замкнутую въ своемъ кругу жизнь, что они, какъ говорится, по виду ниже травы и тише воды. Лепельскій уѣздъ въ недавнее время, даже въ 1863 году, въ Витебской губерніи славился богатствомъ помѣщиковъ и умениемъ привольно жить; въ настоящее же время въ жизни р. католическаго населенія царствуетъ магильная тишина. Причина такой рѣзкой перемены, по общему голосу р. католиковъ, обѣдненіе помѣщичьихъ имѣній, вслѣдствіе разныхъ причинъ и между прочимъ контрибуцій; но этотъ голосъ несправедливъ. Конечно, нельзя отрицать, чтобы контрибуція не была ощутительна, но она не могла сдѣлать такого ущерба въ средствахъ помѣщиковъ. Скорѣе всего причину обѣдненія, если только оно существуетъ, слѣдуетъ отнести къ прежней ихъ неумѣренной жизни и бывшимъ сборамъ на повстаніе. Нужно удивляться характеру и образу мыслей поляковъ, конечно за исключеніемъ нѣкоторыхъ. Напримѣръ: помѣщикъ съ хорошимъ состояніемъ получаетъ приличное образованіе и поселяется въ своемъ имѣніи, убѣждая другихъ, что онъ будетъ хозяйничать. Сначала онъ не занимается хозяйствомъ, оправдывая себя тѣмъ, что онъ еще неопытенъ, нанимаетъ управляющаго, а самъ развлекается домашними удовольствіями, лежа на боку. Проходитъ нѣсколько лѣтъ; привыкнувши къ лежачей жизни, на хозяйство онъ уже не обращаетъ никакого вниманія, а между тѣмъ управитель, пользуясь этимъ, извлекаетъ доходы въ свои карманы. Наконецъ помѣщикъ замѣчаетъ плутни управляющаго, отдаетъ имѣніе въ аредное содержаніе, а самъ положительно устранивается отъ всякихъ занятій, и здѣсь то, т. е. въ арендѣ, имѣніе положительно разоряется, потому что арендаторъ старается только извлечь больше дохода, не заботясь объ удобреніи земли.

Едва ли какой нибудь народъ имѣетъ такія способности, какъ поляки—*взводитъ клевету на людей*, которые имъ не симпатизируютъ. Польскій катехизисъ—самый вѣрный фотографическій снимокъ польскаго характера. Каждому русскому чиновнику, исполняющему долгъ своей службы, какъ слѣдуетъ чловѣку честному и добросовѣстному, приходилось на себѣ испытывать язвы клеветы польской, но больше всѣхъ досталось административнымъ чиновникамъ, имѣющимъ по своей службѣ чаще другихъ столкновенія съ жителями. Безъ всякой нескромности можно сказать слѣдующее: кто изъ русскихъ чиновниковъ, пріѣхавшихъ въ этотъ край, не зная польскихъ интригъ, безъ

связей и протекцій прослужилъ 1863, 64 и 65 годы, не уклоняясь отъ образа своихъ благородныхъ убѣжденій, дѣйствуя по силѣ инструкцій, тотъ имѣеть право сказать, что онъ жилъ и жилъ настоящею жизнею, не праздною, не покойною, но трудовою и тревожною, въ постоянной борьбѣ, защищая честь русскаго чиновника. Самая послѣдняя и вмѣстѣ съ тѣмъ самая пошлая польская продѣлка та, что когда всѣ козни предъ начальствомъ замарать честь чиновника не имѣютъ успѣха, то начинаютъ распускать слухи, что такого то чиновника переводятъ туда то. Конечно, сначала этому не вѣрятъ, но когда слухи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе повторяются, чиновникъ начинаетъ конфузиться, и служебный авторитетъ его теряетъ силу. Тѣхъ же чиновниковъ, которые идутъ непрямимъ русскимъ путемъ, а такъ себѣ, гдѣ скокомъ, а гдѣ бѣгомъ, дозволяя себѣ дѣлать послабленія, смотря по личности, поляки очень хвалятъ и даже въ глаза имъ говорятъ: „мы начинаемъ вѣрить, что и у русскихъ чиновниковъ есть правда, а сами между тѣмъ думаютъ: „о москаль, якій ты дурень!“ Навѣрно можно сказать, если русскаго чиновника поляки хвалятъ, вѣрно онъ не исполняетъ добросовѣстно своей обязанности и польская похвала есть злая надъ нимъ насмѣшка. Чиновники же, которыхъ польская сторона не хвалитъ, полезны здѣшнему краю, и сами поляки съ сожалѣніемъ въ душѣ сознаютъ, что такіе люди дѣлаютъ честь русскому имени.

Раскольническое и лютеранское населеніе въ земледѣліи, первое между податными сословіями, а послѣднее между помѣщиками, лучшіе хозяева. Раскольники, въ своемъ характерѣ, ничего особеннаго не представляютъ, кромѣ постоянного труда, чрезъ что благосостояніе ихъ несравненно въ лучшемъ видѣ, чѣмъ у прочихъ крестьянъ. Въ религіозномъ отношеніи они представляютъ общую черту всѣхъ раскольниковъ въ привязанности къ своей вѣрѣ, для которой каждый изъ нихъ способенъ на самоотверженіе. Недавно былъ такой случай: когда полиція объявляла раскольникамъ распоряженія, что если кто изъ нихъ сдѣлаетъ преступленіе, общество, въ средѣ коего проживаетъ виновный, будетъ подтвергнуто отвѣтственности; то раскольники, не давъ становому подписки въ объявленіи имъ распоряженія, пришли въ городъ къ исправнику удостовѣриться, дѣйствительно ли означенное распоряженіе не относится къ ихъ вѣрѣ, объявляя при этомъ, что они всегда были и будутъ вѣрно служить Царю, (что и доказано ими въ послѣдній польскій мятежъ), только, чтобы не трогали отцовской вѣры.

Еврейское населеніе—самое замѣчательное изъ всѣхъ племенъ, населяющихъ Лепельскій уѣздъ, по своимъ нравамъ, обычаямъ и религіознымъ понятіямъ. Въ послѣднее время о евреяхъ западнаго края такъ много было писано, что въ настоящемъ краткомъ очеркѣ придется только подтвердить описанныя еврей-

скія странности. Въ нашъ вѣкъ кажется невозможнымъ придумать столько пунктовъ нравственныхъ преткновеній, сколько оставили имъ въ наслѣдство ихъ талмудическіе законодатели. Есть города, гдѣ евреи по коммерческимъ дѣламъ имѣютъ сношеніе съ людьми знакомыми съ цивилизаціею; тамъ нѣкоторыя еврейскія личности начинаютъ принимать европейскіе обычаи, подвергая анализу талмудъ и даже Моисеевъ законъ. Даже въ Витебскѣ еврей Б... рѣшился сдѣлать шагъ впередъ, облачивъ своихъ дѣтей не въ еврейскіе хитоны, оставивъ впрочемъ на головахъ своихъ женщинъ накладные волосы изъ лошадиныхъ гривъ; но въ такой глуши, какъ Лепель, гдѣ сами жители говорятъ, конецъ свѣту, потому что дальше Лепеля нѣтъ даже почтовой дороги, еврейское населеніе сохранило цѣликомъ допотопные нравы и обычаи. Въ Лепельскомъ уѣздѣ рѣдко кто изъ евреевъ знаетъ отдѣльное ремесло и занимается имъ, а то всѣ, за исключеніемъ незначительнаго числа землепашцевъ, промышленяють торговлю. Никто такъ не страдаетъ отъ еврейской торговли; какъ бѣдные крестьяне. Въ уѣздѣ около десяти довольно многолюдныхъ мѣстечекъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ жительства крестьянъ, населенныхъ положительно почти одними евреями, которые, не зная никакого ремесла, живутъ на счетъ крестьянъ. Закупаютъ у крестьянъ, съ помощью обмана, сельскіе продукты, или въ промѣнъ даютъ имъ какой нибудь негодный товаръ; содержатъ корчмы, въ которыхъ съ крестьяниномъ что хотять то и дѣлаютъ; даютъ деньги на проценты, въ счетъ будущихъ урожаевъ, и даже безъ процентовъ, съ тѣмъ, чтобы должникъ никому не продавалъ сельскихъ произведеній, кромѣ его. Такого рода коммерціею промышленяють всѣ евреи; за исключеніемъ самаго малаго числа торгующихъ лѣсомъ съ Ригею. Нигдѣ такъ не удобно, какъ въ маленькихъ городахъ, въ рѣдѣ Лепеля, забрать торговлю въ одни еврейскія руки и пользоваться монополіею. Есть такіе случаи, что, несмотря на всѣ мѣры полиціи, нѣтъ возможности отстранить монополію; напримѣръ: въ Лепелѣ продажею мяса занимаются одни только евреи, слѣдовательно конкуренцій нѣтъ. Вдругъ торговцамъ вздумается продавать дороже таксы, полиція запрещаетъ, торговцы прекращають продажу и жители не имѣютъ мяса. Въ Лепелѣ былъ одинъ такой случай, но онъ немедленно устраненъ открытіемъ временной торговли постороннимъ лицомъ. Нечистота въ окружающей жизни еврея, имѣющая пагубное вліяніе на здоровье, составляетъ неизбѣжную принадлежность еврея. Евреи очень крѣпки въ своихъ религіозныхъ странностяхъ, при исполненіи коихъ многіе умѣютъ перемудрять даже Моисеевъ законъ. Во время извѣстнаго праздника, евреи по закону не должны переносить пищи изъ одного дома въ другой, но какъ это иногда бываетъ необходимо, то протягивается нитка отъ одного дома къ другому; такимъ образомъ, соединивъ въ воображеніи дома, убѣждаются, что они исполни-

ни законъ. Въ брачныхъ отношеніяхъ евреи тоже замѣчательны, впрочемъ это можетъ быть только лепельскіе. Напримѣръ, задумается еврею войти въ права мужа, онъ молча снимаетъ рюмку, бросаетъ ее къ женѣ, и если жена удержитъ у себя рюмку, то мужъ пользуется своими правами. Одна молоденькая еврейка, съ хорошимъ состояніемъ, бывши нѣсколько мѣяцевъ замужемъ, овдовѣла; братъ ея мужа, весь въ паршахъ, предъявилъ ей Моисеевъ законъ выдти за него замужъ, или дать ему тысячу рублей серебромъ за разводъ. Бѣдная еврейка бѣжала къ раввинамъ, прося защиты; раввины судили-рядили, но объявили ей рѣшеніе — выдти замужъ или уплатить тысячу рублей, на томъ основаніи, что братъ мужа по закону имѣетъ неотъемлемыя права взять ее себѣ въ жены. Наконецъ еврейка вынуждена была обратиться къ полиціи и съ помощію ея получила разводъ безъ уплаты тысячи рублей. Изъ исторіи видно, что еврейскій народъ былъ когда то воинственнымъ народомъ; куда же дѣвалась эта храбрость и гдѣ же этотъ героизмъ? Изтъ, должно быть они и тогда били храбры, какъ теперь. Къ рудамъ военной жизни еврей положительно неспособенъ; это даже подтверждается физическимъ складомъ еврейскаго организма и сознаніемъ самихъ евреевъ, которое ясно подтверждается тѣмъ, что во время набора, не смотря на кратко-временную и легкую службу солдата, рѣдко когда не нанимаютъ а себя охотниковъ, не смотря на дорогую цѣну. Въ Лепельскомъ уѣздѣ въ прошломъ году всѣ поставили наемщиковъ или купили квитанціи; еврейское общество истратило болѣе шести тысячъ рублей серебромъ. Евреи заплатили недоимки, не смотря на описи имуществъ, но въ солдаты не пошли. Это доказываетъ, что если бы для еврея было нестрашно нѣсколько вѣтъ проносить солдатскую амуницію и потомъ возвратиться на родину въ безсрочный отпускъ, то онъ не откупалъ бы себя дорогою цѣною, тѣмъ болѣе, что деньги для него дороже сего. Замѣчательно, какъ лепельскіе евреи дѣлаютъ денежный сборъ на рекрутскую повинность. На всѣхъ евреевъ налагается раввинами постъ и тѣ деньги, которые должны были стратиться на содержаніе семейства въ теченіи дня, кладутся въ общую кассу, чрезъ нѣсколько дней повторяется постъ. смотря по суммѣ, которую нужно собрать. Такимъ образомъ евреи собираютъ деньги, не трогая своихъ капиталовъ, однимъ словомъ: во время набора, вслѣдствіе извѣстной у евреевъ ксіомы, что не съѣлъ, то пропало, страдаютъ не капиталы, а желудки. Лучше всего характеризуетъ еврейскую храбрость такаянибудь простая ссора еврея съ человѣкомъ дерзкимъ на руку. Когда ссора дойдетъ до рукопашной расправы, то еврей кричитъ: ну-у ударъ! тотъ его трахъ кулакомъ, еврей, не отвѣчая ему тѣмъ же, кричитъ, ну, ну ударъ! тотъ его трахъ, трахъ кулакомъ, еврей опять кричитъ нуеще! ну, ну, ну ударъ, ударъ! тотъ ему опять влѣпнитъ затрещину, тогда

еврей кричить: ай гвалтъ! и бѣжить домой. Но за то, когда еврей находится внѣ опасности, то не только храбръ, но даже остричь надъ врагомъ.

Не лишнимъ будетъ замѣтить о способности евреевъ легко раждать дѣтей. Безъ всякой ироніи можно сказать, что въ Лепелѣ нерѣдко еврейки два раза въ годъ раждаютъ. Смѣшно кажется, но на самомъ дѣлѣ дѣйствительно такъ. Еврейка если рождаетъ въ январѣ или въ февралѣ, то въ томъ же году успѣваетъ родить въ ноябрѣ или декабрѣ. Такія семейства называются благословенными.

Б. Козаченъ.

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

В И Л Ь Н А.

13 марта въ 7 часовъ утра, прибылъ въ Вильну вновь назначенный г. главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края и командующій войсками виленскаго военнаго округа, генераль-адъютантъ Александръ Львовичъ *Потановъ*. На станціи желѣзной дороги, по его приказанію, не было никакой встрѣчи; ожидали только его прибытія: гг. помощникъ командующаго войсками округа, губернаторъ, начальникъ штаба, правитель канцеляріи и полиціймейстеръ. Сѣвши въ экипажъ, его превосходительство поѣхалъ прямо въ св. Духовскій монастырь поклониться и приложиться къ св. мощамъ виленскихъ мучениковъ; потомъ посѣтилъ нашего маститаго архипастыря митрополита Іосифа и около 8 часовъ былъ уже во дворцѣ. Здѣсь на дворѣ ожидалъ его почетный караулъ; въ пріемной комнатѣ собраны были военные начальники отдѣльныхъ частей и имѣли честь представиться чиновники особыхъ порученій и нѣкоторые изъ состоящихъ въ распоряженіи генераль-губернатора. Въ 11 часовъ утра назначенъ былъ общій пріемъ. Все обширное верхнее помѣщеніе дворца едва могло вмѣстить желавшихъ представиться новому, но извѣстному уже здѣсь, начальнику. Въ три четверти одиннадцатаго часа, въ нижнемъ помѣщеніи дворца, предъ самымъ пріемомъ, его превосходительство принималъ посѣтившаго его викарія литовской епархіи, епископа ковенскаго Александра, вмѣстѣ съ здѣшнимъ православнымъ духовенствомъ. Затѣмъ съ небольшимъ въ 11 часовъ сдѣланъ былъ общій пріемъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, римско-католическаго и прочихъ иновѣрныхъ исповѣданій духовенства, мѣстнаго дворянства и разныхъ сословій; причемъ городское и сельское общество поднесли его превосходительству, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль. Поблагодаривъ за радушное привѣтствіе, г. главный начальникъ края обратился къ волостнымъ старшинамъ, старостамъ и депутатамъ отъ крестьянъ съ слѣдующею краткою, но весьма сильною, рѣчью: «помните, что Всемилостивѣйшій нашъ Государь Императоръ осыпалъ васъ своими благодѣяніями,

вы всѣмъ и во всемъ обезпечены; чувствуйте это и честно трудитесь. Обрабатывайте вашу землю и тщательно за-сѣвайте всѣ ваши участки; насыпайте запасы хлѣба; учитесь сами по русски и посылайте въ народныя школы учиться русской грамотѣ вашихъ дѣтей, такъ какъ вы всѣ русскіе. Знайте, что здѣсь—кромѣ русскаго начала—дру-гаго ничего и быть не можетъ.» Постараемся исполнить, ваше превосходительство! дружно подхватили въ отвѣтъ крестьяне. Вслѣдъ за тѣмъ во дворцовой церкви соверше-но было молебствіе, на которомъ присутствовали г. глав-ный начальникъ края и многіе изъ представлявшихся ему лицъ, не исключая крестьянъ. Слѣдуетъ здѣсь присово-купить, что, по пути его превосходительства въ Вильну, на станціяхъ: въ Рѣжицѣ, Динабургѣ и Свенцянахъ го-родское и сельское общество, по русскому обычаю, пр-вѣтвовали его хлѣбомъ-солью; на Динабургской же стан-ціи ожидалъ его почетный караулъ..

Вил. Вѣстн.

ДЕРЖАНИЕ 11-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 1867 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.—1) *Записки* отъ князя Александра Полубинскаго владенскому св. Троицкому братству на домъ и фольваркъ Судерви. 1593 г. Стр. 27.—2) *Донесеніе* воеводы о запечатаніи владенскими мѣщанами церкви св. Юрія на Ростъ въ Вильнѣ. 1595 г. Стр. 30.—3) *Королевская* грамота державца Бобруйскаго объ уплатѣ 300 пудовъ медовой дани митрополиту Михаилу Рагозъ, какъ архимандриту киево-печерскому. 1549 г. Стр. 23.—4) *Позыши* королевскій въ судъ Гарабурды съ женою, по жалобѣ пинскаго уніатскаго епископа Пансіа на своевольное постройка ими православной церкви и монастыря. 1614 г. Стр. 34.—*Рѣшеніе* перваго берестейскаго собора 1590 г., подписанное митрополитомъ и пятью епископами. Стр. 36.—6) *Выписки* изъ земскихъ книгъ Луцкаго повѣта дагественной записки княжны Ранны Львовой Николаевы Соломерецкой имѣнія Куровононъ на учрежденіе въ м. Гостѣ, при тамошней церкви св. Архангела Михаила мужскаго монастыря. 1640 г. Стр. 40.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

- ЧАЛО УНИИ (окончаніе). *Вприспосадила унія*. Стр. 39.
ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКВАХЪ ВЪ СТАРО КОНСТАНТИНОВѢ. Стр. 54.
ИСТЪ-ЛИТОВСКІЙ. *И. Вобровскаго*. Стр. 63.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

- ОРИГИНАЛЬНЫЯ ПИСЬМА. Стр. 9.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

- ЕРКИ БѢЛОРУССКАГО ПОЛЪСЬЯ (окончаніе). *Ивана Эреншча*. Стр. 95.
АЙЛО, историческій романъ въ 4-хъ частяхъ (продолженіе). *Часть первая*.
С. Калугина. Стр. 118.
СПОМИНАНІЕ о недавномъ прошломъ (картина изъ еврейскаго быта). (Продолженіе).
Идогитое письмо. *Л. Ш. Кошута*. Стр. 132.
ПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ. 1) *Освященіе* верховскаго римско-католическаго костела въ православную церковь. Стр. 151.—*Слово* по случаю освященія этой церкви.—*Записка* въ г. Слоуннѣ часовни, въ память нашихъ воиновъ павшихъ въ дѣлѣ противъ мятежниковъ подъ Миловидами. Стр. 167.—*Рѣчь* сказанная при закладкѣ этой часовни. Стр. 168.—*Освященіе* церкви въ м. Езерницѣ. Стр. 172.—*Донесеніе* благочинныхъ объ освященіи ими разныхъ церквей. Стр. 174.—*Освященіе* Пацевической церкви. Стр. 178.—*Объ употребленіи* пожертвованій для церквей и училищъ въ западномъ краѣ. Стр. 183.
ВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.—*Сельскій* сиротскій домъ. Стр. 189.—*Объ устройствѣ* школы въ Минской губерніи. Стр. 190.—*Изъ Острога* (Волинской губерніи). Стр. 191.—*Газета Opinion Nationale*, о свѣтской власти папѣ. Стр. 196.—*Этнографическій очеркъ* Лепельскаго уѣзда. *Б. Козачекъ*. Стр. 198.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ на 1868 годъ выходитъ января мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *И. Феннера*, б. Сеньковского. *Въ С.-Петербургѣ*,—у комисснера „Вѣстника“, книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольжиной. *Въ Москвѣ*,—у такогожъ комиссiонера, книгопродавца *А. Н. Тепиктова*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. Черепана. *Въ Варшавѣ*,—у книгопродавца г. *Кожанчикова*. *Въ Одессѣ*,—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

(за 12-ть книжекъ).

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованиями *исключительно* въ редакцію журнала: „Вѣстникъ западной Россіи“, *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: редактору-издателю „Вѣстника“ Ксенофону Антоновичу **Говорскому**, *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за 18⁶²/₆₃ годъ, для жителей Вильны по 5 р., для иногородныхъ по 6 руб.; за 18⁶³/₆₄ годъ—для первыхъ по 6 руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за 18⁶⁴/₆₅, 18⁶⁵/₆₆ и 18⁶⁶/₆₇ годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб.

к. Для выписывающихъ „Вѣстникъ“, за *истекшіе* годы не дѣлается 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не болѣе 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель **К. Говорскій**.

СОДЕРЖАНИЕ 11-ой кн. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1867 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

- № 1. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.—1) **Записки** отъ князя Александра Подубинскаго виденскому съезду братству на домъ и фольваркъ Судерви. 1593 г. Стр. 27.—2) **Донесеніе** воеводы о запечатаніи виденскими мѣщанами церкви св. Юрія на Ростъ въ 1595 г. Стр. 30.—3) **Королевская** грамота державца Бобруйскаго объ 300 пудовъ медовой дани митрополиту Михаилу Рагову, какъ архимандритъ печерскому. 1549 г. Стр. 23.—4) **Копія** королевскій въ судъ Гарабуженую, но жалобѣ пинскаго уніатскаго епископа Пауся на своевольное пріемленіе ими православной церкви монастыря. 1614 г. Стр. 34.—**Рѣшеніе** берестейскаго собора 1590 г., подписанное митрополитомъ и пятью епископами. Стр. 36.—б) **Выписки** изъ немецкихъ книгъ Лудскаго повѣта дарственной княжны Ганны Львовой Николаевы Соломерецкой имѣнія Курозонъ на деню въ м. Гостѣ, при тамошней церкви св. Архангела Михаила мужскаго монастыря. 1640 г. Стр. 40.

ОТДѢЛЪ II.

- НАЧАЛО УНИИ (окончаніе). *Вирописовидная унія*. Стр. 39.
О ПРАВОСЛАВНЫХЪ церквахъ въ Старо Константиновѣ. Стр. 54.
БРЕСТЬ-ЛИТОВСКІЙ. II. **Бобруйскаго**. Стр. 63.

ОТДѢЛЪ III.

- ОРИГИНАЛЬНЫЯ ПИСЬМА. Стр. 9.

ОТДѢЛЪ IV.

- ОЧЕРКИ БѢЛОРУССКАГО ПОДЪЕЛЪ (окончаніе). **Ивана Эремича**. Стр. 95.
ЯГАЙЛО, историческій романъ въ 4-хъ частяхъ (продолженіе). *Часть первая*.
С. Казукина. Стр. 118.
ВОСПОМИНАНІЕ о недавномъ прошломъ (картина изъ еврейскаго быта). (Продолженіе)
Подвигъ письма. **Л. М. Кокуста**. Стр. 132.
УСПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ. 1) **Освященіе** вилкиаго римско-католическаго костела въ православную церковь. Стр. 151.—**Случай** по случаю освященія этой церкви.—**Записка** въ г. Слонимѣ часовни памяти нашихъ воиновъ павшихъ въ дѣлѣ противъ мятежниковъ подъ Мѣдами. Стр. 167.—**Рѣчь** сказанная при закладѣ этой часовни. Стр. 170.—**Освященіе** церкви въ м. Евриницѣ. Стр. 172.—**Донесеніе** благочиннаго объ освященіи ими разныхъ церквей. Стр. 174.—**Освященіе** Пачевичъ церкви. Стр. 178.—**Объ употребленіи** пожертвованій для церквей и училищъ въ западномъ краѣ. Стр. 183.
ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.—**Сельскій** сиротскій домъ. Стр. 189.—**Объ устроении** школы въ Милекской губерніи. Стр. 190.—**Изъ Острога** (Волынской губерніи). Стр. 191.—**Газета** Opinion Nationale, о свѣтской власти папѣ. Стр. 196.—**Этнографическій** очеркъ Лепельскаго уѣзда. **Б. Козаченъ**. Стр. 198.

ВЕЩАНИЕ

ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

Лодзь
Варшава
Берлин
Париж
Лондон
Мадрид
Рим
Неаполь
Милан
Венеция
Флоренция
Салерно
Бари
Беневенто
Брешия
Верона
Торин
Монца
Ливорно
Пиза
Сиена
Перуджа
Трапани
Палермо
Мессина
Катания
Таормина-Маджоре
Сиракузы
Триполи
Бонифачио
Сиракузы
Триполи
Бонифачио

и рече
Олга
Кіевъ
се буди

мати
градомъ
русскимъ

ВИЛЬНА

1868.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція „Вѣстника Западной Россіи“ едва ли не больше его подписчиковъ сѣтуеть на запаздыванье выходомъ, его книжекъ. Редакція принимаетъ и будетъ принимать противъ этой непріятности всѣ свои средства и усилія и увѣрена, что, при всей несостоятельности виленаго типографскаго производства, она войдетъ, въ непродолжительномъ времени, въ сроки своего изданія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышло и поступило въ продажу, одобренное учебнымъ начальствомъ, **Краткое руководство къ Географіи Россійской Имперіи съ Вопросами и Задачами Брамсона.** Вильна. 1867 г. Получать можно *въ Редакціи Вѣстника Западной Россіи* и у книгопродавцевъ: *Феннера* (быв. Сеньковскаго) въ Вильнѣ; *Косагорова* въ Ковнѣ и *Мендельсона* въ Витебскѣ. Цѣна 30 коп.; за пересылку прилагается за 1 фунтъ по разстоянію. Выписывающіе болѣе 10 экземпляровъ за пересылку не платятъ, а на 100 экземпляровъ уступка 20%. Обращаясь на имя начальника ковенской женской Гимназіи, всѣ учебныя заведенія пользуются той же уступкой, безъ ограниченія числа экземпляровъ.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V, — 1867.

КНИЖКА XII.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи Гимназіи,
противъ Губернскаго Правленія.

1868.

Дозволено Цензурою 6-го мая 1868 года. Вильна.

I.
№ 18.
ДОКУМЕНТЫ.

ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗА-
ПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Купчая крѣпость на одну уволокѣ земли,
выданная княземъ Федоромъ Ивановичемъ
Массальскимъ священнику Олексійской цер-
кви Парфену Федоровичу 1585 г. *)

Месеца Генваря чотырнадцатого дня у второкъ (1586).

Передъ нами вранниками судовыми земскими по-
вету Городенского Григоріемъ Афанасевичомъ Мосаль-
скимъ судьбою, Григоріемъ Зиновьевичомъ Дельниц-
кимъ подсудкомъ, а Андреемъ Котовичомъ писаромъ,
на местцы судовомъ его милость князь Федоръ Ива-
новичъ Масальскій, маршалокъ его королевское милос-
сти, самъ добровольне устне вызналъ, кѣмъ его милость

*) Этотъ документъ свидѣтельствуетъ о правѣ священника
владѣть поземельною собственностію и о существованіи право-
славной церкви въ селѣ Олексіцахъ Гродненскаго уѣзда, а так-
же и о православіи предковъ Массальскихъ.

волоку земли отчизны своее имениа Олексицкаго, купленную у его милости князя Льва Ивановича Масальскаго, прозываемую Зубриковщину изъ сеножатыми и кустовьемъ, ку той волоцѣ прислухающими за рекою Свислочью, ку тому чотыре морги сеножателей, прозываючіе Устуденка, на вечность продалъ священнику, мешкающему на тотъ часъ при переви его милости въ имению Олексичахъ, отцу Парфену Федоровичу, жоне, детямъ и потомкомъ его, за певную сумму пенезей, за семьдесятъ копь грошей лянбы и монеты Литовское, на што его милость и листъ свой вызнанный продажный, подъ печатью и съ подписомъ руки своее и подъ печатьми и подписами рукъ иныхъ людей добрыхъ ему на то даль, на которомъ обо всемъ томъ ширей и достаточне описано и доложено есть, и просиль его милость князь Федоръ Ивановичъ Масальскій, абы при устномъ сознаню его милости тотъ листъ до книгъ земскихъ уписанъ былъ, который слово въ слово такъ се въ себе маеть: Я Федоръ Ивановичъ Масальскій, маршалокъ его Королевское милости чиню явно и признаваю самъ на себѣ симъ моимъ добровольнымъ продажнымъ вечистымъ листомъ кому того потреба будетъ ведати, або чтучи его слышати, нынешнимъ и на потомъ будущимъ, ижъ што которую волоку земли оромое, никому ничимъ не певную, а ни въ сумме пенезей на вечность заставою и ниякимъ же кольвекъ обычаемъ и правомъ никому не заведеную, але свою властную, купленную отъ его милости князя Льва Ивановича Масальскаго брата моего рононого, отчизны моее прислухающую до имениа моего Олексицкаго, въ новетѣ Городенскомъ лежачаго, што первой сего было заставося въ ровномъ дѣлу брату моему князю Льву отъ жене Федора, прозываемую Зубриковщину и зъ сеножатыми и кустовьемъ ку той волоцѣ прислухаючи:

ни, за рекою Свислочью, которая волока земли урочищами лежитъ межъ кгрунтовъ землянъ господарскихъ повету Городенского Есимонтовъ и Полуяновичъ на розныхъ местцахъ отъ кгрунтовъ пановъ Ходкевичовъ имения Малое Берестовицы, яко ся тая волока земли орембе отчизна купля моя обмежу зъ волокою его милости князя Михаила Федоровича Масальскаго дядьба моего сама въ себе зъ давна за отца моего, въ межахъ, границахъ, широкостяхъ, въ обыкодахъ и въ пошыткахъ своихъ, въ въездехъ посполъ объ межу и въ туюжъ межу здавна мела и теперь маеть, ку тому чотыры морьги сеножати прозываемое у Студенька, концомъ однимъ отъ реки Свислочи а другимъ концомъ до сеножати Петра Войтеховича и бокомъ однимъ къ сеножати Матеевичовъ Эйсимонтовичъ а другимъ бокомъ къ сеножатямъ мене Федора Масальскаго, зо всимъ на все тую волоку вышъ помененую *Зубриковщину*, такъ якомъ у князя Льва брата своего купилъ, всю огудомъ, зъ навозами, съ поплавами, зъ гаями, лесами и кустовьями, сеножатями, зъ болотами и багнами и зо всякими зарослями, зъ водами, крыницами, и зо всякими пожитками, ку той волоце вышъ помененой належащими и прислухающими, не зоставуючи на ту волоку вышъ помененую *Зубриковщину* и зъ сеножатями ку ней прислухающими и кустовьемъ за рекою Свислочю, на тые чотыры морьги сеножати у Студенка ниякого права самъ на себе, на кнегиню малжонку, дѣти и потонки мое и на когожкольвекъ иного, але же тую волоку вышъ помененую *Зубриковщину* и зъ сеножатями ку ней прислухающими за рекою Свислочью усю огудомъ и тые чотыры морьги сеножати у Студенки продалъ есми и поступилъ и симъ листомъ моимъ продаю и поступаю на вси вечныя и потомныя часы священнику мешкающему на сей те-

перешній часъ пры церкви у вымену моемъ Олександркомъ, отцу Парфеу Федоровичу, жоне, детямъ его потомкомъ, шадкомъ по нихъ будучимъ, за певную суму пенезей, за семдесятъ копъ грошей личбы и монеты великого князства Литовского, личачи по десяти пенезей белыхъ у грошъ, а въ копу по шестидесятъ грошей литовскихъ. И вже волень будетъ самъ отецъ Парфеу Федоровичъ, жона его, дети, потомки, шадки ихъ, наследки потомъ по нихъ будучие, тую волоку вышъ помененую Зубриковщину и зъ сеножатыми и кустовемъ ку той волоце прислухаючими за рекою Свислочью и тые чотыры моркги сеножати у Студенка отъ мене ему на вечность проданое держати и до именица своего Вешеневского привлащати и добровольне а спокойно того уживати и кому хотячи дати, даровати, продати, записати, заменяти ку наилучшему а пожиточнейшему пожитку своему, яко властностью своею оборочать и шафовати, а вже я Федоръ Ивановичъ Масальскій самъ черезъ себе, такъ тежъ кнегиня малжонка моя, дети и потомки мои и никто зъ близкихъ крвныхъ и повинныхъ моихъ у тую продажу мою тое волоки земли вышъ менованое Зубриковщины и зъ сеножатыми ку ней прислухаючими за рекою Свислочью, и въ тые чотыры моркги сеножати у Студенки ничимъ уступоватися, въ держанью шкоды и переказы отцу Парфеу, жоне, детямъ его, потомкомъ и ихъ шадкомъ, або тому, кому бы то отецъ Парфеу за тымъ правомъ своимъ отъ мене набытымъ вечностью пустити мель, некоторое трудности чинити не маемъ и мочи не будемъ вечными часы, а я самъ Федоръ Ивановичъ Масальскій съ тое волоки вышъ описаное и зъ сеножатыми и кустовемъ за рекою Свислочью ку той волоце прислухаючими и съ тыхъ чотырохъ моркговъ сеножатеу у Студенки вечно ся вырекаю и отстуную,

отдаляючи отъ тое волоки земли и зъ сеножатыми Зубриковское и отъ тыхъ чотырохъ моргговъ сеножати у Студенки, самъ себѣ, кнегиню маложонку мою, дети и потомки, вси щадки и наследки мои по насъ будучие вечными часы. А тую волоку вынѣ поменуемую Зубриковщину и зъ сеножатыми и кустовемъ за рекою Свислочю и тые чотыры морги сеножати у Студенки на самого Парфена Ѳедоровича, жону, дети его, потомки и наследки ихъ на вечные часы вливаю и симъ листомъ моимъ влилъ еси, якожъ я тее право свое куплю на тую волоку прислухающее, которое еси мелъ отъ князя Льва брата моего, отцу Парфену до рукъ его отдалъ. А где быхъ я Ѳедоръ Ивановичъ Масальскій, препомневшы сего моего добровольного листу продажного опису чимъ кольвекъ его нарушилъ и въ тую волоку звышъ поменуемую и въ сеножати, продажу мою, або якоужъ кольвекъ частку Зубриковскую самъ черезъ себе, кнегиню маложонку мою, дети и потомки свое такъ тежъ черезъ пріятелей, урядника, слугъ и подданныхъ своихъ уступовалъ и отцу Парфену, жоне, дѣтямъ его и потомкомъ ихъ, або тому, кому бы то онъ вечностью пустилъ якую переказу и трѣдность чинилъ, тогда буду новиненъ заруки заплатити на врадъ тотъ, до которого буду позванъ, пятьдесятъ копъ гоошей а стороне укывжонной, отцу Парфену, жоне, дѣтямъ его и потомкомъ ихъ другую пятьдесятъ копъ грошей, е што обо все и о каждое невыполненье и нарушенье сего моего продажного листу, добровольного опису вально будетъ отцу Парфену, жоне, дѣтямъ его и потомкомъ ихъ позвати мене Ѳедора Ивановича Масальского до которого хочечи суду и права, будь до земского або и кгородского рокомъ завитымъ, водле статуту, а я маю и повиненъ буду за першымъ позванымъ, яко на року завитымъ становитися передъ вра-

домъ и усправедливятися, не збиваючи позву и не бурачи року жадными причинами статутowymi, правными, яко неправными и не жадными инными вымыслами людскими не вымовляючися такъ тежъ и волюностями въ статуте описанными, але заразъ буду повиненъ заруки заплатити на врадъ тотъ, до которого буду позванъ пятьдесятъ копъ грошей, а стороно укрывшоной, отцу Парфену, жоне его, детямъ, потомкомъ ихъ другую пятьдесятъ копъ грошей, заразъ, но сходечи зъ ураду и вси шкоды и наклады, интобы на то наложили, правуючися со мною, кромъ всякого права, доводу и телесное присяги, але только на голое слово реченье отца Парфена, жоны, детей и потомковъ ихъ, заплатити маю и повиненъ буду, а то поплатившы предся и сей мой листъ добровольный описъ и тая продажа моя у кожного суду и крава при зуполной моцы зостати и захованъ быти масть на вси вечные и потомные часы И на то я Федоръ Ивановичъ Масальскій маршалокъ его королевское милости далъ еси отцу Парфену, жоне и детямъ его, потомкомъ и шадкомъ ихъ сей мой добровольный листъ, продажный описъ, подъ моею властною печатью и съ подписомъ руки моею письмомъ Русскимъ, а для лепшого твердости, монности и сведомья ового моего продажного листу просилъ еси о приложене печатей его милости пана Сасина Путяты, пана Яна Станиславовича Ометы и пана Адама Щастновича Кйсмонта, землянь господарскихъ повету Герценского, ихъ милость за очевистою и очною просьбою моею то учинили и печати свое къ сему моему визнаному продажному листу приложити рачили. Писанъ у Волексчахъ, лета отъ нарожена Христа Сина Божего тисеча пятьсотъ осемьдесятъ пятого, мѣсяца Декабря десятого дня. У того листу печатей приложонныхъ чотыры, а подпись рукъ тры, тыми словы:

Федоръ Масальскій маршалокъ его королевское милости рукою властною, Сасинъ Путята властна рука, Адамъ Щастновичъ Ейсмонтъ властною рукою. Который листъ за прозбою его милости князя Федора Ивановича Масальского до книгъ земскихъ уписанъ есть.

Хранится въ виленскомъ центральномъ архивѣ, въ книгѣ актовъ гродненскаго земскаго суда за 1585—86 годъ, листъ 378—384.

2.

Дѣлежная сдѣлка между Иваномъ и Криштофомъ Тышкевичами, въ которой упоминается о православной церкви и способъ ея поддержанія. Совершена 3-го іюня 1609 года *).

Мѣсяца Іюня двадцать пятого дня (1609 г.)

Передъ нами владниками судовыми земскими повету Городенскаго Львомъ Михайловичомъ Сапегою судью, а Кондратомъ Мелешкомъ подсудкомъ и Стефаномъ Нешковскимъ писаромъ, на местцы судовомъ постановившесе очевисто земляне господарскіе повету

(*) Этотъ документъ заключаетъ въ себѣ весьма важное обстоятельство. Два родные брата Христофоръ и Иванъ Тышкевичи, изъ коихъ первый былъ р.-католическаго, а другой православнаго исповѣданія, дѣлають между собою уговоръ о раздѣлѣ наслѣдственнаго своего имѣнія Тетеровка и даютъ обязательство поддерживать нашедшуюся въ томъ имѣніи православную церковь, доставлять ей ежегодно опредѣленные ей фундаціею доходы, содержать при ней постоянно священника, чтобы богослуженіе въ ней никогда не прекращалось. Къ этому Христофоръ Тышкевичъ присовокупляетъ,

Городенского, ихъ милость панъ Иванъ и панъ Криштовъ Юревичи Тишкевичы оповедали и покладали листъ, добровольный записъ свой за печатми своими и съ подписами рукъ своихъ, такъ и за печатми и подписами рукъ некоторыхъ людей добрыхъ на розделене именій и маетностей своихъ межы собою, въ повете Городенскомъ лежащихъ, вечностію, и который тотъ листъ сами добровольне визнавши, просили абы до книгъ уписанъ былъ, который уписуючи слово въ слово такъ се въ себе маеть: Я Иванъ а Криштофъ Юревичи Тишкевичы, земляне господарскіе повету Городенского чинимъ явно и признаваемъ тымъ нашимъ вечнымъ дельчимъ признанымъ листомъ, добровольнымъ записомъ каждому, кому бы о томъ ведати належало, нынешнимъ и на потомъ будучаго вѣку людемъ, ихъ, што которое имене нашо отчизное, названное Тетеровка, въ повете Городенскомъ лежащее, намъ двоимъ брати роженнымъ отъ небошика годное и славное памети его милости пана Юрія Михайловича Тишкевича, маршалка его Королевское милости, пана отца нашего тестаментомъ въ ровный делъ отъ иныхъ ихъ милостей пановъ брати нашихъ роженныхъ

что хотя онъ самъ римскаго исповѣданія, но никогда не допустить, чтобы сдѣлано было этой церкви какое нибудь поврежденіе или римскіе ксендзы имѣли въ нее входъ и служили въ ней католическую обѣдню. Иванъ же Тышкевичъ даетъ съ своей стороны обѣщаніе, что если бы когда нибудь отступилъ отъ православной вѣры и присоединился въ иному исповѣданію, никогда не перестанетъ покровительствовать Тетеровецкую церковь и доставлять ей все нужное на ея содержаніе, согласно съ условіями фундаціи. Это событіе тѣмъ важнѣе, что уговоръ этотъ состоялся въ первыхъ годахъ существованія униі, когда ея духовенство, поддерживаемое королемъ и иезуитами съ ожесточеніемъ нападало на православныхъ, отнимало у нихъ церкви и насильно заставляло соединиться съ римскою церковью.

назначенное, такъ тежъ што годное памети небожчыкъ его милость панъ отецъ нашъ весполъ зъ ее милостию нанею маткою нашою купилъ кгрунту прилеглого до имени Тетеровского у рожнихъ особъ за спольные грошны, волокъ пять въ повете Волковысткомъ лежащые, прозываемые Петушъки, на которые кгрунты особливны записы суть, которое ее милость пани matka и добродейка наша, за правомъ своимъ доживотнымъ отъ сойстя зъ сего света смертю небощыка его милости пана отца нашего ажъ до сего часу въ держанью своимъ метъ рачила. а ижъ ее милость зъ ласки и милости своее родительское тое помененое имени нашо Тетеровку теперъ заразомъ при животе своемъ уступившы того права своего доживотнаго намъ уступити и пустити рачила, за чымъ вжо мы будучы оного имени нашего Тетеровки въ держанью своимъ, а хотячы его мы два братія, яко тые, которымъ тое имене водлугъ тестаменту небощика его милости пана отца нашего мимо иныхъ ихъ милости нановъ брати нашихъ належытъ, нанолъ на ровные части зъ собою разделить и собою се въ томъ братерско розправити, зложили есмо на розделокъ того имени рокъ и часъ певный, въ семь року тисеча шестсотъ девятомъ месяца Мая двадцать шестого дня; на который тотъ розделокъ нашъ, ужывшы ихъ милости пановъ прыятель нашихъ нижей въ томъ листе нашомъ помененыхъ и зъехавшы се мы зъ ихъ милостями до того имени и двора нашего Тетеровки, также се съ собою сгодившысе, оное имене нашо Тетеровку, въ повете Городенскомъ лежащее, на две части поровнявшы межы собою вечнымъ деломъ есмо розделили; которого розделена нашего того имени Тетеровки списавшы мы реестръ и доложившы въ немъ все меновите по достатку, селитбы на дворы намъ обудвумъ, огороды, навозы, сеножати и подданые

нашы того имени Тетеровки и ихъ вгрунты, также боры, лесы, гаи, ставы, млыны и сажовки, тотъ реестръ печати своими запечатовавши и руками своими подписали есмо, и заразомъ такъ селитбы на дворы, яко огороды, навозы, сеножати, поля оромья и неоромья, боры, лесы, гаи, ставы, млыны и сажовки, также подданные наши зъ ихъ вгрунтами одинъ другому половицу его въ моцъ, въ держане и въ спокойное, вечистое уживане нашо уступившы, черезъ возного и стерону шляхту подали, завели и пустили есмо, которые селитбы на дворы нашы, огороды, навозы и вгрунты всякіе, также подданные зъ ихъ вгрунтами и которому на часть зъ ровного делу пришло и стало на томъ реестрѣ, также и на сознани возного меновите подостатку описано и доложено есть, а розделивши мы, я Иванъ и я Криштофъ Тимкевичы тое имене наше Тетеровку, въ повете Горденскомъ лежачое, и межы собою его на части равныя во всемъ розобравшы, маемъ и повинни будемъ, и симъ листомъ нашимъ дельчимъ описуемосе сей нашъ ровный вечистый дель держати, и то, что на часть намъ которому зъ ровного делу пришло, вечными часы спокойно на себе уживати и водле воли и уподобаня нашего шафовать вечными часы, ни въ чомъ вжо вечно сего розделеня нашего не нарушаючы, и вжо по дате сего листу нашего такъ въ селитбы и дворы, въ огороды, въ навозы, въ поля и въ сеножаты, въ боры, лесы, гаи, въ ставы, въ млыны, въ сажовки, также въ подданные и въ ихъ земли, которые вгрунты на часть которому зъ насъ ровного делу достали, и инякимъ способомъ вступовати съ зъ моцы, держаня и спокойного уживаня нашего, одинъ у другого одымовати и переказы неякое одинъ другому чинить не маемъ и могчи не будемъ вечными часы. А если бы я Иванъ его милости намъ

Криштофу, або я Криштофъ его милости пану Ивану, пробачившы сего нашего дельчого листу, добровольного запису, въ чомъ кольвекъ перешкоду чынили, кгрунты, которому сталые, любъ тсжь подданые и ихъ кгрунты и штожь кольвекъ на часть которого въ насъ сталое одыймовали, або ли знову не хочечы сего розделеня нашего спокойне вечно держать, о ровный дель до права позывали, трудность одинъ другому задавали, тогда за прыпозванемъ о то зъ насъ, которого, маеть и повиненъ будетъ тотъ тому, который бы въ чомъ кольвекъ сей листъ нашъ нарушилъ и въ томъ розделеню переказу якую которому учинилъ, заруки заплатитъ тысячу копъ грошей литовскихъ, а до того шкоды и наклады, на голое слово речене стороны укrywжоное, нагородити, о которую заруку и шкоды вольность даемъ и позволяемъ симъ нашимъ листомъ позвати зъ насъ которого кольвекъ сей нашъ дель нарушаючого до суду и права, до которого зъ насъ укrywжоный самъ похочеть, буде суду земского, гродского и годовного Трибунального, въ который хочечы поветъ, воеводство и терминъ, рокомъ завитымъ статutowымъ, а мы, который зъ насъ будемъ позвани, не вымовляючысе жадными причинами правными и неправными, не заслоняючысе хоробою обложною, войною, ани позванемъ до иншого суду о большую речъ, передъ тымъ судомъ, до которого будемъ позвани становитисе, а ставшы не буречы року и несбиваючы позву, на жалобу стороны которого зъ насъ укrywжоного усправедливитисе маемъ, а судъ и врадъ тотъ, до которого о што сей нашъ листъ нарушаючы позвани будемъ, не прыймуючы отъ насъ жадныхъ оборонъ правныхъ, такъ за станемъ яко и въ нестаню которого зъ насъ, тую заруку и шкоды оказавшы, недонускаючы намъ апеляцыи и не обавяючысе на жадное занозване въ суду якої стороны от-

праву мощью на мастьности тотъ сей нашъ листъ зъ насъ нарушающого учинити масть, воленъ и мощенъ будетъ. А что се дотычетъ церкви въ имени нашихъ отчистомъ Тетеровце, въ которой тело добродѣя годное намети небожника его милости пана Юрія Тишкевича, пана отца нашего лежитъ, тогда мы зъ милости наше братерское одинъ другому, я Иванъ а я Криштофъ Тышкевичы симъ листомъ, добровольнымъ записомъ нашимъ, сполне описуемосе, ижъ тую церковь водлугъ стародавнего звычайу сполне опатровать и пона уставичне при ней метъ, абы се хвала Божая уставичне въ ней отправовала, и доходы и землю церковную водлугъ инвентару давного, который на бытъ доложенъ въ инвентарю вечыстымъ дельчомъ, вечными часы заховати и то на церковь отдавати маемъ и повинни будемъ, подъ зарукою на выступного зъ насъ обовязковъ въ семъ листе нашемъ вышъ описанныхъ, Изъ я Криштофъ Тышкевичъ естемъ вѣры закону Римского, описую се симъ листомъ моимъ тое церкви не бурити и духовнымъ Римского закону въ той церкви мшы отпраовати не маю позволяти и мочи не буду вечными часы подъ тою зарукою въ симъ листе нашемъ вышъ помененою; а если бы тежъ я Иванъ Тышкевичъ, отступивши веры свое Греческое, зосталъ якое иншое вѣры и хотелъ бытъ тую церковь бурити и накладовъ церковныхъ на на церковь не давалъ, тогда описуюсе симъ листомъ моимъ, подъ тоужъ зарукою звышъ писаню, сей листъ мой вцале подъ заруку подлежаючы заховати. И на то есмо дали одинъ другому сей нашъ вечыстый дельчий листъ зъ нашими печатми и съ подписами властныхъ рукъ нашихъ; а при томъ быни и того добре сведоми ихъ милость панове прыятли наши одъ насъ обудвухъ на тотъ разделокъ нашъ ужытые, его милость панъ Миколоай Савицкій, кан-

теляновичъ Подляскій, его милость панъ Юрій Тишкевичъ, писарь земскій Слонимскій, его милость князь Петръ Александровичъ Глинскій, которые за прозбами нашими ихъ милость печати свое приложили и руками своими подписати рачыли. Писанъ у Тетеровце, року тисеча шесть сотъ девятого месяца Іюня третего дня. У того листу печатей притисненыхъ пять, а подписей рукъ также пять, тыми словы: Иванъ Тишкевичъ рукою власною, Krzysztoph Tyszkiewicz ręką swą, Mikołaj Sawicky ręką swą, Piotr Hlinsky własną ręką, Юрій Тишкевичъ рукою своею. Который тотъ листъ, за устнымъ сознаниемъ ихъ милости пана Ивана и пана Крыштофа Юревичовъ Тишкевичовъ до книгъ земскихъ Городенскихъ есть уписанъ.

Подлинникъ хранится въ виленскомъ центральномъ архивѣ въ актовомъ книгѣ гродненскаго земскаго суда за 1609 годъ. Листъ 81—84.

3.

Выпись изъ полоцкихъ ратушныхъ книгъ, королевскихъ указовъ противъ не унитовъ: 1) чтобы правосл. епископа Смотрицкаго не впускали въ Полоцкъ; 2) какія монастыри должны оставаться за уніатами; 3) никому высшя должности не должны быть даваемы безъ митрополита и 4) православные не смѣютъ строить и починять церкви, совершать публично богослуженіе и церковныя требы *).

*. Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ, при свят. прав. синодѣ, за № 528;—писанъ на двухъ листахъ обыкновенной писчей бумаги, крупною скорописью. Документъ вѣтъхъ.

I.

Жигимонтъ третій Божью милостью король польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Жамоитскій, Мазовецкій, Инфляндскій, Шведскій, Игорскій... *), места нашего полоцкаго верне намъ милымъ ласку нашу.... верне намъ милые.... сами называютъ зловивши сеса... кесарату... не прыятеля верне христіанское и нашего, который таперъ злавивши.... прысегу свою и покой постановлен.... на панства наши войною наступуетъ, знеякимъ ихъ пансторомъ яко бы патрыархою Ерозолимскимъ.... Паствы наши... отцесара Турецкаго высланнымъ... зверхности маестату нашего г(осу)дарскаго.... ведомости подана и позволеня нашего посвящене яко братъ одинъ на метрополию Кіевскую.... на архіепископство и владычество Полоцкое мимо тыхъ, которые тые предложена духовные здавна за презренемъ Божимъ споданья нашего и пораднаго на то посвященья на себе носить и добре здорови суть и мимо (sic) стародавние права и звычайи корунные и великаго княжества Литовскаго; которые.... особливе кненарушене по сей часъ задержаны суть, ведлугъ которыхъ... естесно соборною и подав... ю церкви Божое метрополита и всихъ Епископовъ впанстве нашемъ и безподана и презенъта наше некто ставить, давать и посвящать не можетъ.... который се **) менуетъ быть патрыархою, албо посломъ патрыархи Ерозолимскаго, вгдыжъ патрыархове Ерозолимскіе никгды жаднее влады над духовенствомъ намствъ нашихъ не мели;

---

*) Обратная сторона перваго листа, отъ неизвѣстныхъ причинъ, покрыта какими то темными пятнами, отъ чего и самый текстъ до того не разборчивъ, что прочитатъ его нѣтъ возможности.

**) Слово это приписано другою рукою, т. е. почеркомъ и другими чернилами.

и правила святыхъ отцовъ и порадокъ церковный от вековъ не позволяетъ овшемъ борони(ть), абы едино овладзы... другаго не вступоваль се... противъ порадку кпрыказаню церковному и противъ зверхюсти маестату нашего государского вазжалисе учукого не належи... патрыарха любо имъ пастора у подданного непрыятеля хрес(тъянского) инашого..... абы подъ часъ теперешни же внесены от него войны бють кзалешане, межы... впанетвахъ нашихъ учынить, а за тымъ уборони Боже и всю речъ (Поспо)питую довеликаго кголовъ... не беспеченства пода... могли, чому мы зъверности и повинности наше... вчасъ забегаячы хочемъ... абы есте поразу... вельможнымъ воеводою Полотцкимъ, а внебытности рад(омъ) кгородскимъ полоцъкимъ постер... якобы име вышъменованные особы..... *) речы Посполитое не толко до замку Креста нашего Полоцкого не были пушчани; але жебы могли быть полапаны и довезены ксажоны, а потомъ водъле выступу яки се на нихъ късуду справа извеквызыщны достаточное покажетъ сарани были, ижебы кнашимъ всимъ... речы Посполитое черезъ то дорога загородитсе могла, иначе не чините для ласки наше и сповинности своее. Писанъ у Варшаве. Лета Божого нароженя тисеча пестсотъ двадцать перваго, мѣсяца февраля перваго дня, панованья королевствъ нашихъ... четвертого, шведского двадцать осмогю году. — У того листу печать великаго княжества литовскаго есть притисчена, а подпись руки его Королевской милости тыми словы: „Sigmundus Rex,“ также подпись надъ печатью тыми словы: Александръ Корванъ Кранъсавскій референдаръ и писаръ.

*) Конецъ перваго листа отъ ветхости сгнилъ, а потому и прочесть его нѣтъ возможности.

(Переводъ съ польскаго).

Владиславъ IV, Великимъ милостию король польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прускій, Жмудскій, Мавровскій, Инфлантскій, Смоленскій, Черниговскій, а Шведскій, Гетекскій, Вемдальскій наследственный король, извѣщаемъ этимъ ниспосланымъ нами къ вамъ листомъ о томъ слѣдуетъ знать, что явившійся къ намъ листъ въ большую канцелярію нашей В. К. Литовскаго, Саксонскій Императорскій Дзягилевичъ, имѣющій на васъ королевскія письма, въ 1635 году, марта 14 дня, съ двумя государственнымъ печатемъ великаго княжества Литовскаго, имѣе неженеванную, ни въ чемъ неупоминанную, и на представляющую никакого самовѣрія, листу нашему греческаго вѣременовѣданія, напечатаннаго въ уніи съ римскою церковью; описана въ листѣ жалоба и наложить къ поданію. Подать, проси, чтобы она была внесена въ книгу, буквальный содержаніе которой извѣстѣющее: Извѣщаемъ всѣхъ, кому о томъ слѣдуетъ знать, тенаръ и впродъ будущимъ, что заботясь объ общественномъ благѣ, мы вникши себя въ обязанность изыскать мѣры для поддѣржанія спокойствія между людьми греческаго вѣременовѣданія эти мѣры представили мы на рѣшеніе святаго, на такъ какъ съ, отенъ рѣшеніе свое криостановилъ и никакой дополнительной деклараціи не сдѣлалъ, а на сеймѣ этомъ не причинѣ сужденій о защитѣ республике до рѣшенія другихъ дѣлъ не могло прійти, каковыякъ намъ описать покровительство людямъ на исподобившихъ въ уніи, что впродъ мы дѣлаемъ на въ видахъ юридическаго подтвержденія схизмы, на ради общественнаго блага, для чего и даемъ наше свидѣтельство (testimonium) въ томъ, что людей нахотаннскихъ въ уніи съ римскою церковью сохраняемъ на вѣчныя времена при метронеи. и прѣдѣлѣтъ въ...

принадлежавшихъ, и принадлежавшихъ: Полоцкаго, Мемельскаго, Гродненскаго, Могилевскаго, Минскаго, Колычскаго, Славянскаго съ монастырями, [церквами и имѣніями къ нимъ принадлежащими будутъ всегда оставаться за уніятами; также монастырь виленскій св. Троицы съ братствомъ, съ церквью св. и благочестивыми заведеніями къ нимъ принадлежащими, а слѣдовательно и гродненскій, югилевскій, минскій, новгородскій, онуфриевскій, испиславекій, пустынскій, пелопскій, браулавскій и другіе, которые теперь находятся въ нашихъ королевскихъ владѣніяхъ, остаются на вѣчныя времена за уніятами, а въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогрудкѣ, никогда ни одной церкви не уніаты имѣть не будутъ. авѣраемъ отъ себя и отъ всенародныхъ въ томъ, то эти епископства, архимандритства, игуменства никому другому нами раздаваться и утверждаться не будутъ, какъ только однимъ заслуженнымъ монахамъ става св. Василія, которыхъ генеральный отецъ метрополитъ уніатъ и его наследники уніаты, будутъ представлять намъ и нашимъ наследникамъ, въ удостовѣреніе чего мы собственноручно подписываемся и желали приложить печати. Данъ въ Варшавѣ на генеральномъ государственномъ сеймѣ. Дня 14 марта, тысяча шесть сотъ тридцать пятаго года, царствованія нашего польскаго и шведскаго въ третій годъ. Владиславъ король, Мартинъ Тризна, референдарій великаго княжества Литовскаго. Приложены двѣ печати: малая государственная и большая великаго княжества Литовскаго. Мы король, по просьбѣ благороднаго Івана Дзяткилевича, эту привилегію въ книгѣ канцеляріи нашей В. К. Л. и съ нихъ извлеченіе подъ печатью В. К. Л. выдать. Происходило въ Варшавѣ на четырнадцатого февраля 1641 года, царствованія нашего польскаго и шведскаго въ десятый годъ.

этого письма печать В. К. Л. приложена, а подпись руки слѣдующая: Альбрехтъ Радзивиль, канцлеръ Бел.

Кн. Лит., по преслѣбъ его сїятельства Альбрехта Бла-
 нислава Радзивилла князя на Олыце и Несвїѣ,
 канцлера В. К. Л., пинскаго, гнезненскаго, коренскаго
 старосты, а вторая подписъ слѣдующая: Францъ
 Исаковскій, секретарь его к. в.

III.

Мы Божєю милостью Владиславъ IV, король поль-
 скій, великій князь литовскій, русскій, прусскій,
 жмудскій, мазовскій, инфландскій, смоленскій, чер-
 ниговскій, и наслѣдственный король шведскій, гот-
 скій и вандальскій, вельможному Янушу Кишце,
 воеводѣ полоцкому, гетману польному В. К. Литовскаго,
 пернавскому старостѣ нашему, искренно намъ любез-
 ному. Съ немалымъ прискорбіемъ узнали мы, что нѣ-
 нѣкоторыя лица полоцкаго воеводства, находящіеся
 подъ вашею властью, тамошнимъ священникамъ рус-
 ского богослуженія, находящимся въ уніѣ съ римско-
 католическою церковью, дѣлають разныя беззаконія
 противъ верховной власти нашего королевскаго вели-
 чества и съ большимъ оскорбленіемъ духовнаго сана:
 въ духовную юрисдикцію искони имъ принадлежащую
 и въ церковныя владѣнія съ давнихъ временъ учре-
 денныхъ на славу Божию незаконно вмѣшиваются,
 это не можетъ насъ не озабочивать, поэтому же-
 лаемъ, чтобы ваша милость всѣхъ священниковъ
 уніатовъ въ городѣ Полоцкѣ и имѣющихъ свои цер-
 кви и отправляющихъ богослуженіе въ имѣніяхъ
 полоцкой экономіи, именемъ короля отъ всякихъ
 оскорбленій охраняль, и строго наблюдаль, чтобы
 имъ находящимся подъ нашей защитой и протекціей,
 ни малѣйшаго не дѣлалось беззаконія, за что мы
 повелѣли, на всякомъ мѣстѣ и во всякое время под-
 вергать безпощадно строгому наказанію, вопреки
 чего ради наши милости и своей обязанности вы по-

ступать не должны. Данъ въ Варшавѣ мѣсяца мая 28 дня, лѣта господня 1638, царствованія нашего польскаго VI, а шведскаго въ VII годъ. Къ этому письму печать В. К. Лит. приложена, подпись руки его королевскаго величества, слѣдующая: Владиславъ король (Vladislaus Rex), къ вельможному воеводѣ полоцкому. За священниками уніятами, также подпись съ приложеніемъ печати слѣдующая: Мартинъ Трizza, референдарій и камергеръ В. К. Лит.

IV.

А четвертое письмо г. воеводы полоцкаго слѣдующаго содержания: Янушъ Кишка, полоцкій воевода, гетманъ польный В. К. Л., староста пернавскій и проч.

Извѣщаемъ всѣхъ вообще и cadaго особо, кому слѣдуетъ объ этомъ знать, какъ преподобнымъ духовнымъ лицамъ, ясновельможнымъ, вельможнымъ, благороднымъ панамъ, дворянамъ полоцкаго воеводства, моимъ милостивымъ государямъ и братіи, также именитому магистрату и всему народу города е. к. в. Полоцка, что показывана мнѣ привилегія е. к. в. милостиваго государя нашего, тысяча шестьсотъ тридцать пятого года, марта четырнадцатаго дня. Дана и принадлежитъ, какъ всѣмъ высокопреподобнымъ, преподобнымъ духовнымъ отцамъ, такъ и вообще народу греческой религіи, находящемуся въ исповѣданіи св. уніи, въ которой, вычитавъ волю и повелѣніе его королевскаго величества, милостиваго государя нашего, чтобы въ извѣстныхъ городахъ, а именно въ городѣ е. к. в. Полоцкѣ, лицамъ какъ свѣтскимъ такъ и духовнымъ, не было позволено строить церкви греко-дизъунитской вѣры, отправлять публично богослуженіе, а также совершать какія бы то ни было духовныя требы. Сверхъ того, я имѣю письмо его королевскаго величества, въ которомъ его коро-

Королевское величество велено и именным своим указом велено поручить мнѣ, чтобы янкъ духовныхъ, находящихся въ воеводствѣ и епархіи колоцкой, уніятской религіи именемъ его королевскаго величества записалъ, имѣлъ ихъ подъ своимъ покровительствомъ и властью его королевскаго величества, охранялъ ихъ отъ всѣхъ обидъ, притѣствій и оскорбленій со стороны диссидентовъ этой религіи, если бы что нибудь подобное терпѣли.

Въ обоихъ случаяхъ, согласно воли и желанію его королевскаго величества, также согласно съ привилегією и письмомъ мнѣ даннымъ, по данной мнѣ власти и начальству отъ его королевскаго величества надъ отцами неуніятами, такъ и надъ намами тамошними дворянами и именитыми мѣщанами подолжскими, требуемъ, и именемъ его королевскаго величества напоминаемъ, дабы никто не осмѣлился въ томъ городѣ строить неуніятскія церкви, отправлять публично богослуженіе и обучать въ школахъ и дома дѣтей.

А притомъ, чтобы никакихъ бунтовъ, заговоровъ противъ религіи уніятской, немѣхъ, безпокойствъ, багохульствъ (какъ недавно случилось), угрозъ и матажей не осмѣливались дѣлать.

Но если бы кто былъ секретно или явно въ этомъ обвиненъ, тотъ подвергнется законному наказанію; но я, сверхъ сего, назначаю за вину, въ пользу его королевскаго величества пятьдесятъ, а для себя воеводи и войта десять тысячъ злотыхъ польскихихъ, за что издавъ это письмо, съ приложеніемъ печати, собственноручно подписываюсь.

Писанъ въ Кривичахъ, тысяча шестьсотъ сорокъ третьяго года мѣсяца сентября четырнадцатаго дня. На этомъ письмѣ печать приложена, а подпись руки слѣдующая: Янушъ Книпка, воевода колоцкій и войта, польный готманъ Вал. Кн. Литовскаго, своимъ рукамъ.

Всѣ эти четыре письма, представленны въ судъ, по просьбѣ прендобнаго отца Іосифа Шумлянскаго, въ городскія книги вписаны, съ которыхъ и эта скрѣпа подъ городскою Радѣтскою печатью, съ подписью пиарской моей руки, въ нынѣшнемъ тысяча шестьсотъ зорокъ восьмомъ году мѣсяца марта шестого дня, выдана. Писанъ въ Полоцѣѣ.

Иванъ Дзягилевичъ писарь города его королевскаго величества Полоцка.

II.

ИСТОРИЯ ИКОНЫ

ВИЛЕНСКОЙ

ОСТРОБРАМСКОЙ БОГОРОДИЦЫ.

Въ Вильнѣ отъ того мѣста, гдѣ находится православный соборъ литовскихъ митрополитовъ, по направленію къ югу, поднимается по склону горы улица, называемая Остробрамскою. Это весьма оживленное, бойкое мѣсто, особенно послѣ устройства петербурго-варшавской желѣзной дороги. Идя отъ кафедральнаго собора вверхъ по Остробрамской улицѣ, не въ дальнемъ разстояніи встрѣчаемъ двѣ православныя обители: направо—монастырь Живоначальной Троицы, налѣво—св. Духовскій. Вся эта мѣстность изстари православная. Здѣсь былъ русскій гостинный дворъ, здѣсь жили, преимущественно русскіе люди. Троицкій монастырь построенъ супругой великаго князя литовскаго Ольгерда, Маріей, на мѣстѣ мученической кончины святыхъ, литовскаго происхожденія, Антонія, Иоанна и Евстафія. Св. Духовскій же монастырь основанъ св.-Духовскимъ церковнымъ братствомъ въ началѣ XVII вѣка, возлѣ Благовѣщенской церкви, сооруженной около 1,500 года русскою великою княжною, дочерью Иоанна III, Еленой, бывшею въ замужествѣ за великимъ княземъ литовскимъ Александромъ. Послѣ этихъ монастырей и церквей Остробрамская улица преграждается каменными городскими воротами, — остатокъ древнихъ укрѣпленій Вильны. Эти одни изъ пяти воротъ Кремля, называвшіяся прежде по имени сосѣдняго монастыря Троицкими, со времени же введенія церковной уніи, то есть около 1596 г., эти

ворота стали называться Острыми, по имени мѣстности, называвшейся Острымъ концомъ. Брама по польски значить ворота; острая брама значить острая ворота, отсюда и название Остробрамской или по-русски Островоротной улицы. Надъ воротами часовня, и въ ней древняя православная икона Островоротной Богородицы. Она написана на двухъ сколоченныхъ дубовыхъ доскахъ, въ вышину съ небольшимъ $2\frac{1}{2}$ аршина, а въ ширину 2 аршина. Ликъ Пресвятой Богородицы выражаетъ смиреніе. Недостаетъ лишь архангела Гавріила (который нерѣдко пишется на особой доскѣ), чтобы была полная икона Благовѣщенія.

Часовня эта и самая икона принадлежать католическому костелу св. Терезіи, находящемуся рядомъ съ воротами. Влады часовней, р.-католики не допускають совершать предъ иконою моленія по православному обряду. Жсены сумѣли, воеводу обыкновенію, связать съ Островоротною иконою разныя вымышленныя сказанія: будто бы икона эта есть сватыня *католической* Вильны, и ея чудотворная сила оказывается лишь въ пользу католиковъ и поборниковъ польщизны.

Разкажемъ исторію иконы и часовни Островоротной Богородицы.

Уже въ XIV вѣкѣ городъ Вильна раздѣлялся на 5 половицъ: русскую, литовскую, купеческую, нѣмецкую и еврейскую. Русская половица занимала срединную и восточную часть Вильны, самую лучшую и большую часть города *), половица литовская занимала часть сѣверную, купеческая—южную, нѣмецкая и еврейская западную. Эти половицы опредѣлялись особенно рельефно, когда при Гедиминѣ и Ольгердѣ городъ Вильна тамъ, гдѣ его не ограждали рѣки и горы, былъ обнесенъ отчасти каменною стѣною, отчасти деревянною оградой. Въ послѣдствіи великій князь литовскій и король польскій Александръ Казиміровичъ, въ 1505 году, повелѣлъ виленскимъ жителямъ обнести весь городъ каменною стѣною, и въ слѣдующемъ году, городская каменная стѣна была окончена **). Въ началѣ XVI вѣка въ городской стѣнѣ было четверо воротъ: 1) Кревскія, названныя потомъ Троицкими, а со времени введенія церковной уніи,

* Respublica Moscoviae et urbes. Лейденъ, 1580 г.—Балтійскій

** Стѣна эта вмѣстѣ со своими воротами окончательно разрушена въ 1794 г., исключая Замковскаго и Острогомъ вѣстовыя дѣла, разрушены въ 1827 году, послѣдніе существовали.

Острыми; 2) ворота Полоцкія, потомъ получившія названіе Спасскихъ отъ близъ лежащей Спасской церкви; 3) Керновскія или Вилейскія ворота, между домомъ челоувѣколюбиваго общества и недавно построенною часовней Александра Невскаго на Георгіевской площади; 4) ворота Трокскія, бывшія на Трокской улицѣ, возлѣ дома графа Тышкевича. Въ концѣ XV вѣка построены еще пятая ворота — Замоквыя, ведущія въ Нижній замокъ, иначе Кривой городъ.

Послѣ 1331 года, князь Ольгердъ отправился съ войскомъ на югъ Россіи воевать съ монголами; экспедиція была благополучна: Ольгердъ разбилъ три орды кочевавшія въ Подоліи, загналъ ихъ за Дунай, и земли отъ Кіева до Очакова, отъ Путивля до Дона, были имъ завоеваны; кромѣ того, онъ вторгнулся и въ Крышскій (Херсонесскій) полуостровъ и разрушилъ городъ Херсонъ (древній Корсунь). Послѣ этой экспедиціи Ольгердъ привезъ съ собой не мало вещей и украшеній церковныхъ, которыя и были розданы виленискимъ православнымъ церквамъ. Въ числѣ украшеній находилась икона Островоротной Богородицы, подаренная потомъ св.-Троицкимъ монахамъ, которые, слѣдуя православно-русскому обычаю *), поставили ее надъ своими Троицкими воротами. Венденскій каноникъ, ксендзъ Даниль Лодыга, жившій въ концѣ XVII вѣка, такъ свидѣтельствуетъ объ этомъ: „Великій князь литовскій Ольгердъ обогатилъ сокровищницы свои безчисленными херсонесскими драгоценностями. Семейство этого князя большую часть церковныхъ украшеній раздарило православнымъ церквамъ города Вильны, къ числу коихъ принадлежитъ благодатная икона Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, находящаяся нынѣ въ часовнѣ отцовъ кармелитовъ надъ городскими воротами, называемыми обыкновенно Острыми“ **). Это случилось, по всей вѣроятности, около 1345 г. Около этого времени самъ Ольгердъ тайно принялъ православную вѣру, по вліянію своей жены Маріи и далъ полную свободу христіанамъ ***).

*) Этого обыкновенія нѣтъ у поляковъ; у нихъ существуетъ обыкновеніе ставить при дорогахъ и воротахъ статуи св. Іоанна Крестителя.

***) Dzieje narodu litewskiego, соч. Нарбута, V, 137.

****) Кс. Кульчинскій: Specimen Ecclesiae Ruthenicae, Парижъ 1730 г., (перепечатана съ римскаго изданія 1733 г.)—Wojnowe wiadomości o W. Ks. Litewskimъ (перепечатано въ вилениской езуитской типографіи въ 1763 году).—К. С. Вандке: Dzieje narodu polskiego.

Есть еще и другое мнѣніе на счетъ происхожденія Островранской иконы. Въ *Памятной книгѣ о явленіи иконъ Пресвятой Богородицы* (Москва 1851) упоминается, что 14-го апрѣля 1341 года явилась чудотворная икона Пресвятой Богородицы въ Вильнѣ на городскихъ воротахъ. Это сказаніе можетъ относиться лишь къ Островоротской иконѣ. Дѣйствительно, здѣшній народъ убѣжденъ въ справедливости явленія этой иконы и издревле праздновалъ день 14 апрѣля. Даже и ксендзы празднуютъ его съ тѣхъ поръ, какъ присвоили икону Островоротной Богородицы, съ тою только разницею, что для отличія отъ православныхъ празднуютъ цѣлую недѣлю подъ именемъ праздника Покрова св. Іосифа. О праздникѣ 14 апрѣля можно прибавить еще слѣдующее: Извѣстно, что Ольгердъ и Кейстуть Гедиминовичи порѣшили свергнуть съ престола своего брата великаго князя литовскаго Явнута (который исповѣдывалъ православную вѣру и имѣлъ при своемъ дворѣ не мало единовѣрцевъ), что и было исполнено Кейстутомъ. Вслѣдъ за этимъ Ольгердъ былъ признанъ великимъ княземъ литовскимъ. Отъ него, тогда еще язычника, пострадали за свою православную вѣру три литовца, служившіе при дворѣ великаго князя Явнута: Антоній Миклей *) 14-го января, Іоаннъ Куклей 24-го апрѣля и Евстафій Нижило 13-го декабря. Въ 1364 году былъ установленъ въ честь ихъ митрополитомъ московскимъ св. Алексіемъ и константинопольскимъ патріархомъ Филовеемъ праздникъ **). Но когда пришлось опредѣлять, котораго числа должно быть этому празднику, то нашли самымъ удобнымъ праздновать его вмѣстѣ съ праздникомъ явленія чудотворной иконы Островоротной Богородицы, уже празднуемымъ виленскими жителями.

Въ пользу православнаго происхожденія Островоротной иконы можно прибавить еще и то, что никто изъ католиковъ не упоминаетъ, чтобъ она изстари была католическою. Авторъ *Реляціи о чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы, что въ Вильнѣ на Острыхъ Воротахъ*, перваго ксендзовскаго сочине-

*) Въ русскихъ лѣтописяхъ Антоній называется Круглецъ, Іоаннъ Кумець.

***) Іезуитъ В. Кояловичъ: *Miscelanea rerum*, Вильна 1650 г.—Кс. И. Кульчинскій.—Т. С. Бандке.—Игнатій Даниловичъ: *Scharhies dyplomator*, Вильна 1860 г.—Митр. черниговскій Филаретъ, *Исторія русской церкви*.

ня о чудотворной Островоротной иконѣ, напечатаннаго въ Вильнѣ въ 1823 году, опредѣлительно говорить, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ кому принадлежала Островоротная часовня и икона до 1671 года, т. е. до присвоенія ея кармелитами. О католическомъ же происхожденіи Островоротной часовни и иконы, положительно нѣтъ ни одного свидѣтельства, ни стараго, ни новаго, ни истиннаго, ни даже подложнаго.

Съ тѣхъ поръ какъ икона Пресвятой Богородицы находилась надъ Острыми воротами, лицомъ внутрь города, жившіе около сего мѣста православные (католики здѣсь вовсе не жили), стали питать большое уваженіе къ сей иконѣ и построили при ней надъ воротами небольшую деревянную часовню, гдѣ теплились предъ иконою лампы и свѣчи *), внизу же, вблизи воротъ, была построена такая же деревянная небольшая церковь св. Петра; поддержаніемъ великолѣпія въ той и другой занималось по преимуществу православное братство.

Въ 1458 году основано было въ Вильнѣ церковное православное братство **). Спустя не многое время, это братство, вслѣдствіе чрезвычайной многочисленности участвующихъ въ немъ, раздѣлилось на 8 вѣтвей, названныхъ также братствами. Эти братства были нижеслѣдующія : 1) панское, иначе дворянское; 2) виленскаго городскаго чиновначалія ; 3) купеческое; 4) шляпочниковъ ; 5) сапожниковъ ; 6) портныхъ ; 7) кожевниковъ и скорняковъ и 8) русское, состоявшее изъ шапочниковъ, сермяжниковъ и ногавичниковъ ***); русское братство находилось при Георгіевской церкви ****). Самое названіе сихъ братствъ достаточно показываетъ, что онѣ были въ ходу, главнымъ образомъ, въ ремесленномъ сословіи; онѣ считались отраслями св. Троицкаго (купеческаго) братства и притомъ отъ него зависящими, въ кружку котораго вносили даже извѣстную сумму денегъ. Тѣмъ не менѣе, каждое изъ нихъ содержало при своей церкви

*) Relacya o cudownym Obrazie N. Maryi Panny, ktory w Wilnie na Ostrey bramie, Wilyna 1823 года.—Крашевскій, Wilno, Wilyna 1840—42 года.—Кс. Ролевичъ: Wiadomości o cudownych obrazach, Wilyna 1863 г.—Коротыньскій: Wilno, во всеобщей энциклопедіи польской.

**) О православ. церков. братствахъ, соч. Флерова, Спб. 1857.

***) Ногавичниками называются портные брюкъ для простолюдиновъ.

****) Арлямандрить св. Троицкаго монастыря Арсеній Хрулькевичъ въ Wizerunkach.

госпиталя для больныхъ, богадѣльню для бѣдныхъ и первоначальное училище. Такимъ образомъ, болѣе другихъ пользовались значеніемъ и извѣстностью братство купеческое, учрежденное при церкви св. Троицы, которое съ 1589 года имѣло свою гимназію, типографію и право ставропигіи, т. е. благодаря патриарху константинопольскому Іереміи II, посѣтившему въ упомянутомъ году Вильну, оно зависѣло въ дѣлахъ духовныхъ непосредственно отъ самого патриарха.

Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Вильнѣ будетъ введена церковная унія, тѣ изъ виленскихъ братчиковъ и священниковъ, которые не желали никакой сдѣлки ни съ поляками, ни съ папами, около 1590 года приобрѣли участокъ земли напротивъ Св. Троицкой церкви, рядомъ съ Благовѣщенскою, и на немъ построили деревянную церковь съ монастыремъ. Между тѣмъ, въ 1609 году, по повелѣнію короля Сигизмунда III, виленскія православныя церкви были переданы уніатамъ, и тогда весь православный людъ перешелъ отовсюду въ эту ново-построенную церковь. При сей церкви образовалось очень многолюдное церковное братство, которое, несмотря на неоднократныя запрещенія польскихъ королей, подъ страхомъ денежнаго и тѣлеснаго наказанія, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и твердостью продолжало подвизаться за православіе и учредило при новой своей церкви: госпиталь для больныхъ, богадѣльню для нищихъ, училище для образованія дѣтей, гимназію и типографію. *) Кроме того, Святодуховское братство построило каменный монастырь и церковь Св. Духа, оконченные въ 1640 году и по нынѣ существующіе. Среди ожесточенной враждебности ксендзовъ и поляковъ св.-Духовскіе братчики выказали почти сверхъ-человѣческую энергію и самоотверженіе и положили немовѣрные труды на уходъ за больными, на вспоможеніе немощнымъ, на занятія по гимназіи, на громадныя постройки и, наконецъ, на борьбу съ строжайшими запрещеніями со стороны королей и всяческими препятствіями со стороны поляковъ.

Съ 1621 г. по 1626 годъ вице-канцлеръ великаго князя литовскаго Степанъ Пацъ и виленскіе бургомистры Игнатій и Степанъ Дубовичи, на участкѣ земли, находящемся между Ос-

*) Братская типографія пала въ концѣ XVIII вѣка. Братская гимназія открыта въ 1617 году, первымъ директоромъ ея былъ Леонтій Карповичъ, а послѣ него М. Смотрницкій.

тремя воротами, Благовѣщенскою церквою и строившеюся тогда св.-Духовскою, воздвигли каменный монастырь и костель св. Терезіи, гдѣ и поселили монаховъ, такъ-называемыхъ кармелитовъ-босыхъ. *) Участокъ земли для сихъ построекъ былъ такъ малъ и узокъ, что костель св. Терезіи значительно загрохиздилъ собою улицу и заслонилъ церковь Благовѣщенскую и отчасти св. Духовскую. Поселившіеся при Острыхъ воротахъ кармелиты-босые принялись усердно подавлять православіе и все русское, ушотребляя всѣ средства. Имѣя въ виду присвоить Островоротную часовню и икону, они съ первыхъ дней своего здѣсь пребыванія, стали особенно чествовать православную икону Островоротной Богородицы и собирать къ часовнѣ не только католиковъ, но и православныхъ, у которыхъ тогда были лишь двѣ церкви: св.-Духовская и Благовѣщенская (остальныя были переданы униатамъ). Эта тактика произвела свое дѣйствіе, и многіе изъ православныхъ перестали чуждаться кармелитовъ-босыхъ и считать ихъ врагами. Ловкимъ кармелитамъ удалось также уничтожить православную церковь св. Петра, принадлежавшую святотроицкимъ монахамъ (тогда уже униатамъ) и находившуюся у самыхъ Острыхъ воротъ, напротивъ ихъ костела; въ 1633 году видѣлся лишь ея фундаментъ **).

Возстаніе малороссовъ подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго дало случай полякамъ убѣдиться, что на приверженность униатовъ къ Польшѣ имъ полагаться нельзя. Потому, какъ только кончилась въ 1667 году война, поляки болѣе прежняго принялись подавлять уже не только русскую народность и православную вѣру, но и самихъ униатовъ. Потерявъ восточную Малороссію и Кіевъ, они тѣмъ болѣе старались укрѣпиться въ сѣверо-западномъ краѣ и особенно въ Вильнѣ. Въ противодѣйствіе православному св. Духовскому братству, кармелиты учредили свое братство св. Іосифа, утвержденное папою Климентомъ IX, мая 21-го 1669 года. Члены этого братства обязаны ***): 1) праздновать всѣ (ихъ не мало) праздники Пр. Богородицы, св. Іосифа обручника и св. Терезіи; 2) каждый четвергъ слушать обѣдню въ Островоротномъ костелѣ; 3) въ

*) Іезуитъ Кояловичъ.—Крашевскій.

***) Дѣло объ омежеваніи св. Троицкой горы съ 1633 года.—Relacya.—Wizerunki i roztrząsania naukowe, журналъ издаваемый кс. И. Шидловскимъ въ Вильнѣ съ 1834—40 годъ.

***) Manuale confraternitatis s. Josephi, Познань 1678 г.

праздники Пр. Богородицы, Св. Юсифа и св. Терезиі исповѣдываться и причащаться; 4) поучать другихъ латинской вѣры; 5) наконецъ всѣми силами стараться втягивать въ свое братство и другихъ. Юсифовскимъ братчикамъ прощаются всѣ ихъ грѣхи въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) при поступленіи въ братство; 2) въ праздникъ обрученія Пр. Богородицы (23 января); 3) въ праздникъ обрученія св. Юсифа (19 марта); 4) въ праздникъ Пр. Богородицы Шкаплерной (16 іюля); 5) въ праздникъ св. Терезиі (15 октября); 6) при смерти каждаго изъ братчиковъ. Далѣе, грѣхи прощаются братчикамъ также, сообразно тому, 1) сколько разъ они будутъ находиться у обѣдни въ Островоротномъ костелѣ; 2) сколько разъ будутъ на братскомъ совѣтѣ; 3) сколько разъ будутъ присутствовать при крестномъ ходѣ; и наконецъ 4) сколько разъ будутъ говорить въ пользу латинской вѣры: во всѣхъ этихъ случаяхъ грѣхи прощаются каждый разъ на 60 дней.

Около 1670 года польскимъ правительствомъ была назначена особая комиссія для осмотра виленскихъ церквей, которой и вмѣнено было въ обязанность упразднить не только православныя, но и уніятскія церкви, подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы русскія войска, владѣвшія Вильной съ 1655 по 1661 годъ, совершенно ихъ ограбили и на столько опустошили, что совершать богослуженіе въ нихъ нельзя. Эта-то комиссія, въ 1671 году году, передала кармелитамъ босымъ костела св. Терезиі православную часовню и икону Островоротной Богородицы *). Кармелиты поставили икону на время въ свою часовню при костелѣ св. Терезиі; на мѣсто старой часовни построили новую, деревянную, очень маленькую, куда снова и перенесена икона. Перенесеніе это устроено было самымъ торжественнымъ образомъ: въ немъ участвовали виленскій епископъ Александръ Сапѣга и его капитулъ, литовскіе сенаторы, городскіе чины и толпы пановъ; произнесено было нѣсколько проповѣдей, поучали даже посреди Островоротной улицы **).

*) Relacya.—Кс. Кульчинскій.—Wizerunki.—Документы Остробрамскихъ Кармелитовъ, въ публичной библіотекѣ въ Вильнѣ. Точно таже комиссія, дѣйствуя по указанію митрополита Г. Коленды, закрыла церковь св. Петра и Павла на Зарѣчьи, въ церкви же Спасской и Вознесенскомъ монастырѣ устроены городской госпиталь.

**) Relacya.

Построенная кармелитами часовня была уже католическая и, такимъ образомъ, чудотворная православная икона сдѣлалась принадлежностью латинскихъ монаховъ. Уніятскіе монахи св. Троицкаго монастыря противъ такого присвоенія въ началѣ не протестовали, потому что икона эта не давала имъ дохода, а еще болѣе потому, что незадолго передъ этимъ они получили другую чудотворную икону, икону Виленской Богородицы, перенесенную изъ собора Успенія Пр. Богородицы въ ихъ св. Троицкую церковь *).

Но видя что Островоротная часовня стала давать хорошій доходъ кармелитамъ, святотроицкіе монахи потребовали возвращенія ея, какъ старинной принадлежности своего монастыря, и представили на то неоспоримыя доказательства. Разумѣется, кармелиты не захотѣли уступить, и вотъ между двумя монастырями завязался процессъ, продолжавшійся очень долго. Перейдя множество низшихъ инстанцій, процессъ былъ представленъ, наконецъ, на разрѣшеніе папы. Не было никакой возможности опровергнуть доказательства, представленныя троицкими уніятами, но папа, дабы не дать преимущества полусхизматикамъ уніатамъ, придумалъ новое, вовсе не относящееся къ дѣлу положеніе, на которомъ и основалъ свое рѣшеніе. Онъ присудилъ оставить часовню въ обладаніи того монастыря, который ближе къ Острымъ воротамъ, зная хорошо, что такое рѣшеніе будетъ въ пользу кармелитовъ **). Это было уже въ началѣ XIX вѣка, когда Вильна принадлежала къ Россійской имперіи. Такимъ образомъ, несправедливое предпочтеніе, оказанное папой босымъ кармелитамъ — означало ни болѣе, ни менѣе, какъ поддержку польщизны въ старорусскомъ краѣ, возвращенномъ Россіи. Преосвященный Анатолій, бывшій минскій архіепископъ, въ отношеніи къ г. синодальному оберъ-прокурору, отъ 24-го марта 1832 г. доказывалъ, что Островоротная икона Богоматери есть «древнее достояніе православной церкви» ***). Вслѣдствіе этого состоялось высочайшее повелѣніе о передачѣ костела св. Терезіи и монастыря, принадле-

*) Wizerunki.

***) Литовскій митрополитъ высокопреосвящен. Іосифъ: „Слова и привѣтствія“, Спб. 1860 г.

***) Дѣло объ упраздненіи костеловъ по виленской губерніи, съ 1832—1835 г., находящееся въ литов. дух. консисторіи.

защищъ кармелитамъ-босымъ въ Вильнѣ, православному духовенству; такимъ образомъ, Островоротная часовнѣ и икона должны были быть возвращены опять православнымъ. Но высочайшее повелѣніе было искусно ободено, какъ увидимъ ниже.

Съ 1671 года, съ котораго начинается католическій періодъ въ исторіи Остробрамской иконы, и до 1715 при Острыхъ воротахъ не случилось ничего замѣчательнаго. Въ 1715 г. вспыхнулъ въ Вильнѣ пожаръ, отъ котораго сгорѣла и Островоротная часовная; но икона была спасена и поставлена въ костелъ Св. Терезіи. Не скоро кармелиты принялись за постройку новой часовни; они занялись ею, когда нововведенное ими сорокачасовое богослуженіе значительно увеличило ихъ доходы. *) Часовня была построена около 1744 года, изъ камня, въ томъ видѣ, въ какомъ находится и до сихъ поръ. Кармелиты устроили торжественное освященіе часовни и перенесеніе въ нее иконы. Ксендзы стали изрѣдка служить и миссы, чего не было въ старой часовнѣ **).

Въ 1773 году первый раздѣлъ Польши островоротнымъ кармелитамъ удалось получить отъ папы Клямента XIV два посланія отъ 5-го апрѣля, которыми дарованы пяти праздникамъ Островоротнаго костела (Св. Терезіи) полные отпуска, т. е. всѣмъ принимавшимъ какое-либо участіе въ этихъ праздникахъ отпускались всѣ грѣхи безъ исключенія ***). Въ 1779 году папа Пій VI, буллой отъ 30-го апрѣля, даровалъ Островоротному братству св. Іосифа очень обширную власть и различныя indulgenціи; сверхъ того, всѣ милости, дарованныя ему разными папами, призналъ за братствомъ на вѣчныя времена ****).

Папскія посланія и отпуска грѣховъ не мало способствовали оживленію фанатизма въ островоротныхъ братчикахъ, и они всѣми силами стремились подавить въ Вильнѣ православіе. Но тѣмъ не менѣе, это послѣднее было на столько сильно, что

*) Relacya.—Проповѣди ксендза Роберта. Вильна 1770. „О сорокачасовыхъ богослуженіяхъ“, см. Сов. Лѣт. 1866 года № 38. Документы кармелитовъ-босыхъ въ виленскомъ музеѣ.

**) Relacya.—Документы кармелитовъ Остробрамскихъ.

***) Документы кармелитовъ-босыхъ.

****) Хроника Островоротнаго приходскаго костела, ксендза Казимира Залескаго, находящаяся въ рукописи въ вилен. публич. библіотекѣ.

до конца прошлаго столѣтія св.-Духовское православное братство процвѣтало, егѣ типографія печатала книги, гимназія воспитывала молодежь, и дѣвичій монастырь былъ наполненъ.

Хотя католики уже долгое время владѣли Остробрамскою иконой, но до 1794 года она между ними не считалась чудотворною. Правда, ксендзь, авторъ сочиненія объ Островоротной иконѣ, напечатаннаго въ Вильнѣ въ 1823 г., называющагося *Релліей*, утверждаетъ, что Островоротная икона была всенародно признаваема католиками чудотворною еще въ XVII вѣкѣ. Тоже повторяютъ Крашевскій, Сырокомля и ксендзь Ролевичъ. Но ни одинъ изъ этихъ писателей не указываетъ, откуда почерпнуты эти свѣдѣнія. По этому мы тщательно пересмотрѣли всѣ сочиненія, спеціально описывающія чудотворныя иконы въ сѣверозападной краѣ: *Море Господней благодати, разливаемое Богомъ въ Польшу при иконахъ Спасителя и Богородицы*, сочиненіе ксендза Яцка Пруца; *) *Церковную исторію Литвы*, сочиненіе профессора бывшаго вилненскаго университета іезуита Вюка Коляовича; сборникъ католическихъ пѣсень—такъ-называемыя кантычки **); *Сарматскую фазіономію Польши и Литвы*, сочиненіе профессора

---

*) Мы руководствуемся вторымъ изданіемъ, дополненнымъ и напечатаннымъ въ 1740 году въ Краковѣ. Ксендзь Яцко (Гядинтъ) Пруцъ, принадлежавшій къ лучшимъ польскимъ писателямъ XVIII вѣка, составилъ названное сочиненіе о чудотворныхъ иконахъ не только по печатнымъ источникамъ, но и по сообщеннымъ ему отовсюду разными лицами свѣдѣніямъ. Онъ самъ обиралъ данныя по канцеляріямъ мѣстныхъ епископовъ. Авторъ того сочиненія, столь компетентный въ нашемъ дѣлѣ, не смѣлъ даже, чтобы ктонибудь изъ католиковъ отъ давнихъ временъ до 1740 года считалъ икону Островоротной Богородицы чудотворною.

**) Протестанты въ XVI столѣтіи начали впервые распространять въ народѣ молитвенники и кантычки. Въ противодѣйствіе имъ, къ тому же средству прибѣгали и ксендзы и распространяли свои кантычки. Пѣсни, вошедшія въ составъ кантычекъ, по большей части, историческаго содержанія: въ нихъ поется про чудотворныя иконы и ихъ чудеса. Въ кантычкахъ не забыта ни одна изъ дѣшнихъ чудотворныхъ иконъ, кромѣ Островоротной; о ней нѣтъ и помину въ кантычкахъ напечатанныхъ въ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

бывшаго виленскаго университета, іезуита А. Нарамовскаго *); *Исторію литовскаго народа*, сочиненія Ѡ. Нарбута; описаніе 94 генеральныхъ ревизій Островоротныхъ костела и монастыря съ 1627 года по 1788 годъ, произведенныхъ ксендзами присылаемыми изъ Рима; далѣе—нѣскольکو десятковъ письменныхъ документовъ бывшихъ островоротныхъ кармелитов**), нѣскольکو десятковъ духовныхъ календарей ***) съ разными замѣтками виленскихъ ксендзовъ, нѣскольکو десятковъ проповѣдей, произнесенныхъ въ Островоротномъ (Св. Терези) костелѣ, и, наконецъ, не мало другихъ сочиненій. Всѣ эти сочиненія не могли бы обойдти молчаніемъ чудотворенія Островоротной иконы, еслибъ объ нихъ до того времени было говорено. Но намъ не удалось встрѣтить въ нихъ ни одного, хотя бы самаго слабаго, намека на признаваніе католиками этой иконы чудотворною до 1794 года.

Наконецъ, надо замѣтить и то многозначщее обстоятельство, что икона Островоротной Богородицы не коронована, согласно католическому обыкновенію. Въ 1630 году возникъ у католиковъ обычай надѣвать чудотворнымъ иконамъ короны, освѣщенные самими папами и надѣленные ими разными отпусками грѣховъ. Обрядъ этотъ называется *коронаціей* и считается признаніемъ данной иконы чудотворною со стороны непогрѣшимыхъ папъ. Коронація иконы совершается самымъ торжественнымъ образомъ, съ разными обрядами и церковными процессіями, которыя должны проходить чрезъ нѣскольکو триумфальныхъ воротъ, заранѣе устроенныхъ къ этому празднику.

---

*) Настоящее заглавіе: *Facies regum Sarmaticarum in facie Regni Poloniae, Magnique Ducatus Litvaniae*. 2 тома. Вильна 1724 и 26 годовъ. Въ 1-мъ томѣ сего сочиненія находится особая глава о здѣшнихъ чудотворныхъ иконахъ и явленныхъ чудесахъ.

**) Здѣсь кстати замѣтить, что послѣ островоротныхъ кармелитовъ при нихъ бывшемъ костелѣ не осталось никакихъ бумагъ, какъ значитса въ хроникѣ ксендза Залескаго, но въ настоящее время часть кармелитскаго архива (откуда взята—сказать положительно не можемъ) находится въ виленскомъ музеѣ. Сверхъ того, намъ удалось отыскать опись бывшаго кармелитскаго архива, изъ которой видно, что еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія взяты изъ подъ описи самыя интереснѣйшіе документы островоротныхъ кармелитовъ.

***) Ксендзовскіе календари обыкновенно называются рубрицеллами.

Годовщина коронаціи празднуется ежегодно. Коронваннхъ такимъ образомъ иконъ считается въ самомъ Ватиканѣ 216,— въ остальномъ Римѣ 104, у насъ болѣе 21, и въ самой Вильнѣ—двѣ. Изъ сказаннаго ясно видно, что еслибъ икона Островоротной Богородицы, находящаяся въ главномъ городѣ здѣшняго края и на глазахъ у всѣхъ, была признаваема католиками прежде 1794 г. чудотворною, то оставить ее безъ *короначіи* въ XVIII вѣкѣ не могли бы—ибо здѣшніе ксендзы имѣли въ эту эпоху особенное расположеніе совершать этотъ религіозный обрядъ надъ чудотворными иконами и съ 1717 по 1786 г. успѣли укороновать не *меньше* 21 икону *).

Ксендзы объявили Островоротную икону чудотворною съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлали ее орудіемъ демонстрацій, направленныхъ противъ Россіи. Въ 1794 г., возстаніе поляковъ распространилось и въ западно-русскихъ областяхъ. Въ Вильнѣ поляки начали мятежъ, подъ предводительствомъ полковника Ясинскаго, съ рѣзни безоружныхъ. Въ ночь на 19-е апрѣля русскіе солдаты, бывшіе въ Вильнѣ, частію были перерѣзаны оружіемъ благословеннымъ ксендзами; частію предательски обезоружены и заперты въ костелѣ Казимира съ своимъ командиромъ генераломъ Арсеньевымъ. Гетмана Коссаковскаго, противившагося такимъ низкимъ поступкамъ пановъ и ксендзовъ, обвинили въ измѣнѣ и повѣсили на рынкѣ. 7-го іюля русскія войска подъ начальствомъ Кнорринга и Зубова окружили красную Вильну, въ которой надъ импровизованнымъ гарнизономъ начальствовала Мейеръ. Зубовъ атаковалъ городъ съ предмѣстья Зарѣчья, а Кноррингъ со стороны Острыхъ воротъ. Два дня сряду продолжалась атака: Русскихъ убито 1,700 человекъ, въ томъ числѣ полковники Дѣевъ и Короваевъ **).

Изъ самой Островоротной часовни, чрезъ пять круглыхъ отверстій, которыя до того времени были заставлены алтаремъ (престоламъ), ксендзы стрѣляли въ русскихъ, и одинъ изъ нихъ, кармелитъ Цѣлица, убилъ Дѣева, когда онъ осматривалъ войска. Въ самыхъ Острыхъ воротахъ дѣйствовали тогда два орудія. 31-го іюля русскіе взяли Вильну ***). Вслѣдъ за тѣмъ

*) Кс. Ролевичъ.—Encyklopedia powszechna.

**) Korrespondent krajowy i zagraniczny (газета), Варшава того же 1794 г.

***) Тамъ же.

по третьему раздѣлу исчащей въ зрѣлояхъ Идолши, Вишня сдѣлалась русскимъ городомъ.

Первый генералъ-губернаторъ князь Рѣпинъ и вообще русская администрація въ Вильнѣ были введены панамъ и всендзами въ заблужденіе. Не зная что въ Островоротной часовнѣ находится православная чудотворная икона Богородицы, они повѣрили полякамъ, что это главная католическая святыня города Вильны и всей Литвы, издревле будто бы пользующаяся особеннымъ уваженіемъ католиковъ. Въ 1795 году Рѣпинъ не только подтвердилъ распоряженіе бывшей польской администраціи о недозволеніи торговать у Острыхъ воротъ, но даже, повѣривъ сказанъ, будто бы въ Вильнѣ издревле существуетъ обычай, изъ уваженія къ великой католической святынѣ, ходить чрезъ Острыя ворота съ открытыми головами, подобно тому какъ это дѣлается въ Москвѣ въ Спасскимъ воротахъ,—приказалъ всѣмъ и каждому соблюдать этотъ обычай, будто бы освященный древностью *). Ксендзы съ своей стороны стали распускать слухи, будто русскіе были поражены во время приступа чудодѣйственной силой иконы и потому велѣли отдавать ей такое почтеніе. Понятно, какое впечатлѣніе производили подобныя разказы.

Съ этого времени поляки стали почитать Острыя ворота и часовню какъ польскую твердыню, какъ политическій памятникъ.

Значеніе и богатство часовни расло. Во время мятежа приходскій костель св. Никодима и Юсіафа **), находившійся вблизи, пришелъ въ совершенный упадокъ, и его прихожане, м-

*) Документы Островоротныхъ кармелитовъ.

***) Бывшая православная церковь св. Георгія. Церковь св. Георгія построена св. Троицкимъ православнымъ братствомъ во второй половинѣ XV вѣка. Она была деревянная и приходская; при ней находилось братство отъ мѣстности получившее названіе росскаго. Церковь св. Георгія передана, въ 1664 году, униатскимъ митрополитомъ Колендой іезуитамъ, которые устроили въ ней костель св. Никодима и Юсіафа, надшій окончательно во время польскаго мятежа 1794 года. Потомъ поближе Острыхъ воротъ, воздвигнуть новый костель только во имя одного св. Никодима, упраздненный за мятежъ 1831 года. Здѣсь вѣстать замѣтить, что послѣ упраздненія православной церкви св. Георгія, костель Пр. Богородицы свѣжной переименованъ въ костель св. Георгія.

пившись своего костела, начали собираться при Островоротной часовнѣ. Мало того, около этого времени палъ также и дѣвичій православный монастырь, а церковь его Благовѣщенія Пресв. Богородицы, обращенная въ приписную часовню при св. Духовской церкви, вскорѣ точно также пришла въ упадокъ. Такимъ образомъ всѣ чествовавшіе Пр. Богородицу волей-неволей приуждены были собираться на молитву при Островоротной часовнѣ. Доходы часовни, гдѣ ксендзы поставили, чего прежде не было, органъ, значительно увеличились *).

Въ 1812 году Островоротные монастырь, костель и часовня были обращены французами въ казармы; престолы (алтари) уничтожены, иконы, въ томъ числѣ и икона Островоротной Богородицы, во многомъ испорчены, все опустошено **).

Послѣ вѣнскаго конгресса, а еще болѣе послѣ изгнанія въ 1816 году иезуитовъ изъ Петербурга, въ краѣ начались приготовленія къ мятежу. Въ самой Вильнѣ возникло нѣсколько братствъ, съ тайною политическою цѣлю, какъ братство (т. е. общество) уличниковъ, филоматовъ, лучезарныхъ, филаретовъ и объединенія *). Братство уличниковъ (шубравцовъ) стремились къ тому, чтобы сблизить польскихъ пановъ-обывателей съ здѣшнимъ народонаселеніемъ, а главное, чтобы уронить русское правительство и русскую народность. Предсѣдателемъ этого общества былъ извѣстный Андрей Снядецкій, родной братъ ректора виленскаго университета Ивана Снядецкаго. Для успѣшнѣйшаго достиженія польскихъ цѣлей уличниками издавался въ Вильнѣ политическій журналъ подъ названіемъ *Уличныя содѣлкія* (*Wgikowe wiadomości*), съ 1817 по 1822 года, имѣвшія громадное вліяніе на поляковъ ***). Братство филоматовъ, образовавшееся въ исходѣ 1818 года, поставило своею цѣлю ополяченіе здѣшняго русскаго края посредствомъ сельскихъ училищъ. Основателемъ сего общества былъ Тома Занъ, прочими членами всѣмъ извѣстные поборники польщины: Адамъ Мицкевичъ, Осипъ Ежовскій, Иванъ Чечоть, Францъ Малевскій, Иванъ Верников-

*) Рапортъ ксендзовъ кармелитовъ-босыхъ о монастыряхъ съ 1804 года, за 103, находящійся въ виленскомъ музеѣ.

***) Виленскій Вѣстникъ.—Киркоръ: *Przechadzki po Wilnie*.

****) Рапортъ о лучезарныхъ и филаретовъ генерала Новосильцева отъ 13 мая 1824 года.—Relacya.

*****) Ю. Бартошевичъ, *Historya literatury polskiej*, Варшава 1861 года.

скій, Эдуардъ Одынецъ, Александръ Ходзько и многіе другіе. Братство лучезарныхъ, основанное въ 1820 году, было нечто иное, какъ братство Филоматовъ, предназначенное для студентовъ университета. Въ средѣ сихъ братствъ, основано тогда же повое общество, уже чисто-мятежное, подъ названіемъ Филаретовъ. Цѣлью Филаретовъ было *сосдиненіе общихъ силъ для возстановленія Польши въ границахъ 1772 г.*

Въ 1822 году закрытъ органъ уличниковъ; въ слѣдующемъ же 1823 году названныя виленскія общества упразднены, а многіе члены ихъ арестованы; слѣдствіе началось надъ ними генер. Новосильцевымъ. Въ это время образовалось новое политическое братство подъ названіемъ Объединенія. Братство Объединенія стремилось къ объединенію здѣшнихъ сословій, конечно, въ лонѣ католической вѣры, и для того они основали многочисленныя церковныя братства, вымышляли сподручныя чудеса католическихъ иконъ, явленныя исключительно полякамъ. и распускали на народъ всяческіе слухи объ этихъ чудесахъ.

Не наше дѣло рассказывать, что именно сдѣлали вышесказанные политическія братства, основанныя въ сѣверо-западномъ краѣ; упомянемъ лишь, что мятежъ 1831 года и громадное развитіе польщизны въ здѣшнемъ русскомъ краѣ показываютъ, на сколько эти братства успѣли въ своихъ дѣйствіяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что до этого времени здѣшняя мелкопомѣстная шляхта и мѣщане не знали польской грамоты и говорили на своемъ родномъ русскомъ языкѣ.

Чтобъ усыпить русское правительство, братство Объединенія облеклось въ форму церковнаго братства, *духовнаго соучастія*, основаннаго кармелитомъ-босымъ Доминикомъ и утвержденнаго папой Григоріемъ XV, 27-го января 1623 года, Братство *духовнаго соучастія* весьма мало извѣстно въ католическомъ мірѣ; но за то, поляки, готовившіе мятежъ 1831 года, дали ему устройство по своему произволу и членовъ его обязали: 1) часто молиться другъ за друга; 2) *всячески* помогать другъ другу; 3) имѣть образокъ Богоматери Островоротной; 4) наконецъ исповѣдываться и причащаться *ежемесячно*, если нѣтъ возможности чаще. Членамъ братства Объединенія прощаются всѣ грѣхи: при поступленіи въ братство, при ежемѣсячной исповѣди и наконецъ при ихъ смерти.

Въ 1631 году, былъ заключенъ союзъ между краковскимъ университетомъ и монахами кармелитами-босыми, кармелит-

ская часовня св. Михаила и Иосифа въ Краковѣ признава университетской и при ней введено братство *духовнаго соучастія*, переименованное тогда въ Унію, Объединеніе. *Союзъ* въ 1635 году утвержденъ папой Урбаномъ VIII, братчикамъ дарованы весьма многіе отпущенія грѣховъ. Августа 15 дня, тогоже 1635 года братчики на совѣтъ порѣшили просить кармелитовъ составить имъ уставъ, что и было сдѣлано. Число братчиковъ вскорѣ весьма увеличилось; студенты, профессора и польскіе паны приняли въ немъ самое горячее участіе. Члены братства Объединенія только то и дѣлали, что пропагандировали латинство; не принадлежащихъ же къ польской націи и къ католической вѣрѣ ругали, колотили, а подь часъ и топили въ рѣкѣ Вислѣ. Слѣдствіемъ сихъ постоянныхъ безпорядковъ, вредныхъ всякому благоустроенному государству, было то, что по ходатайству краковскаго университета 10 октября 1786 года, костельное братство Объединенія въ Краковѣ упразднено, въ часовнѣ же братской устроенъ университетскій театръ *). Это братство, упраздненное въ Краковѣ, въ 1823 году введено при Островоротной часовнѣ.

Самое важное дѣло братства Объединенія въ Вильнѣ состояло въ обращеніи Островоротной иконы и часовни въ орудіе для разжиганія политическихъ страстей, для возбужденія ненависти къ русскимъ. Предъ нею совершались уличныя молебствія, и проповѣди ксендзовъ искусно подготавливали мятежъ.

Въ 1823 году въ Вильнѣ вышло не разъ упомянутое нами сочиненіе подь заглавіемъ: *Реллиція о чудотворной иконѣ Богоматери, которая въ городѣ Вильнѣ на Острыхъ воротахъ*. Въ этой реллиціи находится сказочная исторія объ Островоротной иконѣ и ея чудесахъ; затѣмъ помѣщены разныя молитвы и пѣсни, относящіяся къ Островоротной иконѣ, и въ заключеніе дмшиное поученіе о братствѣ Объединенія.

Продажа *Реллици* пошла весьма успѣшно. Для вѣщаго успѣха народу раздавали ее и даромъ. Понятно, что желающихъ принадлежать къ братству Объединенія нашлось весьма много. Островоротные кармелиты обзавелись хоромъ, который по субботамъ и праздникамъ Богоматери пѣлъ въ Островоротной часовнѣ, или среди улицы; толпы народа собирались сюда,

*) Unio philadelphica, Краковъ 1760 г.—О. Мучновскій: Bractwa jezuitckie akademickie, Краковъ 1845 г.

кто на молитвы, кто изъ любопытства. Насталъ юбилей 1826 года*), праздникъ продолжавшійся цѣлый годъ. За это время побывали въ Вильнѣ многія тысячи разнаго народа и возвращались изъ Вильны съ юбилея непременно съ *Реллией*, такъ какъ ксендзы, поляки, студенты виленскаго университета и воспитанники виленской р.-католической духовной академіи усиленнѣйшимъ образомъ трудились надъ убѣжденіями народа по части Островоротныхъ католическихъ чудесъ.

Реллиа, празднованіе юбилея и учрежденіе братства Объединенія повели къ распространенію славы древней, будто бы католической иконы Островоротной Богородицы и чудесъ, явленныхъ отъ нея исключительно католикамъ. Въ 1829 году, часовню украсили великолѣпно, ликъ Островоротной Богородицы очистили, причемъ онъ подновленъ извѣстнымъ польскимъ живописцемъ Канутомъ Русецкимъ**). Говорятъ, что когда сняли съ иконы ризу, то на ней находилась славянская надпись: „Честнѣйшую Херувимъ.“ Икона писана въ византійско-русскомъ стилѣ***). Въ 1830 году одна изъ католическихъ дамъ построила вдоль Островоротной улицы, вблизи часовни, галерею, чтобы, не сообщаясь съ простымъ народомъ, молиться Богу****).

Положительно доказано, что на мятежъ 1831 года въ Вильнѣ собирались деньги по преимуществу въ Островоротной часовнѣ, и въ самое возстаніе пѣлись въ ней революціонныя гимны; то же было предъ мятежемъ 1863 года. За преступленія 1831 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 1832 года о передачѣ 190 костеловъ въ томъ числѣ и Островоротнаго костела и монастыря православному духовенству. Но Островоротный костель и древняя православная икона до сихъ поръ остаются въ рукахъ р.-католиковъ. Польская партія перетолковала Высочайшее повелѣніе, въ которомъ повелѣвалось передать *Виленскій* костель кармелитовъ-босыхъ православному духовенству и на мѣсто настоящаго *Виленскаго* костела св. *Терезіи* или что тоже Островоротнаго, назначила къ передачѣ кармелитскую часовню, находящуюся за рѣкой Вилией, назвавъ ее костеломъ св. Терезіи. Скажемъ нѣсколько словъ и объ этой часовнѣ.

*) О „сорокочасовомъ богослуженіи.“ Совр. Лѣт. 1866 г., № 38.

***) Киркоръ.

****) Крашевскій.—Кс. Ролевичъ.—Коротинскій.

*****) Крашевскій.

О благосостояніи островоротныхъ кармелитовъ заботились больше другихъ Огнискіе. Витебскій воевода, Марціанъ Огнискій и жена его Фекла, въ 1702 году, послѣ выхода изъ Вильны шведскихъ войскъ и упадка іезуитскаго костела св. Варвары (бывшая православная церковь св. Варвары), находящагося въ предмѣстьи Рыбакахъ, подарили Островоротнымъ кармелитамъ домъ и другія хозяйственныя строенія, на правомъ берегу рѣки Вили, на томъ же предмѣстьи. Тамъ былъ устроенъ каменный небольшой костель св. Іосифа. Этотъ-то *Завилейскій* костель св. Іосифа назначили къ передачѣ православному духовенству, вмѣсто *Виленскаго*, т. е. Островоротнаго костела св. *Терезіи*. Дѣло о передачѣ длилось два года и православное духовенство отказалось принять сказанный костель св. Іосифа; потому она вмѣстѣ со своимъ фундушемъ досталась гражданскому вѣдомству. Вмѣсто часовни въ настоящее время стоитъ одна колокольня *).

Вслѣдствіе секуляризаціи въ 1842 году духовныхъ имѣній въ западномъ краѣ, Островоротный монастырь кармелитовъ босыхъ существовать дольше не могъ и, въ 1844 году переданъ православному духовенству, а костель ихъ отданъ ксендзамъ. Благодаря этому обстоятельству, церковная печать, на которой до тѣхъ поръ было изображеніе св. Терезіи, замѣнена ксендзами новою, съ изображеніемъ Островоротной Богородицы; костель же св. Терезіи переименованъ въ костель Богородицы Островоротной. Въ это же время сдѣланъ входъ въ часовню съ улицы, открытый для всѣхъ, и при костелѣ образованъ впервые и приходъ **).

Въ 1853 году (начало крымской компаніи) въ Вильнѣ составлены три польскіе молитвенника, посвященные Острымъ воинамъ; они изданы въ Парижѣ виленскимъ жителемъ М. В. Молитвенники эти появились въ продажѣ въ Вильнѣ, лишь послѣ выѣзда изъ сего города И. Г. Бибикова, и состав-

*) Raport o klasztorach XX. Karmelitow-Bosych, съ 1804 года за № 103.—Документы тѣхъ же.—Дѣло объ упраздненіи костель по виленской губерніи съ 1832 по 1835 годъ.—Wizerunki.—Крашевскій т. II.

*) Хроника ксендза Залескаго съ 1849 года, о которой выше говорено. Въ это же время построены виленскимъ генералъ-губернаторомъ Мирковичемъ св. Духовскія ворота, находящіяся возлѣ Островоротнаго костела и принадлежащія св. Духовской православной церкви.

лены такъ, что на нихъ стоитъ остановиться съ нѣкоторою подробностію.

Одинъ изъ сихъ молитвенниковъ носить названіе: „*Островоротный алтарикъ, составленный каноникомъ ксендзомъ Л. Г.*“ Этотъ островоротный молитвенникъ называется обыкновенно *большимъ*; въ немъ 1068 страницъ печати и 24 гравюры, копіи иконъ прославившихся въ польской исторіи. Вообще молитвенникъ изданъ изящно, и кромѣ молитвъ, заключаетъ въ себѣ, составленныя Крашевскимъ и Владиславомъ Сырокомлею, — хроникку островоротной часовни и иконы и опись чудесамъ, ею явленнымъ. Молитвы алтарика раздѣляются на посвященныя исключительно Островоротной иконѣ и на молитвы святымъ, прославившимся въ польской исторіи. Молитвы эти такъ ловко составлены ксендзомъ Л. Г., что незамѣтнымъ образомъ знакомятъ васъ съ польскою исторіей. Кромѣ того, въ молитвенникѣ находится литанія Св. Казимиру, сочиненная въ Вильнѣ иезуитами. Въ этой литаніи находятся слѣдующія слова: «Св. Казиміръ, побѣдитель враговъ моли Бога о насъ *). Съ 1794 года этой литаніи въ большей части молитвенниковъ нѣтъ; а если въ нѣкоторыхъ и встрѣчается, то съ пропускомъ приведеннаго во-гласа. Между тѣмъ, въ молитвенникѣ *большемъ* находится и литанія св. Казимиру и сказанный возгласъ: «Св. Казиміръ, *побѣдитель враговъ, моли Бога за насъ.*»

Другой островоротной молитвенникъ, изданный М. В., называется *Богослуженіе Островоротной Богородицы*. Въ немъ страницъ 558 и 12 гравюръ. Въ этомъ молитвенникѣ, въ числѣ прочаго, помѣщенъ революціонный гимнъ, который пѣли при Островоротной часовнѣ во время польскаго мятежа

---

*) Въ жизнеописаніяхъ Казимира, распространенныхъ въ средѣ здѣшняго народа, говорится, будто Казиміръ, умершій въ 1484 г., прибылъ въ 1518 году къ польскимъ войскамъ, стоящимъ лагеремъ близъ Полоцка, перевелъ ихъ чрезъ рѣку Двину и разбилъ русскія войска, сидя на бѣлой лошади. Подобнымъ образомъ и на слѣдующій годъ, предводительствуя 6,000 польскихъ жолнеровъ, тотъ же Казиміръ будто бы разбилъ въ пухъ и прахъ 60,000 русскихъ солдатъ. Такъ повѣствуетъ, напримѣръ, извѣстный иезуитъ Петръ Скарга, котораго *Житіа Святыхъ*, въ истекшемъ году опять появились въ продажѣ. Судя по этому, подѣ словомъ враговъ, должно разумѣть *москалей*.

1831 года. Гимнъ, напечатанный въ молитвенникѣ, значительно смягченъ и начинается словами: «Марія святая! Мать избавленія! Вотъ предъ тобою народъ Твой въ печали...»

Третій молитвенникъ—*Островоротный олтарикъ меньшой*. Въ немъ 548 страницъ и 12 гравюръ; онъ точно также изданъ въ Парижѣ, но годъ его изданія, подобно тому какъ и выше сказанныхъ молитвенниковъ, не показанъ. Въ немъ также встречаемъ и хронику Островоротной иконы и часовни, и литанію св. Казимиру со словами: „побѣдитель враговъ моли Бога за насъ.“ Наконецъ въ немъ находятся молитвы, посвященные статуѣ Спасителя, находящейся на предѣльяхъ Вильны *Снипишкахъ* и игравшей очень важную роль въ мятежныхъ демонстраціяхъ 1861 г. *)

Казалось бы, достаточно было трехъ молитвенниковъ посвященныхъ Острымъ воротамъ; но въ началѣ 1860 года появился еще четвертый, изданный притомъ въ Вильнѣ. Его заглавіе слѣдующее: *Олтарикъ Островоротной Богородицы, составленный ксендзомъ І. Менуе*. Страницъ 604.

И въ молитвенникѣ ксендза Менуе точно также находится ложная хроника Острыхъ воротъ; далѣе—топографическое описаніе ихъ, похвалы островоротному настоятелю ксендзу Залевскому и тенденціозное описаніе чудесъ, явленныхъ въ Острыхъ воротахъ; кромѣ того, помѣщенъ гимнъ, составленный Габріелой Пузыниной по случаю Высочайшаго повелѣнія 1832 года о передачѣ Островоротнаго костела, слѣдовательно и часовня православному духовенству. Въ гимнѣ говорится, что уже не разъ при Острыхъ воротахъ поражены враги поляковъ и католицизма; поэтому „да повторится и въ настоящее время точно то же чудо“. Наконецъ въ этомъ молитвенникѣ находится любопытный уставъ Островоротнаго политическаго *братства Объединенія*. Выше мы имѣли случай говорить о братствѣ *Объединенія* и о томъ, что ему дали видъ церковнаго братства *Духовное соучастіе*. Уставъ этотъ, какъ онъ напечатанъ въ молитвенникѣ ксендза Менуе, заключается въ слѣдующемъ: Братчики должны ежедневно бывать у Острыхъ воротъ, привлекать туда же и другихъ, проходя черезъ Острыя ворота снимать шапку, объ Остробрамѣ на сколько силъ хватить писать, равно какъ читать и слушать что объ ней пишутъ и го-

*) Chrześcianin u stop cudownej statui P. Jezusa na Snipiszkach w Wilnie, соч. кс. Менуе, Вильна 1860.

ворять ксендзы и поляки, ежемѣсячно исповѣдываться, принимать участіе въ Остробрамскихъ богослуженіяхъ, процессіяхъ, слушать проповѣди, изображеніе Остробрамской иконы имѣть у себя дома, бывать у Остробрамскихъ обѣдней, жертвовать на пользу костеловъ, часовень и алтарей, путешествовать по чудотворнымъ мѣстамъ и разнымъ костеламъ, всему рассказывать объ Остробрамѣ, участвовать въ разныхъ братствахъ, преимущественно же въ Островоротномъ братствѣ *Объединенія*, носить на шеѣ медалики, образки, но болѣе всего эмблемы братствъ. Эмблема братства — медаликъ Остробрамской Богородицы, носимый на шеѣ на металлической цѣпи, означающей, что подобно кольцамъ въ цѣпи должны держаться другъ друга и братчики *).

Остробрамскимъ братчикамъ прощаются грѣхи: говорящимъ при встрѣчѣ съ другими, (вмѣсто русскаго *здравствуйте*) *niech będzie pochwalony Jezus Chrystus*, равно какъ и отвѣчающимъ: *na wieki, Amen*—каждый разъ за 100 дней; тѣмъ, кто назоветъ съ благочестіемъ имя Остробрамской Богородицы, за 25 дней;—участвующимъ въ утреннихъ богослуженіяхъ за 300 дней;—въ вечернихъ т. е. когда поютъ Литанію, за 200 дней;—участвующимъ въ богослуженіяхъ: во время праздника Успенія Пр. Богородицы, во вторники послѣ Пасхи и Троицына дня, на третій день послѣ Рождества Христова, и въ праздникъ св. Катерины за 7 лѣтъ;—тому кто зайдетъ въ Остробраму съ благочестивою цѣлью, каждый разъ за 60 дней; участвующимъ въ Остробрамскихъ богослуженіяхъ въ праздники безпорочнаго Зачатія, Покрова Пр. Богородицы, сорокачасоваго богослуженія, при вступленія въ число братчиковъ, при ежемѣсячной исповѣди и наконецъ при смерти братчикамъ прощаются всѣ грѣхи **). Здѣсь кстати замѣтитъ, что папскими отпущами воспользоваться нельзя иначе, какъ необходимо каждый разъ молиться (достаточно прочесть 5 разъ молитву: *Отче нашъ* и столько же *Богородице Дѣво радуйся*), съ цѣлью дабы Богъ далъ побѣду католикамъ, а напротивъ, искоренилъ бы тѣхъ, кто римско-

* Уставъ Островоротнаго братства Объединенія въ молитвенникъ названъ: *Sposób służenia N. Maryi Pannie*.

** Профессоръ краковскаго университета Осипъ Мучковскій, *Bractwa*.—*Relacya*.

католической вѣры не исповѣдуетъ (какими въ Россіи православные) *).

Чтобы завлечь въ братство, буде окажется возможнымъ, и православныхъ, ксендзы обязали братчиковъ *Объединенія* приносить символъ вѣры не тотъ, который обыкновенно принять у католиковъ, но никейско—константинопольскій, принятый по преимуществу въ православной церкви; но къ этому символу, ксендзы отъ себя дали приставку, которая чрезвычайно рельефно показываетъ цѣль не только братства, но и здѣшняго ополяченнаго католицизма, такъ какъ символъ, обезображенный приставкой, названъ просто *символомъ вѣры*; значитъ обязательенъ для всѣхъ, кто исповѣдуетъ Христіанство. Вотъ приставка.

«Я вѣрую, что папа получилъ отъ Иисуса Христа власть давать отпущенія, и что эти отпущенія грѣховъ, на самомъ дѣлѣ, очень полезны душѣ. Я подѣ присягой обещаю безусловно повиноваться римскому папѣ. Ни минуты не колеблясь, я согласенъ на все, что опредѣлено каноническимъ правомъ и постановленіями соборовъ, въ особенности Тридентскимъ. Я также съ своей стороны осуждаю и предаю анаѣмѣ и проклятію всѣ тѣ мнѣнія и вѣры, которыя осуждены и преданы проклятію папами. Всѣми силами я буду держаться католической вѣры, твердо и ненарушимо; ибо безъ нея нѣтъ спасенія души. Я буду поучать, проповѣдывать и неотступно требовать, чтобы, равнымъ образомъ, держались той же католической вѣры, и (*мои крепостныя*) и всѣ прочія лица, какимъ-нибудь образомъ отъ меня зависящія. Я тотъ же Н. обещаю, даю обѣтъ и принимаю присягу исполнить все вышеизложенное; да поможетъ мнѣ Господь Богъ и Св. Евангеліе. Аминь.»

Вотъ такая присяга находится въ молитвенникѣ, изданномъ въ 1860 году въ Вильнѣ и находящемся у насъ по настоящее время въ продажѣ **), присяга, исполненная пропаганды и которую приносить островоротные братчики *Объединенія* обязаны дважды въ годъ, если не чаще. Молитвенники островоротные

*) Такъ папы и богословы. Принять слѣдующій терминъ: «*Si pro s. Matre Ecclesiae exaltatione et necessitatibus, ahaeresum extirpatione, pios ad Deum precees funderint.*»

**) Второе издание сдѣлано въ 1861 году. См. Kuryer Wileń. того же года.

продавались всюду и притомъ по неизмовѣрно дешевой цѣнѣ, да и теперь продются. Чтобы дать понятіе о средствахъ, какими распространялись эти книги, приведемъ слѣдующее указаніе. Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*, въ декабрь 1861 года *) была напечатана весьма знаменательная статья извѣстнаго Владислава Сырокомли, подъ заглавіемъ: *Коробейщики въ Литвѣ, коробейщики въ Англіи, очень желательны подобныхъ коробейщиковъ образовать и у насъ*. Авторъ этой статьи, пріятелями Англіи и другихъ странъ, приглашалъ желающихъ брать на плечи коробки, наполненныя польскими книгами, медальками, братскими эмблемами и Островоротными молитвенниками, и отправляться по деревнямъ и селамъ ради большаго распространенія ихъ. Сырокомля такъ озаглаживаетъ свою статью: „Въ настоящее время **) необходимость просвѣщать народъ весьма настоятельна... Опять повторяемъ вамъ: книги хорошія и книги дешевыя намъ необходимы, равно какъ и необходимы, коробейщики, чтобы ихъ разносить по деревнямъ и селамъ.“

Послѣ сего призыва, польскіе агитаторы то и дѣло пускались съ коробками по деревнямъ продавать польскія книги, братскія эмблемы и Островоротные молитвенники и этимъ готовить народъ къ мятежу.

Въ 1858 г. возлѣ Острыхъ воротъ основано училище подъ названіемъ *Руководная школа Островоротной Богородицы въ Вильнѣ*. Островоротная школа была женская, и въ нее принимались не только дѣти, но даже и старыя женщины разныхъ вѣроисповѣданій. Лица, принадлежавшія къ сей школѣ, ходили ежедневно въ Острыя ворота и участвовали въ уличныхъ богослуженіяхъ, дома обучались польской грамотѣ и польской исторіи. Словомъ, Островоротная школа, ни болѣе, не менѣе, какъ коллегія de propagande fide, гдѣ воспитывались будущіе агитаторы польщины и притомъ изъ среды женщинъ, которыя въ здѣшнемъ краѣ, какъ всѣмъ извѣстно, заправляютъ всими дѣлами. Школа была очень многолюдна.

Въ 1860 году при Острыхъ воротахъ основана такъ называемая *Лавка нищихъ*. Въ лавкѣ нищихъ продавались по очень дешевой цѣнѣ медалики, эмблемы разныхъ братствъ, образки,

*) №№ 94 и 95 отъ 1-го и 5-го декабря 1861 г.

**) Это было 5-го декабря 1861 г., и здѣшній край уже былъ въ военномъ положеніи.

польскія простонародныя книги *), польскіе молитвенники, особенно Островоротные. При лавкѣ находился и трактиръ, гдѣ нищіе получали столъ, на что были обращаемы деньги вырученныя на польскія книги и братскія эмблемы. За то, какъ только настали мятежныя демонстраціи, то дѣти изъ руководѣльной школы, и нищіе получающіе въ трактирѣ пищу были, посылаемы по городу приглашать народъ въ Острыя ворота пѣть революціонныя гимны и участвовать въ демонстраціяхъ, направленныхъ противъ Россіи, какъ увидимъ**).

Что касается самой Островоротной часовни, то она въ 1857 г. отдѣлана великолѣпно, наружная сторона передней стѣны окрашена голубцомъ, а внутреннія стѣны свѣтло-зеленою краской, матерія на церковную одежду выписана изъ Франціи. Заведенъ былъ постоянный хоръ. Толпы народа собирались ежедневно къ Острымъ воротамъ слушать пѣніе и музыку. Въ это же время польская партія, по своему обыкновению, дабы заставить русскихъ молчать и не мѣшать ксендзамъ, распускала слухи, будто на украшеніе Островоротной часовни отпущены деньги изъ государственнаго казначейства. Въ 1858 и 1859 годахъ повторялись тѣ же собранія народа при Островоротной часовнѣ, съ каждымъ днемъ все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Пани и паненки отовсюду пріѣзжали въ Вильну на поклоненіе, будто бы изстари католической, чудотворной иконѣ Островоротной Богородицы, распѣвали предъ нею сначала духовныя, а потомъ революціонныя гимны. Съ половины мая 1861 г. начались въ Вильнѣ политическія демонстраціи, и Ост-

---

*) Здѣсь кстати замѣтить то, что польская простонародная письменность весьма богата, какъ количествомъ, такъ равно и качествомъ изданій. Съ 1834 до конца 1863 года печаталось для простонародія нѣсколько польскихъ газетъ и журналовъ отъ одного до двухъ листовъ еженедѣльно. Болѣе всѣхъ были распространяемы и поддерживали польщизну журналы «Крестьянинъ» и «Воскресное чтеніе.» Кромѣ того, простонародныя книги (брошюры) были распространяемы массами въ средѣ здѣшняго народа, по преимуществу же сочиненія ксендза Антоновича, Григоровича, Гревы, Эстковскаго, Яховича, Ломпы, Османскаго, Шида, Веселовскаго и др. Между тѣмъ, мы замѣтимъ мимоходомъ, до сихъ поръ не рѣшаемся приступить къ изданію русской народной газеты, Высочайшее повелѣніе о которой состоялось еще въ январѣ 1863 года.

***) Островоротная школа теперь не существуетъ.

рворотная часовня сдѣлалась главнымъ ихъ притономъ. Здѣсь пѣлись революціонныя гимны съ половины мая до 20-го іюня въ ковчѣ богослуженія, съ 20-го іюня по 1-е іюля при зажженныхъ свѣчахъ, при чемъ ксендзы были въ полномъ облаченіи, а наконецъ съ 1-го іюля по 16-е декабря революціонныя польскія демонстраціи предъ Островоротною иконой происходили просто на улицѣ. Іюля 31-го собралось здѣсь болѣе пяти тысячъ народа. Пользуясь этимъ многочисленіемъ, польскіе агитаторы предложили толпѣ отправиться за городъ, на болѣе свободное мѣсто, именно на Бельмонты, гдѣ польскіе аристократки танцовали съ пьяными виленскими сапожниками, въ знакъ единства и равенства. Августа 4-го собралось при Островоротной часовнѣ тысячи три народа; снова агитаторы пригласили ихъ идти съ революціонными гимнами за городъ, на Снипишки, къ статуѣ Спасителя; тамъ долго пѣли революціонныя гимны, бесѣдовали на счетъ возстановленія Польши и ругали правительство. Августа 6-го собралось слишкомъ двѣ тысячи народа и ихъ научили отправиться на Погулянку, но русскіе солдаты не пустили, и толпа возвратилась въ Острыя ворота въ числѣ пяти тысячъ человекъ. Августа 14-го ксендзъ въ Островоротномъ костелѣ, въ своей проповѣди, весьма краснорѣчиво приглашалъ не переставать пѣть революціонныя гимны. *

Въ 1862 году, когда по преимуществу собирались деньги на предстоявшій мятежъ, въ Островоротной часовнѣ находилось неизвѣстное число разныхъ золотыхъ и серебряныхъ приношеній (офяръ); изъ приношеній сдѣланы четыре колонны, находящіяся возлѣ престола. ** Все ли это въ цѣлости въ Островоротной часовнѣ, или же много пошло до ясу, мы положительно сказать не можемъ, а говорятъ разное; тѣмъ болѣе, что поляки нерѣдко замѣшивали свои иконы въ мятежъ. Передъ мятежемъ 1831 года, короны бердичевской Богородицы и Спасителя, чрезвычайно дорогія, пропали безъ вѣсти, въ концѣ тридцатыхъ годовъ опять нашлись; около 1847 г. опять пропали; въ концѣ крымской компаніи сдѣланы новыя ***). Не знаемъ, что случи-

*) Дѣло о политическихъ демонстраціяхъ въ виленской губерніи 1861 года. С. Стравковскій соч. Цылова, Вильна 1867 г.

**) Przewodnik po Wilnie, соч. Киркора. Вильна, 1862 г.

***) Кс. Ролевичъ.

лось съ ними въ 1863 г.; нѣтъ никакихъ давныхъ сомнѣваться, что подобная пропжа ояръ могла бы случиться и въ Островоротной часовнѣ. Зная о политическомъ значеніи этой часовни, графъ Муравьевъ намѣренъ былъ передать Островоротную икону православному духовенству, а часовню упразднить, но ловко распушенный слухъ, будто упраздненіе Островоротной часовни непремѣнно возбудитъ народное негодованіе, былъ причиною того, что дѣло не состоялось.

Но опасенія едва ли были справедливы: Островоротная часовня и уличныя богослуженія въ почетѣ не у народа, а у ксендзовъ и польскихъ пановъ; это часовня панская, а не народная.

Мы убѣждены, что не только правительство, но даже и большинство католиковъ здѣшняго края не знали объ Островорамскихъ злоупотребленіяхъ; слѣдовательно, если они и принимали въ нихъ невольное участіе, то это происходило просто на просто отъ того, что были введены въ заблужденіе поляками. Словомъ, польщизна лишена силы *возстановленія*, но за то въ состояніи всемъ и всему привить язву *разложенія*.

И. Ковловскій.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ФИЛАРЕТЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ И КОЛОМЕНСКІЙ.

(*Матеріалы для очерка его жизни и ученой дѣятельности*).

Великіе люди наши отходятъ отъ насъ, одинъ за другимъ... Вотъ ужъ нѣсколько десятковъ лѣтъ мы то и дѣло опускаемъ въ могилу дорогія всѣмъ намъ лица. Скоро, кажется, вся слава нашего вѣка перейдетъ въ минувшее, намъ останутся одни воспоминанія. Грустно!... Но есть обстоятельство еще грустнѣе. Великіе люди отходятъ оставляя

намъ богатое наслѣдіе, а мы?... Поражаемые ихъ внезапной кончиной, мы горюемъ и плачемъ въ первые дни ихъ утраты; но, Боже мой! гдѣ прочныя, *фактическіе* слѣды нашего уваженія къ нимъ? и долго-ли длится наша живая, почтительная память о нихъ? Чуть только могила сокроетъ въ себѣ дорогіе останки, мы говоримъ уже: «пора привыкнуть къ великой потерѣ!». Затѣмъ вихрь житейскій уноситъ насъ далѣе и далѣе, и тонетъ въ немъ не только горе наше, но мало по малу и всякое воспоминаніе объ отшедшей славѣ. И великая жизнь какъ часто уходитъ отъ насъ, не оставляя по себѣ въ нашей памяти ни цѣльнаго образа, ни существенныхъ чертаній. Гдѣ напр. наши свѣдѣнія объ Евгеніѣ, Иннокентіѣ, Филаретѣ Черниговскомъ?... А вѣдь было время, мы тяжело скорбѣли надъ ихъ гробами, и что же?... Явилась одна-другая горячая статья,—и кончено дѣло. А затѣмъ ни слова ни думы!... Такъ ли нужно уплачивать долгъ нашъ избранникамъ Божиимъ? Что сдѣлали *они* для насъ? И что *мы* сдѣлали для нихъ?.. Отчего же это нѣтъ у насъ изслѣдованій о великихъ людяхъ? Отчего это равнодушіе и забвеніе скорое? Отчего эта лѣность заматерѣвшая? Печальное, необъяснимое явленіе!

Больно было-бы думать, что подобное отношеніе наше падетъ на долю недавно почившаго вѣсокопреосв. Филарета. О нѣтъ! память о немъ должна пережить много поколѣній. Съ полнымъ убѣжденіемъ повторяемъ справедливыя слова о немъ «Моск. Вѣдомостей»: Это былъ великій умъ, какихъ во всякую эпоху и во всякой странѣ бываетъ немного. Личность его—неистощимый предметъ изученія, которое не преминетъ внести новыя силы въ наше сознаніе, въ наше просвѣщеніе. Какъ же не пожелать отъ всего сердца, чтобы прошедшая жизнь великаго ума, за всѣмъ слѣдившаго, и все отзывавшагося и во всемъ принимавшаго участіе, поскорѣе раскрылась въ правдивомъ словѣ, для созерцающей мысли и разумѣнія! Мы слышимъ, что биографіей почившаго владыки уже нѣсколько лѣтъ съ любовью занимается Н. В. Сущковъ; мы знаемъ, какъ сердечно-близокъ былъ святителю извѣстный жизнеописатель нашъ А. Н. Муравьевъ; знаемъ, что у самаго источника свѣдѣній о немъ находится историкъ московской академіи и троицкой семинаріи: отъ нихъ и другихъ дѣятелей, стоявшихъ въ виду святителя, ждемъ мы драгоценныхъ, достойныхъ очерковъ его жизни. Уваже-

ніе къ почившему святителю давно уже сдѣлалось естественнымъ и завѣтнымъ чувствомъ у всякаго, кто имѣлъ радость читать безсмертныя творенія Богомудраго архипастыря; легко понять, что за пищу, что за силу получить оно въ подробномъ разсказѣ о его свѣтоносной, многоплодной жизни!

Съ своей стороны, подѣ влияніемъ скорби о его незамѣнимой утратѣ, мы собираемъ въ настоящемъ очеркѣ все, что уже было сказано о славномъ архипастырѣ, въ разное время, во многихъ отдѣльныхъ изданіяхъ. *Усердіе невозвратно* сказалъ однажды усопшій владыка. И видитъ Богъ, какъ пламенно желали бы мы, трудомъ болѣе достойнымъ принести дань памяти святителя, который, по недосыгаемой несравнимой великости своего значенія, приобрѣлъ всѣ права на всеобщее, глубоко-благоговѣйное вниманіе. Но, богатые желаніями, мы ограничены и своими силами, и своими источниками, и предѣлами подлежащаго изданія. Въ настоящій разъ, насъ, какъ дѣятелей школы и служителей роднаго слова, занимаетъ исключительно *учебная и литературная* дѣятельность преосв. Филарета. И вотъ, хоть неискусной рукою, но внимательнымъ сердцемъ, собираемъ въ одно цѣлое разсѣяныя во многихъ мѣстахъ отрывочныя свѣдѣнія о ней. Имѣя въ виду преимущественно духовныхъ читателей, мы, безъ всякихъ притязаній на полноту или оригинальность, просто передаемъ то, что прочли, сводимъ вмѣстѣ то, что не всякому удобно вспомнить и даже имѣть подѣ рукою: собранное вмѣстѣ, оно ярче освѣжится въ памяти и яснѣе предстанетъ предѣ нами дорогой образъ почившаго.

I.

Святитель московскій Филаретъ родился въ 1782 году, на второй день праздника Рожд. Христова, въ г. Коломнѣ и получилъ при св. крещеніи имя Василія. Отецъ его, Михаилъ Федоровичъ Дроздовъ, былъ протоіереемъ каедральнаго Успенскаго собора въ томъ же городѣ. Въ домашнемъ кругу на отрока Филарета особенно благотельно было влияніе доброй, христіански-благочестивой и свѣтлымъ умомъ одаренной матери; такимъ образомъ изъ домашняго воспитанія онъ вынесъ прекрасный залогъ будущей свѣтлой дѣятельности: это—чистое, духомъ искрен-

ного благочестія проникнутое сердце. Признательно помнилъ это въ послѣдствіи великій святитель, и «доброе семейство благочестиваго служителя алтаря Господня всегда почиталъ онъ незамѣнимою школою для посвящающихъ себя духовному служенію». Василій Михайловичъ учился сперва въ коломенской семинаріи, а когда семинарія эта была упразднена, онъ въ 1798 г. подалъ просьбу митрополиту Платову о принятіи его въ Троицкую семинарію; по испытаніи, онъ записанъ былъ въ философскій классъ, гдѣ не могъ не обратить на себя вниманія отличными своими дарованіями и быстрыми успѣхами въ наукахъ. Тогдашнія училища духовныя, даже лучшія, были небогаты средствами къ развитію необыкновенныхъ дарованій юноши; Господь Самъ, Своими путями, довершилъ его образованіе. Въ 1803 г. мы уже видимъ его учителемъ греческаго и еврейскаго языковъ въ той же семинаріи, которая дала ему окончательное образованіе. Первыя учебныя должности, какія возложены были на него начальствомъ, способствовали приготовленію въ немъ богомудраго богослова и церковнаго вѣдѣнія. Преподаваніе двухъ священныхъ языковъ Библіи познакомило его съ коренными источниками христіанскаго вѣроученія и съ писаніями богопросвѣщенныхъ отцовъ греческихъ. Творенія св. Григорія Богослова своимъ глубокомысліемъ особенно были угодны его духу и съ такою любовью были имъ изучаемы, что нѣкоторыя стихотворенія Григорія, на греческомъ языкѣ, сохранились у него въ свѣжей памяти до позднихъ лѣтъ жизни. Высокія дарованія молодаго наставника и особенно его церковныя проповѣди скоро обратили на него самое доброе и почитательное вниманіе маститаго архипастыря Москвы. (*) Въ 1806 г. онъ былъ опредѣленъ въ званіе проповѣдника, при Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ, и въ этомъ же году мы встрѣчаемъ первое, появившееся въ печати, его произведеніе; это было «Слово на день торжества освобожденія обители преподобнаго Сергія отъ нашествія враговъ (отъ осады поляко—литовцами), говоренное 1806 года, января 12, греческаго и еврейскаго

(*) Моск. Вѣдом. 1867 № 260, слова протоіерея А. В. Горскаго.

языковъ учителемъ *Василіемъ Дроздовымъ*. На оборотѣ заглавнаго листа напечатано слѣдующее одобреніе: *«Я сіе сочиненіе читалъ и ничего въ немъ не нахожу къ печатанію сомнительнаго. Платонъ, митрополитъ московскій.»* Въ то время еще не было въ обычаѣ у скормныхъ дѣятелей науки печатать свои проповѣди, да и не легко это было по разнымъ обстоятельствамъ; нужны были ужь особенно сильныя причины, ради которыхъ сочиненіе являлось въ свѣтъ. Проповѣдь *Василія Михайловича* своимъ изданіемъ обязана м. Платону: она такъ чрезвычайно ему понравилась, что онъ самъ, за своимъ одобреніемъ, повелѣлъ ее напечатать и самъ неоднократно читалъ ее другимъ. По поводу той же проповѣди Платонъ писалъ (отъ 4 марта 1806 г.) къ своему викарію *Августину*: *«а у меня проявился отличный проповѣдникъ, учитель Дроздовъ. Я люблю его проповѣдь, и удивитесь.»* (*) Выслушавъ другое его слово, на великій пятокъ, Платонъ, не обинуясь, при всѣхъ окружавшихъ его, съ врожденною ему откровенностію и благодушіемъ, отдалъ *Василію Михайловичу* первенство надъ собою въ проповѣданіи. Слово это также было напечатано въ томъ же 1806 г. Сохранилась еще одна проповѣдь *Дроздова*, относящаяся ко времени его чительства и остающаяся въ рукописи; она произнесена въ 23 августа 1808 года, на освященіе храма св. Троицы въ *Махрищскомъ монастырѣ* (**). Великій проповѣдникъ, дѣйствительно, слышится уже въ этихъ первыхъ опытахъ; пламенное краснорѣчіе и необоримая сила мысли въ нихъ производятъ потрясающее вліяніе; они дѣйствуютъ свѣжо и сильно и на теперешняго читателя: что же было тогда! Но намъ нѣтъ надобности искать другихъ тогдашнихъ впечатлѣній, когда предъ нами цѣлый рядъ отзывовъ Платона. Иногда Платонъ сравнивалъ его съ *Афанасіемъ Александійскимъ*. На экземплярѣ одной его проповѣди Платонъ надписалъ о немъ: *tu es princeps praesentium* (т. е. ты глава проповѣдниковъ). Отъ современниковъ м. Плато-

(*) Твор. св. отецъ въ р. перев. 1864, кн. 5 и 6, стр. 604.

(**) Замѣчательные отрывки изъ всѣхъ этихъ проповѣдей приведены въ той же книгѣ Твореній св. от., стр. 602—615, въ отдѣльномъ изданіи: «Исторія Троицкой семинаріи», Смирнова. М. 1867. стр. 416—429.

тона г. Снегиревъ слышалъ такой его отзывъ о Василии Михайловичѣ: «я пишу по человѣчески, а онъ пишетъ по ангельски.» Когда открылось въ Коломнѣ, на родинѣ Василя Михайловича, священническое мѣсто, то прихожане просили Платона дать имъ въ священники Дроздова. Но прозорливый Платонъ сказалъ имъ на это: *«Дамъ я вамъ его! я его берегу на свое мѣсто»*. Высокое вниманіе святителя къ своему любимцу неразъ выражалось такъ-же ярко. Однажды, послѣ прогулки въ роцѣ Корбухи, Платонъ, садясь въ карету, мимо другихъ его провожавшихъ, подавъ руку свою Дроздову, съ словами: *«Ты меня одинъ поддержишь»* (*).

Такъ, еще на первыхъ порахъ дѣятельности В. М. Дроздова, Платонъ, возвышеннымъ даромъ прозорливости, съумѣлъ понять и оцѣнить необыкновенныя дарованія молодаго учителя; такъ искренно возлюбилъ его и берегъ для лучшаго будущаго. Въ 1808 г., 16 ноября, Василій Михайловичъ былъ постриженъ въ монашество, съ именемъ Филарета, а 21 ноября посвященъ Платономъ во іеродіакона. Въ концѣ того же года, по опредѣленію Коммисіи духовныхъ училищъ, въ преобразовываемую с.-петербургскую духовную академію были вызываемы лучшіе наставники изъ разныхъ семинарій; и вотъ, въ числѣ ихъ, по указанію ректора с.-петербургской академіи, архимандрита Евграфа, былъ вызванъ и Филаретъ, тогда уже іеродіаконъ и учитель риторики въ Свято—Троицкой семинаріи. Съ величайшею неохотою отправлялся онъ въ Петербургъ; но былъ еще человѣкъ, который болѣе его скорбѣлъ о разлукѣ съ нимъ, это былъ самъ Платонъ. Какъ убѣдительно и трогательно просить онъ, въ своемъ донесеніи св. Синоду (отъ 28 декабря 1808 г.), чтобы «возвратили ему его Филарета! *Особливо* о іеродіаконѣ Филаретѣ *усердно* прошу св. правительствующій Синодъ—обратить его пакы въ Троицкую семинарію, гдѣ онъ, яко «сходственно съ его желаніемъ, можетъ лучшій успѣхъ «оказать для общей пользы; и какъ я объ немъ *особливо* «прилагалъ, въ разсужденіи его воспитанія, отеческое ста-

(*) См. книгу Снегирева: Жизнь моск. митрополата Платона М. 1856 стр. 61—62.

«раніе, то сіе много послужитъ къ утѣшенію моеѣ старости; а его единого отбытіе удобно можетъ вознаграждено быть изъ другихъ училищъ.» (*). Платонъ, какъ видите, усиливался даже ослабить достоинства своего избранника предъ св. синодомъ: «онъ тутъ больше успѣетъ, его и другіе—моль—легко замѣнять для васъ, а мнѣ ужь отдайте его,» какъ бы такъ говорить и молить старецъ—святитель. Но Промыслъ судилъ иначе: Филаретъ не возвратился къ Платону.

Мы съ намѣреніемъ такъ долго остановились на первыхъ годахъ дѣятельности о. Филарета: изъ нихъ ясно видно, какого высокаго интереса должна быть полна эта жизнь. И если можетъ быть, потомъ мало нашлось людей, которые умѣли любить и цѣнить Филарета также искренно и тепло, какъ нѣкогда любилъ и цѣнилъ его Платонъ; то несомнѣнно были люди, которые все-же глубоко его чтили и передавали на бумагу, или хотъ слагали въ сердцѣ слова и дѣла Филарета. И конечно, только далекое будущее откроетъ, сколько въ этой жизни возвышеннаго и трогательнаго. Далѣе мы уже не можемъ вести своего разсказа съ прежнею подробностію (да не въ этомъ и главная цѣль наша); бѣгло прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу о. Филарета *до его появленія на кафедрѣ московской.*

Въ Петербургѣ новыя обязанности потребовали отъ него новыхъ усилій къ самообразованію и вмѣстѣ открыли ему болѣе широкое и болѣе видное поприще для дѣятельности. Прибывъ въ Петербургъ, о. Филаретъ представилъ, на латинскомъ языкѣ, конспектъ словестности, въ которомъ, согласно предписанію комисіи, изложилъ, по какимъ книгамъ предполагаетъ преподавать уроки и съ какихъ предметовъ начать обученіе студентовъ. По разсмотрѣніи конспекта въ комисіи, 23 февраля 1800 г. Филаретъ опредѣленъ инспекторомъ семинаріи и профессоромъ философскихъ наукъ, съ званіемъ академическаго бакалавра; 28 марта того же года, въ праздникъ Пасхи, онъ рукоположенъ въ іеромонаха; въ августѣ, съ учрежденіемъ при семинаріи александровскаго училища, назначенъ ректоромъ его, съ оставленіемъ и въ прежней дол-

(*) Истр. спб. дух. академіи, Чистовича, стр. 183, пр. **

жности; 8 февраля 1810 года, онъ перемѣщенъ въ академію бакалавромъ и преподавалъ въ ней часть догматическаго богословія и церковную исторію. Въ 1811 г., по порученію комиссіи духовныхъ училищъ, онъ обозрѣвалъ уѣздныя училища въ Петербургѣ—александроневское и петропавловское и приходскія. Съ этого года начинается громкая извѣстность его, какъ проповѣдника. Еще не часто является онъ на церковной каедрѣ, но слова его на св. Пасху, на день Пятидесятницы, на Рожд. Христово возбудили уже въ обществѣ высокое мнѣніе о немъ, какъ о проповѣдникѣ. А выборъ дней для проповѣданія его показываетъ, какъ смотрѣло уже и тогда на молодаго инокъ его ближайшее начальство. 30 іюня того же года онъ уже получаетъ отъ Государя наперсный крестъ съ драгоценными камнями, а 8 іюля возводится въ санъ архимандрита. Учебная дѣятельность его усложняется болѣе, и болѣе. Независимо отъ своихъ прямыхъ обязанностей, онъ, по порученію комиссіи духовныхъ училищъ, преподавалъ окончившимъ курсъ воспитанникамъ семинаріи наставленіе въ должности служителей церкви и руководствовалъ ихъ въ чтеніи св. писанія и св. отцевъ. Въ академіи преподаетъ онъ, одинъ за другимъ, нѣсколько предметовъ. При чтеніи каноническаго и церковнаго права, преподаваны были имъ истолковательныя примѣчанія на первыя 39 правилъ апостольскихъ. Разборъ этотъ не оконченъ преимущественно потому, что профессоръ одинъ несъ труды, которые предположено было раздѣлять съ двумя бакалаврами. При чтеніи Герменевтики, архимандритъ Филаретъ сперва предложилъ общія понятія и главные положенія науки, а потомъ приступилъ къ дѣйствительному истолкованію св. писанія, т. е. предложилъ опыты теоріи и практики, дабы видны были основанія праектики въ теоріи и польза теоріи въ праектикѣ. Въ послѣднемъ отношеніи изучена была книга Бытія, причемъ изслѣдованіе коснулось имени писателя, времени, предмета, намѣренія и внутренняго порядка св. книги. Такимъ образомъ составлены были истолковательныя *Замиски на книгу Бытія*, напечатанныя гораздо позже. Сверхъ того преподаваны и составлены имъ: *Introductiones in singulos libros veteris Testamenti, in supplementum libri classici conscriptae* и *Опытъ истолкованія псалма LXVII*. (Да воскреснетъ Богъ), какъ труднѣйшаго изъ

псалмовъ. Преподаваніе библейской исторіи и древностей церковныхъ (въ 1810—1812 г., съ жалованіемъ 1100 р. асс.) послужило для него поводомъ составить «Начертаніе исторіи и древностей церковныхъ отъ начала міра до конца 1 вѣка по Р. Хр.» Его слово тогда уже было исполнено глубокихъ богословскихъ созерцаній; душа его любила часто погружаться въ тайны креста Христова, въ тайны дѣйствія Духа святаго въ душахъ облагодатствованныхъ. Труды въ изясненіи писанія показывали также стремленіе къ таинственному и сокровенному. 11 марта 1812 г. архимандритъ Филаретъ назначенъ ректоромъ академіи и профессоромъ богословскихъ наукъ. Въ слѣдующемъ году, по порученію комисіи, онъ обозрѣвалъ с.-петѣрбургскую духовную семинарію по учебной части и представилъ свои предположенія относительно производства испытаній вообще (*). Коммисія, утвердивъ его предположенія, положила ввести указанный имъ образъ испытанія и въ академіи. Вслѣдъ за тѣмъ имъ предложены были правила для составленія разрядныхъ списковъ студентовъ академіи, и правила эти были утверждены. Въ томъ же году, среди множества прямыхъ своихъ занятій, онъ, по вызову Ал. Ник. Оленина, излагаетъ письменно мысли свои; переданныя въ бесѣдѣ съ нимъ о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 года. Тогда же онъ произноситъ свое извѣстное слово при гробѣ свѣтлѣйшаго князя Смоленскаго, въ присутствіи и. и. в. великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича. Объ этомъ словѣ дошло до насъ слѣдующее письмо тогдашняго оберъ-прокурора св. синода, князя А. Н. Голицына, къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, О. П. Ководавлеву: «Милостивый государь мой, Осипъ Петровичъ! Честь имѣю препроводить къ вашему превосходительству *десять* экземпляровъ слова, говореннаго при гробѣ князя Смоленскаго *извѣстными* нашимъ проповѣдникомъ, архимандритомъ Филаретомъ. Сочиненіе сіе доставить вамъ, надѣюсь, *большое* удовольствіе. *Публика приняла его съ особою похвалою* (**). Не за-

(*) См. у Чистовича, стр. 222—224.

(**) Русская правда, литературный альманахъ. Киевъ, 1812, стр. 91.

будьте, что это пишет вельможа, полный воспоминаній о временах блистательной Екатерины 2-й, человекъ, далеко неотрѣшившійся отъ житейской суеты. И онъ-то спѣшитъ послать это слово, да еще *десять* экземпляровъ, спустя уже *недѣлю* послѣ погребенія свѣтлѣйшаго князя, значить, едва только было отпечатано слово. Проходить еще недѣля и (іюня 29) самъ государь императоръ почтилъ проповѣдника необыкновенно-значительнымъ знакомъ своего вниманія: за неусыпные труды въ образованіи юношества и за навидательныя поученія, государь сопричислилъ его къ ордену св. равноапостольнаго князя Владимира *второй* степени, большого креста: награда безпримѣрная не только для того, но и для нашего времени! Въ сѣдующемъ году, 13 августа, при учрежденіи академической конференціи, въ первомъ торжественномъ собраніи ея, о. ректоръ произноситъ рѣчь о судьбахъ ново-созданной обители духовнаго просвященія, о духѣ, въ коемъ должно развиваться ея дальнѣшее существованіе. (*) Члены конференціи, почетные доктора богословія, митрополитъ спб. Амвросій, архіепископъ черниговскій Михаилъ и архіеп. минскій Серафимъ, при первомъ же случаѣ избранія докторовъ богословія, въ тотъ же самый день признали достойнымъ этой степени о. ректора академіи, архимандрита Филарета. А 27 августа того же года, за успѣшное окончаніе перваго академическаго курса, отличные труды и способность къ образованію юношества, Филаретъ удостоенъ былъ высочайшаго рескрипта, съ изъявленіемъ всемилостивѣйшаго благоволенія, и награжденъ пожизненнымъ пенсіономъ (**). Въ началѣ слѣдующаго курса, о. ректоръ составилъ «Обозрѣніе богословскихъ наукъ, въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духовныхъ училищахъ, и разсмотрѣлъ съ строгимъ вниманіемъ всѣ конспекты по главнѣйшимъ предметамъ ученія, представленныя наставниками академіи, каждымъ по своему предмету. Въ «Обозрѣніи» онъ обращаетъ особенное вниманіе наставниковъ, въ ряду историческихъ книгъ ветхаго завѣта, на книгу Бытія, изъ учительныхъ—на книги Экклезіаста и

*) См. рѣчь эту у Чистовича, стр. 230—233.

**) Рескриптъ у Чистовича, стр. 237.

Пѣснь Пѣсней, изъ пророческихъ — на книгу Исаи. Псалтирь, представляя собою какъ бы сокращеніе в. завѣта, заключаетъ чтеніе ветхозавѣтныхъ книгъ. Изъ новозавѣтныхъ особенно указываются евангеліе Іоанна и посланія апостола Павла къ римлянамъ, коринѳянамъ и евреямъ. Въ своемъ конспектѣ о. ректоръ обнаружилъ такую широту взгляда, что еще и доселѣ нѣкоторые изъ изчисленныхъ имъ наукъ не получили самостоятельнаго значенія и остаются въ соединеніи съ другими науками (богословіе пророческое и богословіе символическое). Въ отношеніи къ конспектамъ по всѣмъ другимъ предметамъ, о. ректоръ сократилъ или распространилъ ихъ объемъ, примѣнительно къ цѣли и времени ихъ преподаванія и установилъ определенность понятій въ тѣхъ пунктахъ и вопросахъ, которые могли сдѣлаться сами предметами недоразумѣній или подать къ нимъ поводъ.

Еще въ августѣ 1814 года, комиссія духовныхъ училищъ, столько разъ уже пользовавшаяся трудами о. ректора, приняла его въ свои постоянные члены, вслѣдствіе именнаго высочайшаго указа. Желая имѣть вѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи училищъ московскаго округа, чрезъ годъ послѣ его открытія, комиссія поручила въ 1815 г. члену своему, архимандриту Филарету, обозрѣть московскую академію, съ нѣкоторыми семинаріями ея округа. На пути туда ректоръ академіи обозрѣвалъ семинарію с.-петербургскую, новгородскую и тверскую, гдѣ въ это время совершился первый курсъ образованія по новому плану. Потомъ произвелъ обозрѣніе семинарій московскаго округа — ярославской, костромской, владимірской, спасовиѳанской и московской, вмѣстѣ съ находящимися при нихъ, и на пути между ними, училищами. Въ духъ усердія и званія, его постоянно одушевлявшемъ, архим. Филаретъ довелъ до конца возложенное на него порученіе и въ самое краткое время представилъ комиссіи отчетъ о состояніи обозрѣнныхъ имъ училищъ, какъ по части учебной и экономической, такъ равно и дѣлопроизводной, въ совершенной ясности и во всей желанной подробности. Принявъ въ особенное уваженіе тру-

*) Конспектъ ректора у Чистовича, стр. 272—275.

ды и ревностѣйшую попечительность арх. Филарета въ исполненіи этого порученія, комиссія изъявила ему совершенную благодарность, а государь императоръ, по ея представленію, всемилостивѣйше пожаловалъ ему панагію. Понятно послѣ этого, сколько жизни вносилъ о. архимандритъ въ разсужденія комиссіи, которая пользовалась его личными наблюденіями надъ состояніемъ учебной и хозяйственной части въ петербургской и моск. академіяхъ и во многихъ семинаріяхъ обоихъ округовъ. Среди столькихъ работъ, Филаретъ успѣваетъ еще въ томъ же 1815 г. составить „*Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православной восточной, грекороссійской церкви*“, которые и были напечатаны по распоряженію св. снуда. Въ слѣдующемъ году выходитъ въ свѣтъ *Начертаніе церковно-библейской исторіи*. Книга эта, образовавшаяся изъ уроковъ *перваго* академическаго курса, остается и доселѣ руководствомъ для наставниковъ и учебною книгою для воспитанниковъ академіи. Въ томъ же году являюся „*Записки на книгу Бытія*“. Сочиненіе это посвящено государю императору Александру, недавно передъ тѣмъ возвратившемуся съ полей великихъ битвъ. Въ прекрасномъ посвященіи архимандритъ Филаретъ, между прочимъ, говоритъ: „Среди радостныхъ сонмовъ, Тебя срѣтающихъ, возри, съ обычнымъ Тебѣ снисхожденіемъ, и на сію малую длань, возносящую къ Тебѣ *нѣкія крупицы отъ преломленія хлѣба духовнаго*. Ты не позволишь, благочестивѣйшій Государь, изъяснить здѣсь, почему наипаче приличествуетъ Тебѣ приношеніе хлѣба *духовнаго*. Что же приносятся токмо *нѣкія крупицы*,—прости духовной скудости приносящаго“. Такъ скромно выражается о своемъ трудѣ авторъ, а между тѣмъ это былъ *первый* въ Россіи опытъ вполне ученаго, основательнаго изъясненія священнаго писанія. Трудъ этотъ немедленно былъ изданъ по высочайшему повелѣнію. Въ 1816 г. Филаретъ опредѣленъ членомъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества, а въ 1817 г. членомъ главнаго правленія училищъ и принималъ участіе въ трудахъ его во время усиленныхъ мѣръ къ устроенію народнаго образованія на прочныхъ основаціяхъ, выясненныхъ предшествовавшими полувѣковыми опытами. Какъ ни велики были всѣ эти сторонніе труды о. Филарета, но главное и неусыпное

вниманіе его было обращено на вѣренную ему академію. Здѣсь труды его по истинѣ изумительны и результаты высоко-благодѣтельны. Ставъ во главѣ академіи, онъ учредилъ въ ней порядокъ, сдѣлавшійся правиломъ для всѣхъ академій. Первые два академическіе курса, прошедшіе подъ его руководствомъ, вполне оправдавъ правительственные заботы, дали церкви знаменитыхъ пастырей, обществу достойныхъ членовъ, духовнымъ училищамъ образованныхъ и надежныхъ наставниковъ, наукъ талантливыхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей *). А что было въ академіи до него? Вотъ замѣчательныя слова самого ректора, которыми онъ недавно поднялъ часть завѣсы, упавшей на прошедшее академіи: «При двухъ ректорахъ, предшествовавшихъ мнѣ (говорить Филаретъ), академія, вслѣдствіе вѣшнихъ вліяній, имѣла разрозненное направленіе. Случай борьбы между кафедрами богословія и словесности сдѣлался причиною того, что студенты слишкомъ мало занимались сочиненіями. Были студенты, почти оставившіе занятія богословскими науками, потому что академикъ преподаватель возбудилъ въ нихъ сильную страсть къ математическимъ наукамъ. Я пришелъ безъ достаточнаго приготовленія къ тому, что мнѣ предлежало. Мнѣ должно было преподавать то, что не было мнѣ преподано. Наши тогдашнія бібліотеки не скудны были старыми книгами, но не доставляли свѣдѣній о движеніи наукъ въ ближайшее время. При всемъ томъ, когда студентамъ изъяснено было, что нужно единство и участіе направленія, соотвѣтственнаго ихъ назначенію и достоинству академіи: сіе напоминаніе оказалось сѣменемъ, брошеннымъ на добрую землю; сильные уроки мои принимаемы были со вниманіемъ; занятія студентовъ усилились и, наконецъ, изъ страстныхъ любителей математики вышли достойные магистры богословія, **») Какъ зорко и внимательно слѣдилъ о. ректоръ за направленіемъ молодыхъ питомцевъ и какъ дорожилъ имъ, можетъ служить нѣкоторымъ доказательствомъ слѣдующій частный случай. Одинъ изъ слушате-

*) Изъ 2 курса вышелъ между прочими извѣстный протоіерей Н. М. Скворцовъ.

**) Прав. обоз. 1867 № 40, замѣтки, стр. 89.

лей академіи, Александръ Протопоповъ (бывшій потомъ архіепископъ тобольскій и сибирскій Аѳанасій), въ чреду свою, подалъ на разсмотрѣніе проповѣдь: профессоръ краснорѣчія въ академіи, архимандритъ Леонидъ, написалъ на проповѣди его: „расположеніе и слогъ сего слова довольно хороши“. Но ректоръ Филаретъ, прочитавши ее, написалъ на ней же: *духъ сего слова драгоценнѣе самаго слога* *). Подобными отрывочными воспоминаніями можно конечно, наполнить многія страницы. Довольно сказать, что живая память о дѣятельности Филарета въ академіи, слава его преподаванія и проповѣдническаго дара, переходитъ отъ старшихъ ея воспитанниковъ къ слѣдующимъ, отъ отцовъ къ дѣтямъ, и перейдетъ къ дальнѣйшимъ поколѣніямъ.

Таковъ былъ знаменательный и многотрудный путь Филарета въ теченіи семи лѣтъ его служенія въ академіи до кафедры епископской. И вотъ уже настало время увѣнчать высокой наградой такіе многосторонніе и полезные труды неутомимаго архимандрита и ректора. Митрополитъ петербургскій Амвросій, любившій о. Филарета какъ сына, рѣшился избрать его себѣ въ помощника епископскаго служенія. Когда Филаретъ узналъ отъ своего архипастыря о предстоящемъ назначеніи, онъ необинуясь сказалъ ему: *если хотите наградить меня этимъ саномъ, то епископство не честь, но подвигъ* **). Но владыка-митрополитъ не оставилъ своего намѣренія: обремененный дѣлами обширной митрополіи и не имѣя по ней викарія себѣ (дотолъ были только викаріи новгородской митрополіи, епископы старорусскіе) и вмѣстѣ съ тѣмъ предчувствуя скорую кончину свою, онъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе викарія по с.-петербургской епархіи и представилъ въ это званіе ректора академіи Филарета. Ученость дарованія и неутомимое трудолюбіе Филарета уже хорошо были извѣстны вниманію императора, и онъ Высочайшимъ указомъ 23 іюля того же года утвердилъ его избраніе въ званіе викарія с.-петербургской епархіи, съ наименованіемъ епископомъ ревельскіимъ и съ

*) Странн. 1867 N. 1, стр. 13 прим. 3.

**) Моск. Вѣд. 1867 г. № 260, слово пр. А. В. Горскаго.

оставленіемъ въ должности ректора академіи. 5 августа совершенно было его рукоположеніе. *) Участиѣ его въ епархіальномъ управленіи не входитъ въ нашъ очеркъ. Новое высшее служеніе въ санѣ епископскомъ не отдалило его отъ академіи. Изъ трудовъ его по управленію академіею, упомянемъ о его предложеніи въ 1817 году—вести въ нее преподаваніе англійскаго языка; самъ же онъ позаботился пріискать наставника по этому предмету изъ постороннихъ ученыхъ. Почти три курса академіи прошли подъ его ближайшимъ опытнымъ руководствомъ. Въ то же время онъ исполнялъ различныя порученія отъ комисіи духовныхъ училищъ; такъ, онъ произвелъ обзоръніе с.-петербургской семинаріи по всѣмъ ея частямъ; въ 1818 г. онъ вновь обзорѣвалъ московскую академію, гдѣ въ это время окончился первый курсъ. Его проницательному взору представлено было высшею властію—обзорѣть первые опыты трудящихся въ академіи и направить ихъ стремленія вѣрнѣе къ цѣлямъ духовнаго образованія. Такъ какъ при этомъ нужно было, по испытаніи, избрать профессоровъ и учителей для открываемаго по новому образованію казанскаго округа, то комисія духовныхъ училищъ, съ высочайшаго соизволенія, поручила преос. Филарету присутствовать при семъ испытаніи. Вмѣстѣ съ этимъ, ему же, совмѣстно съ московскимъ архіепископомъ, предоставлено избрать *внѣшнихъ* дѣйствительныхъ членовъ новооткрываемой конференціи московской духовной

---

*) Замѣчательно, что въ день хиротоніи его, во время обѣденнаго стола, послѣ многолѣтій государю и св. синоду, когда архіепископъ черниговскій Михаилъ провозгласилъ было здоровье митрополита Амвросія, и пѣвчіе запѣли многая лѣта, митрополитъ вдругъ остановилъ ихъ и велѣлъ пѣть: *Со святыми упокой*. Но какъ никто не смѣлъ начать, то онъ началъ самъ и пѣлъ съ пѣвчими до конца. Предчувствіе митрополита сбылось скоро, въ слѣдующемъ же году, 21 мая, онъ скончался въ Новгородѣ. Черезъ два дня получено было въ Петербургѣ извѣстіе о его кончинѣ, и въ тотъ же день, послѣ вечерни, преосв. Филаретъ почтилъ память усопшаго панихидой въ Лаврѣ. (Странн. 1860 май, отд. I стр. 208—210).

академіи. За исполненіе сего порученія преосв. Филаретъ пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ томъ же 1818 году онъ вновь обозрѣвалъ семинаріи новгородскую, тверскую, вианскую и московскую. Такая неутомимая, многоплодная дѣятельность обратила на него особенное благоволеніе государя, и высокое вниманіе его не замедлило почтить преосв. викарія самымъ почетнымъ образомъ. 13 мара 1819 года, менѣе чѣмъ *чрезъ два года* по рукоположеніи въ епископа, преосв. Филаретъ былъ пожалованъ архіепископомъ тверскимъ и въ томъ же году августа, 18—членомъ свят. синода. Въ санѣ архіепископа, по званію члена конференціи, преосв. Филаретъ наблюдалъ за испытаніемъ по классу богословскихъ наукъ, при окончаніи третьяго учебнаго курса въ петербургской академіи. Съ 7 августа 1819 г. приведенъ былъ въ дѣйствиіе одинъ изъ полезнѣйшихъ проєктовъ преосв. Филарета. Въ теченіе семи лѣтъ его управленія академіею, отъ ежегоднаго штатнаго оклада на академію, за удовлетвореніемъ всѣхъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ потребностей, образовался остатокъ, въ деньгахъ и матеріалахъ, до 85,060 р. Изъ нихъ 35 т. оставлено для академическаго хозяйства, для облегченія его въ будущемъ, а остальные 50,000 р. внесены въ государственный заемный банкъ, неприкосновенно навсегда, съ тѣмъ, чтобы употреблять только проценты съ нихъ—2,500 р. въ годъ—на самоужнѣйшія пять главныхъ потребностей академіи, поровну на каждую: на содержаніе академической церкви, на изданіе назидательныхъ книгъ, на поощреніе наиболѣе полезнаго дѣятеля академіи, на дополненіе къ жалованью болѣе прочихъ занимающаго съ достоинствомъ одну изъ важнѣйшихъ академическихъ кафедръ и наконецъ на пособіе чинамъ академіи, при вопіющей нуждѣ когонибудь изъ нихъ. Коммисія признала этотъ проєктъ и легкоисполнимымъ и вполне соответствующимъ пользѣ академіи и довела объ этомъ до свѣдѣнія государя императора. Утвердивъ проєктъ, государь изъявилъ благоволеніе свое преосв. архіепископу Филарету за такое полезное предложеніе. Конференція академіи выразила свою признательность преосв. Филарету избраніемъ его въ свои почетные члены; коммисія дух. училищъ, утвердивъ это представленіе, оставила его и дѣйствительнымъ членомъ конференціи, по уваженію от-

личныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ по ученой части. Въ 1820 году преосв. Филаретъ былъ перемѣщенъ въ Ярославль. Въ этомъ году онъ вновь обозрѣвалъ московскую академію, также нѣкоторые семинаріи, уѣздныя и приходскія училища. Въ 1821 г. 3 іюля, переведенъ былъ въ Москву, въ санѣ же архіепископа и священно-архимандрита Троицко-Сергіевской лавры. Какъ въ этомъ, такъ и въ 1823 году, при окончаніи 4 и 5 учебнаго курса въ с.-петербургской академіи, архіепископъ московскій, какъ дѣйствительный членъ конференціи, въ качествѣ депутата, наблюдалъ испытаніе по богословскому и философскому классамъ. Въ 1821 году, по его предложенію, совместно съ ректоромъ академіи (преемникомъ пр. Филарета) епископомъ ревельскимъ Григоріемъ, удостоенъ степени доктора богословія протоіерей Г. П. Павскій, первый магистръ перваго курса, а тогда уже профессоръ академіи и законоучитель с.-петербургскаго университета. Этимъ избраніемъ воздана была честь о. протоіерею за его переводъ священныхъ книгъ на русскій языкъ и за основательные уроки богословія въ университетѣ и еврейскаго языка—въ академіи.

Это обстоятельство даетъ намъ поводъ коснуться трудовъ самого преосв. Филарета въ дѣлѣ перевода св. писанія, о чемъ прежде мы не упомянули, не желая дробить разсказа объ этомъ. Еще въ 1816 г. (23 февраля) государь императоръ Александръ, въ своемъ повелѣніи св. синоду, указалъ необходимость переложенія Новаго Завѣта съ древняго славянскаго на новое русскіе нарѣчіе и изданія его вмѣстѣ съ древнимъ славянскимъ текстомъ подобно тому, какъ уже издано было, съ дозволенія св. синода, посланіе къ римлянамъ. Во исполненіе сей высочайшей воли, св. синодъ и приступилъ немедленно къ переводу новаго завѣта. Первымъ двигителемъ сего священнаго дѣла въ средѣ іерарховъ былъ преосв. Филаретъ. Какъ пастырь стада Христова, онъ хотѣлъ прежде всего, чтобы сокровища спасительнаго ученія были открыты для всѣхъ. И его побужденіямъ и трудамъ преимущественно обязана церковь русская тѣмъ, что въ первый разъ увидѣла слово Христово и писанія апостоловъ на своемъ языкѣ. 30 марта 1819 г. уже оконченъ былъ переводъ четырехъ евангелистовъ; который въ томъ же году вышелъ

и *вторымъ* изданіемъ, а въ 1820 послѣдовали новыя изданія его. Въ 1820 же году появилась „Книга дѣяній св. апостоловъ“, на славянскомъ и русскомъ языкахъ; въ 1821 г. „Десять посланій св. апостоловъ“; а въ 1822 г. вышелъ *весь* новый завѣтъ, также на славянскомъ и русскомъ языкѣ, и въ томъ же году явилось *третье* изданіе его. Всѣ эти переводы изданы были иждивеніемъ російскаго библейскаго общества, согласно указанію государя императора, и во всѣхъ этихъ переводахъ дѣятельное участіе принималъ, вмѣстѣ съ Михаиломъ, митрополитомъ новгородскимъ *) и Серафимомъ митрополитомъ московскимъ, преосвящен. Филаретъ, еще въ санѣ архіепископа тверскаго. Тогда же приступлено было и къ переложенію ветхозаветныхъ книгъ съ первоначальнаго языка, и если оно не было доведено до конца, то не по винѣ трудившихся. Изъ книгъ в. завѣта вышла только „Книга хваленій или Псалтирь“ на російскомъ языкѣ, изданная въ 1822 г. въ Спб.; въ томъ же году вышло изданіе ея въ Москвѣ, въ синодальной типографіи: въ переводѣ ея, вмѣстѣ съ Серафимомъ, митрополитомъ новгородскимъ и Симеономъ, архіепископомъ ярославскимъ, принялъ ближайшее участіе и преосв. Филаретъ, тогда уже архіепископъ московскій. Его же перу, кажется, принадлежать и „Возглашенія къ Христолюбивому читателю“, помѣщенные въ началѣ переводовъ—Евангелія и Псалтири. Какъ жадно былъ принятъ върующими этотъ переводъ, можно судить по тому, что въ слѣдующемъ 1823 году вышло уже *одинадцатое* изданіе Псалтири **). И такъ, преимущественно подвигами преосв. Филарета, слово Божіе стало доступнымъ для простыхъ умовъ и сердецъ народа русскаго.

Въ августѣ 1823 г., императоръ Александръ явилъ самое сильное доказательство своего высокаго уваженія

---

*) Въ 1821 году овъ уже скончался, не имѣвъ утѣшенія видѣть окончательнаго изданія и своихъ трудовъ въ переводѣ съ писанія.

***) Въ 1824 году Новый Завѣтъ былъ изданъ и московскимъ библейскимъ обществомъ на русскомъ языкѣ. Дальнѣйшій ходъ изданія этихъ переводовъ намъ неизвѣстенъ.

къ достоинствамъ архіепископа Филарета. Въ это время, присутствуя въ св. синодѣ, архіепископъ Филаретъ испросилъ было себѣ временное увольненіе въ свою епархію; министръ духовныхъ дѣлъ, кн. Голицынъ, объявилъ ему на сіе, *открыто*, высочайшее соизволеніе, и въ то же время собицлль, *секретно*, высочайшую волю—исполнить, прежде отъѣзда, особое порученіе государя. Немедленно передано было архіепископу подлинное письмо цесаревича Константина Павловича къ императору, отъ 14 января 1822 года, содержащее въ себѣ торжественное отреченіе отъ престола, и повелѣно было написать проектъ манифеста о назначеніи наслѣдникомъ великаго князя Николая Павловича. При этомъ государю угодно было, чтобы актъ сей, оставаясь въ глубокой тайнѣ, хранился въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, пока прійдетъ время привести его въ исполненіе. Архіепископъ сейчасъ же обратилъ вниманіе на то, что храненіе акта въ глубокой тайнѣ, *въ Москвѣ*, и имѣющее быть возшествіе на престолъ *въ С.-Петербургѣ*—видимо не согласуются между собою, тогда какъ между ними должна быть самая неразрывная связь. Слову архіепископа объ этомъ оказано было полное вниманіе: высочайше повелѣно было—списки съ акта хранить и въ С.-Петербургѣ, въ государственномъ совѣтѣ, въ синодѣ, и въ сенатѣ, о чемъ упомянуть и въ самомъ манифестѣ. Составивъ и вручивъ поректъ кн. Голицыну, архіепископъ испросилъ дозволеніе—откланяться государю; но при свиданіи былъ удержанъ императоромъ еще на нѣсколько дней, для могущихъ встрѣтиться въ проектѣ поправокъ. Межъ тѣмъ самъ государь уѣхалъ въ Царское Село. Проходитъ нѣсколько дней. Архіепископъ видитъ, что продолженіе его пребыванія возбуждаетъ любопытство въ Петербургѣ, гдѣ всѣмъ уже было извѣстно, что онъ уволенъ въ епархію; желая отклонить всякій поводъ подозрѣвать въ этомъ замедленіи какую-то тайну, онъ испрашиваетъ позволеніе прибыть въ Царское Село, подъ видомъ посѣщенія кн. Голицына, и тамъ исполнить высочайшую волю. И на этотъ разъ слову его было оказано полное вниманіе. Въ Ц. Селѣ получилъ архіепископъ отъ князя свой проектъ, уже прочтенный государемъ, и видя въ немъ нѣкоторыя слова и выраженія подчеркнутыя, архіепископъ старался проникнуть, почему они не соотвѣт-

ствуютъ мыслямъ императора, и замѣнилъ ихъ другими.—Какъ во всемъ этомъ сильно сказалось довѣріе и высокое вниманіе императора къ преосвщен. Филарету, видно изъ того еще, что объ этомъ актѣ знали только графъ Аракчеевъ, да кн. Голицынъ, что составленіе его государь не поручилъ даже тому, кого онъ называлъ *мой искренній*,—Н. М. Карамзину, и даже сказалъ ему и женѣ его объ этомъ только осенью 1823 года, когда ужъ дѣло было окончено. Такимъ образомъ только *пять* лицъ удостоены были такого довѣрія государя и *третьимъ* между ними является преосв. Филаретъ, и является не по близкимъ своимъ личнымъ отношеніямъ къ императору, какъ Аракчеевъ и Голицынъ, но единственно по своимъ высокимъ достоинствамъ, сіявшимъ издали, изъ стѣнъ уединенной келліи. Въ 1825 г., въ день приведенія къ присягѣ императору Николаю Павловичу, архіеп. Филаретъ, въ москов. Успенскомъ соборѣ, всенародно вынулъ изъ серебрянаго ковчега завѣщаніе импер. Александра и отреченіе цесаревича, показалъ всѣмъ, что печать цѣла, произнесъ слово и прочелъ завѣщаніе и отреченіе. Затѣмъ прежде приступленія къ присягѣ, архипастырь, осѣняя всѣхъ, громогласно сказалъ: *разрѣшаю и благословляю*. Эти неожиданныя слова святителя произвели глубоко—успокоительное дѣйствіе, особенно, когда они разнеслись между народомъ. Потомъ началась присяга. Узнавъ объ этомъ, императоръ былъ очень доволенъ. Наконецъ въ 1826 году, преосв. Филаретъ привѣтствовалъ императора Николая рѣчью при вступленіи его въ Успенскій соборъ для совершенія коронованія, и въ этотъ торжественный день, возведенъ былъ въ санъ митрополита московскаго и воломенскаго.

Здѣсь, согласно плану своего труда, мы останавливаемся: отсутствіе матеріаловъ не позволяетъ намъ идти далѣе. Не забудемъ свѣать одно только, что рукою преосв. Филарета писанъ былъ манифестъ 19 февраля 1861 года, даровавшій свободу 23 милліонамъ русскихъ людей. О всѣхъ событіяхъ московской сорокашестилѣтней дѣятельности святителя мы упомянемъ только слѣдующими словами

(*) Р. арх. 1867. выш. 10, стр. 1318—1319.

2-го отдѣленія Имп. акад. наукъ: «Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ московскій Филаретъ являя въ масти-той старости своей неоскудѣваемую мощь духа, кромѣ обширныхъ занятій своихъ по управленію дѣлами церкви, не переставалъ посвящать свои силы и другимъ подвигамъ своего высокаго призванія. Онъ дѣятельно участвовалъ въ пересмотрѣ перевода на русскій языкъ евангелія и апостола, напечатанныхъ нынѣ по повелѣнію св. синода. По случаю совершившагося тысячелѣтія Россіи, онъ для молебнаго пѣнія составилъ примѣнительно къ празднованному событію особою молитву и особыя же возглашенія послѣ обычныхъ многолѣтій, и еще прежде, 19 августа, привѣтствовалъ рѣчью Его Императорское Величество въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ, полагая въ основаніе своего краснорѣчиваго слова мысль о предстоящемъ 8 сентября великомъ народномъ торжествѣ.»

Усопшій первосвятитель состоялъ членомъ академіи наукъ, всѣхъ духовныхъ академій, почетнымъ членомъ московскаго университета, с.-петербургской медико-хирургической академіи, московскаго общества любителей Россійской словесности, с.-петербургскаго Императорскаго челоѡколюбиваго общества, археологическаго общества, Императорскаго новороссійскаго университета и многихъ другихъ ученыхъ и благотворительныхъ учрежденій...

Вотъ все фактическое, что мы знаемъ о московскомъ святителѣ, что даютъ намъ всѣ наши источники!

III.

ОРИГИНАЛЬНЫЯ ПИСЬМА.

(Окончаніе *).

Другая фальшь «Виленскихъ писемъ», — болѣе практическая и оттого болѣе вредная, есть ложное понятіе о религіозной сторонѣ здѣшняго руско-польскаго вопроса, незнаніе или игнорированье силы и дѣйственности православія, связи его съ исторіей и жизнію Россіи, отношенія къ папству и полонизму. На этой точкѣ зрѣнія г. N. является и жалкимъ обскурантомъ, и даже индифферентистомъ. Разовьемъ эту тему подробнѣе.

Отъ неправильнаго или неточнаго названія предмета, онъ принимаетъ въ сознаніи читателя фальшивый обликъ и значеніе. Неточность и неправильность словъ и выраженій есть очевидный признакъ сбивчиваго или односторонняго представленія мыслителя. Если такой недостатокъ изложенія замѣченъ, если такая неточность и неправильность терминологіи объяснена и доказана; то въ статьяхъ, упорствующихъ въ этихъ несовершенствахъ останется предположить одно изъ двухъ: или незнаніе или упрямство. Такой незавидный выборъ предложить теперь автору „Виленскихъ писемъ.“ Въ этихъ письмахъ г. N., чуть не на всякой строчкѣ, употребляетъ слова: „клерикалы, клерикальная партія, клерикализмъ“, — примѣняя эти названія

*) См. кн. 11 Вѣст. Зап. Россіи.

къ людямъ русскимъ—православнымъ. По поводу тѣхъ же названій, также неудачно употребленныхъ однимъ изъ виленскихъ корреспондентовъ „Виленаго Вѣстника“, мы помѣстили въ III отдѣлѣ 2-й, за 1867 г., книжкѣ нашего „Вѣстника“ нарочитую статью, подъ заглавiемъ: „Неудачное и обидное *qui pro quo*.“ Въ этой статьѣ такъ послѣдовательно, такъ непоколебимо доказано, что въ средѣ исповѣдниковъ православiя немыслимы клерикалы, клерикальная партiя, предполагающая всегда сепаратизмъ, реакцiю *statu quo*, эгоистическое отстаиванье отдѣльныхъ, личныхъ, внѣшнихъ интересовъ, безусловное подчиненiе своей мысли и дѣятельности главѣ партiи,—въ этой, говоримъ, статьѣ такъ наглядно развита мысль, что клерикальная партiя возможна только въ средѣ почитателей папства, какъ доктрины политической, какъ въ средѣ, имѣющей не только ни отъ кого независимаго, но даже господствующаго надъ всѣми своими—ктобы они ни были: цари или рабы—сектантами предводителя,—что автору „Виленскихъ писемъ“ опять повторимъ, предстоить незавидный выборъ одного изъ двухъ, указанныхъ выше названій. И въ самомъ дѣлѣ: чтожь это будетъ съ нашею прессою, если она будетъ упорствовать въ самомъ уродливомъ смѣшенiи понятiй, если для нея не существуютъ никакiя возраженiя, доказательства? Что будетъ и съ нами самими, съ нашей наукой, если изобличенная сегодня фальшь, испровергнутая теорiя, клевета, ложь, завтра снова топорщится, чтобъ стать на ноги? Не сдѣлаемся ли мы похожими тогда на того пьянаго шляхтича, который, отойдя отъ кабака саженой на двадцать, вмѣсто шага впередъ, началъ дѣлать два шага назадъ и опять очутился въ томъ же кабакѣ? Уже ли это значило бы прогрессировать? И вы, г. N., (и никто) не опровергнули нашихъ доводовъ, не доказали, что люди, которымъ вы усвоили названiе клерикаловъ, заклеены имъ по праву, что они точно—партiя, чьи мысли и стремленiя пропитаны клерикальнымъ революцiоннымъ

измомъ, апархіей, дуализмомъ ; на какомъ же основаніи вы называли людей самыхъ консервативныхъ, самыхъ благонамѣренныхъ , тѣмъ именемъ , которое менѣе всего имъ прилично, и о значеніи котораго вы не имѣете даже яснаго представленія ? Послѣдняя истина особенно подтверждается тѣмъ, что вы даже не знаете, кому усвоить названіе клерикаловъ, клерикальной партіи. По указанію здраваго смысла и установившемуся понятію о клерикальной или *ультрамонтанской* партіи, если не вся она, то хоть большая и дѣятельнѣйшая часть ея контингента , должна состоять изъ особей духовнаго званія; между тѣмъ, по вашему ученію, эту партію составляютъ какія-то иныя личности, не принадлежащія къ клиру, отъ котораго клерикальная партія и получила свое названіе: вы постоянно выгораживаете духовенство изъ группы клерикальной партіи, такъ что она, по вашему, выходитъ не клерикальною, а Богъ вѣсть какою и чьею партіей.

Нѣтъ ли, однако, причинъ, на основаніи которыхъ авторъ „Виленскихъ писемъ“ усвоилъ извѣстнымъ ему (и только) личностямъ названіе клерикаловъ, клерикальной партіи? Если такія причины и существуютъ въ сознаніи автора, то онѣ должны быть слишкомъ индивидуальны, своеобразны и, во всякомъ случаѣ, несостоятельны и секретны. Пока этимъ секретомъ г. N. не подѣлился съ читателями , мы имѣемъ основаніе утверждать категорически, что онъ употреблялъ эти названія по наслышкѣ, со словъ другихъ. Чтобы хоть сколько нибудь освѣтить этотъ мракъ и осмыслить укорины г. N., подскажемъ ему нѣсколько тѣхъ единственныхъ quasi—причинъ, которыя могли его ввести въ заблужденіе на счетъ лицъ и предметовъ, о которыхъ идетъ теперь дѣло: „Я потому, скажетъ (положимъ) г. N., называю васъ клерикалами, что вы ставите международный, русско-польскій вопросъ на почвѣ религіи, что вы православіе смѣшиваете съ русскою народностью, въ *католичество* ищете и причинъ разлада съ нами поля-

ковъ, и невозможности примиренія, и опасеній за будущее.“ Если бы г. N, дѣйствительно, на основаніи такихъ соображеній назвалъ клерикалами извѣстныхъ ему людей, то симъ послѣднимъ остается только благодарить его за усвоеніе имъ самаго раціональнаго взгляда на вещи и въ тоже время подивиться близорукости г. N. и неумѣнію его называть предметы и лица точными ихъ именами.

Мы много разъ сказали и доказали, что религія есть душа, жизнь народа, что съ ея утратой или переменой нѣмнѣется міросозерцаніе, характеръ, дѣятельность, исторія, судьба народа, что народы отстаиваютъ религію всѣми силами и средствами, какими одарилъ ихъ Творецъ, что въ большинствѣ кровополитій, посредственно или непосредственно, наступательно или оборонительно, принимала участіе религія и что эти кровополитія всегда бывали самыя упорныя, ожесточенныя и продолжительныя; потому что народъ защищалъ цѣлость и неприкосновенность своей жизни. Мы не указываемъ на частности какъ потому, что онѣ указаны нѣсколько разъ на страницахъ „Вѣстника“, такъ и потому, что онѣ извѣстны всякому, умѣющему находить въ историческихъ событіяхъ подлинный ихъ смыслъ и направленіе. И теперь, что берется на востокъ, какъ не изувѣрствующій исламамъ съ утратившимъ всякое терпѣніе христіанствомъ; кто поддерживаетъ жизнь полумертвой Турціи, какъ не р.-католичество, желающее побѣды ислама надъ православіемъ и неразъ уже стоявшее рядомъ съ читателями магомета въ борьбѣ ихъ съ истинными читателями Христа. Только близоруіе не видятъ подъ разными ухищреніями и отводами западнаго въ восточный вопросъ вмѣшательства подлинной, руководящей его мысли и опасенія, чтобы не восторжествовали греки и славяне надъ магометанами. Сегодня участвуя въ коллективныхъ нотахъ вмѣстѣ съ Россіей, а завтра говоря съ улыбкой: это было сдѣлано изъ вѣжливости къ гостю; на сценѣ идя объ руку съ Россіей, а за кулисами подставляя ей ногу; сочиняя сего-

дня одну, а завтра другую комбинацію для рѣшенія восточнаго вопроса, сегодня умывая руки отъ вмѣшательства въ расчетъ восточныхъ христіанъ съ своими притѣснителями, а завтра бомбардируя дерзкими, неосновательными нотами Сербію и Румынію за мнимыя въ нихъ вооруженія и волненія; вооружаясь съ ногъ до головы сами, когда никто не нападаетъ, не угрожаетъ и запрещая это дѣлать восточнымъ христіанамъ, когда противъ нихъ вооружаются, ихъ мѣжутъ мусульмане,—западники думаютъ этими натяжками, интригами и противорѣчіями, запутать слишкомъ ясный, восточный вопросъ, удержать Россію отъ фактическаго ея разрѣшенія, задержать или устранить преобладаніе на востокѣ родственнаго Россіи православнаго элемента въ ущербъ папскаго. Только близорукіе могутъ вѣрить, что Наполеонъ любленъ въ султана, въ благосостояніе Турціи, въ утоцію извѣстную подъ именемъ равновѣсія Европы: онъ только боится усиленія вліянія на востокъ Россіи и освобожденія православія восточнаго отъ стѣсненія и угнетенія его латинской пропагандой и мусульманскимъ насиліемъ, потому что тогда р.-католики бѣжали бы сами съ востока, а съ ними мѣстѣ оказалась бы излишнею и западная опека надъ востокомъ, а греки съ славянами составили бы ту естественную, родственную коалицію, которая не страшилась бы никакой другой коалиціи, ту силу, о которую сокрушается бы всякое насиліе. Но тогда какъ другія религіи вели войны оборонительныя, политическая доктрина папства и исламъ разширялись и укрѣплялись посредствомъ войнъ наступательныхъ. Когда только въ дѣлѣ прозелитизма и подавленія другихъ вѣроученій интрига оказывалась средствомъ недостаточнымъ, доктрина эта пускали въ ходъ мечъ и всяческое свое насиліе. Въ рукахъ римскихъ первосвященниковъ религія неразъ была орудіемъ и принципомъ политическимъ: религіей Христа прикрывались властолюбивые замыслы папы, догматизировалась его мирская власть, главенство надъ церковью, господство надъ

всѣми государями и подданными, принявшими папское учение. Внутренній духъ христіанства до того ступшевывается, что подъ этою казистостью, папыщенностью, превознесеніемъ, властолюбіемъ не легко признать чистое, духовное, простое, смиренномудрое учение „Смирившагося даже до смерти крестныя.“ Такая *внѣшность* религіи, непосредственно зависящая отъ внѣшняго значенія главы ея, естественно требуетъ внѣшнихъ средствъ къ ея защитѣ, поддержкѣ и распространенію. И теперь папство поддерживается не истиной, чистотой и прочностью своего ученія, а лептами св. Петра, коалиціями, конвенціями, конференціями, ружьями Шасспо, наемными зуавами и проч. Наполеонъ III знаетъ, что развѣлчатъ папу изъ его царскаго величія, сдѣлать его тѣмъ, что онъ долженъ быть по духу ученія истинно-христіанскаго, — сдѣлать его только римскимъ архіепископомъ, значить пошатнуть въ самомъ основаніи міръ папскій, приблизиться къ духу православія, предоставить послѣдному право господства надъ умами и сердцами человѣчества, видоизмѣнить отношенія другъ къ другу царствъ и народовъ, — видоизмѣнить судьбу вселенной, — и онъ отстаиваетъ въ лицѣ папы преобладаніе папства, и онъ силится задерживать успѣхи православія, всемірное значеніе представительницы его Россіи. Ревнивое нежеланіе отдать Италіи естественную ея столицу, столицу древняго міра, владѣвшую когда-то и Летиціей (Парижемъ) вчастности, и Галліей (Франціей) вообще, составляетъ уже цѣль второстепенную, случайную, счастливо только совпадающую съ желаніемъ оставить за папой столицу міра, видѣть ее столицей папства. И папы очень хорошо понимаютъ такое сочетаніе, когда такъ упорно, отстаиваютъ свое земное величіе, когда съ высоты балкона церкви Петра и Павла посылаютъ свое благословеніе *urbi et orbi* (городу (Риму) и міру).

Но ни въ чьемъ умѣ и сердцѣ не перепуталась такъ нераздѣльно политика съ религіей, какъ въ умѣ и сердцѣ

поляковъ: они болѣе крайніе ультрамонтаны, чѣмъ испанцы. Фанатизмъ ихъ росъ и ширился вмѣстѣ съ очевидностью безнадежности политической; въ своемъ ослѣпленіи, религію они считали орудіемъ своихъ революціонныхъ замысловъ, ихъ религія, въ лицѣ своихъ представителей, была унижена до кощунственнаго и богопротивнаго вмѣшательства въ самыя преступныя затѣи во время послѣдняго мятежа,— до внушенія рѣзни москалей, до стрѣльбы изъ револьвера и проповѣди о разнообразномъ истребленіи русскихъ, до предводительства шайками разбойниковъ и личнаго участія въ душегубствѣ и проч. Не можемъ же мы допустить чтобъ истинно-христіанское религіозное настроеніе мятежниковъ могло ужиться рядомъ съ душегубствомъ, клятвенно-преступленіемъ, казнокрадствомъ, которыми ознаменовали свою дѣятельность эти усердные фанатики въ самый разгаръ ихъ религіозныхъ отпавленій. Молитва, касающаяся потребностей духа, должна быть несравненно духовнѣе, спокойнѣе и достойнѣе Бога и человѣка.

Съ другой стороны, характеръ истиннаго христіанства всего болѣе, всего явственнѣе отразился на православнои Россіи и судьбахъ ея. Православіе сдѣлало Россію тѣмъ, чѣмъ она есть: оно собрало воедино разрозненныя—было ея части, оно установило и закрѣпило связи ея семейныя, общественныя, гражданскія, международныя, оно проникло русское законодательство, создало наши нравы и обычаи, наше міросозерцаніе и исторію, оно спасало Россію въ годину опасности и торжествовало ея успѣхи, освящало ея радости, во время милосердыхъ посѣщеній Божіихъ,—словомъ оно образовало ту типичность народа русскаго, которой онъ отличается отъ всѣхъ другихъ народовъ, и съ измѣненіемъ которой измѣнится его судьба, его исторія, и онъ перестанетъ быть народомъ русскимъ.

Созпавая такое значеніе религіи вообще и такое отношеніе православія къ русской народности вчастности, латинно-польскій фанатизмъ прежде всего и больше всего и

усиливался разорвать въ подвластныхъ Польшѣ областяхъ русскихъ ту связь, какая существуетъ между народомъ русскимъ и его религіей, связать эти области съ Польшею путами папства и тѣмъ ступешать его народность, измѣнить его міросозерданіе, порвать его связи съ остальной Россіею, создать новую эпоху его исторіи. И во время недавняго бунта польскаго всего очевиднѣе проявилось ожесточеніе ксендзо-шляхетскаго революціонизма противъ православнаго монархизма,— властолюбія и притязательности папства противъ незлобія, миролюбія и нестяжательности православія, — представителей политической доктрины папской, противъ представителей и лучшихъ сыновъ православія.

Если такъ,—а несомнѣнно такъ, то тѣхъ, кого г. N. называетъ „клерикалами, клерикальною партіей,“ нужно точнѣе назвать людьми истинно-русскими, истинно-православными, вполне изучившими исторію папства и православія, Польши и Россіи, ясно понимающими отношеніе религіи къ народности, связь православія съ судьбой и исторіей Россіи, вліяніе ультрамонтанъ на всесвѣтныя революціи вообще и польскіе бунты вчастности,—невозможность полнаго, искреняго примиренія ультрамонтанъ съ православными, повсемственныя, тысячелѣтнія интриги и посягательства ихъ противъ православія.

Мы не имѣемъ охоты слѣдить за г. N. въ той непреходимой словесной трущобѣ, которая названа имъ „Виленскими письмами“; это былъ бы трудъ и неблагодарный и невозможный. Поэтому мы будемъ останавливаться на тѣхъ только выходкахъ этихъ писемъ, которыя имѣютъ нѣсколько опредѣленный смыслъ и которыхъ нелѣпость болѣе крупна и вредна. Къ числу такихъ нелѣпостей мы относимъ не только упорное нападеніе на насъ за то, что мы употребляемъ слово паписты вмѣсто католиковъ, но и негодованіе на тѣхъ, которые нераздѣляютъ съ г. N. этой нелѣпости. Въ IX письмѣ, въ которомъ задоръ автора

„Оригинальныхъ писемъ“ дошелъ,—пользуемся *любезностью* автора,—до упоминательства“, говорится въ укоръ мрачному сонмищу, что оно „условилося не употреблять словъ: *католикъ, католицизмъ.*“ Да, мы не употребляемъ этихъ словъ безъ ограниченія ихъ эпитетомъ *римскій*, какъ это дѣлаемъ мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такому нежеланію употреблять названнаго г. N. слова предшествовало не „условіе“, которое относится къ изобрѣтательности автора «Виленскихъ писемъ», а знаніе дѣла, категорическое убѣжденіе въ несоотвѣтствіи этихъ словъ называемымъ ими предметамъ. Такое убѣжденіе не есть капризъ, желаніе «дразнить», а результатъ ясныхъ, непоколебимыхъ соображеній и выводовъ рациональныхъ, историческихъ, каноническихъ. Для вразумленія тѣхъ, которые не знаютъ значенія словъ: католикъ, католическій и, по наслышкѣ, усвояютъ ихъ одному римскому католицизму,—мы сгруппировали эти соображенія и выводы въ нарочитой статьѣ, подъ заглавіемъ: „Кто истинные католики?“, помѣщенной въ 3 книжкѣ за 1864 г., Вѣстника Западной Россіи. Въ этой статьѣ такъ ясно, разносторонно, непобѣдимо доказано, что римская церковь, отпавшая назадь тому тысячу лѣтъ отъ единенія съ церковью вселенскою (католическою), привнесшая въ ученіе Христова и апостольское много изобрѣтеній человѣческихъ, подѣлавшая, для узаконенія этихъ вымысловъ, много натяжекъ, ложныхъ толкованій, подлоговъ, искаженій въ твореніяхъ св. отцовъ и даже въ соборныхъ постановленіяхъ, ставшая въ оппозицію со всѣми вѣрованіями христіанскими, особенно съ тѣми, въ которомъ всецѣло, неприкосновенно бережено подлинное, истинное, смиренномудрое, вѣчное ученіе Христова,—утратила права на названіе католической,—что мы теперь не имѣемъ нужды повторять. Намъ кажется, что г. N. нужно причислить къ группѣ людей, незнакомыхъ съ этою статьею и обсуждаемымъ ею вопросомъ, потому что онъ хоть на столько поддавался бы силѣ и ясности

аргументаціи, что не посмѣлъ бы объяснять неупотребленія нами словъ: католикъ, католическій, католицизмъ однимъ «словіемъ», соглашеніемъ.

Впрочемъ мы, какъ люди спеціально изучившіе и римское католичество и православіе, никогда не относились къ нимъ такъ сбивчиво, какъ тѣ, которые не могутъ дать себѣ отчета въ употребленіи такихъ или другихъ теологическихъ названій, эпитетовъ, и которые не знаютъ даже того, что православіе немислимо безъ католичества (какъ мы его понимаемъ) и католичество безъ православія. Мы всегда различаемъ въ ученіи римской церкви тѣ его частности, которыя согласны съ ученіемъ Христовымъ, цстолкованнымъ вселенскими соборами, отцами церкви истинно—вселенской, отъ наростовъ чисто человѣческихъ. Крупнѣйшіе изъ этихъ наростовъ: мірская, царская власть римскихъ первосвященниковъ, прямо противорѣчащая смиренію Христову и духу Его ученія, самозванное усвоеніе себѣ папами намѣстничества Христова и главенства въ Его церкви, неосновательное именованіе себя преемниками апостола Петра, всеобщее безбрачіе духовенства, допущенное съ видами удобнѣйшей пропаганды мірскаго владычества папы. Эти наросты составляютъ ту важную часть римской доктрины, которая чуть не равняется цѣлому, и неприкосновенность которой слишкомъ ревниво отстаиваетъ Ватиканъ; эти собственно наросты мы и называемъ «папствомъ, папскою доктриной», а исповѣдниковъ такого ученія—«папистами, ультрамонтанами» и пр. Грѣшно же было бы и неразумно называть такое ученіе католическимъ, въ истинномъ смыслѣ,—или что то же, православнымъ, а сектантовъ его католиками или православными: въ такихъ важныхъ предметахъ, каковы предметы религіи, названіе, несоотвѣтствующее дѣлу, есть не ошибка, не неточность, а преступленіе, грѣхъ. Но тамъ, гдѣ мы говоримъ о римскомъ ученіи, римской церкви, какъ объ ученіи, о церкви христіанскіхъ, о лицахъ, исповѣдующихъ это

ученіе, принадлежащихъ къ этой церкви, какъ о христіанахъ,—мы въ отличіе такой церкви, такого ученія, такихъ христіанъ отъ другихъ христіанъ, другаго ученія, другихъ церквей, называемъ ихъ римско-католическими, римско-католиками и т. п.

Изъ хаоса словъ и выраженій, названныхъ „Виленскими письмами“, какъ будто кое-гдѣ проглядываетъ недовольство г. N тѣми серьезными мѣрами къ возрожденію здѣшняго края, какія внушаетъ мудрость, правда, исторія и чувство самосохраненія. Но не г. бы N. братья за оцѣнку мѣръ къ обрусѣнію здѣшняго края и произносить категорическіе приговоры дѣятельности его обрусителей.

Занимаясь своимъ писаніемъ, авторъ «Виленскихъ писемъ» весьма часто называетъ по имени „Московскія Вѣдомости“,—какъ авторитетъ, которымъ *будто бы* гарантируются его бредни, и противъ котораго *будто бы* нѣтъ апелляціи. Не думаемъ чтобы „Московскія Вѣдомости“ вошли въ коалицію къ какимъ-то N. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ „Московскія Вѣдомости“ какъ будто солидарны съ г. N, или онъ съ ними, мы рѣшительно отрицаемъ непогрѣшимость московской газеты, а особенно компетентность ея по вопросу объ обрусѣніи западной Россіи. Хотя эта газета занимается этимъ вопросомъ, быть можетъ, нѣсколько болѣе, чѣмъ сколько-то обязательно для газеты обще-русской, обще-европейской; но ея теоріи слишкомъ абстрактны и односторонни, а ея корреспонденты не всегда свободны отъ разлада съ истиной, отъ страсти къ эффекту и сочиненію. Не имѣя возможности провѣрить согласія теоріи съ дѣйствительностью, показанія корреспондентовъ съ текущею жизнію, не имѣя въ группѣ своихъ обязательныхъ сотрудниковъ, ни одного спеціалиста, изучившаго состояніе, потребности, даже исторію и этнографію западнаго края Россіи,—„Московскія Вѣдомости“, естественно, должны перебиваться философствованіемъ, вѣрой на слово корреспондентамъ, подобнымъ г. N., или какому нибудь

„Старожилу“, за старостью, вѣроятно, плохо видящему, что вокругъ него дѣлается,—должны зачастую резонировать голословно, впадать въ промахи, подвергаться опасности быть обманутыми; порой извиняться предъ читателями въ невѣрности сообщенныхъ свѣдѣній. Стоя твердо на почвѣ патріотической, „Московскія Вѣдомости“, кажется, не знаютъ участія, какое должна принимать въ этомъ прекрасномъ чувствѣ религія: къ религіозной, самой существенной сторонѣ западно-русскаго вопроса онѣ относятся весьма смутно; оттого и патріотизмъ ихъ въ этомъ случаѣ выходитъ какимъ-то отвлеченнымъ, лишеннымъ самой твердой и опредѣленной точки опоры, похожимъ на чувство безотчетное, хоть и прекрасное. Мы увольняемъ себя въ настоящемъ случаѣ отъ безконечнаго труда цитировать тѣ мѣста изъ московской газеты, которыя дали намъ право назвать ея патріотизмъ въ отношеніи къ здѣшнему краю одностороннимъ, отвлеченнымъ, ея взглядъ на религіозную сторону вопроса, несостоятельнымъ—тѣмъ болѣе, что мы имѣли уже случай многое сказать и доказать этой газетѣ, объ этомъ предметѣ.

А вотъ мы подошли и къ «мрачному сонмищу». Мы не хотимъ знать, кому принадлежитъ *честь* изобрѣтенія этой бессмысленной фразы; мы только знаемъ, что имѣемъ счастье принадлежать (по приговору г. N.) къ этому «сонмищу», которое такъ *остроумно* названо въ Виленскихъ письмахъ «мрачнымъ». Мы не спрашиваемъ даже, почему г. N. *своему* сонмищу усвоилъ *свой* мрачный эпитетъ, потому что считаемъ усвоеніе этого эпитета тѣмъ людямъ, которыхъ онъ группируетъ въ «сонмищѣ», лишеннымъ всякаго смысла и основанія. Если этотъ эпитетъ понимать въ точномъ его значеніи, то онъ какъ будто нарочно и сочиненъ для того сонмища, къ которому принадлежитъ N., разные *русскіе*. Незнакомцы, Старожилы и другія личности темныя, трущобныя, «мрачныя». Не тѣхъ нужно отнести къ «мрачному сонмищу», которые стоятъ и дѣйствуютъ открыто, честно,

которые не имѣютъ причинъ прятаться съ своими именами и убѣжденіями за разными лжеименами (псевдонимами), которыхъ мысль и чувство ясны, какъ безоблачное, полуденное небо, которыхъ девизъ—счастіе Россіи, процвѣтаніе православія, возрожденіе западнаго края; а тѣхъ, которыхъ имена, генеалогіи, національности, религіи покрыты «мракомъ» неизвѣности, которыхъ умъ и сердце соперничаютъ другъ съ другомъ въ мраколюбіи желаній, мыслей, стремленій.

Особая логика автора «Виленскихъ писемъ» всего нагляднѣй отразился въ «оригинальномъ» ихъ изложеніи. Это изложеніе такъ своеобразно, что его можно сравнить только съ изложеніемъ одного виленскаго публициста (Д. П.) и одного корреспондента «Виленскаго Вѣстника» изъ Москвы (Б.), часто воспоминаемаго г. N. Въ этихъ письмахъ мысли, чувства, представленія выдѣлываютъ такія быстрыя *salto mortale*, такія мудренныя комбинаціи, что слѣдить за ними, значитъ получить головокруженіе, а самыя грубыя противорѣчія составляютъ такой любимый приѣмъ сочиненія, что нѣтъ никакой возможности установить опредѣленный взглядъ на подлинное значеніе мысли и чувства г. N. Прочитавъ извѣстную тираду, думаешь себя: а вотъ чего хочетъ, что думаетъ г. N.! Но не тутъ-то было! «Эврика» оказалось преждевременнымъ: чрезъ нѣсколько писемъ, тирадъ, иногда строкъ, г. N толкуетъ уже совсѣмъ другое, радикально, то есть, себя противорѣчить. Въ однѣхъ, напр. мѣстахъ, онъ называетъ здѣшнихъ русскихъ «нетерпимыми фанатиками, изуверами», въ другихъ, на тѣхъ же людей русскихъ, мещетъ громы за ихъ «вѣроисповѣдную сживчивость, терпимость»; тамъ осыпаетъ русскихъ туземцевъ, самою площадною бранью за ихъ космополитизмъ «ополяченье», тутъ, какъ ни въ чемъ не бывало, элегическимъ тономъ уже вопіетъ: „напрасно мы оскорбляли людей, которые на самомъ дѣлѣ вынесли на шецахъ своихъ судьбы здѣшняго края“; то кричитъ: „я не

взываю къ примиренію съ поляками“, то (въ томъ же письмѣ) пренаивно увѣряетъ, что „цѣлью его (писемъ г. N) было, сказать *примиряющее* слово.“ Но можно ли исчислить всѣ противорѣчія, разсыпанныя на пространствѣ XV (!?!) длинныхъ-предлинныхъ писемъ человѣкомъ, который самоуувѣренно возвѣщаетъ: „последовательность — прежде всего“ (письмо XI), а въ другомъ мѣстѣ уже находитъ ее излишнею и безцеремонно утверждаетъ: „въ письмахъ можно быть и не последовательнымъ“ (письмо X) ?! Спасибо хоть за открытость!...

Мы сами чувствуемъ, что сдѣлали слишкомъ много чести „Виленскимъ письмамъ“ такимъ широкимъ и обстоятельнымъ на нихъ отвѣтомъ. Притомъ складъ и ладъ, какими отличаются эти письма, они заслуживали бы одно презрительное молчаніе, если бы въ нихъ не сказалось зло-вредное, хоть и злосчастно выполненное, намѣреніе, еслибъ онѣ не такъ были солидарны съ „Вѣстью“, „Новымъ временемъ“, „Народовою Газетой“, „Дзенникомъ Познанскимъ“ и проч.; еслибъ эти письма не прибавили и своего дѣтища къ той массѣ разныхъ уродливыхъ чадъ прессы, которая усиливается, въ послѣднее время, запутать очевидное дѣло, отвести очи общественнаго мнѣнія въ другую сторону и затормозить, по своимъ силамъ и средствамъ, великое и неотложное дѣло обрусѣнія западной Россіи.

Еще два-три слова лично къ вамъ, г. N. Вы думали, что буква N. составляетъ такое непроницаемое забрало, подъ которымъ можно являться невидимой когда угодно, гдѣ захочется, съ чѣмъ попало? Но вы слишкомъ довѣрчиво отнеслись къ этой буквѣ. Мы уже сказали выше, что знаемъ одного публициста (по его статьямъ) весьма похожаго на г. N., по складу своей логики; теперь категорически утверждаемъ, что этотъ публицистъ и г. N, какъ видно изъ статей, одна и таже личность. Стало быть мы узнали васъ, г. N, не „по когтямъ.“

IV.

Я Г А Й Л О.

Историческій романъ

Въ 4-хъ частяхъ.

продолженіе (*).

ЧАСТЬ 1-я ГЛАВА 1-я.

1370--1392 г.

К Е Р Н О В О

Былъ знойный удушливый лѣтній вечеръ. Залодящее солнце, на половину спрятавшееся на горизонтѣ, за зеленой опушкой лѣса, окрасило своими лучами старый керновской замокъ, въ блѣднооранжевый цвѣтъ. Въ воздухѣ пахло дымомъ и смолистой гарью. Съ рѣки Вилии, омывающей подножіе-горы, на которой построены замокъ, началъ подниматься легкій туманъ. На полянѣ, раскинувшейся противъ восточной части замка и поросшей густой и высокой травой,—тамъ и сямъ-слышались крики дергача и трескъ кузнечиковъ. Изъ лѣсовъ, окоймляющихъ Керновъ, доносились то пѣніе иволги и соловья, то ревъ звѣрей, то кваканье лягушекъ, во множествѣ обитающихъ въ болотахъ Литвы... Наконецъ послышался конскій топотъ, послѣ чего изъ дубовой рощи на дорогу, ведущую

*) См. Кн. 11 Вѣст. Зап. Россіи.

чрезъ поляну къ воротамъ замка, тихою рысью выѣхали нѣсколько всадниковъ, а за ними, чрезъ нѣсколько мгновеній, длинной вереницей потянулись пѣшие и конные вооруженные литовцы, жмудины и русины. Это уже были не тѣ полунагіе дикіе литовцы и кривичи, о которыхъ говорятъ лѣтописцы, современники Рингольда, Миндовга, Войшелка, Витенеса и другихъ литовскихъ князей, и весь костюмъ которыхъ состоялъ изъ невыдѣланной кожи зубра, лося, медвѣдя или волка, а единственнымъ оружіемъ были: простой лукъ, копье и тяжеловѣсная палица, въ оконечность которой забиты были острые кремни; но люди, усвоившіе себѣ общій видъ воина тогдашняго времени, повидимому, отчасти знакомые съ военной дисциплиной крестоносцевъ. И только жмудины, собравшіеся въ этотъ отрядъ изъ темныхъ болотистыхъ лѣсовъ нижней Литвы на зовъ Ольгерда, какъ узнаемъ послѣ, --рѣзко отличались по костюмамъ отъ литовцевъ и русиновъ, и еще напоминали своихъ пра-прадѣдовъ. Тѣ же звѣринныя головы вмѣсто сіяющихъ шлемовъ или татарскихъ остроконечныхъ шапокъ, какъ у прочихъ воиновъ, тотъ же лукъ, тѣ же палица, тѣ же грубыя сандалии, та же нагая грудь, вмѣсто желѣзныхъ латы --ну-точь въ точь-во времена самого Палемона, сказочнаго героя Литвы. Весь отрядъ, состоявшій, повидимому, изъ двухъ или трехъ тысячъ человекъ, двигался стройно и спокойно; это былъ сторожевой полкъ громаднаго войска, собраннаго Ольгердомъ изъ русско-литовскихъ владѣній, на помощь брату своему князю Кейстуту, давно ушедшему въ Пруссію и превратившему въ пепель крѣпость рыцарей Ортельсбургъ, и, въ свою очередь, окруженному со всѣхъ сторонъ прусскими рыцарями.

Воеводами въ сторожевомъ полку были два молодые князья: Ягайло Ольгердовичъ и Витовтъ Кейстутевичъ; они-то и ѣхали во главѣ всадниковъ, составлявшихъ изъ свиту, состоящую изъ бояръ и князей. Герои всего ро-

мана Ягаило Ольгердовичъ, ѣхавшій на ворономъ татарскомъ конѣ, былъ одѣтъ въ железные бранные доспѣхи; съади на снуркѣ въ безпорядкѣ спускалась на сѣдло мѣдвѣжья накидка шерстью вверхъ, по формѣ похожая на рыцарскую мантию, или на черкесскую бурку, съ той только разницей, что послѣдняя на половину короче ея. На головѣ моего георя надѣтъ былъ золотой шлемъ, украшенный дорогими камнями, игравшими на солнцѣ разноцвѣтными огнями. Изъ подъ приподнятаго забрала виднѣлся полуоткрытый узкій лобъ и два большіе голубые глаза, апатично смотрѣвшіе на крышу керновскаго замка. Лицо его, покрытое едва замѣтнымъ слоемъ дорожной пыли, носило на себѣ отпечатокъ усталости, изнѣженности и какой то болѣзненности, неграмонировавшей съ лѣтами и возрастомъ моего героя. Во всѣхъ движеніяхъ, въ складкахъ платья, даже въ поступи, лошади замѣтно было что ея сѣдокъ очень лѣнивъ и неловокъ. Да, герой моего романа Ягаило Ольгердовичъ, любимый своими родителями и въ особенности своей матерью, княгиней Ульяніей Александровною, былъ избалованъ и изнѣженъ ею до крайности, вслѣдствіе чего онъ сдѣлался безхарактернымъ, капризнымъ, лѣпвымъ и подозрительнымъ. Отъ природы онъ былъ угрюмъ и молчаливъ, ни съ кѣмъ онъ не входилъ ни въ споры, ни въ разсужденія, и всегда со всѣми во всемъ соглашался,—чѣмъ составлялъ при дворѣ о себѣ понятіе очень умнаго и дѣльного князя. Княгиня, мать его, видя его постоянно молчаливымъ и угрюмымъ, пришла къ заключенію, что онъ одаренъ громаднымъ умомъ и потому, возлагая свои надежды на него, какъ на единственнаго будущаго владѣтеля западной Россіи,—старалась окружать его придворными русинами, преимущественно тверскими, пріѣхавшими съ Ульяніей Александровной. Такъ напримѣръ, до 16 лѣтъ, Ягаило ежедневно по нѣсколькимъ часамъ учился грамотѣ, письменамъ и закону. Божію угодца архимандрита Давида, духовника в. к. Ульяніи, ос-

тальное же время проводилъ въ теремахъ матери своей, окруженный мамками, няньками, боярынями и сѣнными дѣвицами, которыя рассказывали ему разныя сказки, небылицы: о богатыряхъ, видѣнiяхъ, о кiевскихъ и новгородскихъ вѣдьмахъ, духахъ-добрыхъ и злыхъ, для которыхъ въ особенности не жалѣли черныхъ и красныхъ красокъ, о велшебникахъ и о всемъ чудесномъ, что такъ нравится дѣтямъ и чѣмъ сдѣлали Ягайлу робкимъ и суетвѣрнымъ . . . . Другiе его братья, за такое предпочтенiе ему отъ родителей, ненавидили его и зачастую упрекали и оскорбляли его. Но Ягайло и тутъ не возражалъ имъ, а только плакалъ, стучалъ ногами, кусалъ губы, и если ужъ очень сильныя оскорблѣнiя приходилось ему выслушивать, бился головою о лежанку и со слезами, въ испугѣ бросался къ матери и приносилъ жалобу на обидчиковъ. Разумѣется, сейчасъ же начиналась расправа, окончивавшаяся всегда не въ пользу подсудимыхъ, и въ особенности, если подсудимыя были дѣти Ольгерда, отъ первой его супруги княгини Марiи Ярославны. Въ этихъ случаяхъ, мочиха была жестокой къ своимъ пасынкамъ. И только Андрей Ольгердовичъ, старшiй сынъ Ольгерда, не подалъ въ эту категорiю, потому что самъ былъ удѣльнымъ княземъ полоцкимъ. Но за то мачиха уже заранѣе придумала планъ, какъ лишить его права-наслѣдника на отцовскiй престолъ,— въ пользу Ягайлы. . . .

Послѣ 16 лѣтъ, онъ очень часто бывая въ обществѣ отца и матери, иногда занимался ученiемъ ратнаго дѣла, а чаще всего ѣздилъ верхомъ въ антокольскiе лѣса на охоту за звѣрями, какъ говоритъ онъ своей матери, но на самомъ дѣлѣ онъ охотился за *рагутисницами* . . . . капище Рагутиса, кривичанскаго бога пьянства и веселья, которое вмѣстѣ со своимъ идоломъ, по повелѣнiю первой супруги Ольгерда, Марiи Ярославны, было перенесено въ антокольскую рощу, куда переселились и жрецы его, называемые отъ историковъ питiонниками, а также и жрецы

рагутисницы... а на томъ мѣстѣ, гдѣ было капище, построена церковь, называющая пятницу.

За этими-то рагутисницами и охотился Ягайло въ дѣбряхъ антокольскихъ лѣсовъ, а тамъ для подобной охоты было полное раздолье.... Но объ этомъ помолчимъ до времени, иначе намъ пришлось бы начинать другой романъ; скажемъ только, что въ этихъ случаяхъ всегда сопровождалъ Ягайлу его конюшій-дядька Войдыйло, который, постигнувъ всю безхарактерность Ягайлы, умѣлъ заискать его любовь, довѣренность и, что называется, влѣзъ къ нему въ душу. Оставаясь съ нимъ на единѣ, Ягайло повѣрялъ ему все то, что говорила мать, и однажды сообщилъ что будетъ великимъ княземъ всей Литвы и Руси послѣ отца, а не Андрей; Войдыйло, какъ смѣтливый хитрецъ, зналъ, что это сбудется и, разумѣется, началъ угрождать Ягайлѣ какъ только могъ, и всегда умѣлъ прикрывать настоящую цѣль охоты разными вымыслами. Пока о личности моего героя довольно, скажемъ теперь о его спутникѣ, Витовтѣ Кейстутьевичѣ, рядомъ ѣхавшемъ съ Ягайлой на бѣломъ конѣ. Какой контрастъ между обоими молодыми князьями! Сколько апатіи и болѣзненности на лицѣ Ягайлы, столько бодрости и энергіи на умномъ, полномъ жизни, лицѣ Витовта. Его пронизательные глаза горятъ боевымъ огнемъ, его щеки покрыты легкимъ румянцемъ, который касается его орлиного носа; что изобличаетъ въ немъ цвѣтущее здоровье, съ его полузапекшихся отъ дневнаго зноя устъ, не сходитъ добродушная улыбка. Его темные длинные волосы, выбивающіеся изъ подъ шлема, картинно ложатся по богатырскимъ его плечамъ. Росту онъ немного ниже Ягайлы,—но зато крѣпче и правильнѣе сложенъ. Одѣтъ онъ былъ почти также какъ и Ягайло, за малымъ исключеніемъ,—на шлемѣ его было бѣлое перо... Его лошадь, какъ будто чувствуя превосходство своего сѣдока надъ сосѣдомъ вороного спутника, бодро и горделиво поднимала свою голову,

надъ воронымъ конемъ. Между всадниками и отрядомъ, нѣсколько человекъ несли два знамени. На одномъ изъ нихъ, по голубому полю, вышитъ былъ большой восьмиконечный крестъ, съ какою то молитвой, на русскомъ церковномъ языкѣ и буквой: „Я“; на другомъ, древко котораго имѣло изображеніе змѣи, по ярко красному полю, вышитъ былъ Кавось, литовской богъ войны, а подъ нимъ русскими буквами написано: *стягъ великаго князя Витовта*“.

Отрядъ замыкали множество телегъ съ правизіей и разной утварью, необходимой при всякомъ ратномъ походѣ....

Доѣхавъ до глубокаго рва, находившагося передъ желѣзными воротами замка, воеводы приказали трубить. Одинъ конный латникъ, отдѣлившись отъ прочихъ, взявъ рожокъ, началъ трубить; звуки этого рожка понеслись далеко и, раскатываясь эхомъ по дремучимъ лѣсамъ, навели на душу какое то непріятное, тоскливое чувство, подобное тому, какое производитъ на насъ скрипъ немазанаго колеса. Стадо голубей, спокойно сидѣвшихъ на кровлѣ замка, взвилось на воздухъ и начало описывать круга...

Но вотъ загремѣли ключи внутри замка, отворились ворота его, опустился подъемный мостъ и на немъ явился предъ молодыми князьями весь, какъ лунь сѣдой, литовскій бояринъ, управитель замка, а за нимъ нѣсколько литовцевъ, составлявшихъ гарнизонъ керновскаго замка.

Благодарю боговъ за гостей знатныхъ, принесенныхъ съ востока; гдѣ царствуетъ вѣчно лѣто, намъ на радость, привѣтствовалъ князей, по литовскому обычаю, старый управитель замка, низко кланаясь и придерживая одною рукою боярскую дѣль, на которой висѣла татарская гривна.

Молодые князья, а за ними и свита ихъ, вѣхали чрезъ мостъ на площадку замка.

— Войдѣйло! Сними меня съ коня, сонливо сказалъ Ягайло.

Войдѣйло, находившійся позади Ягайлы, проворно соскочилъ съ своей лошади и, придерживая поводъ, снялъ съ сѣдла героя моего романа и поставилъ его на ноги. Это разсмѣшило Витовта; который, безъ всякой помощи, соскочилъ со своего коня и, потрепавъ по его потной шеѣ, отдалъ поводъ своему конюшему.

Ягайло Ольгердовичъ, замѣтивъ смѣхъ на лицѣ Витовта, сначала немного смутился, потому что онъ зналъ, что Витовтъ безъ причины никогда не смѣялся, а потомъ, самъ безсознательно засмѣявшись, обратился къ Витовту.

— Витовтъ! съ кого ты смѣешься? Спросилъ онъ у него.

— Съ тебя Ягайло, ты, словно изнѣженная баба, а не витязь... Русскій повойникъ тебѣ слѣдовало бы надѣть на голову, вмѣсто рыцарскаго шлема, отвѣчалъ Витовтъ.

— А что же? обидѣвшись, спросилъ Ягайло.

— Да то, что самъ съ лошади соскочить не можешь...

— Да, кольчуга и броня тяжелы...

— Полно!... кольчуга тяжела!.. Не на войну тебѣ ходить бы, а... Витовтъ хотѣлъ продолжать, но посмотрѣвъ на Ягайлу, снова засмѣялся и замолчалъ.

— Договаривай, сказалъ Ягайло.

— Полотна теать, да пряники тверскіе есть, договорилъ Витовтъ и замолчалъ. Ягайло прикусилъ губы, наступило долгое молчаніе.

— Ну что жеты замолчалъ?... Распорядись дружинниками-то,—гдѣ и кому ночлегъ держать: всѣмъ ли въ замѣѣ, или только пѣшимъ... Да пойдѣмъ въ хоромы, мнѣ есть хочется, сказалъ Витовтъ.

— Распоряжайся, братъ, какъ хочешь,—не чинись сомной; ты больше моего смыслишь въ ратномъ дѣлѣ, отвѣчалъ Ягайло, стараясь не смотрѣть на Витовта.

Витовтъ Кейстутьевичъ приказалъ вождямъ поставить пѣшихъ латниковъ на ночь въ замокъ, а для конныхъ разбить шатры по окраинамъ поляны и на средину ея пустить на ночь связанныхъ по ногамъ лошадей на подожный кормъ, пошелъ съ братомъ своимъ Ягайлой за управителемъ замка въ хоромы; за ними понесли ихъ знамена, а также послѣдовали нѣсколько бояръ изъ свиты.

Не болѣе какъ чрезъ часъ, въ довольно обширной комнатѣ, передѣланной изъ нѣкогда бывшей при Кернусѣ языческой божницы,—въ память чего въ нишѣ между оконъ, выходившихъ на рѣку Вилію, поставленъ былъ домашній маленькій Перкунусъ,—за столами сидѣли на скамейкахъ, покрытыхъ коврами, Ягайло и Витовтъ, а съ ними свита ихъ и всѣ вожди сторожеваго полка. Судя по ломтямъ и крошкамъ хлѣба, а также по остаткамъ печеной говядины и обглоданнымъ костямъ, въ безпорядкѣ валявшимся на столѣ,—видно было что походный ужинъ только что окончился. Раскраснѣвшія лица присутствующихъ, шумныя веселыя рѣчи ихъ, пустые кубки и запахъ романей изобличали въ этой бесѣдѣ присутствіе Рагутиса, бога пьянства. Даже самъ герой моего романа—Ягайло Ольгердовичъ, умытый и причесанный, наполовину пригубилъ свой кубокъ, отъ чего щеки его зардѣлись маковымъ цвѣтомъ и развязался языкъ. Только Витовтъ Кейстутьевичъ ничего не пилъ, его кубокъ стоялъ полный, онъ даже не дотрогивался до него. Онъ очень мало ѣлъ и во все время ужина не обращалъ никакого вниманія на окружающихъ и ихъ веселый разговоръ. Опершись одною рукою на столъ, онъ весь отдался крѣпкой думѣ, которая несла его къ берегамъ Нѣмана въ Пруссію,—туда,—гдѣ находится обожаемый имъ отецъ его Кейстуть Гедминовичъ.

Въ то время управитель замка, находившійся тоже за столомъ, всталъ съ своего мѣста и, подойдя къ Витовту, низко поклонился ему.

— Княже милостивый! Зачѣмъ ты раньше времени

омрачаешь взоръ свой думой и грустью? Твой отецъ, нашъ великій литовскій кунигасъ, Кейстутъ Гедиминовичъ не въ плѣну еще у поганцевъ, а только въ осадѣ. Наши дружины подоспѣютъ и его выручатъ. Горевать пока еще нечемъ. Отвѣдай лучше романей, она старая, дѣдовская, всю кручину какъ рукой сниметъ, говорилъ управляющій замкомъ, подвигая къ нему непочатый кубокъ.

— Благодарю тебя, бояринъ, за утѣшеніе; пусть слова твои слышать боги; романей я пить не буду,—я отъ рожденія ни чего хмѣльнаго въ ротъ не беру. Подчивай лучше дружинниковъ—то нашихъ,—ласково отвѣчалъ Витовтъ.

— Ты не горюй, Витовтъ; мы дядю выручимъ, сказалъ Ягайло.

Витовтъ посмотрѣлъ на Ягайлу и снова засмѣялся,—грусть исчезла съ лица его.

— Ягайло нахмурилъ брови.

— Ну, ну, не сердись! вѣдь ты самъ просилъ меня быть повеселѣе, такъ и не сердись, когда я смѣюсь сказалъ Витовтъ, обнимая Ягайла и, наклонившись къ уху, шепотомъ сказалъ: пойдѣмъ со мной.

— Куда? Тоже шепотомъ спросилъ его Ягайло

— Куда поведу, туда и пойдѣмъ, отвѣчалъ также Витовтъ.

— А Войдылу можно взять? Спросилъ Ягайло у Витовта.

— Нѣтъ, провожатыхъ не нужно; я самъ дорогу знаю въ липовую рощу къ божницѣ Паяты.

— Къ божницѣ Паяты?

— Чего жъ ты испугался?

— Ночью въ лѣсъ?... Вѣдь ужъ солнце зашло, здѣсь звѣрей много, да и страшно двоимъ; возьмемъ Войдылу...

— Нельзя, это тайна, которую я съ тобою должны хранить... Изъ липовой рощи мы еще пойдѣмъ въ одно мѣсто, заключилъ Витовтъ и, вставъ съ своего мѣста,

обратился ко всѣмъ бесѣдующимъ: „Любезная моя мать, княжна Бирута, прощайся со мной, наложила на меня завѣтъ, когда я прибуду въ Керново, сходить въ липовую рощу и, сдѣлавъ въ храминѣ Пяты обильныя жертвы, вызвать духъ ея черезъ вайделотовъ и спросить объ участи нашего ратнаго похода... Жертвы я уже давеча отправилъ и самъ иду сейчасъ; пируйте бояре безъ меня,—сказалъ Витовтъ, надѣвая шлемъ и смотря на Ягайло.

— Ну?! снова обратился къ нему Витовтъ.

— Идемъ, нерѣшительно сказалъ Ягайло, и надѣвъ шлемъ, всталъ съ своего мѣста.

Витовтъ Кейстутьевичъ, приказавъ управляющему замка не жалѣть для пирующихъ романей и выкатить нѣсколько бочекъ аллусу для латниковъ — пѣшихъ и конныхъ, вышелъ съ Ягайлой изъ комнаты, въ сопровожденіи управляющаго замкомъ.

ГЛАВА 2-я.

Липовая роща и духъ Пяты *).

Выйдя изъ замка, Ягайло Ольгердовичъ и Витовтъ Кейстутьевичъ, свернули налѣво и по довольно узкой тропинкѣ, ведущей въ лѣсъ, — пошли ускореннымъ шагомъ. Направо у нихъ оставалась луговина, на окраинахъ которой конные латники расположились бивуакомъ. Пылающіе груды, вокругъ которыхъ стояли, сидѣли и лежали латники и жмудины, освѣщали окрестность какимъ-то таинственнымъ огнемъ. Со всѣхъ сторонъ неслись звуки русской или литовской пѣсни. Кривичи и литовцы, современники Ягайлы, очень любили пѣніе; дѣло, скорбь, веселіе, обрядъ, кровавый бой,— все это имѣло свои пѣсни.... Ягайло и Витовтъ сперва шли молча. Бѣлос, лослившееся

---

*) Другая липовая роща была вблизи Дисны, на берегу рѣки Двины,—тамъ тоже вызывали духъ Пяты. (Авторъ).

отъ огня перо, на шлемѣ Витовта, привлекло къ нему множество летучихъ мышей; онѣ кружились надъ головой его и испускали самые неприятные пискливые звуки.

— Экъ ихъ какую тьму пришло... Точно рой пчелъ, замѣтилъ Ягайло и, вынувъ свой мечъ изъ ножемъ, началъ отмахиваться отъ летучихъ неприятелей; Витотъ захохоталъ.

— Что тебѣ смѣшно? Спросилъ Ягайло.

— Ты съ такой отвагой отбиваешься отъ летучихъ мышей, что другой подумаетъ, крестоносцы съ тобой дерутся, сказалъ Витотъ.

— Да вѣдь они больно кусаются.

— Ну опусти забрало, не укусятъ... А если и укусятъ, что за бѣда?

— Какъ что за бѣда? А лицо испортятъ...

— Ну такъ что жъ?... Ты, чай, не баба?!

— Лицо должно беречь, потому, что оно есть образъ и подобіе Божіе, — сказалъ Ягайло.

— Ты посмотри на самага Атримпоса: его величаютъ красавцемъ, а есть ли у него сходство съ нами?—Спросилъ Витотъ.

— Я не объ Атримпосѣ говорю...

— О комъ же?

— Ты не поймешь меня....

— Напротивъ, пойму. Ты христіанинъ, а я язрычникъ, ты вѣруешь въ своего Бога, а я въ своего....

— Ты послѣ смерти прямо попадешь въ смолу кипучую, сказалъ Ягайло.

— Куда?

— Въ смолу кипучую.... въ адъ кромѣшный, гдѣ самъ сатана раскаленными кошнами будетъ прижигать твое тѣло...

— А ты почему знаешь, что я тамъ буду?

— Всѣ поганцы вашей вѣры, туда идутъ.

— Кто это тебѣ сказалъ? продолжая, — спросилъ онъ.

— Тотъ кто поумнѣ тебя,—отвѣчалъ Ягайло.

— Мать твоя, да тверскіе холопы тебя вѣрно этому научили?

— Архимандрить, отецъ Давидъ.

— Онъ тоже тверитянинъ.

— Ну такъ что жъ? Онъ поумнѣ криве-кривейты будетъ. Ты самъ посуди, развѣ истуканы что нибудь понимаютъ, развѣ деревянный Перкунусъ—Богъ?

— Это я, братъ, слыхалъ раньше тебя, отъ русскихъ.

— Ну ладно... сказалъ Ягайло и махнулъ рукою съ неудовольствіемъ.

— Я бы тебя заставилъ послушать рѣчей моей матушки Бируты и твоей тетухки, ты бы не то заговорилъ....

— Ну ладно... У меня есть своя мать—нехуже твоей... Роду то и познатнѣ будетъ.

— Твоя мать христіанка.

— Ну такъ что жъ?

— Она все на свою руку гнетъ.

— А твоя на свою... сердито проворчалъ Ягайло.

— Моя мать...

— Да ладно... отстань ты... перебилъ его Ягайло.

Оба молча продолжали путь.

— Ну если бы живъ былъ дѣдушка Гедиминъ, онъ тебѣ задалъ бы за такія рѣчи, со вздохомъ сказалъ Витовтъ, прерывая первый молчаніе.

— Отстань,—я тебя сказалъ, замѣтилъ Ягайло.

— Мнѣ все равно, нашей ли ты вѣры, нѣтъ ли, я говорю тебѣ то, что народъ говоритъ, заключилъ Витовтъ.

— Какой народъ, русскіе? Спросилъ Ягайло.

— Нѣтъ, литовцы и жмудины...

— А что они говорятъ?

— Да ругаютъ тебя, всѣ жрецы, сигоноты, криве,—вездѣ проклинаютъ тебя...

— А что же отъ этого проклятія будетъ мнѣ? Громъ, что ли убьетъ...

— Нѣтъ, громомъ Перкунусъ убиваетъ только того, кого онъ любитъ и послѣ смерти беретъ къ себѣ на калнось вѣчнаго счастья...

— А отецъ Давидъ говоритъ совсѣмъ другое. Послушай-ка.

Ну нѣтъ, братъ Витовтъ, я много видалъ колдуновъ и знахарей, хорошо знаю ихъ, а отецъ Давидъ святой человѣкъ...

— Ну ладно, ладно... Ты мнѣ лучше скажи, куда ты вседешь меня?

— Къ божницѣ Паяты, въ липовую рощу.

— Что мы тамъ будемъ дѣлать?

— Я принесу жертву и потомъ чрезъ вайделотокъ вызовемъ духъ Паяты...

— Покойницу?

— Ну да... А ты ужь робѣть началъ?... Эхъ ты баба!...

— А кто эта Паята, такая?—спросилъ Ягайло.

Витовтъ остановился, и посмотрѣвъ на Ягайлу, сказалъ:

— Ты развѣ не знаешь кто Паята?

— Не знаю.

— А еще сынъ литовскаго короля!...

— Ну да ладно, ты лучше расскажи кто была Паята.

— Паята была дочь Кернуса, владѣтеля верхней Литвы, отъ него и Керново получило названіе. Потомъ Паята была женою вилкомирскаго князя Зивибунда и отъ него родила сына Куковойтиса. Послѣ смерти своего мужа, Паята сдѣлалась вайделоткой и въ этой липовой рощѣ построила себѣ храмину и всю жизнь радѣла нашимъ богамъ. Со всѣхъ сторонъ Литвы стекались къ ней литовцы и жмудины, больные и увѣчные получали исцѣленіе, бѣдные подаваніе, воины смѣлость и храбрость, сироты утѣшеніе, — всѣмъ она была матерью и боги взяли ее на скалу блаженства; прахъ ее сожгли со всѣми живыми вайделотками, которыя служили ей, и на берегу озера Жосла насыпали могильный курганъ, куда поставили жальникъ съ

остатками святой Палты и съ тѣхъ поръ *), народъ честить ее и приносить жертвы ей въ этой рощѣ, сказалъ Витовтъ, показывая рукою на темнѣющуюся рошу.

— Знаешь что Витовтъ?

— А что?

— Иди ты одинъ, а я пойду назадъ въ замокъ... Мнѣ что-то скучно дѣлается,—сказалъ Ягайло.

— Ужь не боишься ли ты?—спросилъ Витовтъ.

— Да право не знаю, только мнѣ какъ будто страшно... Вѣдь ты знаешь, что съ покойниками шутить нельзя.

— Какія же шутки? Я благоговѣніемъ вызову тѣнь ея и спрошу ее о нашемъ ратномъ походѣ, чѣмъ онъ кончится? Да ты не бойся, ничего, я уже не одинъ разъ бывалъ здѣсь въ божницѣ и въ пещерѣ...

— И видалъ тѣнь Палты?

— Видалъ.

— Что же она тебѣ сказала?

— Мало ли что она говорила, только все, что она говорила, все исполнялось такъ, какъ сказано было...

— Право мнѣ страшно, Витовтъ...

— Мужайся и крѣпись, можетъ она тебя на путь истинный наставить, тогда ты и будешь угоденъ богамъ нашимъ, а то теперь на тебя стыдно литовцу смотрѣть... Ты вонъ въ храмѣ Перкунуса въ Вильнѣ, три дня тому назадъ, на общемъ молебствіи о счастливомъ походѣ и на великихъ жертвахъ, куда посланъ былъ съ дружинниками-литовцами своимъ отцомъ,— ты стоялъ какъ палка, не падалъ ницъ во время лелованій, а только смотрѣлъ на одну пригожую вайделотку.... Не хорошо, Ягайло, литовцы за это не любятъ тебя. Коли ты не вѣришь нашимъ богамъ, по крайней мѣрѣ не издѣвайся надъ ними, скрывай свое христіанство отъ литовцевъ.

— За то я молился усердно о благополучномъ походѣ

*) Это было въ 1220 году.

и о спасеніи твоего отца , въ Пятницкой церкви, — перебилъ его Ягайло.

— Въ Пятницкой церкви и я съ дядей Ольгердомъ былъ, да не смѣялся же надъ христіанскими обрядами, не подымалъ глазъ на верхъ, гдѣ стояли хорошенькія дѣвицы и жены боярскія, — замѣтилъ Витовтъ.

Между прочимъ, въ это время они уже были на окраинѣ лѣса, въ влажномъ воздухѣ запахло липовымъ цвѣтомъ.

— Ну вотъ мы и въ рошѣ Паяты, — сказалъ Витовтъ.

— А далеко божница, — спросилъ Ягайло, слѣдуя за Витовтомъ.

— Не далеко... Вонъ блеститъ огонекъ, это горитъ въ божницѣ неугасаемый Зничъ.

Оба молча пошли по извиистой дорогѣ. Ночная мгла, царившая въ чащѣ лѣса, совершенно сокрыла ихъ. Подъ ногами ихъ хрустѣли сухіе сучья, чѣмъ производили легкій гулъ по рошѣ.

— Ну вотъ и божница, — сказалъ Витовтъ, выходя на небольшую луговину и показывая рукою на деревянные строснія, окруженныя деревяннымъ заборомъ, у воротъ которыхъ шумѣлъ старый дубъ. Витовтъ, предварительно наклонившись передъ дубомъ, всталъ и постучалъ въ ворота.

— Кто тамъ? — Спросилъ женскій голосъ за заборомъ, по литовски.

— Вѣрные слуги боговъ нашихъ : Витовтъ и Ягайло, — сказалъ Витовтъ.

Ворота отворились и нашихъ молодыхъ князей встрѣтили шесть вайделотокъ съ зажженными головнями и съ пѣніемъ обрядной пѣсни.

— Давеча я послалъ съ моимъ дядкой очистительную жертву и также ублажающую, приняли ли ихъ наша боги и дозволяютъ ли намъ войти въ святую хранину? — Спросилъ Витовтъ.

— Приняли милостиво и дозволяютъ войти въ храмину, — отвѣчала одна изъ вайделотокъ.

Витовтъ и Ягайло пошли за вайделотками на небольшой холмъ, на которомъ стояла храмина Паяты. Она была безъ крыши, по срединѣ ея на пьедесталѣ, стоялъ металлическій истуканъ Паяты, предъ нимъ, въ довольно глубокой каменной ступѣ, пылалъ неугасимый Зничъ. Прямо, противъ единственнаго входа въ трехъ стѣнныхъ нишахъ, стояли литовскіе языческіе истуканы: Первупусъ, Атримпасъ и Пеклосъ. Направо у входа лежали дубовыя дрова, незамѣнимое топливо Знича. Полъ былъ усыпанъ пахучими травами и цвѣтами.

Въ храминѣ, кромѣ шести вайделотокъ, встрѣчавшихъ молодыхъ князей, находилось еще восемь съ зажженными головнями и кадильницами, изъ которыхъ курился янтарь, въ изобиліи находившійся на Жмуди.

— Радуйся, прекрасная княгиня наша, Паята! на поклоненіе къ тебѣ пришли два молодыхъ литовскихъ князя, — сказала одна изъ шести вайделотокъ, входя въ храмину и преклоняясь передъ истуканомъ.

Витовтъ тоже послѣдовалъ ея примѣру, только Ягайло, ставъ на одномъ мѣстѣ, началъ озираться на всѣ стороны и съ робкою недоувѣрчивостью остановилъ свой взглядъ на истуканъ.

Вайделотки общимъ хоромъ заѣли обрядную пѣсню и начали прыгать и плясать вокругъ истукана, припѣвая лелованіе. Витовтъ, павъ передъ идоломъ на колѣна, началъ усердно молиться; а Ягайло началъ смотрѣть на вайделотокъ.

Но вотъ лелованіе кончилось; старшая вайделотка подошла къ Витовту.

— Встань, князь, и приближься къ святому изображенію Паяты. Духъ ея тебѣ сейчасъ повѣдаетъ, какъ кончится ратный походъ. Витовтъ всталъ и, наклонивъ почти-

тельно свою голову, подошелъ къ пьедесталу, на которомъ стояла бронзовая Паята.

— Внемлите, мои зестры, словамъ нашей богини,— сказала старшая вайделотка и всѣ прочія пали низъ. Ягайло тоже было нагнулся, но потомъ видя, что Витовтъ и старшая вайделотка стоятъ, размыслилъ лучше стоять.

— Прекрасная богиня наша! умилостивись обильными жертвами, княземъ Витовтомъ тебѣ принесенными и, ради его безграничной любви къ нашимъ богамъ, сойди съ калнаса вѣчнаго счастья въ твое святое изображеніе и повѣдай ему о благополучномъ окончаніи похода,—торжественно сказала старшая вайделотка, простирая руки передъ истуканомъ.

Наступило молчаніе, всѣ притаивъ дыханіе, ждали предсказаній Паяты.

— «Витовтъ! Твой отецъ Кейстуть будетъ спасенъ. На помощь нашимъ дружинамъ приспѣветъ самъ Кавасъ. Иди и передай мои слова своей дружинѣ,» — сказалъ какой-то пріятно-гармоническій голосъ, выходившій изъ устъ истукана.

Витовтъ снова палъ низъ и началъ шептать какую-то языческую молитву. Вайделотки встали и запѣли лелованіе. Ягайло же, услыхавъ слова отъ идола, смутился сначала, потомъ почувствовалъ какое-то пріятное опьяненіе. Онъ часто слыхалъ отъ отца Давида, что идолы языческіе говорятъ словами—демоновъ и что падшіе ангелы имѣютъ постоянное пребываніе въ нихъ; но въ голосъ, исходившемъ изъ истукана, было много звуковъ давно ему знакомыхъ; онъ гдѣ-то ихъ прежде слыхалъ, но гдѣ именно, припомнить не могъ; только звуки эти проникали прямо въ его сердце и заставляли его радостно биться... Устремивъ свои глаза на голову истукана, онъ чего-то ждалъ и надѣялся услышать еще что-то...

Но вотъ Витовтъ всталъ и, обратившись къ старшей вайделоткѣ, сказалъ :

— Можно ли видѣть тѣнь Паяты?

— Боги наши и Паята милостивы къ тебѣ и дозволяютъ войдти въ святую пещеру, — отвѣчала вайделотка.

— И моему спутнику можно? — Спросилъ Витовтъ, показывая на Ягайлу.

— Пусть сперва очиститъ себя какой нибудь жертвой, — отвѣчала вайделотка.

— Ягайло! дай что нибудь, хоть это кольцо, — шопотомъ сказалъ ему Витовтъ, показывая глазами на указательный палецъ Ягайлы, на которомъ былъ надѣтъ драгоценный перстень.

Ягайло повиновался, и снявъ перстень съ руки, отдалъ его вайделоткѣ, а она положила его къ ногамъ истукана.

— Теперь пойдѣте, — сказала вайделотка, выходя изъ хранины Паяты. За ней послѣдовали Витовтъ и Ягайло.

Пылающая головня, которую держала старшая вайделотка, освѣщала путь идущимъ.

Они пошли мимо строеній, въ которыхъ царствовали тишина и мракъ, и потомъ, минувъ ихъ, подошли къ небольшому возвышенію, у подножія котораго лежалъ большой камень. Подойдя къ нему, вайделотка стукнула по нему три раза, и камень мгновенно провалился, а на мѣсто его появилась деревянная лѣстница. Вайделотка первая спустилась по лѣстницѣ въ святую пещеру Паяты; за ней послѣдовали Витовтъ и Ягайло. Герой моего романа былъ страшно блѣденъ. Нерѣшительность и страхъ ползли по его лицу и перемежались какою-то тоскливостью.

Сойдя внизъ, всё трое очутились въ довольно обширномъ подземномъ помѣщеніи, или вѣрнѣе выразиться, влажной галлерей, воздухъ которой былъ пропитанъ какими-то благоуханными веществами. Направо и налево, по стѣнамъ пещеры, были сдѣланы изъ янтаря спиральные узоры или, быть можетъ знаки. Въ глубинѣ же противъ входа видѣлась цѣлая амфилада галлерей, тускло освѣщенныхъ ночниками, которые стояли въ небольшихъ углубленіяхъ,

сдѣланныхъ въ стѣнахъ подземныхъ галлерей. Вдали мерцалъ какой то блѣдно—голубой свѣтъ, вовсе непохожій на свѣтъ ночниковъ и головни.

Вайделотка, подойдя къ входу ведущему въ галлерею, опустилась на колѣна и, поднявъ руки вверхъ, сказала громкимъ и полнымъ страха голосомъ. Прекрасная княгиня, Паята! Умилившись надъ двумя защитниками родной земли,—явись имъ,—они желаютъ видѣть тѣнь твою. Сказавъ это, вайделотка пала ницъ.

Черезъ нѣсколько минутъ,—оттуда гдѣ блистала блѣдно—голубой свѣтъ, начало двигаться что то бѣлое. Постоянно приближаясь къ двумъ молодымъ князьямъ, это что то бѣлое все болѣе и болѣе принимало очертаніе человѣческой фигуры и наконецъ Витовтъ и Ягайло ясно увидѣли женщину, одѣтую въ костюмъ вайделотки, — даже звонъ дѣвичьихъ бубенчиковъ началъ долетать до нихъ. Витовтъ сталъ на колѣна, а Ягайло зажмурилъ глаза. Въ это время изъ амфилады галлерей долетѣли до нихъ стройные звуки языческой—обрядной пѣсни.

Ягайло наклонился къ Витовту и не открывая глазъ, шепотомъ спросилъ его: кто это поютъ?

— Это поютъ вайделотки, сожженные вмѣстѣ съ прахомъ Паяты, отвѣчалъ Витовтъ. При этомъ Ягайло нечаянно открылъ глаза, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидѣлъ тѣнь Паяты... Но вмѣсто ужаса, чего слѣдовало ожидать отъ его робкой и суевѣрной природы, на лицѣ его, при видѣ Паяты, изобразилось радостное изумленіе. Онъ даже чуть чуть не вскрикнулъ отъ неожиданности. Дѣло въ томъ, что тѣнь Паяты предстала предъ нимъ въ образѣ молоденькой, хорошенькой вайделотки, которую онъ видѣлъ въ Вильнѣ, въ храмѣ перкусуса и на которую, по словамъ Витовта, смотрѣлъ во все время жертвоприношеній. Тотъ же высокой ростъ, тѣже роскошная свѣжесть и молодость, тѣже черные какъ смоль глаза, такіе же волосы, картинно разбросавшіяся по ея

бллой шейкѣ, таже ослѣпительная бѣлзна кожи, таже страстная улыбка скользящая на розовыхъ губахъ, тотъ же темный пронизательный взглядъ, таже маленькая соблазнительная ножка, одѣтая въ легкія сандалы и до колѣнь обнаженная... Тоже пятнышко на лилейной щеке ну точь—въ точь она," подумалъ Ягайло.

— Глаза ихъ встрѣтились и Ягайло впился взоромъ своимъ въ духъ Паяты. Герой моего романа видитъ, какъ по лицу тѣни волнообразно пробѣжала розовая краска, какъ подымается ея грудь; онъ слышитъ дыханіе ея и стукъ сердца... Къ довершенію изумленія на однопъ-ны пальцехъ Паяты онъ узнаетъ свой многоцѣнный перстень, только что принесенный въ жертву въ храминѣ Паяты... Ягайло обезумѣлъ и схватился за голову. Прошло еще нѣсколько минутъ въ созерцаніи призрака, потомъ огни въ нишахъ погасли и Паята исчезла такъ быстро какъ будто бы въ одно мгновеніе провалилась сквозь полъ, чин ушла въ стѣну; — оставивъ послѣ себя въ сердце Ягайлы цѣлую бурю... Послѣ того какъ погасли огни въ нишахъ и исчезла Паята, вайделотка встала и съ пылающей головой подошла къ выходу. На лицѣ ея была написана благоговѣйная торжественность.

— Витовтъ тоже всталъ и пошелъ за вайделоткой, только Ягайло не трогался съ мѣста, онъ все смотрѣлъ туда, гдѣ за минуту передъ тѣмъ стояла Паята—и видѣлъ теперь царя тайнствѣнный мракъ.

— Ягайло! Окликнулъ его Витовтъ.

— Ягайло встрепенулся и, придя въ себя, оглянулся назадъ.

— Что тебѣ? спросилъ онъ Витовта.

— Пойдемъ, пора... сказалъ Витовтъ.

— Ягайло повиновался и вмѣстѣ съ Витовтомъ вышелъ на лѣстницѣ изъ пещеры на верхъ. Последнею вышешъ-ше пещеры вайделотка, вслѣдъ за ней лѣстница сама спускалась внизъ, а на мѣсто ея снова явился камень, закрытый

ній вхѣдъ въ святую подземную керновскую катакомбу.

Когда Витовтъ и Ягайло подошли къ храминѣ Пааты, ихъ снова встрѣтили вайделотки и опять съ пѣніемъ. Въ воротахъ обители Пааты, старшая вайделотка прочла молодымъ князьямъ цѣлое напутственное слово и заключала его тѣмъ, что ратный походъ увѣнчается успѣхомъ.

— Молодые князья откланялись и вышли за ворота, которыя сейчасъ же по уходѣ ихъ затворились. Но лишь только успѣли князья сдѣлать нѣсколько шаговъ по извилистой тропѣ, какъ вдругъ изъ задревьевъ вышло множество вайделотовъ съ зажженными головнями и кадильницами. Во главѣ вайделотовъ, былъ керновскій крече изъ Ромновѣ, которое находилось въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ храмины Пааты. Молодымъ князьямъ снова пришлось выслушать пѣніе обрядныхъ пѣсень и напутственную рѣчь отъ крече. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что вайделоты и крече обращались только къ Витовту, а не къ Ягайлу... Покончивъ съ вайделотами и принявъ благословеніе отъ крече, Витовтъ, а за нимъ и Ягайло отправились далѣе.

— Хвала богамъ нашимъ! Все предвѣщаетъ хорошій конецъ похода. Паата явилась сего дня молодою и въ бѣлой одеждѣ; это знакъ благополучія, заключилъ Витовтъ, продолжая путь.

— А знаешь что Витовтъ? Эта Паата черезчуръ ужъ похожа на одну вайделотку въ Вильнѣ, въ храмѣ Перкуна, сказала Ягайло,— находясь въ какомъ то восторженномъ состояніи.

— Закни ротъ ты съ своей вайделоткой. Тѣнь Пааты развѣ можно сравнивать съ гулящей дѣвкой! Сердито рѣшилъ Витовтъ.

— А развѣ та вайделотка гулящая? Спросилъ наконецъ Ягайло.

— А Ты какъ думаешь? ... Намъ самъ крече-кречебно въ этихъ дѣлахъ помогаетъ, отвѣчалъ Витовтъ.

— Такъ вотъ ваши вайделотки какія!! сказалъ Ягайло и громко засмѣялся.

— Витовтъ повялъ свою ошибку и спохватился, но поздно: въ порывахъ негодованія на Ягайлу за сравненіе какой то вайделотки съ тѣнью Пааты,—онъ нехотя очернилъ чистыхъ дѣвъ, — служительницъ знича и богини Прауримы и, съ досады на самого себя, закусилъ до крови свои губы. Витовтъ былъ сынъ Бируты, бывшей нѣкогда тоже вайделоткой; стало быть, въ лицѣ райделотки, онъ оскорбилъ мать свою. Такое сознаніе было для него хуже ножа обоюдоостраго—тѣмъ болѣе, что Ягайло продолжалъ какъ то особенно дико хохотать.

— Замолчи ты, Ягайло! крикнулъ въ гнѣвъ Витовтъ, да такъ крикнулъ, что герой моего романа схватился за ручку своего меча. Оба замолчали и черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого вышли изъ липовой рощи на луговину, на которой находился бивуакъ ихъ конныхъ воиновъ.

Витовтъ—любимецъ своей матери, бывшей жрицы въ Полунгѣ былъ воспитанъ въ ея правилахъ и потому сдѣлался рьянымъ язычникомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что видѣлъ дѣйствительно святую тѣнь Пааты и слышалъ ея вѣщія слова,—которыя по ея приказу спѣшили передать своей дружинѣ. Для этого онъ пошелъ по окраинѣ поляны и у cadaго пылающаго грудка передавалъ толпившимся ратникамъ слова Пааты, не разбирая—были ли это литовцы, жмудины или русскіе. Оглушительный радостный вликъ былъ вездѣ отвѣтомъ литовцевъ и жмудиновъ на слова Витовта, да и русскіе отъ нихъ не отставали. Последніе не менѣе первыхъ обрадовались такой вѣсточкѣ: въ тѣ времена христіане русскіе, не только простые, но и сами бояре и князья, были въ высшей степени суевѣрны, вѣрили въ чары волшебницъ, боялись колдуновъ, слушали предеказанія знахарей, имѣли на каждый случай свои предразсудки и, оставаясь христіанами, въ тоже вре-

и были непрочь отъ языческихъ суевѣрій. Паята же была самою популярной, доброй богиней.

— Обойдя весь бивуакъ, Витовтъ и Ягайло направилсь въ замокъ, гдѣ первый сейчасъ же передалъ пѣвчимъ латникамъ все то, что говорилъ коннымъ и тутъ же, какъ и на луговинѣ, радостный кликъ заглушалъ послѣднiя слова Витовта.

— Послѣ этого, молодые князья отправились въ хоромы, гдѣ оставленная свита ихъ продолжала шумно пировать за большими кубками романей. При входѣ въ хоромы на порогъ встрѣтилъ ихъ управитель замка съ поклономъ; Витовтъ, поклонившись управляющему, махнулъ рукой на присутствующихъ и все смолкло. Ставъ на скамейку, онъ сообщилъ своей свитѣ слова Паяты, всѣ встали и, махая мечами, закричали:—смерть нѣмцамъ, смерть хищнымъ ястребамъ!!

ГЛАВА 3-я.

Паята избавительница.

Сквозь слюдястое небольшое окно въ комнату, одной изъ башенъ Керповскаго замка, тускло пробивалась утренняя лѣтняя заря. На одной лѣжанкѣ, устланной медвѣжьими шкурами, спрятавши на половину лицо свое на мягкомъ пушистомъ изголовьи спалъ сладкимъ и крѣпкимъ сномъ Витовтъ Кейстutowичъ, укутанный въ легкое покрывало. Противъ его на другой лежанкѣ также устланной медвѣжьими шкурами покоился Ягайло Ольгердовичъ, глаза его были открыты и блуждали по всей комнатѣ; руки его закинутаы были на изголовье подъ голову; покрывало сброшено на полъ... Дыханiе его было неровно и тяжело,— во всемъ даже въ непринужденно-раскинувшейся позѣ замѣтно было, что сонъ бѣжитъ отъ моего героя. Да, онъ не спалъ, предъ нимъ носился образъ высокой красивой молодой дѣввы, которую онъ видѣлъ въ

Видишь въ храмъ Перкуна—вайделоткой и въ керновской подземной пещерѣ призракомъ Паяты. Странное и непонятное для него совершалось въ эту ночь съ нимъ. Онъ былъ временами то въ огнѣ, то во льду; подобное невормальное положеніе, сопровождалось неравною лихорадочною дрожью. Сердце его сильно билось и то тоскливо замирало, то радостно трепетало. Паята, какъ призракъ и какъ очаровательная виленская вайделотка овладѣла имъ вполне и не давала ему уснуть всю ночь; онъ бредилъ ею. Вдругъ ему представляется, что онъ находится въ виленскомъ храмъ Перкуна за большимъ языческимъ служеніемъ, гдѣ приносятъ кровавую человѣческую жертву, онъ слышитъ стоны несчастнаго обреченнаго на жертву—падающаго подъ ударами фанатика *Вуршайтоса* на жертвенный костеръ, онъ видитъ струившуюся кровь изъ дымящейся раны; обонянію его слышится запахъ человѣческаго жареннаго мяса, ему дѣлается дурно, съ омерзепіемъ онъ отворачивается въ другую сторону и взору его представляется толпа вайделотокъ съ красными кровавого цвѣта—лицами, съ демонскими, полными злости глазами, зубы ихъ какъ то неистово щелкаютъ, онъ старается подавить неприятное впечатлѣніе и ищетъ въ толпѣ одну вайделотку, непохожую на прочихъ, но нѣтъ, напрасно блуждаетъ его пытливый взоръ; ее онъ къ несчастію не находитъ, глаза его наполняются слезами и онъ въ рыданіяхъ закрываетъ ихъ... Но вотъ проходитъ минута и онъ ясно слышитъ сперва какой-то шопотъ, а потомъ слова: «открой свои глаза мой милый Ягайло, я съ тобой», онъ открываетъ поспѣшно глаза и видитъ ту вайделотку красавицу, которую напрасно искалъ прежде въ толпѣ невинныхъ дѣвъ. Онъ видитъ теперь этотъ очаровательно-божественный образъ и лицо его сіяетъ улыбкой безграничной радости. Онъ видитъ, что она стоитъ на томъ же пьедесталѣ, на которомъ возсѣдаетъ самъ криве-кривейто, передъ грознымъ Перкунусомъ, страшнымъ Пеклосомъ и лукавымъ Атримбо-

мъ. Въ ея рукѣ блеститъ жертвенный ножъ. Ему чудится то она манитъ его рукою, и взглядомъ какъ будто обѣщаетъ безконечныя блаженства... Голова его кружится, нѣ бросается по ступенькамъ на пьедесталь и въ припадкѣ любовнаго опьяненія протягиваетъ къ ней руки, чтобы обвить ее прелестный станъ. Но вмѣсто этого, она сама прильнула къ нему и крѣпко обняла его. Еще моментъ и распаленному воображенію Ягайлы чудится, что они лѣтятъ изъ храма Перкуна къ верху,—въ лазурное небо. Вотъ они уже высоко надъ Вильной, съ верху изъ голубой безконечности къ нимъ на встрѣчу падаютъ звуки пѣнія. Пѣнія такого, о которомъ прежде не только не слышалъ, но даже не имѣлъ понятія Ягайло. Какъ будто все безпредѣльное міровое пространство было наполнено чарующими звуками существъ неземныхъ. У Ягайлы отъ избытка счастія захватываетъ духъ. Но вотъ ему слышался какой-то неприятный звукъ назади ихъ и въ то же время онъ почувствовалъ въ лѣвой ногѣ страшную боль, онъ оглядывается назадъ и о ужасъ!... За ними гонится страшный властитель ада, Пеклосъ и съ нимъ цѣлая вереница разныхъ чудовищъ. Костлявая рука Пеклоса уже схватила Ягайлу за ногу, другою онъ повелительно указывалъ на землю. Взоръ его былъ до того ужасенъ, что небо потемнѣло въ глазахъ Ягайлы и онъ закрывъ глаза съ визгомъ бросился въ низъ на землю...

Бредъ при этомъ на нѣсколько минутъ его оставилъ, Ягайло пришелъ въ себя и увидѣвъ, что онъ свалился не съ неба, а съ лежанки на полъ, радостно улыбнулся.

„Слава Богу! это во снѣ, а не на яву я видѣлъ“, подумалъ Ягайло, и вставъ сѣлъ на лѣжанку. Сердце его сильно билось, глаза горѣли, на лицѣ былъ отпечатокъ страшнаго испуга.

— Войдыло! крикнулъ онъ, обращаясь къ единственному входу въ эту комнату, у порога котораго спали на полу, его и Витовта конюшіе—дядьки. Но Войдыло спалъ

какъ мертвый, испуская носовыя звуки, въ которыхъ слышался богатырскій свистъ. Ягайло снова окликнулъ его и снова не получилъ отвѣта. У него сохло во рту и томилъ жажда, ему страшно хотѣлось пить. Пришлось самому встать и подойти къ столу на которомъ стояло питье въ кувшинахъ. Напившись, онъ снова бросился на лѣжанку и почувствовалъ себя гораздо лучше; благодѣтельный сонъ началъ смыкать его воспаленныя вѣки, но вдругъ онъ чувствуетъ, что голова его въ огнѣ и какъ будто бы каменная, онъ старается приподнять ее, но не можетъ, въ глазахъ у него рябитъ, по стѣнамъ комнаты ползаютъ голубыя звѣзды, сама комната какъ будто бы наклонилась и какъ будто бы двигается въ правую сторону, на потолокъ онъ видитъ какіе-то узоры разныхъ цвѣтовъ, а на полкѣ онъ встрѣчаетъ два знакомые глаза, смотрѣвшіе изъ-подъ шлема... Полка наконецъ двигается и передъ нимъ является снова образъ той дѣвы, съ которою летѣлъ въ поднебесьѣ,—только теперь милый ликъ этотъ предстагъ предъ нимъ не въ костюмѣ вайделотки, а въ его собственныхъ бранныхъ доспѣхахъ. Ягайло стремится къ ней на встрѣчу и хочетъ обнять милый призракъ, но желѣзо-латы и кольчуги мѣшаютъ ему. Онъ порывается сбросить съ нее тяжелые доспѣхи и въ это время бредъ кончается, видѣніе исчезаетъ и Ягайло прійдя въ себя видитъ, что онъ стоитъ въ углу комнаты далеко отъ своего ложа,— у полки, на которой лежатъ его бранные доспѣхи. Правая рука его обняла холодную кольчугу. Онъ насмѣшливо улыбается и грустно идетъ къ лѣжанкѣ. Опять нѣсколько сознательныхъ минутъ проходятъ и снова наступаетъ бредъ. Ему чудится, что милая дѣва сидитъ на его ложѣ и пріятливо ему улыбается. Онъ протягиваетъ къ ней руки и крѣпко обнимаетъ ее... Наконецъ онъ видитъ, что они сидятъ обнявшись на камнѣ, вокругъ нихъ волнуется зеленѣющее цвѣтистое поле, у ногъ ихъ журчитъ источ-

никъ, въ воздухѣ пахнетъ благоуханіями... Восторгамъ и радостямъ нѣтъ конца...

— Паята! я люблю тебя. Шепчетъ онъ и крѣпче прижимается къ ней.— «Я люблю тебя! Повторяетъ онъ и съ замираніемъ сердца ждетъ отвѣта на свое признаніе, но отвѣта нѣтъ.— «Я люблю тебя!» вырывается снова у него изъ груди. Но увь! уста ее сомкнуты, на розовыхъ губкахъ ползаетъ таже страстная улыбка, но за то глаза ее говорятъ живѣе всякихъ словъ, Ягайло понимаетъ по этому взору отвѣтъ ея и блаженствуетъ. Но вдругъ онъ видитъ что изъ водъ источника выплываетъ на верхъ въ видѣ пара фигура Витовта, лицо его пышетъ злобою и гнѣвомъ. Онъ начищаетъ упрекать Ягайлу за любовь къ служительницѣ Прауримы и схвативъ ее бросаетъ въ глуби источника. Ягайло отъ жалости вскрикиваетъ и снова пробужденіе наступаетъ.

— „Опять во снѣ!“ Шепчетъ онъ, но видитъ передъ собой дѣйствительно Витовта.

— Что съ тобой Ягайло? Спрашиваетъ его съ участіемъ Витовтъ.

— А что? Въ свою очередь спрашиваетъ Ягайло, мутно смотря на Витовта.

— Ты ужасно стоналъ во снѣ, я разбудилъ тебя. Говоритъ Витовтъ.

— Я стоналъ? ... Ахъ да! ... Витовтъ! Дорогой мой братъ! Спаси меня, я не знаю что сонной дѣлается, я видѣлъ Паяту, она меня преслѣдуетъ и не даетъ покою... я видѣлъ ее. Несвязно шепталъ Ягайло.

— Витовтъ грозно посмотрѣлъ на него.

— Безумецъ ты Ягайло. Сердито проворчалъ Витовтъ и отойдя отъ него легъ на свою постель и закутавшись въ покрывало снова заснулъ крѣпкимъ сномъ.

— Ягайло черезъ нѣсколько минутъ снова впадаетъ въ бредъ, ему чудится, что Паята окруженная вайделотками лежитъ мертвая. Подходятъ жрецы заглатели берутъ ее

и кладутъ на пылающій востеръ. Милый трупъ обхватываетъ пламя, лицо падувается и съ каждымъ моментомъ дѣлается безобразнѣе. Ягайло закрываетъ лицо руками, отворачивается и просыпается . . . . . Ему больно, грустно, его сердце обливается кровью, ему хочется плякать и онъ горько плачетъ...

— Впечатлѣніе послѣдняго сна или видѣнія въ бреду такъ сильно, что ему и на яву кажется что Паята умерла для него, что онъ болѣе никогда не увидитъ ее. Слезы обильнымъ потокомъ льются изъ глазъ его...

— Но вотъ послѣ долгихъ благодѣтельныхъ слезъ онъ успокаивается, забывается и засыпаетъ на нѣсколько минутъ, сладкимъ сномъ. Приходятъ эти блаженные минуты и снова милая тѣнь носится въ его разгоряченномъ воображеніи. То онъ въ подзвонной нещерѣ съ Паятой, то въ какихъ то заколдованныхъ странахъ, и опять таки съ ней. Наконецъ онъ слышитъ слова Паяты, она зоветъ его въ липовую рощу, онъ идетъ за ней... По его тѣлу пробѣгаетъ нервическая дрожь и онъ просыпается. Въ это самое время утренная заря начала пробиваться сквозь слюдястое окно въ комнату, гдѣ спали князья и ихъ конюшіе—дядьки.

— Ягайлу дѣлается страшно жарко и душно, онъ встаетъ съ ложа, надѣваетъ парчевой кафтанъ, набрасываетъ кожухъ *) на плечи, накрываетъ свою голову шлемомъ, беретъ перевязь, на которой виситъ татарская сабля и хочетъ идти вонъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ двери, онъ останавливается и начинаетъ будить Войдылу, но послѣдній, не смотря на чувствительные толчки Ягайлы и оклики, спалъ какъ убитый. Не добудившись его Ягайло махнулъ рукою и въ изнеможеніи сѣлъ на свою кровать. Долго онъ просидѣлъ такъ болѣзненно и безмысленно смотря въ низъ на полъ, наконецъ ему слышится какой-то шорохъ, онъ оглядывается и о радости!—у двери видитъ Паяту... Она машитъ его къ себѣ и показываетъ на вы-

ходъ,—онъ повинуется и идетъ за ней изъ комнаты въ темный извилистый корридоръ, потомъ спускается по лѣстницѣ въ низъ и выходитъ на площадку замка. Паята исчезаетъ въ глазахъ его, исчезаетъ такъ какъ исчезаетъ тѣнь или призракъ, не оставляя послѣ себя ни какихъ признаковъ о своемъ существованіи. Онъ оглядывается назадъ, ищетъ ее вездѣ, но напрасно, вокругъ него зубчатая стѣна керновскаго замка, да жилые покои, въ которыхъ помѣщался гарнизонъ... Ягайло направляется къ воротамъ. Полусонныя латники отворяютъ ихъ и герои мой выходитъ изъ замка по подъемному мосту. Остановившись на луговинѣ, онъ смотритъ на спящій лагерь конныхъ воиновъ, грудки уже погасли и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мерцаетъ еще потухающій огонекъ, который поддерживали дозорные латники. Высокая и густая трава, которая была на всей полянѣ до прихода сторожеваго полка, теперь вся почти была съѣдѣна лошадьми и частію помята. Ягайло посмотрѣлъ на право къ берегу Вилии, тамъ между тремя пушистыми березами, онъ замѣчаетъ что то бѣлое, движущееся и какъ будто бы прозрѣчное. Сердце его говоритъ что это сама Паята и онъ идетъ къ ней. Но чѣмъ болѣе приближается онъ къ березамъ, тѣмъ яснее очертывается—форма расколотои громомъ березы, надломленный стволъ которой качался во всѣ стороны. Ягайло этимъ не довольствуется, а все болѣе приближается къ четвертой разбитой березѣ, вотъ уже онъ подлѣ нее,—дотрогивается рукою, слышитъ скрипъ ствола... въ это время онъ чувствуетъ подъ ногами какое то колебаніе почвы, смотритъ въ низъ и отъ ужаса у него захватываетъ духъ, онъ стоитъ на высокомъ крутомъ берегу Вилии, изъ подъ ногъ его съ шумомъ падаютъ песокъ и камни, еще шажъ и онъ полетѣлъ бы въ низъ и разбился въ дребезги о каменистое дно рѣки Вилии. Поспѣшно онъ идетъ назадъ и направляется по тропинкѣ въ липовую рощу, куда его тянетъ какая-то невѣдомая сила, которой противиться

онъ не можетъ. На пути по всему протяженію ему кланяются дозорныя латники, оберегающіе своихъ спящихъ товарищей, Ягайло не замѣчаетъ этого, взглядъ его устремленъ въ липовую рощу; мысль его въ подземной пещерѣ Паяты: „Я разбуду вайделотокъ и попрошу показать мнѣ вторично тѣнь Паяты... Да, я долженъ ее видѣть во что бы то не стало.“ Думаетъ Ягайло и имъ овладѣваетъ какая-то удале не свойственная его вямой натурѣ.

Утренняя лѣтняя прохлада освѣжаетъ его и онъ понемногу приходитъ въ нормальное положеніе. Только въ головѣ онъ чувствуетъ боль и шумъ отъ бессонницы.

Но вотъ и липовая роща. Какъ хороша она при утренней лѣтней зарѣ, сколько таинственнаго, сколько чарующаго тогда въ ней. Пѣліе и щебетаніе проснувшихся птицъ, — игривый шелестъ листьевъ и паденіе липоваго цвѣта, которымъ пахнетъ въ влажной лѣсной атмосферѣ, а также широкія темныя стволы липовыхъ деревьевъ, поросшихъ мохомъ, производятъ самое успокоивающее дѣйствіе на глаза и душу человѣка.

Ягайло идетъ и впиваетъ въ себя воздухъ. Вотъ онъ уже у забора, которымъ обнесена хранина Паяты, остановившись въ воротахъ, онъ начинаетъ прислушиваться. Тишина господствуетъ за заборомъ и повременамъ только она нарушается трескомъ топлива *Эмча* да легкимъ кашлемъ вайделотки, сторожившей священный огонь. Ягайло слышитъ какъ бьется его собственное сердце и не знаетъ что ему дѣлать. Въ нерѣшительности онъ обходитъ кругомъ заборъ и снова подходитъ къ воротамъ, въ щелку которыхъ начинаетъ смотрѣть однимъ глазомъ. Но въ это время изъ чащи рощи выбѣжали два здоровыхъ вайделота и схвативъ моего героя за руки, мгновенно подтащили его къ дубу, завязали ему ротъ какой-то тканью, послѣ чего крѣпко привязали всего его толстыми веревками къ стволу дуба и скрылись тамъ отъ куда пришли; это было такъ неожиданно для Ягайлы, такъ скоро, что онъ даже

не успѣлъ вскрикнуть. Онъ былъ ошарашенъ этимъ и долго послѣ этого не могъ прійти въ себя.—„Ужь не опять ли это мнѣ видится во снѣ,—не опять ли бредъ больной души?“ думаетъ онъ и хочетъ крикнуть, но увы! звукъ его голоса не лѣтитъ черезъ толстую ткань, которой завязанъ его ротъ, онъ открываетъ глаза, но они тоже завязаны и ему представляются только зеленые, плавающіе круги; онъ порывается сдѣлать движеніе всѣмъ корпусомъ, но страшная боль отъ жестокихъ веревокъ не позволяетъ ему этого исполнить. „Нѣтъ не во снѣ это случилось, а на яву“, думаетъ Ягайло и тоскливое чувство овладѣваетъ имъ. До слуха его долѣтаютъ звуки рожка его дружины, звуки эти ему знакомы, они зовутъ къ походу. „Сейчасъ встанутъ всѣ, осѣдлаютъ коней, да и уйдутъ, уйдутъ пожалуй безъ меча“ продолжаетъ думать Ягайло и ослабѣваетъ духомъ.

Звуки рожка смолкли, вслѣдъ за ними поднялся шумъ и крики просыпающихся воиновъ: „Кто меня привязалъ къ дереву? Зачѣмъ, для чего? Ужь не Витовтъ ли хотѣлъ посмѣяться?...“ Задаетъ себѣ вопросы Ягайло и не рѣшивъ ихъ предается беспильной злобѣ... Въ озлобленіи онъ начинаетъ ругать и проклипать весь міръ и всѣхъ людей, а въ особенности своего конюшаго Войдыло. О если бы герой мой былъ на свободѣ теперь, да въ эту минуту предсталъ бы передъ нимъ Войдыло, онъ убилъ бы его своею рукою. Такъ великъ былъ гнѣвъ его. А между тѣмъ время идетъ, время бѣжить... Ягайло наконецъ слышитъ звуки рожка Витовта, а этотъ молодой князь трубилъ только въ крайнихъ и важныхъ случаяхъ: „Витовтъ меня хватился. Онъ найдетъ меня здѣсь въ такомъ положеніи и будетъ смѣяться надо мной.“ Думаетъ Ягайло и отъ бѣшенства кусаетъ свой языкъ... Вдругъ ему чудится, что по правой ногѣ его ползаетъ шипящая змѣя и уже забирается за обувь. Онъ напрягаетъ свои силы и старается освободить свою ногу, но чувствуетъ при этомъ невыносимую боль, какъ

будто бы змѣя уже впустила въ его тѣло свое смертельно-ядовитое жало, воображенію его представляется какъ нога его пухнуть и черпѣть, ему дѣлается душно, онъ опускаетъ голову... Но въ это время, повязка сваливается съ глазъ его и потомъ съ губъ. Онъ поспѣшно поднимаетъ голову и видитъ: сквозь вершины деревъ, пробиваются лучи восходящаго солнца. Ягаило испускаетъ радостный грудной звукъ... При этомъ къ ногамъ его упали веревки которыми онъ былъ привязанъ къ дубу. Герой моего романа на свободѣ, но онъ не довѣряетъ ей и оборачивается назадъ. Въ трехъ шагахъ отъ него стояла божеественная по красотѣ своей Паята...

Ягаило обезумѣлъ, кровь хлынула въ голову, онъ забылъ боль и змѣю и все на свѣтѣ и только впивался взоромъ своимъ въ очаровательный образъ. Слезы благодарности брызнули изъ глазъ его и онъ упалъ на колѣна.

— Спасительница моя, скажи мнѣ, кто ты? Вайделотка ли ты, которую я видѣлъ въ вилемскомъ храмѣ Перкуна, или тѣнь Паяты? — спросилъ Ягаило почтительнымъ тономъ.

Но вмѣсто отвѣта она пріятливо улыбнулась и поднявъ руку, приложила одинъ пальчикъ къ розовымъ губкамъ своимъ. Другою рукою она указала сперва на солнце, а потомъ на тропинку ведущую изъ лицевой рощи на луговину. Ягаило, не мнявъ этихъ знаковъ, бросился къ ногамъ ея.

С. Калужск.

(Продолженіе будетъ).

ВСПОМИНАНИЕ О НЕДАВНОМЪ ПРОШЛОМЪ.

(КАРТИНА ИЗЪ ЕВРЕЙСКАГО БЫТА.)

(Окончаніе) (*)

6.

ВЛІЯНІЕ ХЕДЕРА.

Дайте-жъ мнѣ хотя въ дѣтствѣ свободу,
Дайте вольно всей груди вдохнуть!...
Чтобъ я послѣ, въ тяжелые годы,
Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть.

Добролюбовъ.

„На зеркало неча пѣнять, колы рожа крива.“
(Народная пословица).

Подъ опекою этого такъ называемаго *дардики-мелам-да* я томился слишкомъ четыре года. Вообще онъ, какъ вся его братья-меламды, занимался съ учениками своими сонливо, вяло и лѣнливо, словно ручной медвѣдь, неимѣющій личнаго желанія плясать, а только танцующій подлѣ вліяніемъ палки ходебщика. По большей части меламедъ откладывалъ свое завѣтное ремесло воспитывать еврейскихъ дѣтей въ чисто еврейскихъ духѣ, въ сторону и, подобно всѣмъ грѣшнымъ, занимался обыкновенными будничными дѣлами. Дѣла эти у ребъ Зораха-Береля, кромѣ сватовства, ремесла, свойственнаго этой категоріи людей, были еще треніе табаку для себя и для продажи, отчего я въ первые дни моего вступленія въ этотъ содомъ чихалъ безъ умолку (но человѣкъ ко всему горькому привыкаетъ), приготовленіе продуктовъ для своей любимой половины, промышленявшей варенымъ горохомъ, который въ большомъ ходу въ моельняхъ послѣ утренней и вечерней молитвъ, перебранка по цѣлымъ часамъ съ еврейками, приходившими разсчитываться за перья и имѣвшими поползновеніе

*) См. Кн. II. Вѣст. Зап. Россіи.

увернуться отъ надлежащаго платежа его сожительницѣ, которая чистила эти перья въ досужее время въ углу хедера. Случись только у кого изъ зажиточныхъ евреевъ заболѣть ребенку, ребѣ Зорахъ-Берель всегда былъ первымъ изъ десяти вѣстниковъ, которыхъ несчастный родитель отправляетъ на владбище увѣдомить о своемъ горѣ своего давноумершаго отца; когда же больное дитя умираетъ, ребѣ Зорахъ-Берель уже бормоталъ въ носъ за упокой души преставившагося псалмы и извѣстное число отдѣловъ мишны за скудное число копѣекъ. Далѣе читателю извѣстно, что ребѣ Зорахъ-Берель принадлежалъ къ сектѣ хосидовъ, а у насъ, евреевъ, сложилась такая поговорка „спросите у хосида, ты, дескать, какимъ ремесломъ занимаешься? И вы получите въ отвѣтъ: „я молъ, хасидъ“. Слѣдовательно понятно, что у моего наставника было множество собственно хасидскихъ дѣлъ: онъ рѣдко бывалъ въ хедерѣ, когда же бывалъ, то или рѣшительно спалъ, лежа, на койкѣ, которая красовалась возлѣ кіота, или сидѣлъ и полуспалъ. Въ такихъ, очень частыхъ, случаяхъ каедру меламда занималъ помощникъ его, такъ называемый „бегельферъ.“ Послѣдній находился въ хедерѣ, какъ говорится, на одной доскѣ съ самымъ меламдомъ, то есть, подобно меламду, бегельферъ имѣлъ полное право, ни за что, ни про что, колотить своими костистыми кулаками и теревить за пейсы и уши учениковъ, когда только его душѣ заблагоразсудилось; зачастую работали и розги. Но, къ немалому счастью всѣхъ учениковъ, бегельферъ этотъ былъ не совсѣмъ чистъ на руки, и въ прямомъ, и въ переносномъ значеніяхъ. Гдѣ же достать денегъ для покупки бегельфера, и такъ избавить спину отъ его рукъ? Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не затрудняются надъ рѣшеніемъ этого вопроса; а на просто повѣрите-ли, совѣтовалъ, справедливѣйшій-велѣлъ воровать у родителей. Какъ теперь помню, въ первый разъ послѣ такого совѣта, я ужаснулся, и началъ было спорить: „въ

такомъ случаѣ я сдѣлаюсь воромъ“, сказалъ я, а кража, какъ сказала мнѣ мать строжайше запрещается Богомъ, и онъ страшно наказываетъ воровъ въ будущемъ свѣтѣ огне-железными прутьями; но бегельферъ отвѣчалъ: „Я старше тебя, слѣдовагельно больше тебя училъ и очень хорошо знаю, что только у чужихъ нельзя красть, а у собственныхъ родителей позволяется. Нельзя впрочемъ, обвинять поголовно всѣхъ меламадовъ и бегельферовъ, но на мою долю выпалъ таковъ меламадъ и бегельферъ.

Надѣюсь, читатель вспомнить, что когда-то заботливый тятенька этого *честнаго* бегельфера, желая воспитывать свое любимое чадо, какъ выражаются меламады, въ чисто еврейскомъ духѣ, опредѣлилъ своего сына также въ хедеръ къ меламаду, и если мы съ нашей стороны укажемъ, откуда теорія бегельфера „у чужихъ нельзя красть, а у собственныхъ родителей можно“ беретъ свое начало, то онъ нисколько не обвинитъ бегельфера въ ея инициативѣ: но все-таки бегельферу не къ чему было торопиться сообщить мнѣ на шестомъ году моего возраста это зловерное хедерское назиданіе, когда годомъ позже я тоже самое узналъ изъ устъ самаго ребъ Зораха-Береля? Это было, когда ребъ Зорахъ-Берель училъ со мною стихъ „кто ограбить отца своего и мать свою, и говорить, что это не грѣхъ, тотъ товарищъ разбойнику“ я началъ было наперехватъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ хедерахъ, объяснять эти слова, и все вышло бы, надѣюсь, ясно, свѣтло какъ день; но ребъ Зорахъ-Берель остановилъ меня: стой, говорить, ты уже Богъ вѣдаетъ, куда залѣзъ, я тебя выведу на чистую воду. Въ этомъ стихѣ вовсе не говорится объ отцѣ и матери. Грабить собственныхъ родителей грѣхъ еще не большой. Слушай, продолжалъ меламадъ, что премудрѣйшій царь понималъ въ этомъ стихѣ: кто ограбить Творца и іудейство, то есть, кто съѣстъ что нибудь прежде не сотворивъ молитвы, тотъ товарищъ разбойнику.—Иероваму израильскому царю, который поставилъ въ своемъ

царствѣ два золотыхъ тельца и принудилъ всѣхъ своихъ подданныхъ поклоняться имъ. Когда я, не смотря на мое малолѣтство, спросилъ его: вѣдь Іеровоамъ царствовалъ послѣ смерти Соломона, откуда же Соломонъ могъ знать, что впоследствии Іеровоамъ поставитъ этихъ идоловъ? Меламедъ закричалъ: ужь съ-издѣтства видно, что ты будешь такимъ же эписурейцомъ, какъ твой братъ. Впередь слушай, что я говорю тебѣ и не смѣй возражать, потому что отъ себя я никогда не говорю: такъ сказано въ самомъ талмудѣ! Бегельферъ самодовольно прогнувъ языкомъ и вытянувъ немножко шею, своими глазами какъ бы говоря: „что правда моя“! На первыхъ порахъ мнѣ трудно приходилось исполнить наставленіе этого наставника-бегельфера, но къ чему грѣшный человѣкъ не привыкаетъ? Мало по малу я привыкъ къ легкому способу добыванія денегъ и, со дня на день, больше и больше воровалъ для моего наставника-бегельфера. И доселѣ еще, когда по временамъ, мысленно приходится мнѣ перелистывать книжку моихъ воспоминаній, на первой страницѣ, которая будто нарочно попадаетъ мнѣ въ руки неизглаженными чертами записанъ тотъ случай, какъ я въ первый разъ, по совѣту бегельфера, приступилъ къ кражѣ. Однажды ночью, когда всѣ въ нашемъ домѣ погрузились въ крепкій сонъ, я на цыпочкахъ по тихоньку добрался до кармана матери и, судорожно схвативъ серебрянную монету по велемудрому совѣту наставника-бегельфера, положилъ ее до поры, до времени подъ ножку моей кровати, а въ случаѣ если подозрѣніе въ кражѣ падетъ на меня (у страха глаза велики), обѣщаясь танкомъ возвратитъ на прежнее мѣсто. Такъ какъ только начало всякаго дѣла трудно, то мнѣ тяжело было исполнить наставленіе бегельфера только въ первый разъ; послѣ дѣло пошло какъ по маслу, наконецъ я уже не довольствовался прежнею теорію бегельфера: „собственныхъ родителей можно воровать“ и началъ применять его мораль и къ чужимъ карманамъ. Всякое утро

огда бегельферъ водилъ команду ребъ Зораха Береля въ хедеръ, онъ бывало сказывалъ намъ: ступайте къ этой орговкѣ и притворяйтесь будто хотите купить что нибудь, лишь только она посмотритъ въ сторону, вы проворно хватайте что подвернется подъ руку: булку ли, алачъ ли, пряничекъ ли и улепетывайте безъ оглядки такимъ образомъ каждый Божій день команда ребъ Зораха-Береля воровала у этихъ бѣдныхъ торговокъ и я, половамъ моего наставника, былъ мастеромъ своего дѣла. Но человекъ никогда не довольствуется тѣмъ, что у него есть, и бегельферъ видя, что во мнѣ онъ нашелъ себя лады, приказалъ мнѣ сказать матери, что меламедъ наказывалъ строго-на-строго впередъ не молиться дома, а въ хедеръ, и что, слѣдовательно, мать давай мнѣ въ хедеръ мѣсто булокъ чистоганомъ. Само собой скудные копѣйки охуровъ попадались въ плѣнъ бегельферу. Бегельферъ нушалъ даже особенныя правила на счетъ молитвы: по закону, говорилъ онъ, слѣдуетъ молиться только взрослыми людьми, а не мальчикамъ. Волей-не-волей—я долженъ былъ согласиться на все и ежедневная до трехъ часовъ по полудни (тогда отпускали насъ обѣдать) пустота въ животѣ продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ. Однажды ночью я ложился уже было спать, но мнѣ что то не спалось, я ворочался съ боку на бокъ, какъ рыба на сковородѣ;—всѣ въ нашемъ домѣ (братъ мой ужъ тогда прѣхалъ оной въ качествѣ ученика раввинскаго училища, т. е. не замаскированъ въ длинномъ кафтанѣ.) Сидѣли да раздаривали о разныхъ разностяхъ. Когда разговоръ нѣсколько началъ касаться меня, я подслунивалъ.

— Чтобы это значило? съ материнскою заботливостью замѣтила мать, что съ того дня какъ мы познакомили его (сынъ-то) съ хедерею, онъ совершенно перемѣнился, какъ нѣтъ дней замѣтно онъ худѣетъ, сохнетъ, — просто какъ свѣча-таетъ?...

— Вѣстимо, моя жена, отвѣтилъ отецъ на замѣчаніе

матери, иначе и быть не может. И лошадь, когда она в волѣ въ степи, гораздо здоровѣе, чѣмъ послѣ, когда начинаютъ употреблять ее въ упряжь. Прежде сынъ нашъ, какъ теленокъ, кромѣ спанья, ѣды, да гулянья, ничего не зналъ, а теперь, слава Богу, ребѣ Зорахъ-Берель по цѣлымъ днямъ занимается съ нимъ въ хедерѣ.

— Конечно, иронически замѣтилъ братъ, — шутка-ли эта глубокомысленная, головоломная мудрость, которую ребѣ Зорахъ-Берель внушаетъ въ хедерѣ своимъ развитымъ слушателямъ! Есть отчего высохнуть мозгу дитяти, есть отчего похудѣть, сохнуть, таять какъ свѣча; ребѣ Зорахъ-Берель навѣрное уже успѣлъ выучить его въ это время вращать цѣлымъ алфавитомъ на разные манеры!

— Ужь на счетъ хедернаго ученія прошу тебя не беспокоиться, въ вашихъ проклятыхъ училищахъ, бытъ можетъ, учитель успѣетъ выучить своихъ школьниковъ въ такое время только читать, какъ тамъ по вашему правильно, что ли? а у насъ, евреевъ, лишь только дѣтя начавъ читать по складамъ, въ былое время, меламедъ уже училъ его талмуду, а теперь, за наши тяжкіе грѣхи, наши дѣти не способны въ такихъ лѣтахъ къ талмуду, и ихъ учатъ библіи только. Развѣ въ ту пору, когда меламедъ училъ ихъ библіи или талмуду, дѣти не упражняются въ чтеніи? Да, хедерное ученье не одного почета съ школьнымъ.

Здѣсь мы пропускаемъ длинный споръ отца съ братомъ о томъ, слѣдуетъ ли изсушать мозгъ шестилѣтняго ребенка талмудомъ, или нѣтъ; отецъ ратовалъ за огромную пользу и необходимость этого лабаринта, а братъ доказывалъ, что подобное ученье вредно, губительно для дитяти, какъ слишкомъ черствый хлѣбъ для слабонервнаго, лимфической природы пациента. Хотя побѣда тогда, къ сожалѣнію, осталась на сторонѣ отца, но справедливость требуетъ сказать, что она досталась ему по праву сильного: отецъ закричалъ на брата, пригрозилъ и велѣлъ ему молчать.

— Господи, Боже мой! что это за дурь, что это за

хаосъ, въ головахъ всѣхъ этихъ воспитанниковъ раввинскаго училища! — продолжалъ отецъ; всѣ они-то - и - дѣло толкуютъ о жалкомъ положеніи, по ихъ словамъ, воспитанія нашихъ еврейскихъ дѣтей!

— Какъ воспитывать и образовывать дѣтей, — смѣю тебѣ доложить, батюшка, какіе для того приемы употребляютъ, — это задача весьма нелегкая; отъ того у христіанъ заведено, чтобы человѣкъ прежде получилъ нужное образованіе, сдѣлался самостоятеленъ, опредѣлился на службу или изучилъ какое нибудь ремесло, производство, обеспечивающее его жизнь и тогда уже рѣшается обзаводиться женой, дѣтьми, а у насъ — евреевъ, къ сожалѣнію, каждый шестнадцатилѣтній мальчишка уже состоитъ въ спискѣ жениховъ, а безмозгіе родители даже сами навязываютъ этимъ ребятишкамъ женъ, и такимъ образомъ заставляютъ ихъ, неимѣющихъ никакого понятія о жизни, практически рѣшать эту трудную задачу, которая, конечно, имъ не по силамъ. Сердце обливається кровью, продолжалъ братъ, — когда вспоминаю, что евреи поручаютъ воспитаніе своихъ дѣтей этимъ безумнымъ, меламдамъ, или этимъ безчестнымъ бегельферамъ! Шестилѣтній ребенокъ уже видитъ, какъ бегельферы амурничаютъ съ служанками своихъ хозяевъ, какъ они воруютъ и учатъ воровать! Наше мудрое и милосердное правительство обратило на эту мерзость свое просвѣщенное око и учредило для насъ — евреевъ, раввинскія училища, гдѣ образованные наставники учатъ насъ уму-разуму, обогащаютъ насъ познаніями, безъ которыхъ на многотрудномъ пути жизни, рѣшительно нѣтъ спасенія. По этому на каждомъ изъ насъ лежитъ святая обязанность вырвать эти невинныя жертвы, еврейскихъ дѣтей, изъ меламедскаго калѣчества и стараться образовать изъ будущаго еврейскаго поколѣнія истыхъ русскихъ гражданъ.

— Напрасно выбивается изъ силъ вся ваша братья: смотрители, учителя, казенные раввины, да старые эшкуррейцы — ваши наставники, — напрасно, говорю, всѣ они вы-

бываются изъ смѣль, чтобы переродить, по вашимъ словамъ, народъ израильскій! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Могу удивить тебя, что всё вы ловите съ наугаи, а мы останемся по прежнему истинными евреями. Если даже будутъ строжайшія приказанія, чтобы всё посылали своихъ дѣтей въ училище, мы—евреи, всё, отъ мала до велика, будемъ цѣлиться, отправимся на кладбище и будемъ гробы рвать, покауда Богъ не скажется надъ нами и не отиѣнятся эти приказанія, и пока не будетъ потомъ позволено воспитывать по прежнему нашихъ дѣтей въ чисто-еврейскомъ духѣ, въ хедерахъ у меламдовъ. Не даромъ на N-скомъ кладбищѣ похоронены великіе талмудисты!... Отецъ сдѣлалъ паузу и продолжалъ: вотъ, хоть бы смотритель изъ за чего, подумаешь, бьется! Ходятъ къ тебѣ въ школу нѣсколько мальчиковъ; какое тебѣ, дуракъ, дѣло до того, чьи они богатыхъ ли родителей, которые сами посылаютъ своихъ дѣтей, или кагалъ платитъ обдныгамъ, чтобы он позволили своимъ оборвышамъ—дѣтямъ ходить въ училище, на случай, если прійдетъ какой нибудь начальникъ, и чтобы, значить и денегъ былъ сытъ и овцы цѣлы. Получаешь свое жалованье, такъ жри, да молчи. Ахъ нѣтъ, насъ говоритъ, правительство воспитываетъ для будущаго еврейскаго поколѣнія, мы говоритъ, трудимся цѣлыхъ десять лѣтъ, въ теченіи которыхъ терпимъ голодь и холюдь, насмѣшки и ругательства нашихъ безмозглыхъ фанатическихъ единовѣрцевъ не за одно это скудное жалованье? Когда, говоритъ, я жертвую сѣбою для блага нашихъ единовѣрцевъ, такъ могу ли отрѣшиться отъ моихъ заветныхъ мыслей—хоть сколько нибудь способствовать образованію нашихъ единовѣрцевъ? А такъ какъ, говоритъ, старыхъ, вѣковыхъ, кривыхъ дубовъ (часть набожныхъ евреевъ, думаетъ елигурецъ) никакимъ родомъ нельзя выпрямить, то мы должны стараться хоть изъ будущаго поколѣнія создать истыхъ русскихъ гражданъ,—согласно съ цѣлью нашего гуманнаго русскаго правительства.

— Батюшка, подумай хорошенько, слѣдуетъ-ли чело-
вѣку ненавидѣть и презирать людей, которые желаютъ ему
добра и счастья? Вѣдь они...

— Перестань попусту болтать! Она только желаютъ на-
учить евреевъ чернить насъ же—евреевъ въ христіанскихъ
газетахъ! И эти несчастные именуется тоже драгоценнымъ
завѣтомъ „евреямъ.“ И тотъ негодяй, кто чернить евреевъ
въ еврейскихъ газетахъ; но это еще куда не шло; можно въ
оправданіе его сказать, что онъ не выносить изъ избы сору,
что онъ хочетъ упражняться въ сочиненіи, или составить
себѣ хорошую партію: такъ какъ есть же у насъ евреевъ
такіе, которые ищутъ для своихъ дочерей такихъ негодяевъ-
жениховъ; но что сказать о тѣхъ, которые чернятъ евреевъ
въ христіанскихъ газетахъ!?

— Не во гнѣвъ, батюшка, будь тебѣ сказано,—я срав-
ниваю ненависть евреевъ къ нашему молодому поколѣнію
съ тою ненавистью, которую маленькое, глупенькое дитя
питаетъ, во время своей болѣзни, къ своему благодѣтелю-
доктору, заставляющему больнаго глотать горькія, но по-
лезныя пилюли. Вамъ неграмотнымъ, конечно, все равно,
что ни пишутъ въ газетахъ; потому что вы слѣпы, но каково
намъ читать эту голую и сухую правду? Мы краснѣемъ,
какъ вареные раки, отъ стыда. Нѣтъ батюшка, вы кругомъ
виноваты.

— Ха, ха, ха... они наши доктора! они наши благо-
дѣтели! пожимаая плечами, воскликнулъ отецъ.— Подожди-
те, эпикурейцы, доктора-благодѣтели; мы съ вами расчи-
таемся! Настанетъ время выбора раввина въ N, тогда,
дже-раввинъ, прощай всѣ твои затѣи противъ евреевъ!
Прійдешь къ каждому, кто только владѣетъ четырехъ ар-
шинной избушкой и поклонись ему въ поясъ, чтобъ онъ,
какъ домовладѣлецъ, далъ свой голосъ въ твою пользу и
общаешься впередъ оставить нашихъ меламадовъ въ покоѣ;
тогда, батюшка, пеняй на самага себя, пожнешь, что по-
сѣялъ! А съ вашими благородіями—учителюшка и смотри-

телишка, кагаль однимъ махомъ повончить; для васъ—ухъ! какая вкусная каша варится! придется вамъ жутко, ухъ какъ жутко!

— Да, батюшка, ты совершенно правъ: мы несчастнѣйшіе изъ всѣхъ несчастнѣйшихъ,—нашей зависимости конца не будетъ; всегда мы должны быть зависимы отъ какого нибудь безграмотнаго кага... слезы навернулись въ глазахъ брата и онъ замолкъ.—Оставимъ батюшка, всѣ эти разсужденія, они ни къ чему путному не поведутъ, намъ другъ друга не разубѣдитъ. Правда, мы кажется, начали говорить на счетъ брата, продолжалъ онъ, желая навести отца на прежній разговоръ,—какъ ты полагаешь, отчего на немъ кромѣ костей да кожи ничего не видно?

— Что съ тобою говорить, — печально отвѣчалъ отецъ, тамъ въ училищѣ ты забылъ все, даже и талмудъ, который ты прежде немного зналъ! Талмудъ говорить: „сильнѣйшій между крылатыми—пѣтухъ, сильнѣйшій между животными—собака, сильнѣйшій между народами—израильскій, но Тора ослабляетъ его силы.“

— Ужъ Тора ослабляетъ силы человѣка?—саркастически спросилъ братъ. Не ты ли самъ, батюшка, рассказывалъ, что падикъ, увидя такого же какъ онъ жирнаго до неподвижности купца-еврея, дивомъ дивовался: „уму-разуму, говорить, непостижимо; Торою, кажись, не занимается, богоугодныхъ дѣлъ также не совершаетъ, чтобъ испытывать удовольствіе; отчего же онъ такъ жиренъ?“

— Перестань, немытая рожа, острить, закричалъ отецъ; ты, колешь меня твоими остротами! Сейчасъ чуть-чуть не заплакалъ и уже острить!

— И точно, къ чему эти остроты, батюшка, къ чему догадки, когда ларець просто открывается: ты, матушка, кажись, даешь ему (братъ указалъ на меня) въ хедеръ вмѣсто булокъ чистоганомъ, а кошелекъ чѣмъ наполнится, если онъ не будетъ копить эти деньги?

— Опять, старыя пѣсни запѣть! Ты ужь слишкомъ много заботишься о воспитаніи нашихъ дѣтей!?

— Охъ ты, мое умное дитя, охъ ты мое сокровище!— восклинула мать, обращаясь къ брату. Онъ совершенно правъ, мой мужъ: еслибъ ты замѣчалъ, съ какимъ страшнымъ, просто волчьимъ аппетитомъ, онъ всегда обѣдаетъ!

— Нѣтъ матушка, это ничуть не зависитъ отъ ума; мнѣ все это очень хорошо извѣстно, я это по опыту знаю.

Вслѣдъ за тѣмъ произведенъ былъ у меня обыскъ. Родители мои, со свѣчею въ рукахъ, подошли къ моей кровати и перешарили мои карманы и постель, послѣ чего, какъ извѣстно читателю, оказалось, что карманы мои, по милости бегельфера, страдали страшной чехоткой и ни одной полушки не нашлось въ нихъ; отецъ съ сердцемъ закричалъ, обращаясь къ матери:

— Этотъ негодяй чертовски вретъ, а она еще поддакиваетъ ему!

— Батюшка, вовсе не доказано, что я вру. Ты можешь быть уже забылъ, или пожалуй, прикидываешься забывшимъ, чѣмъ хедерь пахнетъ, но я помню: изъ моей памяти никогда не изгладятся хедернія воспоминанія. Я очень хорошо знаю, что такое меламедъ, что такое бегельферъ!...

Проснувшись на другое утро, напившись чаю, я началъ было, какъ ни въ чемъ не бывало, собираться въ хедерь и по обыкновенію, сталъ требовать у матери извѣстнаго пайка, но не тутъ то было.

— Нѣтъ, мой сынъ, сказала мать,—я желаю, чтобы ты впередъ ѣлъ дома, потому, что ты очень слабъ и тебѣ не подь силу каждодневно ждать пищи до послѣ молитвы.

— Молиться развѣ также здѣсь буду?—спросилъ я.

— Конечно.

— А меламедъ, что скажетъ?

— Ничего, мой сынъ, скажешь, что я и отецъ, молю, желаютъ, чтобы ты впередъ молился дома и шабашъ.

Я, волей-неволей, покорился, наскоро помолился, схватилъ завтракъ , который сію минуту мнѣ былъ поданъ и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на опасность, которая грозила моей спинѣ отъ безжалостныхъ рукъ бегельфера, если мой ежедневный ему оброкъ будетъ прекращенъ, истребилъ его. Такъ уже заведено у людей, что и взрослые, умные, опытные люди также не задаютъ себѣ вопроса: „Что, дескать, будетъ въ послѣдствіи?“ когда настоящее имъ по вкусу. Когда я пришелъ въ хедеръ, бегельферъ потихоньку подошелъ ко мнѣ, и озираясь назадъ, словно ласкомка-кошка, когда добирается до жирнаго куска—не смотреть-ли кто нибудь изъ хозяевъ, спросилъ: „ну“? Я рассказалъ ему о случившемся вчера въ нашемъ домѣ и добавилъ, что родители приказали мнѣ впередъ завтракать всегда дома.

— Та-а-къ?! протяжно произнесъ бегельферъ и началъ поспѣшно ходить взадъ и впередъ, какъ отравленная мышь, ищущая воды. Вдругъ онъ быстро подошелъ ко мнѣ, и отозвавъ меня въ сторону, спросилъ: „послушай, братецъ, ты вѣрно самъ все рассказалъ?“ Я, понятное дѣло, откивался. — Это братецъ, *скажывай умершеи бабушки на могилѣ!* Откудажъ имъ знать, если бы ты не рассказалъ? Но когда я божился всѣми мнѣ дорогими именами и наконецъ будущимъ свѣтомъ, онъ успокоился.

7.

ЧУДНЫЙ ВРАЧЬ.

Въ 12-цать часовъ описываемаго нами дня, въ кутермѣ-хедерѣ водворился надлежащій порядокъ. Цырюльникъ, благодаря удивительному усердію своей сожительницы, которая стояла на улицѣ и привлекала, не то что своей красою (это была образина прегадкая какигъ мало), но неотвязчивыми зазываньями, въ себѣ мужиковъ на бритье,—

началь было испытывать свое мастерство надъ жатвою мужичкигъ подбородковъ, Но какъ ни изловчивайся, все таки управиться при помощи двухъ только рукъ до крайности мудрено. Въ добавокъ мужики, народъ ужасно нетерпѣливый, каждый настаиваетъ непременно подвергнуться операциі первыиъ, въ противномъ случаѣ грозить махнуть въ домъ насупротивъ, на которомъ тоже красовалась бѣлыми крупными буквами вывѣска: „сдесь живетъ атлантійскій хирургъ.“ Какъ тутъ прикажете дѣлать? Нащъ цырюльникъ малый не промахъ, и онъ ухитрился довольно удачно. Бывало, когда весь хедеръ наполнялся, какъ бочка селедками, мужиками, онъ давалъ другаго—третьяго мазать своею живописною кистью, намоченной въ мыльномъ растворѣ. Мужики волей неволей, должны были покориться своей судьбѣ и чаать очереди, которая заставила себя подчасъ очень долго дожидаться. Шапочникъ, наскучивъ своей долгой стоянкой на улицѣ, перемѣнилъ уже свой постъ, т. е. пришелъ въ свое обиталище-хедеръ и все совалъ свои шапки намыленнымъ мужикамъ, употребляя всевозможные манеры, чтобы зарекомендовать свои шапки съ самой лучшей стороны. Хлѣбникъ въ тѣ поры уже вытопилъ печь и перешаркивалъ ее своими хлѣбопекными орудіями, отъ которыхъ, къ слову сказать, нерѣдко порядкомъ доставалось по головамъ мальчиковъ, и уже собирався топить печь въ другой разъ. Изъ одного уголка домика слышались заунывные мелодіи, раздиравшія уши. Композиторъ этихъ мелодій былъ портной, котораго Провидѣніе наградило дикимъ ослиннымъ голосомъ. По цѣлымъ днямъ за работою онъ приготовился въ праздникъ преобразиться въ кантора въ какой-то изъ N-скихъ моленъ. Наконецъ и ребъ Зорахъ-Берель управился съ своими житейскими занятіями и уже взялся было за свое ремесло, за грязную бутылку и ржавую селедку. Бегельферъ также уже усѣлся за другимъ концомъ кіота. Часть зоракъ-берельскихъ жертвъ, находящихся въ домикѣ, горько хныкала отъ толчковъ или

щипковъ, достававшихся имъ отъ рукъ инквизитора-меламедъ, или бегельфера; остальные мальчики, которые, по причинѣ физическаго закона непроницаемости, именно, что два тѣла въ одно и тоже время не могутъ существовать на одномъ и томъ же пространствѣ, должны были находиться внѣ острова *), и играть тамъ въ коньки и камушки уже нѣсколько разъ передрапаясь другъ съ другомъ. Одинъ ходилъ съ царапиной на лицѣ, другой тащился съ окровавленнымъ ухомъ, получилъ-то онъ эту рану отъ другаго мальчика, которому прежде онъ раненный, чуть-чуть не вышибъ глазъ. Еще разъ повторяю, въ двѣнадцать часовъ, когда въ хедерѣ воцарился описываемый мною порядокъ, отворилась дверь и въ нее вошелъ мой братъ. Вслѣдъ за нимъ тянулся цѣлый эскадронъ мальчиковъ, до сихъ поръ игравшихъ на дворѣ.

— Послѣ обычныхъ привѣтствій, меламедъ, впервые испытующіе глаза въ брата, спросилъ:

— Что хорошаго скажешь?

— Я нарочно завернулъ къ вамъ, любезный ребѣ Зо-рахъ-Берель, спросить завтракаетъ ли онъ (глазами мигнулъ на меня) въ хедерѣ или нѣтъ?

— Какъ ... здѣсь ... завтракаетъ ли онъ? ... Нѣтъ, отрывисто отвѣчалъ меламедъ, какъ подсудимый предъ судьбою.—Вѣдь онъ говоритъ, что мать не позволяетъ ему шагнуть изъ дому безъ молитвы и завтрака.

— Нечего сказать, хедеръ успѣшно дѣйствовалъ!...

— Что такое? перебилъ его меламедъ, —навѣрное какая-то исторійка съ нимъ случилась.

— Очень просто,—дома не молится и не завтракаетъ.

(*) Въ домикъ. Называю я домикъ островомъ потому, что со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ топкимъ болотомъ. Мы еще до сихъ поръ не сказали, что улица, на которой существовалъ этотъ домикъ служила у Нскихъ евреевъ, такъ сказать, термометромъ засухи, т. е. когда хотѣли марадка на этой улицѣ въ верхушкѣ только обсушивалось болото, Нскіе евреи устанавливали всеобщій постъ и умоляли Всевышняго, чтобы не послалъ дождя.

Вы, говорить онъ, строго-на-строго приказывали молиться въ хедеръ и брать съ собою деньги на завтраки. Прошу васъ, любезный ребъ Зорахъ-Берель, продолжалъ брать, впередъ не допускать въ вашемъ хедеръ такихъ мерзостей.

Бегельферъ дрожалъ, блѣднѣлъ отъ ужаса.

Меламда поразило это извѣстiе; чтобы показать брату, что онъ не хладнокровенъ къ этому и что онъ заботится о воспитанiи своихъ жертвъ, съ яростью бросился на меня, какъ голодный, хищный волкъ на овцу, но, къ счастью, братъ удержалъ его и сказалъ, что бить дѣтей бесполезно, потому что мало помалу они привыкають къ побоямъ и спины ихъ становятся безчувственными барабанами. Меламедъ началъ рыться въ талмудъ, чтобы доказать проповное. На сторонѣ брата были всѣ мальчики: „вотъ умный, хорошiй человекъ“, твердили они всегда. Но не въ количествѣ сила, на сторонѣ меламда хотъ былъ одинъ плуть-бегельферъ, все таки за нимъ осталась побѣда; ибо попрежнему ни на волосъ не улучшилось печальное, безвыходное положенiе зорахъ-берельскихъ жертвъ. Меня взяла досада на бегельфера: „плуть ты эдакой“, подумалъ я, самъ ты подстрекнулъ меня; по твоей милости началъ воровать и столько голодалъ, а теперъ еще соѣтаешь бить меня! Нѣтъ, плуть, что будетъ то будетъ, я признаюсь во всемъ“, и я рассказалъ, какъ по совѣту бегельфера, сперва я началъ воровать у родителей, потомъ у бѣдныхъ торговокъ. Ребъ Зорахъ-Берель зазрежелталъ своими желтыми зубами и хотѣлъ бы броситься на всѣхъ, но съ позволенiя сказать, что можетъ дѣлать мотая собака, когда цѣпь мѣшаетъ ей. *Нѣмчикъ* брать, какъ меламедъ его называлъ, помѣшалъ ему. Братъ глубоко вздохнулъ и печальнымъ голосомъ произнесъ божественныя слова пророка Ісаи: „народъ мой, вожди твои одятъ тебя въ заблужденiи и путь стезей твоихъ искривляютъ! Боже мой продолжалъ онъ, и **этотъ плуть**

Бегельферъ мѣтитъ въ меламады, и онъ будетъ воспитывать израильскихъ дѣтей! ... Отправившись домой, братъ хотѣлъ было взять меня съ собою, но я тогда былъ, какъ говорится, между двухъ огней: въ хедерѣ готовилась для меня пытка отъ рукъ инквизитора-меламада, а дома отъ рукъ отца. Критически взвѣсивъ свое положеніе, я рѣшился лучше оставаться въ хедерѣ: во первыхъ стыдъ не такъ великъ быть битымъ въ хедерѣ, какъ дома, потому что я уже привыкъ къ зораль-берельскимъ побоямъ; во 2-хъ меламады острилъ зубы не только на меня одного, но еще на десять мальчиковъ, которые, слѣдуя моему примеру, тоже признались въ подобномъ грѣхѣ, а еврейская пословица говорить: „плачь многихъ половина утѣшенія“; въ 3-хъ я думалъ, быть можетъ, доказательства брата, что вредно бить дѣтей, подѣйствовали на меламада. Но увы! Мнѣ досталось вдвое больше въ хедерѣ отъ безжалостнаго меламада, особенно за то, зачѣмъ было мнѣ еще признаваться въ томъ, чего меня совершенно не спрашивали, а дома безпощадно билъ меня отецъ.

Ночью того же дня долго я не могъ сомкнуть глазъ. Когда, наконецъ, съ большимъ усиліемъ мнѣ удалось заснуть, во снѣ представились мнѣ пытки меламада, и я нѣсколько разъ вскрикнулъ отъ ужаса.

На другое утро сильно не хотѣлось мнѣ вставать „какъ“ думалъ я, „сообщить родителямъ новость, что сегодня не хочу идти въ хедеръ“? Я все лежалъ въ кровати, пока мать не подошла ко мнѣ и не начала, съ материнскою нежностью, будить меня. Мой сынъ! Отчего ты сегодня такъ заспался, пора вставать. Скорѣй, мой сынъ, чай-то осыплетъ, да скоро и въ хедеръ пора идти! Сначала я притворился спящимъ, но подумавъ, что равно ничего изъ этого не выйдетъ: спать вѣдь можно еще часъ, пошалуй, да наконецъ нульмо же будить вставать, и притворился бѣднымъ. Ожи мой и вѣдоки оглашенные выжили! Вспешная моя болѣзнь произвела въ хедерѣ дѣтъ сильное безпокойство.

ствѣе : мать на чемъ свѣтъ стоитъ, бранила отца, зачѣмъ и онъ билъ меня ; а отецъ машинально ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, не зная, что будетъ съ его сыномъ, который не зналъ бы что отвѣчать на вопросъ медика, чѣмъ онъ боленъ.

— Матушка, вмѣшался братъ,—хотя мнѣ крѣпко не хотѣлось вмѣшиваться въ родительскіе споры, но чтожъ дѣлать, когда не могу утаить справедливости, не могу не сказать, что ты кругомъ виновата, и напрасно нападаешь на отца. По твоему, ему нужно было хладнокровно смотрѣть, какъ изъ его сына, маленькаго ворихни сдѣлается современемъ большой отъявленный воръ и мошенникъ ? Малымъ, матушка, начинаютъ, а большимъ оканчиваютъ. Знай, матушка, что такую любовью ты только губишь его.

На лицѣ отца, послѣ этой истины, замѣтно было само-довольство. Но радость, появившаяся на лицѣ его не была слѣдствіемъ высказанной братомъ истины какъ увидимъ ниже.

— Я еще не видывалъ и не слыхивалъ, началъ отецъ, махая обѣими руками по воздуху, чтобы дитя заболѣло отъ меламедскихъ или отцовскихъ наказаній ! Я слава Богу, также когда то воспитывался въ хедерѣ и меня, кажись, мой меламедъ также не лелѣялъ ; отецъ мой также не гладилъ меня по головкѣ ; а все-таки никогда, слава тебѣ Господи, я не заболѣлъ отъ этого.

— Какъ же ты полагаешь, отчего онъ могъ внезапно заболѣть ? спросила мать.

— Мало ли отчего человѣкъ можетъ заболѣть ! Развѣ мало людей ходятъ къ ребѣ Зоруху-Берею въ хедеръ ? скорѣе думаю не сглазили ли его ? ...

— Въ такомъ случаѣ, перебила его мать, нечего намъ мешкать ; чѣмъ скорѣе нужно повзвать сюда Ривекку заговорить : она *отнимаетъ такую болѣзнь просто руками.*

— Помилуй, матушка ! Мнѣ кажется, что онъ совсѣмъ на болѣнь... началъ было братъ, но голосъ его былъ пре-

рванъ замѣчаніемъ отца, что Ривекка-обыкновенный чело-
вѣкъ, какъ всѣ грѣшныя, слѣдовательно она ничего не мо-
жетъ пособить моеѣ болѣзни; гораздо лучше, сказалъ онъ,
если я поѣду къ падику: тогда, какъ Богъ святъ, онъ выз-
доровѣетъ, какъ быкъ, прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Богъ вѣдаетъ когда вернешься назадъ, а между тѣмъ
дитяти болѣть что ли?

— Что ты, моя жена; развѣ падикъ докторъ, съ рецеп-
томъ котораго бѣги въ аптеку, туда, сюда, а въ концѣ
концовъ, Боже сохрани, провожай дитя въ могилу; у па-
дика-слово, и баста!

— Мѣшать тебѣ, мой мужъ, не буду; но я все-таки сдѣ-
лаю свое, позову Ривекку. Отецъ этимъ былъ весьма до-
воленъ, и въ тотъ день, въ часъ по полудни, ѣхавшій по
дорогѣ, ведущей въ городъ, гдѣ княжилъ, можно сказать,
шарлатанъ-падикъ, могъ замѣтить длиною и широкою ев-
рейскую фуру, навьюченную порядочнымъ числомъ длинныхъ
тощихъ хасидовъ, изъ которой слышна была хасидійская
пѣсня, содержаніе которой—все на свѣтѣ трывъ-трава, все
суета въ сравненіи съ блаженствомъ быть вблизи падика:

Что міръ, что богатство, что роскошь царей!

Безъ падика-ребѣ и жизнь вся пуста!...

Тамъ жизнь, ... тамъ блаженство, ... тамъ счастье
людей!...

Тамъ рай! Безъ него ... ахъ! и жизнь вся суета!...

Запѣваломъ этой пѣсни былъ мой отецъ. На весьма
справедливое замѣчаніе читателя какъ же это можно, въ
такое короткое время приготовить всѣ путевыя принадлеж-
ности въ особенности паспортъ, который достать у кагана
приходится въ потѣ лица? мы замѣтимъ, что хасидовъ двѣ
категоріи, зажиточныя и бѣдныя; у первой, т. е. зажиточ-
ной категоріи паспортъ всегда наготовѣ въ случаѣ экстрен-
ной надобности, къ этой-то категоріи принадлежалъ мой
отецъ. Другой категоріи, которой, по причинѣ своихъ
скверныхъ финансовыхъ обстоятельствъ никакъ не въ мо-

гогу уладить съ кагаломъ, поговорка: „законъ писанъ не для дураковъ“ служить паспортомъ.

— Хайка—жизнь, провѣдай чѣмъ скорѣе, дома ли Ривекка и позови ее сію минуту сюда,—печальнымъ голосомъ отнеслась мать къ нашей служанкѣ по отбѣздѣ отца.

— Это, матушка, для чего? замѣтилъ братъ.

— Чтобы она заговорила его болѣзнь,—равно отвѣчала мать. Ужасно, я вамъ говорю, ребѣ Зорахъ-Берель, какъ сглазили его вчера у васъ въ хедерѣ,—продолжала мать, уже обращаясь къ моему наставнику, который пришелъ къ намъ попрощаться съ отцемъ, предъ его отбѣздомъ и подобно всѣмъ N-скимъ хасидамъ вручить ему *квитель* (карточку) къ шарлатану-цадику о своихъ крайнихъ надобностяхъ,—а на самомъ дѣлѣ, подобно всѣмъ хасидамъ, пришелъ чтобы выпить порядкомъ, но къ сожалѣнію, опоздалъ и остался у насъ освѣдомиться по какой причинѣ я въ тотъ день не явился въ хедеръ.

— Кто это, матушка, сказалъ тебѣ, что братъ мой боленъ? Это вздоръ! Увѣряю тебя, матушка, отцу очень хорошо извѣстно, что сынокъ его здоровъ, и только притворяется больнымъ, потому что не хочетъ идти въ хедеръ; а корчилъ то онъ такую печальную мину для того лишь, что онъ нашелъ въ томъ благовидный предлогъ—получить твое согласие на поѣздку къ этому... цадику!... Охъ іезуиты, іезуиты, пробормоталъ братъ самъ себя! вы не разбираете средствъ, лишь бы достигнуть своей цѣли! А ты, сирена-цадикъ, сидишь тамъ въ своемъ хитромъ логовищѣ и манишь къ себѣ невинныхъ дураковъ-хасидовъ!...

— Нечего сказать, вмѣшался меламедъ, кивая головой, хорошее времячко настало! Гдѣ это прежде слыхано было, чтобы сынъ говорилъ подобное противъ собственнаго отца?! Вишь, продолжалъ онъ, выставя указательный палецъ правой руки впередъ, а указательный палецъ лѣвой приложивъ къ носу, мальчикъ... не хочетъ... идти... въ хедеръ... поэтому... притворяется больнымъ... Ха, ха, ха... Отчего-то

спрашиваю, теперь только вздумалось ему притворяться? Слава Богу, скоро вѣдь минетъ шесть мѣсяцевъ, какъ онъ обучается у меня; почему же именно вздумалось ему только теперь притворяться, а не прежде?

— Очень просто, ребъ Зорахъ-Берель: вы, навѣрно, вчера били его безчеловѣчно, болѣе обыкновеннаго...

— А по твоему какъ? Я долженъ былъ равнодушно выслушать это извѣстiе и погладить его по головкѣ? Нѣтъ, балабосте,—обратился меламедъ къ матери,—ужь какъ вы хотите, я не могу руководствоваться правилами вашего сына: я пастыръ юныхъ овецъ, слѣдовательно, я долженъ зорко смотрѣть, чтобы агнцы, врученные мнѣ на храненiе, не заблудились.

— Не вы одни, ребъ Зорахъ-Берель: вашъ бегельферъ тоже очень зорко смотритъ за вашими питомцами, чтобы они... Но къ чему попусту болтать!? Довольно, кажется, вчера говорили мы съ вами, а повторять старое не зачѣмъ. Не во гнѣвъ, любезный, будь вамъ сказано: поправить дѣло никакъ нельзя; не будь ребъ Зораха-Береля будетъ ребъ Тодресь, не тотъ бегельферъ—другой, вѣдь нужно же воспитывать еврейскихъ дѣтей въ чисто-еврейскомъ духѣ; поэтому, говорю, не зачѣмъ пережевывать вчерашнее. Я началъ говорить на счетъ брата, что онъ здоровъ, но притворяется больнымъ, слѣдовательно не зачѣмъ звать сюда эту знахарку. Мы слава Богу живемъ въ Европѣ, а не въ Азiи, пора, кажется, оставить это идолослуженiе!

— Если это грѣшно, отчего же ты, мой сынъ, не скажешь этого отцу и я бы удержала его отъ поѣздки. Ой, ой, ой... эта поѣздка навѣрно обойдется намъ не дешево!

— Скажите на милость, любезный ребъ Зорахъ-Берель, можно ли говорить съ вашимъ братомъ, талмудистомъ, о такомъ дѣлѣ? Я бы сказала отцу, что это богопротивно, онъ доказывалъ бы мнѣ изъ талмуда, что это богоугодно. Съ вами, талмудистами, нельзя говорить; вамъ говорятъ что-нибудь дѣльное, а вы сейчасъ, такъ сказать, вырываете

е изъ лѣса-талмуда бревно и бухъ по головѣ; но тебя, ма-
гушка, умоляю: оставь это идолопоклонство; еще разъ по-
сторяю, мы живемъ въ Россіи, а не въ какой нибудь Азіи.

Меламедъ заткнулъ пальцами свои уши.

— Что вы, режь Зорахъ-Берель, не можете слушать
правды?—Спросилъ братъ.

— Я исполняю слова талмуда. Святой талмудъ говоритъ:
„Персты человекѣа обдѣланы Творцомъ какъ палочки для
того, чтобы если услышитъ наглость, мерзость, примѣрно
какъ я теперь, онъ могъ ими заткнуть свои уши.“ Какъ
это можно слышать! Вы, балабосе, не обращайтесь никакого
вниманія на его болтовню и пошлите за Ривеккой, она от-
нимаетъ болѣзнь просто руками.

— Положимъ даже, по вашему, мальчикъ болѣнь, такъ
развѣ въ N. нѣтъ цирюльниковъ, докторовъ, что непременно
нужно обратиться къ этой знахаркѣ? Помилуйте, вѣдь это
по еврейскому закону нечто иное какъ колдовство, волшеб-
ство, идолопоклонство!

— Болѣзнь болѣзни розъ; бываютъ болѣзни, съ которыми
нужно обратиться къ доктору, а такой болѣзни докторъ
ровно ничего не поможетъ. А на счетъ того, что ты назы-
ваешь это дѣло такими богопротивными именами, такъ это
свойство вашей легкой команды—эпикурейцовъ. Вы осмѣ-
иваете все іудейское. Спроси-ка у истаго израильянина, и
онъ тебѣ скажетъ, что всякій обычай, какого бы происхож-
денія онъ ни былъ, языческаго ли, божественнаго ли, если
онъ только вошелъ у насъ—евреевъ въ употребленіе, поль-
зуется такою же святостью, какъ самъ законъ, врученный
Господомъ Богомъ Мойсею на горѣ Синаѣ.

Меня начала терзать совѣсть, и я хотѣлъ было уже
вскочить изъ постели, чтобы на дѣлѣ показать, что правда
на сторонѣ брата; но мысль, что послѣ того я долженъ
буду идти въ хедеръ, приговала меня къ постели; я началъ
громче прежняго охать и вздыхать.

— Вотъ слышите, какъ онъ притворяется? Съ лукавой

усмѣшкой спросилъ меламаедъ, обращаясь къ матери.—Я ухожу, а вамъ, какъ другъ вашего мужа, совѣтую, чѣмъ скорѣе позвать сюда Ревекку.

По выходѣ меламада, сколько братъ ни старался уговаривать мать, чтобъ она не посылала за Ривеккой, ничего не помогло, она закричала: Хайка, ступай же скорѣе за Ривеккой.

Хайка начала отговариваться:

— Помилуйте, вѣдь въ такіе дни ея дома никогда нѣтъ.

— Отчего это?

— Отъ того, что теперь предъ праздникомъ.

— Ну, такъ чтожь?

— Ей-Богу, вы спрашиваете, будто вы не еврейка. Она навѣрное ужъ, какъ водится въ такіе дни, чуть свѣтъ пошла на кладбище мѣрять гробы канатомъ и сдѣлать изъ него фитили къ свѣчамъ, что въ синагогѣ зажигаютъ предъ амвономъ.

— Знаю вашихъ сестеръ, служанокъ,—съ сердцемъ сказала мать, у васъ на все готовъ отвѣтъ. Коли не слушаешь, когда говорятъ съ тобою ласково, такъ ступай скорѣе живо! слышишь?!—крикнула мать, топнувъ ногой.

Хайка поворчала, поворчала въ носъ, потомъ сердито хлопнула дверью и вышла изъ дому. Немножко погодя, она вернулась сама безъ старушки.

— Ну, что? не правда ли моя?—заговорила своимъ пискливымъ голосомъ Хайка, войдя, я впередъ сказала, что у нея сегодня много дѣлъ! Ей-Богу, некому смѣяться! *одиночка ея крииво выпался!* и уже бѣги, сломя голову, къ Ревеккѣ, туда, сюда, Богъ вѣсть еще куда! Лучше прикажите этому.., меламаду и вашему мужу, чтобы они не били его впередъ, тогда увѣрю васъ, онъ не будетъ болѣть.

Мать ничего не отвѣчала, изподтишка только пробормотала: много, очень много будетъ чести, если буду отвѣчать этой гадкой поломойкѣ!

Сумерки приближались, стало темнѣть, одинъ конецъ

длиннаго стола немедленно украсился—не то что черною, но отнюдь и не бѣлою скатертью, на которой скоро появился высокій мѣдный подсвѣчникъ съ зажженной въ немъ копѣчной сальной свѣчкой. Послышались всплески воды: это наши домочадцы, согласно еврейскому обычаю, мыли руки предъ трапезой. Всѣ, не исключая матери, которая цѣлый тотъ день не выходила изъ дому и сидѣла возлѣ моей кровати и тужила,— съ большимъ рвеніемъ принялись истреблять вечернюю трапезу, приготовленную Хайкой. Въ это время до ушей нашихъ дошелъ стукъ тяжелыхъ, громкихъ человѣческихъ шаговъ; стукъ все болѣе и болѣе увеличивался, по мѣрѣ приближенія владѣльца этихъ барабановъ къ нашему дому. Отворилась дверь и въ нее вошла знахарка—Ревекка. Войдя, она коснулась пальцами правой руки *мезузе*, приложила ихъ потомъ къ губамъ своимъ и начала лизать, да сосать, словно медвѣдь зимою въ берлогѣ лапу. Всѣ слегка поднялись и поклонились ей; а мать прибавила съ обычнымъ тономъ еврейскихъ хлѣбосоловъ: то есть съ тономъ льва Крылова;

„А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ

Тотъ съ мѣста живъ не станетъ.“

— Милости просимъ кушать.

— Купайте на здоровьѣ, отвѣчала та.

— Тьфу, тьфу, вѣдь вы ужинаете теперь, а я совершенно забыла сказать, прибавила знахарка: „благословенъ Тотъ, кто даетъ вамъ пищу.“

— Благодарствуйте.

Матушка, начала мать, обращаясь къ старушкѣ. Посоветуйте, что дѣлать съ моимъ младшимъ сыномъ? Онъ страшно заболѣлъ, цѣлый день ничего рѣшительно не бралъ въ ротъ. *Мой* ужъ отправился на счетъ этого къ цадику, а я почла нужнымъ позвать васъ заговорить; я полагаю, онъ заболѣлъ отъ дурнаго глаза.

— Не беспокойтесь, матушка, сейчасъ заговорю, и дитя ваше, съ Божьею помощью, будетъ здорово; теперь еще не

время, я не какая нибудь другая, которая не заботится о больномъ и плохо заговариваетъ, лишь бы получить плату за трудъ: я должна повременить немножко, пока на небесахъ не появится луна.

Между тѣмъ онѣ начали калѣкать. Они осуждали всѣхъ и cadaго, знакомаго и незнакомаго. Вообще, съ свойственной всѣмъ старухамъ натурой, Ревекка рассказала о фантастическомъ, блаженномъ прошломъ, когда по ея словамъ, хлѣба не продавали какъ теперь, за наши тяжкіе грѣхи, вѣсомъ; а цѣлыми хлѣбами, когда за десять коп. можно было купить гуся, и много такихъ же прілекательныхъ небылицъ рассказывала она изъ двѣнадцатаго года. Между прочимъ, она сдѣлалась повѣренной семейныхъ интрижекъ и не рѣдко становилась судьей между мужемъ и женою.

Стрѣлки стѣнныхъ часовъ показывали девять часовъ, потомъ десять, а онѣ все еще болтали. Когда наконецъ часы пробили одиннадцать и луна окруженная мириадами звѣздъ, появилась на небосклонѣ, Ревекка поспѣшно поднялась въ своего мѣста и начала требовать у матери восковой свѣчи съ ермолкой. Сю минуту предметы эти были ей поданы; но Ревекка забраквала поданную ермолку по причинѣ ея новизны,—для этого, сказала она, нужно непременно старая, засаженная, съ лѣтомъ. Когда были удовлетворяемы всѣ ея прихоти, она раскинула книжку подъ заглавіемъ: „Всякія всячины“ и начала съ благоговѣніемъ, качаясь взадъ и впередъ, словно маятникъ, читать слѣдующую безсмыслицу, которую мы передаемъ читателямъ въ буквальный переводъ:

„Приступаю именемъ Бога, сотворившаго небеса и землю съ десятию тысячами законовъ, десятию тысячами свитковъ закона, десятию тысячами священныхъ надписей и съ десятию тысячами добрыхъ ангеловъ. Всѣ эти священные твари пусть явятся ко мнѣ на помощь прогнать отъ этого больнаго дитяти злое око. Я приходила для этого божественною силою, божественнымъ могуществомъ, небес-

ными звѣздами, небеснымъ замкомъ. Заслуга нашихъ праотцевъ Авраама, Исаака и Якова, заслуга ихъ набожныхъ женъ: Сары, Ревбеки, Рахили и Лей, заслуга всѣхъ падиковъ и хасидовъ пусть теперь заступятся за больнаго. Сюда я въ первый и послѣдній разъ пришла заговорить болѣзнь этого дитяти (это очень часто случалось). Все равно отъ чего эта болѣзнь ни прилепилась къ нему отъ сосанія сосцевъ матери (мнѣ ужъ тогда минуло шесть лѣтъ), отъ ѣды, питія, сна, злаго взгляда, думы, остроты, со стороны отца, матери, когонибудь другаго изъ домочадцевъ, отъ нехорошей встрѣчи, ночнаго испуга, испуга отъ удара, отъ горячки скотина ли испугала его, собака ли, самецъ ли, самка ли, испугали-ли его; малый или великій, старый или молодой человекъ вредилъ ему, злая очи, лютыя сердца ему вредили, пусть дымомъ и вѣтромъ по лѣсамъ, рѣкамъ, дебрамъ и полямъ отойдетъ отъ него! Вонъ тамъ стоитъ каменный замокъ, желѣзный замокъ—прочь болѣзнь туда! прочь отъ этого дитяти! и не смѣй явиться къ нему никогда, никогда!

Ну теперь ужъ конецъ,
 Всему дѣлу вѣнецъ;
 Ступай вонъ, собаченокъ!
 Войди къ намъ ты, мышенокъ!
 Мнѣ силы даны
 Лишь при свѣтѣ луны.
 Вы друзья ужъ прощайте,
 Да добро наживайте;
 А про грусть забывайте.
 Вотъ сегодня среда
 И не будетъ вреда.

Болѣзнь моя продолжалась до слѣдующаго дня; на завтра утромъ, когда мать клялась всякаго рода божбами, что впередъ отецъ не будетъ бить меня, я быстро выздоровѣлъ и какъ ни въ чемъ не бывало, снабженный лакомствами, игрушками, наконецъ и самымъ главнымъ рекоменда-

нымъ письмомъ отъ матери о моей честности къ меладу я отправился въ хедеръ.

Въ первомъ хедерѣ я выучился утреннимъ и вечернимъ молитвамъ безъ всякаго перевода на непонятномъ тогда для меня древне-еврейскомъ языкѣ. Спустя два мѣсяца моего прибытія въ хедеръ, когда я еще только могъ читать въ этомъ молитвенникѣ, по которому ежедневно молился и то съ грѣхомъ по поламъ,—меламедъ, получивъ за меня отъ отца такую плату, на котсрую онъ вовсе не рассчитывалъ обыкновенно плотять за мальчика четыре рубля въ *зманъ* (полугодіе), а за меня ребъ Зорахъ-Берель получилъ шесть), началъ учить меня библіи. Само собою разумѣется, что объяснялъ-то онъ не по-нѣмецки, не по-русски, но на еврейско-нѣмецкомъ діалектѣ, говоря точнѣе, на варварскомъ безалаберномъ жаргонѣ, а по большей части исковерканными словами древне-еврейскаго языка.

Даже сама библія, которую ребъ Зорахъ-Берель читалъ въ хедерѣ, кажется, совсѣмъ не та, которую наши образованные учителя читаютъ въ нашемъ раввинскомъ училище. Вообще меламды, какъ моимъ читателямъ уже извѣстно, совсѣмъ не заботятся о переводѣ божественныхъ словъ, а лишь сосредоточиваютъ вниманіе своихъ жертвъ только на выдуманныхъ ими легендахъ, которыя приписываютъ невиннымъ строкамъ-талмуда и мидреша. Теперь еще хорошенько помню, словно вчера это случилось, какъ ребъ Зорахъ-Берель объяснилъ мнѣ стихъ: „Яковъ жилъ въ землѣ странствованія отца своего, въ землѣ Ханаанской.“

— Эй ты! отчего-то Яковъ *садился* *) на землю?—спросилъ меламедъ.

— Слушай, почему,—продолжалъ онъ, когда я былъ поставленъ въ тупикъ такимъ страннымъ вопросомъ,—такъ какъ въ прежнихъ стихахъ говорится о мотыхъ собакахъ—

*) Оба глагола: *жить* и *сидѣть* на еврейскомъ языкѣ, выражаются однимъ словомъ «зайешевъ».

потомкахъ Исаака, то вадрогнувшій всё́мъ тѣломъ Яковъ, сѣдился на землю, чтобы спастись отъ нихъ (еврейское симпатическое средство отъ лая собакъ).

Боже мой! что досталось мнѣ, когда потомъ въ субботу, на испытаніи я забылъ это вранье! Словомъ, мелады напрягаютъ всё свои силы, чтобы съ бѣлаго, яснаго и свѣтлаго сдѣлать черное и темное. Объ отношеніяхъ ребъ Зораха-Береля къ своимъ жертвамъ опредѣленнаго нельзя сказать ничего, иногда изъ-за глупости онъ надувался, какъ индѣйскій пѣтухъ и бѣсился, иногда же былъ веселъ и разговорчивъ. Въ порывѣ удовольствія, бывало рассказывать намъ анекдоты и остроты. Но эти веселыя минуты не долго длились. Разъ прихожу я въ хедеръ; пастырь уже пасетъ юныхъ овецъ за кіотомъ и былъ очень веселъ и предложилъ разныя остроумныя загадки въ родѣ: что это за франтъ, который сидитъ на крышѣ и курить трубку (труба), что это за господинъ, который гуляетъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ становится скромно въ уголь? (метла) и т. п. Нечего жаловаться: мелады не занимается, спины наши не терпятъ отъ его рукъ, ученики всё веселы; но вдругъ радость зорახберельскихъ жертвъ превратилась въ печаль: жена его подала ему на завтракъ нѣсколько ломтей хлѣба съ мискою, наполненною супомъ; набожный ребъ Зоракъ-Берель, за неимѣніемъ скатерти, подостлалъ полы своего балахона на столъ и поставилъ на нихъ миску и, по еврейскому бычаю предъ кушаньемъ, пошелъ мыться. Понятное дѣло, что миска послѣдовала за кафтаномъ и бухъ о землю; мы, подъ вліяніемъ недавней радости, расхотались до слезъ; мелады съ яростью бросился на насъ и перебралъ каждого по косточкамъ. Разъ случилось, это было подъ вечеръ, жертвы ребъ Зораха-Береля, по обыкновенію, какъ кто могъ, т. е. у кого карманы были шире и глубже, тотъ больше, а у кого-уже и короче, тотъ меньше накралъ дома картофеля (я несчастный тогда ничего не могъ принести: ковар-

ная Хайка помѣшала), а половина меламада приготовила ихъ для счастливецъ, меламедь велъ съ нами литературную бесѣду и предложилъ намъ остроумные литературные вопросы, въ родѣ слѣдующихъ: „Нои родилъ трехъ сыновей Сима, Хама и Ефата; какъ звали ихъ отца? Въ расплохъ спросилъ меламедь одного ученика, котораго звали Шмерель. Послѣдній, будучи не изъ гениальныхъ, былъ озадаченъ такимъ головоломнымъ вопросомъ: думалъ, думалъ, наконецъ признался:

— Не знаю, ребе.

Прежде всего инквизиторъ-меламедь своего благодатною рукою наградилъ этого генія чѣмъ то полновѣснымъ, не помню-оплеухами или пощечинами, потомъ, чтобъ объяснить вопросъ нагляднѣе, прибѣгнулъ къ примѣру:

— Слушай болванъ, гой: положимъ я, ребъ Зорахъ-Берель, твой отецъ, а ты, несчастный Шмерль, сохрани Богъ! мой сынъ. Ну, болванъ, въ такомъ случаѣ, кто былъ бы я твой, а ты мой?

— Вы были бы мнѣ а ребъ Зорахъ-Берель, а я былъ бы вамъ а Шмерль, подхватилъ догадливый геній.

Меламедь бросился на генія и задалъ ему колотушу; потомъ началъ своего инквизиціонною рукою ни за что, ни про что барабанить по моей спинѣ.

— Боже мой! закричалъ я,—что вы хотите отъ меня, почему вы придираетесь ко мнѣ! Я знаю, какъ звали ихъ отца! Нои, Нои, Нои! ... кричалъ я что было мочи, но барабанщикъ-меламедь не обратилъ ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ барабанить.

О прочихъ мелочахъ, дрызгахъ, которыя кишмя кишать въ этихъ трущобахъ-хедерахъ, не хочу распространяться; ибо сердце мое обливается кровью, глаза слезами, когда вспоминаю, что дѣти моихъ единовѣрцевъ еще доселѣ копошатся въ этомъ сору, въ этой грязи, и Богъ вѣсть, еще доколѣ будутъ копошиться. Такъ, поле засѣянное однажды хлѣбомъ, дастъ послѣ новой перепашки подъ другія

растения, нѣсколько колосьевъ отъ сѣмянъ уцѣлившихъ въ почвѣ.

Ужъ нѣсколько лѣтъ прошло съ того времени, къ которому относится мой рассказъ. Отецъ мой, царство ему небесно, однажды, это было во время праздниковъ, когда онъ по обыкновенію своему, ѣздивъ къ падику, сильно простудился, получилъ горячку, отъ которой уже не воротился домой и былъ тамъ похороненъ. N-скіе хесиды очень и очень завидовали его блаженной участи „Вотъ счастливецъ, такъ счастливецъ“ ! говорили они моеѣ матери, во время траура, когда приходили къ намъ утѣшать сѣтующихъ. „Жилъ благочестиво и умеръ какъ истый хасидъ; это не шутка, умереть во время праздниковъ, у падика, сейчасъ по отпущенію грѣховъ“. Скоро по смерти отца, братъ, съ дозволенія матери, опредѣлилъ меня въ равинское училище.

Каждому человѣку мила и дорога мѣстность, гдѣ онъ провелъ свою юность и лица, которыя окружали его въ младенчествѣ. Недавно, повидавшись съ однимъ евреемъ N-скаго городишка, я сталъ спрашивать его: что случилось съ ребѣ Зорахъ-Берелемъ, съ Реввекой? съ остальными лицами моего разсказа? наконецъ съ той трущобой, въ которой я провелъ слишкомъ четыре года изъ моихъ лучшихъ лѣтъ. И мнѣ разсказали, что ребѣ Зорахъ-Берель отдалъ душу свою Богу страннымъ образомъ. Однажды ночью одинъ изъ сыновъ трущобы-хедера (потомъ узнали, что это былъ мошенникъ-шапочникъ) хотѣлъ было выйти на дворъ, но съ просонья не могъ добратся до двери и наткнулся на койку, въ которой спала одна изъ дочерей трущобы, или можетъ быть умышленно наткнулся, это еще по нынѣ, по словамъ разсказчика-еврея, покрыто мракомъ неизвѣстности, но намъ къ нашему разсказу это все равно, наткнулся. Поднялся крикъ, шумъ, гамъ, гвалтъ.

— Обокрасть насъ хотятъ! Закричали всѣ трущобники.

— Меня сейчасъ кто-то хотѣлъ зарѣзать! разбойникъ

держалъ меня за руки, закричалъ пискливый голосъ сахарной ужь тогда *дѣвы* портнаго.

— Мой Богъ! скорѣе зажигайте свѣчу, закричалъ какой-то голосъ.

— Одна бѣда накликаетъ другую: какъ разъ на бѣду въ домикѣ не было ни свѣчей, ни спичекъ. Портниха была одна изъ молодцоватыхъ женщинъ, заставила двухъ другихъ женщинъ съ инструментами хлѣбника въ рукахъ махать назадъ и впередъ возлѣ двери, чтобы между тѣмъ воръ разбойникъ не улизнулъ, а сама въ одной рубашкѣ, покрытая только простынею, отправилась въ близнаходящуюся моленную за огнемъ.

Въ ту пору ребъ Зорахъ-Берель сидѣлъ въ моленной и читалъ мишну за упокой души одного усопшаго. Войдя въ моленную, портниха, не говорила ни слова, прямо подходитъ къ ребъ Зорахъ-Берелю и, выхвативъ изъ его рукъ свѣчу, хотѣла было уйти. Ребъ Зорахъ-Берель вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Шема Израиль! Закричалъ онъ,—въ моленной жертвецъ въ саванѣ!!

— Что съ вами? Ребъ Зорахъ-Берель, закричала портниха,—развѣ вы не знаете меня? вѣдь я портниха, которая живетъ съ вами въ одномъ домѣ. Она назвала себя по имени.

Бывшій мой наставникъ, ничего не отвѣчая, схватилъ кирпичъ и бухъ портнихѣ прямо въ голову! Окровавленная, она еле—еле дотащилась домой, а ребъ Зорахъ-Берель отъ испугу упалъ въ обморокъ; но скоро вошедшій шамешъ (служба моленной) привелъ его въ чувство. Портниха, благодаря неутомимому содѣйствію дырюльнива, который нѣсколько недѣль сряду возился около нея, выдоровѣла; а къ ребъ Зорахъ-Берелю звали знахарку заговорить его болѣзнь, но Ревекки уже тогда не было въ живыхъ, а другая знахарка (справедливо замѣтила Ревекка) изъ рукъ вонъ плохо заговаривала, такъ что ребъ Зорахъ.

Берель на другой день умеръ. Цѣлое N-ское населеніе, до мала до велика, провождало его на кладбище; лавки и шинки во время процессіи были на запорѣ. N-скіе либералы на чемъ свѣтъ стоитъ ругали тамошняго скупаго проповѣдника, который, хоть убей его, безъ рубля не хотѣлъ произнести надъ нимъ погребальное слово.

Въ домикѣ, гдѣ ребъ Зорахъ-Берель такъ долго мелемедствовалъ, теперь бывшій мой бегельферъ воспитываетъ еврейскихъ дѣтей въ талмудическомъ духѣ и пользуется, по словамъ рассказчика-еврея, огромною репутаціею.

Портной понинѣ еще негодуетъ на жалкую свою судьбу, какъ онъ никомандуетъ своего пріятельницею-иголкою, все еще не пошелъ въ гору и никакъ не можетъ улучшить участь своей сахарной дочери, - выдать ее за мужъ га ешиботника. Каждый человѣкъ имѣетъ свой идеалъ, портной искалъ своего въ порядочномъ ешиботникѣ. Еслибъ нашелся такой либеральный ешиботникъ, который не обращалъ бы вниманія на его ремесло и согласился-бы войти съ нимъ въ родственныи союзъ, тогда, безъ сомнѣнія, портной счелъ бы себя находящимся на верху человѣческаго благополучія, но пока еще его нѣтъ, какъ нѣтъ!

Л. М. Кокутзъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПОДЛЯСЬЯ *).

IV.

Ипатій Поцей, завѣряя русское духовенство, что папа оставляетъ имъ всѣ обряды и обычаи восточной церкви, безъ сомнѣнія вѣрилъ въ этомъ случаѣ въ непогрѣшимость папскаго слова. Дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ цѣлый рядъ папскихъ буллъ увѣрялъ унитовъ въ томъ, признавая во-

*). См. Кн. 10 Вѣст. Зап. Россіи.

сточные обряды святыми и богодухновенными, и уподобляя различіе въ обрядахъ единой церкви различію «цвѣтовъ», въ природѣ и красокъ въ картинѣ, но слово папы было слишкомъ грѣшнымъ и даже вѣроломнымъ. Изъ Рима выходили желанія, совершенно обратныя смыслу словъ его, и при пособіи лучшихъ слугъ его — іезуитовъ, достигали своей цѣли независимо отъ буллъ. Едва прошло тридцать лѣтъ со времени брестскаго собора, какъ въ самой средѣ унитовъ (Римъ себѣ сторона) является написанное даровитою рукою (Мелетія Смотрицкаго) глубокое порицаніе духа и характера восточной церкви, т. е. того, что составляетъ душу всего богослуженія и обрядовъ церковныхъ и что одно даетъ имъ жизнь и самостоятельный строй. Ни авторъ, ни все современное ему унитство не подозрѣвали тогда результатовъ этаго порицанія. Но они скоро начали показываться. Черезъ десять слишкомъ лѣтъ послѣ сего (1640 г.), другой унитъ (Кассіанъ Саковичъ), въ обширномъ своемъ памфлетѣ (Kamień), съ непомѣрною жолчью и цинизмомъ осмѣялъ всѣ богослужебныя понятія, всѣ обрядовыя дѣйствія и всѣ уставы унитовъ и православныхъ, и сказалъ въ заключеніи, что единственное средство для унитовъ (и православныхъ) исправить свое богослуженіе, это — бросить его отъ начала до конца и всецѣло принять богослуженіе и обряды римской церкви, что онъ самъ тогда же сдѣлалъ, принявъ чистое латинство. Такимъ образомъ унія, едва проживъ 45 лѣтъ, уже совершила полный вѣкъ свой; только слѣпые изъ унитовъ не видѣли, что унія есть только мостъ, чрезъ который проходятъ съ востока на западъ и на которомъ Римъ никому не желаетъ располагаться на цѣлую жизнь. Въ то же время нельзя было не призадуматься надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что высшіе русскіе дворянскіе роды совершенно пренебрегали уніею и изъ православія переходили прямо въ латинство. Но масса тогдашняго унитскаго духовенства не вдавалась ни въ какія подобныя разсужденія и свято хранила всѣ свои обра-

ды и обычаи, допуская въ нихъ единственное дополненіе, именно—поминовеніе папы; она продолжала пользоваться только тѣми богослужебными книгами, которыми пользовалась и до брестскаго собора, а также печатаемыми въ православныхъ типографіяхъ Стрятина, Острога, Кіева, Львова, Могилева и др.—Но іезуитизмъ усиленно работалъ въ высшемъ унитскомъ духовенствѣ и въ средѣ василіанскихъ монаховъ, и для уснѣха своего дѣла наполнялъ объ эти среды своими членами, принимавшими для вида унию; онъ порѣшилъ превратить весь восточный обрядъ въ простыя краски и цвѣты и создать изъ нихъ особую картину, на которой не было бы и слѣдовъ духа и характера церкви восточной. Съ этою-то цѣлю задуманъ былъ соборъ Замойскій (1720 г.). Полонизмъ шелъ объ руку съ іезуитизмомъ: такъ какъ брестская унія не достигала желанныхъ имъ цѣлей, или вядо шла къ нимъ, то тогда же явился на одномъ изъ сеймовъ проектъ объ уничтоженіи ея и обращеніи всѣхъ унитовъ въ чистое католичество. Это было сильнымъ побужденіемъ для представителей уніи рѣшительно подумать о судьбѣ ея, и соборъ унитскій поспѣшилъ собраться въ Замостьѣ. Но на этомъ соборѣ предсѣдательствовалъ чистокровный католикъ—кардиналъ Гримальди; унитскій митрополитъ того времени, Левъ Кишка, былъ питомцемъ іезуитовъ; дѣлопроизводителями собора были василіанскіе монахи... „Унитскія богослужебныя книги—говорилъ соборъ—неисправны (правда), текстъ и редакціи ихъ различны и во многомъ испорчены (правда), нужно свести ихъ въ одну редакцію, въ одинъ текстъ (такъ въ православно-русской церкви тоже сдѣлано при патр. Никонѣ); востокъ отпалъ отъ церкви Христовой, и потому всѣ исправленія въ унитскомъ богослуженіи должны быть сдѣланы по образцамъ церкви римской. Нужно опредѣлить въ каждомъ обрядѣ главную *мысль* его, нужно дать болѣе логическій и строгій *ходъ* этой мысли, нужно исправить *текстъ* обрядовый (богослужебныя унитскія книги по

прежнему исповѣдывали исхожденіе св. Духа отъ отца, не говорили о ключахъ церкви, данныхъ ап. Петру, не знали чистилища, не знали ни формы, ни матеріи въ таинствахъ и проч. и проч.), наконецъ нужно опредѣлить все *поведеніе священника* при совершеніи обряда и для всѣхъ этихъ опредѣленій, отмѣнъ, пополненій и поправокъ указанъ былъ одинъ и тотъ же идеаль — римское богослуженіе. Такимъ образомъ мысль, духъ и характеръ, что составляетъ сущность и жизнь обряда, безусловно изгонялись изъ унитскаго богослуженія; органическій обрядъ долженъ былъ сдѣлаться сначала простымъ матеріаломъ, изъ котораго потомъ построено будетъ зданіе по мысли и духу церкви римской. Извѣстно, какъ приняло эти опредѣленія все нпашее унитское духовенство и міряне: Льва Кишку называли измѣнникомъ уніи, василіанскихъ монаховъ предателями, сами епископы унитскіе недовольны были этимъ соборомъ, участники собора боялись показываться въ средѣ приходскаго духовенства и народа. Потому-то болѣе тридцати лѣтъ послѣ этаго собора никто не рѣшался исполнить опредѣленій его относительно богослуженія и богослужебныхъ книгъ оставались нетронутыми. Но старыя книги отъ времени уничтожались; привилегія печатанія церковныхъ книгъ перешла отъ измелчавшихъ и обѣдѣвшихъ братствъ въ руки митрополитовъ и василіанъ; высшее унитское духовенство наполнялось воспитанниками іезуитовъ, піаровъ и василіанъ, успѣвшихъ уже открыть свои школы по образцу своихъ учителей. Только тогда епископъ (послѣ митрополитъ) Аванасій Шептицкій и почаевскіе василіане (въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка), рѣшились выпустить въ свѣтъ постепенно цѣлый кругъ богослужебныхъ книгъ въ исправленномъ видѣ и съ той-то поры пошли гулять по свѣту такъ называемыя унитскія богослужебныя книги, которыхъ до того времени не было, не смотря на то, что унія существовала уже болѣе 150 лѣтъ.—Періодъ появленія и особеннаго потомъ размноже-

нiя этихъ новыхъ книгъ совпадаетъ съ временами послѣдней агонiи и раздѣловъ польскаго королевства. Въ Малороссiи и Бѣлороссiи съ новыми силами поднялась притихшая было борьба православныхъ съ унитами, сильно поддерживаемая Россiею, которая не скрывала болѣе своихъ намѣренiй въ отношенiи къ этимъ русскимъ краямъ. Вслѣдъ за тѣмъ Екатерина II присоединила Бѣлороссiю къ Россiи. Наступила судорожная работа въ унитствѣ; ополяченное мелкое дворянство унитское толпами принимало католичество; унитское духовенство, занятое дотолѣ сторожеванiемъ своихъ границъ со стороны католичества, бросилось теперь всѣми своими силами къ границамъ со стороны православiя, и начало рвать всѣ нити связующiя съ нимъ упiю и точно означать, что принадлежитъ ей, а что—*схизмъ*. Началась поголовная стрижка волосъ и бородъ, замѣна рясъ сутанами *), рѣшительное изгнанiе старыхъ богослужебныхъ книгъ, обязательность и для сельскихъ священниковъ польскаго языка во всѣхъ оффиціальныхъ отношенiяхъ и т. п. Никогда—ни прежде, ни послѣ, унiя не считала въ своей средѣ столько ученыхъ людей, какъ считала ихъ въ то время; никогда унитская литература не была такъ богата разными своими продуктами; образованiе проникло во всѣ слои духовенства, во всѣхъ школахъ и академiяхъ много было унитскихъ воспитанниковъ и въ типографiяхъ печаталось множество сочиненiй унитскихъ *umiejętnych ludzi* (ученыхъ). Но присоединивъ къ Россiи Бѣлорусiю, Екатерина оставила за Польшею Подлясье, Холмщину, Украину, Волынь, Галицiя же отошла къ Австрiи. Такимъ образомъ центръ унiатства былъ разбитъ, и пока въ каждомъ изъ этихъ трехъ государствъ форми-

---

*) Приходское холмское и подляское духовенство окончательно острижено и одѣто въ сутаны холмскимъ епископомъ Рыллою, во время празднованiя въ Холмѣ коронацiи иконы Божiей Матери, находящейся въ холмскомъ каедральномъ соборѣ.

ровалось особое правильное управленіе унитствомъ, приходы, благочинія и цѣлыя епархіи, не зная, куда обращаться съ своими дѣлами, привыкали къ произволу и неповиновенію епархіальной власти. Едва сформировались отдѣльныя унитскія управленія, какъ послѣдовало новое раздѣленіе Польскаго Королевства и новое раздѣленіе унитскихъ областей. Еще не успѣли обозначиться эти новыя границы, какъ послѣдовало опять новое разграниченіе ихъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовали Наполеоновскіе перевороты и образовалось Варшавское Герцогство, а потомъ Польское Царство. Въ продолженіи этого періода, Подлясье и Холмщина переходили отъ Польши къ Австріи, отъ Австріи къ Герцогству Варшавскому, отъ него къ Россіи. Среди этого долгаго и сильнаго замѣшательства не дремало одно польско-католическое духовенство: цѣлыя сословія унитскія, множество унитскихъ мѣстечекъ, деревень и поселковъ очутились въ паствѣ его. Въ то же время, унитское духовенство, въ усиленіяхъ вѣрнѣе ограждать со стороны православія пріучалось болѣе и болѣе къ дикому личному произволу въ дѣлахъ своей вѣры и богослуженія. Послѣдній раздѣлъ Польши едва совершился, какъ вся Малороссія очистилась отъ уніи. Вскорѣ затѣмъ для всѣхъ дѣлалось очевиднымъ, куда направляется движеніе, возбужденное въ средѣ бѣлорусскихъ унитовъ. Холмское и подлясское духовенство, въ особенности послѣднее, прежде другихъ состарѣвшееся въ пеллинизмъ и непосредственно руководимое яновскою кафедрой, образуя отдѣльную, независимую ни отъ какихъ унитскихъ управленій епархію, болѣе всѣхъ предавалось произволу въ очищеніи уніи. Воображая погоню за собою страшной схизмы, оно бѣжало-бѣжало, то уродуя на себя, то сбрасывая съ себя и покидая на распутияхъ свою одежду, чтобы не быть узнаваемымъ, не слушая голоса своихъ предводителей, силывшихся умѣрять ретивость бѣга его и косясь по дорогѣ крохами, подаваемыми ему польско-като-

ическимъ духовенствомъ, которое лѣвою рукою подавало ему хлѣбъ и указывало дорогу къ спасенію отъ призрака жизни, а правою обкрадывало его дочиста и уничтожало брошенную на дорогѣ одежду.

Куда же именно оно бѣжало и чего именно хотѣло достигнуть? Въ школахъ іезуитскихъ и піарскихъ, въ которыхъ воспитывалась интеллигенція унитская, и во всѣхъ ученыхъ бесѣдахъ унитскаго духовенства съ латинскими, самыми оживленнымъ предметомъ были отношенія восточной церкви къ западной и въ частности параллель между богослуженіемъ и обычаями востока и запада. Тридентскій соборъ окончательно обработалъ католическій *Миссалъ* (служебникъ), *Ритуалъ* (требникъ), а петриковскій соборъ (1628 г.) тщательно собралъ всѣ обряды обще-католическіе и мѣстные, и надалъ ихъ въ безусловное руководство для польскаго духовенства съ длинными и самыми подробными описаніями и опредѣленіями всѣхъ священническихъ дѣйствій при исполненіи обряда. Каждый обрядъ получилъ здѣсь стройный и строгій видъ. Въ немъ опредѣняется главная его мысль, выражаемая явнымъ обрядовымъ дѣйствіемъ (*materia, forma*), и развитіе ея, такъ что каждый обрядъ имѣетъ въ себѣ (по требованію Аристотелевой логики) приступъ, причину, объясненіе, сущность дѣла, выводы и заключеніе, почему на простой взглядъ система его кажется дѣйствительною стройною и вполне рациональною. Римское богословіе точно и опредѣленно указываетъ въ этомъ обрядѣ фазисъ благодати Божіей т. е. въ какомъ именно моментѣ ея зачинается, въ какомъ существенно открывается и въ какомъ завершается дѣйствіе ея. Но самый обрядъ—продолжаетъ тоже богословіе—п есть только орудіе въ рукахъ священника; посредствомъ этого орудія, онъ совершаетъ таинство, онъ низводитъ на христіанина благодать Божию, онъ крещаетъ *) и под., онъ

*) Это выражаетъ священникъ при совершеніи таинства и словами, знаменующими полное дѣйствіе благодати: *ego confirmo te... епископъ: ego confirmo (мвропомазку) te...*

есть minister таинства церковнаго. Это богословіе принимает за догматы: слѣдующее, ужасное для христіанина положеніе: «если священникъ, при совершеніи таинства, не сосредоточился на немъ всею своею мыслію и желаніемъ (intentio), то таковое не совершится.» (Почемъ знать, гдѣ были мысли всендза, совершавшаго крещеніе надъ N, и гдѣ для этого N. увѣренность, что онъ дѣйствительно сподобился благодати крещенія?!) Чтобы предохранить вѣрующихъ отъ ужасныхъ послѣдствій такой вины священника, римская церковь его самаго поставила въ тиски при совершеніи обряда. На поведеніи священника при совершеніи обряда тридентскіе и петриковскіе систематизаторы обряда сосредоточили преимущественное свое вниманіе. *Миссалъ* и *Ритуалъ* со всею подробностью опредѣляютъ какъ приготовленіе священника къ совершенію таинства, такъ и поведеніе его при самомъ служеніи; ему указано: гдѣ и какъ въ этомъ случаѣ ступить, стать, наклониться, преклонить колѣно, стать полуоборотомъ, опустить, поднять, развести и сложить руки, куда и какъ вперять взоръ, какое чувство выражать въ своемъ лицѣ и во всей своей фигурѣ, — вообще всѣ приемы и декораціи благоговѣнія опредѣлены здѣсь подробно и строго.

Восточный обрядъ, по наружности своей, дѣйствительно не представляетъ строгой логической системы—вычищенной, вылощенной; онъ есть собраніе различныхъ богослужебныхъ дѣйствій, представляющихъ только въ общемъ видѣ ходъ богослужебной идеи. Восточная церковь, принявъ эти дѣйствія и цѣлые обряды отъ апостоловъ и преемниковъ ихъ, никогда не рѣшалась мудрить надъ ними по правиламъ измѣнчивой человѣческой логики, но свято соблюдала ихъ во всей цѣлости, какъ священное наслѣдіе отъ древнѣйшей церкви Христовой и какъ знаки нестижиаго и вполнѣ свободнаго откровенія людямъ и дѣйствія благодати Божіей. Священникъ восточной церкви есть только служитель, а не minister обряда; интенція его

остается при немъ и не вліяетъ на аначепіе обряда и силу благодати,—ему предоставляется полная свобода внутренняго расположенія и выраженія его, почему, за рѣдкими исключеніями, ему не предписываются наклоненія, характеръ оборотовъ, положеніе рукъ и проч. Божественная благодать дѣйствуетъ въ обрядѣ таинственно и вполнѣ свободно и самостоятельно, она крещаетъ, она запечатлѣваетъ дары св. Духа въ души христіанина, она таинственно соединяетъ его съ Богомъ *).

На которой сторонѣ болѣе христіанскаго смысла, истинной жизни и истиннаго христіанскаго духа и характера, это очевидно. Въ римско-католическомъ обрядѣ все проникнуто деспотизмомъ: священникъ находится въ тискахъ многочисленныхъ предписаній, обрядъ—въ тискахъ священника, благодать подавлена обрядомъ. Въ восточномъ обрядѣ, напротивъ, всюду полная свобода. Обрядъ свободенъ отъ насилій ивмѣнчивой логики, благодать Божія дѣйствуетъ въ немъ вполнѣ свободно, священнику предоставляется полная свобода внутренняго расположенія и наружнаго поведенія, вѣрующіе свободны отъ безусловнаго значенія для нихъ этаго расположенія и поведенія. Вотъ духъ восточнаго обряда, истинный христіанскій духъ: *Ибоже духъ Господень, ту и свобода*, учить анос. Павелы Гдѣ нѣтъ истинной христіанской свободы, тамъ оскудѣлъ духъ Господень. Восточные христіане имѣютъ двойное преимущество предъ римскими христіанами: 1) первые молятся въ обрядѣ точно также, какъ молились ближайшіе преемники св. апостоловъ и величайшіе отцы первыхъ вѣковъ христіанства, послѣдніе совершенно передѣлами: составъ и текстъ древняго обряда и наполнили его множествомъ позднѣйшихъ вставокъ и мудрованій; 2) въ отношеніяхъ къ обряду и благодати мы, восточные христіане,

*) Это и выражается формулами: «крещается рабъ Божій... причащается рабъ Божій...»

не рабы; а свободные дѣти Божіи. Восточный обрядъ не-
лестъ живни, оященнымъ имѣть въ немъ всю возможность
представлять собою не закавной, не механической, не самый
жизненный примѣръ благоговѣнія молитвеннаго; латинскій
же обрядъ сухъ, схоластиченъ, скученъ, ксендъ латинскій
дѣйствуетъ въ немъ какъ автоматъ, онъ не можетъ побѣ-
жить лицемѣрія, не быть однообразнымъ, въ высшей сте-
пени: скучнымъ, мертвящимъ, потому что все поведеніе
его—казное до послѣднихъ мелочей.

Но не новизна этаго величія и правды восточнаго об-
ряда дѣтели замойскаго собора и исправители унитскихъ
книгъ богослужебныхъ; воспитываясь на логикѣ Аристо-
теля и схоластикѣ езуитской, они поражались широтою о-
предѣленности и ясностью понятій въ обрядѣ римскомъ,
закономъ системы, гладкостью текста, пышностью формъ,
аналогичнымъ видомъ католическаго ксенда. Незамѣт-
но для самихъ себя, потеряли восточный духъ и бышіе
противники этаго собора и исправленія богослужебныхъ
обрядовъ и, при первой критической повѣркѣ себя съ нимъ
увидѣли—не какъ далеко уклонились сами они отъ своего
богослуженія, но какъ—будто—обрядъ восточный въ са-
момъ дѣлѣ нелогиченъ, противурѣчливъ, полонъ хлама не-
нужнаго, неяснаго и грубаго. Невѣжественные и злобные
аргументы Кассіана Саковича, хорошо затверженные ка-
толическимъ духовенствомъ и при всякомъ удобномъ слу-
чай въспоминаемые унитамъ, заставляли послѣднихъ пра-
вильно и видаться на все средства, чтобы въ обрядѣ сво-
емъ и въ себѣ самихъ точно и вѣрно выразить смыслъ и
духъ обряда и ксенда римскаго. И въ этомъ духѣ унит-
ство думало найти убѣжище отъ страшнаго призрака сла-
вы. Требования замойскаго собора и василіанскія поправки
въ богослужебныхъ книгахъ являлись уже недостаточными,
въ тѣхъ и другихъ оставалось еще много схематическаго,
въ нихъ запечатлѣлось точное восточное устройство церкви,
оставались пять просфоръ въ ехаристіи, не пропавали

органы, удержаны полные тексты (хотя и со множеством дополнений) литургии, вечерни и утрени и проч. и проч., даже—о, ужась!—постоянно встречалось слово *православный*, какъ собственный эпитетъ унитскаго исповѣданія, унитскихъ христіанъ и под. И началась работа этаго дикаго, невиданнаго въ другихъ исповѣданіяхъ самоволія, выросшаго въ безурядицѣ іерархической и потому обезпеченнаго конституціею новорожденнаго химерическаго Царства Польскаго,—началось дальнѣйшее разрушеніе восточнаго обряда, начатое замойскимъ соборомъ и почаевскими василіанами. Кто уничтожалъ въ своей церкви иконостасъ, наставлялъ боковыхъ престоловъ и скамей, кто выбрасывалъ проскомидію, эктеніи и разныя дѣйствія въ литургии, не имѣющіе будто бы, смысла въ общемъ ходѣ литургіиной мысли и только обременяющія цѣлый обрядъ, кто уродовалъ, а кто и вовсе уничтожалъ утреню и вечерню, исполнялъ всѣ другіе обряды такъ какъ внушала фантазія, повсюду явились органы, монстранціи, годзинки, литанія и проч. На всѣ эти перемѣны никогда и ни отъ какой власти унитской не было ни предписаній, ни разрѣшеній, во все это было дѣломъ одного дикаго самоволія унитскихъ священниковъ, и какъ шляхтичъ въ своемъ огородѣ считалъ себя равнымъ воеводѣ, такъ и каждый унитскій священникъ въ своемъ приходѣ считалъ себя безконтрольнымъ министромъ упип. Всѣми этими перемѣнами управляло одно горячее желаніе—сдѣлать унитство возможно вышудымъ, полдымъ и строгимъ выраженіемъ польскаго католичества такъ, чтобы то и другое, по возможности, не нишли „жадной ружницы“ и было бы въ нихъ „вишество одне и тѣжъ самъ“, въ чемъ теперь и старается увѣрить всякаго подьясское духовенство. Вотъ происхожденіе тѣхъ „вышчаевъ“, которыхъ будто нельзя перемѣнить безъ разрѣшенія выды! Самовольное замѣненіе того или другаго обрядоваго дѣйствія и каждое грубое нововведеніе, разъ допущенное, стало деспотомъ для самыхъ священ-

никовъ унитскихъ. Стоокій аргусъ, въ лицѣ зоркихъ польско-латинскихъ ксендзовъ, коляторовъ, экономовъ, войтовъ, самихъ унитскихъ священниковъ—сыновей чистокровныхъ католичекъ, вообще полонизма и латинства, сторожилъ эти безцѣнные для него нововведенія и какъ баснословный овадь грызъ нарушителя ихъ упреками въ наклонности къ схизмѣ.

Весьма любопытно и неприхѣтно положеніе холмскихъ епископовъ среди этаго всеобщаго самоволія паствы ихъ. Они были хранителями богослуженія, опредѣленнаго въ церковныхъ книгахъ и уставахъ; но на дѣлѣ эти книги считались схизматическими едва ли не болѣе, чѣмъ книги православныя для почаевскихъ монаховъ. Они не смѣли возвысить своего голоса среди своей паствы и сами должны были идти туда, куда брело жалкое стадо ихъ, руководимое волками. Болѣе серьезные изъ нихъ пытались было остановить этотъ дикій бѣгъ его, отпугнуть волковъ, ввести надлежащій во всемъ порядокъ. Но сами, потерявъ духъ восточный и русскій, ополяченные и олатинизированные, они могли только фантазировать, а не дѣйствительно возстановлять порядокъ богослуженій, вся дѣятельность ихъ была только лавированьемъ между современною имъ практикою въ приходахъ и василіанскими редакціями церковныхъ книгъ. Къ такимъ ревнителямъ *унитскаго* чина принадлежитъ бывшій холмскій епископъ, ученый и весьма серьезный *Цьхановскій*, издавшій въ 1815 году *Porządek Nabożeństwa Cerkiewnego*. При взглядѣ на эту книжечку, прежде всего спрашиваемъ себя: почему издатель ея не ограничился въ этомъ дѣлѣ простымъ и строгимъ предписаніемъ священникамъ—точно и неизмѣнно соблюдать чинъ богослуженій, изложенный въ унитскомъ служебникѣ, но счелъ нужнымъ особо изложить этотъ чинъ? Занимаясь почти исключительно поведеніемъ священника и діакона при совершеніи литургіи, вечерни и утрени, опредѣляя шагъ за шагомъ положеніе корпуса ихъ

рукъ, глазъ, всѣхъ движеній и приемовъ, подобно тому, какъ это описано въ *Missale* латинскихъ, не имѣлъ ли онъ при этомъ прямою заботою авторизировать для унитскихъ священниковъ поведеніе, при богослуженіи, ксендзовъ польско-латинскихъ и пополнить этотъ пробѣлъ въ унитскихъ служебникахъ? Далѣе вы видите, что въ этой книжечкѣ: 1) всѣ восточныя названія различныхъ принадлежностей богослуженія, удержанныя даже въ служебникахъ унитскихъ, замѣнены названіями латнопольскими (*Msza, kapłan, alba, dałmatyka, Stola, Mensa, Velum, Hostya* и проч.) и къ богослужебному славянскому языку примѣненъ шрифтъ латнопольскій; 2) авторизируются органы (*Chór śpiewa lub gta*), не допускаемые въ унитскихъ служебникахъ. Лавированье автора этого устава простирается до того, что онъ преклоняется предъ «звычaji» даже въ такомъ важномъ грѣхопадєніи ихъ предъ духомъ и смысломъ восточной литургіи, какова *мша читана* (тихая, въ противоположность обыкновенной, называемой унитами *спѣваною*) и беретъ ее въ свой «Porządek», какъ самъ выражается «z rubryk Mszałów porzawnych (?) i z powszechnego ludzi. umiejętnych zwyczajaj». —

Такое лавированье продолжалось до послѣдняго холмскаго епископа—номината Калинскаго, который открыто сталъ за всѣ «звычaji», соблюдаемые унитскими священниками холмской епархіи, и заявилъ, что они не могутъ быть нарушаемы безъ разрѣшенія папы.

Что же народъ? Какъ онъ относится въ этой жалкой униіи?

ПОСЛѢСЛОВІЕ

къ письмамъ изъ Подлясья.

Уничтоженіе русскихъ костей и затираніе слѣдовъ ихъ въ холмской епархіи особенно развилось и производилось съ лихорадочнымъ усиленіемъ со времени усмиренія польскаго матажа

1831 года и воссоединенія белорусскихъ униатовъ съ православною церковію въ 1839 году. Никогда взаимный союзъ полоно-латинства и уни не достигалъ такой повидимому искренности и прочности, какъ со времени этихъ знаменательныхъ событій. До 1831 года на Подлясьи далеко не рѣдкостью были унитскіе священники, которые не только въ частномъ разговорѣ, но и во всѣхъ церковныхъ актахъ употребляли только русскій языкъ.—При многихъ церквахъ существовали школы, въ которыхъ церковный дякъ обучалъ только на русскомъ языкѣ; послѣ 1831 года сразу почти замолкъ здѣсь въ приходахъ этотъ злополучный языкъ, іереи унитскіе начали подписываться ксендзами, дяки—органистами, метрики пишутся только на польскомъ языкѣ, училищъ русскихъ не стало ни одного. До 1839 года большая часть унитскихъ церквей имѣли восточное внутреннее устройство, не видно было въ нихъ ни монстранцій, ни органовъ, не слышно было романцовъ, шешпоръ и под., съ этого года внутреннее устройство церквей быстро преобразуется по латинскому образцу, особенно размножаются органы, зоводятся повсюду рожанцы, народъ ежегодно тысячами переводится въ латинство, унитскіе пустѣютъ, часто церкви горятъ до тла, или отъ ветхости разрушаются и на мѣстахъ ихъ вырастаетъ бурьянъ. Всѣ эти явленія—замѣчательно и въ высшей степени поучительно для мѣстной русской администраціи—происходили на глазахъ русскаго правительства, въ первый разъ послѣ 1831 года ставшаго твердою ногою въ Царствѣ Польскомъ и довольно сурово сжавшаго въ своихъ рукахъ полоно—латинство. Это, повидимому, пришибленное и смирившееся полоно-латинство дѣйствовало такъ ловко, что всѣ правительственныя мѣры, принятыя съ 1831 и съ 1839 годовъ по отношенію къ русскому дѣлу въ Царствѣ Польскомъ и въ частности къ возрожденію униатовъ, достигали совершенно противоположныхъ результатовъ и въ рукахъ ближайшихъ исполнителей ихъ служили орудіемъ къ развитію въ унитской интеллигенціи большей ненависти къ Россіи и къ боѣе вѣрной и скорой полонизаціи и латинизированію униатовъ. Къ 1840 году русское правительство достигаетъ того, что въ гимназіяхъ Царства Польскаго преподаваніе производится на русскомъ языкѣ въ присутственныхъ мѣстахъ почти все дѣлопроизводство происходитъ на русскомъ же языкѣ, а между тѣмъ, какъ мы уже замѣтили, русскій языкъ окончательно изгоняется изъ церковныхъ актовъ унитско-русскихъ, церковно-приходскія училища совер-

еще нечезаютъ и замѣняются польскими, въ семействахъ духовныхъ священниковъ не слышится болѣе русское слово, въ семинаріи холмской, вмѣсто прежняго преподавательнаго латинскаго языка, рѣшительно и исключительно остается языкъ польскій. Правительство дѣятельно заботится о возстановленіи восточнаго богослуженія въ униатскихъ церквахъ,—строитъ на вой свѣтъ иконостасы въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ не было ихъ, учреждаетъ въ г. Холмѣ «Институтъ дяковъ», съ цѣлю приготовить пѣвцовъ для униатскихъ церквей и вытиснуть изъ нихъ органы, учреждаетъ отдѣльныя униатскія училища съ обученіемъ въ нихъ «на природномъ языкѣ жителей», воспитываетъ на свой счетъ въ московской и кіевской духовныхъ академіяхъ нѣсколькихъ семинаристовъ, учреждаетъ въ холмской семинаріи кафедръ русскаго языка и русской словесности, а между тѣмъ 1) съ этого именно времени окончательно утверждается въ униатскихъ церквахъ латинское устройство, лико восточныхъ святыхъ исчезаютъ изъ нихъ и замѣняются изображениями бритыхъ и стриженныхъ латинскихъ монаховъ, иконостасы снимаются тамъ, гдѣ они издавна были, а поставленные правительствомъ подвергаются грубымъ насмѣшкамъ со стороны униатскаго духовенства и считаются помѣхою богослуженію, все богослуженіе строго проникается духомъ латино-польскимъ; 2) изъ «института дяковъ» выходятъ отличные *органисты*, не имѣющіе пѣвческаго голоса, прекрасные владѣющіе польскимъ языкомъ, котораго большинство ихъ, будучи изъ крестьянскаго сословія, вовсе не понимало до поступленія въ «институтъ»; 3) въ отдѣльныхъ униатскихъ училищахъ, вмѣсто «природнаго языка жителей», слышится только языкъ польскій, даже религія преподается на языкѣ польскомъ: визитація, вся администрація этихъ училищъ, всѣ отношенія къ ней униатскихъ благочинныхъ, священниковъ и под. производятся исключительно на польскомъ языкѣ, и не только въ униатскомъ духовенствѣ, но даже въ некоторой части народа утверждается мысль, что «природный языкъ жителей»—униатовъ есть именно польскій языкъ; 4) воспитанники русскихъ духовныхъ академій—униаты, по возвращеніи въ холмскую епархію, встрѣчаются здѣсь взрывомъ всеобщей неприязни, хотя на самомъ дѣлѣ они оказываются такими, что правительству стоило только жалѣть о потраченныхъ на нихъ деньгахъ; 5) русскому языку въ холмской семинаріи учились меньше, чѣмъ всякому другому предмету и занятія имъ подвергались вслѣдствіи насмѣшкамъ. Въ этотъ именно короткій пе-

родъ, въ который правительство русское изливало на унитомъ столько благодѣяній и попечительныхъ заботъ, сколько не перелумали они ввродолженіи всей предыдущей своей исторіи, особенно развилась въ унитскомъ духовенствѣ ненависть ко всему русскому и какое то нахально-небрежное отношеніе къ восточному славянскому богослуженію. Женитьба холмскихъ семинаристовъ на католичкахъ и присоединеніе священниками дочерей своихъ въ католичество въ то время было дѣломъ обыкновеннымъ. Казалось, что участь униі окончательнорѣшена была и что эта нѣкогда строптивая дочь полоно-латинства окончательнорипривала къ груди своихъ родителей. И если бы этотъ порядокъ продолжался еще на нѣсколько лѣтъ, Богъ вѣсть, не стало бы ли въ всѣхъ унитскихъ приходяхъ то, что случилось тогда въ нѣстечкахъ, Парчевѣ, Раднѣ и под., гдѣ стоятъ нынѣ унитскія церкви среди словенъ латинскаго, точнѣе олатинившагося; нисеазнія.

Но, къ горькому соболънованію паны, «поляки способны только компрометировать всякое дѣло». Пока отношенія между полоно-латинствомъ и униєю ограничивались только чувствомъ, все шло для нихъ какъ нельзя лучше. Но едва снова не разстроилось это согласіе, когда полоно-латинизмъ увидѣлъ, что ему развязаны руки. Съ 1857 года въ Польшѣ власть русская довольно было ослабѣла, полоно-латинизмъ, увидѣвъ себя снова въ силѣ, вдругъ подбоченился и гордо выгянулъ на «хлопску виру»,—онъ напомнилъ униі старыя времена и привался предупредить въ холмской епархіи возможность 1839 года для Бѣлоруссіи, требуя отъ униі только безусловнаго повиновенія. Первымъ дѣломъ его было созданіе польско-латинскаго патрона для унитско-русскаго Подлясья въ лицѣ Виктора—*поляка 4-го стѣга*. Унитское подляское духовенство обязано было участвовать съ своими прихожанами въ процессіяхъ вымысленныхъ останковъ этого диковиннаго патрона его. Вторымъ дѣломъ его было торжественное объявленіе, что въ лицѣ Юсафата Кунцевича униты не имѣютъ никакой связи съ остальнымъ русскимъ народомъ и должны существенно слиться съ поляками. Въ то же время, подляское унитское духовенство незамѣтно для самаго себя оказалось въ неофициальной, но сильной зависимости отъ яновской латинской кафедры: яновскій епископъ выступалъ предъ нимъ, яко власть имѣющій, дѣлалъ замѣчанія и строгія предостереженія священнику, обучавшему въ училищѣ унитскихъ учениковъ славянскимъ молитвамъ и обрядамъ восточной

церкви, сурово смотрѣлъ на тѣхъ изъ нихъ, кто осмѣлился агонизировать о равноправности униі съ латинствомъ. Польскіе ксендзы сбросили съ себя недавнюю личину любезныхъ фразъ, не стѣсняясь громко заявлять, что униі—религія временная и подчиненная латинству и употребляли самыя нахальныя средства къ перетаскиванію унитскихъ овецъ въ латинскій вѣръ. Но такая внезапная перемена въ чувствахъ полоно-латинства, эта заносчивость польскихъ ксендзовъ, это безцеремонное хозяйничанье въ униі, какъ и слѣдовало ожидать, скорбила ксендзовъ унитскихъ. Однако первая вспышка ихъ потерпѣла полное пораженіе (см письмо 2-е). Но понизивъ самъ пособилъ имъ въ этомъ дѣлѣ. Два поляка соются—подерутся. Одна знатная поляка вдругъ, повидимому и съ сего ни съ того, взяла униі подъ свою защиту и рѣзо выступила противъ яновскаго епископа. Въ домѣ ея унитскіе капланы, «добрые русины», стали частыми и милыми гостями, а польскіе начали подвергаться насмѣшкамъ. Поддерживаемые этою патронкою унитскіе ксендзы начали храбро защищать свое стадо отъ нападеній ксендзовъ латинскихъ. На ѣздѣ подляскаго духовенства, бывшаго подъ предсѣдательствомъ яновскаго епископа, повелись жалкія рѣчи о смутномъ аздыленіи въ духовенствѣ обоихъ обрядовъ, съ укоромъ унитскою братію въ строптивости и раздраженіи. Но унитская братія не тронулась этими жалкими словами и громко заявила требованіе равноправности униі съ латинствомъ и невѣжательства латинской братіи въ духовныя нужды унитскаго народа. Предсѣдатель пригласилъ крикуновъ къ порядку и скоро затѣмъ издалъ окружное посланіе къ духовенству обоихъ обрядовъ, въ которомъ онъ оправдывалъ всѣ захваты латинства въ унитскомъ стадѣ, хитро да тонко толкуя буллы папскія относительно перехода русскихъ унитовъ въ латинство и примѣняя къ нимъ буллы, изданныя для грековъ италянскихъ, которые нѣвно стѣснены были въ своихъ отношеніяхъ къ латинству, прекалъ «братію каплановъ унитскихъ» въ незнаніи папскихъ указъ и происшедшій между «пастырями Авраама и Лота» раздоръ производилъ единственно отъ «частныхъ и чисто индивидуальныхъ недоуразумѣній, имѣющихъ свой источникъ въ недостатокѣ любви къ ближнему». Въ то же время, патронка унитовъ получила отъ епископа ласковое внушеніе не разжигать вражды съ одной церкви *Божіей*. Но какъ посланіе, такъ это внушеніе произвели еще большій раздоръ въ этой униі.

мо-единой церкви. Унитское духовенство—«добрые русины» отвѣтили епископу на посланіе его рѣзкимъ нисѣномъ, а патронка заявила, что она сама приметъ унію, если послѣдней-то будетъ дана равноправность съ латинствомъ.

Но что же значила вся эта драма? Въ самомъ ли дѣлѣ она была зерномъ, изъ котораго естественно и послѣдовательно могло вырасти крѣпкое русское дерево? Такъ именно нынѣ толкуютъ это дѣло главные унитскіе участники въ вермахѣ, но не то было на самомъ дѣлѣ. Уже то одно, что эта же патронка главнымъ образомъ способствовала назначенію холмскимъ епископомъ Каливскаго, бывшаго священникомъ въ иезуиты ея, въ чемъ она вполнѣ сошлась съ яновскимъ епископомъ, сильно заподозрѣваетъ покровительство ея уніи и русинамъ. Она покровительствовала призрачнымъ русинамъ, боясь возникновенія дѣйствительныхъ русиновъ въ средѣ унитства,—покровительствовала тогдашней уніи, боясь возрожденія уніи старой. Она смотрѣла на Русь и унію тѣми же глазами, которыми нынѣ смотреть на нихъ въ Галиціи гр. Голуховскій и такъ называемая либеральная польская партія. Для нее ничего не значило дать права унитскому обряду въ тогдашнемъ видѣ его, какъ кожѣ, подъ которою можетъ жить и развиваться такой же и даже болѣе латинско-польскій духъ, чѣмъ подъ кожей латинства. «Добрые русины» были того же мнѣнія и потому они называли ииѣтниками и предателями тотъ кружокъ лицъ изъ Холмщины, который подалъ великому князю жандарму адресъ съ просьбою охранить унію отъ неслатинства полонизма и латинства. Адресъ этотъ былъ виноватъ предъ ними вдвойнѣ: по своему содержанію, потому что отзывался тогдашнимъ галиційскимъ характеромъ, изъ котораго дѣйствительно развился характеръ обще-русскій, и потому что онъ искалъ правъ для уніи отъ русскаго правительства, а не отъ авторитетной для нихъ власти «народоваго жонда». «Добрые русины» подляскіе вели споръ съ латынскимъ духовенствомъ, собственно говоря, о томъ, кто болѣе полякъ въ высшемъ смыслѣ—унитъ или латинникъ? Мятажъ 1863 года лучше всего отвѣтилъ на этотъ вопросъ: обѣ стороны оказали этому дѣлу равныя услуги, съ тѣмъ только различіемъ, что ксендзы польскіе, какъ кавалеры, горячія головы, принадлежали преимущественно къ партіи красныхъ, а ксендзы унитскіе, какъ люди семейные, склонялись наиболѣе къ партіи бѣлыхъ, хотя нѣко-

орше изъ главныхъ унитскихъ дѣателей означеннаго спора
гличались во время вѣтжа довольно *красными* дѣлами.

(Кіев. Еп. Вѣд.)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Собраніе слонимскаго церковнаго братства,

въ день годовщины 10-го ноября 1867 года.

Общее собраніе слонимскаго православнаго Преображенскаго братства, въ день годовщины, открыто было бо-
ослуженіемъ, приличнымъ тому дню, въ слонимской со-
борной Преображенской церкви, послѣ котораго всѣ соб-
равшіеся на лицо братчики приглашены были учредите-
лемъ онаго г-мъ слонимскимъ предводителемъ дворянства
Н. Е. Извъковымъ въ его квартиру. Здѣсь, имъ же, какъ
казначеемъ совѣта братства, представленъ былъ подроб-
ный отчетъ о всей собранной въ теченіи года суммѣ и о
сдѣланномъ изъ оной расходѣ. Изъ отчета представленно-
го видно, что братство въ первомъ году своего существо-
ванія успѣло собрать весьма небольшую сумму денегъ, имен-
но всего 687 руб. 63. коп. Изъ этой суммы, на разныя
нужды израсходовано 136 руб. серебр., за тѣмъ находит-
ся въ остаткѣ 551 руб. 63 коп. Всѣхъ членовъ братства
съ правомъ голоса и со взносомъ по 5 руб. сереб. и бо-
лѣе, было всего 60 человекъ. Но кромѣ сихъ членовъ,
братство еще считаетъ почетнымъ членомъ своимъ быв.
гродненскаго губернатора *И. Н. Скворцова*.

Также приняли по предложенію братства званіе почет-
ныхъ членовъ слѣдующія лица: профессоръ с.-петербургской
духовной академіи *М. О. Коляловичъ*; *Н. А. Зубковъ*, отъ
кого братство въ даръ получило 50 р. с.; *И. И. Чет-
вериковъ*, извѣстный всему западному краю ревнитель въ
дѣлѣ украшенія храмовъ Божіихъ, по ходатайству коего

Братство получило въ даръ отъ добродѣтельныхъ московскихъ жертвователей 100 руб. сер. на поддержаніе школы. *А. И. Забѣлинъ*, бывшій слонимскій мировой посредникъ и проходившій затѣмъ разнообразныя другія должности, пожертвовавшій на братство 10 руб. *Я. А. Померанскій*, коимъ прислано на первый разъ въ складъ братства 50 крестиковъ золоченыхъ и чистосеребрянныхъ и кромѣ того въ хорошемяхъ переплетѣ 8 экз. евангелій. Были приглашаемы въ почетные члены и еще нѣкоторыя лица, но братство не было удостоено отвѣта.

Не имѣя, на первыхъ порахъ, достаточной матеріальной и нравственной поддержки, слонимское православное братство, естественно, при однихъ весьма слабыхъ своихъ средствахъ и еще неокрѣпшихъ силахъ, не могло въ первомъ году своего существованія много чего сдѣлать. И потому дѣятельность его, какъ видно изъ прочитанныхъ въ общемъ собраніи протоколовъ, еще весьма незначительна. Но братство надѣется, что въ будущемъ, когда оно немного болѣе окрѣпнетъ и будетъ имѣть поддержку извнѣ, дѣятельность его не останется безъ пользы.

Дѣятельность братства главнымъ образомъ была обращена на присоединеніе иновѣрцевъ къ православію и устройство ихъ будущности. Такъ нѣкоторыя лица изъ присоединившихся, особенно болѣе нуждающіяся, получили довольно выгодныя мѣста и нынѣ могутъ существовать безбѣдно. Одинъ ученикъ слонимскаго уѣзднаго училища, присоединившійся къ православію, пристроенъ въ гродненскую гимназію и въ оной содержится на средства члена братства Н. Е. Извѣкова. Братство завело три склада: книжный, свѣчной и образной, и надѣется отъ нихъ въ будущемъ не малой пользы. Оно имѣетъ у себя живописца, который за весьма сходную цѣну пишетъ образа и живопись котораго для сельскихъ церквей довольно удовлетворительна. Оно имѣетъ свою золотошвею, которая отъ духовенства получаетъ постоянно разные заказы и ис-

юлняетъ ихъ по надлежащей формѣ и весьма добровѣстно. Въ семь братскомъ собраніи, по разсмотрѣніи отчетности, приступлено было къ избранію на слѣдующій годъ новыхъ членовъ совѣта братства и таковыми, по большинству голосовъ, избраны: 1) настоятель жировицкаго монастыря, архимандритъ Николай; 2) Н. Е. Извъловъ, слонимскій предводитель дворянства; 3) М. М. Зарадинъ, слонимскій уѣздный исправникъ; 4) о. Н. Пѣшковскій, бытенскій благочинный; 5) о. К. Смольскій, священном. собор. церкви, 6) о. Л. Формасевичъ, свящ. гоцевкой церкви; 7) В. И. Лавровъ, мировой посредникъ; 8) о. Соловьевичъ, протоіерей слонимской собор. церкви; 9) І. П. Ессауловъ, мировой посредникъ; 10) А. В. Виноградовъ, слоним. уѣздный казначей; 11) о. А. Тылинскій, свящ. орошинской церкви; 12) о. Л. Баландовичъ, свящ. мильановицкой церкви.

По объявленіи объ избраніи братствомъ вышеозначенныхъ лицъ въ члены совѣта, новоизбранные здѣсь же приступили къ избранію изъ среды себя: предсѣдателя, казначея дѣлопроизводителя. Въ предсѣдателя избранъ: о. архимандритъ Николай; въ казначеи: А. В. Виноградовъ; въ дѣлопроизводителя: о. К. Смольскій.

Затѣмъ членами совѣта братства опредѣлено было созвать ежемѣсячныя братскія очередныя засѣданія во всеое 3-е число мѣсяца, въ 6-ть часовъ вечера, въ домѣ члена совѣта о. протоіерея І. Соловьевича.

На семь же собраніи заявлено было всѣми братчиками: бы усиленіи продажи въ братскомъ складѣ церковныхъ свѣчей, отъ коихъ могла бы быть польза для церквей, приобретающихъ изъ сего склада свѣчи, а равно для самаго братства. А для лучшаго и успѣшнѣйшаго хода въ семь благомъ бы постановлено: открыть по одному складу въ каждомъ изъ 5-ти благочиній слонимскаго уѣзда и, по возможности, въ центрѣ оныхъ; продажу же свѣчей предоставить тѣмъ изъ жердствующихъ священниковъ, которые для пользы брат-

ства сами пожелаютъ заняться сѣмъ дѣломъ. Также еще признано всѣми необходимымъ дѣломъ, во всякое ежемѣсячное очередное засѣданіе вносить вырученныя во веѣхъ 5-ти складахъ за свѣчи деньги и таковыя передавать, на засѣданіи, казначею совѣта братства для внесенія оныхъ въ кассовую братскую книгу и храненія. За тѣмъ заявлено: имѣть рачительную заботливость о выпискѣ въ книжный складъ полезныхъ книгъ, какъ церковныхъ и другаго содержанія, такъ и необходимыхъ для первоначальнаго обученія народа грамотѣ, и позаботиться объ успѣшномъ распространеніи ихъ въ народѣ. Особенное вниманіе предложено обратить на возможно большее распространеніе евангелія въ русскомъ переводѣ, а также на усиленіе продажи по самой дешевой цѣнѣ крестиковъ и образовъ; писанныхъ на доскахъ, въ чемъ по преимуществу нашъ простой народъ нуждается.

Главными сотрудиниками и помощниками братства въ этомъ могутъ быть приходскіе священники и мировые посредники. При горячемъ участіи сихъ людей, дѣла братства пойдутъ весьма успѣшно. Они также могутъ быть самыми ревностными дѣятелями въ дѣлѣ укрѣпленія доброй нравственности въ народѣ. И потому братство всегда будетъ ихъ имѣть въ виду и обращаться къ ихъ помощи и содѣйствию.

По разсмотрѣніи дѣлъ братства за прошлый годъ и тщательномъ обсужденіи дѣятельности онаго на будущій, общее братское собраніе кончилось взаимными благожеланіями въ преусиленіи дѣлъ онаго и членскимъ взносомъ денегъ. Такого членскаго взноса поступило: отъ о. архимандрита Николая 10 руб., отъ протоіерея І. Соловьевича 5 руб., Н. Е. Извъкова 10 руб., В. Н. Лаврова 5 руб., священ. К. Смольскаго 5 руб., А. В. Виноградова 5 руб., священ. Л. Формашевича 6 руб., М. М. Заградниа 6 руб., священ. Л. Баландовича 5 руб., священ. А. Талинскаго 5 ф., итого 64 руб. серебр. Всѣ вышесозначенныя деньги пере-

ны на храненіе новоизбранному канчачю и внесены въ кссовую братскую книгу.

Вотъ какова пока была дѣятельность слонимскаго православнаго братства.

Дай же Богъ, чтобы во второмъ году своего существованія слонимское братство успѣло принести какъ можно больше пользы обществу и ознаменовать свою деятельность такого рода благотворительными христіанскими дѣлами!

Свящ. слонимскаго собора К. Смольскій.

Слонимское православное Преображенское братство. Съездъ второй, засѣданіе первое 3 января 1868 года.

Подъ предсѣдательствомъ о. архимандрита жировицкаго монастыря Николая, члены совѣта: Н. Е. Извѣковъ, М. Заградинъ, о. протоіерей І. Соловьевичъ, о. К. Смольскій, о. Н. Пѣшковскій, о. Л. Формашевичъ, В. И. Лавровъ, П. П. Ессауловъ, А. В. Виноградовъ, о. А. Тынинскій, о. Л. Баладновичъ.

Совѣтъ слонимскаго православнаго братства, заботясь о поддержаніи существованія при слонимской соборной церкви пѣвческаго хора, нашелъ нужнымъ роздать книжки подписью предсѣдателя, скрѣпою дѣлопроизводителя и патерною печатью желающимъ по усердію записаться своимъ денегъ на уплату регенту сего пѣвческаго хора. Намъ же совѣтъ изъявили желаніе получить таковыя книги следующие лица: членъ совѣта В. Н. Лавровъ, членъ совѣта Н. Ессауловъ, членъ совѣта А. В. Виноградовъ; кромѣ того постановлено просить о принятіи таковыхъ книгъ мѣстныхъ посредниковъ, И. Н. Аквинина и Н. Я. Ельчашинова, если пожелаютъ оныя изъ братства совѣта получить, и дать какъ имъ, такъ и вышенаименованнымъ членамъ совѣта, изъявившимъ уже на это лично свое желаніе. О. протоіерей І. Соловьевичъ, заявляя, что при слонимскомъ борѣ въ настоящее время находится еврейка, которая участвуетъ молитвы и готовится къ принятію св. креще-

ніа по православному обряду, довелъ до свѣдѣнія совѣта братства, что она крайне бѣдна и не имѣетъ на что содержаться. Вслѣдствіе таково заявленія, членъ братства В. И. Лавровъ пожелалъ принять означенную еврейку подъ свое покровительство давать и ей необходимое содержаніе до времени св. крещенія. И здѣсь же передалъ о. протоіерею 6 руб. сер. для врученія оныхъ еврейкѣ. Совѣтъ братства, поблагодаривъ лично своего члена за оказанное милосердіе нуждающейся еврейкѣ въ пропитаніи, пожелавшей креститься въ православную вѣру, постановилъ: имѣть ее на будущее время, послѣ совершенія св. таинства крещенія, въ виду, и по возможности оказать ей братскую помощь и поддержку.

Членъ совѣта братства Н. Е. Извѣковъ заявилъ, что на содержаніе ученика Мацевича, принявшаго православіе и находящагося нынѣ въ гродненской гимназіи, имъ отпущено было въ минувшемъ году собственныхъ денегъ 60 руб. сер., а теперь проситъ совѣта братства оказать сему ученику пособіе изъ суммъ братства, такъ какъ болѣе не предвидится никакихъ средствъ въ настоящемъ году для его содержанія въ гимназіи. Совѣтъ братства, паходя въ настоящее время возможнымъ оказать ученику Мацевичу посильную помощь, постановилъ: выдать чрезъ казначея братства на руки Н. Е. Извѣкова единовременное пособіе 25 руб. сер. и проситъ сего послѣдняго переслать оныя отъ себя ученику Мацевичу и о полученіи сихъ денегъ вытребовать отъ него росписку и передать въ совѣтъ братства въ слѣдующее засѣданіе, для храненія ея при дѣлахъ братства.

Членъ совѣта братства М. М. Заградинъ заявилъ, что недавно присоединившееся семейство Круповичей находится въ крайней бѣдности и нуждается въ помощи братства. Принимая во вниманіе такое заявленіе члена совѣта, совѣтъ братства постановилъ: чрезъ казначея совѣта братства выдать въ настоящее время на руки М. М. Заградину

для семейства Круповичей 25 руб. сер. и просить его проводить отъ себя оныя по назначенію и о полученіи денегъ вытребовать росписку отъ сказанныхъ Круповичей и передать въ слѣдующее засѣданіе въ братскій совѣтъ, для приобщенія къ дѣламъ братства и храненія.

(Подлинное за подписью предсѣдателя и членовъ совѣта).

Мѣстечко Бездѣжъ.

(Окончаніе *).

Достойна также замѣчанія бездѣжская Свято-Троицкая деревянная церковь. Она построена иждивеніемъ прихожанъ мѣстечка Бездѣжа, какъ сказано, въ 1784 году. Не смотря на то, что церковь эта построена еще во времена униіи, она, какъ по наружному своему виду, такъ и по внутреннему устройству, отвѣчаетъ вполне требованіямъ православнаго чувства и вкуса. Будучи возведена на старинномъ фундаментѣ прежней православной церкви, она имѣетъ и форму прежняго храма. Это—продолговатая фигура, на подобіе корабля. Форма эта издревле имѣла глубокое значеніе и была весьма уважаема въ православной архитектурѣ. Кромѣ того въ настоящей бездѣжской церкви хранятся многіе драгоценные останки прежняго православія въ Бездѣжѣ. Такъ, не говоря уже объ иконостасѣ, который, по свидѣтельству мѣстныхъ старожиловъ, пережилъ времена униіи и долгое еще время былъ берегаемъ, какъ святыня, въ ней находятся всѣ тѣ православные образа, которые украшали прежнюю церковь. Не будучи археологомъ и специалистомъ въ распознаваніи живописи по вѣкамъ и школамъ, я не могъ съ точностію опредѣлить, къ какому времени относится тотъ или другой образъ. Но, судя по рассказамъ старожиловъ, что многія иконы изъ прежней православной церкви перенесены въ нынѣшнюю, а равно по стилю иконописанія нѣкоторыхъ образовъ, по общему очерку и группировкѣ ликовъ, можно съ достовѣрностію положить, что иконы эти писаны еще во времена православія въ мѣст. Бездѣжѣ. Древнѣйшіе образа бездѣжской церкви слѣдующіе:

*) См. Кн. 9 Вѣст. Зап. Россіи.

I. *Образъ Воскресенія Христова*, находящійся противъ праваго клироса, на стѣнѣ при южныхъ воротахъ. Спаситель изображенъ въ хитонѣ, съ верхнею одеждою на лѣвомъ плечѣ, правой рукой благословляетъ, въ лѣвой держитъ знамя побѣды. Воскресшій представленъ не возлетающимъ, какъ онъ изображается на новыхъ иконахъ, а стоящимъ надъ гробомъ въ облакахъ. Ниже лика Спасителя, во второмъ ярусѣ, изображенъ гробъ Господень. По лѣвой (отъ зрителя) сторонѣ его, ангелъ вѣщаетъ мироносцамъ о воскресеніи, по правой—другой ангелъ отваливаетъ камень отъ гроба. Въ слѣдующемъ нижнемъ ярусѣ изображены римскіе воины, числомъ пять человекъ, изъ коихъ три пали ницъ отъ страха. Еще ниже представленъ сонмъ праведниковъ во адѣ и посрединѣ ангелъ, поражающій копьемъ связаннаго узами діавола. Въ послѣдней группѣ весьма картинно изображена радость святыхъ о своемъ избавленіи въ лицѣ одного праведника, выдѣляющагося изъ среды узниковъ съ воздѣтыми руками къ ангелу побѣждающему, съ готовностію пасть предъ нимъ въ колѣна. Образъ этотъ, размѣромъ въ полтора аршина длины, писанъ на доскѣ. Ликъ Спасителя изображенъ на золотомъ фонѣ. Всѣ изображенныя лица темныя и художавыя, что показываетъ въ нихъ чисто византійскій стиль иконописи, принятый нашею церковію и тщательно соблюдаемый древними русскими иконописцами. Самое изображеніе Воскресшаго стоящимъ надъ гробомъ, а не возносящимся,—въ одеждахъ, а не полунагимъ, въ археологическомъ отношеніи служитъ доказательствомъ того, что этотъ образъ древней православно-русской иконописи. Ибо извѣстно, что древніе наши иконописцы, особенно 16-го и 17-го столѣтій, болѣе заботились о полнотѣ духовно-аллегорическаго содержанія иконы, объ удовлетвореніи благоговѣйному чувству христіанъ, чѣмъ о естественности постановки лица и исторической точности. Въ этомъ образѣ, равно какъ и другихъ древнихъ образахъ, замѣчательна еще скромность въ положеніяхъ и движеніяхъ, какъ отдѣльныхъ ликовъ, такъ и цѣлыхъ группъ—качество рѣзко отличающее православную иконопись отъ латинской, сообщающей положенію своихъ фигуръ усиліе и напряженность.

2. *Образъ св. пророка Иліи*, первый отъ иконостаса а первой стѣнѣ. Св. пророкъ изображенъ съ мечемъ въ правой рукѣ и свиткомъ въ лѣвой. На свиткѣ написано ославянски: *«и рече Іліа къ людемъ: поймите пророковъ аловыхъ, да не единъ скрѣется отъ нихъ и Іліа ихъ»* и роч. Весь ликъ помѣщенъ на золотомъ фонѣ. По сторонамъ его, въ шести рядахъ, изображены событія изъ жизни пророка: рожденіе его, пребываніе въ пещерѣ у цока хоривскаго, воскрешеніе сына вдовицы сарептской, Ілья съ Елисеемъ, Ілья, молящійся о ниспосланіи огня а жертву, Ілья, возносящійся на небо и подающій съ коесницы милоть Елисею. Образъ этотъ, вышины полтора аршина, писанъ на доскѣ. Онъ вставленъ въ простыя еревянныя рамы, по сторонамъ которыхъ сдѣланы изъ ерева рѣзныя крылья съ изображеніями на нихъ—съ верху Господа Саваоѳа, по сторонамъ—благовѣщенія Пресвятой Богородицы и четырехъ евангелистовъ. Всѣ эти изображенія писаны въ рѣзныхъ, узорчатыхъ, концентрическихъ ругахъ, изъ коихъ одинъ выбитъ золотомъ, другой себромъ, третій опять золотомъ. Живопись древне-православная русская.

3. Слѣдующій за тѣмъ по порядку *образъ Спасителя*, въ архіерейскомъ облаченіи. Великій архіерей изображенъ идящимъ на престолѣ съ раскрытымъ евангеліемъ на ловахъ: *«рече Господь своимъ ученикамъ: вся мнѣ прѣдана суть отцемъ моимъ»*. По правой сторонѣ лика Спасителя—Богоматерь, по лѣвой—евангелистъ Іоаннъ. Всѣ три лика изображены на золотомъ фонѣ. Образъ этотъ писанъ на доскѣ, въ размѣрѣ полутора аршина. Лики емпые, весьма правильныхъ очертаній, древняго православнаго стиля иконописанія.

4. Далѣе, на той же стѣнѣ находится *образъ преподобнаго Онуфрія*. Подвижникъ изображенъ въ большемъ идѣ, съ длинною бородой. Поверхъ лика простертъ свитокъ съ надписью: *«образъ преподобнаго отца нашего Онуфрія»*. Между лицомъ и лѣвою рукой святаго, почти въ отвѣсномъ направленіи, находится другой свитокъ съ ачертаннвыми на немъ молитвенными словами: *«Господи спомни желаніе сердца моего»*. Образъ св. Онуфрія также глнчается правильностію отдѣлки и писанъ во вкусѣ древне-православномъ, на доскѣ.

5. По лѣвой сторонѣ церкви, на стѣлѣ противъ лѣваго клироса, при сѣверныхъ вратахъ, находится въ весьма приличномъ кѣтѣ образъ *Матери Божіей съ Богомладенцемъ* на лѣвой рукѣ. Образъ этотъ, въ 2 аршина длины, писанъ на доскѣ. Оба лика покрыты раззолоченными ризами, съ такими же на главахъ вѣнцами. Какъ лики, такъ и ризы на нихъ очень изящной работы. Внизу образа находится едва замѣтная надпись 1632 г., образъ этотъ по преимуществу чествуется прихожанами.

6. Ближайшій къ иконостасу, на лѣвой стѣнѣ храма, другой образъ *Матери Божіей съ Богомладенцемъ* на лѣвой рукѣ. Оба лика покрыты раззолоченными вѣнцами. Живопись также древняя, старино-русская. Образъ писанъ на доскѣ.

7. На среднѣ лѣвой стѣны храма находится образъ *св. Параскевіи*, росписанный въ кѣткѣ, на подобіе известнаго образа дванадцати праздниковъ. Средню образа занимаетъ ликъ св. Параскевіи, писанный на золотомъ фонѣ. Поверхъ разноцвѣтной тунники, въ которую облачена святая, простирается одежда, известная въ древности подъ названіемъ «милоты». Святая держитъ въ правой рукѣ шестиконечный крестъ, въ лѣвой—побѣдную мученическую вѣтвь; на главѣ у ней вѣнецъ, поддерживаемый двумя ангелами. По сторонамъ лика мученицы, равно какъ и внизу его, въ семи четверо-угольникахъ, изображены событія изъ жизни св. Параскевіи, съ объяснительными надписями: «*святую введоша въ темницу*», «*святую приведоша предъ аноіата*», «*святую жилами бьютъ*», «*святая иже мону плюну въ лице*», «*святая стражде Христа ради*», «*святая покруши идолы*», «*святую усыхнуша*». Всѣ надписи начертаны шрифтомъ славяно-греческимъ, съ употребленіемъ греческихъ буквъ: алфы, сигмы, у и др. Весь образъ величиной въ полтора аршина писанъ на доскѣ. Внизу его, при самомъ кѣтѣ находится надпись: «*наданъ бысть сей образъ святой мученицы Параскевіи на честь и на хвалу Господу Богу работъ Божіимъ Антономъ Саньковичемъ року 1600*».

8. Рядомъ съ этимъ образомъ, ближе къ дверямъ, находится другой образъ *св. Параскевіи*, такого же размѣра и писанный также на доскѣ. Святая представлена стоящею ногами на головѣ распростертаго внизу дракона,

имѣющаго образъ челоуѣка. Подлѣ дракона лежитъ мечъ. Правая рука святой протянута почти горизонтально, въ соотвѣтствіе ея молитвенному положенію, въ лѣвой—находится крестъ и мученическая вѣтвь. Внизу образа имѣются три славянскія надписи: 1) *святы Великомученицы Параскевии*, 2) *сей образъ наданъ бысть до церкви Бездѣжской року 1767 в* 3) *азъ же рабъ Божій многорышны Игнаты Симоновичъ иконописца молю же васъ к. оуъ и братъ молитесь Гды за дна моя да не погибну мотъ*. Последняя подпись изображена въ полукругѣ.

9. Не менѣ замѣчательная еще своимъ изяществомъ и православною старинною *икона Божіей Матери* въ подвижномъ образѣ, почти вся рѣзная. Мастеръ дѣйствовалъ здѣсь и рѣзцомъ и кистью съ равнымъ успѣхомъ. Главнѣйшія черты этого образа слѣдующія: на доскѣ вырѣзанъ въ поясъ полу-барельефомъ ликъ Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на лѣвой рукѣ. Голова, лицо и оконечности рукъ обоихъ ликовъ, поверхъ рѣзбы, наведены красками, одежды же ихъ, драпирующіяся въ значительномъ количествѣ складокъ, выбиты матовымъ золотомъ. Лики весьма пріятныя, древняго византійскаго стиля иконописанія.

Всѣ эти иконы, перенесенныя изъ древней православной бездѣжской церкви въ нынѣшнюю, построенную во времена уніи, свидѣтельствуютъ, что жители Бездѣжа искони исповѣдывали православную вѣру и что только впоследствии, въ силу извѣстныхъ прискорбныхъ обстоятельствъ православною церкви въ Бѣлоруссіи, они должны были принять унію. Достоверно неизвѣстно, когда возникла здѣсь унія; но можно предполагать, что она введена была въ этомъ мѣстечкѣ не многимъ ранѣ постройки нынѣшней Свято-Троицкой церкви. Необыкновенное благоговѣніе бездѣжскихъ прихожанъ къ поименованнымъ образамъ, вслѣдствіе котораго они и перенесли эти памятники своей досточимой религіозной старины во вновь построенную церковь, показываютъ, что въ это время, т. е. въ 1784 году, они по духу были православными, хотя и именовались уже уніятами. При томъ извѣстно, что распространителями уніи въ этой мѣстности были базилианскіе монахи сосѣдняго тороканскаго монастыря, другихъ уніатскихъ миссіонеровъ здѣсь не бывало. Монастырь же тороканскій, какъ

видно изъ хранящихся въ немъ актовъ, основанъ въ концѣ 18-го столѣтїя. Слѣдовательно, существованію унїи въ Бездѣжѣ съ большою вѣроятностію можно указать періодъ времени съ 1780 по 1839 г. всего 59 лѣтъ.

Описаніемъ бездѣжской церкви и ея древнихъ иконъ мы окончиваемъ свой очеркъ Бездѣжа. Весьма полезно было бы для края и его исторїи, если бы кто, болѣе компетентный въ распознаванїи древнихъ памятниковъ православїя, занялся изслѣдованіемъ и описаніемъ древнихъ образовъ, сосудовъ, книгъ и прочихъ священныхъ вещей, во множествѣ хранящихся въ церквахъ бѣлорусскихъ епархїй. Это еще нагляднѣе познакомило бы читающую русскую публику съ культурою сѣверо-западнаго края Россїи и послужило бы убѣдительнымъ доказательствомъ того, что этотъ край былъ исконно православнымъ русскимъ.

Ө. Ставровичъ.

Холмскій греко-унїатскій мѣсяцесловъ на 1888 годъ.

„Холмскій мѣсяцесловъ“ представляетъ двоякое значеніе: какъ справочная книга, какъ нравственное и практическое руководство для унїатско-русскаго населенїя, и какъ сокровищница исторической старины, замѣняющая до нѣкоторой степени отсутствїе у насъ археографической комиссїи. Въ подробномъ разборѣ мы постараемся опредѣлить, въ какой мѣрѣ выполнена имъ эта трудная задача.

Условїя хорошаго календаря заключаются не только въ томъ, чтобы служить удовлетворительною справочною книгою по разнообразнымъ религіознымъ и гражданскимъ обиходнымъ нуждамъ, но также вѣрно отвѣчать той особенной цѣли, для которой онъ предназначается.

Въ обоихъ этихъ отношенїяхъ, „Холмскій греко-унїатскій мѣсяцесловъ“ составленъ столь безукоризненно, что ничего лучшаго не оставляетъ желать. Въ общемъ его отдѣлѣ, кромѣ свѣдѣній, свойственныхъ каждому календарю, помѣщено такое обилїе указанїй, имѣющихъ практическій интересъ для обихода жителей привислянскаго края, и такое богатство и разнообразїе статистическихъ данныхъ, касаю-

ицяхъ адѣшней провинціи, что „Холмскій мѣсяцесловъ“ нисколько не уступаетъ лучшему изъ мѣстныхъ календарю Шворскаго, до сихъ поръ покушавшемуся многими изъ русскихъ единственно ради его статистическаго отдѣла.

Чтобы подкрѣпить наши слова доказательствами, укажемъ коротко на нѣкоторыя рубрики статистическаго отдѣла. Такъ, здѣсь приложены: вѣдомость, показывающая составъ 10-ти губерній, и 85-ти уѣздовъ Царства, съ обозначеніемъ ихъ пространства, народонаселенія городского и сельскаго, отношенія жителей къ квадратной милѣ и числа городовъ и сельскихъ гминъ въ каждомъ уѣздѣ, свѣдѣнія о численномъ и личномъ составѣ православнаго и греко-уніатскаго духовенства съ показаніемъ приходоу и монастырей; вѣдомость о специальныхъ и общихъ учебныхъ заведеніяхъ съ обозначеніемъ числа преподавателей и воспитанниковъ по вѣроисповѣданіямъ; программа экзамена поступающимъ въ русскую женскую гимназію въ Варшавѣ; статистика фабрикъ и заводовъ; свѣдѣнія о ярмаркахъ; обзоръ внѣшней торговли и дѣйствій польскаго банка; почтовые правила западнаго почтоваго округа; адресъ-календарь присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства по всѣмъ главнымъ управленіямъ Царства Польскаго; указаніе казенныхъ и примѣчательнѣйшихъ зданій въ Варшавѣ и пр. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что всѣ церковныя данныя заимствованы изъ официальныхъ источниковъ, слѣдовательно имѣютъ за собою преимущество свѣжести и авторитетъ вѣрности. Здѣсь, такимъ образомъ, собранъ обильный и надежный справочный матеріалъ, драгоценный въ житейскомъ быту для каждаго читателя, къ какому бы сословію и классу ни принадлежалъ онъ.

Что же касается особеннаго цвѣта и спеціальнаго характера разбираемаго мѣсяцеслова, то это свойство вполнѣ опредѣляется его отдѣломъ историческимъ. Придерживаясь порядка размѣщенія статей, укажемъ прежде всего на собраніе посланій *епархіальной холмской консисторіи* *всему духовенству холмской греко-уніатской епархіи*, которыя, по мѣрѣ ихъ обнародованія, были въ свое время запечатаны въ нашей газетѣ. Если читатели припомнятъ, что цѣль этихъ посланій заключается въ утвержденіи мира и порядка въ этой епархіи и благоустройствѣ устроеніи

дѣль ея согласно духу, потребностямъ паствы, и соборнымъ уставамъ, утвердившимъ унию, если примутъ въ соображеніе, что дѣло шло объ укрѣпленіи подточенной русской народности, а также о противодѣйствіи незаконнымъ нововведеніямъ, внесеннымъ въ унию латинно-польской пропагандой, и обезобразившимъ ее коронками, рожанцами, музыкой, польской проповѣдью, то вполне одѣнать умѣстность и пользу этого приложенія въ книгѣ, которая должна проникнуть въ масу греко-униатскаго населенія, значительно ополченнаго, и еще недавно волновавшагося подѣ влияніемъ езуитскихъ проповѣдей изъ-за очищенія религіозныхъ обрядовъ. Эти замѣчательныя посланія, прочитанныя въ церкви, не всѣми могли быть услышаны, многими могли быть недостаточно поняты; если же онѣ содержатся въ книгѣ, которую грамотный крестьянинъ развертываетъ во всякое свободное отъ работъ время, то истины, въ нихъ изложенныя, могутъ насаждаться въ воспріимчивой душѣ твердо и прочно.

Не находя умѣстнымъ вдаваться въ разборъ богословскихъ трактатовъ, запечатлѣнныхъ глубокою ученостію и включающихъ въ себѣ интересъ чисто церковный, каковы: *Сходство и разница ученія православной и римской церкви*, архіепископа Антонія, и *св. апостола Петра и его преемники по римской каведрѣ*, протоіерея Янковскаго, — перейдемъ къ самому капитальному достоянію мѣсяцеслова, состоящему изъ нѣсколькихъ историческихъ статей, подѣ общимъ названіемъ: *Холмская старина*.

Здѣсь вниманіе читателя прежде всего останавливается на весьма важномъ документѣ, случайно найденномъ въ 1866 году въ Холмѣ, и напечатанномъ въ подлинномъ латинскомъ текстѣ и русскомъ, это — *пр. доставленіе* (informatio) *о школахъ, учрежденныхъ въ Холмѣ при каведраальной церкви греческаго обряда, и затѣмъ о школахъ отцовъ піаровъ и о нашихъ бѣдствіяхъ*, поданное въ 1679 года греко-униатскимъ епископомъ холмскимъ, Іаковомъ Сушею; сперва въ римскую конгрегацію, а потомъ папскому нунцію Франциску Мартеллу. Въ немъ подробно и краснорѣчиво вычислены преслѣдованія, поруганія, грабежи и истязанія, претерпѣнныя воспитанниками греко-униатскихъ школъ и вообще русскими прихожанами отъ учениковъ отцовъ піаровъ и отъ р.-католиковъ вообще. Кромѣ того, піарами

Были отнимаемы у холмской епископіи имѣнія, греко-уніаты всяческими неправдами были совращаемы въ латинство, и не только были осыпаны публичными ругательствами высшіе служители уніатской церкви, но даже самъ высокопочтенный поборникъ народности и церкви русской, епископъ Іаковъ Суша, съ высоты католическаго амвона былъ обзываемъ „плѣшнымъ и брадагымъ діаволомъ“ и пр. Этотъ документъ показываетъ, съ какихъ давнихъ временъ и какому безпощадному натиску подверглась въ вѣдѣшемъ краѣ русская народность отъ ковшей латинства и полещизны. И нельзя не подивиться крѣпости и живучести соплеменнаго намъ народа, который, будучи поставленъ среди столь неблагоприятныхъ обстоятельствъ, до послѣднихъ временъ успѣлъ отстоять въ значительной степени свои русскія прирожденные особенности.

Вслѣдъ за тѣмъ, очень кстати, помѣщено и жизнеописание епископа Іакова Суши, заимствованное изъ книги: „Холмская епархія и святители ея,“ изданной въ прошломъ году во Львовѣ Нѣтъ надобности говорить о томъ призваніи, о тѣхъ цѣляхъ, какимъ была всецѣло посвящена жизнь холмскаго епископа, такъ какъ направленіе его дѣятельности достаточно выразилось для читателей уже въ одномъ, разобранномъ нами, *Представленіи*.

Въ статьѣ: *Столпы или вѣжи подѣ Холмомъ* описаны остатки двухъ четырехъ-угольныхъ башенъ, изъ коихъ бѣловинская находится въ четырехъ, а столпненская въ двухъ верстахъ отъ Холма. Къ сожалѣнію, объ этихъ драгоценныхъ остаткахъ русскаго господства въ холмскомъ краѣ, въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ (ипатьевской и волынской) имѣются только весьма неясныя упоминанія, а въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ писателей (епископъ Іаковъ Суша, Балинскій, Крашевскій) находимъ одни только гипотезы, болѣе или менѣе правдоподобныя, — такъ что о происхожденіи и значеніи этихъ почтенныхъ остатковъ старины, исторія еще не можетъ сказать своего положительнаго слова. Правда, о холмскихъ вѣжахъ живутъ въ народѣ согласныя легенды, но онѣ все построены на канвѣ романтической, облекать же авторитетомъ исторіи то, что существуетъ только въ области легенды, по меньшей мѣрѣ, неосторожно. По народнымъ преданіямъ, прежде существовали еще двѣ вѣжи —

въ с. Спасѣ и на востокъ отъ Хома близъ с. Чернѣева, на мѣстѣ котораго Студницкій предполагаетъ древній *Червоно*, столицу Червонной Руск. Это предположеніе однакоже совершенно падаетъ въ виду позднѣйшихъ указаній другаго нашего ученаго, Н. И. Паалицева, который въ результатѣ своихъ личныхъ изысканій, въ 1844 году, на исторической холмской землѣ, открылъ несомнѣнные признаки существованія древней червонно - русской столицы на мѣстѣ нынѣшней деревни *Червоно*. Такимъ образомъ, благодаря этой бездѣльной услугѣ для русской исторической науки, самый важный пробѣлъ въ исторіи червонно-русской земли нынѣ можетъ считаться удовлетворительно пополненнымъ. Желających подробнѣе ознакомиться съ этимъ отдѣломъ холмской исторіи отсылаемъ къ замѣчательному сочиненію автора, напечатанному между прочимъ и въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ 1865 года №№ 244—248, подъ скромнымъ названіемъ: „Поѣздка въ Червонную Русь.“ Въ виду возбужденныхъ въ нашей литературѣ сужденій о пользѣ и необходимости восстановленія древнихъ пунктовъ русскихъ поселеній, съ ихъ великими историческими воспоминаніями, значеніе подобныхъ статей на страницахъ календаря, предназначеннаго для униатско-русскаго народа, слишкомъ очевидно. Желательно, поэтому, дабы при составленіи мѣсяцеслова на будущій годъ указанное нами сочиненіе не было упущено изъ виду.

Надѣмся, что нашъ библиографическій разборъ частныхъ календаря вполне доказалъ справедливость выше высказаннаго мнѣнія о безукоризненно прекрасномъ составѣ холмскаго мѣсяцеслова, какъ въ общемъ, такъ и въ специальномъ его отдѣлѣ.

Къ числу вышнихъ достоинствъ слѣдуетъ отнести то, что книга эта украшена отчетливо и вѣрно сдѣланнымъ портретамъ Государя Императора, и напечатана четкимъ шрифтомъ на лучшей веленовой бумагѣ; кромѣ того, къ мѣсяцеслову приложены: портретъ епископа Іакова Суми, изображеніе двухъ башенъ, и прекрасно раскрашенная карта привислянскаго края, съ очерченіемъ новаго раздѣленія его на десять губерній.

И.

(Варш. Днев.)

Черезъ нѣкоторыхъ вѣрованій и обрядовъ простонародія въ юго-западномъ краѣ.

Не знаемъ какъ бываетъ въ другихъ мѣстахъ, а въ нашемъ краѣ каждый болѣе или менѣе важный случай въ жизни простолюдина сопровождается праздниками, соединенными со многими церемоніями; почти каждый шагъ его бѣтельности обставленъ бываетъ какими нибудь обрядами почти каждый обрядъ объясняется такимъ или другимъ вѣрованіемъ.

Расскажемъ о нѣкоторыхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, сопровождающихъ жизнь человѣка со дня его рожденія до самой смерти. При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что рассказъ нашъ не можетъ отличаться совершенною полнотою и обстоятельностью, такъ какъ мы будемъ руководствоваться здѣсь нѣкоторыми изъ прежнихъ воспоминаній, но новленныхъ новыми распросами у людей пожилыхъ, при чемъ многое могло забыться, да, пожалуй, въ короткій промежутокъ времени нельзя было и обо всемъ спросить.

Начнемъ съ рожденія младенца. Общая вѣра нашего народа гласитъ, что жребій человѣка опредѣляется еще до рожденія его на свѣтъ, и что ему предназначено въ утро-ѣ матерней, того ему не миновать. Никакія предосторожности не могутъ переменить его судьбы. Эта общая вѣра подкрѣпляется нѣкоторыми частными легендами, которыя существуютъ въ народѣ. Мы расскажем одну. Говорятъ, что когда-то Богъ ходилъ по землѣ съ апостоломъ Петромъ, во образѣ старцевъ. Однажды эти старцы зашли къ одной благочестивой повивальной бабкѣ и попросились у ней почевать. Ночью стучится въ окно человѣкъ и проситъ бабку идти въ его домъ принимать при родахъ дитя. Когда бабка собралась идти для исполненія своей обязанности, въ это время одинъ изъ старцевъ сказалъ ей, чтобы она, прежде чѣмъ войдетъ въ домъ, посмотрѣла въ окно и замѣтила что тамъ увидитъ. Наставленіе старца было исполнено,—и она замѣтила въ этомъ домѣ солдата, въ полномъ вооруженіи стоящаго среди комнаты. Загнѣвъ, вошедши въ домъ и исполнивши свою обязанность, она проретилась обратно къ себѣ. Черезъ нѣсколько минутъ опять послушалась стукъ въ окно, называющій, что бабка долж-

на идти въ другой домъ для исполненія обязанности при родахъ. Старецъ опять напутствовалъ ее тѣмъ же наставленіемъ. Посмотрѣвши чрезъ окно дома, въ который ее повзвали, она замѣтила, что хозяинъ дома, сопровождавшій ее и еще не успѣвшій войти въ свой домъ, стоитъ среди комнаты и улаживаетъ гостямъ, сидящимъ за столомъ.— По исполненіи и здѣсь своей обязанности, она возвратилась домой. Вскорѣ новый стукъ въ ея окно, вызвалъ ее въ третій домъ для исполненія повивальной обязанности. И въ третій разъ она вышла изъ своего дома съ подобнымъ же наставленіемъ отъ старца. Въ этомъ новомъ семействѣ она увидѣла чрезъ окно красивую дѣвицу, стоящую среди комнаты и множество собакъ, кидающихся на ея шею и ласкающихся возлѣ ней. Исполнивши и здѣсь свою обязанность, она воротилась домой. Когда разсѣло и старцамъ пора уже было идти въ путь, тогда одинъ изъ нихъ, дававшій наставленія бабкѣ смотрѣть чрезъ окно прежде входа въ домъ, спрашиваетъ у ней, что она видѣла въ этихъ трехъ домахъ, куда она ходила по обязанности; та рассказала все какъ было. Старецъ объяснилъ ей видѣнное слѣдующимъ образомъ: первый случай ея обязанности, гдѣ она видѣла солдата, стоящаго среди комнаты въ полномъ вооруженіи,—означаетъ, что новорожденный мальчикъ будетъ ваять въ военную службу. Второй случай, гдѣ она видѣла хозяина, угощающаго гостей, означаетъ, что новорожденный мальчикъ самъ будетъ почетнымъ хозяиномъ. Третій случай, гдѣ она замѣтила дѣвицу и ласкающихся возлѣ нея псовъ—означаетъ, что поворожденная дѣвочка будетъ блудницей.— Все это, заключилъ старецъ, ты можешь рассказать людямъ, пусть знаютъ, что судьба человѣка—добрая и злая опредѣляется еще въ утробѣ матерней и человѣкъ никакими силами не можетъ ее перемѣнить. Пусть счастливые не завидуются въ своемъ счастьи, и не издѣваются надъ тѣми людьми, которымъ отъ рожденія суждено подвергнуться гнусному грѣху. Впрочемъ искреннее раскаяніе наглаждаетъ и роковой грѣхъ.

Относительно роковаго опредѣленія существуетъ такое убѣжденіе, что человѣкъ въ первый разъ дѣлаетъ грѣхъ независимо отъ своей воли, а потому единственно, что такъ ему предназначено въ матерней утробѣ; тотъ же самый

грѣхъ совершенный въ другой разъ, есть грѣхъ прома-
вола и вмѣняется человѣку. Вслѣдствіе такого убѣжденія,
въ жизни случается такъ что общество не подвергаетъ на-
казанію дѣвицу, родившую незаконное дитя. Это будетъ
грѣхъ роковаго опредѣленія. Въ этомъ случаѣ выражают-
ся большею частію такъ: пусть ее Богъ судить. Если та-
же самая женщина имѣетъ другое незаконное дитя, тогда
общество, безъ зазрѣнія совѣсти, подвергаетъ ее какому ни-
будь наказанію, даже и тѣлесному. Въ этомъ вѣрованіи
крестьянъ нельзя не видѣть смѣшенія языческаго *) поня-
тія о неизбѣжномъ рокѣ и христіанскаго—о свободной
дѣятельности человѣка при содѣйствіи Промысла Божія.

И такъ, по вѣрованію крестьянъ, судьба имѣющаго ро-
диться младенца заранѣе, въ утробѣ матерней, опредѣле-
на;—ему остается явиться на свѣтъ, чтобы выполнить ро-
ковое предназначеніе и за тѣмъ дѣйствовать свободно сво-
ими силами.

Еще прежде рожденія дитяти мать должна соблюдать
вромѣ гигиеническихъ условій еще нѣкоторыя другія, какъ
то: не шить по воскреснымъ и годичнымъ праздничнымъ
днямъ, потому что можетъ зашить глаза дитяти. Всѣ
случаи слѣпороденныхъ дѣтей объясняются этимъ обсто-
ятельствомъ. Кромѣ того мать должна остерегаться, что-
бы какъ нибудь случайно не переступить чрезъ дышло
родоваго воза, или чрезъ воловодъ **). Въ противномъ слу-
чаѣ пуповина обматываетъ шею дитяти, и оно при рож-
деніи можетъ повредиться и даже задушиться. Мать так-
же должна скрывать приближеніе своихъ родовъ; чѣмъ ме-
нѣе людей знаютъ время ея родовъ, тѣмъ лучше. На сей
разъ существуетъ такое повѣріе, что раждающая должна
будетъ страдать муками рожденія столько часовъ сряду,

*) А можетъ быть ученіе о неизбѣжномъ рокѣ можно объяс-
нить вліаніемъ турецкаго магометанства. Мы дѣлаемъ это пред-
положеніе на томъ основаніи, что мы въ нашей статьѣ по преи-
муществу пользуемся свѣдѣніями у крестьянъ, живущихъ при
рѣкѣ Днѣстрѣ, по другую сторону которой не такъ давно было
полное владычество турокъ. А что еще ближе,—это предполо-
женіе можетъ быть изясняемо изъ болѣе давняго владычія ту-
рковъ въ подольской губерніи.

**) Воловодъ—веревка, — на которой водятъ запряженныхъ
волово.

сколько человекъ знаютъ о времени ея родовъ. Поэтому когда приходитъ время родовъ, мать старается пригласить повивальную бабу самымъ секретнымъ образомъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ; и та въ свою очередь старается секретно пробраться въ домъ роженицы.

За тѣмъ бабка дѣлаетъ всѣ предосторожности, чтобы къ роженицѣ не привязалась нечистая сила, которая особенно нападаетъ на женщину во время родовъ. Нападеніе нечистой силы на роженицу находится въ связи съ волшебствомъ. Говорятъ, что когда дѣвицы обращаются къ ворожеѣ, чтобы та пособила имъ выйдти замужъ, то она насылаетъ нечистую силу на какую нибудь замужнюю женщину, съ цѣлю умертвить ее, чтобы такимъ образомъ опростался лишній женихъ, — *суженый* для дѣвицы, обращавшейся къ ворожеѣ. Въ подобныхъ случаяхъ нечистая сила большею частію нападаетъ на роженицъ, какъ болѣе поддающихся ея дѣйствию. Поэтому роженица болѣе другихъ нуждается въ защитѣ отъ нечистой силы. Защита эта состоитъ въ томъ, что въ постель роженицы кладутъ чеснокъ, какую нибудь изъ желѣзныхъ вещей: топоръ, косу, но особенно въ этихъ случаяхъ много пособляетъ ножикъ съ костяной ручкой. Къ пахухъ роженицы прикалываютъ иголку съ ниткой. У возглавія же ея должна быть непременно поставлена *трицил* — богоявленская восковая свѣча, украшенная калиною, барвинкомъ и другими любимыми цвѣтами малороссовъ. При такомъ вооруженіи роженица бываетъ безопасна отъ нападенія нечистой силы, которая особенно бываетъ сильна и опасна до прочтенія надъ роженицей молитвы.

Для облегченія болѣе роженицы, иногда одѣваютъ ее въ сорочку, на которой остались слѣды физиологическаго цѣломудрія. По общему вѣрованію крестьянъ такая рубашка облегчаетъ самые трудные роды. Кромѣ сего для той же цѣли бывають довольно странныя церемоніи, какъ то: заставляютъ мужа лечь на полу, а жена должна переступить чрезъ него. Еще: роженицѣ расплетаютъ волосы и водятъ ее по подворьѣ, чтобы она наступила на счастливое мѣсто. Стоны роженицы даютъ знать, что скоро явится на свѣтъ новый человекъ, — чистый ангелъ, какъ говорятъ простолюдины. Въ это время являются добрые ангелы, которые избирають себѣ мѣсто на окнѣ — противъ

роженицы, они своими молитвами содѣйствуютъ благополучному появленію на свѣтъ человѣка и берегутъ его душу. Присутствіе ангеловъ на окнѣ въ домѣ роженицы продолжается ровно трое сутокъ, поэтому въ честь небесныхъ гостей должно быть освѣщеніе въ домѣ роженицы сряду три ночи.

Иногда бываетъ, что дитя рождается въ особой перепончатой оболочкѣ, которую называютъ *сорочкой*. Такое дитя, по вѣрованію простолудиновъ, считается очень счастливымъ. Сорочка какъ признакъ и даже причина счастья должна быть тщательно высушена и послѣ этого хранится, какъ святыня. Часть этой сорочки зашивается въ рубашку новорожденного и съ этимъ талисманомъ дитя не должно разставаться до смерти. Могутъ также родители частицы сорочки зашивать и въ свою одежду, но отнюдь не давать этой драгоценности чужимъ людямъ, чтобы къ нимъ не перешло счастье. Вѣра въ этотъ талисманъ такъ сильна, что сторонніе люди готовы покуситься на воровство, чтобы пріобрѣсть частицу этого талисмана—источника несомнѣннаго счастья.

Послѣ рожденія младенца дѣлается надъ нимъ извѣстная операція—завязываніе и отрѣзаніе пуповины. Полагается непремѣнно перевязывать пуповину прядевомъ изъ *матірка*—конопли, такъ какъ на ней есть сѣмена,—это будетъ имѣть вліяніе на умноженіе потомства новорожденного; но отнюдь не посконью, которая не имѣетъ сѣмянъ. Отсюда часто объясняютъ бесплодіе супруговъ тѣмъ обстоятельствомъ, что бабка посконью перевязала пуповину. Прядево это непремѣнно должно быть окроплено богоявленскою водою; большею частію оно готовится заблаговременно. Когда заготавливаютъ *трищю*, тогда ее обматываютъ коноплянымъ прядевомъ, которое потомъ и служитъ перевязкою для пуповины. При перевязываніи пуповины бабка благословляетъ новорожденного слѣдующими словами: „*Пусть Богъ даритъ тебѣ счастье, здоровье и многія лѣта.*“ Отрѣзаніе пуповины совершается на томъ предметѣ, которымъ предназначено заниматься новорожденному. Такъ, если дитя принадлежитъ къ тому сословію, дѣти котораго непремѣнно должны получать школьное образованіе для занятія общественной должности, то пуповина должна быть отрѣзана на книгѣ. Это дѣлается съ

тою цѣлю, чтобы развились способности дитяти къ тому занятію, къ которому оно будетъ призвано своимъ сословнымъ происхожденіемъ.—Когда пуповина отсохнетъ и отлетитъ отъ дитяти, то родители должны ее спрятать и бережно хранить до болѣе зрѣлаго возраста дитяти, чтобы оно само могло развязать завязку пуповины, потому что это обстоятельство весьма много содѣйствуетъ развитію способностей дитяти къ будущимъ его занятіямъ—такъ сказать, развязываетъ способности.

Послѣ этой операціи кладутъ дитя, на нѣкоторое время у ногъ матери. Это дѣлается для того, чтобы дитя, пришедши въ зрѣлый возрастъ, было покорно, своимъ родителямъ.

Когда дитя кладутъ первый разъ въ люльку, прежде туда нужно всыпать темнаго ржи;—чтобы жило дитя, или какъ говорятъ малороссы: *на житя*. Почему нужно сыпать въ люльку зерна ржи, а не другаго какого нибудь хлѣба,—это, вѣроятно, можно объяснить созвучіемъ на малороссійскомъ языкѣ словъ: жито—рожь и житя—жизнь; или же тѣмъ, что рожь есть болѣе преобладающій хлѣбъ, которымъ здѣсь кормятся. Подобный же обрядъ совершается при надѣваніи на дитя въ первый разъ рубашки. Обыкновенно насыпаютъ въ рукава жито, а потомъ уже одѣваютъ въ рубашку дитя.

Въ нашемъ краѣ еще существуетъ обычай ничего не одолжать изъ того дома, гдѣ родилось дитя, потому что этимъ обстоятельствомъ отгоняется сонъ отъ дитяти и оно неугомонно плачетъ. Плачь дитяти имѣетъ связь съ тѣмъ, что изъ дому взята вещь, которую оно оплакиваетъ. А если ужъ необходимо нужно сосѣда какую нибудь вещь, то требуютъ у послѣдняго оставить въ домѣ задогъ, который онъ беретъ назадъ по возвращеніи занятой вещи.

Когда являются посѣтительницы къ роженицѣ и увидѣвши въ первый разъ ея дитя, дѣлаютъ объ немъ свои отзывы или замѣчанія; то непременно должны свою рѣчь сопровождать словомъ *нивроку*, т. е. чтобы не сглазить,—и посмотрѣть на кончикъ своихъ ногтей. Тогда дитяти не будетъ никакого вреда отъ сглаживанія.

Рожденіе дитяти представляетъ случай для семейнаго праздника, сопровождаемаго обильнымъ угощеніемъ. Ро-

жепица, обрадованная появленіемъ поваго члена своей семьи, спѣшитъ пригласить родныхъ и знакомыхъ, чтобы и они раздѣлили ея радость. Гости собираются или въ самый же день родинъ, или же на слѣдующій день. Но въ это время гости состоятъ исключительно изъ однихъ женщинъ, которымъ предлагаютъ различныя кушанья, смотря по средствамъ, и водку съ медомъ. Гости же, собирающіяся на *родины*, являются туда непременно съ какимъ нибудь подаркомъ изъ разныхъ хозяйственныхъ продуктовъ.

Праздникъ *родинъ*, отправленный компаніей женщинъ, — это еще малый праздникъ. Семья, осчастливленная новымъ членомъ, готовится къ другому большому празднику, по случаю *крестинъ*, въ которомъ принимаетъ участіе смѣшанная компанія изъ мужчинъ и женщинъ. Самое приглашеніе на этотъ праздникъ совершается нѣсколько иначе, чѣмъ на первый. Прежде всего приглашаются восприемники. По указанію хозяина, повивальная бабка отправляется къ намѣченному восприемнику съ *куличемъ*. Предлагая ему куличъ, она проситъ его отъ имени хозяина быть восприемникомъ новорожденнаго. Согласіе на приглашеніе выражается тѣмъ, что приглашаемый беретъ изъ рукъ посѣтительницы куличъ и отдариваетъ ее какими нибудь хозяйственными продуктами. Если же приглашенный въ восприемники отказывается по какимъ нибудь обстоятельствамъ, тогда онъ не принимаетъ кулича и не награждаетъ посѣтительницы. Престолюдины не довольствуются однимъ восприемникомъ и восприемницей, а стараются по возможности пригласить таковыхъ побольше. Да этотъ обычай бываетъ и выгоденъ, потому что каждый восприемникъ жертвуетъ что нибудь въ пользу новорожденнаго. Кромѣ восприемниковъ приглашаютъ и другихъ гостей. Число гостей всегда опредѣляется средствами хозяина. Старые люди говорятъ, что въ настоящее время не такъ пышно отправляются родины и крестинны потому, что вслѣдствіе акциза водка стала слишкомъ дорога, а главное-то угощеніе крестьянъ состоитъ въ нопойкѣ.

Но пока будутъ праздновать крестинны, долженъ предшествовать обрядъ крещенія полагаемый за правило, чтобы новорожденнаго во все время совершенія надъ нимъ

обряда держали на рукахъ вѣнчальные отецъ и мать роженицы.

Послѣ совершенія обряда крещенія всѣ кумовья и званые гости собираются въ домъ хозяина для угощенія. Послѣ ужина бабка беретъ дитя на подушку и кладетъ его на столъ, за которымъ сидятъ гости, приговаривая: *кокрестникъ проситъ васъ обдарить его счастьемъ—здо ровьемъ, чтобы онъ имѣлъ купить за что коня и проч.* Причитанье это разнообразится, смотря по тому, какимъ краснорѣчіемъ владѣетъ бабка. — Гости въ отвѣтъ на ея причитанье сбрасываютъ на подушку деньги, кто сколько можетъ. Дитя принято со стола и тогда начинается другая церемонія. Бабка обдариваетъ гостей, преимущественно воспріемниковъ, куличами—каждому воспріемнику дается по два кулича. Вслѣдъ за тѣмъ она раздаетъ гостямъ *квітки* (цвѣты)—это букетъ изъ калины, барвинка и другихъ цвѣтовъ. Эта церемонія совершается слѣдующимъ образомъ: бабка кладетъ на тарелку *квітку* и возлѣ ней ставитъ налитую рюмку водки, поднося это каждому изъ гостей, она приговариваетъ:

Просымо на квіточку и на горілочку,

На вынце и на добре сливце.

Въ это время тотъ, кому подносили, беретъ съ тарелки водку и пьетъ за здоровье новорожденнаго, бабка обмакиваетъ *квітку* въ остатки водки, мажетъ пьющему лицо и отдаетъ ему квітку, а онъ кладетъ въ тарелку деньги. Такая же церемонія поочередно совершается надъ всѣми гостями. Послѣ раздачи *квітокъ* гости расходятся.

Для объясненія раздачи *квітокъ* на крестинахъ, что, вѣроятно, служитъ символомъ здоровья и красоты дитяти, еще существуетъ слѣдующая легенда. Когда то—въ давнее время шелъ съ крестинъ одинъ человѣкъ, на дорогѣ это встрѣтилъ нечистый, да и спрашиваетъ, откуда онъ идетъ? Прохожій отвѣчаетъ, что идетъ съ крестинъ. Нечистый не вѣритъ и все мучитъ. Если бы ты, говоритъ онъ, шелъ съ крестинъ, то имѣлъ бы какойнибудь знакъ съ собою. Итакъ нечистый проводилъ этого человѣка цѣлую ночь и завелъ его въ какіе-то овраги, изъ которыхъ онъ выбрался уже по дню. Отсюда-то и пошло употребленіе *квітокъ* на крестинахъ, чтобы куму, встрѣтившемуся съ нечистымъ, во время возвращенія домой,

можно было доказать, что онъ дѣйствительно былъ на крестинахъ,—и такимъ образомъ освободиться отъ нечистаго. Въ знакъ этого случая и теперь часто бываетъ, что крестьяне шутливо предлагаютъ вопросы идущему съ крестинъ: гдѣ былъ? На крестинахъ, отвѣчаетъ прохожій. Покажи квітку! Тотъ показываетъ квітку и за тѣмъ продолжаетъ свой путь.

Послѣдній обрядъ, который совершается по случаю появленія на свѣтъ новаго человѣка, состоитъ въ томъ, что бабка обмываетъ свои руки, какъ бы они чисты ни были, и потомъ наливши въ пригоршни воды, даетъ пить эту воду роженицѣ, а та сейчасъ подаетъ ей полотенце для утиранія рукъ, которое послѣ сего составляетъ собственность бабки. Обрядъ омовенія рукъ бабки означаетъ то, что она не уноситъ изъ дому крови роженицы. Этотъ обрядъ такъ строго соблюдается, что если бы случилось такъ, что бабушку пригласили для повивальной обязанности въ одинъ конецъ села, а между тѣмъ она не совершила обряда омовенія рукъ отъ крови роженицы, находящейся на противоположномъ концѣ деревни, то она прежде должна отправиться въ домъ роженицы для исполненія обряда, а за тѣмъ уже спѣшить на помощь въ другой домъ; въ противномъ случаѣ она беретъ на свою душу большой грѣхъ, и роженица будетъ считаться нечистою на томъ свѣтѣ, такъ какъ она не очистила рукъ бабки отъ своей крови.

Существуетъ еще повѣрье, что неплоднымъ женщинамъ полезно высасывать кровь изъ пуповины дитяти, потому что принятіе этой крови дѣлаетъ ихъ способными къ дѣторожденію. Но этимъ средствомъ, вѣроятно, весьма рѣдко пользуются и тѣ женщины, кои желали бы, потому что роженицы, какъ было сказано выше, очень ревниво оберегаютъ свою кровь. Да и при томъ содѣйствіе бабки въ подобныхъ случаяхъ считается грѣхомъ.

По прошествіи трехъ или четырехъ лѣтъ, совершается надъ мальчикомъ обрядъ надѣванія пояса. Обрядъ этотъ самый простой. Обыкновенно отецъ и мать заранѣе готовятъ для своего мальчика поясъ — непременно новый. Утромъ, когда солнце взойдетъ высоко на небѣ, отецъ и мать обращаются къ иконамъ съ молитвою о своемъ дитяти,—ваставляютъ и его молиться. За тѣмъ надѣ-

ваютъ на мальчика поясъ съ выраженіемъ ему своихъ родительскихъ пожеланій. Обыкновенно приговариваютъ: *Даруй тобі Боже счастья, здоровья и многи літа. Дай Боже, щобъ ты той сходишь и на кращій заробывъ.*

Еще позже надѣваютъ на мальчика нижнее мужское платье. По общему вѣрованію требуется, чтобы мать въ одинъ присѣсть приготовила первые штаны для своего сына. Это обстоятельство будетъ имѣть вліяніе на будущій успѣхъ ея сына во всѣхъ предпріятіяхъ. За что онъ ни возьмется,—все онъ сдѣлаетъ вдругъ, въ одинъ пріемъ, подобно тому, какъ первые штаны были сшиты ему въ одинъ присѣсть. Особенно это обстоятельство благоприятно бываетъ для будущаго успѣха въ кругу невѣсть, когда мальчикъ сдѣлается женихомъ. Такой женихъ сразу побѣждаетъ избранную имъ невѣсту. Отселѣ часто объясняютъ неудачи нарпя въ женитьбѣ тѣмъ, что мать первые штаны сшила для своего сына не въ одинъ присѣсть, а принималась за нихъ нѣсколько разъ.

Черты изъ Жмудской народности.

Жмудская свадьба.

Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ жмудская свадьба состояла изъ многочисленныхъ, вѣками освященныхъ обрядовъ, но въ настоящее время прежняя обрядовая сторона свадьбы почти исчезла и теперь невозможно нигдѣ на Жмуди встрѣтить полное сочетаніе тѣхъ особенностей свадьбы, которая такъ хорошо характеризовала патріархальный бытъ жмудиновъ. Предлагаемое описаніе жмудской свадьбы, по старинѣ, постараюсь изложить на основаніи воспоминаній Антона Тучки, жителя Россіенскаго уѣзда, цитовянскаго прихода.

Свадебный пиръ обыкновенно начинается съ вонедѣльника, въ домѣ родителей жениха и невѣсты, и продолжается цѣлую недѣлю. Женихъ приглашаетъ къ себѣ своихъ свакныхъ, и изъ женскаго пола только близкихъ родственницъ, невѣста своихъ подругъ, которыя наутро

тъ названіе: паредкиникясь (*): сюда-же приглашаются свахи со стороны невѣсты.

Когда приглашенные соберутся, невѣста проситъ своихъ родителей открыть свадьбу танцами; отецъ съ матерью выходятъ на средину комнаты и, сдѣлавъ нѣсколько вѣрныхъ круговъ, открываютъ этимъ свадьбу. У жениха происходитъ тоже самое. Въ полночь женихъ, получивъ благословеніе родителей, со всѣмъ собраніемъ, въ сопровожденіи музыки, пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты. Зимомъ дуть въ саняхъ, а лѣтомъ верхами; лошади обыкновенно крашаются зеленью, цвѣтами, перьями, и обвѣшиваются свѣщеннымъ множествомъ колокольчиковъ. Какъ скоро въ домъ невѣсты услышатъ звонъ колокольчиковъ, всѣ, какъ называемыя паредкиникясь, садятся по одну сторону комнаты и въ молчаніи ожидаютъ входа жениха; причемъ верь запираютъ на засовъ, такъ что женихъ къ нимъ опасть не можетъ. Тогда одинъ изъ его сватовъ, выбранный маршаломъ, ударяетъ въ дверь своей палкой; за верьми отзывается маршалъ невѣсты и обращается къ ему съ вопросомъ:

(Касъ че?) Кто здѣсь?

(Свечей небувелей). Непрошенные гости.

(Аръ даугъ консу ира?) Много-ли васъ?

Кекъ туръ сауле швесибесъ-мыльчу маре, понасъ пикти, есъ; текъ ира мусу яуну дыкчу ернею, пуйкей паредиту, антъ ркюнь свадинту, сальджиусъ жоделюсъ калбанчу.

Коги юмисъ рейка, кокиосъ ыгадосъ, кадъ герай бутуметь риипти?

Рейкалауемъ наквинисъ, уляиасъ. Месъ иръ жиргай пайльси; ейке шумъ балту ловелю, минкиту подушкею, плону драбулею, мелингу дукнею, снегиню брусею, арклясъ стайнею, епуремъ гембелю, жупане-

Сколько солнечныхъ лучей, сколько песку въ морѣ, столько насъ молодыхъ, крѣпкихъ молодцовъ, красиво разодѣтыхъ, на коняхъ посаженныхъ, сладкія рѣчи говорящихъ.

Что вамъ нужно, для принятія такихъ великихъ гостей?

Нуждаемся въ ночлегъ, увеселенійхъ, въ сладкихъ рѣчахъ и въ хорошихъ блюдахъ. Мы и лошади наши устали; требуемъ бѣлыя кровати, мягкія подушки, тонкія простыни, мягкія тюфяки и свѣжыя волотенца; а лошадакъ нашимъ хорошихъ коню-

(*) Это слово происходитъ отъ слова порядокъ значить: модковымъ.

лясь сталелю, дель швисюіу че- | шень, шапкамъ нашимъ гвоздей,
 бату гринделю. А дель мусу ку- | жупанамъ скамейки, а для чи-
 шигаикште, швися менесели ай- | стыхъ сагоговъ, чисто-вымы-
 шкіось саулужесь мергайтесь! | тый поль. А для нашего князя
 княгиню! солнца дѣвицы!

Родители невѣсты, выслушавъ рѣчь, просятъ гостей въ комнату. Двери растворяются и при пѣніи:

Декавоемъ Девуй,	Благодаримъ Бога,
Ажу светелюсь;	За гостей;
Ишь дунгусъ атнештусь,	Съ неба ниспосланныхъ
Мумись палинксминтусь.	Намъ на утѣшеніе.

Всѣ пріѣхавшіе гости входятъ въ комнату и садятся противъ дѣвицъ. Спустя нѣкоторое время является и невѣста, разодѣтая по свадебному; поклонившись всѣмъ, исключая молодаго, она раздаетъ подарки сватамъ. Затѣмъ свать подходитъ къ музыкантамъ, платитъ имъ деньги, что дѣлаютъ и тѣ, которые желаютъ принять участіе въ пляскахъ. Музыканты начинаютъ играть. Каждый мужчина выходитъ сперва на середину и раскланивается, потомъ подходитъ къ дѣвицѣ, противъ которой онъ сидѣлъ, и приглашаетъ ее плясать; прочіе слѣдуютъ его примѣру. Народные жмудскія пляски: топоръ, ласточка и т. д. о нихъ будетъ сказано въ послѣдствіи. Увеселенія и угощеніе продолжаются цѣлую ночь до выѣзда въ костель; пиво, главный предметъ угощенія, пьютъ безъ конца.

Утромъ, передъ выѣздомъ въ костель, всѣ присутству, ющіе садятся вокругъ стола; и невѣсту же сажаютъ за особенный маленькій столъ, на которомъ поставлены: соль-широгъ и стаканъ пива. Братъ жениха подноситъ невѣстѣ руговой вѣнецъ, сплетенный сестрами жениха, при-говаривая:

Ашь асу тарнась лабай пакар- нась, прашау пасиклаусити канъ жаду сакити. Падекавоюю моти- най гимдитоей, теувуй аугинтою, кадь муни ужаугина; падекавоюю Пону Деву кадь мунь дави линк- сма ант шіо света гивянина. Падекавоюю понюмсь свачюмсь куріосъ, ужъ стала сидея балтась галвась вальди и кадь дидля лоска турея ант целось бясе-	Я человекъ тихій и очень по- корный, прошу послушать, что хочу сказать. Спасибо родной матушкѣ, родимому батюшкѣ, что вскормили меня. Спасибо Господу Богу за веселое житье на этомъ свѣтѣ. Спасибо и сва- шешкамъ, которыя за столомъ сидѣли и бѣлыми головками уп- равляли и что оказывали боль- шія ласки и были внимательны.
---	--

досъ суснился. Падекавою
 пшлькнмсь сюламсь, балтамсь
 сталамсь; ужъ свиста падекавою
 понуй пиршлой, куръ анць парь
 трисъ неделасъ юдинся високу
 жоджю гирдея, блогусъ ишмети-
 нея, гярусъ и вена венибе судея.
 Падекавою броямсь и сяса-
 русь, кадъ муни и тань бседа
 напраша; падекавою тумсь сеся-
 люмсь курюсь анкети келя рутя-
 лясь равей, ну пагадасъ палнй-
 етя, ну шальча приденьга. О касъ
 шунь падекавосъ яунамъ берня-
 лой? Анкети рита келяу, юдо
 шурва бридау, парь пурвиносъ
 ююу, некуръ не сувалююу. Парь
 лаукусъ нешяу, парь шаура вея;
 ашъ инь шанаволу и шилка кус-
 ка сувинюлу, кадъ веялись не
 пусу, вайникялись не сувисту.
 Няшяу парь пялькясь, парь кя-
 русъ купстотасъ, кярусъ ипра-
 вяу, пялькясь ишклоу, вайни-
 кяли ишенешлу не сувалююу.
 Ужеля валнусъ купротусъ, миш-
 кусъ скаротусъ. Жалюсь иш-
 ланкчяу меджюсь, о саусасъ иш-
 лаужяу, скаротусъ ишченеяу.
 Кайпъ мишкусъ тротей, висасъ
 дребеяу, кадъ не ужклюдичяу,
 вайникяли не сударскичяу. Не
 винць жабрались не ужклюва,
 не винць лапались не нубира:
 приюу прикима, вартасъ келяу,
 висасъ дребеяу, кадъ вайникяли
 не судраскичяу. Виси шока и
 дайнава не винць манесъ не
 гдава, о ашъ не коксъ турте-
 никсъ, не коксъ скарбенинксъ,
 не су ауксу, а ни су сидабру, тик-
 тай су руту вайникялю атиюу.
 Ашъ атсюнетасъ су вайникялю
 ну яуна берняля пасъ яуна па-
 чяля. Прашкамъ приимти не су-
 сь, инти, тань пардавети кита
 не норети. Прашау панли не
 шасоти, мунь ужъ вайникяли
 падекавоти.

ко всему собранію. Спасибо и
 льяными скатерткамъ и чисто-
 накрытымъ столамъ. За подма-
 сливаніе с пасибо пану свату,
 которыхъ цѣлыхъ три недѣли
 ъздилъ и различныя рѣчи слы-
 шаль: худыя онъ выбрасывалъ,
 слова добрыя въ одно мѣсто скла-
 дывалъ. Спасибо братьямъ и се-
 стричамъ, что меня въ эту бесѣ-
 ду опросили; благодарю и тѣхъ
 сестрицъ, которыя рано встава-
 ли и руточки рвали, ихъ отъ жа-
 ра поливали, отъ мороза прикры-
 ли. Кто-же спасибо скажетъ мнѣ
 молодому молодцу? Я раненько
 всталъ, по черной грязи бродилъ,
 чрезъ болота я ъздилъ, нигдѣ
 вѣнца не замаралъ. Чрезъ поля
 я несъ его, по сильному вѣтру; я
 берегъ его и во шелковый пла-
 точекъ завернулъ, чтобы вѣте-
 рокъ не обдулъ его и не увялъ бы
 тотъ вѣнецъ; я несъ его черезъ
 пни и болота; пни вырывалъ, а
 болота засыпалъ, вѣнецъ я вы-
 несъ, не запачкавъ. Попадалъ на
 холмы, кустарникомъ поросшіе,
 и въ густые лѣса. Зеленыя де-
 ревя разметалъ, сухія выло-
 малъ, густыя деревья вырубилъ.
 Когда лѣсъ трещалъ, я весь дро-
 жалъ, чтобы не зацѣпить бы мнѣ
 вѣнца, не порвать бы мнѣ его.
 Не зацѣпила его ни одна вѣтка,
 не упала ни одинъ листокъ. До-
 ѣхалъ я до двора и отворяя во-
 рота, весь дрожалъ, не порвать
 бы мнѣ вѣнца. Всѣ пѣли и пля-
 сали, ни одинъ не ожидалъ меня,
 вѣдь я не богачъ какой, ни съ
 золотомъ, ни съ серебромъ прѣв-
 халъ, только съ рутовымъ вѣн-
 цомъ. Я присланъ съ рутовымъ
 вѣнцомъ отъ молодого молодца
 къ молодой дѣвчинѣ. Прошу—
 примите, не смущайтесь, вѣнецъ
 этотъ снесите, другаго не ищи-
 те.

Вънецъ припикиваетъ одна изъ сестръ невѣсты. Между тѣмъ невѣста предлагаетъ брату жениха въ подарокъ полотна на рубашку, приговаривая:

<p>Анксти гулау, велай велаяу; еторай верлау, ратай ауджау; прашамъ не нусимити тась до- ванась пришти.</p>	<p>Рано я дожилаь, поздно я вставала; толсто пряла, рѣдко ткала; прошу не гнѣваться, но принять этотъ подарокъ.</p>
--	--

Б р а т ь о т в ѣ ч а е т :

<p>Деко лабай пакарней. Анксти велуси, велай гулуси, плонай керпуси, танкей ауджюси.</p>	<p>Благодарю очень покорно. Ты рано вставала, поздно ложилаь, тонко пряла, густо ткала.</p>
--	---

Послѣ того женихъ беретъ невѣсту за руку, выходитъ съ нею на середину и оба становятся на колѣни, прося родителей и всѣхъ гостей благословить ихъ на новую жизнь. Между тѣмъ лошади стоятъ уже у крыльца, украшенныя цвѣтами, увѣшанныя колокольчиками. Таинство бракосочетанія совершается всегда въ томъ приходѣ, въ которомъ живетъ невѣста. По прїѣздѣ въ костель, женихъ и невѣста молятся сперва Богу, потомъ подходятъ къ рѣшеткѣ (кратялямъ). Ксендзь приступаетъ къ бракосочетанію. Если-же брачующіея богаты, то, для совершенія таинства, готовится столикъ, украшенный цвѣтами и свѣчами.

Послѣ бракосочетанія, если костель далеко отъ мѣстожительства невѣсты, то все собраніе гуляетъ до вечера въ мѣстечкѣ или деревнѣ тамъ, гдѣ находится костель. Вечеромъ всѣ возвращаются домой. Родители невѣсты встрѣчаютъ молодую пару хлѣбомъ, солью и стаканомъ пива. Танцуютъ до глубокой ночи. Передъ отходомъ ко сну, начинается обрядъ, такъ называемый ачавимась; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: наряжаются двѣ старыя бабы, выпивъ предварительно водочки; берутъ затѣмъ поднось и съ нимъ подходятъ къ родителямъ, братьямъ и сестрамъ невѣсты, прося что нибудь подарить имъ; подходятъ онѣ къ каждому приговаривая.—обращаясь къ

М а т е р и :

<p>Лабась вакарсь матушени, ла- бась вакарсь. Гирджю, тамстаь дуктурели ишимтинга, крайтя-</p>	<p>Добрый вечеръ матушка, до- брый вечеръ! Слышу (знаю), что твоя доченька разумна. Но къ</p>
--	---

ля виршеля не притяка, пир-
штелюмсь пазибляю на ужтяка.
Гирджю тамста матушели лабай
багота, трисъ шимтусъ стуме-
вялю туренче; дукъ, дукъ мату-
шели, ня трункингъ, святимай
шалайлей не наквосме.

приданому сундуку крышки не
хватило; пальцамъ колець не до-
стало. Слышу, что ты, матушка
очень богата, трисета становъ къ
рубахамъ нитешъ; дай, дай ма-
тушка, не задрживай, въ чужой
сторонущкѣ не будемъ ночевать.

Къ отцу:

Лабасъ вакарсъ тятюшели, ла-
басъ вакарсъ! Гирджю тамстасъ
дуктурели ишминтинга, крайтля-
ля, виршеля ня пртяка, пир-
штелюмсь пазибляю на ужтяка.
Дукъ, дукъ тятюшели, ня шик-
птукъ, гирджю тамста тятюшели
лабай баготсъ, трэесъ аренти,
пешерейсь акеевти.

Добрый вечеръ батюшка, до-
брый вечеръ! Слышу, твоя до-
ченька разумна, къ приданому
сундуку крышки не достало,
пальцамъ колець не хватило.
Дай, дай батюшка, не скупись!
Знаю, что ты батюшка, очень
богаты: тремя сохами орешъ,
шестью боронами боронуешь.

Юлучивши подарки благодарять его слѣдующими словами:

Деко, деко тятюшели лабай
деко, гражасъ тамстосъ дованя-
исъ ирь патогесъ.

Благодарю, благодарю батюш-
ка, очень благодарю, красивъ
твой подарокъ и цѣнный.

Народныя жмудскія пляски.

Народъ жмудскій по природѣ своей болѣе угрюмый,
ежели веселый; однако любить при удобномъ случаѣ по-
еселиться, спѣть нѣсенку и пуститься въ пляску. Празд-
ники, евадьба, рожденіе, крещеніе даютъ всякому жмуди-
у возможность показать всю свою удалъ. Кромѣ чисто-
зродныхъ жмудскихъ плясокъ есть пляски заимствован-
ныя отъ другихъ народовъ, но говорить объ нихъ я не
гану, такъ какъ онѣ не подходятъ подъ мою тему.

Л а с т о ч к а

(Блездингели).

Пляска эта требуетъ просторнаго мѣста и повѣтому она
быкновенно совершается въ открытомъ полѣ или на лугу.
ущины становятся съ дѣвицами попарно въ рядъ, притомъ
юють:

Кракждунела,
Лакунела,
Фуррь, фуррь!
Милемон,
Брунгаусюн,
Фуррь, фуррь!

Ласточка,
Перелетная,
Фуррь, фуррь!
Милая,
Дорогая,
Фуррь, фуррь!

Затѣмъ всѣ пары, кромѣ первой, поднимаютъ руки къ верху, а первая пара проходитъ подъ руками второй, послѣ того первая и вторая пары проходятъ подъ руками слѣдующихъ, но эти переходы должно дѣлать какъ можно быстрѣе; послѣ того составляютъ острый уголъ, одна сторона котораго состоитъ изъ мужчинъ, а другая изъ женщинъ; въ такомъ порядкѣ пляшутъ участвующіе не перемѣняя формы угла; при томъ поютъ:

Бролелей, сеселесь,
Лексма, лексма!
И жали гирела,
Лексма, лексма!
Фють, фють крегждунела,
Фють, фють лакунела!
Меджіотонсь не нушаусь!
Меджіотонсь не сугаусь!

Вратья, сестрицы,
Улетимъ, улетимъ!
Въ зеленую рощу,
Улетимъ, улетимъ!
Фють, фють ласточка,
Фють, фють перелетная!
Охотникъ не убьетъ!
Охотникъ не поймаетъ!

Топоръ

(Кирвись).

Эта пляска тоже требуетъ простору и поѣтому происходитъ въ открытомъ полѣ. Всѣ танцующіе образуютъ изъ себя кругъ, который составляютъ попеременно изъ мужчинъ и дѣвиць. Въ серединѣ круга ставится дѣвушка съ топоромъ въ рукахъ и тогда всѣ участвующіе начинаютъ кружиться при пѣніи:

Шокинекетъ, шокинекетъ,
Шендень гярась лайксъ!
Касъ шока, улайя
Тасай мусу вайксъ!
Вальдитою—девужелю
Прашикемъ о, о!
О девужесь мумсь падесь
Ней шендень, тай рито!
Шендень гярамъ, уляоемъ,
Несь тай мусу лайксъ,
О ритодень касъ тай жива,

Пляшите, пляшите,
Сегодня время!
Кто пляшетъ, кто веселится
Тотъ наше дитя!
Богинь—Вальдитомхъ
Попросите о, о!
И богини намъ помогутъ,
Если не сегодня, то завтра!
Сегодня пьемъ, гуляемъ,
Ибо наше время;
Кто можетъ знать,

Курь кожнась нулакусъ.
 Дрансей тиктай бернужелей,
 Су мергайте шокты!
 Глаустъ при ширдесъ, ширду
 желесъ,
 Паскуй буде воктъ!
 Ту мергайте скайшчаусион,
 Вена ишь мужсь риккъ,
 Касъ спраунеснисъ бернуже-
 лисъ,
 Су кирвелю тринкъ!
 Су кирвелю тринкъ!
 Го, го, су кирвелю тринкъ!

Гдѣ завтра будемъ мы.
 Смыло ребята,
 Съ дѣвицею выскочить,
 Прижать къ сердцу, сердечку,
 И разцѣловать!
 Ты красна—дѣвица
 Одного изъ насъ выбери,
 Кто смѣлае всѣхъ,
 Къ тому топоръ брось,
 Къ тому топоръ брось!
 Го, го, къ тому топоръ брось!

Съ словами: „го, го, къ тому топоръ брось“, дѣвица, находящаяся въ серединѣ круга, подбрасываетъ топоръ въ верхъ, а мужчины стараются поймать его на воздухъ и тотъ, кто поймаетъ топоръ, входитъ въ середину круга и пляшетъ съ дѣвицею; послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ круговъ, цѣдуется съ нею и уступаетъ свое мѣсто другой дѣвицѣ. Опять повторяется таже самая пляска.

Пляска по своему характеру дикая, но пляска чисто-воинственнаго народа. Начало ее, безъ сомнѣнія, относится къ періоду до-христіанскому, потому что въ припѣвахъ упоминаются имена языческихъ богинь. Эта пляска запрещена была помѣщиками для предупрежденія несчастныхъ случаевъ изувѣченія топоромъ.

В и т в а

(Муштини).

Мужчины и женщины берутся за руки и становятся въ кругъ. Пляска совершается съ пѣніемъ и съ необыкновенною быстротою:

Шокинем вельнисъ,
 Пасирайтисъ кельнисъ,
 Вельня типасъ сутрука,
 Висасъ кельнесъ нуемуда.
 О шитасисъ вельнисъ,
 Иръ ишь Ригосъ вельнисъ,
 Бьяурусъ ванагъ вокителисъ,
 Мусу жемесъ непрителисъ.
 Гопъ! гопъ! го! го!
 Кунтай, балабай!

Плясаль бѣсъ,
 Поднявши панталоны,
 У бѣса подтяжки оборвадись
 И панталоны упали.
 А тотъ бѣсъ
 Выль изъ рижской псярни,
 Гадкій ястребъ,
 Нашей земли врагъ!
 Гопъ, гопъ! го! го!
 Кунтай, балабай!

Непрителись!
 Месь тань вожителъ
 Месь тань непрителъ,
 Суюдисма, сукрушисма,
 Тикру молю подарисма.
 Гошь! гошь! го! го!
 Кунтай, балабай!
 Джюнгеса, гофернеса!
 Минджюра!
 Гога!
 Молю подарисма!

Врагъ!
 Мы этого ястреба,
 Мы этого врага,
 Помнемъ, сожжемъ,
 Чисто—глиною сдѣлаемъ.
 Гошь! гошь! го! го!
 Кунтай, балабай!
 Джюнгеса, гофернеса!
 Минджюра!
 Гога!
 Глиною сдѣлаемъ!

Съ словамъ: „гошь, гошь, го, го, кунтай балабай“ всѣ танцующіе разбѣгаются во всѣ стороны, причеиъ стучать ногами, сколько силы въ нихъ; наконецъ одинъ захватываетъ въ охапку дрова и съ шумомъ разбрасываетъ ихъ по лощатѣ.

Эта пляска, какъ мнѣ кажется, получила свое начало во времена погромовъ ливонскаго ордена. Потому что невѣзистъ къ нѣмцамъ въ этой пѣснѣ, доказываетъ ихъ непріязненное отношеніе къ германскимъ племенамъ.

Не лишнимъ здѣсь будетъ сказать нѣсколько словъ объ инструментахъ, какъ необходимой принадлежности плясокъ. Къ чисто-жудскимъ принадлежатъ слѣдующіе: *Валадис*—дудка, сдѣланная изъ коры дерева. *Джюнджисисез* инструментъ, состоящій изъ одной жемчужной струны, натянутой на широкую доску, и *Моланжа*—дудка изъ глины.

Въ прежнія времена, какъ говорятъ старики, былъ въ большомъ употребленіи инструментъ, такъ называемый *Трымтай* или *сутартиней*. Онъ представлялъ деревянную трубу въ нѣсколько сажень длины. По рассказамъ звукъ этой трубы, былъ необыкновенно пріятный; особенно если конецъ ее былъ вставленъ въ огромную бочку. Эта музыка была какъ разъ подходящею для народа, жившаго въ дремучихъ лѣсахъ!

Ученикъ Шавельской Гилжаси.

О латинскомъ богослужебномъ чинѣ, сравнительно съ православнымъ.

Великій святитель, недавнюю потерю котораго вся Россія оплакиваетъ, въ разговорѣ съ однимъ знакомымъ, лишь возвратившимся изъ Рима, замѣтилъ, что нынѣшній чинъ западной церкви представляетъ изъ себя осколки древности, какъ будто бы при переносѣ его съ востока на западъ многое изъ него потеряно въ дорогѣ, и онъ достигнулъ до Рима не цѣлымъ, а только въ отрывкахъ. Въ справедливости этого замѣчанія убѣдится всякій, прослѣдивъ со вниманіемъ латинскую литургію.

Въ прежней моей статьѣ (Духовная Бесѣда, № 26 за 1867 г.) я уже кое-что сказалъ о формѣ одной изъ двухъ существующихъ у латинянъ литургій, называемой *messa bassa* т. е. «читанная» обѣдня. Теперь я намѣреваюсь разсмотрѣть, на сколько большая, или пѣтая, музыкальная съ органомъ и даже съ полнымъ оркестромъ, латин. литургія—*messa cantata, grande messe*, сходится съ чиномъ нашей обыкновенной литургіи. Порядокъ ея и молитвы тѣ же самыя, какъ и въ тайной, или читанной миссѣ; вся разница въ обстановкѣ и большой торжественности; при томъ же она совершается тремя священниками, изъ которыхъ старшій остается настоящимъ священнодѣйствующимъ лицомъ, и потому зовется *celebrans* (совершающій), а оба остальные, *assistantes* (присутствующие), обращаются на это время одинъ въ діакона, а другой въ уподіакона (*diacre* и *sous-diacre*), хотя всѣ трое имѣютъ равную іерейскую степень. Подобная запутанность въ латинской іерархіи повторяется также въ званіи кардинала-діакона, который считается выше обыкновеннаго кардинала, между тѣмъ какъ всѣ кардиналы суть архіепископы или епископы и никакъ не ниже священническаго сана. Старшій священникъ облачается въ обыкновенный ихъ фелонь, вырѣзанный съ боковъ отъ самыхъ плечъ, а остальные двое—въ стихари съ рукавами, но немного ниже колѣнъ, и потому болѣе похожіе на саккосъ (*dalmatica*); а у аббата-діакона, кромѣ того, виситъ на кисти руки кусокъ парчевой матеріи, въ 3—6 вершковъ, какъ будто бы конецъ орая *).

*) Фелонь латинскій, почти такого же покроя, какъ у насъ,
Отдѣлъ IV.

При началѣ обѣдни всѣ три священника становятся у нижней ступени престола (altare) въ одинъ рядъ, старшій въ срединѣ, и послѣ словъ: „во имя Отца и Сына и проч.“, старшій начинаеть читать псаломъ 42-й, съ 4 стиха: „introibo ad altare Dei“ (вниду къ жертвеннику Божию), а ассистенты отвѣчаютъ: ad Dominum qui laetificat iuventutem meam (къ Богу, веселящему юность мою); старшій продолжаетъ: judica me Deus et discerne causam meam (суди мя, Боже, и разсуди прю мою) и такъ далѣе до конца псалма, до словъ: „спасеніе лица моего и Богъ мой“. Иные изъ этихъ стиховъ произносятся какъ антифоны, попеременно старшимъ и младшими священниками. Порядокъ стиховъ вначалѣ видимо переставленъ, но текстъ псалма сохраненъ. Затѣмъ слѣдуетъ молитва исповѣди грѣховъ (confiteor), сначала старшимъ, а послѣ обоими его ассистентами; при словахъ: mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa (согрѣшихъ, согрѣшихъ, вѣло согрѣшихъ), они ударяютъ себя въ грудь троекратно; послѣ чего поднимаются по ступенямъ престола и становятся почти на все остальное время службы одинъ за другимъ: старшій—у самаго престола, а ассистенты на 2-й и 3-й ступенькахъ, т. е. одинъ ниже другаго. По прочтеніи старшимъ входныхъ молитвъ, всѣ трое произносятъ три раза сряду подлинное греческое *Kirie eleysonz* (Господи помилуй), съ присовокупленіемъ: „Христе елейсонъ.“ Это какъ будто бы воспоминаніе о древнемъ единствѣ церквей и невольная дань первенствующему греческому чину (хотя въ греческомъ не имѣется „Христе елейсонъ“) и составляетъ единственный скудный остатокъ эктени въ латинской литургіи.

Затѣмъ, старшій священникъ запѣваетъ тономъ речитатива первый только стихъ Gloria in excelsis Deo (Слава въ вышнихъ Богу), а весь остальной гимнъ, почти совершенно съ нашимъ схожій, но оканчивающійся со словами: „Иисусъ Христосъ во славу Бога Отца, Аминь,“—допѣвается

сохранился въ облаченіи епископовъ, но онъ надѣвается также и священникомъ при совершеніи службы выставленія и поклоненія св. Даровъ (Expositio et adoratio ss. Sacramenti). Говоря объ епископскомъ облаченіи, замѣчу кстати, что омофоръ (pallium) не составляетъ необходимую принадлежность этого облаченія, но дается папой инымъ епископамъ, какъ отличіе отъ другихъ или награда.

пѣвцами съ органомъ. Священнодѣйствующій же, кончивъ про себя чтеніе гимна, спускается съ ступени престола, вмѣстѣ съ своими ассистентами, и всѣ трое садятся, до окончанія музыкальнаго исполненія гимна, на стульяхъ или скамьяхъ, приготовленныхъ съ правой стороны престола. Эту часть службы зовутъ *Gloria*.

Откуда вошло въ употребленіе въ латинской литургіи пѣніе этого гимна а также заключенія литургіи чтеніемъ начала 1-й главы евангеліе отъ св. Іоанна (никогда не мѣняющееся), я не могу изслѣдовать, по неимѣнію нужныхъ для того документовъ; но не заимствовано ли оно изъ какой нибудь изъ первоначальныхъ литургій, на примѣръ изъ литургіи св. Іакова брата Господня, или можетъ быть, изъ мозарабической?

По окончаніи пѣнія гимна и послѣ нѣкоторыхъ молитвъ, тайно читаемыхъ священнодѣйствующимъ, вподіаконъ читаетъ апостоль того дня, спустившись совершенно съ ступени престола, а вслѣдъ за симъ аббатъ-діаконъ читаетъ евангеліе, также у подножія престола, но стоя въ полуоборотъ налѣво, т.е. правымъ бокомъ къ престолу и почти спиною къ священнику, а лѣвымъ бокомъ къ присутствующимъ. Книга евангелія поддерживается вподіакономъ и, по окончаніи чтенія, подносится открытою къ старшему священнику, который цѣлуетъ священные слова. Передъ чтеніемъ св. евангелія хоръ поетъ: *Gloria tibi, Domine* (Слава тебѣ, Господи), а по окончаніи чтенія: *Laus tibi, Christe* (Хвала тебѣ, Христосъ). Кромѣ того, между чтеніемъ апостола и евангелія старшій священникъ читаетъ нѣкоторые стихи изъ псалмовъ, въ родѣ нашихъ прокименовъ. Эту часть службы зовутъ *Graduale*.

Тотчасъ послѣ чтенія евангелія, старшій священникъ запѣваетъ первыя четыре слова символа вѣры: *Credo in unum Deum*, а доканчиваетъ его шопотомъ; всѣ трое опускаются на одно колѣно, при словахъ: „и воплотившагося отъ Духа Святаго и отъ Маріи Дѣвы“, а потомъ всѣ трое садятся на тѣхъ же ириготовленныхъ трехъ стульяхъ, куда пѣвцы съ органомъ, или хоръ (составленный изъ сидящихъ за перегородкою, позади престола, не участвующихъ въ службѣ, священниковъ и клириковъ) доканчиваютъ пѣніе символа. Напѣвы хора далеко не гармоничны:

не смотря на музыкальность итальянцевъ, почти всѣ пѣвцы ихъ гнусятъ, на подобіе грековъ.

По окончаніи пѣнія символа, начинается часть службы, называемая offeritorium, т. е. приношеніе. Аббатъ-діаконъ переноситъ съ столика, стоящаго съ правой стороны и ниже престола, на престолъ опресноки и вино. Если нѣтъ при большой миссѣ пѣвцовъ, а только одинъ органъ (что часто бываетъ), то органистъ тутъ начинаетъ разыгрывать (безъ словъ) все, что ему приходитъ на память, въ томъ числѣ иногда и извѣстные оперные мотивы. Тутъ является единственное во всей службѣ (и то только на большихъ миссахъ) кажденіе, совершаемое старшимъ священникомъ надъ самымъ престоломъ, послѣ чего онъ передаетъ кадило діакону, который кадитъ ему только (старшему) одному, при чемъ ни тотъ ни другой не преклоняютъ головы, но старшій только обращается при этомъ дѣйствиіемъ къ кадящему ему діакону. Мірянамъ же некадятъ вовсе; самый процессъ кажденія дѣлается иначе, чѣмъ у насъ: кадило держать обѣими руками и у кадящаго дѣйствуютъ однѣ кисти рукъ, между тѣмъ какъ локти почти не отдѣляются отъ корпуса.

Потомъ начинается умовеніе рукъ старшимъ священникомъ, надъ тазомъ, поддерживаемымъ вподіакономъ; при чемъ священнодѣйствующій читаетъ въ полу-слухъ слова 25 псалма: *Lavabo inter innocentes manus meas* (омыю въ неповинныхъ рукъ мои), до конца всего псалма: *in ecclesiis benedicam te, Domine* (въ церквахъ благословлю Тя, Господи). Затѣмъ, по прочтеніи тихой молитвы призыванія св. Троицы, онъ прикладываетъ къ престолу и, оборачиваясь къ народу, говоритъ: *orate, fratres* (молитесь, братіе); а ассистенты отвѣчаютъ: *suscipiat Dominus* (да благословитъ Господь принять отъ рукъ твоихъ жертву сію, для чести и славы Его имени, для нашей собственной пользы и для блага всей святой Его церкви). Священникъ отвѣчаетъ: *аминь*, и читаетъ про себя тайную молитву, по окончаніи которой возглашаетъ *нараспѣвъ*: *et per omnia saecula saeculorum* (и во вѣки вѣковъ). *Хоръ* съ органомъ отвѣчаетъ: *аминь*. *Священникъ*: *Dominus vobiscum* (Господь да пребудетъ съ вами). *Хоръ*: *et cum spiritu tuo* (и съ духомъ твоимъ). *Священникъ*: *sursum corda* (горя сердца). *Хоръ*: *Habemus ad Dominum* (Имамы ко Господу). *Священникъ*:

Gratias agamus Domino Deo nostro (Благодаримъ Господа Бога нашего). *Хоръ*: Dignum et justum est (Достойно и праведно есть) *). Священникъ продолжаетъ нараспѣвъ съ приподнятыми отъ локтей руками: Vere dignum et justum est, aequum et salutare и проч. Вотъ переводъ этой молитвы: „Во истину достойно и праведно есть, справедливо и спасительно намъ всегда и вездѣ приносить Тебѣ благодареніе, святыи Господи, Отче всемогущій, вѣчный Боже, о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, чрезъ Коего восхваляютъ величіе Твое ангелы, поклоняются владычества, трепещутъ власти (potestates), небеса и небесныя силы и блаженные Серафимы въ радостномъ соборѣ прославляютъ. Удостой, чтобы и наши голоса,—мы умоляемъ о томъ Тебя, соединились съ ними, въ смиренномъ исповѣданіи взывая...“ Здѣсь голосъ священника заглушается звономъ колокольчика и пѣніемъ съ органомъ побѣдной пѣсни: Sanctus, sanctus, sanctus Dominus Deus Sabaoth (Святъ, святъ, святъ Господи Савваоѣ). Между тѣмъ какъ священникъ доканчиваетъ ее тихимъ голосомъ, всѣ присутствующіе становятся на колѣни, если они до того были на ногахъ, а стоявшіе уже прежде на колѣняхъ—опускаютъ головы ниже.

Затѣмъ начинается, такъ называемый, Canon Missae, на которомъ совершается освященіе Даровъ. Извѣстно, что молитвы призванія Св. Духа предъ освященіемъ св. Даровъ у латинянъ не имѣется, что и составляло одинъ изъ упрековъ, сдѣланныхъ имъ греками на флорентинскомъ соборѣ. Священниковъ въ тихой молитвѣ просить, дабы Господь принялъ приносимыя Ему дары о мирѣ, единеніи и распространеніи св. церкви, молится за папу, за епископа, за всѣхъ предстоящихъ и правовѣрующихъ, почитающихъ память, во первыхъ, славной (gloriosae) Приснодѣвы Маріи, Матери Господа Бога нашего Иисуса Христа, блаженныхъ апостоловъ и мучениковъ, Петра и Павла, Андрея, Іакова, Іоанна, Ѳомы, Іакова, Филиппа, Бартоломея, Маттея, Симона и Ѳаддея, Лина, Клета, Климента, Ксеста, Корнелія, Кипріяна, Лаврентія, Хризогона, Іоанна и Павла, Козмы и Даміана и всѣхъ прочихъ святыхъ, съ коими мы соединены въ общеніи (unī sumus in communionē)

*) Подобное тождество съ нашимъ чиномъ доказываетъ глубокую древность этой части литургіи.

въ Томъ же Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ. Латиняно вѣруютъ, что св. Дары *пресуществляются* въ то время, когда священникъ произноситъ надъ опреснокомъ слова: ибо *сія есть тѣло Мое*, и надъ чашей: ибо *сія есть крови Моя*: Hoc est enim corpus meum (*сія бо есть тѣло мое*), я при чашѣ (для которой употребляется исключительно одно только бѣлое вино)—Hoc ist enim sanguis mea, sanguis novi testamenti qui pro vobis et multis effunditur in remissionem peccatorum (*сія бо есть кровь Моя, кровь новаго завѣта, яже за вы и за многія, и проч.*); слова эти произносятся не вслухъ. Не могу не замѣтить, что слова *ибо* (enim) не находится въ евангеліи. По благословеніи св. Даровъ, священникъ подымаетъ ихъ надъ своей головой, для поклоненія вѣрныхъ,—оба вида отдѣльно, одинъ за другимъ, при звукѣ колокольчика. Это у нихъ зовется *elevatio* (возвышеніе), при чемъ молящіеся опускаютъ головы ниже прежняго. Въмѣсто дѣйствительнаго *хлѣба* употребляется у латинянъ опресночный—*ostia*, или облатка, очень тонкая, изъ одной муки съ водою; на одной сторонѣ ея отпечатаны рельефомъ первыя буквы имени Иисуса Христа: I. X. Проскомидія у нихъ никакой нѣтъ. Затѣмъ, священникъ творитъ молитву объ усопшихъ вообще и объ иныхъ поименно, и проситъ, чтобы они были причислены къ сонму апостоловъ и мучениковъ и всѣхъ святыхъ. Вскорѣ послѣ сего, оканчивая тихую молитву, священникъ возглашаетъ: *Et per omnia saecula saeculorum* (и во вѣки вѣкомъ). Хоръ отвѣтствуетъ: *amen* (аминь). Послѣ того, священникъ *нараспѣвъ* произноситъ, такъ сказать, введеніе къ молитвѣ Господней: *Praeceptis salutaribus moniti et divina institutione formati, audemus dicere:—Pater noster, qui es in coelis...* (увѣщаемые душеспасительными наставленіями и научаемые божественнымъ учрежденіемъ, осмѣливаемся глаголатъ: *Отче нашъ, иже еси* и проч.) На словахъ: *et ne nos inducas in tentationem* (и не введи насъ во искушеніе), священникъ останавливается, а хоръ доканчиваетъ: *sed libera nos a malo* (во избави насъ отъ лукаваго); священникъ же отвѣчаетъ: *аминь*. Затѣмъ, онъ читаетъ еще тихую молитву, которую заключаетъ громкимъ возгласомъ; „и во вѣки вѣковъ.“—Хоръ: *аминь*. *Священникъ*: *Pax Domini est semper vobiscum* (миръ Господень да будетъ на всегда съ вами). Хоръ: *Et cum spiritu tuo* (и

со духомъ твоимъ). Въ это время священникъ даетъ лобзаніе мира подходящему къ нему діакону, тотъ тоже—подіакону, а послѣдній уходитъ къ клирикамъ, за перегородку позади престола, и имъ передаетъ это лобзаніе мира. Предъ причащеніемъ св. Тайнъ, священнодѣйствующій говоритъ три раза въ полуслухъ: *Agnus Dei, qui tollis peccata mundi, meserere nobis* (Агнецъ Божій, взявляй грѣхи міра, помилуй насъ), съ той разницею, что въ третій разъ, вмѣсто, „взявляй грѣхи міра, помилуй насъ“, онъ говоритъ: *Dona nobis pacem* (дай намъ миръ); а въ литургіи за усопшихъ, онъ говоритъ: *dona illis requiem aeternam* (дай имъ вѣчный покой). Передъ самымъ принятіемъ тѣла Господня, онъ говоритъ: *panem coelestem accipiam et nomen Domini invocabo* (хлѣбъ небесный приму и имя Господне призову); а затѣмъ провозноситъ три раза: *Domine non sum dignus, ut intres sub tectum meum, sed tantum dic verbo et sanabitur anima mea* (Господи, не достоинъ есмь, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой, но скажи одно слово, и душа изцѣлится), при чемъ ударяетъ себя всякій разъ въ грудь; затѣмъ, осѣняя себя крестомъ, самою освященною остіею, говоритъ: *Corpus Domini nostri Jesu Christi custodiat animam meam in vitam aeternam. Amen.* (Тѣло Господа нашего Іисуса Христа, да охранитъ душу мою на вѣчную жизнь. Аминь)*). Причастившись тѣломъ Господнимъ, онъ беретъ въ руки чашу и говоритъ: *Calicem salutaris accipiam et nomen Domini Invocabo; laudans invocabo Dominum et ab inimicis meis salvus ero* (чашу спасенія приму, имя Господне призову: хваля, призову Господа и отъ враговъ моихъ спасенъ буду), и потомъ: *Sanguis Domini nostri Jesu Christi custodiat animam meam etc.* (Кровь Господа нашего Іисуса Христа да охранитъ душу мою и пр.) Такимъ образомъ причащаются всѣ трое священнослужителей. Затѣмъ слѣдуютъ нѣкоторыя молитвы, читаемыя не въ слухъ, послѣ нѣкоторыхъ старшій священникъ, обращаясь къ предстоящимъ, говоритъ нараспѣвъ: *Dominus vobiscum* (Господь съ вами); хоръ отвѣчаетъ, какъ обыкновенно: *Et cum spiritu tuo* (и со духомъ твоимъ), а онъ продолжаетъ еще болѣе растянутымъ напѣвомъ: *ite missa est* (уходите:

*) Эта же самая формула употребляется священникомъ при причащеніи имъ мірянь, съ тою разницею, что вмѣсто словъ: «душу мою» онъ говоритъ: душу твою.

обѣдня кончилась). Нельзя не замѣтить всей сухости этого отпуска, особенно въ сравненіи съ нашимъ чиномъ. Хоръ отвѣчаетъ: *Deo gratias* (благодареніе Богу). Затѣмъ священникъ творитъ благословеніе предстоящимъ всею ладонью, не слагая пальцевъ, и провозноситъ: *Benedicatur vobis omnipotens Deus, Pater, Filius et Spiritus sanctus* (да благословитъ васъ Господь Отецъ, Сынъ и Святой Духъ). Хоръ отвѣчаетъ: „аминь“. (*) Служба всегда оканчивается чтеніемъ не нараспѣвъ старшимъ священникомъ начала 1-й главы евангелія отъ св. Іоанна, до 14-й стиха включительно: *plenum gratiae et veritatis* (исполньблагодати и истины), а при словахъ: *et Verbum carne factum est et habitavit inter nos* (и Слово плоть бы:ть и вселися въ ны),— всѣ трое опускаются мгновенно на одно колѣно. По прочтеніи евангелія, хоръ отвѣчаетъ: *Deo gratias* (благодареніе Богу); священники, надѣвъ на головы четырехугольныя черныя скуфы, спускаются съ ступеней престола и уходятъ разоблачаться въ ризницу (*sacristia*), унося съ собою священные сосуды, покрытые пеленою (они никогда не остаются на престолѣ). Исключеніе изъ сего дѣлается только для одного изъ многихъ престоловъ, гдѣ бываетъ причащеніе мірянъ (всегда не во время литургіи); въ срединѣ такого престола устроенъ кивотъ, вмѣщающій сосудъ съ священными остіями, или облатками, безъ вина; этотъ престолъ потому и зовется *Altare sanctissimi sacramenti* (престолъ пресвятыхъ таинъ).

Хотя у латинянъ и существуетъ богослуженіе, подъ названіемъ часовъ, съ раздѣленіями на 1, 3, 6 и 9, но они не читаются никогда предъ литургіей. Это чтеніе, также какъ и чинъ повечерія и утрени, исполняются въ разное время дня, и то не во всѣхъ царквахъ,—какъ о томъ будетъ изложено мною впоследствии.

Наканунъ праздника Рождества Христова, торжественная, или пѣтая литургія совершается ровно въ полночь; а на слѣдующее утро, въ самый день праздника, каждый

(*) Всѣ латинны творятъ крестное знаменіе также цѣлою ладонью, съ сжатыми вмѣстѣ пальцами, и слѣва направо. Вообще, они рѣдко осѣняются крестомъ,—почти только при входѣ и выходѣ изъ храма, а при началѣ чтенія всякаго евангелія они творятъ крестъ надъ лбомъ, ртомъ и на груди концемъ большаго пальца.

священникъ, совершающій малую (читанную) литургію, совершаетъ ее *три раза сряду безъ остановки*; міряне же обязаны выслушать въ этотъ день всѣ три литургіи.

И такъ; сравнивая латинскую миссу съ православною литургіей, находимъ, что сходство ихъ состоитъ въ томъ, что въ первой сохраненъ скудный остатокъ эктениі; что апостоль читается вподіакономъ, а евангеліе діакономъ, и предъ чтеніемъ послѣдняго поется: „Слава тебѣ, Господи!“; далѣе: читается сумволь вѣры, поется *достойно и святъ, святъ*,—тѣ же, что и у насъ, тайно читается молитва передъ освященіемъ Даровъ, подобная нашей, поется молитва Господня, бываетъ умовеніе рукъ священнодѣйствующимъ, при чемъ читается имъ тотъ же псаломъ какъ у насъ, а также лобзаніе мира, хотя оба эти дѣйствія (умовеніе и лобзаніе) не совпадаютъ съ нашимъ временемъ литургіи; творится моленіе объ усопшихъ, призываніе Богоматери, св. апостоловъ и мучениковъ; затѣмъ совершается причащеніе священнослужашихъ, за которымъ слѣдуетъ тотчасъ отпущъ и благословеніе. Вотъ и все, что напоминаетъ у латинянъ православную литургію.

Касательно же литургіи преждеосвященныхъ Даровъ, мнѣ помнится, что она совершается у латинянъ одинъ только разъ въ году, и то (странное обстоятельство) въ тотъ именно день, когда у насъ не бываетъ никакой литургіи, т. е. въ великую пятницу. Для этого у нихъ употребляется остія, освященная на миссѣ великаго четверга, которая во весь тотъ день выставляется для поклоненій вѣрныхъ въ маленькой закрытой дарохранительницѣ, поставленная высоко надъ престоломъ, окруженная сотнями свѣчей и обставленная свѣжими цвѣтами и зеленью (зрѣлище, дѣйствительно, трогательное); при этомъ всѣ окна храма завѣшиваются, такъ что только свѣчи, стоящія на престолѣ, освѣщаютъ всю почти церковь. Міряне же въ этотъ день обязаны посѣтить семь церквей, для подобнаго поклоненія.

При началѣ литургіи великаго пятка поется тоекратно: Sanctus Deus, Santus fortis, Sanctus immortalis, miserege nobis (Святый Боже, Святый крѣпкій и проч.); помнится мнѣ, что кромѣ этого дня эта пѣснь *накогда болѣе у нихъ не встрѣчается въ богослуженіи.*

Сохранившіяся у латинянъ нѣкоторыя молитвы, слова

и названія, чисто греческія, мною вышеупомнутыя и другія, очевидно показываютъ, что латинскій чинъ богослуженія первоначально заимствованъ отъ восточной церкви.

Во время полу-пасхальной литургіи великой субботы, священнодѣйствующіе на оной не переоблачаются изъ черныхъ ризъ въ свѣтлыя предъ чтеніемъ евангелія, какъ у насъ, а дѣлаютъ это раньше, именно когда приходитъ время запѣть: *Gloria in excelsis* (Слава въ вышнихъ Богу); въ это утро раскрываются всѣ, завѣшанныя съ перваго недѣли Страстей Господнихъ, картины, подсвѣчники и прочія церковныя украшенія. Вообще, все богослуженіе у нихъ какъ-то отзывается театральной обстановкой.

Начавъ эту статью дороримъ для всѣхъ насъ воспоминаніемъ о великомъ московскомъ свѣтилѣ, желаю и кончить ее изложеніемъ его мнѣнія о западной церкви вообще. Тому три года, когда я имѣлъ счастье въ послѣдній разъ посѣтить его, увлекшись въ разговорѣ мыслію о догматическихъ и другихъ заблужденіяхъ, бывшихъ причиною отступленія латинянъ отъ вселенской церкви, — я воскликнулъ: „преосвященный владыко! ужъ какъ вамъ угодно, а по моимъ понятіямъ весь этотъ рядъ измѣненій и отступленій составляетъ въ совокупности чистую ересь“. „Нѣтъ“, — отвѣтствовалъ онъ мнѣ своимъ тихимъ, до глубины души доходящимъ, голосомъ, — „нѣтъ, вы, слишкомъ ужъ далеко заходите. Хотя, точно, все это, о чемъ вы говорили, — разницы и неправильныя отступленія съ ихъ стороны; однако тѣмъ не менѣе, римская церковь все-таки признается у насъ апостольскою“. Я привожу эти слова какъ доказательство противъ слышаннаго мною въ обществѣ мнѣнія, что православіе болѣе подходитъ къ протестантизму, чѣмъ къ римскому католицизму. Нѣтъ, не можетъ наша церковь быть близкою къ такому исповѣданію, которымъ отвергнуто таинство священства и извращено ученіе о таинствѣ св. Евхаристіи (*).

Графъ Михаилъ Бутурлинъ.

(*) Продолженіе этой статьи, или подобныхъ ей — общаю.

ВЕРЖАНІЕ 12-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1867 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

В. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.—1) **Вушчая вѣрность** на одну уволоку земли, выданная княземъ Федоромъ Ивановичемъ Массальскимъ священнику олексицкой церкви Парасену Федоровичу, 1585 г. Стр. 51.—2) **Дѣлешная сдѣлка** между Иваномъ и Крештофомъ Тышкевичами, въ которой упоминается о православной церкви и сподобъ ея поддержаніи. 1609 г. Стр. 57.—3) **Выписи** изъ полоцкихъ ратушнхъ книгъ королевскихъ указовъ противъ не-унитовъ: I) чтобы православнаго епископа Смотрицкаго не выпускали въ Полоцкъ; II) Какія монастыри должны оставаться за уніатами; III) Никому высшія должности не должны быть даваемы безъ митрополита и IV) Православные не смѣютъ строить и починять церкви, совершать публично богослуженіе и церковныя требы. Стр. 63.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

ИСТОРИЯ ИКОНЫ ОСТРОБРАМСКОЙ БОГОРОДИЦЫ. Стр. 99. **Ш. Козловскаго,** **СОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ФИЛАРЕТЪ,** митрополитъ московскій и коломенскій. Стр. 126.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

ОТГНАДЛЬНЫЯ ПИСЬМА (окончаніе). Стр. 37.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

АЙЛО, историческій романъ въ 4-хъ частяхъ (продолженіе). Часть 1-я, глава 1-я. Керново. **С. Казукина.** Стр. 134.

ПОМИНАНИЕ О НЕДАВНОМЪ ПРОШЛОМЪ, картина изъ еврейскаго быта (окончаніе). **Вліяніе хедера.** Л. **Мешуга.** Стр. 165.

СЪЕМА ИЗЪ ПОДЛЯСЬЯ (окончаніе). Стр. 195.

ВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.—**Собраніе** слонимскаго церковнаго братства. Стр. 213.—**Мѣстечко** Беадѣжъ (окончаніе) Стр. 219.—**Хелменскій** греко-уніатскій мѣсяцесловъ на 1868 годъ. Стр. 224.—**Очерки** нѣкоторыхъ взрваній и обрядовъ престопа�одья въ юго западномъ краѣ. Стр. 229.—**Черты** изъ жмудской народности. Стр. 238.—**О латинскомъ** богослужебномъ чинѣ сравнительно съ православнымъ. Стр. 247

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ на 1868 годъ **выходить** въ январь мѣсяца, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ *Вильнѣ*,—въ редакціи журнала и въ книжномъ магазинѣ *И. Феннера*, б. Сеньковского. Въ *С.-Петербургѣ*,—у комиссiонера „Вѣстника“, книгопродавца *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ, у Казанскаго моста, въ домѣ Ольхиной. Въ *Москвѣ*,—у такогoжъ комиссiонера, книгопродавца *А. Н. Тетонтова*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца г. *Черемна*. Въ *Варшавѣ*,—у книгопродавца г. *Кожанчикова*. Въ *Вильнѣ*,—въ книжномъ магазинѣ *Косогорова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Имперіи.

ЦѢНА „ВѢСТНИКА“ ЗА ГОДЪ:

(за 12-ть книжекъ).

Для жителей *Вильны*, безъ доставки 6 р. 50 к., съ доставкою въ домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города Имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала: „Вѣстникъ западной Россіи“, въ *Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: редактору-издателю „Вѣстника“ Кеенофонту Антоновичу **Говорскому**, въ *Вильну*.

Для желающихъ выписать „Вѣстникъ“ за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за 18⁶²/₆₃ годъ, для жителей *Вильны* по 5 р., для иногородныхъ по 6 руб.; за 18⁶³/₆₄ годъ—для первыхъ по 6 руб. 50 к., для послѣднихъ по 7 руб., за 18⁶⁴/₆₅, 18⁶⁵/₆₆ и 18⁶⁶/₆₇ годы—для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 к. Для выписывающихъ „Вѣстникъ“ за *истекшіе* годы не дѣлается 10-ти экземпляровъ дѣлается 5% уступки въ цѣнѣ, не болѣе 25,—10%,—50,—15%,—100,—20%.

Редакторъ-издатель **В. Говорскій**.

СОДЕРЖАНИЕ 12-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 1867 ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

№ 18. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.—1) **Купчая крѣпость** на одну уволокѣ земли, выданная княземъ Федоромъ Ивановичемъ Массальскимъ священнику олексицкой церкви Парфею Федоровичу, 1585 г. Стр. 51.—2) **Дѣлениая сдѣлка** между Иваномъ и Кривошею Тышкевичами, въ которой упоминается о православной церкви и ея поддержаніи, 1609 г. Стр. 57.—3) **Вышепись** изъ полоцкихъ разувъ вышъ книгъ королевскихъ указовъ противъ не-уштовъ: I) чтобы православная епископа Смотрицкаго не выпускали въ Полоцкъ; II) Какіи монастыри должны оставаться за уніатами; III) Никому высшій должности не должны быть даваемы безъ митрополита и IV) Православные не смѣютъ строить и починять церкви совершать публично богослуженіе и церковныя требы, Стр. 63.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

ИСТОРИЯ ИКОНЫ ОСТРОБРАМСКОЙ БОГОРОДИЦЫ. Стр. 99. **И. Козловскаго.**
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ФИЛАГЕТЪ, митрополитъ московскій и коломенскій Стр. 126.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

ОРИГИНАЛЬНЫЯ ПИСЬМА (окончаніе). Стр. 37.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

ЯГАЙЛО, историческій романъ въ 4-хъ частяхъ (продолженіе). Часть 1-я, глава 1-я Керново. **С. Казукина.** Стр. 134.

ВСПОМИНАНІЕ О НЕДАВНОМЪ ПРОШЛОМЪ, картина изъ еврейскаго быта (окончаніе) *Валііе хедера.* **Л. Кокуста.** Стр. 165.

ПИСЬМА ИЗЪ ПОДЛЯСЬЯ (окончаніе). Стр. 195.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.—**Собраніе** слонимскаго церковнаго братства. Стр. 213.—**Мѣстечко** Бездѣжъ (окончаніе) Стр. 219.—**Холменскій** греко-уніатскій мѣсяцесловъ на 1868 годъ. Стр. 224.—**Очерки** некоторыхъ вѣрованій и обрядовъ простонародья въ юго-западномъ краѣ. Стр. 229.—**Черты** изъ жмудской народности. Стр. 238.—**Флатинскомъ** богослуженіемъ чини сравнительно съ православнымъ. Стр. 247

APR 19 1933

